

Сатсварупа дас Госвами

ПРАБХУПАДА ЛИЛАМРИТА

Биография Его Божественной Милости
А. Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады

ачарьи-основателя Международного общества сознания Кришны

ТОМ ПЕРВЫЙ

Annotation

Подробная биография А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады (1896 — 1977), выдающегося религиозного деятеля и философа, познакомившего западный мир с древней духовной традицией *бхакти*, которая испокон веков являлась краеугольным камнем индийской духовности. Для широкого круга читателей.

- [Прабхупада-лиламрита. Том 1. Гл. 1-21](#)
- [О книге](#)
- [Предисловие](#)
- [Благодарность](#)
- [Введение](#)
- [Вступительная молитва](#)
- [1 Детство](#)
- [2 Колледж, женитьба и движение Ганди](#)
- [3 Удивительный святой](#)
- [4 «Чем я могу служить вам?»](#)
- [5 Война](#)
- [6 Неизвестный друг](#)
- [7 Джханси: Лига преданных](#)
- [8 Нью-Дели — «Глас вопиющего в пустыне»](#)
- [9 Житель Вриндавана](#)
- [10 «Этот решающий час испытаний»](#)
- [11 Мечты сбываются](#)
- [12 Путешествие в Америку](#)
- [13 Батлер \(Пенсильвания\): первое знакомство с Америкой](#)
- [14 Борьба в одиночку](#)
- [15 «Мы не сможем Вам помочь»](#)
- [16 Долгожданная возможность проповедовать](#)
- [17 На Бауэри](#)
- [18 Подготовка почвы](#)
- [19 Так проростало семя](#)
- [20 «Вечный кайф»](#)
- [21 За пределами Нижнего Ист-Сайда](#)
- [Приложения](#)
 - [Предисловие к первому изданию «Прабхупада-лиламриты» — том первый \(главы 1-11\).](#)
 - [Предисловие к первому изданию «Прабхупада-лиламриты» — том второй \(главы 12-21\).](#)
 - [Основные события жизни Шрилы Прабхупады в период с 1896 по 1966 г.](#)

- [Литературные труды Шрилы Прабхупады до 1965 года](#)
- [Молитва лотосным стопам Кришны](#)
- [Маркине бхагавата-дхарма](#)
- [Словарь имен и терминов](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)

Прабхупада-лиламрита. Том 1. Гл. 1-21

ЕС Сатсварупа дас Госвами

Эта книга повествует о выдающемся человеке и его удивительном подвиге. Этот человек — А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада, философ, ученый, духовный лидер, святой; подвиг же его заключается в том, что впервые в мировой истории ему удалось пересадить на западную почву неподвластную времени духовную культуру Древней Индии.

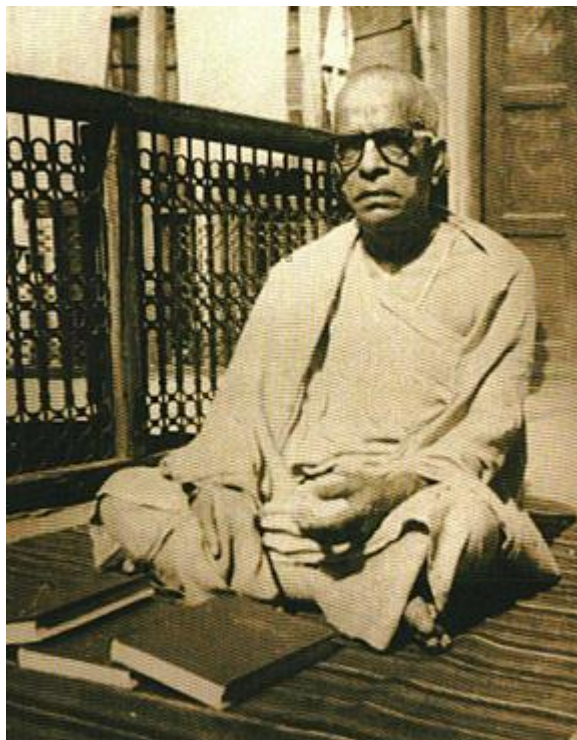
Первый том «Прабхупада-лиламриты» начинается с описания событий, которые привели к встрече Шрилы Прабхупады с его будущим духовным учителем. Именно эта встреча заронила в его сердце искру желания познакомить западный мир с сознанием Кришны. Первая половина его жизни была временем подготовки к выполнению этой миссии, временем долгой и упорной борьбы, которая в конце концов увенчалась грандиозным успехом.

В августе-сентябре 1965 года Шрила Прабхупада с восемью долларами в кармане и без всякой поддержки, но с твердой верой в Господа Кришну и наставления духовного учителя в одиночку отправился на грузовом судне в Нью-Йорк. Шестидесятые годы двадцатого столетия были временем, когда дети сражавшихся во Второй мировой войне активно протестовали против общества, утратившего духовные ориентиры и навязывающего людям идеалы безудержного потребления. Именно в эту среду Шрила Прабхупада принес идею о новом обществе — обществе, которое возникнет в результате возвышения человеческого сознания с уровня грубого материализма до уровня чистой духовной философии и этики.

Тысячи часов интервью с сотнями людей, лично знавших Шрилу Прабхупаду, дневники и воспоминания его учеников, свыше семи тысяч писем самого Прабхупады — таков результат поисков, проведенных исследовательской группой под руководством автора этой книги. Впоследствии все эти материалы были тщательно изучены и обработаны и легли в основу повествования, живо и рельефно изображающего одного из самых выдающихся людей нашего времени.

Сатсварупа дас Госвами — один из первых американских последователей Шрилы Прабхупады, автор множества книг, посвященных сознанию Кришны.

«Эта биография открывает нам удивительные личные качества Шрилы Прабхупады: его нравственную силу, неподдельное смирение и глубокую религиозность... Мы убеждаемся в том, что сама жизнь Шрилы Прабхупады была воплощением того идеала, к которому он призывал других стремиться. В эпоху всеобщего лицемерия и цинизма его жизнь представляет собой редкий пример для подражания, столь необходимый каждому из нас».

*Доктор Дж. Стиллсон Джудах,
заслуженный профессор,
преподаватель истории религии в Тихоокеанском теологическом
колледже*

Предисловие

После ухода Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады из этого мира 14 ноября 1977 года многие из его учеников ощутили потребность в его официальной биографии. Ответственность за реализацию этого проекта была возложена на Руководящий совет Международного общества сознания Кришны (Джи-би-си). На одной из своих ежегодных встреч, в 1978 году, Джи-би-си вынес резолюцию о составлении такой биографии. Выполнить эту задачу поручили мне.

В соответствии с вайшнавской традицией человек, прежде чем приступить к написанию книги на духовную тему, должен получить благословение духовного учителя и Кришны. Удачный пример в связи с этим — Кришнадас Кавираджа Госвами, автор «Шри Чайтанья-чаритамриты», авторитетной биографии Господа Чайтаньи Махапрабху. Кришнадас Кавираджа пишет:

Во Вриндаване было много и других великих преданных, которые хотели услышать о заключительных играх Господа Чайтаньи.

Все эти преданные милостиво повелели мне описать заключительные игры Шри Чайтаньи Махапрабху. Только по их указанию я, не устыдившись, принялся писать «Чайтанья-чаритамриту».

Получив наказ вайшнавов, но чувствуя в сердце беспокойство, я пошел в храм Мадана-Мохана во Вриндаване, чтобы испросить и Его позволение.

Называя «Прабхупада-лиламриту» «официальной биографией», мы не имеем в виду, что перед нами «парадный портрет», глянцевая картинка, нарисованная по указке сверху. Напротив, эта книга — авторитетный труд, выполненный человеком, который следует наставлениям Кришны и гуру, полученным по цепи ученической преемственности. «Прабхупада-лиламрита» — не обычная мирская биография, полная домыслов. Мирскому биографу не под силу осознать величие и значимость жизни чистого преданного Господа. Если бы обычный, мирской писатель взялся «объективно» исследовать жизнь Шрилы Прабхупады, скрытый смысл ее ускользнул бы от его понимания. Задумай он снисходительно прославить главного героя, то не знал бы как. Но «Прабхупада-лиламрита» написана в соответствии с духовной традицией и потому может дать внимательному читателю подлинный портрет Шрилы Прабхупады.

Еще одно серьезное основание достоверности «Прабхупада-лиламриты» — огромный объем тщательно изученной информации в каждом ее томе. Старшие преданные Движения сознания Кришны не только дали мне разрешение на написание книги, но и обратились к вайшнавам всего мира с

просьбой оказать мне содействие в сборе информации о жизни и личности Шрилы Прабхупады. «Бхактиведанта бук траст», издательство, основанное Шрилой Прабхупадой, обеспечило мне доступ к собранию его писем, насчитывающему в общей сложности около семи тысяч единиц. Кроме того, множество учеников Прабхупады дали интервью, поделились воспоминаниями о встречах со своим духовным учителем, предоставили дневниковые записи. Помимо учеников, мы опросили множество людей самых разных профессий — тех, кто общался с ним за годы его жизни. Итогом этого стал яркий и подробный портрет Шрилы Прабхупады, составленный по рассказам людей, знавших его в различных ситуациях и в разные периоды его жизни. В специальном разделе этой книги мы выражаем признательность тем, кто содействовал выходу в свет «Прабхупада-лиламриты».

Должен признаться, что, несмотря на все благословения старших и поддержку множества доброжелателей, я в попытке прославить нашего духовного учителя, Его Божественную Милость А.Ч. Бхактиведанту Свами Прабхупаду, подобен маленькой птичке, пытающейся клювом вычерпать океан. Нарисованный мною портрет Шрилы Прабхупады способен дать лишь некоторое представление о его безграничном сострадании. И даже это я сумел передать только по милости гуру и Кришны.

Сатсварупа дас Госвами

Благодарность

Я хотел бы выразить свою признательность тем, кто помог мне составить эту биографию Шрилы Прабхупады. Вот имена преданных, которых бы особенно хотелось поблагодарить:

Аграхья дас
Арундхати-деви даси
Ачарья-деви даси
Ашта-сакхи-деви даси
Баладева Видьябхушана дас
Балай-деви даси
Барадраджа дас
Бимала-деви даси
Брахма-Сампрадая-деви даси
Брихад-Мриданга дас
Бхакти-Марга-деви даси
Бхакти-Чару Свами
Видьянанда дас
Вишакха-деви даси
Гаура-Пурнима дас
Гопипаранадхана дас
Дасьяраса-деви даси
Джагадишвари-деви даси
Джагат-Карана даси
Джадурани-деви даси
Джаядвайта Свами
Джаяпатака Свами
Джита-Шакти-деви даси
Диргха-деви даси
Духкхахантри-деви даси
Дхрити-деви даси
Дхриштaketу дас
Киртана-Раса дас
Кришна-Гопала дас
Кришна-Снеха дас
Кундали дас
Кушакратха дас
Кшама-деви даси
Мамата-деви даси
Мандалешвара дас
Мукунда Госвами

Нагараджа дас
Нарада Риши дас
Нараяни-деви даси
Нитья-Трипта-деви даси
Парама-Рупа дас
Парикшит дас
Патита-Павана дас
Пранада-деви даси
Пурначандра-деви даси
Раджендранатха дас
Радхаваллабха дас
Рамадас-Абхирама дас
Рамешвара дас
Рикшараджа дас
Рукмини-деви даси
Садхана-Сиддхи дас
Сантоша дас
Сарвабхавана дас
Симхешвара дас
Сита-деви даси
Субхадра-деви даси
Сурешвара дас
Теджас дас
Шеша дас
Шриканта дас
Эканатха дас
Ядубара дас
Ямараджа дас

Введение

С раннего детства Шрила Прабхупада поклонялся Господу Кришне как Верховной Личности Бога, источнику всего сущего. Начиная с двадцати пяти лет, после первой встречи со своим духовным учителем. Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати Тхакурom, Шрила Прабхупада уделял все больше времени проповеди учения Господа Кришны.

В первой книге «Прабхупада-лиламриты» мы читаем, как Шрила Прабхупада в одиночку трудился над изданием журнала «Бэк ту Годхед»: сам печатал текст на пишущей машинке, сам редактировал его, ходил в типографию, а затем распространял журналы на улицах Нью-Дели. Работая в Джханси, в Индии, Прабхупада собрал вокруг себя несколько человек, на время ставших его последователями, и создал Лигу преданных. Это была его первая попытка воплотить свою мечту — привлечь представителей разных народов, рас и слоев общества к служению Господу Кришне, Верховной Личности Бога.

Приехав в Америку в 1965 году, Шрила Прабхупада по-прежнему был одинок, но оставался преисполненным веры в Господа и твердой решимости принести западному миру сознание Кришны, исполнив тем самым желание своего духовного учителя и осуществив пророчества священных писаний и великих мудрецов прошлого. К нему примкнули юноши и девушки из нью-йоркского Нижнего Ист-Сайда, привлеченные не столько ведической культурой, сколько самим «Свамиджи» и его пением «Харе Кришна». Так с магазинчика на первом этаже одного из нью-йоркских домов началось всемирное Движение сознания Кришны.

Хотя наука сознания Кришны существует с незапамятных времен и изложена в древних санскритских текстах Вед, являясь истоком и сутью всех форм религии, до того как Шрила Прабхупада начал свою проповедь, сознание Кришны в своей первозданной чистоте было знакомо лишь очень немногим. В основополагающем и наиболее известном произведении ведической литературы, «Бхагавад-гите», Господь Кришна говорит о Себе как о Верховной Личности Бога, добавляя, что, только посвятив свою жизнь любовному служению Ему, человек может понять, что есть истинные религия, знание и деятельность. Лишь безраздельная преданность Всевышнему может даровать человеку свободу от законов кармы и вывести его из круговорота повторяющихся рождений и смертей.

Шрила Прабхупада был убежден, что истинная цель жизни человека — преданное служение Господу Кришне, а вовлечение других в преданное служение Богу было, по его мнению, наивысшей формой благотворительной деятельности. Непокколебимая вера в это вдохновляла его путешествовать и проповедовать от имени духовного учителя и Кришны.

Одной из причин успеха Шрилы Прабхупады в деле распространения сознания Кришны явилось то, что он был уполномочен на это Самим Господом, Верховной Личностью Бога. В «Чайтанья-чаритамрите» сказано: *кали-калера дхарма — кршна-нама-санкиртана / кршна-шакти вина нахе тара правартана* — «В век Кали основополагающим религиозным принципом является повторение святых имен Господа. Тот, кого Кришна не наделил особым могуществом, не сможет распространить в мире движение *санкиртаны*». Но хотя Шрила Прабхупада был уполномочен Самим Господом, нельзя сказать, что успех пришел к нему быстро и сам собой, по чудесному промыслу Бога. История жизни Шрилы Прабхупады — это история долгой и трудной борьбы за исполнение наставлений духовного учителя. Успех пришел ценой огромных усилий и веры.

С материальной точки зрения объяснить деятельность Шрилы Прабхупады невозможно. Он был истинным *махатмой*, — таким, какими их описывает Кришна в «Бхагавад-гите»: «*Махатмы* находятся под покровительством Моей внутренней энергии». Распространяя сознание Кришны, Шрила Прабхупада вовсе не был религиозным сектантом, цель которого — увеличить свою паству; его работа над книгами, его поездки и проповедь были исполнены чистой преданности Господу Кришне, а потому трансцендентны.

Сам Кришна, как считал Шрила Прабхупада, посылал ему плоды этого.

Господь Чайтанья говорил:

пртхивите ачхе йата нагаради грама

сарватра прачара хаубе мора нама

«Мое имя будет звучать в каждом городе и деревне». Эти слова, произнесенные Самим Господом Чайтаньей, несомненно, правдивы: предсказание Господа должно исполниться. Но многие Гаудия-вайшнавцы, даже в недалеком прошлом (как, например, ученики Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Госвами), не знали, как понимать это пророчество. Имя Господа Чайтаньи в каждом городе и деревне? Возможно, это аллегория? Ведь совершенно очевидно, что американцы, европейцы, африканцы, полинезийцы, монголы и т.д. никогда не станут вайшнавами. Одним словом, предсказание Господа Чайтаньи дало обильную пищу для всевозможных догадок.

Но Шрила Прабхупада действовал по указанию своего духовного учителя, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, который велел ему проповедовать сознание Кришны за пределами Индии. В 1965 году он совершил свой подвиг: покинул Индию, пересек Атлантический океан и будучи совершенно один приступил к созданию Международного общества сознания Кришны в Нью-Йорке.

В этом томе рассказывается о годах борьбы и о том, как Шриле Прабхупаде удалось достичь воплощения своей мечты. Я приглашаю читателя насладиться этим повествованием. «Прабхупада-лиламрита» — история успеха, история о том, кто начинал свое дело в одиночку, не имея за душой ни

гроша, но чье Движение, литературная деятельность и личная жизнь оставили в мире удивительный, неизгладимый след. Читая об этих годах жизни Шрилы Прабхупады, мы сможем оценить, насколько возвышенным и смиренным он был.

Я не способен рассказать о Шриле Прабхупаде исчерпывающе. Поэтому я составил обращение, молясь о том, чтобы мне было позволено поведать эту историю исключительно с духовной точки зрения — иначе книга будет малопонятной и весь мой труд окажется бесполезным. Когда рассказ о жизни чистого преданного составлен должным образом, он несет величайшую радость и благо читателям.

Вступительная молитва

По мнению Кришнадаса Кавираджи Госвами, вступительная молитва должна состоять из трех частей: в ней указывают предмет повествования, благословляют читателя и выражают почтение.

Я в почтении склоняюсь перед своим вечным духовным учителем Его Божественной Милостью А.Ч. Бхактиведантой Свами Прабхупадой, служение которому для меня дороже самой жизни. Желая порадовать его своим служением, я подношу ему написанную мною «Прабхупада-лиламриту». Проповедуя сознание Кришны, он благословил этим целый мир, а потому он лучший друг человечества и всех живых существ. Он — могущественный *ачарья*, раздающий чистую любовь к Богу и проповедующий миссию Господа Чайтаньи в строгом соответствии с принципами ученической преемственности. Никому до него не удавалось так широко распространить сознание Кришны. Молю, чтобы он позволил мне преодолеть трудности, связанные с изданием его биографии, и был доволен результатом. Я убежден, что его благими пожеланиями моя работа будет успешной. Если же он останется недоволен, я не смогу написать ничего достойного.

Склоняясь перед своим духовным учителем, я выражаю почтение и всем другим *ачарьям* в цепи ученической преемственности, от Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура — духовного учителя Шрилы Прабхупады — до шести Госвами, Господа Чайтаньи и Самого Господа Кришны. Только по милости Шрилы Прабхупады я имею возможность прийти в храм и склониться к лотосным стопам Гауры-Нитая, Кришны-Баларамы и Радхи-Шьямасундары и снискать Их милость.

Одна из целей «Прабхупада-лиламриты» — дать людям возможность посмотреть на жизнь и учение Шрилы Прабхупады с трансцендентной точки зрения. Ошибкой было бы изобразить его обычным человеком, подвластным *гунам* материальной природы. Шрила Прабхупада — чистый преданный, уполномоченный на свое служение Самим Господом. Он был послан в этот мир, чтобы принести сознание Кришны людям всех наций, сословий и вероисповеданий и тем самым предоставить возможность каждому стать чистым преданным и вернуться обратно к Богу.

Другая цель этой книги — рассказать о Шриле Прабхупаде лидерам общества и другим влиятельным людям, чтобы они смогли оценить и полюбить его. Эта биография должна быть правдивой и информативной, а также верно излагать духовную науку. Она должна увлечь и порадовать читателя, просветить и удовлетворить его, а кроме того — вдохновить на чтение книг Шрилы Прабхупады. Но свою главную задачу я вижу в том, чтобы побудить человека служить Его Божественной Милости Шриле Прабхупаде.

Хотя, согласно канонам, во вступительной молитве принято давать благословения читателям, я совершенно недостоин благословлять кого бы то ни было. Но могу точно сказать, что, знакомясь с жизнью и учением Шрилы Прабхупады, люди быстро обретут милость Кришны, ибо обрести милость Кришны можно только по милости чистого преданного. Читая «Прабхупада-лиламриту», те, кто общался со Шрилой Прабхупадой и служил ему, вспомнят былые дни и почувствуют духовный экстаз, как если бы снова вернулись к личному служению своему духовному учителю. Те, кто никогда не встречался со Шрилой Прабхупадой лично, тоже получают благословение, ибо, согласно ведическим писаниям, даже мимолетное общение с чистым преданным способно сделать жизнь человека совершенной. Читать «Прабхупада-лиламриту» означает общаться со Шрилой Прабхупадой посредством слушания — одного из методов преданного служения. Поэтому, хотя сам я неспособен одарить благословениями своих читателей, моя книга сделает это за меня, обратив сердца людей к Шриле Прабхупаде.

Произнося эту вступительную молитву — предлагая поклоны, рассказывая о своих целях и раздавая благословения, — я по-прежнему чувствую себя падшим и безгласным и склоняюсь к лотосным стопам своего Гуру Махараджи, ожидая его милости. Ведь только по его милости этот никчемный писатель и недостойный преданный может обрести способность говорить.

Дорогой Шрила Прабхупада, дорогой Господь Кришна! Если вы считаете, что можно доверить этот труд мне, позвольте мне взяться за него. Мир нуждается в трансцендентных литературных произведениях, подобных этому, ибо люди в Кали-югу пребывают в плачевном состоянии духовной слепоты, не представляя, какое облегчение приносит служение чистому преданному. Преданные Господа и многие искренние последователи Шрилы Прабхупады горят желанием увидеть эту книгу. Они хотели бы все больше и больше слушать о деяниях Шрилы Прабхупады и его наставлениях. Но эти деяния и наставления должны быть описаны подобающим образом, чтобы другие люди тоже захотели присоединиться к вайшнавам в исполненном любви и преданности служении гуру и Гауранге.

Дорогой Шрила Прабхупада, я знаю, что должен изрядно потрудиться над своей книгой, и обещаю, что сделаю это. Однако вся моя работа будет лишь пустым сочинительством, пока Вы не войдете в эти слова и не одухотворите их своей трансцендентной энергией.

Сатсварупа дас Госвами

1 Детство

Бывало, мы спим, а отец проводит арати. «Динь-динь-динь», — мы слышали звон колокольчика, просыпались и видели, как отец склоняется перед Кришной.

— Шрила Прабхупада

ШЕЛ ДЖАНМАШТАМИ, ежегодный праздник, который вот уже пять тысяч лет отмечается в день явления Господа Кришны. Толпы людей — в основном индусы-бенгальцы, но, кроме того, и множество мусульман, и даже англичане — стекались по улицам Калькутты в храмы Господа Кришны. Искренние вайшнавцы до полуночи постились, пели «Харе Кришна» и слушали чтение тех глав из «Шримад-Бхагаватам», где рассказывается о рождении и деяниях Господа Кришны. Пост, пение и поклонение продолжались всю ночь.

На следующий день, 1 сентября 1896 года, в небольшом доме в Топлигандже, пригороде Калькутты, родился мальчик. Поскольку это произошло в Нандотсаву — день, когда Махараджа Нанда устроил праздник по случаю рождения Кришны, — дядя мальчика назвал его Нандулалом. Но отец ребенка, Гоур Мохан Де, и мать, Раджани, дали ему имя Абхай Чаран, что значит «тот, кто нашел прибежище у лотосных стоп Кришны и благодаря этому обрел бесстрашие». В соответствии с бенгальской традицией, мать незадолго до родов перешла в дом своих родителей. И вот там-то, в нескольких километрах от дома своего отца, на берегу Ади-Ганги, в маленьком двухкомнатном глинобитном домике с черепичной крышей, под хлебным деревом, и появился на свет Абхай Чаран. Через несколько дней родители вернулись с новорожденным в свой дом на Харрисон-Роуд, 151.

Астролог составил гороскоп ребенка, и вся семья с огромной радостью услышала его предсказание: «Когда Абхаю исполнится семьдесят лет, он пересечет океан, станет великим религиозным деятелем и откроет множество храмов».

* * *

В те времена, когда родился Абхай Чаран, Индия находилась под властью викторианской Англии. Калькутта была столицей Индии, резиденцией вице-короля — графа Эльгинского и Кинкардинского — и «вторым городом» Британской империи. Европейцы и индийцы жили отдельно, хотя иногда их интересы пересекались в сфере бизнеса и в области образования. Британцы жили главным образом в центре Калькутты, среди своих театров, ипподромов, площадок для игры в крикет и красивых европейских зданий. Индийцы же селились преимущественно в северных районах города. Многие из них были

против британского правления и хранили верность своей традиционной религии и культуре. Мужчины здесь носили *дхоти*, а женщины — сари.

Родной дом Абхая на Харрисон-Роуд, 151, находился в «индийском» районе Калькутты. Отец Абхая, Гоур Мохан Де, торговал тканями. Это был купец среднего достатка, принадлежавший к аристократическому торговому сословию *суварна-ваник*. Также он состоял в родстве с богатой семьей Малликов, которые на протяжении, должно быть, уже двух сотен лет торговали с англичанами золотом и солью. Когда-то Маллики принадлежали к семейству Де из Гаутама-готры (рода, берущего начало от древнего мудреца Гаутамы), но во время правления Моголов, еще до завоевания Индии британцами, один мусульманский правитель пожаловал богатой и влиятельной ветви Де титул «Маллик» («господин»). Затем, несколько поколений спустя, девушка из семьи Де вышла замуж за одного из Малликов, и с тех пор обе семьи продолжали поддерживать тесные родственные отношения.

Целый квартал застроенных участков по обе стороны Харрисон-Роуд принадлежал Локанатху Маллику. Гоур Мохан со своей семьей занимал несколько комнат трехэтажного здания, которым владел Маллик. Напротив дома Де находился храм Радхи-Говинды, в котором на протяжении последних ста пятидесяти лет Маллики поклонялись Божествам Радхи и Кришны. У Малликов было несколько магазинов, и часть приносимого ими дохода шла на поддержание Божеств и священнослужителей, совершавших поклонение. Каждое утро, перед завтраком, семья Малликов посещала храм, чтобы увидеть Божества Радхи-Говинды. На большом подносе они предлагали Божествам вареный рис, *качори* и овощи, а после этого раздавали *прасад* прихожанам — жителям соседних домов.

Среди ежедневных посетителей храма был и Абхай Чаран, который приходил туда с матерью, отцом или слугой.

Шрила Прабхупада: *Нас обычно привозили в одной коляске с Сиддхешваром Малликом. Он называл меня Моти («жемчужина»), а его прозвище было Субида. Слуга всегда возил нас вместе. Если в какой-то день я не появлялся, мой друг просто сходил с ума. Без меня он даже отказывался садиться в коляску. Мы никогда с ним не разлучались.*

* * *

Пока слуга катил детскую коляску по широкой Харрисон-Роуд, лавируя между велосипедами и конными экипажами, дети глядели в ясное небо, рассматривая высокие деревья по обеим сторонам улицы и провожая глазами громохочущие конные упряжки с огромными вращающимися колесами. Слуга с коляской направлялся к арочным воротам в стене из красного песчаника, окружавшей Радха-Говинда-мандир, и когда Абхай с другом проезжали под узорчатой металлической аркой во внутренний двор, они видели высоко над

собой двух каменных львов с вытянутыми вперед правыми лапами — герольдов и защитников храма.

Круговая аллея огибала овальную лужайку, на которой стояли фонарные столбы с газовыми светильниками и статуя молодой женщины в нарядных одеждах. Воробьи, громко чирикавая, перелетали между кустами и деревьями или прыгали по траве, иногда останавливаясь, чтобы поклевать что-то на земле. Повсюду ворковали голуби; иногда они резко взмахивали крыльями и перелетали с карниза на карниз или спускались во двор, по которому, громко переговариваясь, шли бенгальцы — женщины в простых хлопковых сари и мужчины в белых *дхоти*. Некоторые задерживались перед коляской, умиляясь двум мальчикам с золотистой кожей и блестящими темными глазами, но большинство людей быстро проходили мимо, торопясь в храм.

Массивная двойная дверь, ведущая во внутренний двор, была открыта, и слуга осторожно спускал коляску на одну ступеньку вниз, в вестибюль, и катил ее дальше; затем коляска спускалась еще на одну ступеньку, и все трое оказывались в главном дворе, залитом яркими солнечными лучами. Там на полутораметровой колонне возвышалась каменная статуя Гаруды. Гаруда, носящий на своей спине Господа Вишну, — получеловек, полуптица, с крепким орлиным клювом и сложенными за спиной крыльями, — стоял, молитвенно опустившись на одно колено и сложив ладони. Коляска катилась дальше, мимо двух слуг, которые подметали и мыли каменный двор. До храма оставалось несколько шагов.

Храм представлял собой открытый павильон с возвышением посередине и каменной крышей, опирающейся на прочные четырехметровые колонны. В той части храма, что была слева, толпились люди, созерцающие Божества на алтаре. Слуга подкатывал коляску поближе, ставил детей на пол и, держа их за руки, благоговейно подводил к Божествам.

Шрила Прабхупада: *Помню, как я стоял у дверей храма, вознося молитвы Радхе-Говинде. Я мог смотреть на Них часами. Божества, с большими удлинненными глазами, были прекрасны...*

Омытые и наряженные, на серебряном троне, Радха и Говинда сияли золотым блеском, утопая в благоухающих цветах. Говинда, около полуметра высотой, и Радхарани, чуть ниже ростом, стояли, грациозно изогнувшись в одной и той же танцевальной позе: выставив вперед слегка согнутую в колене правую ногу. На Радхарани переливалось блестящее шелковое сари, а Ее красноватая правая ладонь была поднята в жесте танца. Кришна, одетый в шелковую рубашку и *дхоти*, играл на золотой флейте.

На лотосных стопах Говинды лежали зеленые листья *туласи* с сандаловой пастой. Божественные образы Радхи и Кришны были украшены гирляндами из нежных, ароматных цветков ночного жасмина, которые спускались почти до Их лотосоподобных стоп. На шее у Них сверкали ожерелья из золота, жемчуга и бриллиантов, а руки Радхарани были украшены золотыми браслетами. С плеч Радхи и Говинды ниспадали шелковые, вышитые золотом *чадары*, а в руках красовались маленькие, нежные цветы. Такими же цветами

были убраны Их волосы. Серебряные короны на Их головах сияли драгоценными камнями. Радха и Кришна слегка улыбались.

Танцующие на серебряном троне под серебряным зонтом, усыпанные цветами, чудесно одетые, Божества казались Абхаю настолько прекрасными, что он совершенно забывал о жизни на Харрисон-Роуд и обо всем, что осталось там, за оградой храма. Птицы во дворе продолжали чирикать, посетители приходили и уходили, а Абхай тихо стоял, погруженный в созерцание прекрасных образов Кришны и Радхарани — Верховного Господа и Его вечной спутницы.

Затем начинался *киртан*, и преданные пели и играли на барабанах и *караталах*. Абхай с другом наблюдали, как *пуджари* предлагает Божествам благоговения, вьющийся дымок от которых повисал в воздухе, затем зажженную металлическую лампаду и маленькую раковину с водой... В конце *пуджари* громко трубил в большую раковину, и на этом церемония *арати* завершалась.

* * *

Когда Абхаю исполнилось полтора года, он заболел брюшным тифом. Семейный врач, доктор Боуз, прописал ему куриный бульон.

— Нет, — возразил Гоур Мохан. — Я не могу этого позволить.

— Это необходимо, иначе он умрет.

— Но мы не едим мяса! — взмолился Гоур Мохан. — Мы не можем варить курицу на нашей кухне!

— Ничего страшного, — успокоил его доктор Боуз. — Я приготовлю бульон у себя дома и принесу его в банке, а вы...

Гоуру Мохану ничего не оставалось, кроме как согласиться:

— Если это необходимо для спасения моего сына...

Но когда доктор принес куриный бульон и дал Абхаю его выпить, того сразу же вырвало.

— Да-а... — согласился врач. — Пожалуй, ему это действительно не подойдет.

Гоур Мохан выплеснул куриный бульон, а Абхай вскоре выздоровел сам, без мяса.

На крыше дома, где жила бабушка Абхая, был садик. Там росли цветы, зелень и небольшие деревца. Вместе с другими детьми двухлетний Абхай с большим удовольствием поливал растения из лейки. Но особенно ему нравилось уединяться в этом садике — он находил подходящий куст и устраивался под ним.

В 1898 году, когда Абхаю было около двух лет, в Калькутте началась страшная эпидемия чумы, ежедневно уносившая десятки жизней. Люди тысячами покидали город. Когда казалось уже, что победить чуму невозможно, один *бабаджи* организовал по всей Калькутте *санкиртану* с пением «Харе Кришна». Индусы, мусульмане, христиане, парсы — все,

независимо от религиозных убеждений, присоединялись к ней, и вскоре огромная толпа людей шла по улицам, от дома к дому, с пением «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Когда группа подошла к дому Гоура Мохана Де на Харрисон-Роуд, 151, глава семьи радушно приветствовал поющих. Хотя Абхай тогда был еще совсем маленьким, он тоже присоединился к танцующим. Вскоре после этой *санкиртаны* эпидемия прекратилась.

Однажды, когда Абхаю было три года, он едва не сгорел. Играя со спичками около дома, он не заметил, как загорелась его одежда. Тут подбежал какой-то человек и потушил огонь. Абхай был спасен, но на ноге у него на всю жизнь остался небольшой след от ожога.

* * *

Гоур Мохан был чистым вайшнавом и воспитывал своего сына в сознании Кришны. Родители Гоура Мохана тоже были вайшнавами, поэтому сам он никогда не прикасался к мясу, рыбе, яйцам, чаю и кофе. Светлокожий Гоур Мохан обладал мягким и сдержанным характером. Вечером, закрывая свой магазин, он ставил на пол посреди комнаты чашку с рисом, чтобы крысы, наевшись вдоволь риса, не грызли от голода ткань. Возвратившись домой, он читал «Чайтанья-чаритамриту» и «Шримад-Бхагаватам» — главные священные писания бенгальских вайшнавов, а потом повторял *джапу* на четках и поклонялся Божеству Господа Кришны. Он был добрым и мягким и никогда не наказывал Абхая. Даже когда нужно было сделать Абхаю замечание, Гоур Мохан извинялся:

— Ты мой сын, поэтому я должен сделать тебе замечание. Это мой долг. Даже отец Чайтаньи Махапрабху наказывал Его, поэтому не обижайся.

Шрила Прабхупада: *Доход моего отца составлял не более двухсот пятидесяти рупий, но мы никогда ни в чем не нуждались. Когда мы были еще детьми, во время сезона манго мы, играя, бегали по дому и хватали манго, не прерывая игры. Мы могли есть манго весь день. Нам не нужно было даже спрашивать разрешения. Моему отцу не составляло труда обеспечивать нас пищей — дюжина манго стоила одну рупию.*

Хотя мы жили просто, у нас всего было в достатке. Мы относились к среднему классу, но при этом каждый день принимали четверых или пятерых гостей. Отец выдал замуж четырех дочерей, и это его ничуть не обременило. Может, мы жили не так уж богато, но у нас всегда были пища, кров и одежда. Каждый день отец покупал два с половиной литра молока. Он не любил делать мелкие покупки, поэтому весь уголь закупал сразу на год вперед — целый воз.

У нас было счастливое детство. Мы не могли себе позволить купить автомобиль, но это нисколько не омрачало нашего счастья. Мой отец часто говорил: «У Бога десять рук. Если Он захочет забрать у тебя что-нибудь,

много ли ты сможешь удерживать двумя руками? А если Он захочет дать тебе что-нибудь из Своих десяти рук, то сколько ты сможешь взять своими двумя?»

Отец поднимался довольно поздно, около семи или восьми утра. После утреннего омовения он шел за покупками, а затем, с десяти до часу дня, проводил пуджу. После этого он обедал и шел в свой магазин. Там он в течение часа отдыхал. Домой отец возвращался в десять вечера и дома снова совершал поклонение. На самом деле, именно это было его главным занятием. Он немного торговал для поддержания семьи, но важнее всего для него была пуджа. Бывало, мы спим, а отец проводит арати. «Динь-динь-динь», — мы слышали звон колокольчика, просыпались и видели, как отец склоняется перед Кришной.

Гоур Мохан хотел, чтобы Абхай стал вайшнавом, чтобы он служил Радхарани, проповедовал «Бхагаватам» и овладел вайшнавским искусством игры на *мриданге*. Регулярно принимая *садху* в своем доме, он обращался к ним с просьбой: «Пожалуйста, благословите моего сына, чтобы Шримати Радхарани была им довольна и одарила его Своей милостью».

Отец и сын любили гулять вместе. Они наслаждались обществом друг друга и порой проходили пешком по пятнадцать километров. На берегу Ганги они обычно видели *йога*, который уже много лет неподвижно сидел на одном месте. Однажды, придя туда, они увидели, что на том же самом месте сидит сын *йога*, унаследовавший место отца, а вокруг толпятся люди. Гоур Мохан дал *йогу* пожертвование и попросил благословения для Абхая.

Мать Абхая хотела, чтобы в будущем он стал английским адвокатом (для этого необходимо было пройти обучение в Лондоне), и один из близких родственников Малликов поддерживал ее в этом. Но Гоур Мохан и слышать об этом не хотел: он был уверен, что если Абхай отправится в Англию, то европейская мода и манеры плохо повлияют на него.

— Он научится пить спиртное и волочиться за женщинами, — говорил Гоур Мохан. — А деньги его мне не нужны.

У Гоура Мохана был свой план, и он приступил к его осуществлению, когда Абхай был еще совсем маленьким. Он нанял профессионального мастера игры на *мриданге*, чтобы тот научил Абхая традиционным ритмам для сопровождения *киртана*. Раджани отнеслась к этой затее скептически:

— Чего это ради ты учишь такого малыша играть на *мриданге*? Все это ерунда.

Но Гоур Мохан мечтал о том, чтобы его сын пел *бхаджаны*, играл на *мриданге* и читал лекции по «Шримад-Бхагаватам».

Когда Абхай садился за *мридангу*, он вытягивал свои маленькие ручонки насколько мог, но они все равно едва доставали до мембран на противоположных концах барабана. Ловко вращая кистью правой руки, как учил его наставник, он быстро бил по мембране пальцами, извлекая высокий звук — ти-ни-ти-ни-та, а затем открытой ладонью левой руки ударял по левой

мембране — бум-бум. С годами он постепенно освоил основные ритмы, и Гоур Мохан был очень этим доволен.

Абхай был любимым ребенком и отца, и матери. Вдобавок к его детским именам, таким как Моти, Нандулал, Нанду и Коча, бабушка звала его Качори-Мукхи из-за его любви к *качори* — жареным пряным пирожкам с овощной начинкой. Когда мама или бабушка давали ему *качори*, он набивал ими все карманы своей маленькой жилетки. Он обожал смотреть, как лавочники готовят прямо на оживленной улице, и принимать от них и от соседей *качори* в угощение, пока все его наружные и внутренние карманы не наполнятся до отказа.

Порой, когда Абхай требовал у матери *качори*, та отказывалась их готовить. Однажды ей даже пришлось уложить его в постель, чтобы он не приставал к ней. А когда Гоур Мохан вернулся домой и спросил, где Абхай, Раджани объяснила, что он был слишком назойлив и ей пришлось отправить его спать, оставив без *качори*.

— Нет, мы должны их ему приготовить, — ответил отец.

Он разбудил Абхая и сам нажарил для него *пури* и *качори*. Гоур Мохан всегда был снисходителен к сыну и следил за тем, чтобы тот получал все, что хотел. Когда Гоур Мохан приходил вечером домой, он обычно съедал немного воздушного риса, и Абхай иногда тоже садился рядом с отцом и ел воздушный рис.

Однажды Гоур Мохан за шесть рупий купил Абхаю пару туфель, привезенных из Англии. А один из друзей Гоура Мохана, который регулярно ездил в Кашмир, каждый год по его просьбе привозил для Абхая подарок — кашмирскую шаль ручной работы с красивой каймой.

Однажды на рынке Абхай увидел игрушечный пистолет и стал просить, чтобы отец его купил. Отец отказался, и Абхай заплакал.

— Ну, ладно, ладно, — смягчился Гоур Мохан и купил пистолет. Однако Абхай немедленно потребовал еще один.

— Так у тебя уже есть пистолет, — удивился отец, — зачем тебе второй?

— Чтобы в каждой руке было по пистолету! — закричал Абхай, лег на землю и начал бить по ней ногами. Успокоился он только после того, как отец согласился купить второй пистолет.

Мать Абхая, Раджани, родила его, когда ей было тридцать лет. Как и ее муж, она принадлежала к старинному роду Гаудия-вайшнавов. Цвет ее кожи был темнее, чем у Гоура Мохана, и она, в отличие от него, обладала горячим нравом. Абхай видел, что мать с отцом живут в мире и согласии — между ними никогда не было серьезных семейных конфликтов или скрытого недовольства друг другом. Раджани была идеальной женой в традиционном ведическом понимании: целомудренная и религиозная, она всю себя отдавала заботам о муже и детях. В Индии подобное было в порядке вещей. Абхай видел, как просто и трогательно мать пыталась уберечь его от беды молитвами

и обетами. Прежде чем выпустить Абхая гулять, мать, одев его, смачивала слюной свой палец и прикасалась им к его лбу. Абхай не понимал, в чем смысл этой процедуры, но, поскольку она была его матерью, он покорно стоял перед ней, «словно собака перед хозяином», пока она выполняла свой ритуал.

Как и для Гоура Мохана, для Раджани Абхай был любимым ребенком. Но если муж ее проявлял свою любовь к Абхаю в форме снисходительности, мечтая сделать из сына святого, то любовь Раджани выражалась в попытках оградить Абхая от всех опасностей, болезней и смерти. Как-то раз она даже поднесла кровь из своей груди одному из полубогов, прося защитить Абхая от всех опасностей.

Сразу после рождения Абхая она дала обет есть левой рукой, пока ее сын не заметит этого и не спросит, почему она ест не как все. Когда наконец маленький Абхай действительно спросил ее об этом, она тотчас же прервала свой обет. Обет Раджани был еще одним способом защитить ребенка; она верила, что благодаря ему Абхай будет благополучно расти. Не спроси он ее, она и дальше бы ела левой рукой, чтобы Абхай продолжал находиться под защитой ее обета.

Чтобы обезопасить Абхая, она надела ему на ногу железный браслет. Приятели спросили Абхая, зачем он его носит, и тот, смущенный, пошел к матери и потребовал:

— Сними этот браслет!

— Она сказала:

— Сниму, только попозже.

Но Абхай начал плакать и кричать:

— Нет, сейчас же!

Однажды Абхай проглотил арбузное семечко, и друзья сказали ему, что теперь у него в животе вырастет арбуз. Он испугался и побежал к матери, и та успокоила его, пообещав прочесть защитную мантру.

Шрила Прабхупада: Мама Яшода по утрам повторяла мантры, чтобы защитить Кришну от всяких опасностей в течение дня. Когда Кришна убивал какого-нибудь демона, она думала, что это произошло лишь благодаря ее защитным мантрам. Моя мать тоже делала так, оберегая меня.

Раджани часто водила Абхая на Гангу и сама его купала. Она давала ему «Хорликс», лекарственную добавку к пище. Однажды Абхай заболел дизентерией, и она вылечила его горячими пури и жареными баклажанами с солью. Когда Абхай болел, он подчас проявлял особое упрямство, отказываясь принимать любые лекарства. Но мать была не менее решительна и насильно вталкивала лекарство ему в рот, хотя для этого иногда требовалась помощь трех человек, которые держали Абхая.

Шрила Прабхупада: Я был очень непослушным ребенком. Я все ломал. В гневе я бил стеклянные трубки от кальянов, которые отец держал для гостей. Однажды моя мать пыталась искупать меня, но я, сопротивляясь, ударился головой о землю так сильно, что потекла кровь. Прибежали люди и сказали: «Что ты делаешь? Ты же убьешь ребенка».

Абхай был рядом с матерью во время *садха-хотры* — церемонии, которую совершают женщины на седьмом и девятом месяце беременности. После омовения Раджани надела новую одежду и вместе с детьми наслаждалась пиром из любимых блюд, а ее муж раздавал подарки местным брахманам, повторявшим *мантры* для очищения матери и будущего ребенка.

Абхай полностью зависел от матери. Иногда она надевала на него рубашку задом наперед, и он безропотно это терпел. Будучи порой страшно упрямым, Абхай все равно чувствовал свою зависимость от нее. Когда ему нужно было сходить по нужде, он начинал подпрыгивать рядом с матерью, дергая ее за сари, и повторять:

— Писать, писать!

— Кто же тебе запрещает? — удивлялась Раджани. — Конечно, иди.

Только после этого Абхай шел в туалет.

Когда у Абхая выпал первый молочный зуб, Раджани посоветовала ему перед сном положить зуб под подушку. Абхай так и сделал, но утром зуб исчез, а на его месте лежали деньги. Абхай отдал деньги матери на хранение, но потом, когда мать в очередной раз отказывалась исполнить его каприз, он требовал:

— Я хочу, чтобы мне вернули деньги! Я ухожу из дома. Отдавай мои деньги!

Раджани обычно просила своих дочерей заплетать ей волосы в косу. Но если в этот момент рядом находился Абхай, он требовал, чтобы это дело поручили ему, и поднимал такой шум, что сестры вынуждены были уступить. Однажды он, подражая обычаю индийских женщин, покрасил подошвы своих стоп красной краской. Мать пыталась остановить его, говоря, что это не для детей, но он настаивал:

— Нет, я тоже, я тоже!

Абхай не хотел ходить в школу. «Зачем идти туда? — думал он. — Лучше весь день играть».

Когда мать пожаловалась на это Гоуру Мохану, Абхай, уверенный в том, что отец будет снисходителен к нему, сказал:

— Нет, я пойду завтра.

— Хорошо, он пойдет завтра, — сказал Гоур Мохан. — Ничего страшного.

Но на следующее утро Абхай заявил, что плохо себя чувствует, и отец снова оставил его дома.

Раджани сердилась, что мальчик не хочет учиться, и наняла человека, который за четыре рупии отводил его в школу. Этот человек, которого звали Дамодарой, обвязывал Абхая вокруг пояса веревкой — такое обращение с детьми было в порядке вещей, — вел его в школу и передавал учителю. Если Абхай пытался сбежать по дороге, Дамодара подхватывал его и нес на руках. После нескольких таких «прогулок» под охраной Абхай начал ходить в школу сам.

Абхай был внимательным и спокойным учеником, но, случалось, и озорничал. Однажды, когда учитель дернул его за ухо, Абхай столкнул на пол керосиновую лампу и устроил пожар.

В те дни любой, даже простой, неграмотный крестьянин знал наизусть отрывки из «Рамаяны», «Махабхараты» или «Бхагаватам». Часто, особенно в деревнях, люди по вечерам собирались послушать чтение этих писаний. Иногда, вечером, вся семья Гоура Мохана отправлялась в дом дяди Абхая, за пятнадцать километров, где их родственники собирались, чтобы послушать о трансцендентных играх Господа. А по дороге домой они обсуждали услышанное, и ночью им снились сцены из «Рамаяны», «Махабхараты» или «Бхагаватам».

Часто после дневного сна и омовения Абхай бегал к соседям, где рассматривал черно-белые иллюстрации к «Махабхарате». Каждый день бабушка просила его читать ей бенгальский перевод этой поэмы. Так, разглядывая картинки и читая вместе с бабушкой, Абхай усваивал «Махабхарату».

Товарищем Абхая по детским играм была его младшая сестра Бхаватарини. Они вместе ходили смотреть на Божества Радхи и Говинды в храме Малликов, а если вдруг в игре возникали какие-то трудности, они молились Богу, прося Его о помощи.

— Кришна, пожалуйста, помоги нам запустить этого воздушного змея, — кричали они на бегу, пытаясь поднять бумажного змея в воздух.

Игрушки Абхая состояли из двух пистолетов, заводной машинки, механической собачки, которая могла танцевать, и коровы, подпрыгивающей, если нажать на соединенную с ней резиновую грушу. Собачку Абхай получил в подарок от доктора Боуза, семейного врача, когда тот лечил небольшую рану у Абхая на боку. Сам Абхай любил иногда поиграть в доктора и выписывал друзьям «лекарство», которым была простая пыль.

* * *

Любимым праздником Абхая была Ратха-ятра Господа Джаганнатхи, которую ежегодно проводили в Калькутте. Маллики устраивали самую большую в городе Ратха-ятру, с тремя отдельными колесницами, на которых восседали Божества Джаганнатхи, Баладевы и Субхадры. Выехав из храма Радхи-Говинды, колесницы проезжали немного вдоль по Харрисон-Роуд и возвращались обратно. В день праздника Маллики раздавали много *прасада* от Господа Джаганнатхи.

Торжества, посвященные Ратха-ятре, отмечаются во многих городах Индии. Но главная, «изначальная» Ратха-ятра — праздник, на который в те дни ежегодно съезжались до полумиллиона паломников, — проходит в

Джаганнатха-Пури, городе, расположенном менее чем в пятистах километрах к югу от Калькутты. Ратха-ятра отмечается в Пури на протяжении столетий: во время грандиозного трехкилометрового шествия в ознаменование одной из вечных игр Господа Кришны толпы людей тянут три деревянные колесницы высотой около пятнадцати метров каждая. Абхай слышал, что четыреста лет назад на празднике Ратха-ятры в Пури в экстазе танцевал и пел «Харе Кришна» Сам Господь Чайтанья. Иногда Абхай ходил смотреть расписание поездов на вокзале или интересовался стоимостью билетов до Пури и до Вриндавана, мечтая когда-нибудь накопить денег и отправиться туда.

Абхаю хотелось иметь свою колесницу и самому как-нибудь провести Ратха-ятру, и он, конечно же, обратился за помощью к отцу. Гоур Мохан согласился, но, посетив вместе с сыном несколько столярных мастерских, понял, что постройка колесницы ему не по карману. Когда им пришлось возвращаться домой ни с чем, Абхай заплакал, и к нему подошла пожилая бенгальская женщина и спросила, что случилось. Гоур Мохан объяснил, что мальчик хотел колесницу для Ратха-ятры, но заказать ее им не по средствам.

— У меня есть колесница, — сказала женщина и пригласила Гоура Мохана с сыном к себе, чтобы показать им ее. Колесница была старенькая, но все еще годная к использованию, и размера подходящего — чуть больше метра высотой. Гоур Мохан купил ее, привел в порядок и украсил. Они с сыном изготовили шестнадцать опорных колонн и укрепили на них балдахин, очень похожий на тот, что украшает большие колесницы в Пури, а к передку колесницы привязали традиционного деревянного коня с возничим. Абхай настаивал на том, чтобы колесница выглядела строго в соответствии с традицией. Гоур Мохан купил краски, и Абхай собственноручно раскрасил колесницу, подобно тому как их раскрашивают в Пури. С огромным энтузиазмом Абхай взялся за организацию всей праздничной программы. Он даже собирался устроить по случаю Ратха-ятры фейерверк, пользуясь иллюстрированным руководством по изготовлению фейерверков, но тут в дело вмешалась Раджани.

Абхай занимал в подготовке и проведении праздника своих друзей, особенно сестру Бхаватарини, и так, естественным образом, стал среди них лидером. По его настоятельной просьбе соседки, приятно удивленные, согласились приготовить особые блюда, чтобы Абхай мог раздавать на празднике Ратха-ятры *прасад*.

Как и праздник в Пури, Ратха-ятра Абхая продолжалась восемь дней. Вся его семья, а также соседские дети присоединились к процессии. Они тянули колесницу, играли на барабанах и *караталах* и пели. Одетый по-летнему, в одно только *дхоти*, Абхай руководил хором детей, поющих «Харе Кришна» и бенгальский *бхаджан*, «*Ki kara rai kamalini*».

Что ты делаешь, Шримати Радхарани?

Пожалуйста, выйди, посмотри:

Крадут Твое драгоценное сокровище —

Кришну, черную жемчужину.
Ах, если бы эта юная девушка знала,
Что юный Кришна,
Сокровище Ее сердца,
Покинул Ее!

Абхай подражал всему, что видел на религиозных праздниках взрослых: он одевал Божества, подносил Им пищу, предлагал Им *арати* (масляный светильник и благовония), кланялся Им. Сойдя с Харрисон-Роуд, процессия вступила на круговую аллею во дворе храма Радхи-Говинды и приостановилась перед Божествами. Видя это веселье, друзья Гоура Мохана подошли к нему:

— Что ж это такое? Ты проводишь большой праздник, а нас не пригласил? Куда это годится?

— Да это просто дети играют, — отвечал отец.

— Дети играют? — продолжали шутить друзья. — Ты нарочно говоришь, что это детская забава! Ты просто хочешь лишить нас удовольствия.

Пока счастливый Абхай был поглощен праздником, Гоур Мохан в течение восьми дней оплачивал расходы, а Раджани готовила разные блюда, которые вместе с цветами предлагались Господу Джаганнатхе. Несмотря на то что организованная Абхаем Ратха-ятра была всего лишь детской игрой, пыл и вдохновение, с которыми он проводил праздник, были самыми настоящими. Вся эта Ратха-ятра, длившаяся восемь дней, держалась на его искренности и энтузиазме, и впоследствии Абхай каждый год снова устраивал такой же праздник.

* * *

Когда Абхаю было около шести лет, он попросил у отца Божества для поклонения. С первых лет жизни, каждый день наблюдая за отцом, проводящим домашнюю *пуджу*, и за поклонением Радхе-Говинде в храме Малликов, он думал: «Когда же и я смогу так поклоняться Кришне?»

По просьбе Абхая отец купил для него пару маленьких Божеств Радхи и Кришны. С этого дня, что бы Абхай ни ел, он сначала подносил это Радхе и Кришне. Подражая отцу и священнослужителям храма Радхи-Говинды, Абхай предлагал своим Божествам масляную лампадку и укладывал Их спать.

Абхай и Бхаватарини стали преданными слугами своих маленьких Радхи и Кришны. Большую часть времени брат и сестра проводили, одевая Их и предлагая Им *пуджу*, а иногда они пели Божествам *бхаджаны*. Братья и сестры смеялись над Абхаем и Бхаватарини, приговаривая, что, поскольку их больше интересует поклонение Божеству, нежели учеба, им не прожить долгой жизни. Но Абхай отвечал, что ему все равно.

Однажды соседка спросила у матери Абхая:

— Сколько лет твоему сыну?

— Семь, — ответила мать.

Абхай слушал с интересом: он никогда раньше не слышал, чтобы кто-нибудь говорил о его возрасте. Но сейчас он впервые понял: «Мне семь лет».

Помимо занятий в подготовительном классе, на которые Абхая поначалу приходилось тащить силком, с четырех до семи лет он учился дома, с репетитором. Он научился читать на бенгали и начал изучать санскрит. Затем, в 1904 году, в возрасте восьми лет, его отдали в бесплатную школу Матти Лала Сила, которая находилась по соседству, на углу Харрисон-Роуд и Центральной улицы.

Это была школа для мальчиков, основанная в 1842 году богатым вайшнавом из общины *суварна-ваник*. Каменное двухэтажное здание школы окружала каменная стена. Преподавали там индийцы. Учениками были дети из местных семей *суварна-ваник*. Поутру мальчики, одетые в *дхоти* и *курты*, выходили из дома и маленькими группами шли в школу. Каждый нес несколько книг и обед. Во дворе школы они разговаривали и играли, пока звон колокольчика не звал их на занятия. Тогда мальчики заходили в здание, где с шумом бегали по залам, носились туда-сюда по лестницам, иногда выскакивая на широкую веранду на втором этаже, пока учителя не собирали их и не рассаживали на скамейках за деревянными партами. В этой школе детей учили математике, естественным наукам, истории, географии и их родной вайшнавской религии и культуре.

В классах царила строгая дисциплина. На каждой длинной скамье за общей партой с четырьмя чернильницами сидели четыре ученика. За плохое поведение учитель приказывал ученику «встать на скамью». На уроке литературы дети изучали знаменитые «Народные сказки Бенгалии» — сборник бенгальских народных сказок, которые бабушки рассказывают внукам: истории о ведьмах, привидениях, духах, колдунах-тантриках, о говорящих животных, о добрых и злых *брахманах*, о доблестных воинах, ворах, царевичах, царевнах, о духовных подвигах, о верных женах и доблестных мужьях.

Во время этих ежедневных походов в школу и из школы Абхай и его друзья понемногу научились (пусть и наивно, по-детски) различать людей, постоянно попадавшихся им на улицах Калькутты: гордых англичан, которые разъезжали в запряженных лошадьми повозках; извозчиков; *бханги*, подметавших улицы соломенными метлами, и даже местных карманников и проституток, которые стояли на углах улиц.

В тот год, когда Абхаю исполнилось десять лет, по Харрисон-Роуд проложили трамвайные рельсы. Он наблюдал за рабочими, которые укладывали рельсы, и был потрясен, когда впервые увидел, как движется трамвайный вагон, касаясь пантографом электрического провода. День и ночь мечтал он о том, чтобы самому приставить палку к электрическому проводу и

поехать по рельсам. Хотя электричество было в Калькутте в новинку (только состоятельные люди могли позволить себе провести его в дом), все же, наряду с трамваем, на улицах появились и новые дуговые фонари, которые заменили старое газовое освещение. Абхай с друзьями ходил по улице и собирал использованные графитовые электроды, которые электрики оставляли под фонарями. А когда Абхай в первый раз увидел граммофон, он подумал, что внутри него сидит электрический человек или дух, который поет.

Абхаю нравилось ездить на велосипеде по оживленным улицам Калькутты. Он был заядлым велосипедистом, но бегать не любил, поэтому, когда в школе открылся футбольный клуб, он попросился во вратари. Чаще всего он ездил на велосипеде в южном направлении, на Далхаузи-сквер, где большие фонтаны сеяли вокруг водяную пыль. Неподалеку находился Радж-Бхаван, дом вице-короля, который можно было увидеть сквозь ворота. Направляясь дальше к югу, Абхай проезжал под открытыми арками Майдана, главного парка Калькутты, с прекрасным зеленым газоном, простиравшимся к северу до Чоуранги, и величественными зданиями и деревьями английского квартала. В парке тоже было немало восхитительных мест для велосипедных прогулок: ипподром, форт Уильям, Иден-Гарденс. Майдан находился на берегу Ганги (которую здесь называли Хугли), и иногда Абхай, возвращаясь домой, проезжал по набережной, мимо многочисленных *гхатов* — купален с каменными ступеньками, ведущими вниз, к воде. Часто эти ступени спускались от храмов, возвышавшихся на берегу. Был там и *гхат*, где кремировали тела умерших, а рядом с домом Абхая реку пересекал понтонный мост, ведущий в город Хаура.

В школе у Абхая был учитель, который иногда занимался с ним уроками дома. Этот человек рассказывал ему о своем *гуру*, великом йоге, который однажды спросил у него:

— Чего бы тебе хотелось съесть?

Учитель Абхая ответил:

— Свежих гранатов из Афганистана.

И *йог* сказал:

— Хорошо. Загляни в ту комнату.

Он пошел в соседнюю комнату и нашел там ветку граната, увешанную спелыми и свежими плодами, словно только что отломанную от дерева. Один *йог*, приходивший к отцу Абхая, рассказывал, как однажды он сел рядом со своим учителем и, прикоснувшись к нему, благодаря мистической силе *гуру* в мгновение ока оказался в Двараке.

Гоуру Мохану не очень нравились так называемые *садху*, которых в Бенгалии день ото дня становилось все больше, — это были непреданные, философы-имперсоналисты, поклонники различных полубогов, курильщики *ганджи* и попрошайки. Но он был настолько щедр, что приглашал к себе в дом даже таких шарлатанов. Каждый день Абхай видел много подобных «*садху*», но иногда в доме его отца гостили и настоящие святые. От них Абхай узнал о

многом, в том числе о существовании мистических сил. Однажды в цирке Абхай с отцом видели йога, которого связали по рукам и ногам и посадили в мешок. Мешок крепко завязали, запечатали и положили в ящик, который заперли на замок и тоже запечатали. Йогу удалось выбраться. Однако Абхай не придавал подобным вещам особого значения. Лишь преданное служение, которому его научил отец, — поклонение Радхе-Кришне и проведение Ратхатры — вот что было для него важнее всего.

* * *

В Калькутте индусы и мусульмане жили в мире и согласии. Ходить друг к другу на богослужения или просто в гости было обычным делом. И у тех и у других были свои особенности, но в их взаимоотношениях всегда царила гармония. Поэтому, когда произошел первый индо-мусульманский конфликт, в семье Абхая все поняли, что тут замешана Британия. Когда начались волнения, Абхаю было почти тринадцать лет. Он не понимал толком, что происходит, но иногда оказывался в центре событий.

Шрила Прабхупада: *Мусульмане жили вокруг нашего района на Харрисон-Роуд. Дом Малликов и наш дом пользовались уважением, но их окружали так называемые касба и басты^[1]. Там-то и происходили беспорядки. А я пошел туда гулять. Не зная, что на рыночной площади беспорядки, я возвращался домой, и один из моих школьных приятелей сказал мне: «Не ходи домой. Там сейчас погромы».*

Мы жили в мусульманском квартале, и именно там начались столкновения между мусульманами и индусами. Но я подумал, что, возможно, это что-то вроде драки между двумя гундами (бандитами). Однажды я видел, как один гунда ударил ножом другого, и воров-карманников я тоже видел. Они тоже жили по соседству с нами. Поэтому я подумал, что и тут происходит что-то подобное.

Но когда я дошел до перекрестка Харрисон-Роуд и Холлидей-стрит, я увидел, как грабят магазин. Я был всего лишь ребенком, мальчишкой. Я подумал: «Что тут происходит?» Тем временем мои родители сидели дома, страшно напуганные, и думали: «Ребенок не пришел». Они так разволновались, что вышли на улицу: «Куда же запропастился Абхай?»

Что я мог поделать? Когда я увидел погром, то кинулся домой, и тут один мусульманин выхватил нож и погнался за мной — он хотел меня убить. Но мне каким-то чудом удалось убежать. Я спасся. Когда родители увидели меня, подбегающего к воротам дома, они почувствовали, что словно заново родились.

Я молча пошел в спальню. Это было зимой. Не сказав ни слова, я лег и закутался в одеяло. Затем, позже, встав с кровати, я спросил: «Ну что, закончилось? Погром закончился?»

В пятнадцать лет Абхай заболел бери-бери, и мать, которая тоже страдала этой болезнью, регулярно натирала ему ноги порошком хлористого кальция, чтобы уменьшить отек. Вскоре Абхай выздоровел, и мать, которая ни на день не прекращала выполнять свои обязанности, тоже поправилась.

Но уже через год она внезапно умерла. Ей было всего сорок шесть лет. Словно занавес опустился, внезапно оборвав спектакль счастливого детства Абхая: нежные заботы матери, ее молитвы и защитные *мантры*, блюда, которые она готовила, хлопоты о сыне, материнские нагоняи. На сестрах уход матери сказался сильнее, чем на Абхае, но, несомненно, после этого события Абхай еще больше стал зависеть от заботы отца. Ему было шестнадцать лет, однако после смерти матери Абхаю пришлось совсем повзрослеть и подготовиться к самостоятельной жизни.

Отец успокоил его. Он сказал Абхаю, что скорбеть не о чем, что душа вечна и все происходит по воле Кришны, поэтому надо полагаться на Кришну.

2 Колледж, женитьба и движение Ганди

В 1920 году я примкнул к движению Ганди и бросил учебу. Хотя я успешно сдал заключительный экзамен на степень бакалавра, от диплома я отказался и никогда больше не возвращался к академическому образованию.

— Шрила Прабхупада

В 1914 ГОДУ началась война, и многие индийцы добровольно пошли сражаться за своих «хозяев» — Великобританию. Абхай читал в газетах о военных действиях, видел, как британские самолеты приземлялись на ипподроме, в парке Майдан, но самого его война обошла стороной. В 1916 году он поступил в колледж.

В Калькутте было два престижных заведения такого типа: Президентский колледж и Колледж Шотландских церквей, в который и поступил Абхай. Колледж этот был христианским учреждением, но пользовался хорошей репутацией среди бенгальцев, и многие вайшнавские семьи отдавали туда своих детей. Профессора, в большинстве своем священники шотландской церкви, были людьми серьезными и добродетельными, и студенты получали действительно хорошее образование. Это было солидное, уважаемое заведение, а располагалось оно в северной части Калькутты, недалеко от Харрисон-Роуд, что позволило Гоуру Мохану оставить Абхая жить дома.

Гоур Мохан уже давно решил, что не отпустит Абхая учиться в Лондон, где тот может попасть под дурное влияние западной культуры. Он желал, чтобы Абхай стал чистым преданным Шри-мати Радхарани и Господа Кришны. С другой стороны, ему не хотелось отдавать сына в ученики-брахмачари какому-нибудь гуру. Где сейчас найдешь достойного гуру? Опыт общения со всевозможными йогами и свами не вселял в него уверенности. С одной стороны, он хотел, чтобы сын строго следовал духовным принципам, но с другой — понимал, что Абхаю придется жениться и самому зарабатывать на жизнь. При таких условиях обучение Абхая в Колледже Шотландских церквей казалось Гоуру Мохану наилучшим вариантом.

Основателем колледжа был преподобный Александр Дафф, христианский миссионер, прибывший в Калькутту в 1830 году. Преподобный Дафф был одним из первых, кто начал прививать индийцам интерес к европейской цивилизации. Прежде всего, он основал Общество Генеральной ассамблеи, для «проповеди Евангелия через образование, свободное, но в то же время религиозное, основанное на западных принципах и преподавании на английском языке в старших классах». Позднее он основал Колледж Церкви Шотландии, а в 1908 году оба учреждения объединились в Колледж Шотландских церквей.

Шрила Прабхупада: Мы уважали наших учителей, как отцов. Взаимоотношения между учащимися и профессорами были очень хорошими. Проректор, профессор В. С. Эркхарт, был настоящий джентльмен и добряк. Иногда мы даже шутили с ним.

На первом курсе я изучал английский и санскрит. На втором — санскрит и философию, а затем — философию и экономику. Другого профессора звали Дж. К. Скримджер. Он преподавал английскую литературу и на уроках часто цитировал подходящие по теме отрывки из произведений Ванюша Чандры Чаттерджи. «Да, да, — повторял он, — так говорит ваш Банким Бабу». Он изучал труды Банкима и сравнивал его с Вальтером Скоттом. В те дни двумя величайшими английскими литераторами считались Диккенс и Вальтер Скотт. Он знакомил нас с произведениями этих романистов, и наши с ним отношения были очень хорошими.

Абхай присоединился к Английскому обществу и на память читал своим однокурсникам стихотворения Китса, Шелли и других поэтов. А будучи членом Санскритского общества, он наизусть декламировал «Гиту», и некоторые из его однокурсников замечали, что особенно выразительно он пел одиннадцатую главу, описывающую вселенскую форму Кришны. Кроме того, Абхай играл в футбол и участвовал в деятельности студенческого театра.

Одной из постановок этого театра был спектакль о жизни Господа Чайтаньи, который студенты — Абхай и несколько его однокурсников — готовили под руководством известного в Бенгалии театрального деятеля Амритлала Боуза. Боуз рассуждал:

— В наши дни чайтанья-лилу можно посмотреть в городском театре всего за полрупии, так какой же прок в этой вашей любительской постановке?

И сам же отвечал на свой вопрос:

— Людям должен так понравиться ваш спектакль о Господе Чайтанье, чтобы, посмотрев его, они навсегда перестали бы грешить.

Выдающийся режиссер, он добровольно взял на себя это служение и согласился обучать студентов бесплатно, но поставил условие: они не должны выступать на публике до тех пор, пока он сам не признает их постановку безукоризненной. Абхай и его друзья репетировали больше года, пока наконец директор не разрешил им выступить на сцене. Абхай, игравший роль Адвайты Ачарьи, заметил, что многие зрители в зале плакали. Сначала он не мог понять почему, но затем догадался, что зрителей тронуло искреннее исполнение и прекрасная подготовка актеров. Это была первая и последняя роль Абхая в театре.

Преподаватель психологии в колледже, профессор Эркхарт, доказывал, что у женщин масса мозга меньше, чем у мужчин. Профессор экономики давал лекции по теории Маршалла, который утверждал, что стимулом к экономическому развитию являются семейные привязанности. На уроках санскрита Абхай пользовался учебником Роува и Вебба, которые называли санскрит матерью всех языков.

Когда Абхай изучал «Кумара-самбхаву» Калидаса, сильное впечатление на него произвело объяснение слова *дхира*, что значит «невозмутимый» или «владеющий собой». В книге говорилось, что когда-то, давным-давно, когда полубоги вели войну с демонами, они захотели, чтобы от семени Господа Шивы родился великий воин, который стал бы их главнокомандующим. Но Господь Шива был погружен в глубокую медитацию, и, чтобы прервать ее, полубоги подослали к нему прекрасную юную девушку, Парвати. Она стала поклоняться Господу Шиве и даже коснулась его гениталий, но это ничуть не потревожило его. Такая способность не поддаваться обольщению — совершенный пример *дхиры*.

Как и в других британских учебных заведениях Индии, в Колледже Шотландских церквей все европейские преподаватели обязаны были знать местный язык. Однажды профессор Эркхарт проходил мимо Абхая и группы студентов, которые ели арахис и болтали между собой на бенгали. Один из студентов проехался насчет профессора Эркхарта, и, ко всеобщему удивлению, профессор тотчас же повернулся к шутнику и ответил ему на бенгали, от чего Абхаю и другим студентам стало очень неловко.

Изучение Библии в колледже было обязательным. Библейское общество выдало каждому студенту Библию в красивом переплете, и каждое утро студенты собирались, читали Писание, молились и пели гимны.

Один из профессоров критиковал ведическое учение о *карме* и переселении души. В суде человека не могут обвинить в преступлении, если нет свидетелей. Аналогичным образом, утверждал профессор, если душа, согласно индуизму, в нынешней жизни страдает за несправедливые поступки, совершенные ею в прошлом воплощении, то где же свидетели этих преступлений? Абхаю было неприятно слышать эти критические выпады, и он знал, как их опровергнуть, но, будучи всего лишь студентом, вынужден был молчать. По своему общественному положению он стоял ниже — учащийся не мог бросить вызов преподавателю. Но он знал, что довод профессора против *кармы* не имел под собой оснований, ведь свидетель-то на самом деле есть!

Некоторые студенты, приехавшие в Калькутту из маленьких деревень, взирали на большой город с робостью — соседство европейцев смущало их. Но Абхай чувствовал себя в Калькутте, в обществе британцев, спокойно. Он даже испытывал некоторую симпатию к своим шотландским учителям. И хотя отношение к ним Абхая можно описать как смесь настороженности, почтения и желания удержать дистанцию, ему нравились их честность и вежливое и учтивое отношение к учащимся. Учителя казались ему добросердечными.

Однажды Колледж Шотландских церквей посетил губернатор Бенгалии, шотландец. Он заходил в классы, каждый из которых вмещал около ста пятидесяти студентов, и Абхаю, сидевшему в первом ряду, представилась возможность увидеть вблизи знаменитого губернатора, Маркиза Шетлендского.

Колледж работал по принципу строгого разделения между индийцами и европейцами. Факультет бенгали, преподаватели которого принадлежали, по

мнению англичан, к низшей расе, даже располагался отдельно от факультетов, где преподавали европейцы. В учебную программу колледжа входил учебник М. Гхоша, индийца по национальности, который назывался «Роль Англии в истории Индии». В этом учебнике подробно объяснялось, как примитивна была Индия до начала британского правления. Преподаватель экономики в колледже часто ругал своих учеников, когда они выводили его из себя своей медлительностью. Обращаясь к студентам как к представителям всего индийского народа, он кричал:

— Даже и не думайте о независимости! Вы не способны ничем управлять! Единственное, что вы можете, — это работать, как ослы!

Учеба в колледже требовала самоотдачи. Абхаю уже не удавалось по утрам часами любоваться Божествами Радхи и Говинды. Такую роскошь он мог позволить себе только в детстве — тогда он каждый день пропадал в храме Малликов, часами сидя перед золотыми фигурами Радхи и Говинды и наблюдая за тем, как *пуджари* поклонялись Божествам: предлагали Им благовония, цветы, светильники, пели *киртан* и подносили роскошные блюда. Ребенком он мог играть на траве во дворе храма или наблюдать, как готовят *качори* на обочине дороги. Он мог кататься на велосипеде или запускать с Бхаватарини воздушного змея. Вся его жизнь протекала неподалеку от дома на Харрисон-Роуд. Беседы с матерью, отец, поклоняющийся Кришне... Все это для него осталось в прошлом.

Теперь его дни протекали в стенах Колледжа Шотландских церквей. Здесь тоже была лужайка, и сад с птицами, и даже небольшое баньяновое дерево. Но место поклонения заняла учеба. В колледже была очень серьезная атмосфера. Даже собираясь у главного входа перед доской объявлений, студенты говорили только о заданиях к урокам или учебном расписании.

Когда Абхай не сидел с одноклассниками на скамье за одной из длинных парт, рядами стоявших в аудитории, когда не смотрел внимательно на доску во время лекции одного из профессоров — как правило, священника в европейском костюме, говорящего с шотландским акцентом и произносящего «duty» как «juty», когда был не в классе, на лекциях по западной логике, химии или психологии, — тогда он выполнял домашние задания, сидя за столом между книжными полками в библиотеке колледжа, читал или конспектировал книги под электрическим вентилятором, шевелившим страницы. Даже дома, с отцом, сестрами и братьями, он снова и снова перечитывал свои конспекты или писал очередной доклад. Абхай был вынужден прекратить поклонение Божеству Кришны, которое несколько лет назад по его просьбе подарил ему отец, и Божество пришлось убрать в коробку.

Гоура Мохана не беспокоило то, что его любимый сын не поклоняется Божеству, как раньше, и не ходит в храм. Он видел, что Абхай сохранял чистоту привычек, не перенимал западное мировоззрение и не бросал вызов родной культуре. Отец почти не сомневался, что, учась в Колледже Шотландских церквей, Абхай не опустится до аморальных поступков. Гоур

Мохан был доволен: Абхай получал хорошее образование, чтобы сделать карьеру после окончания колледжа. Он становился ответственным вайшнавом; близилось время, когда ему предстояло жениться и устроиться на работу.

У Абхая был близкий друг, школьный товарищ, — Рупендранатх Митра. Абхай и Рупен вместе готовились к занятиям и сидели рядом в зале собраний на уроках по изучению Библии, повторяя вслух обязательные для всех молитвы. Рупен заметил, что, хотя Абхай был серьезным студентом, он не был в восторге от западного образования и особо не стремился к успехам в учебе. Иногда Абхай по секрету говорил Рупену:

— Не нравится мне все это, — а временами даже поговаривал об уходе из колледжа.

— О чем ты думаешь? — спрашивал Рупен, и Абхай делился с ним своими мыслями.

Рупен замечал, что Абхай всегда думает о «чем-то религиозном или философском, о преданности Богу».

Абхай изучал труды западных философов и ученых, но они не произвели на него особого впечатления. В конце концов, эти люди всего лишь строили домыслы, и выводы их не основывались на ведических писаниях, преданном служении Богу и вайшнавской традиции, в которой Гоур Мохан воспитывал Абхая. Неожиданно открывшийся доступ к сокровищам западной мудрости, который у одних пробудил интерес к ее углубленному изучению, а у других — желание «выйти в люди», получив хорошее образование и сделав карьеру, никак не повлиял на Абхая. В глубине души он всегда думал о «чем-то религиозном, философском, о преданности Богу», но как студент посвящал все свое время и силы учебе.

Однажды, когда Абхай уже окончил первый курс, ему приснился необычный сон. Ему явилось Божество Кришны, подаренное отцом. Господь жаловался:

— Почему ты убрал Меня в коробку? Ты должен достать Меня и снова начать Мне поклоняться.

Абхай почувствовал себя виноватым в том, что не заботился о Божестве; с этого дня он возобновил свое домашнее поклонение Радхе и Кришне, хотя по-прежнему был загружен учебой.

* * *

В том же колледже учился страстный националист по имени Субхас Чандра Боуз. Когда-то он обучался в Президентском колледже, но впоследствии был исключен за организацию студенческой забастовки против одного английского профессора, систематически унижавшего индийских студентов. В Колледже Шотландских церквей Боуз зарекомендовал себя как серьезный студент; он был секретарем философского клуба и сотрудничал с

проректором Эркхартом. Абхай слышал, как Субхас Боуз и другие студенты рассуждали о независимости Индии. Он слышал имена людей, широко известных в его родной Бенгалии: Бипина Чандры Пала, сражавшегося за отмену Акта о вооружении; Сурендранатха Бакнерджи, встревожившего британцев открытыми выступлениями против разделения Бенгалии в 1905 году; Лалы Ладжпата Рая и самого, пожалуй, знаменитого — Мохандаса К. Ганди.

В колледже строго-настрого воспрещалась антиправительственная пропаганда, однако студентам импонировала идея национальной независимости. Открытого возмущения никто не выказывал, но иногда учащиеся проводили тайные сходки. Абхай слушал, как Субхас Чандра Боуз призывал студентов поддержать движение за независимость Индии. Ему нравилась вера Боуза в духовность, его энтузиазм и решимость. Абхaya не интересовала политика, но идеалы движения за независимость были ему близки.

Многие ораторы и писатели Бенгалии называли движение за независимость Индии (*сварадж*) духовным движением. Националисты сравнивали политическую «эмансипацию» с освобождением души из материального рабства. Но Абхaya привлекало преданное служение Господу Кришне, Абсолютной Истине, — эти взгляды он унаследовал от отца и хранил с детства, а независимость Индии была истиной временной, относительной. Даже признавая абсолютное положение ведических писаний, некоторые лидеры движения за независимость старались доказать, что солнце изначальной славы индийской культуры не взойдет до тех пор, пока на Индии лежит клеймо иностранного владычества. Они подчеркивали, что иностранцы оскорбляют и поносят великую индийскую культуру.

Абхай тоже чувствовал это. В учебнике «Роль Англии в истории Индии» М. Гхош утверждал, что ведические писания представляют собой мешанину из недавно созданных произведений и что до британского правления и распространения христианства Индия была духовно и культурно отсталой страной. Британцы нередко поносили *шастры*, как это делал профессор Абхaya, пытаясь опровергнуть закон *кармы*. Но если бы Индия обрела национальную свободу, тогда все — не только индийцы, но и весь мир — получили бы благо от высокоразвитой ведической культуры.

Тайный призыв к *свараджу* притягивал буквально всех студентов, и Абхай не стал исключением. Особенно его привлекала фигура Ганди. Ганди всегда носил с собой «Бхагавад-гиту»; он ежедневно читал священные слова Господа Кришны и говорил, что «Гита» в его жизни играет гораздо более важную роль, чем любая другая книга. Ганди вел чистый образ жизни. Он не прикасался к алкоголю и табаку, не ел мяса и не вступал в недозволенные связи. Он жил просто, как *садху*, однако Абхaya казалось, что Ганди гораздо более честен по сравнению с теми *садху-попрошайками*, которых он видел много раз. Абхай читал его речи и следовал ему в поступках — ведь, может быть, Ганди и есть тот человек, который сумеет на практике реализовать духовные принципы!

«Гита», говорил Ганди, должна занимать важнейшее место в жизни человека: ее мало просто читать — она может *реально* привести ко всеобщей свободе. Символом этой свободы и был *сварадж*.

В годы учебы Абхая студенты держали свои националистические симпатии при себе: колледж был престижным. Чтобы получить диплом и в будущем рассчитывать на карьеру, студент должен был относиться к учебе серьезно. Открыто выступать против британского правления или в пользу независимости Индии было нельзя — смельчаку грозило исключение. Только самые отчаянные осмеливались рисковать своим образованием и карьерой. Поэтому студенты приходили на собрания тайком и слушали революционеров:

— Мы хотим *сварадж*! Мы хотим независимости! Свое правительство! Свои школы!

* * *

Гоур Мохан смотрел на сына с тревогой. Для него Абхай не был одним из сотен миллионов людей, призванных изменить политическую судьбу Индии, — Абхай был его любимым сыном. Пока мировые события сменяли друг друга на арене истории, Гоура Мохана больше волновало благополучие сына и его будущее — такое, каким он хотел его видеть и о каком постоянно молился. Он хотел, чтобы Абхай стал чистым вайшнавом, преданным Радхарани. Он научил Абхая поклонению Кришне и безупречному поведению. Он дал своему сыну образование. Теперь Гоур Мохан думал о том, чтобы его женить.

По ведической традиции ответственность за устройство брака возлагается на родителей юноши и девушки, причем это должно произойти до того, как девушка достигнет половой зрелости. Первую свою дочь Гоур Мохан выдал замуж, когда ей было девять лет, вторую — в двенадцать лет, а третью — в одиннадцать. Когда второй дочери пошел двенадцатый год, Раджани сказала:

— Если ты сейчас же не выдашь ее замуж, я пойду на реку и утоплюсь!

В ведической традиции ухаживать за девушками было не принято, а молодым супругам не позволялось жить вместе в первые годы после свадьбы. Служение девушки своему мужу начиналось с того, что в доме своих родителей она готовила для него пищу, которую затем приносила и подавала ему. Встречаться они могли только в официальной обстановке. Взрослея, девушка и юноша так привязывались друг к другу, что им и в голову не приходило расстаться. Девушка естественным образом оставалась верной мужу, поскольку до достижения половой зрелости не общалась с другими юношами.

У Гоура Мохана в Калькутте было много друзей, у которых были достойные дочери, и он долго подыскивал для Абхая подходящую невесту. Наконец, после долгих раздумий, он остановил выбор на Радхарани Датта, девушке из сословия *суварна-ваник*, из семьи, состоящей в родстве с

Малликами. Радхарани было одиннадцать лет. Гоур Мохан поговорил с ее отцом, и обе семьи дали согласие на брак.

Абхай учился на третьем курсе колледжа и не имел никакого заработка, но брак среди студентов в те дни был обычным делом. Абхаю не понравился выбор отца — он хотел жениться на другой девушке, — но из уважения к отцу он поборол свое неудовольствие. Какое-то время Абхай и Радхарани жили раздельно, каждый — в своей семье, поэтому Абхай мог не торопиться брать на себя ответственность за поддержание семьи. Сначала он должен был окончить колледж. Шел 1918 год. Абхаю исполнилось двадцать два года.

Обучаясь на четвертом курсе Колледжа Шотландских церквей, Абхай начнет подумывать об отказе от диплома. Будучи сторонником национально-освободительного движения, он хотел, чтобы у Индии были свои, народные школы и свое, а не британское правительство. Но альтернативы пока не было. Ганди призывал индийских студентов бросить учебу. Он говорил, что английские школы внушают индийцам рабское сознание; они делают студента марионеткой в руках британцев. Но без диплома нельзя было рассчитывать сделать карьеру. Абхай тщательно обдумывал свой выбор.

Гоур Мохан не хотел, чтобы Абхай поступил опрометчиво. Для сына он всегда старался делать все как можно лучше, но Абхаю уже исполнилось двадцать три года, и он должен был сам принимать решения. Гоур Мохан думал и о будущем. Согласно гороскопу, в семьдесят лет его сын станет выдающимся религиозным проповедником, хотя сам Гоур Мохан, разумеется, не надеялся дожить до этого. И так как у него не было оснований сомневаться в гороскопе, он хотел подготовить Абхая. Он пытался планировать все в соответствии с этой целью — но кто мог угадать, каков план Кришны? Все зависело от Господа, а Господь — выше национализма, выше законов астрологии, выше планов и желаний скромного торговца тканями, который хотел, чтобы его сын стал чистым преданным Шримати Радхарани и проповедником «Шримад-Бхагаватам». Хотя Гоур Мохан всегда позволял Абхаю делать все, что тот захочет, при этом он всегда заботливо направлял его на путь, который считал наилучшим. И теперь, не вмешиваясь в решение Абхая относительно колледжа, Гоур Мохан старался найти для него хорошую работу, которая не зависела бы от дальнейшего развития событий.

В 1920 году Абхай окончил четвертый курс колледжа и успешно выдержал экзамен на степень бакалавра. Затем, когда последние экзаменационные испытания остались позади, он взял короткий отпуск. Абхай сел на поезд и через несколько часов был в Джаганнатха-Пури. Так наконец исполнилось его заветное желание.

Шрила Прабхупада: *Когда я был ребенком, я каждый день думал: «Как добраться до Джаганнатха-Пури?» и «Как доехать до Вриндавана?» В то время билет до Вриндавана стоил четыре или пять рупий, и столько же — до Джаганнатха-Пури. Вот я и думал: «Когда же я поеду?» При первой же возможности я поехал в Джаганнатха-Пури.*

Он шел по широкой улице, по которой тысячи лет проходила Ратха-ятра. На рынке в магазинчиках продавались маленькие вырезанные из дерева и ярко раскрашенные *мурти* Господа Джаганнатхи. Хотя время Ратха-ятры еще не наступило, туристы вовсю покупали сувениры и *прасад* Джаганнатхи. Храмовым Божествам Джаганнатхи, Баларама и Субхадры каждый день во время поклонения предлагают в огромных горшках пятьдесят шесть блюд из гороха, вареного риса и овощей.

Абхай вошел в храм и увидел Божества. На одной из колонн в главном зале стояло *мурти* Господа Чайтанья, проявившегося в шестирукой форме: как Кришна, Рама и *санньяси* — Сам Господь Чайтанья. Господа Чайтанью хорошо помнили в Пури, где Он провел последние восемнадцать лет жизни, устраивая *харинама-санкиртану* со Своими последователями и восторженно танцуя на ежегодной Ратха-ятре, когда колесницы в окружении тысяч преданных двигались вдоль главной улицы. Господь Чайтанья танцевал перед колесницами, теряя сознание от экстаза Своей великой любви в разлуке с Господом Кришной.

Проходя по дороге, по которой каждый год движется праздничное шествие, Абхай вспомнил, как и сам он в детстве пел и танцевал на улице. Вспомнил свою маленькую колесницу, праздничную процессию, улыбающегося Джаганнатху, своих отца и мать, Радху-Говинду... Когда-то, в детстве, слава Господа Джаганнатхи вдохновила его, и это чувство оставалось с ним все эти годы: «Когда же я поеду в Джаганнатха-Пури?» Его детская мечта посетить Пури и Вриндаван, постоянное изучение расписания идущих туда поездов, все эти планы, которые он строил начиная с пяти лет, — все это не сводилось к желанию совершить экскурсию по базару в Пури или просто один раз посмотреть на Божество в шумном, переполненном храме. Этого было явно мало. Им двигала преданность Кришне. Он хотел приехать в Пури как паломник.

Сейчас Абхай находился под сильным влиянием идей национализма. Вдобавок он недавно женился, и впереди его ожидали дела, связанные с дипломом и будущей карьерой. Но сейчас он, пока еще юноша, в одиночестве шел по улицам Пури, где когда-то жил Господь Чайтанья и где по-прежнему живет Господь Кришна в форме Джаганнатхи. Абхай наслаждался выпавшей ему возможностью отдохнуть от груза обязанностей в Калькутте. Тогда он еще не знал, какую роль в его жизни сыграют любовь к Кришне и это святое место паломничества. Абхай знал, что Кришна важнее всего остального — что Он Бог, верховный повелитель и внутренний наставник всех и каждого. Но видел он и то, что зачастую служение Богу оказывается лишь внешним, формальным и поверхностным. Даже националистами, хотя они никогда не расстаются с «Гитой», больше движет идея национализма, нежели учение Кришны. И только искренние преданные понимают, как привлекателен Кришна и как важно служить Ему. Таким преданным был его отец.

В Пури с Абхаем произошел интересный случай. Гоур Мохан дал ему рекомендательное письмо к своему знакомому, жителю Джаганнатха-Пури. Этот человек очень радушно принял Абхая, однако, когда он принес обед для гостя, Абхай заметил в одном из горшков какой-то странный кусочек. На его вопрос хозяин ответил:

— Это мясо.

Абхай не смог скрыть своего потрясения:

— Нет! Да вы что?! Я никогда не ел мяса!

Абхай изумленно посмотрел на хозяина:

— Никак не ожидал увидеть такое в Пури.

Смущенный хозяин сказал:

— Ну, я не знал... Я думал, так будет лучше...

Успокоив хозяина, Абхай отказался от его угощения и больше у него не обедал. С этого дня он ел только *прасад* Джаганнатхи из храма.

Три или четыре дня Абхай гостил в Пури, обходя святы места и гуляя по знаменитому океанскому побережью города с его искрящимся пляжем и мощным прибоем. Несколько раз он замечал, что некоторые священнослужители из храма Джаганнатхи курят *биди*. Слышал он и о других неприглядных поступках служителей храма. Что это за «*садху*», которые едят рыбу и курят? В этом отношении пребывание в Джаганнатха-Пури немного разочаровало его.

* * *

Вернувшись в Калькутту, Абхай застал молодую жену в слезах. Оказывается, подруги наговорили ей, что он больше никогда не вернется. Абхай заверил ее, что причин для беспокойства нет и что ей сказали неправду: он отлучался лишь на несколько дней и уже вернулся.

Хотя семейная жизнь Абхая только начиналась, он не был ею доволен. Радхарани Датта была привлекательной девушкой, но Абхаю она никогда не нравилась. Он начал подумывать о том, что, возможно, другая, вторая жена будет лучше. В индийском обществе дозволялось иметь двух жен, и Абхай, решив на этот раз взять дело в свои руки, хотел обратиться к родителям еще одной девушки. Но когда отец узнал об этом, он позвал Абхая и сказал:

— Дорогой мой, ты хочешь взять вторую жену, но мой совет — не делай этого. Если жена тебе не нравится, прими это как милость Кришны. Это большая удача. Если ты не будешь чересчур привязан к жене и семье, это поможет тебе в духовной жизни.

Абхай прислушался к совету отца: он высоко ценил его духовный взгляд на вещи. Слова Гоура Мохана заставили его задуматься. «Это поможет тебе в духовной жизни». Абхаю это понравилось. Он смирился со своим положением и согласился остаться с женой, дарованной ему судьбой.

Имя Абхая Чарана Де появилось в списках студентов, успешно сдавших экзамен на степень бакалавра и приглашавшихся на вручение дипломов. Однако Абхай пришел к выводу, что ему не нужен диплом, выданный Колледжем Шотландских церквей. Хотя диплом гарантировал хорошую карьеру, на этой карьере будет несмываемым пятном лежать британское влияние. А если Ганди добьется успеха, то Индия в скором времени избавится от господства англичан. Решение было принято, и, когда наступил день вручения дипломов, ректорат колледжа узнал об отказе Абхая Чарана. Так он выразил свой протест и отозвался на призыв Ганди.

За последние месяцы движение протеста, возглавляемое Ганди, усилилось. Во время войны индийцы верно служили короне в надежде склонить британцев к тому, чтобы даровать Индии независимость. Но в 1919 году Англия издала Акт Роулетта^[2], целью которого было подавить движение за независимость. Тогда Ганди призвал всех индийцев устроить в знак протеста *хартал*, однодневную забастовку, во время которой люди по всей стране отказались выйти на работу и учебу и остались дома. Хотя это был ненасильственный протест, спустя неделю в Амритсаре, в городском парке Джалианвала-Багх, английские солдаты расстреляли сотни безоружных и беззащитных индийцев, собравшихся на мирный митинг. Ганди окончательно потерял веру в добрые намерения Британской империи относительно Индии. Обратившись к согражданам с просьбой о полном прекращении сотрудничества с Британией, он призвал бойкотировать все, что с ней связано: товары, школы, суды, военные награды. Отказ от диплома еще больше сблизил Абхая с национально-освободительным движением Ганди.

Однако сердцем он был уже не с ними. Абхай никогда не мог отдать свое сердце учебе, диплому, жене — не отдал он его и ярому национализму. Абхаю нравилось это движение, но полной веры в него он не имел. Теперь Абхай не учился и не работал и большую часть времени оставался дома, не заботясь особо ни о карьере, ни о дальнейшем образовании, ни о жене. Однажды, по случаю свадьбы своего друга, он попытался написать стихи. Иногда он читал «Шримад-Бхагаватам» и последние речи Ганди. Ясной картины ближайшего будущего у него не было.

Что до Гоура Мохана, у него планы на жизнь Абхая были, и диплом британского колледжа занимал в них не последнее место. Однако Кришна, казалось, задумал другое. Отказ от диплома в знак политического протеста мог считаться скорее почетным знаком, нежели позорным клеймом, поэтому Гоур Мохан не осуждал сына. Но Абхаю нужна была работа, и Гоур Мохан попросил своего друга, Картика Боуза, устроить Абхая.

Доктор Картик Чандра Боуз с самого детства Абхая был близким другом Гоура Мохана и его семейным врачом. Выдающийся хирург и образованный медик, Боуз владел собственной лабораторией в Калькутте, которая производила лекарственные препараты и другие фармацевтические продукты. Боуз был известен по всей Индии как первый индийский производитель лекарственных препаратов; до него вся фармацевтическая продукция поставлялась европейскими фирмами. Он согласился взять Абхая в свою лабораторию руководителем отдела.

Абхай одинаково плохо разбирался как в производстве лекарств, так и в вопросах управления, однако был твердо уверен, что, прочитав несколько книг на эту тему, узнает все необходимое. Но когда молодого Абхая сразу же назначили руководителем отдела, далеко не все его подчиненные остались этим довольны. Некоторые из них были гораздо старше его и работали в компании уже по сорок лет. Поначалу они жаловались лишь друг другу, но в конце концов пошли к самому доктору Боузу, возмущаясь тем, что ими руководит юнец. Доктор Боуз ответил:

— На этом месте мне нужен человек, которому я мог бы доверять, как собственному сыну. Он подписывает чеки на сорок тысяч рупий. Только ему я могу доверить лично распоряжаться моими счетами в этом отделе. Его отец — мой ближайший друг, а сам он мне как сын.

Гоуру Мохану казалось, что он устроил все как нельзя лучше. Он молился, чтобы принципы чистого вайшнавизма, которым он научил сына, оставались для Абхая путеводной звездой на всю жизнь. Ганди и его движение за независимость помешали Абхаю сделать карьеру, но Абхай по-прежнему склонялся к национализму, хотя делал это не столько из политических, сколько из духовных побуждений. Поэтому Гоур Мохан был доволен. Он знал, что сыну не понравился брак, но Абхай согласился с тем, что непривязанность к жене и семейным отношениям будет способствовать его духовному росту. Абхай по природе своей не проявлял особого интереса к мирской деятельности, и это также не вызывало неудовольствия Гоура Мохана, для которого бизнес всегда стоял на втором месте, после поклонения Господу Кришне. Все его ожидания пока оправдывались: у Абхая была многообещающая работа, и даже из своего не слишком счастливого брака он мог извлечь благо. Гоур Мохан сделал все, что мог, а конечный результат зависел только от Кришны.

* * *

Ганди, возглавив партию Индийский национальный конгресс, начал открытую борьбу против грабительской торговли тканями, которую британцы вели с Индией. Англия по самым низким ценам покупала в Индии хлопок, изготавливала из него одежду на фабриках Ланкашира и затем, пользуясь положением монополиста, втридорога продавала эту одежду миллионам

индийцев. Ганди постоянно повторял в выступлениях, что индийцы должны начать снова, как и раньше, производить свои ткани с помощью простых прялок и самодельных ткацких станков, бойкотируя таким образом ткани из Англии и подрывая экономическую основу британского правления в Индии. Путешествуя на поездах по всей стране, Ганди постоянно обращался к соотечественникам с просьбой не покупать иностранную одежду и носить только простое *кхади*, произведенное на местных предприятиях. В доколониальные времена индийцы пряли и ткали сами. Ганди утверждал, что, разрушив надомный промысел Индии, англичане обрекли индийский народ на полуголодное существование.

Подавая личный пример, Ганди сам каждый день работал за простой прялкой и носил только грубую набедренную повязку и домотканое покрывало. На митингах он просил людей выходить вперед и выбрасывать импортную одежду. Люди тут же приносили одежду, сваливали в кучи, а он их поджигал. Жена Ганди жаловалась, что домотканая одежда слишком плотная, и в ней неудобно готовить; она попросила разрешения во время приготовления пищи надевать легкую английскую одежду.

— Да, у тебя есть право готовить в этой фабричной одежде, — сказал ей Ганди, — но у меня есть такое же право не принимать эту пищу.

Призыв Ганди к возрождению надомного промысла был Абхая по душе. Его тоже не очень-то радовали достижения британской промышленности в Индии. Простая жизнь была хороша не только потому, что могла стать основой национальной экономики страны, как подчеркивал Ганди, — Абхай был убежден, что такой образ жизни будет способствовать развитию духовной культуры. Абхай тоже перестал носить фабричную английскую одежду и облачился в *кхади*. Теперь, кого бы он ни встретил, англичанина или индийца, одежда выдавала его убеждения: он был националистом, сочувствующим революции. В 1920-х годах в Индии ношение *кхади* было не просто данью моде; так выражались политические взгляды. Одежда Абхая свидетельствовала о том, что он — последователь Ганди.

3 УДИВИТЕЛЬНЫЙ СВЯТОЙ

Не было и не будет во всем мире благодетелей, равных Чайтанье Махапрабху и Его преданным слугам. «Блага», предлагаемые другими, — ложны; они несут больше вреда, чем пользы, тогда как Махапрабху и Его последователи дают величайшее благо, истинное и вечное, причем не для какой-то одной страны в ущерб другой, а для всей Вселенной.

— Шрила Бхактисиддханта Сарасвати

НАРЕНДРАНАТХ Маллик, друг Абхая, настаивал. Он хотел, чтобы Абхай познакомился с приезжим *садху* из Майяпура. Сам Нарен и некоторые его друзья уже встречались с этим *садху* в его *ашраме*, расположенном неподалеку, на Ультаданга-Джанкшн-Роуд, и сейчас их интересовало мнение Абхая. В кругу друзей Абхай был признанным лидером, и если бы он высоко оценил приезжего *садху*, это придало бы веса мнению остальных. Абхай не хотел идти, однако Нарен настаивал.

Они спорили посреди тротуара на переполненной прохожими вечерней улице, по которой с шумом двигались конные экипажи, повозки, запряженные быками, редкие такси и автобусы. Нарен крепко схватил друга за руку и тащил его вперед, но Абхай, улыбаясь, упрямо тянул в другую сторону. Нарен убеждал Абхая хотя бы ненадолго зайти в *ашрам*, который находился совсем неподалеку, в нескольких кварталах, но Абхай только смеялся и просил отпустить его. Для прохожих два молодых человека представляли собой любопытную сцену: симпатичного юношу, одетого в *дхоти* и белую курту из *кхади*, куда-то тащит за руку его друг.

Нарен объяснял, что этот *садху*, Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, был великим вайшнавом, последователем Чайтаньи Махапрабху. Один из его учеников-санньяси посетил дом Малликов и пригласил их на встречу со Шрилой Бхактисиддхантой. На Малликов встреча произвела огромное впечатление.

Но Абхай был настроен скептически:

— Нет-нет! Знаю я всех этих *садху*, — говорил он. — Я не пойду.

В детстве Абхай видел немало *садху* — его отец ежедневно приглашал домой по меньшей мере трех или четырех. Многие из них были обычными попрошайками, а некоторые даже курили *ганджу*. Гоур Мохан был очень великодушен и приглашал к себе всякого, кто носил шафрановую одежду *санньяси*. Но разумно ли считать святым попрошайку или курильщика *ганджи* только потому, что на нем одежды *санньяси*, или потому, что он собирает пожертвования на строительство монастыря или красиво говорит?

Нет. В общем и целом они вызывали разочарование. В одном квартале с Абхаем жил человек, который был профессиональным попрошайкой. Утром,

когда все надевали рабочую одежду и шли на работу, этот человек облачался в шафран и выходил на улицу просить милостыню, зарабатывая тем себе на жизнь. Неужели этот так называемый *садху* стоит того, чтобы его посещать, словно он *гуру*?

Нарен же, казалось, чувствовал, что этот *садху* — великий ученый, и пытался убедить Абхая хотя бы раз увидеться с ним, а уж потом делать выводы. Абхай долго просил Нарена не уговаривать его, но в конце концов сдался. Друзья прошли мимо джайнского храма Парснатх до дома номер 1 на улице Ультаданга, на котором висела табличка «Бхактивинод Асана», указывавшая на то, что это помещение принадлежит Гаудия-матху.

Встретивший их у дверей молодой человек узнал господина Маллика, который недавно дал Матху пожертвование, и сразу же проводил их на крышу второго этажа, где в тишине и прохладе раннего вечера сидел Шрила Бхактисиддхант Сарасвати с несколькими учениками и гостями.

Шрила Бхактисиддхант Сарасвати держался очень прямо и оттого выглядел высоким. Он был строен, руки имел длинные, а кожу — светло-золотистую. Он носил круглые бифокальные очки в простой оправе. Нос у него был острым, а лоб — широким; он производил впечатление ученого, но при этом совсем не казался робким. Вертикальный знак вайшнавского *тилака* у него на лбу был хорошо знаком Абхаю, равно как и одеяние *санныяси*, наброшенное на правое плечо и оставлявшее левое плечо и половину груди открытыми. *Садху* носил бусы из *туласи*, а на его шее, плечах и предплечьях можно было заметить все тот же вайшнавский *тилак*. Ослепительно-белый брахманский шнур обвивал его шею и пересекал грудь. Абхай и Нарен, воспитанные в вайшнавских семьях, сразу же распростерлись в поклоне при виде почтенного *санныяси*.

Не успели два друга подняться и сесть, как Шрила Бхактисиддхант тут же, без долгих предисловий, обратился к ним:

— Вы образованные молодые люди. Почему вы не проповедуете послание Господа Чайтаньи Махапрабху по всему миру?

Абхай не поверил своим ушам. Они еще даже не обменялись мнениями, а этот *садху* уже говорит, что им делать! Сидя лицом к лицу со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, Абхай не успел толком собраться с мыслями и сообразить, что к чему, а этот человек уже велит им стать проповедниками и путешествовать по всему миру!

Абхая это сразу же впечатлило. Но он не собирался отказываться от своего интеллигентского скептицизма. Тем более что слова *садху* вызвали у Абхая несколько вопросов. Одеждой из *кхади* Абхай уже заявил о своей принадлежности к движению Ганди, и теперь у него возникло желание поспорить. Но, внимая словам Шрилы Бхактисиддханты, Абхай, покоренный силой его убежденности, вдруг почувствовал, как его расположение к этому *садху* начинает расти. Он увидел, что Шрилу Бхактисиддханту, кроме Господа Чайтаньи, ничто не интересует, и понял: именно в этом заключается величие этого человека. Потому-то к нему и тянулись люди; потому-то и сам Абхай

почувствовал расположение к нему, был вдохновлен и покорён его словами и хотел слушать снова и снова. И все-таки, чтобы установить истину, он считал своим долгом вступить в спор.

Абхая неодолимо тянуло устроить дискуссию в ответ на слова, сказанные Шрилой Бхактисиддхантой в первые мгновения их встречи.

— Кто станет слушать послание Чайтаньи? — спросил Абхай. — Индия — зависимая страна. Прежде всего нам необходимо обрести независимость. Как можно распространять индийскую культуру, находясь под гнетом Британии?

Вопрос был задан без всякой дерзости и высокомерия, но в нем отчетливо звучал вызов. Если принимать предложение святого всерьез — а в поведении Шрилы Бхактисиддханты пока не было ничего, что указывало бы на его несерьезность, — Абхаю нужно было обязательно спросить, как можно предлагать такое, когда Индия зависима.

Тихим, низким голосом Шрила Бхактисиддханта ответил, что сознание Кришны не обязано ждать, пока в политике Индии произойдут перемены; не зависит оно и от тех, кто управляет страной. Сознание Кришны *так* важно — исключительно важно, — что не может ждать.

Абхай был потрясен его смелостью. Как можно заявлять такое? Весь Индийский субконтинент, за исключением этой маленькой крыши на Ультаданге, был охвачен волнениями и, казалось бы, поддерживал то, о чем говорил Абхай. Многие влиятельные люди Бенгалии, многие святые и даже сам Ганди — все они, люди образованные и праведные, могли задать тот же вопрос, оспаривая уместность и своевременность предложений этого *садху*. Он же отметал их доводы как что-то совсем незначительное.

Шрила Бхактисиддханта продолжал:

— Власти всегда сменяли друг друга, они временны. Вечная реальность — это сознание Кришны, а истинное «я» — душа. Поэтому никакая созданная людьми политическая система не может по-настоящему помочь человечеству. Таково заключение ведических писаний и духовных учителей. Каждый человек — вечный слуга Бога, но, когда он начинает отождествлять себя с бренным телом, а свою нацию считать объектом поклонения, он становится жертвой иллюзии. Лидеры и последователи мировых политических движений, включая движение за независимость, только множат эту иллюзию. Подлинное же благо заключается в той деятельности, которая, будь то на индивидуальном, общественном или политическом уровне, помогает человеку подготовиться к следующей жизни и восстановить его вечные отношения со Всевышним.

Шрила Бхактисиддханта Сарасвати много раз подчеркивал эти идеи в своих работах:

Не было и не будет во всем мире благодетелей, равных Чайтанье Махапрабху и Его преданным слугам. «Блага», предлагаемые другими, — ложны; они несут больше вреда, чем пользы, тогда как Махапрабху и Его последователи дают величайшее благо, истинное и вечное, причем не для

какой-то одной страны в ущерб другой, а для всей Вселенной... Милость, которую проявил Шри Чайтанья Махапрабху ко всем *дживам*, навсегда освобождает их от всех желаний, неудобств и несчастий... Эта милость не несет в себе ни тени зла, и *дживы*, получившие ее, не падут жертвами пороков этого мира.

Внимательно слушая аргументы Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, Абхай вспомнил слова одного бенгальского поэта, который писал, что есть много стран, менее развитых в культурном отношении по сравнению с Индией, но при этом независимых, тогда как Индия страдает от политического гнета. Абхай хорошо знал философию национализма, в которой подчеркивалось, что в первую очередь Индия должна стать независимой. Британцы угнетают и уничтожают невинных граждан — такова объективная реальность. Следовательно, независимость принесет людям благо. Духовная жизнь — роскошь, которую можно позволить себе только после обретения свободы. А в настоящий момент единственно важное духовное движение — это национально-освободительное движение Сварадж. Народное движение и есть Бог!

Но то, что Абхай вырос в семье вайшнавов, позволило ему по достоинству оценить сказанное Шрилой Бхактисиддхантой. Абхай уже понял, что Бхактисиддханта Сарасвати не был одним из множества сомнительных «*садху*» — в его словах звучала истина. Этот *садху* не выдумывал своей собственной философии. В нем не было ни воинственности, ни гордыни, хотя проповедовал он так, что не оставлял и камня на камне от практически любого другого учения. Он говорил о неподвластной времени философии Вед и наставлениях мудрецов, и Абхаю нравилось его слушать.

Иногда Шрила Бхактисиддханта говорил на английском, иногда на бенгали и время от времени цитировал санскритские стихи из «Бхагавад-гиты», провозглашая Шри Кришну высшим авторитетом в ведическом знании. В «Бхагавад-гите» Кришна говорит, что человек должен оставить все якобы религиозные обязанности и предаться Ему, Верховной Личности Бога (*сарва-дхарман паритйаджйа мам экам шаранам враджа*). Это подтверждается и в «Шримад-Бхагаватам»: *дхармах проджджхита-каитава 'тра парамо нирматсаранам сатам* — все прочие формы религии не чисты и потому должны быть отвергнуты. Только *бхагавата-дхарма*, исполнение долга ради удовольствия Верховного Господа, достойна того, чтобы ей следовать. Проповедь Шрилы Бхактисиддханты была настолько обоснованной, что всякий, кто признавал авторитет *шастр*, вынужден был согласиться с его выводами.

Современные люди безбожны, говорил Бхактисиддханта, они утратили веру в то, что преданное служение способно решить все проблемы, в том числе и политические. Он подверг резкой критике всех, кто, не имея знаний о душе, претендовал на положение лидеров. Он даже назвал несколько имен политических деятелей того времени, указав на их недостатки.

Бхактисиддханта подчеркивал, что необходимо срочно просвещать людей при помощи духовного знания, знания о вечной душе, ее взаимоотношениях с Кришной и преданном служении, — знания, которое принесет величайшее благо человечеству.

Абхай всегда помнил о поклонении Господу Кришне и о Его наставлениях, запечатленных в «Бхагавад-гите». Его семья всегда поклонялась Господу Чайтанье Махапрабху, миссии которого посвятил себя Бхактисиддханта Сарасвати. Преданные из Гаудия-матха служили Кришне, и Абхай тоже всю жизнь поклонялся Кришне и никогда не забывал Его. Но теперь, услышав столь блестящую проповедь философии вайшнавов, он был потрясен. Он не забывал Кришну, несмотря на учебу в колледже, семью, национальное движение и прочие дела. Но слова Бхактисиддханты Сарасвати раздули тлевший в нем огонь его изначального сознания Кришны, и благодаря словам этого *садху* Абхай уже не просто помнил Кришну, но чувствовал, что его сознание Кришны усилилось в тысячу, в миллион раз. То, что он не мог выразить, когда был ребенком, то, что еще очень смутно ощущал в Джаганнатха-Пури, то, от чего отвлекала учеба в колледже, и то, что как зеницу ока берег в нем его отец, сейчас проснулось в груди Абхая сильнейшим ответным чувством, которое он хотел сохранить.

Он видел, что побежден, но ему это нравилось. Он вдруг вспомнил, что никогда в своей жизни не терпел поражений. Но это поражение не было потерей. Напротив, это был огромный выигрыш.

Шрила Прабхупада: *Я вырос в вайшнавской семье, поэтому смог оценить его проповедь. Конечно, он говорил, обращаясь ко всем, но во мне он нашел что-то особенное. Меня же убедили его аргументы и манера изложения. Я был просто ошеломлен. Я понял: он именно тот человек, который может донести до других истинное понимание религии.*

Было уже поздно. Абхай и Нарен беседовали с *садху* около двух часов. Один из *брахмачари* положил им в ладони по кусочку *прасада*; они встали, поблагодарили и попросили разрешения уйти.

Друзья спустились по лестнице и вышли на улицу. Уже стемнело. Кое-где горели фонари, и некоторые магазины еще работали. Абхай, глубоко удовлетворенный, обдумывал услышанное. На него произвели глубокое впечатление слова Шрилы Бхактисиддханты о том, что движение за независимость — предприятие временное и несовершенное. Теперь Абхай чувствовал себя скорее не националистом, а последователем Шрилы Бхактисиддханты. Ему пришло в голову, что было бы гораздо лучше, если бы он не был женат. Этот великий святой просил его проповедовать; Абхай мог бы немедленно присоединиться к нему. Но оставить семью для него как для *грихастхи* было бы безответственно.

Когда они отошли от *ашрама* на некоторое расстояние, Нарен повернулся к другу:

— Ну что, Абхай, каково твое впечатление? Что ты о нем думаешь?

— Он удивительный человек! — ответил Абхай. — Послание Господа Чайтаньи в надежных руках.

Шрила Прабхупада: *Я сразу же приняла его своим духовным учителем. Не формально, а в сердце. Я думал, что встретил удивительного святого.*

* * *

После первой встречи со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати Абхай начал общаться с преданными из Гаудия-матха. Они дали ему книги и рассказали о жизни своего духовного учителя.

Шрила Бхактисиддханта Сарасвати был одним из пятнадцати детей Бхактивиноды Тхакура, великого вайшнавского гуру в цепи ученической преемственности, берущей начало от Самого Господа Чайтаньи. До прихода Бхактивиноды в этот мир учение Господа Чайтаньи постоянно искажалось всевозможными самозванными учителями, которые, объявляя себя последователями Господа Чайтаньи, сильно отклонялись от Его наставлений. Доброе имя вайшнавизма было запятнано. Но Бхактивинода Тхакур своими многочисленными литературными трудами и благодаря своему положению высокопоставленного правительственного чиновника сумел восстановить честь вайшнавизма. Бхактивинода утверждал, что наставления Господа Чайтаньи, заключающие в себе высшую форму теизма, предназначены не для какой-то отдельной религии или нации, а для всего мира. Он предрек, что учение Господа Чайтаньи распространится по всему миру, и сам трудился ради этой цели.

Религия, которую проповедовал [Чайтанья] Махапрабху, универсальна и предназначена для всех... Принцип *киртана* как основы будущей церкви, которая объединит весь мир, предназначен для духовного воспитания и возвышения всех людей, независимо от их касты или рода. Придет время, и эта церковь охватит весь мир, заменив собою те сектантские церкви, что изгоняют чужаков из пределов своих мечетей, соборов и храмов.

Господь Чайтанья пришел не для того, чтобы освободить лишь горстку индийцев. Напротив, Его главной целью было освобождение всех живых существ во всех странах, по всей Вселенной, а также проповедь Вечной Религии. В «Чайтанья-бхагавате» Господь Чайтанья говорит:

— Мое имя будут повторять в каждом городе и в каждой деревне.

Нет сомнений, что это пророчество исполнится... Хотя на земле пока еще нет чистого общества вайшнавов, я уверен, что пророческие слова Господа Чайтаньи сбудутся весьма скоро. Почему нет? Ничто не бывает абсолютно чистым в начале. Из несовершенства родится чистота.

О, когда же настанет тот день, в который счастливые англичане, французы, русские, немцы и американцы возьмут флаги, *мриданги* и

караталы и выйдут с киртаном на улицы своих городов? Когда же придет этот день?

Бхактивинода Тхакур состоял на государственной службе, занимая ответственный пост мирового судьи. Помимо этого он исполнял обязанности управляющего храма Джаганнатхи и был отцом многочисленного семейства. Но, несмотря на занятость, он с неиссякаемой энергией служил делу Господа Кришны. Вечером, вернувшись домой с работы, он ужинал и около восьми часов ложился спать, а в полночь поднимался и до утра писал книги. За свою жизнь он подготовил к изданию и опубликовал более ста трудов — как своих, так и других авторов, — и некоторые из них были на английском языке. Одной из важнейших его заслуг было открытие (вместе с Джаганнатхой дасом Бабаджи) точного места рождения Господа Чайтаньи в Майяпуре, в ста километрах от Калькутты.

Работая над реформой Гаудия-вайшнавизма в Индии, Бхактивинода Тхакур молился Господу Чайтанье:

— Люди перестали воспринимать Твое учение всерьез. Мне не под силу вернуть ему былой авторитет.

Он просил Господа послать ему сына, который помог бы ему в проповеди. Когда 6 февраля 1874 года в Джаганнатха-Пури у Бхактивиноды Тхакура родился Бхактисиддханта Сарасвати, отец и мать и, возможно, некоторые их друзья сочли это событие ответом на молитвы его отца. Когда мальчик родился, пуповина пересекала его грудь, как священный шнур, который носят брахманы. Родители назвали сына Бималом Прасадом.

Когда Бималу Прасаду было шесть месяцев, праздничные колесницы Джаганнатхи остановились у ворот дома Бхактивиноды, и в течение трех дней их не могли сдвинуть с места. Жена Бхактивиноды Тхакура поднялась с младенцем на колесницу и подошла к Божеству Господа Джаганнатхи. Неожиданно младенец протянул руки и коснулся стоп Джаганнатхи и сразу же получил от Него благословение в виде гирлянды, упавшей с тела Господа. Узнав об этом, Бхактивинода Тхакур понял, что обрел наконец сына, о котором молился.

Однажды, когда Бимал Прасад был еще четырехлетним ребенком, отец мягко упрекнул его за то, что тот съел манго, еще не предложенное Господу Кришне. Хотя Бимал был еще совсем маленьким, он посчитал себя оскорбителем Бога и дал обет никогда больше не есть манго. (Этому обету он следовал всю свою жизнь.) К семи годам Бимал Прасад уже выучил наизусть всю «Бхагавад-гиту» и мог толковать некоторые стихи из нее. Отец его, в то время издававший вайшнавский журнал «Саджана-тошани», обучил сына корректуре и типографскому делу. Вместе с отцом Бимал посетил множество святых мест, где слушал лекции ученых *пандитов*.

Будучи студентом, Бимал Прасад предпочитал учебникам книги своего отца. Но, несмотря на это, к двадцати пяти годам он превосходно знал санскрит, математику и астрономию. Он написал множество журнальных

статей и перевел на бенгали две книги: «Сиддханта-широмани», изданную в 1893 году, и вышедшую в 1896 году «Сурья-сиддханту», за работу над которой ему присвоили титул «Сиддханта Сарасвати», в знак признания его эрудиции. Когда Бималу исполнилось двадцать шесть лет, Бхактивинода посоветовал сыну получить духовное посвящение у отрешенного святого вайшнав Гауракишоры даса Бабаджи, который велел ему «проповедовать Абсолютную Истину и оставить все прочие занятия». Получив благословение Гауракишоры даса Бабаджи, Бимал Прасад (теперь уже Сиддханта Сарасвати) решил посвятить свое тело, ум и речь служению Господу Кришне.

В 1905 году Сиддханта Сарасвати дал обет произнести *мантру* Харе Кришна один миллиард раз. Поселившись в соломенной хижине в Майяпуре, недалеко от места рождения Господа Чайтаньи, он день и ночь повторял *мантру* Харе Кришна. Раз в день он варил рис в глиняном горшке и больше ничего не ел. Спал он на голой земле, а во время дождя, когда вода просачивалась через соломенную крышу, продолжал повторять *мантру*, сидя под зонтиком.

В 1911 году, когда его престарелый отец сильно заболел, Сиддханта Сарасвати бросил вызов псевдовайшнавам, заявлявшим, что необходимым условием для того, чтобы проповедовать сознание Кришны, было рождение в их касте. Бхактивинода Тхакур в своих трудах собрал множество цитат из священных писаний, доказывающих, что любой человек, независимо от происхождения, может стать вайшnavом и брахманом, и общество кастовых брахманов было этим недовольно. Чтобы доказать более низкое положение вайшnavов, *смарта-брахманы* организовали дискуссию на эту тему. От имени заболевшего отца Сиддханта Сарасвати написал статью «О различии между брахманом и вайшnavом» и, перед тем как отправиться на диспут, прочел ее Бхактивиноде Тхакуру. Несмотря на болезнь, Бхактивинода Тхакур очень обрадовался, услышав аргументы, которые не оставляли камня на камне от философии *смарта*.

После этого Сиддханта Сарасвати отправился в небольшую деревню в районе Миднапура, где на трехдневный диспут собрались *пандиты* из нескольких областей Индии. На этом собрании он выступил с двумя речами — в начале и в конце. В первую очередь он процитировал множество ведических текстов, прославляющих *брахманов*, что доставило ученым *смартам* большое удовольствие. Затем некоторые *смарта-пандиты* заявили, что родившийся в семье *шудр*, даже получив посвящение у духовного учителя, никогда не сможет очиститься, чтобы выполнять обязанности *брахмана*: поклоняться Божествам или давать посвящение ученикам. Но когда Сиддханта Сарасвати приступил к обсуждению качеств, которыми должен обладать человек, чтобы называться *брахманом*; когда он заговорил о качествах вайшnavа, о том, как связаны между собой *брахман* и вайшнав, и о том, кто, согласно ведическим текстам, достоин быть духовным учителем и принимать учеников, от радости противников вайшnavизма не осталось и следа. Опираясь на священные писания, Сиддханта Сарасвати убедительно доказал,

что человек, родившийся *шудрой*, но при этом проявляющий качества *брахмана*, должен считаться *брахманом*, а его происхождение не следует принимать в расчет. Если же человек родился в семье *брахмана*, а ведет себя как *шудра*, то он не *брахман*. Когда Сиддханта Сарасвати закончил речь, его, под одобрительные крики тысяч слушателей, поздравил председатель собрания. Это было триумфом вайшнавизма.

С уходом отца, в 1914 году, и духовного учителя, в 1915-м, Сиддханта Сарасвати продолжил миссию Господа Чайтаньи. Он возобновил издание журнала «Саджана-тошани» и основал типографию «Бхагват пресс» в Кришнанагаре. Затем, в 1918 году, в Майяпуре, он, сидя перед изображением Гауракишоры даса Бабаджи, принял посвящение в *санньясу*. Во время посвящения он принял титул *санньяси* «Бхактисиддханта Сарасвати Госвами Махараджа».

Для Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати важнейшим инструментом массового распространения сознания Кришны был типографский станок. Он называл его *брихад-мридангой* — большой *мридангой*. По давней традиции, идущей еще со времен Господа Чайтаньи, на *мриданге* обычно играют во время *киртана*. Хотя Бхактисиддханта Сарасвати сам руководил группами *киртана* и посылал группы преданных выходить с пением святого имени на улицы, такие *киртаны* были слышны только в пределах одного или двух кварталов. Но звук большой *мриданги* — типографского станка — мог разнести послание Господа Чайтаньи по всему миру.

Книги, которые начал читать Абхай, по большей части были напечатаны в издательстве «Бхагват пресс», основанном Бхактисиддхантой Сарасвати в 1915 году. Это издательство выпустило «Чайтанья-чаритамриту» с комментариями Бхактисиддханты Сарасвати, «Бхагавад-гиту» с комментариями Вишванатхи Чакраварти и, одну за другой, все работы Бхактивиноды Тхакура. В этих книгах хранилось бесценное духовное наследие, оставленное Господом Чайтаньей Махапрабху, который пришел в этот мир почти пятьсот лет назад.

С самого детства Абхай был преданным Господа Чайтаньи, и ему была хорошо знакома Его биография, запечатленная в широко известных книгах — «Чайтанья-чаритамрите» и «Чайтанья-бхагавате». Он знал, что Господь Чайтанья был не только великим преданным и знаменитым проповедником, распространившим святое имя по всей Индии, — Он был Самим Богом в образе, соединившем в себе Радху и Кришну. Но теперь Абхай впервые прикоснулся к великому сокровищу литературы, написанной близкими спутниками и последователями Господа. Это сокровище, преумноженное великими преданными, бережно передавалось по цепи духовных учителей. Ближайшие последователи Господа Чайтаньи: Шрила Рупа Госвами, Шрила Санатана Госвами, Шрила Джива Госвами и другие — написали, опираясь на Веды, множество книг, в которых неопровержимо доказали, что в учении Господа Чайтаньи содержится суть ведической мудрости. Многие из этих книг раньше никогда не публиковались, но Шрила Бхактисиддханта Сарасвати был

полон решимости открыть много издательств, чтобы на благо всего человечества повсюду раздавались звуки *брихад-мриданги*.

Шрила Бхактисиддханта Сарасвати учил главному из наставлений Господа Чайтаньи: тому, что Господь Кришна — Верховная Личность Бога, а пение и повторение Его святого имени превышает всех остальных форм религиозной практики. В другие эпохи люди могли прийти к Богу и другими путями, но сейчас, в эпоху Кали, к духовному совершенству может привести только пение и повторение имен Кришны. Опираясь на авторитет священных писаний, таких как «Брихан-Нарадия-пурана» и Упанишады, Бхактивинода Тхакур особенно подчеркивал важность *маха-мантры*: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Сам Господь Кришна подтверждает в «Бхагавад-гите», что единственный способ прийти к Богу — преданное служение: «Оставь все религии и просто предайся Мне. Я избавлю тебя от всех последствий твоих грехов. Не бойся ничего».

Абхай знал эти стихи, знал о силе повторения святого имени, было известно ему и заключение «Гиты». Но сейчас, когда он с жадностью читал труды великих *ачарьев*, ему открывалось новое понимание масштабов миссии Господа Чайтаньи. Он видел, насколько глубоко вайшнавское наследие и какое великое благо оно несет людям этого века, обреченным на страдания и беспокойства.

* * *

Шрила Бхактисиддханта много путешествовал, а Абхай был постоянно занят семьей и бизнесом, поэтому долго не мог снова встретиться с ним. Но после той первой встречи Абхай стал считать Бхактисиддханту Сарасвати своим духовным учителем. «Я встретил удивительного святого», — думал он. Когда выпадала возможность, Абхай общался с учениками Шрилы Бхактисиддханты, членами Гаудия-матха.

Что же касается движения Ганди, оно пошло на спад. Это случилось после того, как последователи Ганди, поборники ненасилия, совершили грубую ошибку, применив насилие во время акции протеста. Британцы воспользовались этим, арестовали Ганди и приговорили его к шести годам тюрьмы. Хотя последователи все еще боготворили его, национально-освободительное движение потеряло свою былую силу. Но Абхай и без того уже не проявлял к нему интереса. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати разрушил его убежденность в том, что национальное движение — дело первостепенной важности для Индии. Он пробудил в Абхае его изначальное сознание Кришны, и сейчас Абхай был уверен, что на первом месте должна стоять миссия Бхактисиддханты. С той минуты, когда Шрила Бхактисиддханта предложил Абхаю посвятить себя проповеди, тот мечтал присоединиться к Гаудия-матху, став одним из учеников *ачарьи*. Но сейчас, когда политические взгляды уже не мешали, перед ним стояло другое препятствие — семейный

долг. Когда-то он думал: «Сначала станем независимой нацией, а уж потом приступим к проповеди учения Господа Чайтаньи». Теперь он размышлял иначе: «Я не могу посвятить себя этому, как другие. У меня есть обязанности перед семьей».

А семья росла. В 1921 году у Абхая появился первый ребенок, сын. В будущем ожидалось еще прибавление, а это требовало увеличения доходов, на что необходимы были время и силы. И это (по крайней мере, на первый взгляд) отвлекало Абхая от миссии Бхактисиддханты Сарасвати. В индийской культуре институту семьи придавалось очень большое значение, и развод был делом немыслимым. Хотя, отрекшись от мира, Абхай имел бы гораздо больше возможностей служить миссии своего гуру, он никогда всерьез не думал о том, чтобы покинуть молодую жену в самом начале их семейной жизни. Гоур Мохан был рад, когда услышал, что сын встретил гуру-вайшнава, но он не хотел, чтобы Абхай отказывался от своей ответственности и отрекался от мира. Вайшнав может оставаться семьянином, заниматься духовной практикой дома и даже активно проповедовать. Абхаю нужно было найти возможность служить миссии Бхактисиддханты, не оставляя при этом положения семейного человека.

Абхай думал, что если он станет преуспевающим бизнесменом, то сможет не только содержать семью, но и помогать деньгами Шриле Бхактисиддханте Сарасвати в проповеди сознания Кришны. В прошлом некий астролог предсказал, что Абхай станет одним из богатейших людей Индии, однако пока почти весь его заработок уходил на содержание семьи. Он решил, что будет лучше открыть свое дело.

Абхай поделился своими замыслами с доктором Боузом, и тот с пониманием, словно родной отец, выслушал его и предложил Абхаю стать его представителем в Северной Индии. Абхай мог бы оптом закупать в лаборатории доктора Боуза лекарства, мази, очищенный спирт, зубную пасту и другую продукцию и, путешествуя по северу Индии, налаживать свое дело. Кроме того, благодаря большому опыту, полученному в лаборатории Боуза, Абхай мог попытаться начать производство и продажу собственных лекарственных препаратов. Они решили, что расположенный в центре Индии Аллахабад идеально подходит для открытия в нем главного представительства фирмы Абхая.

* * *

В 1923 году Абхай вместе с женой и сыном переехал в Аллахабад, расположенный в двенадцати часах езды на поезде к северо-западу от Калькутты. В прошлом Аллахабад был столицей Объединенных провинций, и британцы построили здесь множество прекрасных зданий, включая здания Верховного суда и Университета. В современной, хорошо освещенной части города с мощеными тротуарами жили европейцы и богатые индийцы, в

частности семья Неру. А в старых кварталах со старинными узкими улочками, вдоль которых жались друг к другу дома и магазины, проживали в больших количествах бенгальцы, и именно там решил обосноваться Абхай со своей семьей.

Аллахабад, древнее название которого — Праяг, был не только хорошим местом для бизнеса, но и одним из известнейших в Индии мест паломничества. В Аллахабаде, что стоит в месте слияния трех священных рек — Ганги, Ямуны и Сарасвати, по сей день проводятся два самых многолюдных в стране религиозных праздника — ежегодная Магха-мела и Кумбха-мела, которая проходит раз в двенадцать лет. Желая духовного очищения, каждый год в полнолуние месяца *магха* (январь-февраль) миллионы паломников стекаются сюда со всех уголков Индии, чтобы омыться в месте слияния трех священных рек.

Абхай снял несколько комнат в доме на Бадшахи-Мунди, а для бизнеса арендовал небольшой магазинчик в коммерческом центре города на Джонстон-Ганг-Роуд, где открыл свою аптеку, «Праяг фармаци», и начал продавать лекарства, настойки, сиропы и другие препараты из лаборатории Боуза. Абхай познакомился с аллахабадским врачом, доктором Гхошем, который пожелал установить с Абхаем партнерские отношения, и попросил его перенести свой врачебный кабинет в «Праяг фармаци», чтобы начать прием пациентов прямо там. Доктор Гхош согласился и закрыл свой собственный магазин, «Тропикал фармаци».

В «Праяг фармаци» доктор Гхош принимал пациентов и выписывал лекарства, которые человек мог купить здесь же, у Абхая. Гхош при этом получал двадцать пять процентов комиссионных от продажи. Абхай и доктор стали друзьями; они часто ходили друг к другу в гости, и каждый относился к детям другого как к своим собственным. Часто они обсуждали планы увеличения своих доходов.

Доктор Гхош: Абхай был деловым человеком. Конечно, все мы были богобоязненными. В каждом доме был маленький храм, у всех были Божества. Но в основном он говорил о бизнесе и о том, как обеспечить семью.

Дома Абхай ходил в курте и дхоти, но на работу иногда надевал брюки и рубашку. В свои без малого тридцать лет он был энергичным, красивым мужчиной с пышными усами. Через год после их переезда в Аллахабад у него родилась дочь, и теперь в его семье было двое детей. Гоур Мохан, которому тогда уже исполнилось семьдесят пять, тоже переехал к Абхаю, вместе с овдовевшей сестрой Абхая, Раджешвари, и ее сыном, Туласи. Большую часть времени Гоур Мохан сидел дома, перебирая четки или поклоняясь *шалаграма-шиле*, Божеству Кришны. Он был доволен, что у Абхая все идет хорошо, а Абхай был рад, что отец живет рядом и спокойно поклоняется Кришне.

Абхай жил активной жизнью. У него были большие планы — он хотел укрепить свое дело. В восемь утра он отправлялся в аптеку и вместе с доктором Гхошем начинал свой рабочий день. В полдень он шел домой, а вечером снова возвращался в аптеку. Абхай купил большой «бьюик» за восемь

тысяч рупий и, поскольку никогда сам не водил машину, отдал его в пользование своему племяннику, который был хорошим водителем и зарабатывал извозом. Когда Абхаю нужно было съездить по делам, племянник исполнял роль его шофера.

Судьба устроила так, что клиентами «Праяг фармасы» были Мотилал Неру и его сын Джавахарлал. Джавахарлал покупал только западные лекарства, и Абхай решил, что он считает индийскую медицину отсталой. В течение дня Абхай обычно беседовал с посетителями и друзьями, которые заходили к нему, и многое узнавал от них. Один бывший военный офицер рассказывал Абхаю истории о Первой мировой войне, например о том, как во Франции маршал Фош приказал в один день убить тысячи бельгийских беженцев, содержание которых в условиях войны стало для него обременительным. Один мусульманин, член правящей семьи Афганистана, каждый день заходил в аптеку с сыном просто посидеть и поболтать. Абхай выслушивал своих посетителей, вежливо беседовал с ними, отпускал им лекарства, но мыслями всегда возвращался к встрече с Бхактисиддхантой Сарасвати. Он снова и снова воскрешал эту сцену в уме, вспоминая его облик, слова, жесты...

Вечером Абхай возвращался домой, к семье. Радхарани была целомудренной и верной женой. Она готовила, поддерживала чистоту в доме и заботилась о детях. Но духовных воззрений мужа она не разделяла, и потому Абхай не мог рассказать ей о чувствах, которые он испытывал к Бхактисиддханте Сарасвати.

* * *

Однажды Абхай с женой и двумя детьми, а также Гоур Мохан, младший брат Абхая Кришна Чаран, сестра Абхая Раджешвари и ее сын, Туласи дас, вместе отправились в аллахабадскую фотостудию, чтобы сняться для семейного портрета. На фотографии Абхаю почти тридцать. Он худощав и смугл, с густыми усами. Его лоб широк, а глаза — темные и ясные. Он одет в белую курту, *дхоти* и простые темные туфли. Абхай сидит на стуле, а жена стоит позади него — привлекательная молодая женщина в белом сари из *кхади* с цветной каймой. Ее правая рука — тонкая, с изящной ладонью — покоится на спинке кресла за головой Абхая, а левая со сжатыми в кулак пальцами опущена. Ноги ее босы. Левой рукой Абхай поддерживает двухгодовалого сынишку Пачу (Праяга Раджа), славного малыша, который беспокойно ерзает у отца на коленях, болтая маленькими босыми ножками. Кажется, Абхая немного это забавляет. Абхай — красивый индийский мужчина, а его жена — привлекательная женщина. Оба молодые.

Позади Абхая стоят его племянник Туласи и брат Кришна Чаран. Сестра Раджешвари в белом вдовьем сари держит на коленях Сулакшману, дочь Абхая. Она на фотографии справа. Сулакшмане тоже не сидится, она явно стесняется

и вытягивает ноги в сторону фотографа. В центре сидит Гоур Мохан. Его лицо иссечено морщинами, тело исчахло от времени. Он одет в белые курту и дхоти. Кажется, что руки его непослушно двигаются на коленях, возможно вследствие паралича. Он невысок, худ и стар.

* * *

Чтобы увеличить сбыт, Абхай часто разъезжал по Северной Индии. Для него было в порядке вещей отсутствовать дома по несколько дней в неделю, а иногда и больше недели, когда он ездил из одного города в другой. Фармацевтическая промышленность в Индии только начинала развиваться, и частные врачи, больницы и аптеки охотно покупали медикаменты у знающего, интеллигентного представителя калькуттской лаборатории Боуза.

Как правило, Абхай путешествовал поездом и останавливался в гостиницах. Во время поездок он чувствовал себя свободным от домашних дел, и эта свобода нравилась ему, но все-таки главной целью всех этих поездок был бизнес — выполнение заказов и получение новых заявок. Ездить в вагонах третьего класса было очень неудобно: в них толпой набивались пассажиры, а места были только сидячие, нередко грязные и без номеров. Абхаю каждую неделю приходилось путешествовать в таких условиях за сотни километров, наблюдая, как за окнами проносятся мимо бесчисленные деревушки и поля, простирающиеся по обеим сторонам железнодорожных путей. На каждой остановке он слышал крики торговцев чаем, идущих вдоль состава: «Ча-а-ай! Ча-а-ай!» Употребление чая ввели британцы, и теперь миллионы индийцев не могли себе представить свое утро без чашки этого горячего напитка. Абхай был строгим вайшнавом и никогда не прикасался к чаю, но вот жена, к его великому огорчению, пристрастилась к нему.

Хотя Абхай часто одевался как европейский бизнесмен, он никогда не поступался строгими вайшнавскими принципами. Большинство его земляков, бенгальцев, ели рыбу, но Абхай всегда тщательно избегал пищи, запрещенной для вайшнавов, причем не ел ее даже в гостиницах. Однажды в Бомбее, в вегетарианском ресторане «Эмпайр хинду хоутел», ему подали лук; а иногда официанты предлагали ему чеснок и даже яйца, но всего этого он тщательно избегал. Стараясь придерживаться своего домашнего распорядка, он каждый день вставал рано и омылся холодной водой. Этому правилу он следовал круглый год, не делая исключений даже в очень холодную погоду, чем однажды крайне удивил владельца гостиницы в Сахаранпуре.

Во время поездок Абхаю приходилось общаться с разными людьми. Один врач в Дакке рассказал ему, как по пути на работу проходил мимо крестьянина, разговаривавшего с другом, и по звуку кашля этого крестьянина понял, что тому осталось жить всего несколько часов. Другой врач рассказывал, как только что осматривал больного с воспалением легких, который вопреки всем законам природы и медицины продолжал жить. В Гае

Абхай встретил мусульманского врача, который пожаловался, что недавно потерял пациента, хотя давал ему самые лучшие лекарства. Эти рассказы подкрепляли убежденность Абхая в том, что никого нельзя вылечить без дозволения Бога.

Как-то раз — это было в 1925 году — Абхай оказался проездом в Агре, всего в шестидесяти пяти километрах к югу от Вриндавана. Воспользовавшись этой возможностью, он впервые посетил священный город, о чем мечтал с детства. Вриндаван понравился ему, однако он смог побыть там всего день или два: ведь даже один день проволочки в торговле мог принести ему большие убытки. Абхай с благоговением, как паломник, посетил несколько храмов, главным образом те, что были основаны последователями Господа Чайтаньи. Но дольше оставаться там он не мог.

Путешествия были сопряжены и с опасностью. Однажды, когда Абхай сидел в купе на станции Матхура, в вагон неожиданно запрыгнула обезьяна и стащила его багаж. В другой раз, ранним утром, еще до зари, Абхай ехал по дороге в Канпур в двуколке. Лошадь шла крупной рысью. Вдруг повозка натолкнулась на большую кучу мусора посреди дороги, экипаж перевернулся вверх колесами и вместе с лошастью и извозчиком упал в мусор, а Абхая подбросило в воздух. Но падение было благополучным: Абхаю показалось, что он просто пересел с одного места на другое. Поскольку Абхай молча сидел на земле, перепуганный извозчик подумал, что тот ударился и потерял сознание. Однако пассажир был цел и невредим, и он посчитал это чудом — удар был достаточно силен. Абхай увидел в этом руку Кришны и вспомнил несколько других подобных случаев, начиная с детства, когда однажды загорелась его одежда. Кришна всегда защищал его.

В течение пяти лет Абхай часто выезжал из Аллахабада по делам, а когда возвращался домой, проводил долгие часы в аптеке. Не забывал он, однако, уделять время и жене и играть с детьми.

Шрила Прабхупада: Когда моему сыну было около двух лет, он был очень непослушным и постоянно озорничал. Мои друзья называли его «Пача». «Пача, если ты посидишь минутку молча, я тебе кое-что подарю». Но у малыша это не получалось. Он не мог высидеть ни минуты. У меня был настольный вентилятор, и Пача все время пытался до него дотронуться. Я говорил: «Нет, нет, не трогай». Но он не мог уговориться, и мой друг посоветовал: «Уменьши скорость, и пусть попробует». Я выдернул шнур из розетки и позволил сыну прикоснуться к вентилятору. Вентилятор ничего ему не повредил, но ударил его по пальцу, издав громкий звук: «Тун!» Больше мой сын к нему не прикасался. Я спрашивал: «Попробуешь еще?» — но он уже не хотел.

Как только его дочь, Сулакшмана, научилась говорить, Абхай начал учить ее бенгальскому переводу молитвы «Гурв-аштака», которая начинается словами: «Духовный учитель получает благословения из океана милости. Подобно тому как облако, проливая дождь, гасит лесной пожар, духовный учитель гасит бушующий пожар материальной жизни, повторяющихся рождения и смерти».

В свободное от деловых поездок время Абхай жил дома, с семьей. Он старательно вел свои дела, его бизнес процветал, и семья была им довольна.

* * *

Январь 1928 года. Праздник Кумбха-мела. В Аллахабад приехал Бхактипрадипа Тиртха Махараджа из Гаудия-матха с несколькими сопровождающими. В один из дней они неожиданно появились в «Праяг фармасы». Абхай сразу вспомнил их. Бхактипрадипа Тиртха Свами был тем самым *санньяси*, который посетил Нарендранатха Маллика в Калькутте, что впоследствии привело к встрече Абхая с Бхактисиддхантой Сарасвати. Сложив руки в жесте смирения, *санньяси* стоял перед Абхаем в простых шафрановых одеждах из *кхади*, с обритой головой, с *шикхой* на затылке и вайшнавским знаком *тилака* на лбу. Тиртха Махараджа сказал Абхаю:

— Мы здесь впервые и планируем открыть в Аллахабаде храм. Мы слышали о Вас, поэтому и пришли сюда. Пожалуйста, помогите нам.

Абхай обрадовался:

— Да, разумеется, я помогу!

Он пожертвовал, сколько мог, и затем представил Тиртху Махараджу доктору Гхошу, который тоже захотел сделать пожертвование.

Абхай пригласил преданных из Гаудия-матха посетить его дом, спеть *бхаджан*, прочитать лекцию. Его жена вполне могла бы приготовить для них *прасад*. Гости согласились. Но когда они приехали, произошло небольшое недоразумение.

Гоур Мохан, который был болен, находился в своей комнате наверху.

— Спускайся вниз, — позвал его Абхай, — пришли преданные из Гаудия-матха.

Гоур Мохан спустился, но, увидев *садху*, он по ошибке принял их за имперсоналистов-непреданных. Не расслышав, что сказал Абхай, Гоур Мохан сел на свое место, угрюмо глядя на людей в шафрановой одежде, и отпустил несколько критических замечаний. Абхай, вдохновленный выпавшей ему возможностью пообщаться с вайшнавами и послушать от них *кришна-катху*, не мог понять, почему отец так себя ведет. Но когда Бхактипрадипа Тиртха Свами заговорил, Гоур Мохан все понял.

— О, да это же вайшnavы! — воскликнул он.

Старый и немощный, он, как только *санньяси* закончил проповедь, тут же припал к его стопам:

— Господин, я ошибся. Я думал, что вы — *санньяси* из другой миссии. Я очень рад встрече с вами.

После Кумбха-мелы Бхактипрадипа Тиртха Свами уехал, но в Аллахабаде остались пятеро или шестеро *брахмачари*, учеников Бхактисиддханты Сарасвати, которые заботились о поддержании *матха*, небольшого проповеднического центра. Они поклонялись Божеству, проводили вечерние

программы с *киртаном* и лекцией и активно проповедовали местным жителям. Старший из них, Атулананда Брахмачари, посещал дома горожан Аллахабада, предлагая им за полрупии в месяц подписаться на журнал, выпускаемый Гаудия-матхом.

Ходя от дома к дому, Атулананда однажды постучал и в дверь Абхая Чарана Де. Тот принял его очень радушно и предложил ему рис и фрукты. Абхай был очень восприимчив к философии и получал огромное удовольствие от бесед с Атуланандой, который взял себе за правило регулярно навещать господина Де и говорить с ним о Господе Чайтанье и учении «Бхагавад-гиты». Абхай, кроме того, расспрашивал гостя о последних новостях, связанных с проповедью Бхактисиддханты Сарасвати. К тому времени Бхактисиддханта уже основал в Калькутте свое издательство, «Гаудия-принтинг-воркс», и приступил к публикации «Шримад-Бхагаватам» в нескольких томах со своими комментариями. Помимо этого, в его центре в Дакке был напечатан отредактированный вариант «Шри Чайтанья-бхагаваты». Бхактисиддханта Сарасвати открыл центры в Бхуванешваре, Мадрасе и Пури.

Абхай не устал слушать. Атулананда рассказал ему, как в 1925 году Шрила Бхактисиддханта Сарасвати организовал грандиозное шествие, обходя святую землю Навадвипы с преданными со всех концов Индии и с Божествами, которые ехали на спинах роскошно украшенных слонов. Завистливые священники-«профессионалы» в знак протеста против того, что Шрила Бхактисиддханта принимает учеников из всех каст, наняли банду хулиганов, которые забросали процессию кирпичами и булыжниками. Но Шрила Бхактисиддханта не сдавался. В 1926 году он объехал всю Индию, повсюду проповедуя послание Господа Чайтаньи, а также установил Божества в большом храме Шри Чайтанья-матха в Майяпуре. А за год до этого он начал выпускать журнал «Саджана-тошани» на трех языках. Английское издание этого журнала называлось «Хармонист^[3]».

После нескольких встреч, на которых часами обсуждалась философия Гаудия-вайшнавизма и деятельность вайшнавов, Атулананда привел господина Де в аллахабадский *ашрам*. А вскоре после этого Матх переехал в дом на южной улице Маллака, рядом с Рам-Багхом, буквально в нескольких шагах от дома Абхая. Теперь Абхай мог ходить туда каждый вечер. После работы он направлялся в Матх, где удивлял *брахмачари* мастерской игрой на *мриданге*. Он пел с ними *бхаджаны*, а иногда сам вел совместное пение. Иногда он приглашал посетить Матх некоторых уважаемых людей Аллахабада. *Брахмачари* чувствовали, что Абхай привнес свежую струю в жизнь *ашрама*, а для Абхая началась новая глава жизни — он встретил учеников Бхактисиддханты Сарасвати.

В 1930 году здоровье Гоура Мохана резко ухудшилось, и родственники собрались вокруг него, полагая, что кончина его близка. Абхай в то время был по делам в Бомбее, а когда приехал в Аллахабад и постучал в дверь, на улице уже стемнело. Гоур Мохан сказал своей дочери, Раджешвари:

— Открой дверь. Абхай приехал.

— Нет, он в Бомбее, — ответила она.

— А я тебе говорю, что это он приехал. Открой дверь! — повторил Гоур Мохан.

Было около полуночи. Она спустилась вниз, открыла дверь и увидела, что действительно приехал ее брат.

Абхай подошел к отцу:

— Как ты?

— Я в порядке, — ответил Гоур Мохан. — Ложись, отдыхай.

На следующее утро Абхай вызвал врача.

— Я не понимаю, как ваш отец еще держится, — сказал ему врач. — У него практически отсутствует пульс. Он уже несколько месяцев ничего не ест.

Абхай спросил отца:

— Хочешь чего-нибудь? Скажи мне.

— Почему ты спрашиваешь? — отозвался отец. — Это врач тебе что-то сказал?

— Нет, — сказал Абхай. — Я спрашиваю, потому что постоянно пропадаю в Бомбее, а ты здесь. Так что, если ты чего-то хочешь, скажи мне. Я здесь. Я здесь только ради тебя.

Гоур Мохан велел ему отдать их корову аллахабадскому Гаудия-матху. Абхай взял корову вместе с телянком и отвел ее в Матх.

Потом он снова спросил отца:

— Есть ли у тебя еще какие-нибудь желания?

И снова отец спросил:

— Тебе что-нибудь сказал врач?

— Нет, нет! Я просто спрашиваю, поскольку мне нужно уезжать по делам.

Тогда Гоур Мохан ответил:

— Пригласи всех Гаудия-вайшнавов Аллахабада и других вайшнавов. Пусть они вечером устроят *харинаму*, а ты накорми их хорошим *прасадом*. Таково мое желание.

Абхай устроил все так, как хотел отец, и вечером в их доме началась *харинама*. В одиннадцать часов преданные приняли *прасад* и разошлись, и в ту же ночь Гоур Мохан покинул этот мир.

Абхай тяжело переживал потерю отца. Отец исполнял все его желания, воспитывал его как чистого вайшнава и всегда поклонялся Радхе и Кришне. Хотя Абхай был уже взрослым, ему очень не хватало своего любимого защитника и друга. Гоур Мохан, как никто другой, направлял Абхая по верному пути и всегда относился к нему по-особому. Потеря отца привела Абхая в отчаяние. Он вдруг ощутил ту же беспомощность, которую чувствовал, когда был маленьким ребенком, — только отца больше не было рядом. Тот,

для кого Абхай всегда был любимым сыном, центром заботы и внимания, тот, кто исполнял все желания Абхая и кто буквально молился каждому встречному *садху* о том, чтобы его сын стал великим преданным Шримати Радхарани, — этот наилучший из благожелателей оставил его.

В день *шраддхи*, тринадцать дней спустя после ухода Гоура Мохана, Абхай и его брат сфотографировались. Согласно религиозному обычаю, сыновья обрили головы. На фотографии Абхай и его брат сидят по обе стороны от портрета отца. Портрет в хорошей раме стоит на подставке, задрапированной темной тканью. Гоур Мохан кажется старым, но взгляд его — живой и сосредоточенный. Здесь он не так стар, как на другой фотографии, где он выглядит истощенным, с потускневшими глазами.

Абхай, с обритой головой, в одеянии из простой ткани, широкими складками покрывающей нижнюю и верхнюю части его тела, похож на монаха. Он выглядит совсем не так, как на фотографии, сделанной несколько лет назад в том же месте и с тем же ковром на полу. Там, с женой и собравшимися вокруг детьми, он был молодым главой семьи, поглощенным домашними заботами; у него был вид человека уверенного в себе и готового к активной деятельности. Но здесь... Те же дети сидят на полу без присмотра. Левая рука Абхая твердо и неподвижно лежит на колене (тогда как на первой фотографии он держит ею неугомонного сына). Жены Абхая на снимке нет.

На этой фотографии Абхай выглядит поразительно. Невозможно представить, что еще недавно у него была великолепная шевелюра и усы, которые он сбрил в знак траура по поводу ухода отца, — складывается впечатление, что он был таким всегда. Его окружает какая-то таинственная духовная аура — он похож на святого, погруженного в медитацию. Он не взволнован, не радостен и не печален. Он полон покоя и знания, как будто бы в тот самый день, когда ушел его отец, стал отрешенным от мира *садху*. Он выглядит таким, каким представлял его отец, — настоящим святым. Он выглядит так, словно всегда был святым, но заметно это стало только теперь.

4 «Чем я могу служить вам?»

Я очень надеюсь, что ты станешь прекрасным англоговорящим проповедником, если будешь служить нашей миссии, знакомя как простых людей, так и философов и религиозных лидеров с неведомым для них прежде учением Господа Чайтаньи.

— Шрила Бхактисиддханта Сарасвати
в письме к Абхаю Чарану Де,
декабрь 1936 года

В ОКТЯБРЕ 1932 года Шрила Бхактисиддханта возглавил группу из сотен своих учеников и паломников, чтобы в течение месяца совершать *парикраму* — обход священных мест Вриндавана. Местные жители и паломники обходят Вриндаван вдоль старого высохшего русла Ямуны, останавливаясь в тех местах, где пять тысяч лет назад проводил Свои игры Кришна. Абхаю очень хотелось принять участие в *парикраме* со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, но работа мешала ему. Тем не менее на двадцатый день шествия ему удалось вырваться из Аллахабада, и в надежде снова увидеть Бхактисиддханту Сарасвати и хотя бы на день присоединиться к *парикраме* он направился в Коши — место неподалеку от Вриндавана.

Парикрама Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати была, пожалуй, самой многочисленной из всех, что когда-либо проходили по

Вриндавану. Он использовал ее для массовой проповеди — ведь в ней участвовало огромное количество народу. С самого начала своего миссионерского служения, к которому он приступил в 1918 году, Шрила Бхактисиддханта не переставая подчеркивал важность проповеди. До него вайшнав, как правило, избегали большого скопления людей и поклонялись Господу в уединении — во Вриндаване и других святых местах. А если же им все-таки случалось отправляться на проповедь, они путешествовали как нищие странствующие монахи. Во времена Господа Чайтаньи Его последователи, Госвами, жили во Вриндаване, прямо под деревьями, и каждую ночь ложились спать под новым деревом.

Шрила Бхактисиддханта Сарасвати прекрасно понимал, что отрешенность Госвами не по плечу людям Запада. Он был настроен на широкую проповедь и потому хотел показать всем, что преданные могут жить и в больших и роскошных храмах. В 1928 году богатый торговец, ученик Бхактисиддханты Сарасвати, приобрел участок земли в одном из районов Калькутты, Багбазаре, и построил там огромный мраморный храм. В 1930 году Бхактисиддханта Сарасвати вместе с учениками переехал из арендованного домика на Ультаданге в этот новый проповеднический центр.

Шрила Бхактисиддханта учил, что, хотя преданный не должен тратить ни пайсы на ублажение собственных чувств, на служение Кришне он может потратить миллионы рупий. До него вайшнавьи избегали пользоваться механическими изобретениями, появившимися с приходом британцев, но Шрила Бхактисиддханта, опираясь на священные писания, доказал, что подобный подход несовершенен. Рупа Госвами, великий ученик Господа Чайтаньи, писал: «По-настоящему отрешен от оков материи не тот, кто отказывается от всего, а тот, кто задействует все в служении Верховной Личности Бога, Кришне. В этом и состоит *йога* совершенного отречения». Если всё есть энергия Бога, зачем отказываться от чего бы то ни было? Если Бог всеблаг, то и энергия Его — тоже благо. Да, материальные предметы не следует использовать в угоду своим чувствам, но они могут и *должны* быть задействованы в служении Кришне. Поэтому Шрила Бхактисиддханта пользовался самыми современными печатными станками. Он хотел приглашать людей в великолепные храмы, где они могли бы слушать *кришна-катху*.

Он говорил, что ради проповеди преданные смело могут ездить на лучших машинах, носить шитую одежду и жить в роскошных домах.

Именно поэтому он и принял в дар здание в Багбазаре, где открыл «теистическую выставку». Это была серия диорам с прекрасно изготовленными, искусно раскрашенными и наряженными глиняными фигурами. Лепка фигур из глины — традиционный бенгальский народный промысел, но выставка, представляющая почти сотню искусно выполненных экспозиций, посвященных философии вайшнавов и *лилам* Господа Кришны, была чем-то доселе невиданным. Выставка вызвала горячий интерес, и ежедневно ее посещали тысячи людей.

В том же году Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, взяв с собой около сорока учеников, отправился на *парикраму* по всей Индии. Турне включало в себя публичные лекции и встречи с важными людьми. К 1932 году у Шрилы Бхактисиддханты было уже три типографии в разных частях Индии, которые печатали шесть журналов на разных индийских языках.

Однажды в Калькутте какой-то политик поинтересовался, как это Шриле Бхактисиддханте Сарасвати удастся выпускать собственную ежедневную газету «Надия пракаш». Шрила Бхактисиддханта Сарасвати ответил, что в этом нет ничего удивительного. В одной только Калькутте ежедневно выпускаются полдюжины обычных газет, хотя Калькутта — это только один из многочисленных городов Индии, Индия — всего лишь одна из множества стран Земли, а Земля — маленькая планета среди остальных планет в одной из вселенных, столь многочисленных, что каждую из них можно сравнить с зернышком горчицы в большом мешке горчичных семян. И весь этот материальный мир — лишь малая часть творения Бога. «Надия пракаш» публиковала не новости Калькутты, не новости Земли, а новости из бесконечного духовного мира, который гораздо больше, чем все материальные миры, вместе взятые. И если калькуттские газеты могут ежедневно печатать

ограниченные земные известия, то что удивительного в том, что «Надия пракаш» выходит каждый день? По большому счету, газету о духовном мире можно издавать каждую секунду, если наберется достаточно заинтересованных читателей.

Один журнал, «Хармонист», Шрила Бхактисиддханта выпускал на английском языке. В одном из его номеров было опубликовано обращение ко всем читателям с приглашением принять участие во вриндаванской *парикраме* 1932 года:

ОБХОД ШРИ ВРАДЖА-МАНДАЛЫ

Его Божественная Милость Парамахамса Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасвати Госвами Махараджа, духовный руководитель общины Мадхва-гаудия-вайшнавов, последователей Шри Кришны Чайтаньи Махапрабху, с радостью приглашает всех, независимо от национальности, кастовой принадлежности, вероисповедания, цвета кожи, возраста и пола, принять участие в паломничестве по святой земле Враджа, по стопам Верховного Господа Шри Кришны Чайтаньи, который явил *лилу* обхода Шри Враджа-мандалы зимой 1514 г.

Абхаю о *парикраме* сообщили преданные алахабадского Гаудия-матха. В то время он был очень занят своим аптечным бизнесом и часто ездил по стране в поисках новых заказов. Но тут он все взвесил и решил, что, по крайней мере на день-два, сможет присоединиться к *парикраме*, чтобы снова получить *даршан* Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

Шрила Прабхупада: *К тому времени, когда проходила эта парикрама, я еще не получил посвящения, но с искренним восторгом смотрел на членов Гаудия-матха. Они были очень добры ко мне, поэтому я подумал: «Интересно, а что эти люди делают на парикраме? Надо поехать и посмотреть».* Так я встретил их в Коши.

Группа *парикрамы* передвигалась удивительно слаженно. Впереди шли преданные, которые несли палатки и спальные принадлежности; они приходили на место следующей стоянки на день раньше остальных, разбивали лагерь и сооружали кухню. Тем временем основная группа преданных, которые под звуки *киртана* несли Божество Чайтаньи Махапрабху, проходила по местам игр Господа Кришны и к вечеру прибывала в лагерь.

Лагерь был устроен в форме полукруга и состоял из нескольких частей; на ночлег паломники расселялись не беспорядочно, а по секторам. В центре располагались апартаменты Шрилы Бхактисиддханты и *мурти* Господа Чайтаньи, а рядом — палатки *санньяси*. Женщины и мужчины размещались по отдельности; даже мужья и жены не ночевали вместе. Были сформированы добровольные отряды охраны, которые всю ночь стерегли лагерь. Ночной бивак с сотнями палаток, газовыми фонарями и кострами напоминал маленький город, и изумленные местные жители сбегались поглазеть на это

чудо. По вечерам все собирались, чтобы вместе послушать проповедь Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

Рано утром паломники вставали и вместе повторяли «Харе Кришна». Затем они выстраивались в колонну: впереди шла группа *киртана* с Божеством Господа Чайтаньи, за ними охрана, потом главная конная повозка, затем группа с флагами, а за ней — все остальные паломники. Они шли по святым местам: посетили место рождения Господа Кришны, место, где Кришна убил Камсу, храм Ади-Кешавы, Радха-кунду, Шьяма-кунду и многие другие святыни.

Массовое паломничество, организованное Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, проходило с огромным успехом, но неожиданно встретило серьезное противодействие. Местные владельцы храмов оказались недовольны тем, что Шрила Бхактисиддханта дает священный брахманский шнур преданным, которые не были выходцами из семей *брахманов*. В своих лекциях и статьях Шрила Бхактисиддханта неоднократно доказывал, опираясь на ведические писания, что *брахманом* человека делает не происхождение, а личные качества. Он часто цитировал стих из «Хари-бхакти-виласы», где Санатана Госвами приводит такой пример: бронза при соединении с ртутью может превратиться в золото; так же и обычный человек может стать *брахманом*, получив посвящение от истинного духовного учителя. В другом стихе, из «Шримад-Бхагаватам», который Бхактисиддханта Сарасвати тоже нередко цитировал, великий мудрец Нарада говорит царю Юдхиштхире, что, если человек родился в семье *шудры*, но поступает как *брахман*, его следует считать *брахманом*, но если потомок брахманского рода ведет себя как *шудра*, его нужно считать *шудрой*. Поскольку главный способ духовного совершенствования в эпоху Кали — это пение и повторение святого имени Бога, то любого, кто повторяет «Харе Кришна», надлежит считать праведником.

Местные *пандиты* пришли к Шриле Бхактисиддханте Сарасвати и выразили недовольство тем, что он так легко дает посвящение и вручает брахманский шнур и одежды *санньяси* людям из низших каст. Выслушав в ответ блестящее, научно обоснованное объяснение Бхактисиддханты Сарасвати, *пандиты*, казалось, были удовлетворены. Но когда группа *парикрамы* обходила семь главных храмов Вриндавана, воздвигнутых ближайшими последователями Господа Чайтаньи, ворота их оказались закрытыми. Вриндаванские лавочники свернули торговлю, а кое-кто даже бросал в паломников камни. Но, несмотря на враждебное отношение, преданные во главе со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, не теряя присутствия духа, продолжали свой путь, и 28 октября процессия прибыла в Коши — место, где находилась казна отца Кришны, царя Нанды.

Абхай приехал в Матхуру на поезде из Аллахабада и добирался до Коши на рикше. Деревня радовала глаз: вместо огромных зданий и хаотичного уличного движения Абхай видел лес, а в стороны от главного мощеного шоссе,

по которому он ехал, отходили только проселочные дороги и мягкие песчаные тропинки. Абхая, который был вайшнавом, переполняли чувства, незнакомые обычному человеку. То и дело он замечал в поле павлина, который своим экзотическим оперением возвещал славу Вриндавана и Кришны. Поистине, даже человек мирского склада ума по достоинству оценил бы такое многообразие птиц, наполнявших воздух сладкими звуками своих песен. Иногда в кронах деревьев раздавалось громкое чириканье воробьев, которые шумели, устраиваясь на ночь. Даже не зная об особом положении Вриндавана, можно было почувствовать, как успокаивается ум в этой простой деревне, где люди поддерживают огонь коровьим навозом и готовят себе еду на открытом воздухе. От костров поднимаются облака насыщенных природных ароматов, смешиваясь с неопишуемым запахом земли. Вдоль дороги вытягивают сучковатые ветви старые деревья, а цветущие кусты ярко-фиолетовой камелии сливаются в густые заросли. Некоторые деревья покрыты распусившимися нежными белыми соцветиями *париджаты* или большими желтыми цветами *кадамба*, которые редко можно увидеть за пределами Вриндавана.

По дороге движется поток *танг*, запряженных лошадьми. Месяц *карттিকা*, октябрь-ноябрь, — это один из тех периодов года, когда во Вриндаван стекаются бесчисленные паломники. На одноконных *тангах* едут большие семьи; некоторые — издалека, из мест, расположенных за сотни километров отсюда. Группы побольше — люди, пришедшие из одной деревни, — держатся вместе. На женщинах — яркие сари. Паломники, мужчины и женщины, несут свои нехитрые пожитки и поют *бхаджаны*, приближаясь к Вриндавану, городу тысяч храмов. Тут же едут бизнесмены, одетые, как и Абхай, более строго. Они прибыли из города, возможно на выходные. Большинство этих людей движут религиозные чувства — желание увидеть Кришну в храме, омыться в святой Ямуне или посетить места игр Господа Кришны, землю, где Он поднял холм Говардхана, убил демона Кеши или танцевал ночами с гопи.

Проникаясь атмосферой Вриндавана, Абхай наблюдал за движением на дороге. Но более, нежели этим зрелищем, его сердце было согрето радостным предвкушением встречи со святым, постоянно занимавшим его мысли, — Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, который когда-то беседовал с ним в Калькутте и убедил посвятить жизнь миссии Господа Чайтаньи — проповеди сознания Кришны. Вскоре Абхай снова увидит этого человека. Эта встреча была целью путешествия, и мысль о ней не покидала его.

Достигнув освещенного фонарями лагеря Гаудия-матха и пройдя регистрацию, Абхай присоединился к *парикраме*. Его разместили в палатке для *грихастх* и накормили *прасадом*. Паломники отнеслись к нему тепло и доброжелательно, и Абхай рассказал им о своих встречах с членами Матха в Калькутте и Аллахабаде. Вскоре все собрались, чтобы послушать объявления, которые делал преданный по имени Винод Бхай. Он сказал, что вечером будет организовано посещение близлежащего храма, где установлено Божество Шешашайи Вишну. Из толпы паломников донеслись одобрителльные возгласы;

«Харибол! Харе Кришна!» Кроме того, преданный объявил, что тем же вечером Его Божественная Милость Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур будет читать последнюю на этой *парикраме* лекцию и что на следующий день он поедет в Матхуру. Нужно было выбирать: пойти на *парикраму* или остаться.

Шрила Прабхупада: *Итак, я встретил их в Коши, и Винод Бхай сообщил, что Шрила Бхактисиддханта завтра утром едет в Матхуру, а сегодня вечером будет говорить хари-катху. Желаящие могут остаться. А можно сходить посмотреть на Шешашайи Вишну. Так вот, в тот раз, насколько я помню, послушать лекцию осталось всего десять или двенадцать человек — среди них был Шридхара Махараджа. Я рассудил так: «Что я увижу в этом храме Шешашайи? Послушаю-ка я лучше, что будет говорить Шрила Бхактисиддханта Сарасвати».*

Когда Абхай подошел, Шрила Бхактисиддханта уже говорил. Он сидел, выпрямив спину, плечи его облегал чадар. Он говорил не как профессиональный лектор на заранее подготовленном выступлении — он обращался к небольшому кругу людей, собравшихся в его комнате. Наконец-то Абхай снова был рядом с ним. Он восторженно смотрел на ачарью и слушал. Гортанным, низким голосом этот необыкновенный человек, полный *кришна-катхи*, в самозабвенном порыве и с глубоким знанием предмета не останавливаясь говорил о Кришне, а Абхай сидел и слушал, не пропуская ни слова.

Бхактисиддханта Сарасвати много говорил о *самбандхе*, *абхи-дхее* и *прайоджане*. *Самбандха* — это стадия преданного служения, на которой у человека пробуждается сознание Бога. *Абхидхейя* — само преданное служение Господу, а *прайоджана* — его высшая цель, чистая любовь к Богу. Он подчеркивал, что его объяснения полностью соответствуют изначальным наставлениям Кришны, передающимся по цепи ученической преемственности. Бхактисиддханту Сарасвати отличала особая манера речи: он говорил в основном на бенгали, а иногда переходил на английский, часто цитируя *шастры* на санскрите. Он был очень эрудирован. «Именно Кришна, — утверждал Бхактисиддханта Сарасвати, — единственный Верховный Господин всей вселенной, и более того, Он — Господь Вайкунтхи, запредельной обители. Следовательно, никто не может помешать Его наслаждениям».

Прошел час, другой... Аудитория в комнате Шрилы Бхактисиддханты, и без того немногочисленная, совсем поредела — ушли некоторые из *санньяси*, сославшись на обязанности, связанные с лагерем *парикрамы*, осталось лишь несколько приближенных старших учеников. Абхай был единственным посторонним. Конечно, как преданного его, в общем-то, нельзя было назвать посторонним, но поскольку он не был *санньяси*, не выполнял никаких обязанностей в Матхе, не получил посвящение и не путешествовал с *парикрамой* — в этом смысле он действительно был человеком со стороны. Однако философия, о которой говорил Шрила Бхактисиддханта Сарасвати,

была предназначена для любого, кто горел желанием слушать. А именно таков и был Абхай.

Он внимал с изумлением. Иногда он даже не понимал сказанного, но продолжал внимательно и смиренно слушать, разумом впитывая слова Шрилы Бхактисиддханты. Ему казалось, что Бхактисиддханта Сарасвати позволил ему взглянуть на духовный мир, будто приоткрыв дверь туда или отодвинув занавес. Он показывал реальность, и этой реальностью было любовное преданное служение лотосным стопам Радхи-Кришны, высочайшего объекта поклонения. Как прекрасно он говорил! Как убежденно, как смело!

Абхай трепетно слушал его, устремив все внимание к его словам. Конечно, все Гаудия-вайшнавцы признавали Кришну своим Господом, но как решительно и с какой глубокой логикой этот великий учитель укреплял веру вайшнавов! Шрила Бхактисиддханта Сарасвати говорил несколько часов, Абхай же готов был внимать ему бесконечно. У него не было сомнений или вопросов — он просто хотел слушать еще и еще. Когда Шрила Бхактисиддханта закончил и направился к выходу, Абхай поклонился ему и, покинув место, где ночевали старшие *санньяси*, направился к своей палатке в дальнем ряду. Слова духовного учителя продолжали звучать в его голове.

Теперь их взаимоотношения казались уже более реальными. Абхай все еще хранил в сердце то первое впечатление о Шриле Бхактисиддханте Сарасвати — святом, который беседовал с ним на крыше дома в Калькутте; но сегодня это впечатление, многие годы в Аллахабаде духовно поддерживавшее его, обогатилось и наполнилось новой жизнью. Духовный учитель и впечатление от его слов были такой же реальностью, как звезды в небе и луна над Вриндаваном. Впечатление, рожденное словами Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, переполняло Абхая ощущением этой абсолютной реальности; ему казалось, что все остальное, весь окружающий мир покоится на ней — так планеты вращаются вокруг солнца.

На следующее утро, хотя до рассвета оставалось еще больше часа, Абхай поднялся вместе с остальными, омылся и пропел *мантры* в обществе преданных. Позднее в то утро он вновь увидел высокую, статную фигуру Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, величественного и серьезного, в простых шафрановых одеждах. В этот день Абхая нужно было покинуть лагерь и преданных. Бхактисиддханта Сарасвати остался на *парикраме* до ее завершения 4 ноября.

* * *

Немногим менее месяца спустя Абхай вновь ожидал встречи со Шрилой Бхактисиддхантой — на этот раз в Аллахабаде. Не успел Абхай вернуться из Вриндавана и приступить к делам в «Праяг фармасы», как преданные из аллахабадского Гаудия-матха сообщили ему радостное известие. Они получили землю и средства для строительства нового здания Шри-Рупа-

Гаудия-матха (который на тот момент располагался в арендованном помещении) и 21 ноября ожидали приезда Шрилы Бхактисиддханты, который должен был возглавить церемонию закладки первого камня. На торжество в качестве почетного гостя был приглашен сэр Уильям Малькольм Хэйли, губернатор Объединенных провинций, который должен был в присутствии Шрилы Бхактисиддханты заложить в фундамент первый камень. Когда Абхай узнал, что планируется провести еще и церемонию посвящения, он спросил, можно ли и ему принять в ней участие. Управляющий *матхом*, Атулананда Брах-мачари, пообещал представить Абхая Шриле Бхактисиддханте Сарасвати.

Дома Абхай обсудил свое намерение с женой. Она не возражала, но сама от посвящения отказалась — они и так уже поклонялись домашнему Божеству и предлагали Ему пищу. Они верили в Бога и жили мирно.

Но Абхаю этого было мало. Не желая ничего навязывать жене, сам он знал, что во что бы то ни стало должен получить посвящение от чистого преданного. Благочестивая жизнь и отказ от греха, конечно, нужны, но, по большому счету, это еще не духовная жизнь. Этого мало, чтобы удовлетворить вечную потребность души. А высшая цель жизни и абсолютная необходимость для души — любить Кришну. Отец уже вселил в него эту любовь, и теперь Абхай должен сделать следующий шаг. Отец был бы доволен этим.

Тот, кто способен был вести все падшие души в мир трансцендентной любви к Богу, сейчас укреплял в Абхае то, что дал ему отец. Абхай знал, что должен пойти дальше и полностью посвятить себя выполнению наставлений духовного учителя. «Тот, кто жаждет познать Абсолютную Истину, должен обрести прибежище у духовного учителя, стоящего в цепи ученической преемственности и утвердившегося в сознании Кришны», — велят священные писания. Даже Господь Чайтанья, Сам Кришна, принял духовного учителя и, только получив от него посвящение, проявил все признаки экстатической любви к Кришне при воспевании святого имени.

Абхай никогда не принимал всерьез ритуальное посвящение, которое он в возрасте двенадцати лет получил от семейного жреца. Это было всего лишь формальностью. Настоящий духовный учитель — это не просто жрец, проводящий обряды, поэтому Абхаю и в голову не приходило, что гуру у него уже есть. Их семейный жрец никогда не наставлял его в науке *бхакти*, преданного служения Кришне. Получив посвящение от Бхактисиддханты Сарасвати, Абхай обретет связь с Кришной. Бхактисиддханта, сын Бхактивиноды Тхакура и ученик Гауракишоры даса Бабаджи, являлся гуру в десятом поколении учителей, начиная с Господа Чайтаньи. Он был превосходным знатоком Вед и опытным вайшнавом, способным привести учеников обратно к Богу. Предшественники благословили и уполномочили его трудиться ради высшего блага, давая людям сознание Кришны — единственное, что может избавить их от всех страданий. Абхай чувствовал, что давно принял Шрилу Бхактисиддханту духовным учителем, и уже на самой первой встрече получил его указания. Теперь, если Шрила

Бхактисиддхант согласится принять его в ученики, их отношения установятся окончательно.

И ведь времени после той встречи во Вриндаване прошло совсем немного! Так, через Своего представителя, действует Кришна. Похоже, духовный учитель приехал в Аллахабад, где жил и работал Абхай, чтобы еще больше вовлечь его в духовную жизнь. Абхай чувствовал, как без всяких дополнительных усилий с его стороны эта связь со Шрилой Бхактисиддхантой становится крепче. Шрила Бхактисиддхант сам направлялся к нему, как будто повинуюсь указанию свыше.

В день торжественной церемонии Шрила Бхактисиддхант Сарасвати встретился со своими учениками в аллахабадском Гаудия-матхе на южной улице Маллака. Когда он рассказывал *хари-катху* и отвечал на вопросы, Атулананда Брахмачари воспользовался возможностью представить ему нескольких преданных, желающих получить посвящение, в том числе и Абхая. Преданные Аллахабада гордились Абхаем, который по вечерам регулярно посещал *матх*, вел *бхаджаны*, ходил на лекции (иногда сам их читая) и часто приводил уважаемых гостей. Он жертвовал деньги и вдохновлял на это своих партнеров по бизнесу. Сложив ладони, Абхай смиренно смотрел на духовного учителя. Он и Шрила Бхактисиддхант оказались лицом к лицу. Бхактисиддхант Сарасвати узнал его, и было видно, что он рад встрече. Он помнил его.

— Да, — сказал он, глядя Абхаю в глаза, — ему нравится слушать. Он не уходит. Я заметил его. Я приму его в ученики.

И как только слова эти дошли до сознания Абхая, он преисполнился счастья. Атулананда был приятно удивлен тем, что у *гурудевы* уже сложилось положительное мнение о господине Де. Другие ученики, присутствовавшие в комнате, тоже обрадовались, что Шрила Бхактисиддхант Сарасвати сразу же благосклонно отозвался об их духовном брате, называя его хорошим слушателем. Многим было интересно, где и когда Шрила Бхактисиддхант успел прийти к такому мнению об этом уважаемом торговце лекарствами.

Присутствие *гурудевы* согревало Абхаю сердце. «Да, ему нравится слушать», — эти слова духовного учителя и его доброжелательный взгляд навсегда остались в его памяти. Больше всего Абхаю хотелось продолжать радовать духовного учителя прилежным слушанием. «Тогда, — думал он, — я смогу хорошо говорить». В ведических писаниях говорится о девяти методах преданного служения, первый из которых — *шраванам*, слушание о Кришне, а второй — *киртанам*, прославление Кришны. Своим терпеливым слушанием в Коши Абхай удовлетворил представителя Кришны, а когда доволен представитель Кришны, доволен и Сам Кришна. Шрила Бхактисиддхант Сарасвати не хвалил его за денежные пожертвования *матху*, он не советовал ему оставить семью и работу и путешествовать с ним, он не просил Абхая предаваться аскезе, уподобившись *йогам*, которые умерщвляют плоть постом и суровыми обетами. «Ему нравится слушать, — вот что сказал *гурудева*. — Я

обратил на него внимание». Абхай думал об этом и продолжал внимательно слушать своего духовного учителя во время церемонии посвящения.

Наконец Шрила Бхактисиддханта Сарасвати попросил Абхая подойти и получить посвящение в *хари-наму*, приняв четки. Абхай распростерся перед гуру в поклоне, а потом встал и протянул правую руку, чтобы взять из рук духовного учителя четки для *джапы*. Кроме того, он получил священный брахманский шнур, символизирующий второе посвящение. Иногда бывало, что Шрила Бхактисиддханта сначала давал ученику первое посвящение, в *хари-наму*, и только спустя какое-то время, если был доволен его прогрессом, надевал на него священный шнур. Но Абхаю он дал оба посвящения одновременно. Теперь Абхай был полноценным учеником, *брахманом*, имеющим право совершать огненные жертвоприношения. Будучи посвященным, теперь он мог поклоняться Божеству в храме и активно проповедовать. Шрила Бхактисиддханта добавил к его имени слово *аравинда* — «лотос»; отныне его имя было — Абхай Чаранаравинда дас Адхикари.

Во время церемонии Шрила Бхактисиддханта Сарасвати сидел на *вьяса-асане*. Комната была заполнена гостями и членами Гаудия-матха. Новопосвященные сидели вокруг небольшого земляного холмика, на котором один из учеников Шрилы Бхактисиддханта Сарасвати развел жертвенный огонь. Он бросал в этот огонь зерна и фрукты, в то время как остальные повторяли очистительные *мантры*. На церемонии присутствовали сестра и брат Абхая; жена не пришла.

После отъезда Шрилы Бхактисиддханта Сарасвати из Аллахабада в Калькутту Абхай остро ощутил возложенную на него ответственность, понимая, что отныне ему надлежит действовать от имени духовного учителя. Во время посвящения Шрила Бхактисиддханта велел Абхаю изучить книгу Рупы Госвами «Бхакти-расамрита-синдху», в которой описывается взаимная любовь Господа Кришны и Его слуг, а также то, каким образом преданный может прогрессировать в духовной жизни. «Бхакти-расамрита-синдху» — это своего рода кодекс для тех, кто идет по пути преданного служения, и Абхай тщательно его изучил. Он радовался, когда ему удавалось чаще бывать в аллахабадском центре и приводить туда новых людей. Когда-то, на первой встрече с духовным учителем, он получил указание распространять миссию Господа Чайтаньи и сейчас постоянно думал о том, как его выполнить. Проповедь налагала не меньшую ответственность, чем дом и работа. Даже дома он хотел заниматься проповедью как можно больше. Он обсуждал свои планы с женой: о том, что нужно приглашать к себе людей, угощать их *прасадом* и беседовать с ними о Кришне. Но она не разделяла его энтузиазма.

Шрила Прабхупада: *Моя жена была преданной Кришны, но у нее были несколько иные взгляды. Она считала, что нужно просто поклоняться домашнему Божеству и жить мирно. Я же считал, что нужно проповедовать.*

Абхай не мог себе позволить путешествовать с духовным учителем и даже часто видеться с ним. Фармацевтический бизнес и постоянные деловые поездки отнимали у него много времени. Однако он старался приезжать в Калькутту по делам именно тогда, когда там находился Шрила Бхактисиддхант. Поэтому за последующие четыре года он смог увидеть своего духовного учителя не меньше десяти раз.

На железнодорожной станции Хаура в Калькутте его, как правило, встречал Нитьянанда Брахмачари, помощник библиотекаря Гаудия-матха, с пароконным экипажем, принадлежавшим калькуттскому *матху*. Нитьянанда считал Абхая необычайно смиренным и терпеливым человеком. По пути в *матх* Абхай с огромным интересом расспрашивал о делах Шрилы Бхактисиддханты за последнее время: о его путешествиях, о публикациях. Его интересовало, сколько открыли новых центров и как поживают его духовные братья. О делах Абхая почти не говорили. Обычно Абхай останавливался в Гаудия-матхе дней на пять. Иногда он навещал одну из сестер, живших в Калькутте, но главной причиной его приезда был Шрила Бхактисиддхант; Абхай пользовался каждым удобным случаем, чтобы послушать его.

Абхай никогда не стремился занять какой-либо руководящий пост во внутренней структуре Гаудия-матха. Его духовный учитель дал посвящение четырнадцати *санньяси*, которые активно участвовали в проповеди и руководстве миссией. Абхай же был семейным человеком, обремененным делами и заботами о доме; он никогда не жил в *матхе*, если не считать кратковременных визитов. Но отношения его с духовным учителем становились все более близкими.

Иногда, чтобы увидеть Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати, Абхай посещал Чайтанья-матх, находившийся в километре от места рождения Господа Чайтаньи в Майяпуре. Однажды во дворе Чайтанья-матха прямо перед Абхаем откуда ни возьмись появилась огромная ядовитая змея. Абхай позвал других преданных, они подбежали, но застыли в растерянности, не зная, что предпринять. В это время на веранду второго этажа вышел Шрила Бхактисиддхант. Он взглянул вниз, увидел змею и тут же приказал: «Убейте ее!» Один юноша взял большую палку и убил змею.

Шрила Прабхупада: *Я задумался: «Как же это так — Гуру Махараджа приказал убить змею?» Это несколько удивило меня, но потом мне встретился стих: модета садхур апи врщика-сарпа-хатйа — и я успокоился. «Даже святые радуются, когда убивают змею или скорпиона». У меня были некоторые сомнения, почему Гуру Махараджа приказал убить змею. Но этот стих убедил меня, что подобные твари не заслуживают милости.*

Шрила Бхактисиддхант был настолько строг к себе и так беспощаден к чужим философским доктринам, что даже собственные ученики побаивались обращаться к нему наедине или не имея какого-то конкретного вопроса. Но к Абхаю Шрила Бхактисиддхант относился с неизменной доброжелательностью, хотя их встречи были довольно редкими.

Шрила Прабхупада: Гуру Махараджа всегда относился ко мне очень хорошо. Иногда духовные братья осуждали меня за то, что я немного вольно беседовал с ним, и говорили при этом: «Дуракам закон не писан». Но я думал: «Дурак? Да, может быть, но такой уж я есть». Гуру Махараджа всегда был очень, очень милостив ко мне. Когда я выражал ему почтение, в ответ он обычно говорил: Дасо 'сми — «Я твой слуга».

Порой, когда Шрила Бхактисиддханта расхаживал по комнате взад-вперед, перебирая четки и громко повторяя мантру Харе Кришна, Абхай входил в комнату и тоже читал мантру, прогуливаясь вместе с духовным учителем. Однажды, находясь в комнате Шрилы Бхактисиддханты, Абхай присел рядом с гуру на кушетку, то есть вышло так, что он сидел на одном уровне с ним. Но затем он обратил внимание, что остальные ученики сидят ниже, у ног духовного учителя, и тут же пересел на пол. Бхактисиддханта Сарасвати ничего не сказал по этому поводу, но с тех пор Абхай больше никогда не позволял себе сидеть на одном уровне с духовным учителем.

Как-то раз, чтобы послушать Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати, в его комнате собралось множество учеников, среди которых был и Абхай. Неожиданно к нему обратился пожилой человек, сидевший рядом. Когда Абхай наклонился, чтобы услышать, о чем тот спрашивает, Шрила Бхактисиддханта вдруг с досадой упрекнул двух невнимательных учеников:

— Бабу, — обратился он сначала к пожилому преданному, — уж не думаешь ли ты, что купил меня своим ежемесячным пожертвованием в сто пятьдесят рупий?

А затем повернулся к Абхаю:

— Почему бы тебе не выйти сюда и не говорить вместо меня?

Внешне расстроившись, в сердце Абхай принял и сберег этот выговор как сокровище.

Однажды в частной беседе Шрила Бхактисиддханта Сарасвати рассказал Абхаю, с какими опасностями сопряжена его смелая проповедь.

Шрила Прабхупада: Огромная заслуга моего Гуру Махараджи в том, что он нанес поражение кастовым госвами. Он разгромил этот брахманизм. Он поступал так же, как Чайтанья Махапрабху. Чайтанья Махапрабху говорил: киба випра, киба нйаси, шудра кене найа / эи кршна-таттва-ветта, сеи гуру хайа — «Не имеет значения, является человек санньяси, брахманом, шудрой или грихастхой. Нет. Если он знает науку о Кришне — с ним все в порядке, он госвами, он брахман».

Но со времен Господа Чайтаньи этому уже никто не учил. А Гуру Махараджа учил. Вот в чем его заслуга, и именно это вызвало бурный протест со стороны брахманов, кастовых госвами.

Однажды они даже сговорились убить его — мой Гуру Махараджа сам мне это говорил. Он был так милостив, что наедине рассказывал мне много интересного, и это он тоже рассказал мне лично: «Они собирались меня убить».

Они собрали двадцать пять тысяч рупий и предложили взятку местному офицеру полиции: «Возьмите эти двадцать пять тысяч. Мы тут кое-что задумали против Бхактисиддханты Сарасвати, а вы должны просто ничего не предпринимать». Офицер понял, что они собираются убить Шрилу Бхактисиддханту Сарасвати, пришел к нему и все открыто рассказал: «Конечно, мы берем взятки, что греха таить. Но только не тогда, когда дело касается святого человека. На такое я ни за что не пойду». Полицейский отказался от взятки и предупредил Гуру Махараджу: «Так-то и так-то. Будьте осторожны. Положение очень опасное». Все потому, что он не давал им спуска.

Он ценил смелость в своих учениках. Абхай слышал об одном случае, когда ученик Шрилы Бхактисиддханты очень откровенно высказался на многолюдном собрании против одного всеми уважаемого монаха-майявади, во всеуслышание назвав его «глупым жрецом». В результате собрание было сорвано, и некоторые ученики сообщили об этом происшествии Шриле Бхактисиддханте, полагая, что он будет недоволен учеником, чьи высказывания послужили причиной беспорядка. Однако Шрила Бхактисиддханта, напротив, был очень удовлетворен и заметил:

— Он поступил правильно.

Он бывал недоволен тогда, когда узнавал, что кто-то пошел на компромисс.

Шрила Прабхупада: Когда мой Гуру Махараджа присутствовал здесь, самые маститые ученые опасались вступать в беседу даже с его начинающими учениками. Моего Гуру Махараджу называли «ходячей энциклопедией». Он мог беседовать с любым человеком на любую тему, таким он был образованным. И никогда не шел на компромисс. Так называемые святые, «аватары», йоги — все эти притворщики были врагами моего Гуру Махараджи. Он не терпел компромиссов. Некоторые из его духовных братьев называли такую проповедь «рубкой сплеча» и предсказывали, что она не будет успешной. Но впоследствии те, кто критиковал его, пали.

Шрила Бхактисиддханта был ачарья-кешари, «учителем, подобным льву». Иногда, встретив какого-нибудь приверженца философии имперсонализма, он окликал его и бросал ему вызов:

Зачем ты обманываешь людей? Зачем забиваешь им головы философией майявады?

Он часто призывал учеников никогда не идти на компромисс. Зачем нам кому-то льстить? Мы должны говорить голую правду, безо всякой лести. Деньги придут в любом случае.

Излагая вайшнавскую философию, письменно или устно, Шрила Бхактисиддханта Сарасвати был непримирим; все его выводы были логичны, убедительны и подтверждались *шастрами*. Но иногда Абхаю доводилось слышать от него вечные истины, преподнесенные в такой необычной форме, что он понимал: ему никогда этого не забыть. «Не старайся увидеть Бога, —

часто говорил Шрила Бхактисиддханта, — лучше действуй так, чтобы Бог увидел тебя».

Шрила Бхактисиддханта сурово осуждал владельцев храмов, показывающих Божества за деньги. Он говорил, что лучше уж быть подметальщиком улиц — это более достойно. Он даже сочинил поговорку на бенгали: *шалаграм-двара бадам бханга* — «Жрецы, которые колют орехи *шалаграмой*». Иначе говоря, если человек показывает *шалаграму* или любую другую форму Бога за деньги, то он относится к Божеству не как к Господу, а как к обычному камню, с помощью которого можно заработать себе на жизнь.

Однажды Абхай стал свидетелем беседы своего духовного учителя с националистом Субхасом Чандрой Боузом, с которым они когда-то вместе учились в Колледже Шотландских церквей. Боуз, озабоченный тем, что Шрила Бхактисиддханта вовлекает молодежь в религию, был настроен слегка критически.

Шрила Прабхупада: *Субхас Чандра Боуз явился к моему Гуру Махарадже и сказал: «За вами идет так много людей. Теперь они ничего не делают для нации».*

Гуру Махараджа ответил: *«Для вашей пропаганды нужны силачи. А вы посмотрите на моих людей — они же такие слабые, такие худые. Оставьте их в покое. Пусть себе едят что-нибудь да повторяют „Харе Кришна“». Так он уклонился от спора с ним.*

Шрила Бхактисиддханта часто говорил, что когда место судей в Верховном суде займут преданные с вайшнавскими *тилаками* на лбу, можно будет сказать, что миссия по распространению сознания Кришны увенчалась успехом.

Еще он говорил, что Иисус Христос был *шактьявеша-аватарой*, воплощением Бога, наделенным особым могуществом:

— Как можно думать иначе? Во имя Бога он пожертвовал всем.

Своим научным языком он провозглашал:

— Поступая как материалист, невозможно постичь трансцендентного самодержца.

А иногда выражал то же самое более доступно:

— Ученые-материалисты, пытаюсь понять Верховного Господа с помощью грубых чувств и измышлений ума, подобны тому, кто пытается ощутить вкус меда в банке, облизывая ее снаружи.

— Философия без религии, — говорил он, — просто сухие домыслы, а религия без философии — обычные сантименты, а иногда и фанатизм.

Шрила Бхактисиддханта говорил, что весь мир состоит из обманщиков и обманутых. Он приводил такой пример: распутные женщины приходят в святыне места Индии, чтобы соблазнить *садху*, полагая, что иметь ребенка от *садху* очень престижно. А безнравственные мужчины наряжаются *садху*, рассчитывая быть соблазненными одной из таких женщин. Вывод: нужно стремиться покинуть этот мир и вернуться обратно к Богу, потому что «материальный мир — не место для порядочного человека».

Абхай замечал, что, когда ученики спрашивали духовного учителя о чем-то, что должно было произойти в будущем, он никогда не отвечал: «Да, это обязательно будет» или «Да, мы собираемся это сделать». Обычно он говорил: «Да, если Кришна пожелает, это случится». В юности он был астрологом и умел предсказывать будущее, но теперь бросил это занятие.

Шрила Бхактисиддханта на протяжении всей жизни оставался *брахмачари* и тщательно избегал общения с женщинами. Однажды Абхай сидел с духовным учителем, и там же присутствовал еще один ученик с молодой женой. Девушка спросила Шрилу Бхактисиддханту, может ли она побеседовать с ним с глазу на глаз. Он отказался:

— Нет, о чем бы ни был ваш вопрос, можете говорить прямо здесь. Я не могу остаться с вами наедине.

Это поразило Абхая: Шриле Бхактисиддханте было за шестьдесят, и девушка годилась ему во внучки. Тем не менее он оставался верен своему принципу: никогда не беседовать наедине ни с одной женщиной.

Шрила Бхактисиддханта с готовностью давал ученикам *санньясу*. Но как-то раз одного из таких учеников-санньяси насильно увела домой жена. Шрила Бхактисиддханта горько заплакал, говоря, что ему не удалось спасти эту душу. При этом он никогда не отзывался о семейной жизни в сознании Кришны пренебрежительно:

— Я мог бы вступать в половые отношения сотни раз, если бы был уверен, что воспитаю детей в сознании Кришны.

Он посылал своих *брахмачари* на улицы продавать книги и журналы Гаудия-матха, и если *брахмачари* удавалось продать хотя бы один или два журнала, Шрила Бхактисиддханта был очень доволен: «Ты просто молодец!» Раздумывая, годится ли для публикации статья или какое-то эссе, он обычно подсчитывал, сколько раз в тексте встречается слово «Кришна» или «Чайтанья». Если эти святые имена употреблялись достаточно часто, он, как правило, говорил:

— Очень хорошо. Это можно печатать.

У него была поговорка на бенгали: *пран ачхе йар, се хету прачар* — «Чтобы проповедовать, нужно быть живым — мертвец не может проповедовать». Когда его проповедники жаловались, что никто не пришел на их лекцию и не принял участие в *санкиртане*, Шрила Бхактисиддханта отвечал:

— Неважно. Стены слушали тебя, и этого достаточно. Не расстраивайся. Иди и продолжай петь.

А по поводу падения некоторых учеников он говорил:

— Некоторые солдаты обязательно погибнут.

Бхактисиддханта Сарасвати не хотел, чтобы его ученики вели легкую и беззаботную жизнь (как-то раз он даже отругал ученика за «празднолюбие»), но и стремление их предаваться в уединении аскезе он тоже осуждал. Он пел песню собственного сочинения: *душта мана! туми кисера ваишнава?* — «О мой ум, ну что же ты за вайшнав? Ты повторяешь „Харе Кришна“ в уединении,

подражая великим святым — Харидасу Тхакуру и Рупе Госвами, а сам думаешь лишь о женщинах и деньгах. Ты переполнен грязью, так что вся твоя бхаджана — просто обман». Он учил, что если преданный оставляет проповедь на улицах города ради медитации в уединении, это просто обман — он всего лишь пытается подражать прославленным святым в надежде заполучить дешевое почитание со стороны наивной публики. Поэтому Шрила Бхактисиддханта никогда не стремился открывать отделения Гаудия-матха в малонаселенных местах.

Абхай не упускал ни единой возможности послушать своего духовного учителя, но очень редко задавал ему философские вопросы. Он предпочитал просто слушать.

Шрила Прабхупада: *Я никогда не задавал духовному учителю никаких вопросов, кроме одного: «Чем я могу служить вам?»*

* * *

Абхай Чаран Де стал известным в фармацевтических кругах. Он отлично работал в «Лаборатории Боуза», и другие компании тоже хотели заполучить его в качестве агента. Он рассчитывал стать богатым.

Шрила Прабхупада: *Мой Гуру Махараджа приказал мне: «Делай то-то и то-то!» Но я думал: «Сначала нужно разбогатеть, а уже потом я выполняю его указание». Вначале я думал: «Мои духовные братья принимают санньясу. Они ходят от двери к двери, прося подаяния. Неужели и я должен просить? Лучше уж заработать денег и распространять сознание Кришны».*

Крупнейшая фармацевтическая компания Индии, «Бенгал ке-микл», обратилась к нему с предложением о сотрудничестве. Однако он отказал им (хотя потом и жалел об этом), поскольку они не согласились с некоторыми из его условий. Тем не менее будущее казалось многообещающим. Некогда астролог предсказал Абхаю, что он может стать одним из богатейших людей в Индии, а доктор Картик Боуз говорил его тестю: «Это очень толковый человек!»

Но были и тревожные признаки. В поездках по стране Абхаю удавалось собрать деньги только за половину поставок, но столько же счетов оставались неоплаченными. Оплата многих векселей задерживалась, и задолженность Абхая перед лабораторией Боуза постепенно росла, пока не достигла десяти тысяч рупий. К тому же у него появились враги. Новый менеджер, занявший пост официального представителя — прежнее место Абхая в «Лаборатории Боуза» в Калькутте, начал настраивать доктора против Абхая, внушая ему, что тот стал слишком независимым. Они уже слышали о его переговорах с «Бенгал кемикл», а растущий долг новый менеджер объяснял отсутствием верности своей компании. Картик Боуз по-прежнему хорошо относился к Абхаю, но, когда долг слишком уж разросся, Боуз поехал в Аллахабад, чтобы самому во всем разобраться. В «Праяг фармаси» доктор Гхош сказал ему:

— Он очень честный человек и не виноват в том, что случилось. Он доверился партнерам и раздал все лекарства в кредит, а деньги они не возвращают.

— Хорошо, — сказал доктор Боуз, — но деньги я ему давать больше не буду.

Абхай с доктором Боузом просмотрели счета и пришли к выводу, что лучше всего будет, если Абхай передаст руководство «Праяг фармасы» и право распоряжаться всеми счетами фирмы Боузу. Так Абхай освободился от долга, но вместе с тем лишился и работы.

Атулананда Брахмачари спрашивал его: «Почему ты не ходишь в *матх*? Ведь теперь ты свободен». Теперь Абхай действительно мог чаще бывать в расположенном неподалеку *матхе* Рупы Го-свами, где *брахмачари* из Гаудия-матха советовали ему положиться во всем на Кришну, оставить мирские дела, переехать к ним и постоянно проповедовать. Но Абхай и не думал бросать работу. Если он бросит работу, что же станет с его женой и детьми? У них с Радхарани родился уже третий ребенок, сын, поэтому ответственность стала еще больше. *Брахмачари* призывали его отречься от всего мирского, действуя из самых лучших побуждений, но Абхай не мог отнестись к их предложению серьезно.

Оставшись без работы, Абхай оказался в затруднительном положении, но по-прежнему верил в свои силы и не оставлял надежды найти альтернативу. Были и другие компании, которые приглашали Абхая стать их агентом. Некоторые из его прежних клиентов тоже были не против предложить ему работу, хотя он больше и не сотрудничал с Боузом. Абхай стал подумывать о создании собственной фармацевтической лаборатории. В итоге он решил открыть свою фабрику, но не в Аллахабаде, а в городе покрупнее. Свой выбор он остановил на Бомбее.

Абхай подумал и решил, что его семье лучше остаться в Аллахабаде, а сам он, вместе с братом, поехал в Бомбей, чтобы снять квартиру и оценить, насколько тамошняя обстановка благоприятствует открытию бизнеса. Хотя Радхарани давно уже привыкла к постоянным отлучкам мужа, ни одна из них не была столь длительной, какой обещала быть эта, предстоящая. Абхай объяснил ей, что неудача в бизнесе случилась по воле Кришны и теперь, чтобы и впредь обеспечивать семью, он должен начать более серьезное дело, а начинать его лучше в крупном городе, например в Бомбее. А семейную жизнь в Аллахабаде придется на время прекратить. Он оставил здесь небольшую фармацевтическую лабораторию, производящую лекарства, руководство которой поручил своему племяннику Туласи, и отправился с братом в Бомбей.

В Бомбее Абхай снял квартиру на Грант-Роуд и, используя навыки, полученные во время работы управляющим лаборатории Боуза, открыл собственную фармацевтическую фабрику. Бизнес пошел успешно. Тогда же большая компания «Смит инститьют» предложила ему место торгового агента. Абхай согласился, решив, что сможет одновременно работать представителем Смита и развивать собственный бизнес. Он был уверен в

своих силах и не сомневался, что хорошо заработает на фармацевтическом деле.

Однажды, совершая деловые поездки по Бомбею, он повстречал членов Гаудия-матха — Бхактиракшаку Шридхару Махараджу и Бхактисарангу Прабху, старших учеников Бхактисиддханты Сарасвати. Абхай очень уважал этих своих духовных братьев, отлично сведущих в вайшнавской философии и хорошо знающих священные писания. Было очевидно, что везде, куда бы он ни направлялся, сама судьба сводит его с духовными братьями. И сам он, и оба его духовных брата сочли эту якобы случайную встречу посреди города очень хорошим знаком. Как и в Аллахабаде, в Бомбее преданные тоже не имели постоянного центра, но предпринимали постоянные попытки его открыть. От имени Бхактисиддханты Сарасвати проповедники ходили от двери к двери, ища людей, которые могли бы так или иначе оказать поддержку бомбейскому отделению Гаудия-матха.

Абхай очень хотел помочь духовным братьям в служении гуру и предложил им свои услуги. Хотя по статусу они были выше Абхая, сейчас их положение было в каком-то смысле беспомощным и они нуждались в его поддержке. Они остановились в небольшом доме на Проктор-Роуд и не имели практически никакой возможности завязать важные знакомства. Теперь они действовали сообща: Абхай представлял проповедников своим знакомым по бизнесу, а проповедники просили пожертвования на новый центр. Абхай Чаранаравинда был незаменим в том, что касалось сбора средств, и охотно посвящал этому свое время. Духовные братья, в свою очередь, пытались уговорить его полностью посвятить свое время проповеди в Гаудия-матхе.

Шрила Прабхупада: Мы вместе собирали пожертвования — Шридхара Махараджа, Госвами Махараджа и я. Я знакомил их с некоторыми своими друзьями — химиками и врачами, и за два дня мы собрали пятьсот рупий. Шридхара Махараджа обычно говорил, я знакомил, а Госвами Махараджа просил пожертвования. Госвами Махараджа был очень признателен и высоко отзывался обо мне:

— Этот бабу очень опытен. У него много друзей, и он собрал столько средств! Почему бы ему не взять на себя руководство матхом и не жить вместе с нами? Почему он живет отдельно?

Абхай посещал квартиру на Проктор-Роуд, где разместился матх, участвовал с преданными в киртане и слушал их лекции по «Бхагаватам». По просьбе духовных братьев Абхай взял на себя задачу подыскать более подходящее место для бомбейского проповеднического центра. Теперь, куда бы Абхай ни отправлялся по делам в черте города, он всегда присматривал подходящий участок земли. На нем уже лежала ответственность за семью и детей, оставшихся в Аллахабаде, но положение инициированного ученика обязывало его с такой же ответственностью помогать духовным братьям. Он должен был не просто бороться за выживание в мире деловой конкуренции, но и участвовать в проповеди. Правда, он и представить себе не мог, что когда-

нибудь сможет жить, как эти *санньяси*: не иметь почти никакой собственности и работы и питаться простой пищей.

25 февраля 1935 года

В этот день Шриле Бхактисиддханте Сарасвати исполнилось шестьдесят два года. В Джаганнатха-Пури, где жил Шрила Бхактисиддханта, преданные устроили по этому случаю праздник. В маленьком бомбейском центре несколько его учеников намеревались провести вечернюю службу и пригласили местных жителей. К празднику Абхай написал стихи:

Все, все восхваляйте
Счастливый день,
Который благословеннее небес
И сладостнее мая, —
День, когда в Пури,
Святом месте,
Явился мой Господин и Учитель —
Его Божественная Милость!

О мой Учитель,
Благовествующий ангел,
Даруйте нам Ваш свет,
Зажгите свою свечу!
Для человечества,
Которое борется за существование,
Есть только одна надежда —
Ваша Божественная Милость.

Заблудшие,
Все мы сбились с пути
И горячо молим Бога:
Спаси нас, о Господь!
Чудесным образом
Вы наставили нас на истинный путь!
Я припадаю к Вашим стопам,
Ваша Божественная Милость!

Забывшие Кришну,
Мы, падшие души,
Платим иллюзии
Тяжелейшую дань.
Тьма вокруг,
И не видно ни зги.
Вы — единственная надежда,
Ваша Божественная Милость!

Вы принесли Весть о служении,
Жизнь, свободную от греха,
Которой учил Чайтанья.
Неведомая людям прежде,
Она исполнена свежести —
Вот Ваш дар,
Ваша Божественная Милость!

Вы доказали,
Что Абсолют мыслит и чувствует.
Вы отвели
Беду имперсонализма.
Это дает нам жизнь,
Новую и яркую.
Я склоняюсь к Вашим стопам,
Ваша Божественная Милость!

Не приди Вы,
Сильно и смело
Проповедующий Послание Кришны, —
То было бы Ваше право.
Жезл власти у Вас в руках.
Спасите меня, падшего,
Ваша Божественная Милость!

Путь служения,
Начертанный Вами,
Полон живительной радости,
Как утренняя роса.
Он — древнейший.
Но теперь — в новом виде.
Вы свершили чудо,
Ваша Божественная Милость!

— Абхай Чаран дас

Кроме того, Абхай составил речь, которую прочел перед собравшимися гостями и членами Гаудия-матха. Хотя родным языком Абхая был бенгали, по-английски он говорил чисто и естественно.

Господа, церемония почитания Ачарьядевы, которую мы проводим сегодня вечером, — не сектантство, потому что, говоря об основополагающем принципе гурудевы, то есть ачарьядевы, мы имеем в виду то, что адресовано

всем людям. Мы отнюдь не хотим противопоставить моего гуру вашему или чьему-либо еще. Гуру один, но он является в бесчисленных образах, чтобы учить вас, меня и всех остальных. Гуру, то есть ачарьядева, как мы узнаем из подлинных писаний, несет послание абсолютного мира, трансцендентной обители Абсолютной Личности, где все без исключения служит Абсолютной Истине.

Как и стихи, речь Абхая была проникнута личным чувством, однако имела еще более глубокое философское обоснование и представляла собой проповедь. Духовные братья Абхая были приятно удивлены, слушая, как искусно он излагает философию вайшнавов. Как такое возможно? Конечно, удивляться тут было особо нечему: как и все духовные братья, Абхай постигал философское учение вайшнавов из уст Шрилы Бхактисиддханты. Что же удивительного в том, что он пересказывает услышанное от духовного учителя и прочитанное в «Гите», «Бхагаватам» и «Бхакти-расамрита-синдху»? Разве не был он преданным, состоящим в *парампаре*? Но никто до сих пор не догадывался о его способности столь блестяще проповедовать на английском языке.

Следовательно, если Абсолютная Истина одна, относительно чего, мы полагаем, нет двух мнений, не может быть также и двух гуру. Ачарьядева, для выражения нашего смиренного почтения которому мы сегодня собрались, не является гуру сектантской общины или одним из многих противоречащих друг другу толкователей истины. Напротив, он — *джагад-гуру*, то есть гуру для всех нас; единственное различие в том, что одни повинуются ему добровольно, а другие не делают этого прямо.

Тем гуру, о котором Абхай говорил, был, без сомнения, Шрила Бхактисиддхант Сарасвати, представитель изначального автора ведических писаний, Вьясадевы. Абхай объяснил, как Господь Кришна передал трансцендентное знание Брахме, творцу этой вселенной. От Брахмы знание перешло к Нараде, от Нарады — к Вьясе, от Вьясы — к Мадхве... Поскольку Шрила Бхактисиддхант представлял ведическое знание таким, как оно есть, без каких-либо интерпретаций, не отклоняясь от *парампары*, — он был подлинным ачарьей, который способен просвещать других в богооткровенном знании Вед.

Абхай продолжал:

Господа, наши знания так ничтожны, наши чувства так несовершенны, а наши возможности так ограничены, что мы не способны составить ни малейшего представления о сфере абсолютного, пока не предадимся лотосным стопам Шри Вьясадевы или его истинного представителя.

Духовная наука, объяснил Абхай, известна в Индии тысячи лет. Именно это знание, хотя и частично утраченное и искаженное в настоящее время, было истинным даром Индии всему миру.

Поэтому неизбежен вывод, что невежество нынешнего века возникло не от отсутствия материального прогресса, а от того, что мы потеряли ключ к своему духовному прогрессу, первейшей потребности человеческой жизни и отличительной черте человеческой цивилизации высшего типа. Умение бросать бомбы с самолетов еще нельзя назвать прогрессом, потому что оно, по сути дела, мало чем отличается от примитивной, варварской практики сбрасывания на головы врагов камней с вершин гор. Совершенствование в искусстве убивать своих соседей с помощью пулеметов и ядовитых газов, безусловно, не является продвижением вперед от примитивного варварства, гордившегося своим искусством убивать с помощью лука и стрел? Гипертрофированное чувство болезненного самолюбия также не свидетельствует ни о чем ином, как о животном образе мышления...

Итак, в то время, когда другие еще пребывали в лоне исторического забвения, мудрецы Индии развили иной тип цивилизации, позволившей им познать себя. Они обнаружили, что все мы отнюдь не материальные существа, а духовные, вечные и неуничтожимые слуги Абсолюта.

Абхай продолжал, описывая ужасные последствия впустую растраченной человеческой жизни и страдания повторяющихся рождений и смертей. Снова и снова он подчеркивал необходимость вручить себя духовному учителю. Он обрушивался с критикой на мирских философов, безбожных политиков и слепых рабов чувств. Он много раз указывал на естественное положение живого существа — возвышенное положение слуги Бога и слуги Его чистого преданного. Абхай, получивший посвящение чуть более двух лет назад, говорит здесь о себе как об ученике:

Господа, хотя в науке о Трансцендентном мы подобны несмысленным детям, тем не менее Его Божественная Милость, наш Гурудева, зажег в нас маленький огонек, чтобы рассеять непроглядную тьму эмпирического знания. Теперь мы так надежно защищены, что никакие философские аргументы школ эмпирической мысли не заставят нас ни на йоту отступить с позиции вечной зависимости от лотосных стоп Его Божественной Милости. Более того, мы готовы бросить вызов самым эрудированным ученым школы *майявады* и доказать, что только Верховная Личность, Бог, и Его трансцендентные развлечения на Голоке составляют возвышенную мудрость Вед.

Свою речь он завершил короткой молитвой, исполненной смирения.

Лично у меня нет надежды на какое-то непосредственное служение в течение миллионов грядущих рождений в моих скитаниях по жизни, но я

уверен, что когда-нибудь выберусь из этой трясины заблуждения, в которой сейчас так глубоко завяз. Поэтому я истово молюсь у лотосных стоп моего божественного учителя, чтобы он дал мне выстрадать те муки, которые мне суждено испытать за прошлые ошибки, но позволил бы все время помнить, что я всего лишь ничтожный слуга всемогущего Абсолютного Бога, которого я способен постичь благодаря неизменной милости моего божественного учителя. И потому со смирением, на какое только способен, я припадаю к его лотосным стопам.

Свою речь и стихи он отослал в редакцию журнала «Хармонист». Первым опубликованным стихотворением Абхай обнаружил свою способность превосходно писать на английском языке, и Свами Бхактипрадипа Тиртха, старший *санньяси* Гаудия-матха, окрестил Абхая *кави* — «ученым поэтом». Некоторым духовным братьям Абхая понравилось это прозвище, и они тоже начали называть его *кави*. Большинство из них, даже *санньяси*, не владели английским языком столь свободно. Но Абхай не просто хорошо знал язык. Преданные видели, что стихотворение написано от сердца, что оно выражает неподдельное преклонение Абхая перед гуру и его радость от того, что он принял истинного духовного учителя. При этом его труд строго соответствовал выводам священных писаний.

Но настоящая награда за «Послание на Шри Вьяса-пуджу» пришла к Абхаю, когда стихотворение прочел Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, — оно ему очень понравилось. Одно из четверостиший доставило Шриле Бхактисиддханте особенную радость, и он цитировал его всем своим гостям.

Вы доказали,
Что Абсолют мыслит и чувствует.
Вы отвели
Беду имперсонализма.

В этом простом четверостишии Абхаю удалось выразить самую суть проповеди своего гуру против *майявады*, и Шрила Бхактисиддханта понял, насколько тонко Абхай чувствует его настроение. Абхай был в восторге, когда узнал, что это четверостишие понравилось духовному учителю. Один духовный брат Абхая сравнил этот стих со стихом, в котором Рупа Госвами удивительно точно передал внутреннее состояние Чайтаньи Махапрабху, чем привел Его в экстаз.

Очерк Абхая Шрила Бхактисиддханта Сарасвати также нашел превосходным и дал его прочитать некоторым преданным, пользовавшимся его особым доверием. А редактору журнала «Хармонист» велел: «Печатай все, что он напишет».

Абхая нисколько не удивляло наличие большого числа врагов и деловых конкурентов — это было одним из верных признаков успеха. Но в Бомбее конкуренция лишила его очередной возможности стать богатым. «Врагом» оказался сын управляющего из «Смит инститют». И отец, и сын стали жаловаться руководству компании, что продукцию своей лаборатории Абхай Чаран Де рекламирует больше, чем товары Смита. В результате этой интриги Абхай потерял должность, а управляющий поставил на его место своего сына. Абхая опять пришлось работать самостоятельно.

Продолжая помогать своим духовным братьям, он нашел сдающееся в аренду двухэтажное здание на Гвалиор-Тэнк-Роуд. Все согласились, что это место хорошо подходит для центра, и Абхай договорился об арендной плате и первоначальном ремонте, а затем помог братьям переехать на новое место. Он стал замечать, что его усилия в достижении духовных целей всегда увенчиваются успехом, в то время как все материальные начинания одно за другим терпят крах. Конечно, горстка конкурентов — не повод для отчаяния: игра никогда не обходится без интриг и потерь. У него по-прежнему хорошая репутация в фармацевтическом бизнесе Индии. Но взлеты и падения в бизнесе беспокоили его гораздо меньше, чем сомнения: а действительно ли это наилучший и единственно подходящий для него способ служить духовному учителю? Бизнес хорош только тогда, когда идет рука об руку с духовной жизнью. Господь Чайтанья предсказывал, что «Харе Кришна» будет звучать в каждом городе и деревне, и Абхай хотел помочь духовному учителю исполнить это пророчество, в частности собирая средства и помогая открывать проповеднические центры. Его заработок должен идти не только на нужды семьи.

В идеале духовная и семейная жизнь должны помогать друг другу. Но тут дело было в жене Абхая. Неудачи мужа в бизнесе ее очень беспокоили, а духовные достижения оставляли равнодушной. Ее интересы ограничивались пределами дома и семьи; вопреки советам Абхая, она отказывалась получать посвящение от Шрилы Бхактисиддханты. Так уж вышло, что самым серьезным противником для него стала собственная жена.

Навещая время от времени родных в Аллахабаде, Абхай старался успокоить и приободрить их, рассказывая о своих намерениях. Бизнес в Бомбее шел не так хорошо, как хотелось бы, но у Абхая были новые планы, и он уверял домашних, что беспокоиться не о чем. Он собирался больше проповедовать дома — тогда вся семья могла бы уделять духовной деятельности немного больше времени. Он хотел приглашать гостей, обсуждать с ними «Бхагавад-гиту» и «Шримад-Бхагаватам», петь *киртаны*, раздавать *прасад*. Он хотел проповедовать, как это делали его гуру и духовные братья. Такие программы не требовали обязательного присутствия *санньяси* или *брахмачари*, которые руководили бы происходящим, — Абхай мог все делать сам. И это было бы примером идеальной жизни семейного человека. Но Радхарани была другого мнения. Вместо того чтобы слушать его проповедь, она сидела в другой комнате с детьми и пила чай.

В Бомбее Абхай тесно общался со Шридхарой Махараджей и Бхактисарангой Прабху. Оба преданных были весьма высокообразованными людьми: Шридхару Махараджу уважали за всестороннее знание *шастр*, а Бхактисарангу Прабху — за литературные труды и проповедь на английском; с ними Абхай иногда делился своими духовными открытиями.

Кроме того, Абхай изучал священные писания самостоятельно. Он читал «Бхагавад-гиту», комментарии к «Бхагаватам», написанные его духовным учителем, а также комментарии *ачарьев* прошлого. В комментарии Шрилы Вишванатхи Чакраварти Тхакура к «Бхагавад-гите» (2.41) Абхай нашел фразу, которая глубоко запала ему в сердце, еще больше укрепив в нем желание выполнять наставления Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати: «для ученика указания духовного учителя должны быть дороже самой жизни». А в восьмьдесят восьмой главе Десятой песни «Шримад-Бхагаватам» он нашел слова Самого Господа, которые поразили его до глубины души:

*йасйахам анугрхнами
харишйе тад-дханам шанаих
тато 'дханам тйаджантй асйа
сва-джана духкха-духкхитам*

«У того, к кому Я особенно милостив, Я постепенно отнимаю всю материальную собственность. И тогда друзья и родственники отворачиваются от него, нищего и жалкого». Прочитав этот стих, Абхай вздрогнул. Ему показалось, что этот стих — о нем. Но что это значит? «Не значит ли это, — размышлял он, — что Кришна постепенно отнимет у меня все деньги?» А разве не это сейчас происходило в его жизни? И не в этом ли причина его неудач в бизнесе? Он поделился своими мыслями со Шридхарой Махараджей. «Вполне возможно», — подтвердил Шридхара Махараджа. Может быть, именно это и происходит сейчас между Господом Кришной и Абхаем.

* * *

В июле 1935 года Шрила Бхактисиддхант Сарасвати приехал в Бомбей, чтобы установить в бомбейском центре Божество Господа Кришны. Он был очень доволен тем, что ученики сделали так много, а Бхактисаранга Махараджа отметил, что главная заслуга в этом принадлежит Абхаю Бабу, который собирал средства на открытие нового центра.

— Почему Абхай живет отдельно от нас? — поинтересовался Бхактисаранга. — Он обязательно должен возглавить центр в Бомбее.

Бхактисиддхант Сарасвати ответил:

— Ему лучше жить отдельно от вас. Он сам сделает все что нужно. Когда придет время, он сделает все сам. Нет необходимости представлять его мне.

Абхай не присутствовал при этом разговоре, но духовные братья передали ему слова Шрилы Бхактисиддханты. Эти слова заключали в себе

таинственный пророческий смысл и были очень важны для Абхая. Он хранил их в сердце, как бесценное сокровище, и часто размышлял над их значением.

* * *

В ноябре 1935 года Абхаю опять посчастливилось побывать во Вриндаване вместе с духовным учителем. Месяц *карттিকা* — идеальное время для посещения Вриндавана, и Шрила Бхактисиддханта проводил это время в обществе своих учеников на тихих берегах Радха-кунды — священного озера, где когда-то наслаждались Своими играми Радха и Кришна.

В июле Шрила Бхактисиддханта Сарасвати отправился из Бомбея в Калькутту, где прочел множество публичных лекций, встретил вернувшихся из Европы учеников, которых он посылал туда проповедовать, и завершил публикацию «Шримад-Бхагаватам» с комментариями к нему. Затем, в октябре, он прибыл на Радха-кунду. Поселившись в небольшом одноэтажном доме, построенном им самим и названном Враджа-Свананда-Сукхада-кунджей (в честь дома Бхактивиноды Тхакура на Годрумадвипе), он проводил дни в чтении и обсуждении «Чайтанья-чаритамриты», Упанишад и «Шримад-Бхагаватам». Тогда же он установил Божества в Шри-Кунджавихари-матхе.

Берега Радха-кунды ярко зеленели листвой старых сучковатых деревьев тамаринда, *тамалы* и *нима*. У берегов на длинных ногах, словно на ходулях, стояли журавли. Сияющая гладь воды была недвижна, лишь скользящие низко над озером речные крачки время от времени тревожили ее, внезапно ныряя за рыбой, да изредка всплывала из глубины черепаха, на секунду высывая нос из воды, или выпрыгивала рыбка. Парочки зеленых попугаев слетали с зеленых деревьев и снова возвращались назад; гомонили и перелетали с места на место воробьи. В окрестных рощах жили павлины, попадались и зайцы, и олени.

Вся атмосфера здесь была пропитана *кришна-лилой*. Пять тысяч лет прошло с тех пор, как Радха и Кришна проводили здесь Свои божественные игры, но лишь пять веков назад Господь Чайтанья отыскал забытое озеро Радха-кунда. Долгие годы здесь жил великий последователь Господа Чайтаньи Рагхунатха дас Госвами, беспрестанно повторяя «Харе Кришна» и рассказывая о деяниях Господа Чайтаньи Махапрабху. Здесь же, в маленьком *бхаджана-кутире*, Кришнадас Кавираджа написал «Чайтанья-чаритамриту», поэму об играх Господа Чайтаньи, которая так нравилась Бхактисиддханте Сарасвати. Многие из людей, живших на Радха-кунде, были отрекшиеся от мира *бабаджи*, которые проводили все время в своих *бхаджана-кутирах*, повторяя «Харе Кришна».

Узнав, что гуру остановился на Радха-кунде, Абхай, взяв с собой одного из сыновей, приехал туда из Бомбея, чтобы получить *даршан* своего духовного учителя. Возможность встретиться со Шрилой Бхактисиддхантой всегда была для Абхая источником большой радости, а сейчас эту радость усиливало то,

что увидятся они именно во Вриндаване. Эта встреча Абхая с дорогим его сердцу наставником и другом была совсем не похожа на ту вриндаванскую встречу, что произошла в 1932 году на *парикраме*. Теперь Абхай уже не был незнакомцем, сидящим в последнем ряду у задней стены комнаты. Теперь он — настоящий ученик, признанный *кави*, написавший достойные похвал стихотворение и статью; молодой человек, «умеющий хорошо слушать»; преданный, помогающий алахабадскому *матху* и открывший *матх* в Бомбее. На этот раз Абхаю посчастливилось остаться со своим духовным учителем наедине. Шрила Бхактисиддханта помнил сына Абхая и подарил ему маленький *бандхи* (жакет). Прогуливаясь с Абхаем в окрестностях Радха-кунды, Шрила Бхактисиддханта доверительно заговорил с ним.

Он рассказал, что в Калькутте начался конфликт между его старшими учениками, и это причиняет ему сильную боль. И даже сейчас, во Вриндаване, тяжелые мысли не идут у него из головы. Несколько его учеников поссорились, не договорившись, кому какая комната достанется в главном проповедническом центре Гаудия-матха, в Калькутте. Все эти преданные были из одного *матха*, а само здание было построено для распространения сознания Кришны под руководством Бхактисиддханты Сарасвати. И все равно они ссорились, даже в присутствии своего духовного учителя. *Брахманы* и *вайшнав*ы должны быть свободны от зависти ко всем живым существам, и уж конечно от зависти друг к другу. Если они ссорятся уже сейчас, что же будет, когда их духовный учитель оставит этот мир? Абхай находился в стороне от этих дразг и даже не знал подробностей и имен участников. Но, слушая эти слова духовного учителя, он тоже расстроился.

Глубоко озабоченный этой проблемой, Шрила Бхактисиддханта сказал Абхаю: *агун джвалбе* — «Быть пожару». Очень скоро в калькуттском Гаудия-матхе вспыхнет пожар личных интересов, который, разгоревшись, многое уничтожит. Абхай слушал, не зная, что и думать. Шрила Бхактисиддханта так долго и отважно боролся за то, чтобы доказать, что *брахманом*, *санньяси* или *вайшнавом* может стать любой человек, но сейчас его последователи осквернены желанием почестей и каких-то жалких денег, показывая тем самым, что, несмотря на все обучение и очищение, по-прежнему остались «людьми второго сорта» — и это подрывает всю его миссию. Если, прикрываясь религией, они привязываются к комфорту, высокому положению и почету, это может значить только одно: они не усвоили наставлений духовного учителя.

Шрила Прабхупада: Он сокрушался о том, что этих людей интересуют лишь камни и кирпичи здания. Он осуждала это. Он был очень, очень расстроен.

«Когда мы арендовали дом на Ультаданге, — говорил Шрила Бхактисиддханта, — если нам удавалось собрать каких-нибудь двести или триста рупий, мы жили просто замечательно! Тогда мы были счастливее. Но с тех пор, как появился этот мраморный дворец в Багбазаре, между нашими последователями начались склоки. Кто займет эту комнату? А эта кому будет

принадлежать? А в той кто будет жить? Каждый рассуждает на свой лад. Было бы лучше снять мрамор со стен, продать его и напечатать книги».

Абхай чувствовал, что духовный учитель словно взывает к нему, прося о помощи или предупреждая о грядущей катастрофе. Но он-то, Абхай, чем может помочь?

И тут Шрила Бхактисиддханта прямо сказал ему: *амар иччха чхила кичху баи карта* — «Я хотел печатать книги». И добавил: «Если у тебя когда-нибудь появятся деньги, *печатай книги*». Стоя рядом с духовным учителем и глядя на него, Абхай почувствовал, как глубоко эти слова входят в его сердце: «Если у тебя когда-нибудь появятся деньги, *печатай книги*».

* * *

Декабрь 1936 года

Шрила Бхактисиддханта находился в Джаганнатха-Пури. Его здоровье сильно ухудшилось. Абхай, который тогда жил в Бомбее, решил написать письмо Гуру Махарадже. «Он так добр ко мне, — думал Абхай, — он поймет мою просьбу». И написал:

Дорогой Гуру Махараджа,

Пожалуйста, примите мои смиренные поклоны у Ваших лотосных стоп. У Вас много учеников, и я — один из них, но лишь некоторые могут служить Вам лично. Кто-то из них — *брахмачари*, кто-то — *санньяси*, а я семейный человек. У меня нет такой возможности. Иногда я в состоянии оказывать финансовую помощь, но непосредственно служить Вам я не могу. Могу ли я выполнить какое-нибудь конкретное служение?

Через две недели Абхай получил ответ:

Я совершенно уверен, что ты сможешь изложить на английском языке наши мысли и доводы. Это нужно для тех, кто не понимает нашего языка.

Это принесет огромное благо как тебе, так и твоим слушателям.

Я очень надеюсь, что ты станешь прекрасным англоговорящим проповедником, если будешь служить нашей миссии, знакомя как простых людей, так и философов и религиозных лидеров с неведомым для них прежде учением Господа Чайтаны.

Абхай тут же узнал в словах учителя те наставления, которые получил на первой их встрече в 1922 году. Бхактисиддханта Сарасвати еще раз подтвердил их. Абхай больше не сомневался относительно цели своей жизни. То, что сказал его духовный учитель в Калькутте в 1922 году, не было случайно оброненной фразой, как не была случайной и сама их встреча. Наставление

было тем же: «Стань англоговорящим проповедником. Это принесет огромное благо как тебе, так и твоим слушателям».

* * *

Шрила Бхактисиддханта оставил этот бренный мир 1 января 1937 года. Он провел последние дни, читая «Чайтанья-чаритамриту» и повторяя на четках святые имена. Когда к нему пришел врач, чтобы сделать укол, Шрила Бхактисиддханта отказался: «Зачем вы меня беспокоите? Просто повторяйте „Харе Кришна“. Этого достаточно». Одним из его последних наставлений ученикам было следующее:

Я советую всем вам проповедовать учение Рупы — Рагхунатхи [учеников Господа Чайтаньи], используя все силы и средства. Наша высшая цель — стать пылью у лотосных стоп Шри Шри Рупы Госвами и Рагхунатхи Госвами. Вы все должны трудиться сообща под руководством вашего духовного учителя ради служения Абсолютной Истине, Личности Бога. Вы должны стараться жить в этом бренном мире только ради служения Богу. Не ссорьтесь. И пожалуйста, не прекращайте служения Богу, даже если оказываетесь в опасности, подвергаетесь критике или вынуждены терпеть неудобства. Пусть вас не разочаровывает то, что большинство людей в этом мире не служат Богу; не бросайте свое служение, оно — всё для вас; не сходите с пути повторения и слушания трансцендентного имени Бога. Пойте и повторяйте его со всей решимостью; будьте терпеливы, как дерево, и смиренны, как травинка... Среди вас есть немало опытных преданных, способных сделать многое. У нас нет иного желания.

До последней минуты он оставался в полном сознании и продолжал давать наставления. Особо он делал акцент на том, что управление Гаудия-матхом должно осуществляться руководящим советом из двенадцати человек, избранных из числа его учеников. В конце он сказал:

— Примите, пожалуйста, мои благословения, те, кто здесь и кого здесь нет. Пожалуйста, всегда помните, что наша единственная обязанность и единственный духовный путь — это распространять и проповедовать служение Господу и Его преданным.

1 января в 5:30 утра он сделал последний вздох.

Печальное известие очень быстро достигло Бомбея. Абхай, услышав скорбную весть, заплакал от горя — не будет больше радости от предвкушения встречи, не будет «деловых» поездок в Калькутту или Вриндаван, главная цель которых — увидеть высокую, внушительную фигуру Шрилы Бхактисиддханты, «благовествующего ангела». Сама мысль о том, что они никогда больше не встретятся, была нестерпимой. Разумом Абхай понимал, что причины для скорби нет: Бхактисиддханта Сарасвати пришел в этот мир, чтобы выполнить

миссию Господа Чайтаны, и сейчас настало время ему покинуть эту планету и отправиться в другое место, чтобы распространять божественное послание и там, — но и философия не могла спасти Абхая от щемящего чувства одиночества. Ушли два его великих благожелателя — сначала отец, а теперь и духовный учитель. Он был безмерно благодарен духовному учителю за то, что всего за две недели до ухода тот одарил его особой милостью — дал последнее наставление. Абхай снова и снова перечитывал его последнее письмо — ведь новых писем уже не будет! Личные встречи и беседы остались в прошлом, а этому письму предстояло стать фундаментом, на котором будет построена вся жизнь Абхая. Письмо пришло как раз вовремя. Теперь было неважно, что говорят другие; он точно знал, как порадовать духовного учителя и сохранить связь с Кришной. Самый любящий его доброжелатель ушел, но, следуя его указанию, Абхай сможет преодолеть горе утраты.

5 Война

В этих обстоятельствах, начиная с 1936 года, я просто думал, смогу ли я отважиться на выполнение этой трудной задачи, не имея к тому же ни средств, ни способностей. Но поскольку трудности не испугали меня, я, собравшись с духом, взялся за работу.

— Шрила Прабхупада,
журнал «Бэк ту Годхед»

«ПОЖАР В МАТХЕ» вспыхнул почти сразу. Один из старших преданных заявил, что духовным преемником Бхактисиддханты Сарасвати должен стать один-единственный *ачарья*, который будет давать посвящения и разрешать все споры. Но Бхактисиддханта Сарасвати никогда не говорил ничего подобного. Он не просил ставить во главе своей организации какого-то одного *ачарью*. Напротив, он наказал членам Гаудия-матха сформировать руководящий орган из двенадцати человек и управлять Матхом сообща. Но об этом наставлении быстро забыли и выдвинули другое предложение — назначить единоличного лидера. Вместо двенадцати человек руководство должен был взять на себя один. Таким человеком, *ачарьей*, с общего согласия духовных братьев был избран Ананта-Васудева.

Однако вскоре ученики разделились на две противоборствующие группы.

Ананта-Васудева был одним из лучших проповедников Бхактисиддханты Сарасвати, хотя, когда его гуру присутствовал на Земле, никогда не просил его о посвящении в *санньясу*. Когда начались споры, большинство преданных, в том числе и *санньяси*, продолжали оставаться на его стороне. Другой ученик, Кунджавихари, который при Шриле Бхактисиддханте был главным управляющим делами Матха, теперь претендовал на великолепный храм в Калькутте, а также на всю остальную собственность Гаудия-матха в Индии. В своем завещании Шрила Бхактисиддханта выразил желание, чтобы ученики избрали руководящий совет, который управлял бы всей собственностью и денежными средствами Гаудия-матха, но некоторые оспаривали законность этого нововведения. Обсуждая юридические и богословские аспекты положения своего гуру, они, вероятно, пришли к выводу, что, поскольку Шрила Бхактисиддханта получал всю эту собственность от имени Бога, она ему не принадлежала и он не имел права определять ее будущего хозяина. Кунджавихари и другие вели бесконечные споры по поводу правовых и богословских аспектов положения ушедшего *ачарьи*.

Вскоре после ухода Шрилы Бхактисиддханты началась судебная тяжба. Ананта-Васудева, на стороне которого было большинство членов Гаудия-матха, считавших его новым *ачарьей*, взял на себя роль распорядителя собственности организации. На стороне Кунджавихари было лишь несколько

человек, но, несмотря на это, он бросил вызов большинству и подал в суд. Кунджавихари и его сторонникам удалось завладеть Чайтанья-матхом и храмами в Майяпуре. Партии Васудевы отошла вся остальная недвижимость. Ссоры переросли в кулачные бои, и проповедь Гаудия-матха приостановилась.

Неспособность Абхая участвовать в деятельности Гаудия-матха неожиданно обернулась ему во благо. Он всегда был скорее прихожанином, нежели членом *матха*, и (по крайней мере, на первый взгляд) больше предпринимателем-грихастхой, нежели миссионером. Поэтому все эти раздоры обошли его стороной. Он, правда, был связан с *матхами* в Бомбее и Аллахабаде, но не занимал там руководящих постов, и поэтому ему не нужно было на что-то притязать или участвовать в судах. Да и не хотелось ему вставать ни на одну из сторон в борьбе за власть. Как и многих других учеников, его удручало, что наказом их духовного учителя о сотрудничестве пренебрегли, а его миссия стала предметом судебного разбирательства. Абхай знал, что Шрила Бхактисиддханта всегда призывал старших учеников к сотрудничеству, поэтому не мог одобрить действий ни одной из враждующих сторон. Он не хотел участвовать в этой войне.

Но он хотел проповедовать. Хотя цель стать «прекрасным англоговорящим проповедником» оставалась пока больше предметом его размышлений, нежели активных действий, Гаудия-матх, по логике, мог бы стать хорошим средством для его проповеди. Абхай уже печатал свои статьи в изданиях Гаудия-матха и сотрудничал с духовными братьями в Аллахабаде и Бомбее. Разумеется, служение духовному учителю означает служение в его миссионерской организации, но Гаудия-матх, некогда славившийся чистой и смелой проповедью послания Господа Чайтаньи, теперь был известен в основном своими распрями. Развал Гаудия-матха ударил и по Абхаю. Как мог он в таких условиях выполнять наказ духовного учителя — проповедовать? Раньше главным препятствием для его проповеди были семейные обязанности, но сейчас положение значительно усложнилось. Теперь ничего другого не оставалось, как сидеть и ждать исхода этих сражений. Что же уготовил ему Кришна?

* * *

1938 год

Дела в Бомбее не ладились. Абхай, которому было уже сорок два года, со всей семьей переехал обратно в Калькутту, где арендовал дом номер 6 на Сита-Канта-Банерджи-Лейн. С обеих сторон этой узкой улочки стояли трехэтажные дома. Его офис располагался на первом этаже и выходил окнами на улицу; семья жила на втором этаже. Абхай снял примыкающее здание, дом номер 7, и на первом его этаже устроил небольшую химическую лабораторию, где стал производить дистиллированную воду, «Болеутоляющую мазь Де», «Вимал тоник», уколы от нарывов «Альпа» и другие лекарства. Маленькую постройку

на заднем дворе он тоже приспособил под производство. Над дверью, выходящей на улицу, он прикрепил большую вывеску — «Абхай Чаран Де и сыновья», на которой был изображен сам Абхай Чаран с пышными усами.

Иногда Абхай нанимал себе в помощь двух-трех человек, но чаще работал один. Он поставлял дистиллированную воду своим агентам, в частности «Бенгал компани» и «Глюконет». Для рекламы «Болеутоляющей мази Де» была напечатана брошюра, в которой говорилось: «Отлично снимает боль при подагре, ревматизме и других недугах». А если пациент хотел навсегда избавиться от подагры, ревматизма и других недугов, брошюра Абхая предписывала ему, в дополнение к «Болеутоляющей мази Де», «воздерживаться от спиртных напитков и других одурманивающих средств и употреблять в пищу простые и чистые продукты, такие как овощи и молоко».

Новое дело в Калькутте сразу пошло на лад, и все же сердцем Абхай был далеко отсюда. Да, ему приходилось зарабатывать деньги, чтобы содержать семью. Таков был его долг. Однако новые знакомые в Калькутте видели, что сердцем он предан Богу. Хотя он и был деловым человеком и главой семьи, все-таки проповедь и литературная деятельность занимали его больше, чем семья и бизнес.

Чханди Мукерджи (с соседней улицы Бихари): *Его интересовало только преданное служение, а бизнесом он занимался лишь для поддержания семьи. Было видно, что им движет иной мотив, нежели стремление извлечь выгоду, заработать денег или разбогатеть.*

Чаран Мукерджи (сосед Абхая): *Абхай Чаран Де всегда очень терпеливо выслушивал все, даже самые вздорные доводы любого посетителя, в том числе и мои. Не зная философии, я выдвигал множество совершенно нелепых аргументов, а господин Де всегда очень терпеливо слушал. Он никогда не раздражался, всегда был очень спокоен и рассказывал мне о Боге. Он говорил только о Кришне. Он переводил «Гиту» и вел свои дела.*

Соседи часто заставляли его сидящим на кушетке в гостиной. Он читал книги своего духовного учителя, время от времени повторяя вслух санскритские шлоки. С теми, кто заходил к нему, он любил говорить о философии. Члены его семьи, как правило, находились в верхних комнатах, а он сидел внизу, в гостиной, одетый в *дхоти* и *курту*, а иногда в *дхоти* и жилетку. Иногда он писал, а дети его в это время играли на улице с детьми семьи Гангули, жившими в том же доме, в квартире, выходившей во двор.

С соседями жили очень дружно, как одна семья, и Абхай часто общался с ними. Говорили они, как правило, о вайшнавской философии и лишь изредка — о бизнесе. По мнению господина Гангули, речь Абхая была «ученой и всегда в высшей степени философской». Он был поглощен философией сознания Кришны и даже в коротких беседах ссылался на Кришну и говорил о том, что «Бхагавад-гита» называет Кришну основой материального и духовного миров. Работая в своей лаборатории, принимая пустые стеклянные бутылки у торговца-мусульманина или выходя продавать свои лекарства, он всегда говорил и думал о Боге.

В те дни в Калькутте нередко можно было встретить человека, проявляющего интерес к Богу. Абхай заметил, что даже Абдулла, мусульманин, продававший стеклянную тару, очень религиозен. Однажды Абхай спросил Абдулла, который когда-то был очень бедным, но благодаря своему делу разбогател:

— Теперь у тебя есть деньги. На что же ты собираешься их потратить?

Торговец бутылками ответил:

— Дорогой господин, я мечтаю построить мечеть.

* * *

Тем временем война в Гаудия-матхе разгоралась все сильнее. Обе партии были движимы нечистыми мотивами, и обе отклонились от наставлений духовного учителя. Сама их попытка добиться права собственности через суд означала, что духовные братья не повиновались желанию духовного учителя, которое он столь ясно выразил в завещании. Суды тянулись годами, но тяжбы не могли ни сблизить учеников, ни очистить их. Местный суд вынес решение в пользу Ананта-Васудевы, но другой суд, высшей инстанции, постановил, что две трети собственности Матха принадлежат Кунджавихари, а Васудеве — только одна треть. Несмотря на это, сторонников у Васудевы было больше — многим казалось, что он более решительно настроен восстановить проповедь Гаудия-матха. Но вскоре Васудева, к тому времени уже *санньяси*, женился, тем самым нарушив свои обеты, и группы стали дробиться дальше.

Большинство *санньяси* продолжали соблюдать свои принципы, но многие из них, возмущенные происходящим, вышли из состава обеих партий. Каждый из них учредил свой *ашрам*: «Миссия Гаудия», Чайтанья-гаудия-матх и другие. Гаудия-матх — единая миссионерская организация, охватившая всю Индию, состоящая из множества храмов, нескольких типографий и сотен преданных, работавших сообща под единым руководством, — прекратила свое существование. Ученики продолжали следовать наставлениям Господа Чайтаньи, полученным от Шрилы Бхактисиддханты, но, разделившись, утратили былую силу. Иллюзия престижа и обладания собственностью вытеснила наказ духовного учителя, и дело Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати — всемирное движение, проповедующее учение Господа Чайтаньи, — было развалено.

* * *

Куда бы Абхай ни приехал, он, казалось, притягивал к себе духовных братьев. Несколько последователей Шридхары Махараджи — того самого Шридхары, с которым Абхай сотрудничал в Бомбее и к которому всегда относился как к хорошему преданному и ученому, — встретили Абхая около

его дома на Банерджи-Лейн, а затем рассказали об этой встрече Шридхаре Махарадже, который в то время жил сам по себе. Шридхара Махараджа не участвовал в распрях Гаудия-матха, но, будучи *санньяси*, по-прежнему проповедовал и занимался изданием вайшнавской литературы. Он хотел открыть *ашрам* в Калькутте и для этой цели за двадцать рупий в месяц арендовал у Абхая четыре комнаты на втором этаже дома номер 7, над химической лабораторией.

Теперь, когда бы Шридхара Махараджа ни приезжал в Калькутту, он останавливался там, в своей отдельной комнатке. Иногда он жил там подолгу, и скоро это место превратилось в постоянный *ашрам*, где останавливались *брахмачари* и *санньяси*. Шридхара Махараджа повесил на фасаде дома табличку, на которой было указано, что здесь расположен *матх*.

Открытие нового *ашрама* в Калькутте было ответом Шридхары Махараджи на раскол в Гаудия-матхе. Как и другие *санньяси*, он проповедовал, не ожидая исхода судебного разбирательства, с его бесконечными апелляциями и встречными исками. Абхай был рад помочь Шридхаре Махарадже и всем, кто жил с ним в новом маленьком *ашраме*. Здесь и сам Абхай, и Шридхара Махараджа со своими последователями могли оставаться в стороне от войны в Гаудия-матхе и совместно воплощать в жизнь планы по распространению сознания Кришны.

Санньяси готовили на отдельной кухне, сами проводили *пуджу*, пели утренние и вечерние *киртаны* и читали лекции. Абхай жил с семьей, принимал свою пищу и проводил свою *пуджу*, но теперь он мог часто ходить к Шридхаре Махарадже, чтобы вместе обсуждать «Шримад-Бхагаватам». С крыши дома Абхая был виден шпиль построенного его духовным учителем здания в Багбазаре, за которое сейчас ожесточенно бились враждующие группировки.

Нередко Абхай ходил со Шридхарой Махараджей и его помощниками на проповеднические программы, где играл на *мриданге*. А когда Шридхара Махараджа болел, Абхай сам водил преданных на проповедь, сам вел *киртан*, подыгрывая на *мриданге*, и давал лекции по «Бхагаватам».

Шридхара Махараджа: *Мы не видели, чтобы Абхай тратил все силы на зарабатывание денег. Непохоже, чтобы он был очень богат или имел много наличных средств. Его больше интересовали духовные дела, нежели семья. Со мной он никогда не обсуждал свой бизнес — хорошо идут дела или плохо, собирается ли он предпринять то или это. С финансовой точки зрения у него было не так много средств, чтобы жертвовать их миссии.*

* * *

Абхай начал всерьез подумывать о том, чтобы писать книги. Тогда, в 1935 году, его духовный учитель, похоже, был очень доволен его статьями и даже сказал профессору Саньялу, редактору «Хармониста»: «Печатайте все, что он

напишет». Профессор Саньял даже хотел сделать Абхая ответственным за издание журнала, но Абхай отказался по личным причинам. Если удастся увеличить прибыль от бизнеса, ее можно вложить в печатание книг на английском языке, как просил духовный учитель. «Если у тебя когда-нибудь будут деньги, печатай книги». Но рассчитывать в этом деле приходилось только на себя и поддерживать бизнес, одновременно стараясь и писать, и печатать. Шрила Бхактисиддханта советовал то же самое: «Пусть он живет отдельно от вас. Придет время, и он сам все сделает».

В 1939 году Абхай написал «Введение в „Гитопанишад“». Это был всего лишь короткий очерк, однако из него угадывалось желание Абхая когда-нибудь перевести на английский язык «Бхагавад-гиту» и написать к ней комментарии. Конечно, «Гиту» уже много раз комментировали на английском. Но авторы комментариев в большинстве своем либо оказывались имперсоналистами, либо просто не сумели передать изначальный дух «Бхагавад-гиты» — дух Арджуны, выслушивающего «Гиту» непосредственно от Господа Кришны на поле битвы Курукшетра. Но Абхай знал, что можно представить «Бхагавад-гиту» в правильном свете, написав к ней комментарий на английском языке, основанный на учении Господа Чайтаньи и идущей от Него ученической преемственности. И он приступил к этой работе. Каждую свободную минуту он писал. И хотя в его построении английских фраз строгий грамматист мог бы найти ошибки, смысл написанного всегда оставался ясным.

В своем «Введении» Абхай вспомнил случай, как однажды, будучи еще школьником, посетил лекцию под названием «*Видья-ратна* — драгоценный камень образования». Это была лекция о том, что Бога нет и быть не может. Ведь если бы Бог существовал, Он, несомненно, пришел бы на Землю, чтобы положить конец всякой религиозной вражде; но, поскольку Он не оказал человечеству такой услуги, мы должны раз и навсегда выбросить из головы мысль о Его существовании. Молодые ребята, из которых целиком состояла аудитория, не особо вникали в суть сказанного, но многие из них, впечатленные аргументами, «вынесли с этой лекции высокомерные идеи безбожия и в дальнейшем уже сами, без посторонней помощи, стали агностиками».

Абхая не удовлетворяли выводы агностиков, поскольку сам он «был воспитан отцом как преданный Шри Шри Радхи-Говинды». «Но после той лекции на тему *видья-ратны* я пережил внутренний конфликт, разрываясь между агностицизмом и верой в Бога». Уже потом, слушая духовного учителя, Абхай осознал, что Господь, Личность Бога, присутствует везде, во всех сферах человеческой жизни. «Но у нас нет глаз, чтобы увидеть Его, — писал Абхай. — Даже если Господь придет на Землю, враждующие между собой материалисты по невежеству своему не прекратят сражаться и никогда не обратят взоры на Господа или Его представителя. Таково, по милости Господа, неоспоримое право каждой индивидуальной души».

«Бхагавад-гита» — вот истинный «драгоценный камень образования». А в ней Господь Кришна «говорит всем враждующим на Земле: „Я здесь. Не ссорьтесь“». Агностик, рассуждавший о «драгоценном камне образования», был ослеплен этим камнем — поэтому и не смог увидеть и оценить Личность Бога. И потому-то он и убеждал других тоже стать «драгоценными камнями».

Следуя духовному учителю, Абхай, как и он, проявлял непримиримость ко всем противникам чистого теизма. Выполняя указание своего гуру стать «англоговорящим проповедником», Абхай не ограничивался тем, что просто излагал духовные истины в нейтральной научной манере; он стремился и был готов сражаться с кем угодно, будь то современные агностики или давний враг вайшнавизма — имперсонализм *майявады*.

Хотя лишь немногие философы проповедовали путь преданности Господу Кришне, описанный в «Бхагавад-гите», почти все признавали, что в ней изложена суть всего знания. Поэтому «Гита» была совершенным оружием в войне с теми, кто искажал представления о Боге и религии. Гита бросала «вызов агностикам, поклонникам самозванных богов, антропоморфистам, имперсоналистам, генотеистам, пантеистам и последователям абсолютного монизма». Хотя существовало более шестисот комментариев к «Бхагавад-гите», все они были написаны людьми, «в глубине сердца питающими ненависть к Личности Бога», поэтому такие комментарии нельзя было назвать совершенными. «Такие завистники, — писал Абхай, — не имеют доступа к истинному смыслу „Бхагавад-гиты“, подобно тому как муха не может проникнуть в закрытую банку с медом».

Абхай писал, что индийская культура подобна океану, который практически непреодолим из-за глубины лежащей в ее основе философии и кажущейся эклектичности выводов. «Но в этой книге, — заявлял Абхай, — опираясь на доступные мне свидетельства писаний, являющихся историческими документами по индийской культуре и философии, я докажу, что Кришна — Абсолютная Личность Бога».

Санньяси с Банерджи-Лейн, 7, были поражены глубиной познаний и размахом замыслов Абхая. Достоянейших вайшнавов принято награждать титулом в соответствии с их качествами, и Бхактисаранга Госвами предложил дать Абхаю титул «Бхактисиддханта». Но Шридхара Махараджа возразил, что не совсем правильно давать Абхаю тот же титул, который носил их духовный учитель, и предложил заменить его титулом Бхактиведанта — *бхакти* означает «преданность», а *веданта* — «конечный вывод всего знания». Абхай был очень признателен. Новое имя заключало в себе указание как на его преданность Богу, так и на его образованность, прекрасное знание подробнейшей философской системы, разработанной учеными последователями Господа Чайтаньи. Он по достоинству оценил искренний жест духовных братьев и принял этот титул как еще одно обязательство на своем духовном пути проповеди сознания Кришны.

Он продолжал регулярно встречаться со Шридхарой Махараджей и обсуждать с ним «Шримад-Бхагаватам». Абхай старался вдохновить его на более широкую проповедь, но Шридхара Махараджа по природе своей был скорее ученым, нежели проповедником. Несколько раз Абхай пытался уговорить Шридхару Махараджу сходить вместе с ним к Ганди или к Неру, чтобы спросить, почему те не следуют принципам «Бхагавад-гиты».

Еще одним плодом духовного общения на Банерджи-Лейн, 7, стала книга под названием «Прапанна-дживанамрита», составленная Шридхарой Махараджей. Собрание стихов из различных вайшнавских писаний, включая выдержки из работ Рупы Госвами, было разделено на шесть частей, соответственно шести стадиям вручения себя Кришне. Расходы на издание этой книги взяли на себя *санньяси* Матха и Абхай. Вскоре благодаря совместным усилиям друзей книга была напечатана.

* * *

3 сентября 1939 года

Лорд Линлитгоу, вице-король Индии, объявил, что Индия находится в состоянии войны с Германией. Так, не посоветовавшись ни с кем из индийцев, Британия втянула Индию в войну. Хотя Индия, стремящаяся к независимости, была возмущена столь жестким проявлением иностранного владычества, война вызывала смешанные чувства. Многие индийцы, хотя и желали независимости, симпатизировали борьбе союзников против фашизма на Западе и боялись нападения имперской Японии с востока.

— Вы так ненавидите Британию, — спросил один писатель простого студента в Нью-Дели, — а хотели бы вы, чтобы Япония вторглась в Индию и захватила ее?

— Нет, — ответил студент, — но индийцы молят Бога дать британцам достаточно сил, чтобы выстоять под ударами, которые они заслужили.

Хотя к началу войны в вооруженных силах Индии состояло всего сто семьдесят пять тысяч человек, британцы сумели увеличить число индийских солдат до двух миллионов. Всеобщей мобилизации не было, но, чтобы завербовать как можно больше людей, британцы разослали по всей Индии своих агентов. Особенно много их было в Пенджабе, где военная служба казалась для местных бедняков очень заманчивым предложением. Жители Пенджаба слыли хорошими воинами, в то время как бенгальцы обычно шли на военную службу офицерами, врачами, переговорщиками или же чиновниками. Индийских солдат посылали на поля сражений в Египет, Ирак, Сирию, Персию, Малайю, Бирму и Ассам.

Пока англичане пытались мобилизовать индийцев на войну, огромную силу набрало индийское национальное движение, до этого на протяжении последних пятидесяти лет время от времени напоминавшее о себе. Члены партии Индийский национальный конгресс отказывались принимать участие

в военной политике и требовали дать Индии гарантии независимости. Появилось мнение, что, поскольку Англия переключила все внимание на войну с Германией, настало время для восстания и завоевания независимости при помощи силы. Ганди сохранял абсолютную приверженность пацифизму и был против того, чтобы индийцы брались за оружие, даже во имя защиты Индии. Но к 1942 году он, хотя и оставался противником всякого насилия, стал гораздо более непримиримым, и теперь вся его политика по отношению к Британии сводилась к простому и недвусмысленному: «Вон из Индии!» Тысячи индийцев откликнулись на его призыв, скандируя лозунги на улицах и разбирая железнодорожные пути.

Субхас Чандра Боуз, бывший школьный товарищ Абхая, тоже боролся против англичан, но делал это по-своему. В Германии он вступил в переговоры с Гитлером и добился от него обещания, чтобы всех индийских солдат, попавших в плен к немцам, переправляли к нему, Боузу. Боуз хотел сформировать из них собственную национальную армию, чтобы потом вернуться с ней в Индию и изгнать британцев с индийской земли. Также, дабы подкрепить достигнутые успехи в делах с Германией, он заключил аналогичный договор с Тодзё в Японии, и вскоре тысячи лучших индийских воинов — гуркхов и сикхов — бежали из рядов британской армии, чтобы примкнуть к Боузу и стать воинами-освободителями в Сингапуре. Боуз начал готовить свою армию для захвата Индии с севера.

В 1943 году британцы обнаружили, что японцы уже заняли Бирму и теперь стоят на подступах к Индии с востока, со стороны Бенгалии. Следуя своей тактике, носившей название «политики отказа», британцы потопили множество индийских судов, перевозивших продукты питания, и уничтожили большие плантации риса, опасаясь, что они попадут в руки противника. В результате местные жители остались без пищи и лишились кораблей, столь необходимых им для торговли. В Бенгалии разразился небывалый за последние сто пятьдесят лет голод. Правительство сняло всякие ограничения цен на пищевые продукты, и те, кто не мог позволить себе покупать пищу за баснословные деньги, попросту умирали.

Шрила Прабхупада: *Я пережил это — правительство создало искусственный голод. Шла война, и политика господина Черчилля состояла в том, чтобы обречь людей на нужду и заставить добровольно идти в солдаты. И он это сделал. Богатые люди скупили рис. Прежде рис продавался по цене шесть рупий за меру, но неожиданно цены поднялись до пятидесяти рупий. Я делал покупки в бакалейной лавке, и вдруг бакалейщик сказал: «Нет-нет. Я больше не продаю!» На тот момент рис был по шесть рупий за меру. Но внезапно он прекратил продажу. А через несколько часов я вернулся, и цена уже поднялась до пятидесяти рупий.*

Правительственные агенты начали скупать рис и другие продукты первой необходимости. Они могли заплатить любую цену, так как в их руках были сосредоточены все финансы. Они могли напечатать так называемые

банкноты, сотню долларов, и заплатить. Человек радуется: «О, у меня есть сто долларов», а на самом деле это просто бумажка.

Такой была политика. «У тебя нет денег, нет риса? Что ж, есть другой путь — стань солдатом! Ты получишь много денег!» И бедность заставляла людей записываться в армию. Я видел это. На рынке невозможно было купить рис. И люди голодали. Они умирали.

Абхаю удалось закупить достаточно продуктов, чтобы его семья выжила. Но он видел, как стремительно растет число нищих. Месяц за месяцем он наблюдал, как тротуары и пустыри наполнялись сотнями бедняков, которые готовили пищу на импровизированных печках и спали под открытым небом или под деревьями. Он видел голодных детей, роющихся в мусорных баках в поисках чего-нибудь съестного. Еще немного — и они готовы были подраться с собаками за порцию отбросов, и такие драки тоже стали привычной сценой на улицах Калькутты. И время, и силы британцев уходили только на войну, и спасали они только тех, кто представлял ценность для армии. Всем остальным империя предлагала только одно — умирать от голода.

Шрила Прабхупада: Один американец, живший в то время в Индии, заметил: «Люди голодают. В нашей стране давно бы уже устроили революцию». Да, но люди в Индии так воспитаны, что, несмотря на искусственный голод, не опускаются до воровства.

Люди умирали, но все равно думали: «Что ж, это нам послано Богом». Таков основной принцип ведической цивилизации.

Абхай знал, что, если жить по законам природы, голода не будет: по замыслу Бога земля может дать людям достаточно пищи. Вся проблема в алчности.

— В мире нет ни в чем недостатка, — говорил Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, — не хватает только сознания Кришны.

Именно так Абхай воспринимал голод 1943 года. Теперь как никогда был актуален духовный взгляд на вещи: сознание Кришны — вот первая необходимость. А как еще бороться с порочной склонностью человека быть жадным, прятать добро, воевать — склонностью, от которой страдают миллионы?

Он слышал о гнусных делах британцев в Индии: как они отрезали большие пальцы на руках ткачей, чтобы индийская домотканая хлопковая одежда не могла конкурировать с привозной, как расстреливали невинных, безоружных граждан, как создавали искусственный голод, как распространяли мифы о примитивности индийской цивилизации. Но Абхай не верил, что при независимом индийском правительстве будет намного лучше. Не обрета сознания Кришны, ни Ганди, ни Субхас Чандра Боуз не смогут предложить никаких истинно ценных решений; все принятые ими меры будут носить временный характер. Не повинаясь законам Бога, изложенным в священных писаниях и в наставлениях мудрецов, любое правительство лишь усилит страдания человечества.

Вскоре в Калькутте начались ежедневные бомбежки. Бомбили отдельные районы: порт в Киттапуре и Шьяма-базар в северной части города, неподалеку от дома Абхая на Сита-Канта-Банерджи-Лейн. Американские самолеты взлетали с аэродромов Калькутты, чтобы бомбить Китай и Японию, поэтому воздушные налеты на Калькутту были неизбежным возмездием японцев.

Да, но так ли все было? Поговаривали, что город бомбит Субхас Чандра Боуз, ведь бомбы падали в основном на европейские кварталы. Впрочем, для жителей Калькутты было все равно, кто именно на них нападает. После первой же бомбежки люди были эвакуированы из города. Светомаскировка была обязательной, и по ночам весь город погружался во тьму.

Шрила Прабхупада: *Вся Калькутта опустела. Скорее всего, остался только я и еще несколько человек. Сыновей я отправила в Навадвипу, а дочь, разумеется, была замужем. Жена отказалась уезжать из Калькутты. Она сказала: «Пусть на меня упадет бомба, но я никуда не поеду». Поэтому и мне пришлось остаться. Помню, я как раз сел ужинать, когда завывала сирена. Я был голоден, но так и не смог поесть. Дома в Калькутте были устроены так, что в каждом было бомбоубежище. Я пошел в бомбоубежище, и тут началась бомбежка. Чии — кьям! Я сидел и думал, что это тоже Кришна, но только в другой форме. Эта форма казалась мне не очень привлекательной.*

* * *

Среди всех этих бедствий Абхай как никогда чувствовал необходимость проповедовать сознание Кришны. Ему было что сказать измученному войной населению Земли, и он мечтал о более эффективной форме проповеди — каком-нибудь печатном издании, в котором он мог бы представить мировые проблемы в свете священных писаний, так же смело, как это делал его духовный учитель. Недостатка в идеях не было, и он стал откладывать на этот проект деньги от своего бизнеса.

Но как мог он решиться на выпуск своего журнала, если даже многие его ученые духовные братья-санньяси не делали этого? (Впрочем, журнал «Гаудия», ведущее издание «Миссии Гаудия», по-прежнему выходил.) Абхай никогда не претендовал на то, чтобы считаться ученым среди своих духовных братьев, но они называли его *кави*, а теперь еще и Бхактиведантой. Ему придется взять на себя эту инициативу и издавать собственный журнал.

Времена изменились. Английский журнал «Хармонист» не выходил с тех пор, как Шрила Бхактисиддхант оставил этот мир. Прошло почти десять лет, а лидеры Гаудия-матха, которым полагалось проповедовать, по-прежнему были слишком заняты судебными разборками. Давно уже угас тот неутомимый дух, благодаря которому десять лет подряд издавалась ежедневная газета «Надия пракаш». Не было и четырех типографий, печатавших книги на духовные темы под руководством Бхактисиддханты Сарасвати, уполномоченного свыше сына Бхактивиноды Тхакура, —

Кунджавихари продал один из его печатных станков. Времена изменились. Гаудия-матх боролся за здания, а непреданные тем временем убивали друг друга в мировой войне.

В своей комнате в доме номер 6 по Сита-Канта-Банерджи-Лейн Абхай размышлял, писал, редактировал и печатал на машинке статьи для журнала. Он придумал эмблему — вытянутый прямоугольник в верхней части страницы; в левом верхнем углу изображение Господа Чайтаньи, сияющего, словно солнце, а справа, в нижней части, — силуэты людей, стремящихся выйти из тьмы на Его свет. Между Господом Чайтаньей и людьми — развернутое, как транспарант, название — «Back to Godhead» («Обратно к Богу»), В нижнем правом углу он поместил изображение Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, сосредоточенно работающего над книгой. Над заголовком Абхай написал девиз «Бог — свет, невежество — тьма. Там, где есть Бог, нет места невежеству». Под эмблемой была следующая надпись:

ОСНОВАТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Г-н АБХАЙ ЧАРАН ДЕ

(По непосредственному указанию Его Божественной Милости Шри Шримад Бхакти Сиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады)

У Абхая уже был небольшой издательский опыт, связанный с его бизнесом, поэтому, закончив работу над рукописью, он отнес ее в «Сарасвати пресс», лучшую в Бенгалии типографию. Кроме того, он воспользовался услугами известной в Калькутте фирмы, занимающейся книготорговлей, — «Тэкер, Спинк и компания», которая обязалась распространить его журнал по книжным магазинам и библиотекам, в том числе и в нескольких странах за рубежом.

Но когда Абхай пошел закупать бумагу, то столкнулся с правительственными ограничениями. Война вызвала дефицит бумаги, и правительство хотело разобраться, насколько необходимо нации то, что он написал. Во время мирового кризиса религиозная газета, выпускаемая рядовым гражданином, едва ли могла быть признана приоритетным изданием.

Не утруждая себя изучением написанного, правительственные чиновники сразу же отказали Абхаю. Но он не сдавался. Он объяснял им, что использовать бумагу для распространения учения Верховной Личности Бога в нынешней напряженной обстановке — дело полезное и своевременное. В конце концов разрешение на выпуск первого номера «Бэк ту Годхед» — журнала на сорока четырех страницах — было получено.

Абхай Чаран приветствовал своих читателей объяснением девиза «Бог — свет, невежество — тьма». Когда человек забывает, что он сын Бога, и отождествляет себя с телом, он впадает в невежество, уподобляясь тому, кто придает огромное значение устройству автомобиля, не имея ни малейшего понятия о его водителе.

В этом и заключается главный недостаток современной цивилизации, которую с полным правом можно назвать цивилизацией невежества и иллюзии. Именно поэтому наше общество военизируется. Людей интересуют исключительно телесные удобства и все, что связано с телом, и никому нет дела до духа, приводящего тело в движение, хотя даже ребенку понятно, что без водителя механизм автомобиля практически бесполезен. Отсутствие этого знания — опасное и грубое невежество, которое породило опасную цивилизацию, построенную на милитаризме. Этот милитаризм, стыдливо называемый национализмом, есть препятствие для понимания человеческих отношений. Разный цвет одежды — не повод для войны. Поэтому в основе построения человеческих отношений должно лежать нечто иное, нежели телесные обозначения или цвет одежды.

«БЭК ТУ ГОДХЕД» — скромная попытка автора, следующего по стопам Его Божественной Милости Шри Шримад Бхакти Сиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады, прославленного основателя и вдохновителя Гаудия-матха, помочь людям восстановить их истинные отношения, в основе которых лежат их отношения с Верховной Личностью Бога.

Руководители всех стран остро чувствуют огромную и настоятельную потребность в появлении подобной литературы. Нижеследующие рассуждения призваны помочь в этом деле.

Шел 1944 год, и особое внимание Абхай уделял теме кризиса, вызванного мировой войной. Мировые лидеры выражали возмущение по поводу страданий и нужды своих народов. За четыре года сражений, стоивших жизни миллионам людей, эта мировая война, вторая за четверть века, нанесла огромный урон земле. И хотя война близилась к концу, лидеры демонстрировали не столько радость и надежду, сколько усталость и неуверенность. Даже если эта война закончится, не начнется ли сразу за ней следующая? Неужели люди не извлекли урока, не поняли, что нужно жить мирно?

Абхай процитировал архиепископа Индии: «Индия, ведомая Богом, может вернуть мир на стезю благоразумия». Он цитировал президента Соединенных Штатов: «Следовательно, нельзя допустить прекращения программы нравственного перевооружения мира, направленной на снижение опасности военного конфликта. Чтобы такое нравственное перевооружение было действительно эффективно, ему необходимо оказывать поддержку в мировом масштабе». Абхай упомянул также предыдущего президента, Герберта Гувера, утверждавшего, что мир должен вновь обратиться к нравственным и духовным идеалам, и процитировал резолюцию, вынесенную Британской палатой общин, о том, что духовные принципы являются наследием всего человечества и людям всех наций крайне необходимо признать верховную власть Бога. Он процитировал Уэнделла Уилки, который, вернувшись из России, писал о том, что миллионы русских убиты, ранены или пропали без

вести, а еще миллионы, находясь на оккупированных территориях, страдают от голода и зимних морозов.

«Страдания, подобные страданиям русских, — писал Абхай, — испытывают и другие народы; мы, индийцы, переживаем такую же нужду, нищету и испытываем такое же отвращение к войне». Он привел слова английского министра иностранных дел, Антони Идена, исполненные скорби и негодования по поводу страданий, принесенных войной. Он цитировал архиепископа Кентерберийского:

Повсюду на земле люди жаждут избавиться от проклятия войны и отдохнуть от жестокости и лишений, жить в мире, где больше не стреляют. Но часто люди хотят получить райское царство без царя. Божье царство без Бога. Но это невозможно.

МЫ ДОЛЖНЫ ПРИНЯТЬ ТВЕРДОЕ РЕШЕНИЕ ВЕРНУТЬСЯ ОБРАТНО К БОГУ. Мы строим планы мирного сосуществования наций, гражданской безопасности. Это вполне оправданно, и пренебрегать этим было бы ошибкой. Но все наши планы будут *разбиваться о скалу человеческого эгоизма, пока мы не повернемся к Богу. ОБРАТНО К БОГУ* — вот главная потребность Англии и любой другой страны.

Он также привел слова сэра Фрэнсиса Янгхазбенда: «Теперь, когда религия повсеместно подвергается жестоким нападкам, *мы смотрим на Индию, саму обитель религии, ожидая знака оттуда*». А в конце Абхай процитировал сэра Сарвапалли Радхакришнана:

Эта война, даже в случае победы, станет благодатной почвой для других войн, если не будет сохранен мир. Сохранить же мир можно лишь в том случае, если «сильные» державы перестанут гордиться и выставлять напоказ свои богатства, нажитые за счет эксплуатации более слабых наций. Возможно, именно это имел в виду сэр Харкорт Батлер, когда говорил, что принципы индуизма содержат в себе все необходимое для спасения мировых цивилизаций.

Другое высказывание доктора Радхакришнана Абхай использовал в качестве одного из эпиграфов:

Мы должны победить тиранию в сфере мышления и возродить на планете желание мира. Средства развития ума и воспитания человеческой природы должны быть направлены на формирование должного общественного мировоззрения, без которого от государственного аппарата не много проку.

Абхай выражал свою убежденность в том, что любой человек может воспользоваться индийским духовным наследием — это не только еще больше прославит Индию, но и принесет благо всему миру.

Затем он рассказал о том, что побудило его начать издавать «Бэк ту Годхед», — о том, как за две недели до ухода Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати он, Абхай, написал ему письмо, и в ответ духовный учитель дал ему наставление проповедовать на английском языке.

В этих обстоятельствах, начиная с 1936 года, я просто думал, смогу ли я отважиться на выполнение этой трудной задачи, не имея к тому же ни средств, ни способностей. Но, поскольку трудности не испугали меня, я, собравшись с духом, взялся за работу... Сейчас моя совесть требует, чтобы я приступил к работе, хотя трудности, сопутствующие войне, пока еще не закончились.

Абхай утверждал, что в его журнале будут публиковаться лишь материалы, содержащие в себе трансцендентное послание великих мудрецов Индии (особенно Господа Чайтаньи) и что его, издателя, долг — просто повторять за ними, как делает переводчик. Он не будет ничего выдумывать, и поэтому слова его будут передавать духовный звук, направляющий людей обратно к Богу. Он признавал, что темы, освещаемые в журнале, принадлежат к совершенно иной сфере сознания и потому могут показаться его читателям скучными, но уверял, что всякий, кто с вниманием отнесется к ним, получит благо:

Леденец кажется горьким больному желтухой, но при этом сахар для него — лекарство. Если пациент продолжает регулярно принимать леденцы в качестве лекарства, его способность воспринимать сладкий вкус постепенно восстанавливается. Мы рекомендуем читателям журнала «Бэк ту Годхед» тот же метод.

Донести до людей неподвластное времени послание Вед — такую цель поставил перед собой Абхай, но делал он это в свете происходящего кризиса. В своем очерке «Бог и Его энергии» он, опираясь на Веды и логику, описывает трансцендентную природу Бога и индивидуальной души, исполненных вечности, блаженства и знания. Люди забыли о своей связи с Богом, поэтому они никогда не найдут удовлетворения в материальном мире, временном и полном неизбежных страданий. Каждое живое существо — душа, вечная по своей природе, и поэтому каждый пытается уклониться от натиска нескончаемых бед и опасностей. Но таков удел материального тела: страдания и в конечном итоге распад.

Жители Калькутты покидают город и уходят в другие места из страха перед бомбежками японцев — в основе этого лежит все то же стремление к вечности. Но беглецы, увы, не думают о том, что, даже уйдя из Калькутты и защитив себя от налетов японских бомбардировщиков, нигде в материальном

мире они не смогут обезопасить свои тела от «бомбардировки» тройственными страданиями материальной природы.

То же самое можно сказать о японцах, которые, желая за счет отвоеванных территорий приумножить свое счастье, угрожают жителям Калькутты беспощадными атаками с воздуха. Они не понимают, что это счастье тоже временно и преходяще, — и с этим они уже неоднократно сталкивались у себя на родине. С другой стороны, живые существа, которые подвергаются нападению, по природе своей вечны, неуязвимы, невидимы и т.д. Поэтому все живые существа, как жертвы нападения, так и нападающие, находятся во власти *майи* и, следовательно, во тьме.

Абхай писал, что своими силами людям не избежать уничтожения. Многие мировые лидеры пытались избавить человечество от войн, но все их попытки были бесплодны, ибо в своих действиях они опирались на материальные представления о жизни. Их действия похожи на попытки рассеять тьму тьмой, тогда как тьму можно прогнать только светом.

Без света любые измышления человеческого ума (который также есть всего лишь творение материальной природы) никогда не вернут живым существам непреходящее счастье. В этой тьме любая попытка создать мир на земле... может принести только временное облегчение от страданий: мы наблюдаем это во всем, что создано внешней энергией. Во тьме ненасилие столь же бесполезно, сколь и насилие, тогда как в мире света нет нужды ни в насилии, ни в ненасилии.

Абхай говорил не только о войне. В статье «Вайшнавизм как вершина теософии» он критиковал недостатки модных в то время теософских идей, которые распространялись в Индии последователями мадам Блаватской.

В статье «Совместное пение имени Бога» он говорил о предсказании из священных книг, согласно которому движение *санкиртаны* Господа Чайтаньи распространится по всей планете и имя Бога будет звучать в каждом городе и деревне.

Основываясь на этом пророчестве, мы можем надеяться, что очень скоро *санкиртана* примет форму *всемирного религиозного движения*, и эта всемирная религия — которая не предполагает ограничений для пения имени Бога и в которой нет места разногласиям — будет существовать многие годы, как об этом сказано на страницах авторитетных священных писаний.

Но центральной темой журнала «Бэк ту Годхед» был приказ Бхактисиддханты Сарасвати. И обложка, на которой был изображен погруженный в размышления Шрила Бхактисиддхант, и «Посвящение», и рассказ о цели издания, и сам подход к обсуждаемым темам, и анализ теософии, и предсказание о распространении *санкиртаны* — все в этом

журнале было так или иначе связано с приказом Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

В журнале были также напечатаны четыре небольших статьи других авторов, в том числе Бхактисаранги Госвами.

На задней обложке Абхай разместил рекламу:

«ГИТОПАНИШАД»
АБХАЯ ЧАРАНА ДЕ,
редактора и основателя «Бэк ту Годхед»
В трех частях, 1200 страниц, большого формата
В САФЬЯНОВОМ ПЕРЕПЛЕТЕ ПРЕВОСХОДНОГО КАЧЕСТВА

Подробное изложение прославленной по всему миру индийской философии — «Бхагбат Гита» — с авторитетным научным теистическим объяснением, передающимся по цепи ученической преемственности: Шри Кришна, Брахма, Нарада, Вьяса, Мадхва, Мадхабендра Пури, Ишвара, Господь Чайтанья, Рупа Госвами, Джива Госвами, Кришнадас, Нароттама, Бишванатх, Валадева, Джаганнатх, Тхакур Бхакти Виноде, Гоур Кишоре, Тхакур Сиддханта Сарасвати и автор комментария.

С многочисленными цветными и черно-белыми иллюстрациями из различных подлинных священных книг.

Книга будет опубликована в ближайшее время.

Подписчикам предпочтение при заказе.

Цена: 18 индийских рупий или 1 фунт 10 шиллингов.

Вторая значительная работа, «Господь Чайтанья», предполагалась в двух частях и должна была содержать в общей сложности тысячу страниц. Обе книги были пока еще далеки от завершения, но Абхай выражал горячее желание взять на себя эту серьезную задачу во исполнение воли своего духовного учителя.

При попытке напечатать второй номер «Бэк ту Годхед» Абхай столкнулся все с той же проблемой: дважды он просил разрешения купить газетную бумагу, и оба раза правительство отклоняло его просьбу. Из-за войны продажа бумаги была ограничена. 10 июля 1944 года Абхай написал третье письмо.

С должным почтением я прошу Вас учесть, что по указанию Его Божественной Милости Шри Шримад Бхакти Сиддханты Сарасвати Махараджи, духовного учителя Гаудия-вайшнавов, я приступил к изданию журнала «Бэк ту Годхед». Само название журнала говорит о необходимости начать его издание сейчас, в разгар ужасного смятения, охватившего весь мир. Я прилагаю к письму экземпляр журнала и прошу Вас внимательно его прочесть. В нем Вы найдете высказывания многих известных политических

деятелей из разных стран в поддержку движения, призванного вернуть мир на путь праведности. Сделать это можно через развитие ума, через воспитание человеческой натуры и возвышение ее до уровня незыблемой духовности, что почитается за высшую потребность для человечества. Я надеюсь, что Вы любезно выберете время, чтобы просмотреть журнал, причем особенно я хотел бы обратить Ваше внимание на введение.

Абхай также отметил, что редакционная коллегия журнала «Бэк ту Годхед» ощущает в Индии дефицит не столько бумаги, сколько образования. Воспользовавшись возможностью проповедовать, Абхай объяснил, что в конечном итоге все в этом мире принадлежит Богу, но безбожники считают владельцами всего только себя.

Причиной нынешней катастрофы — войны за превосходство — является ложное чувство собственности, поэтому человеческое общество крайне нуждается в просвещении. Это нужно для того, чтобы восстановить в мире понимание положения Всевышнего как единственного Владыки всего.

Абхай допускал, что в Индии, возможно, действительно не хватает бумаги. Но в древние времена, писал он, просвещенные жители Индии регулярно проводили религиозные обряды, во время которых жертвенному огню предлагались тонны драгоценного *gu* и зерна. И при этом никто ни в чем не испытывал недостатка. А в наше время, отказавшись от жертвоприношений Верховному Господу, люди постоянно сталкиваются с тем или иным дефицитом.

Поэтому, учитывая, что столько всего тратится попусту, разве не можем мы пожертвовать несколько пачек бумаги на то, чтобы принести великое благо человечеству? Я прошу правительство рассмотреть мою просьбу в свете духовного понимания, неподвластного материальному расчету. Даже в Великобритании правительство оказало огромную поддержку аналогичному движению под названием «Движение за нравственное перевооружение», не принимая во внимание проблему дефицита бумаги, которая в Англии стоит еще острее, чем здесь.

Пусть бумаги хватит только на одну полосу «Бэк ту Годхед», я согласен. Но я обращаюсь с горячей просьбой к правительству — не допустить, чтобы прекратилось обсуждение важнейших тем, ради которого и издается мой журнал «Бэк ту Годхед». Поэтому я смиренно прошу Вас серьезно рассмотреть этот вопрос и позволить мне начать, во имя человечества и Бога, хотя бы с одной страницы в неделю или в месяц, как Вы сочтете нужным. Не считайте это напрасным расходом бумаги.

Письмо подействовало. Второй номер своего журнала Абхай несколько саркастически озаглавил «Спасибо правительству Индии». Он сообщал

читателям (многие из которых были огорчены тем, что правительство сократило тираж), что журнал будет выходить ежемесячно. Абхай опубликовал свое письмо правительственному чиновнику, заведовавшему выдачей бумаги, а также ответ, дающий ему разрешение.

На этот раз статьи были короче. Демонстрируя талант газетного обозревателя, с философским критицизмом, живостью и оттенком иронии Абхай комментировал мировые проблемы и высказывания мировых лидеров. Выпуск включал в себя следующие материалы: «Переговоры Ганди и Джинны», «„Гуманный мир“ г-на Черчилля», «Сердечное пожелание г-на Бернарда Шоу» и очерк «Спонтанная любовь к Богу».

«Переговоры Ганди и Джинны»: «Мы огорчены известиями о недавних неудавшихся переговорах Ганди и Джинны об объединении индийского народа». Абхай был не слишком оптимистично настроен в отношении таких «эпизодических переговоров между главами общин». Даже если они придут к какому-то соглашению, оно будет нарушено и в итоге выльется в очередную проблему. Они пытаются объединить индусов и мусульман, но в Европе по обеим сторонам баррикад стоят христиане, а в Азии — большей частью буддисты, но это не мешает им воевать. «Итак, битвы будут продолжаться: индусы против мусульман, индусы против индусов, мусульмане против мусульман, христиане против христиан, буддисты против буддистов, и так до полного уничтожения». До тех пор, пока в людях будет сохраняться нечистое и эгоистическое стремление к чувственным наслаждениям, брат будет сражаться с братом, отец с сыном, а нация с нацией. Настоящего единства можно достичь только на трансцендентном уровне, уровне служения Богу. «Махатма Ганди, — писал Абхай, — далеко не обычный человек, и мы очень чтим его». Но Абхай советовал Ганди оставить материальную деятельность и подняться на духовный уровень — только тогда можно будет говорить о всеобщем единстве. Абхай привел определение *махатмы* из «Бхагавад-гиты»: это «тот, кто всецело сосредоточил внимание на служении Верховному Господу, Шри Кришне». Он попросил Махатму Ганди придерживаться «Бхагавад-гиты» и проповедовать ее учение о преданности Верховной Личности Бога, Шри Кришне. Только так, проповедуя послание «Бхагавад-гиты», Махатма Ганди благодаря своему влиятельному положению может помочь всему миру.

«„Гуманный мир“ г-на Черчилля»:

Нас радует, что в наши дни мировые политические лидеры, в частности г-н Черчилль, начали задумываться о человечестве и стремиться к избавлению от ужаса безумной национальной ненависти. Безумная ненависть — это обратная сторона безумной любви. Безумная любовь, которую питают к Гитлеру его соотечественники, породила неизбежную, сопутствующую ей безумную ненависть к другим, и нынешняя война — плод этой безумной двойственности под названием «любовь и ненависть». И если мы хотим

избавиться от безумия ненависти, мы должны быть готовы избавиться и от безумия так называемой любви. Стабильного положения свободы от любви и ненависти можно достичь только тогда, когда люди получают необходимое знание.

До тех пор, пока люди не научились видеть присутствующую в теле душу, двойственное безумие любви и ненависти будет продолжаться, и мир среди людей будет невозможен. «Подобное самонаблюдение, — заключает Абхай, — легко возможно, когда человек служит Богу. Итак, „Гуманный мир“ г-на Черчилля подразумевает, что мы должны вернуться „Обратно к Богу“».

«Сердечное пожелание г-на Бернарда Шоу»:

Г-н Бернард Шоу поздравил Махатму Ганди по случаю его семидесятишестилетия: «Я могу лишь пожелать, чтобы вместо семидесятишестилетия г-н Ганди сегодня отмечал свое тридцатипятилетие». Мы сердечно присоединяемся к г-ну Шоу в его желании вычесть сорок один год из возраста Махатмы Ганди.

Но смерть не будет считаться с нашими «сердечными пожеланиями». Ни господину Шоу, ни Махатме Ганди, ни кому другому не под силу решить проблему смерти.

Правители разных стран... открыли множество заводов по производству оружия, способного искусно убивать, но нигде нет завода, выпускающего оружие, способное защитить человека от жестоких лап смерти, хотя умирать никто не хочет.

Люди озабочены тем, где достать хлеб, хотя на самом деле эту проблему решит природа. Человек должен попытаться решить проблему смерти.

«Бхагавад-гита» говорит нам, что проблема смерти разрешима. Хотя смерть в материальном мире царит повсюду, «тот, кто достигает Моей обители, — говорит Кришна, — никогда не рождается вновь». Существует неразрушимый духовный мир, и тот, кто попадает туда, никогда больше не возвращается в обитель смерти. Почему же вожди наций так держатся за эту планету, где они родились и где смерть неизбежна? «Мы желаем, — завершает Абхай, — чтобы в своем почтенном возрасте и господин Шоу, и Махатма Ганди, объединив усилия, стали учить людей тому, как вернуться домой, обратно к Богу».

Издав два номера, Абхай пока остановился. Но писать он продолжал регулярно, работая над «Гитопанишад», сочиняя новые статьи и составляя философские комментарии к священным текстам, причем писал он даже в книжке для аптечных рецептов.

Однажды ночью Абхаю приснился странный сон. Перед ним появился Шрила Бхактисиддхант и жестом позвал его за собой. Он просил Абхая уйти из дома и принять *санньясу*. Абхай проснулся, потрясенный увиденным. «Какой ужас!» — подумал он. Он понимал, что это был не обычный сон, но просьба гуру казалась ему слишком трудновыполнимой и неестественной. Принять *санньясу*! По крайней мере, сейчас он не мог этого сделать. Сейчас он должен наладить бизнес и на вырученные деньги печатать книги. Он продолжал выполнять свои обязанности, но потрясение от этого сна долго не покидало его.

В 1945 году война закончилась. Но Индия по-прежнему находилась под властью Британии. Абхаю представилась хорошая возможность сделать свой бизнес еще более успешным. В тысяче километров от Калькутты, в Лакхнау, он арендовал здание и открыл там собственное предприятие «Абхай Чаран Де и сыновья».

Хотя дело потребовало крупного начального капитала в сорок тысяч рупий, предприятие Абхая выходило на более высокий уровень, чем прежде. Кроме того, по закону Абхай обязан был нанять трех правительственных инспекторов, чтобы доказать, что он использует химикаты по назначению и не участвует в операциях на черном рынке. Но даже несмотря на высокие расходы, ему удалось наладить хороший сбыт; его продукция пользовалась большим спросом. Он закрыл все свои лавки в Калькутте и сосредоточился на бизнесе в Лакхнау.

Здание, которое занял Абхай, было известно в народе как «дом с привидениями». Его это нисколько не пугало. Однако, когда предприятие заработало, к нему стали подбегать испуганные работники: «Бабу, Бабу, там привидение!» Абхай прошел по всему зданию, повторяя «Харе Кришна», и после этого уже никто не жаловался на призраков.

13 ноября Абхай написал своему слуге Гауранге о некоторых сложностях в Лакхнау и попросил его приехать и помочь. В письме Абхай с горечью говорит о своей жене, Радхарани, и детях.

Гауранга Прабху, пожалуйста, прими мои поклоны. Я получил твое письмо от 7 ноября. У меня не было времени ответить сразу. Я живу здесь один, с несколькими слугами. Если я уеду, мне придется все закрыть. Один раз я уже уехал и свернул бизнес, потеряв на этом 10 000 рупий; при этом моя репутация тоже пострадала, а враги упрочили свои позиции. Вот почему мне приходится бороться, фактически рискуя жизнью. Я совершенно один посреди множества проблем. Но это не зря. Вот почему я несколько раз писал тебе, чтобы ты

приезжал. Как только ты получишь это письмо, покажи его Дубре. Возьми у него хотя бы десять рупий и приезжай. Когда ты приедешь, я отправлю деньги твоим родным. Какой смысл держать тебя там, оправдывая это тем, что, кроме тебя, некому готовить и прислуживать им? Я уже столько служил им, нанимая слуг, служанок и поваров, но они по-прежнему не проявляют ни малейшей склонности к преданному служению. Поэтому все эти дела меня больше не интересуют. Приезжай сюда — и я поеду в Калькутту. Только в том случае, если я увижу, что мои домочадцы заинтересованы в преданном служении, я буду продолжать их поддерживать. Если нет — я не стану больше их содержать. Привези мне плед.

Твой Абхай

Семейная жизнь и проповедь вступили в конфликт. Журнал «Бэк ту Годхед» не вызвал у Радхарани абсолютно никакого интереса. Она, казалось, делала все, чтобы остудить энтузиазм мужа, как в издательской деятельности, так и в бизнесе. Его предприятие называлось «Абхай Чаран Де и сыновья», но сыновья помогать ему тоже не собирались. А когда он попросил своего слугу приехать в Лакхнау, чтобы помочь ему, семья воспротивилась, объяснив это тем, что им Гауранга был нужнее.

Какой в этом был прок? Родные не поддерживали его в делах и не соглашались посвятить жизнь преданному служению. А так как бизнес предназначался главным образом для поддержания семьи, то, что он должен был тратить на это столько сил, его возмущало. Старый экономический закон Маршалла, который Абхай усвоил еще в колледже, гласил: «Без семейных привязанностей у мужчины ослабевает экономический стимул».

Конечно, семейная жизнь и преданное служение вполне могут сочетаться друг с другом. Бхактивинода Тхакур описывает две разновидности человеческих обязанностей: телесные и духовные. Общественное положение, умственное развитие, чистота, питание и борьба за существование — все это обязанности по отношению к телу; к духовным же обязанностям относится преданное служение Кришне. Эти обязанности человек должен выполнять параллельно. Для Бхактивиноды Тхакура семья была источником духовного вдохновения, а свое общественное положение он использовал, чтобы развивать проповедь.

У Абхая все было иначе. Казалось, что эти две сферы жизни вступили в конфликт, стремясь уничтожить друг друга. Он чувствовал, что поступает примерно как те материалисты, которых он критиковал в своих статьях и которые просто борются за существование, не имея времени на постижение своей духовной природы. Чем больше семья требовала от него, тем меньше он хотел работать на них, все более склоняясь к проповеди сознания Кришны. Вот в таком затруднительном положении он оказался. Оставалось только одно: продолжать трудиться, чтобы поддерживать семью, развивать бизнес — и

надеяться на большой успех, который позволит ему возобновить издательскую деятельность.

Однако предприятие в Лакхнау оказалось ему не по средствам. Он целенаправленно начал крупное дело с целью получения большей прибыли, но расходы каждый месяц росли — и в итоге он задолжал за аренду, из-за чего ему пришлось судиться с арендодателем. Хотя он регулярно ездил в Калькутту и каждый день отправлял оттуда сырье в Лакхнау, семья не оказывала ему никакой поддержки. Слуга Абхая, Гауранга, тоже повиновался ему неохотно и подумывал вернуться к себе домой. 23 ноября Абхай снова написал ему письмо.

Предлагаю свои смиренные поклоны стопам вайшнава. Гауранга Прабху, я получил твою открытку 18.11.45 и все понял. Нет необходимости приезжать сюда на месяц, потратив деньги, только затем, чтобы вернуться. Возьми у Дубры двадцать пять рупий и поезжай домой. Когда приедешь, напиши мне письмо, и я пошлю тебе остальные деньги одним или двумя денежными переводами. Тогда из дома сообщи мне, когда сможешь приехать сюда.

Я начал здесь свои дела с довольно большим размахом. Ты сам это видел... Если не будет прибыли, кто будет оплачивать судебные тяжбы? Все приходится делать самому. Брат и сыновья просто сидят у меня на шее, просто едят и спят...

Отправляйся домой, как только получишь деньги, и постарайся вернуться как можно скорее.

Твой Шри Абхай Чаран Де

6 Неизвестный друг

Пусть строгие моралисты говорят, что я заблуждаюсь, я не стану возражать. Пусть знатоки ведических обрядов заклеят меня, назвав вероотступником. Пусть друзья и родственники считают меня неудачником, а братья — глупцом, пусть богачи указывают на меня пальцем как на сумасшедшего, а ученые философы обвиняют в гордыне. Все равно мой ум ни на йоту не отступит от решения служить лотосным стопам Говинды, даже если я и не способен на это.

— Мадхавендра Пури

ПОМИМО ТРУДНОСТЕЙ, связанных с бизнесом и семьей, Абхаю пришлось пережить трудности, связанные с переломными моментами индийской истории — обретением Индией независимости и разделом государства. Абхай не принимал активного участия в политической жизни, но, как и другие сотни миллионов индийцев, был затронут бурным рождением индийской независимости.

Пока Ганди и партия Индийский национальный конгресс (в которой большинство составляли индусы) добивались свободы для единой Индии, Мусульманская лига, возглавляемая М.А. Джинной, призвала к разделению Индии и образованию нового исламского государства — Пакистана. Это стало причиной конфликта. В августе 1946 года уходящее в отставку английское правительство предложило Джавахарлалу Неру, лидеру партии Индийский национальный конгресс, сформировать временное национальное правительство, но Мусульманская лига запротестовала, посчитав, что такое правительство не будет учитывать мнения мусульман. Джинна провозгласил 16 августа «Днем прямого действия». В большинстве районов Индии этот день прошел практически незаметно, но в Калькутте он вылился в индомусульманские столкновения. Пять дней насилия унесли жизни четырех тысяч человек, и тысячи людей были ранены. За последующие несколько месяцев индомусульманские конфликты вспыхивали в разных районах Индии еще не раз.

В начале 1947 года, когда новый вице-король, лорд Маунтбэттен, встретился с индийскими лидерами, чтобы обсудить процесс передачи власти, начались новые столкновения, поскольку мусульмане требовали создания государства Пакистан. Опасаясь гражданской войны, партия Индийский национальный конгресс в конце концов согласилась на разделение, и 18 июля единогласно был принят законопроект о независимости Индии. Месяц спустя Индия и Пакистан уже официально существовали как независимые государства, а Джавахарлал Неру стал первым премьер-министром Индии.

Раздел больно ударил по Индии. Семь миллионов сикхов и индусов бежали из Пакистана в Индию, а многим мусульманам, жившим в Индии, пришлось искать убежища в Пакистане. Новые правительства двух стран оказались не готовы к этому «великому переселению», и в жестоких столкновениях гибли сотни тысяч, если не миллионы, беженцев.

Шрила Прабхупада: Махатма Гандиджи начал движение за независимость ради объединения людей из разных слоев общества. Но получилось все наоборот: вместо того чтобы объединиться, Индия разделилась. Этот раздел имел такие разрушительные последствия, что если до этого индо-мусульманские столкновения вспыхивали лишь изредка, в отдельных местах, то сейчас они превратились в организованную войну между Пакистаном и Хиндустаном. На деле произошло не объединение, а раскол.

Индусы шли к мечети и громили ее, а мусульмане отправлялись в храм индусов и разбивали Божества. Мусульмане думали: «Мы покончили с индусским Богом». А индусы думали: «Ага, мы уничтожили их Бога!» И те и другие пребывали в полном невежестве. Бог не может быть индуистским. Бог не может быть мусульманским. Бог не может быть христианским. Бог — это Бог.

В 1947 году я был свидетелем столкновения между мусульманами и индусами. С одной стороны были индусы, с другой — мусульмане. Они дрались, и было много убитых. Но после схватки приехали муниципальные служащие, собрали трупы в кучу и куда-то вывезли, особо не разбираясь, кто тут индус, а кто мусульманин. Они дрались, и в Багбазаре лежали груды мертвых тел. А когда тело мертво, никто не разберет — индус это или мусульманин. Трупы просто убирали с дороги.

Абхай не рассчитывал, что независимость Индии поможет найти реальный выход из ситуации. Пока лидеры общества не обретут сознание Кришны, какие могут быть перемены? Сейчас он видел, что на смену страданиям, которые приносило индийцам иноземное владычество, пришла свобода, а с ней — необходимость страдать от рук своих же соотечественников. На самом деле проблем только прибавилось.

За все годы политической борьбы в Индии Абхая никогда не покидало желание проповедовать сознание Кришны. Он видел, что обещанные объединение и независимость принесли, главным образом, повышение цен и плохое управление государством. Он видел, как дипломатические манипуляции индийских и британских политиков становились причиной вражды и насилия среди простых жителей страны, веками поддерживавших добрососедские отношения. Все произошло именно так, как описано в «Шримад-Бхагаватам» (7.5.31):

Люди, поглощенные мыслями о мирских наслаждениях, избирают себе лидера или гуру из числа таких же слепцов, как они сами, — слепцов, которые привязаны к внешним объектам, доступным для материальных чувств. Такие

люди не способны понять, что цель жизни одна: вернуться домой, к Господу Вишну, и посвятить себя служению Ему. Как слепой, идущий за другим слепым, сбивается с пути и падает в яму, так и материалистичные люди, избравшие своим лидером еще одного материалиста, запутываются в необычайно прочных веревках кармической деятельности и погружаются в бездонную пучину материального бытия, где их снова и снова преследуют тройственные страдания.

Вайшнав обращается к духовному учителю как к тому, кто открыл ему глаза, «рассеяв мрак невежества факелом божественного знания», — и чувствует, что обязан помочь людям, неся им тот же факел. Как представитель вечной вайшнавской *парампары*, Абхай хотел пролить на происходящее свет божественного знания. В этом и состояла цель его журнала «Бэк ту Годхед», хотя после 1944 года он так и не выпустил ни одного номера.

Но даже не имея средств на издание журнала, Абхай продолжал писать. Самым смелым его замыслом была «Гитопанишад» — перевод «Бхагавад-гиты» и комментарии к ней. Ганди и другие часто обращались к мудрости «Бхагавад-гиты» (индийцы никогда не забывали свою «Гиту»), но большинство комментаторов преподносило ее не так, как это делал Сам Кришна. Они не признавали Господа Кришну, рассказчика «их „Гиты», Верховной Личностью Бога, а просто брали отдельные Его слова и делали из них лозунги, призванные подкрепить их собственные идеи. Политики, духовные лидеры, ученые — почти все они предлагали свои, символические и метафорические интерпретации «Гиты». Абхай же хотел представить «Бхагавад-гиту» такой, какая она есть. Она должна была занять тысячу двести страниц — три иллюстрированных тома в красивом переплете. Для Абхая эти книги были реальностью, от которой его отделяло лишь время. За два последних года у него накопились сотни рукописных страниц. Он писал в блокнотах и на клочках бумаги, а потом на машинке перепечатывал написанное на пронумерованные страницы. Ему никак не удавалось посвятить работе над рукописью все свое время, но постепенно книга приобретала очертания.

Кроме того, Абхай проповедовал послание Господа Чайтаньи через письма, которые он посылал многим правительственным лидерам, уважаемым знакомым и людям, чьи статьи или деятельность, описанная в газетах, привлекли его внимание. Представляясь их смиренным слугой, он делился с ними мыслями о том, как изначальная индийская культура, основанная на сознании Кришны, могла бы стать средством решения любых проблем. Иногда Абхай получал ответы, и, стоило ему заметить в них хотя бы малейшую искорку интереса, он старался раздуть ее через дальнейшую переписку.

В то время известный реформатор Махендра Пратап Раджа учредил так называемую «Всемирную федерацию». Абхай прочитал напечатанную во Вриндаване листовку, в которой господин Пратап призывал все нации, всех людей мира к единению.

Абхай написал ему письмо, где говорил, что наставления Господа Кришны, содержащиеся в «Бхагавад-гите», представляют собой теистическую науку, способную объединить все религии. В мае 1947 года господин Пратап ответил: «Я восхищаюсь Вашим глубоким знанием „Шримад Бхагавад-гиты“. Сам я — большой поклонник этого великого произведения, и, уверяю Вас, я действую строго в соответствии с этой книгой». Господин Пратап упомянул в письме свою книгу «Религия любви» и посоветовал Абхаю прочесть ее, чтобы узнать мнение «Всемирной федерации» по вопросу религии. «Между тем, — писал господин Пратап, — я не согласен с Вашим предложением объединить религии на основе имен Кришна или Говинда. Это привело бы к переходу людей из одной веры в другую, а не к объединению религий. Я высоко ценю Ваши усилия в работе над журналом „Бэк ту Годхед“».

Абхай раздобыл эту книгу, прочел ее и в июле 1947 года, во время посещения Канпура, написал ответ. Абхай приехал в Канпур не как духовный учитель, а как торговец лекарствами, но ему удалось раздобыть пишущую машинку, и проповедь не прекращалась.

В продолжение своего предыдущего письма смиренно сообщаю Вам, что закончил чтение Вашей книги «Религия любви». Как я понял, в ее основу положена философия пантеизма, а решение проблем вы видите в служении человечеству. Религия любви есть подлинно религиозное понятие, однако воспринимать ее исключительно с точки зрения служения человечеству — подход несовершенный, неполный и ненаучный.

Истинная Религия Любви в совершенстве описана в «Бхагавад-гите»... Кроме того, в своих утверждениях Вы не ссылаетесь ни на один авторитетный источник. Это до некоторой степени самонадеянно. Если все будут высказывать свои безапелляционные суждения на тему религии и ее сущности, кого тогда слушать, а кого — нет? Подход к решению проблем должен быть авторитетным, научным и универсальным.

Затем в десяти пунктах Абхай изложил учение «Бхагавад-гиты», закончив письмо следующей фразой: «Поэтому наилучшее служение человечеству — проповедь философии и религии „Бхагавад-гиты“ повсеместно, во все времена и всем людям».

Но обычно его письма не приводили к продолжительным философским дискуссиям. В 1947 году, когда Абхай написал высокопоставленным чиновникам недавно сформированного правительства Индии, предлагая средство против массовых беспорядков, они отказались принять его предложения. Когда он попросил губернатора Западной Бенгалии о встрече, секретарь губернатора ответил: «Его превосходительство сожалеет, но в настоящее время он не может с Вами встретиться ввиду сильной загруженности работой». На письмо заместителю секретаря министра образования Абхай получил ответ от его помощника: «Правительство Индии с сожалением сообщает, что оно не в состоянии удовлетворить Вашу просьбу».

Иногда реакция чиновников больше напоминала снисходительное похлопывание по спине: «Я уверен, Ваши планы по установлению мира найдут отклик у премьер-министра». Или: «Он [министр образования] очень рад Вашим стараниям искоренить религиозно-общинную рознь. Он предлагает Вам обратиться к...»

Один местный чиновник вежливо просил его не беспокоить:

Я благодарю Вас за все, что Вы написали, и за выраженные Вами теплые чувства. Но не думаю, что смогу служить какой-либо полезной цели, присоединившись к организации, которую Вы хотите учредить, поэтому нет смысла спорить на эту тему. Вам не стоит утруждать себя встречами со мной, однако я желаю Вам всяческих успехов.

В октябре 1947 года, после столкновений в Калькутте, Абхай написал председателю комитета по ликвидации последствий столкновений, и тот ответил:

Что касается *хари-киртана* и *прасада*, Вы можете сами проводить любую программу, но боюсь, что я в этом не заинтересован, равно как и наш комитет, поэтому в нашей с Вами встрече нет необходимости.

Рассылая свои письма, Абхай играл роль вайшнава-проповедника, и, видя это, секретари правительственных офисов воспринимали его соответственно. Но они не могли оценить практической пользы от философии «Бхагавад-гиты», которую он проповедовал, и его советов в отношении *хари-киртана*. Однако время от времени кто-то казался заинтересованным. Господин Н. П. Астхана, адвокат Верховного суда, ответил:

Я очень признателен Вам за письмо, в котором Вы упоминаете свой подробный план духовного развития. Я глубоко ценю возвышенные чувства, побудившие Вас написать это письмо, и доброту, с которой Вы отнеслись к моему вопросу. Я изучал «Бхагавад-гиту» и также впитал некоторые из ее наставлений, но я еще далек от совершенства и был бы рад, если бы мною руководил наставник Вашего уровня. Поэтому, будьте добры, пошлите мне свой план, получив который я смогу поделиться с Вами своими соображениями.

* * *

Естественно, Абхай не мог не думать о том, как привлечь к преданному служению Махатму Ганди. Благодаря своим смелым и благородным поступкам во имя сограждан, а также своему аскетизму, Махатма Ганди обладал

колоссальным влиянием на индийский народ. Как и для Махендры Пратапа из «Всемирной федерации», для Махатмы Ганди служение Богу заключалось в попытке при помощи политики и собственных идей сделать людей счастливыми. Ганди, как позднее напишут о нем в журнале «Манчестер гардиан», казался «святым среди политиков» и в равной степени «политиком среди святых». Но как бы то ни было, он не занимался чистым преданным служением в полном смысле этого слова, и дела его, согласно «Бхагавад-гите», не позволяли ему называться *махатмой*. *Махатмой* «Гита» называет того, кто всего себя посвятил служению Господу Кришне, Верховной Личности Бога, и всегда воспекает Его славу. Настоящий *махатма* вдохновляет других предаться Кришне.

Но, так как в молодости Абхай был последователем Ганди, он испытывал к нему особые чувства. Конечно, потом Шрила Бхактисиддханта Сарасвати убедил Абхая заниматься только преданным служением, но сейчас в Абхае вновь заговорили старые дружеские чувства — и неважно, что Ганди был великой личностью, известной всему миру, а Абхая не знали ни мир, ни сам Ганди.

7 декабря 1947 года Абхай написал Ганди из Канпура. В то время Ганди жил в особняке семьи Бирла в Дели. В индийской столице было неспокойно: распределенные по всему городу большие вооруженные отряды старались предотвратить индо-мусульманские столкновения. Секретарь Ганди, Пьярелал Наяр, описывал Махатму в то время как «наигрустнейшего человека, какого только можно себе представить». Нацию возглавили те, кого он когда-то вел в борьбе за независимость Индии, — Джавахарлал Неру, Валлабхаи Патель и другие. А Ганди, со своим ненасилием, единством и аграрной реформой, уже расходился с ними по многим вопросам. Он с ужасом чувствовал, что превращается в ходячий анахронизм. Его бывшие коллеги по-прежнему восхищались им, но руководство его отвергали. Все его программы: объединение индусов и мусульман, ненасилие, помощь беднякам — хотя слава о них и гремела по всему миру, в 1947 году потерпели крах. Во время недавнего визита в лагерь мусульманских беженцев мусульмане проклинали Ганди, толпой окружив его машину, а на последней публичной молитве раздраженная толпа индусов заглушила голос Махатмы криками и прогнала его, когда он попытался процитировать Коран. В свои семьдесят восемь лет Ганди был физически слаб и подавлен.

Вероятнее всего, письмо Абхая не могло до него дойти. И Абхай знал это. Послать письмо Ганди было все равно что положить записку в бутылку и отправить ее по морю. Скорее всего, оно сольется с потоком почты, и Ганди будет слишком занят, чтобы его прочитать. Но, несмотря на это, Абхай все равно решил его отправить.

Дорогой друг Махатмаджи, пожалуйста, примите мой смиренный *намаскар*. Я — Ваш неизвестный друг. Время от времени я пишу Вам письма, хотя ни разу еще не получал ответа. Я посылал Вам свой журнал «Бэк ту

Годхед», но Ваш секретарь сказал, что у Вас очень мало времени для чтения писем и еще меньше — для чтения журналов. Я просил дать мне возможность побеседовать с Вами, но Ваши секретари слишком заняты, чтобы обратить внимание на мою просьбу. Так или иначе, я Ваш старый друг, хотя Вы меня не знаете, и сейчас я пишу, чтобы помочь Вам занять то положение, которого Вы достойны. Как искренний доброжелатель, я не имею права забыть о своем долге по отношению к такому другу, как Вы.

От всего сердца, как друг, я советую Вам немедленно удалиться от активного участия в политике, если Вы не хотите умереть бесславной смертью. Вы можете дожить до ста двадцати пяти лет, как и хотели, но, если эта долгая жизнь завершится бесславной смертью, какой в ней прок? Такого уважения и почета, какого Вы добились за свою жизнь, не удавалось достичь никому на протяжении всей истории человечества. Но Вы должны знать, что эти уважение и почет ложны, ибо созданы божественной энергией иллюзии — *майей*. Говоря «ложны», я не имею в виду, что Ваши многочисленные друзья лицемерили с Вами или что Вы были неискренни по отношению к ним. Я имею в виду иллюзию, то есть иллюзорную дружбу и почет, которые есть не что иное, как порождение *майи*. Именно поэтому они всегда временны или, если так можно выразиться, ложны. Но никто из вас — ни Вы, ни Ваши друзья — этого не знают.

Садху должен не льстить, а «рубить сплеча». Его дружба в этом и состоит — он отсекает иллюзии материалиста. Махатма Ганди, покинутый друзьями, горько разочарованный результатами долгой и тяжелой борьбы за независимость Индии и полный опасений за будущее, в настоящий момент достиг такого состояния, в котором вполне мог бы осознать, что все его дружеские связи и дела суть порождение иллюзии. Это был очень подходящий момент жизни, чтобы осмыслить письмо Абхая.

Сейчас, по милости Бога, эта иллюзия понемногу уходит, и теперь Ваши верные друзья — такие как Ачарья Крипалини — упрекают Вас в неспособности в настоящий момент дать им практическую программу действий, подобную той, что они получали от Вас в славные дни Вашего движения сопротивления. Также Вы связаны обязательством найти правильный путь разрешения теперешней политической путаницы, созданной Вашими противниками. Поэтому выслушайте это предупреждение от Вашего скромного друга, каковым я себя считаю: если Вы своевременно не удалитесь от активной политики и не посвятите всего себя проповеди послания «Бхагавад-гиты» — занятию настоящих *махатм*, — то Вас настигнет смерть, столь же бесславная, как была у Муссолини, Гитлера... или Ллойд Джорджа.

Долгие годы Абхай мечтал обратиться к Махатме Ганди с этим посланием. Он и раньше ему писал, хотя так и не получил ответа. Сейчас Абхай был убежден, что если Ганди не удалится от политики, то очень скоро найдет

«бесславную смерть». Вместо того чтобы проповедовать преданное служение, Ганди продолжал вести активную политическую жизнь, и его нужно было предупредить. Абхай писал, чтобы спасти друга.

Вы легко можете понять, как и почему некоторые из Ваших политических врагов, притворявшихся друзьями (как индийцы, так и англичане), сознательно обманули Вас и разбили Вам сердце, делая все то, против чего Вы так долго и тяжело боролись. Главное, чего Вы хотели, — это единство индусов и мусульман в Индии, но Ваши сподвижники постепенно свели на нет результаты всей Вашей работы, разделив Индию и создав независимое государство — Пакистан. Вы хотели для Индии свободы, а они привели Индию к постоянной зависимости. Вы хотели улучшить жизнь бхангов, но их несчастное положение так до сих пор и не изменилось, несмотря на то что вы живете в их колонии. Итак, все это — иллюзии, и когда Вы увидите вещи в истинном свете, Вам придется смириться с этим, приняв неудачи как волю Бога. Господь благоволит к Вам, рассеивая иллюзию, в которой Вы до сих пор пребывали и которой питали свои идеи, выдавая их за истину.

Абхай постарался честно сообщить Ганди, что в этом относительном мире нет ничего абсолютного. За *ахимсой*, ненасилием, неизбежно придет насилие — так свет всегда сменяется тьмой. В мире двойственности ничто нельзя назвать абсолютным. «Вы не знали этого, — писал Абхай, — и даже не пытались узнать из достоверных источников, поэтому все Ваши попытки создать единство привели лишь к расколу, и *ахимса* сменилась *химсой*».

Абхай подчеркнул, что Ганди так и не принял прибежище у настоящего духовного учителя, без чего духовный прогресс невозможен. «Бхагавад-гита» недвусмысленно предписывает человеку принять гуру, стоящего в цепи ученической преемственности, но Ганди был известен как раз тем, что всегда полагался на себя, на свой внутренний голос, вдобавок к этому заимствуя идеи у писателей (в частности, у Раскина и Торо) и смешивая их с наставлениями Нового Завета и «Гиты». Если бы Ганди обратился к гуру, говорил Абхай, его никогда бы не сбили с толку относительные истины.

В «Катха-упанишад» сказано, что нужно обратиться к истинному гуру, который не только сведущ во всех богооткровенных писаниях мира, но и постиг связь души с Брахманом, Абсолютом. Только так можно познать Абсолютную Истину. В «Бхагавад-гите» (4.34) также есть подобное указание:

*тад виддхи пранипатена
парипрашнена севайа
упадешьянти те джнанама
джнанинас таттва-даршинах*

Но я знаю, что Вы никогда не следовали подобным трансцендентным наставлениям, если не считать тех случаев, когда подвергали себя суровой аскезе ради достижения своих целей — предприятие, стоящее в одном ряду с Вашими многочисленными экспериментами с относительной истиной. Но если бы Вы, как упоминалось выше, обратились к гуру, то могли бы легко избежать ошибок.

Не отрицая благочестия и аскетизма Махатмы Ганди, Абхай просил его применить свои высокие моральные принципы для того, чтобы предаться Абсолютной Истине. Абхай настоятельно просил его как можно скорее оставить политику.

Ваши искренние старания обрести при помощи аскезы и т.п. некоторые божественные качества, несомненно, помогли Вам возвыситься до определенного уровня, и теперь Вы можете воспользоваться этим, чтобы познать Абсолютную Истину. Если же Вы удовлетворитесь этим временным положением и не предпримете попыток познать Абсолютную Истину, законы материальной природы неизбежно сбросят Вас с этого искусственно завышенного уровня. Но если Вы по-настоящему захотите обратиться к Абсолютной Истине, если захотите принести настоящее благо всему человечеству и всему миру, воплотив при этом свои идеи единства, мира и ненасилия, то Вам совершенно необходимо немедленно оставить общество порочных политиков и выйти на проповедь философии и религии «Бхагавад-гиты», не давая ей собственных толкований, от которых мало толку. Я иногда поднимаю эту тему в своем журнале «Бэк ту Годхед», страницу из которого предлагаю Вашему вниманию.

Я прошу Вас об одном: удалитесь от участия в политике — хотя бы на месяц — и давайте обсудим «Бхагавад-гиту». Я уверен, что эта дискуссия прольет новый свет на Вашу жизнь, не только ради Вашей пользы, но и на благо мира в целом — ибо знаю Вас как честного, искреннего и добродетельного человека.

С интересом ожидающий Вашего скорого ответа,

искренне Ваш, Абхай Чаран Де

Ответа не последовало. Месяц спустя Ганди объявил голодовку, добиваясь того, чтобы Индия выплатила Пакистану 550 миллионов рупий, как было условлено в договоре о разделении. Индусы, беженцы из Пакистана, устроили под зашторенными окнами комнаты Ганди демонстрацию, скандируя: «Смерть Ганди!» Но этой голодовкой, которая с каждым днем приближала его к смерти, он пробудил искреннюю тревогу у нации, и правительственные лидеры выплатили Пакистану деньги. Теперь у его дома огромные толпы скандировали: «Жизнь Ганди!» А индо-мусульманские столкновения не прекращались.

30 января, на следующий день после составления черновика нового устава партии Индийский национальный конгресс, Ганди поужинал, поработал немного на домашнем прядильном станке, а затем отправился на вечернюю молитву. По дороге он был убит тремя выстрелами в грудь. Рассказывают, что он умер, выкрикивая имя Бога — *Хе Рама!* Письмо Абхая, написанное месяцем назад, прозвучало как пророчество. Но оно так и не было прочитано человеком, для которого предназначалось.

* * *

Когда руководители Национального фонда памяти Махатмы Ганди собирали предложения о том, как увековечить жизнь и деятельность погибшего лидера, Абхай написал им и заместителю премьер-министра Индии, Валлабхаи Пателю письмо, предлагая распределить средства «в духе Ганди»:

Вся жизнь Ганди была посвящена служению человечеству, а особенно — повышению нравственных стандартов. Его деятельность в последнее время показала, что он равно относился ко всем, и весь мир знал его более как духовного лидера, нежели как политика. Преданность Богу была его высшей целью, и, когда я говорю, что его священную память нужно сохранить не обычным способом, а «в духе Ганди», я имею в виду, что достойной данью уважения его памяти должно стать следование по его пути.

Абхай писал о Махатме Ганди как о вайшнавe, что делалось очень редко. Несмотря на неотложные политические дела, Ганди никогда не пропускал ежедневных молитвенных собраний по вечерам и даже убит был по дороге на *киртан*. Только благодаря своему ежедневному участию в совместной молитве, подчеркивал Абхай, Ганди способен был работать над повышением морального уровня человечества. «Если отнять от Ганди духовную деятельность, — писал Абхай, — останется обыкновенный политик. Но Ганди был настоящим святым среди государственных деятелей». Абхай писал, что начало совместному пению святых имен — Кришна и Рама — положил Господь Чайтанья, а Его преемники, шесть Госвами, оставили потомкам богатейшее литературное наследие — для обсуждения и осмысления. Правление Мемориального фонда должно извлечь урок из практической жизни Махатмаджи и донести его до возможно большего числа людей. Поэтому единственное, чем можно достойно увековечить память о Махатме Ганди, — это организовать ежедневное совместное чтение «Бхагавад-гиты». Если раздувать природную искру духовности, тлеющую в человеческих сердцах, ежедневными молитвенными собраниями, то в людях разовьются возвышенные качества характера.

У Абхая было еще одно предложение. Ганди прославился своими попытками добиться для представителей низших сословий права посещать храмы. В Ноакхали он установил Божества Радхи и Кришны, которым могли поклоняться простые люди. Хотя обычно подобные дела Ганди рассматривались как второстепенные, Абхай говорил о них как о важнейшем из того, что делал Махатма, доказывая, что движение Ганди имело под собой теистическую основу. Абхай объяснял, что, хотя в Индии сотни и тысячи храмов, ими управляют не так, как следует, поэтому образованные горожане их не посещают. В ведическом обществе храмы предназначались для развития духовной культуры. Если бы индийские храмы стали полнокровными духовными центрами, то люди, обеспокоенные повседневными проблемами, смогли бы учиться в них исполнению высших обязанностей. «Такое обучение и практика, — продолжал Абхай, — могут помочь человеку в осознании существования Бога, без воли которого, согласно Махатме Ганди, „даже травинка не шелохнется“».

Он упомянул о движении *хариджан*, организованном Ганди в попытке дать неприкасаемым (которых он признавал *хариджанами*, «людьми Бога») равные права с остальными. Большинство людей рассматривало эту деятельность Ганди исключительно как гуманистическую, но Абхай осветил ее с другой стороны, показав, что, по сути своей, это часть духовной жизни Ганди. Впрочем, добавлял он, просто навесить на неприкасаемых ярлык «*хариджаны*» недостаточно, — необходима программа по систематическому возвышению людей из низших сословий. Такая программа содержится в «Бхагавад-гите», и наиболее эффективно применить ее на практике можно под руководством истинного преданного Господа. Абхай предлагал правлению Мемориального фонда свои услуги в этой работе. Абхай предостерегал, что если руководители Фонда, стараясь увековечить память об усилиях и достижениях Ганди, пренебрегут духовной стороной его жизни, то «очень скоро память о нем умрет, и его постигнет участь многих других политиков — забвение».

Возможно, кто-то смотрел на Абхая как на очередного авантюриста или сектанта. Но сам он считал себя нижайшим слугой Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Заметив в характере Махатмы Ганди некоторые качества вайшнава, Абхай воспользовался этим как возможностью представить миру послание своего духовного учителя. Вместе с тем он отдавал должное Махатме Ганди, восхваляя его как великого преданного, который любил *киртаны* и храмовое поклонение Богу и пытался возвысить несчастные души до положения «людей Бога».

* * *

Находясь по делам в Мадуре, в Южной Индии, Абхай показал некоторые из своих сочинений Мутхусвами Четти, торговцу медикаментами. Господину

Четти они очень понравились, и он решил, что мог бы убедить своего друга, доктора Аллагаппу из известной фирмы «Бирла из Южной Индии», профинансировать их издание. В апреле 1948 года Четти написал Абхаю, что испытывает потребность помочь ему «в каком-нибудь богоугодном деле». Он просил Абхая Чарана выслать ему законченную рукопись «Гитопанишад», которую можно было бы показать доктору Аллагаппе в Мадрасе. Господин Четти уже рассказал доктору Аллагаппе о «превосходном труде — „Гитопанишад“, объемом в 1200 страниц большого формата» и настоятельно просил его опубликовать эту книгу ради блага верующих, упомянув, что Абхай пытается напечатать ее с 1946 года.

Вскоре господин Четти получил от доктора Аллагаппы ответ, в котором тот выражал свою заинтересованность, и написал Абхаю: «Итак, я готов помочь Вам, лишь бы Бог помог мне». Что же касается переговоров с господином Аллагаппой, то необходимости в них не было, так как «он согласен сделать это из соображений благотворительности». Предвкушая успешное окончание дела, Четти пригласил Абхая в Мадрас, чтобы он мог лично встретиться с доктором Аллагаппой. «Он сделает все, чтобы Вы могли выполнить долг, возложенный на Вас Богом». Находясь в Мадрасе, Абхай мог бы проверить и откорректировать пробный оттиск книги и от начала и до конца следить за процессом печати. Это была большая удача, а Абхай был не из тех, кто может упустить столь редкий шанс. Если книга увидит свет, это будет большая победа. Так он выполнит одно из наставлений духовного учителя.

Но случилось непоправимое. Рукопись украли. Это был единственный экземпляр, и для надежности Абхай хранил его дома. Он спрашивал у домочадцев и слуг — все разводили руками. Надежды Абхая были обмануты, колоссальные усилия пошли прахом. Он понял, что много месяцев работал впустую. Хотя доказать ничего было невозможно, Абхай подозревал, что сделать это мог кто-то из слуг или даже сын — ради денег. Но все это так и осталось тайной.

* * *

Весь 1949 год Абхай писал статьи на бенгали, представляя их на суд своего духовного брата, Б.П. Кешавы Махараджи, который публиковал их в своем издании «Гаудия патрика». Взгляды Абхая на мировые проблемы не отличались от взглядов его духовного учителя. Уже на первой встрече с Абхаем, в 1922 году, Шрила Бхактисиддханта Сарасвати сокрушил его националистическую аргументацию, подчеркивая, что истинная причина мирового кризиса кроется не в политической, социальной или какой бы то ни было еще материальной сфере. Миру просто недостает духовного знания. Теперь Абхай развивал эту тему. Он никогда не проповедовал равнодушие к «земным» проблемам, но подчеркивал, что с кризисом может справиться

только правительство, состоящее из преданных. Если на первое место поставить сознание Кришны, остальные проблемы решатся сами собой. А без сознания Кришны любые так называемые решения окажутся глупыми и бесполезными.

В начале своей первой статьи на бенгали Абхай процитировал передовицу из аллахабадского издания калькуттской газеты «Амрита базар патрика». Редактор весьма сожалел о том, что, несмотря на обретение национальной независимости, со злейшими бедами Индии еще не покончено:

Новая неделя для нашего народа ознаменовалась воспоминаниями о Джалианвала-Багх. Политическое рабство больше не беспокоит нас. И все же беды наши отнюдь не закончились. По воле Провидения человечество никак не может обрести покой. Стоит пройти одной беде, и тут же на смену ей приходит другая. Индия, теперь политически свободная, столкнулась с трудностями, не менее серьезными, чем те, что несло с собой иноземное владычество.

Абхай воспользовался этими размышлениями редактора, чтобы продемонстрировать, в чем состоит основной недостаток всех мирских планов по улучшению жизни. Он подчеркнул, что, хотя Индия находилась под иностранным гнетом еще со времен Мухаммеда Гхори^[4], до этого ее никто никогда не завоевывал. В те далекие времена Индия была нацией людей, преданных Богу. Падение Индии произошло только тогда, когда ее лидеры отказались от своего духовного наследия.

Таким образом, индийцы должны понять, что сейчас строгие законы материальной природы их наказывают. «Почтенный редактор газеты „Амрита базар патрика“, — отметил Абхай, — с грустью пишет: „На смену одной проблеме тут же приходит другая“, но об этом уже давным-давно сказано в „Бхагавад-гите“». Эту мысль Абхай неоднократно затрагивал в своих статьях в журнале «Бэк ту Годхед» 1944 года и во многих письмах. Материальная природа, которая находится под надзором Верховного Господа, наказывает человека, пренебрегающего служением Ему. Люди могут писать статьи в газеты, принимать резолюции на всевозможных встречах и конференциях, пытаться своими научными изысканиями победить природу, но им никогда не удастся обойти ее законы. Когда люди стремятся избежать наказания, Верховный Господь еще глубже погружает их в иллюзию, и они «самым прискорбным образом терпят поражение». По этому поводу Абхай процитировал бенгальскую поговорку: «Я хотел сделать статую Шивы, а получилась обезьяна».

Теперь, чтобы избавить мир от страданий и принести людям счастье, мы создали атомную бомбу. Предвидя всеобщее уничтожение, к которому может привести ядерная реакция, западные мыслители очень обеспокоены. Некоторые пытаются утешить людей, говоря, что атомная энергия будет

использоваться только на благо. Но все это — лишь очередное проявление непостижимой энергии иллюзии.

Проблема, объяснял Абхай, состоит в том, что в мире мало людей, обладающих сознанием Кришны. Вожди народов, пребывающие во власти материальной природы, никогда не смогут решить мировые проблемы. Мирская иллюзия наиболее сильна в западных странах, которым Индия ни в коем случае не должна подражать. Однако, предсказывал Абхай, настанет день, когда сознание Кришны достигнет западных стран.

Никогда еще в странах Запада не обсуждался вопрос, каковы взаимоотношения между мельчайшей индивидуальной душой и Верховной Личностью, обладающей высшим сознанием, то есть Богом. Никто не исследовал, какова деятельность и каково состояние живого существа по достижении высшего совершенства. Именно поэтому, даже достигнув столь большого материального успеха, люди на Западе корчатся от жгучего яда чувственности... Мы абсолютно уверены в том, что когда-нибудь индийская формула мира достигнет их ушей.

Статьи Абхая начали регулярно печататься в газете «Гaudия патрика». Его духовные братья высоко ценили эти работы: его критика материалистического склада ума напоминала проповедь Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. В понимании Абхая понятие асура (демона) из «Бхагавад-гиты» было не просто обозначением какого-то мифического, легендарного врага; асуры пришли в нашу жизнь в виде Гитлера, Черчилля или даже премьер-министра Индии. Однако, обличая тех, кто идет по неправильному пути, Абхай снова и снова подчеркивал, что он не излагает собственное мнение, а лишь повторяет слова Кришны.

* * *

В 1950-1951 годах Абхай продолжал писать письма, адресованные лидерам различных организаций, желая быть услышанным. Он писал во Всемирный совет мира, президенту Индии, министру образования. Написав в «Индийский конгресс за свободу культуры», в ответ Абхай получил предположение, что он ошибся адресом. Председателю «Межрелигиозной конференции» в Бомбее он написал, что из-за неверного подхода к заявленной теме конференция не принесет никакой ощутимой пользы: «практическое решение заключено в трансцендентном послании Шри Кришны, Личности Бога, содержащемся в „Бхагавад-гите“».

14 сентября 1951 года Абхай начал переписку с Даниелем Бейли из журнала «Америкэн репортер», издаваемого американским посольством в Нью-Дели. Абхай указывал, что философия, нацеленная на понимание Абсолютной

Истины, в том виде, как она представлена мудрецами и святыми Индии, стоит выше попыток объединить Восток и Запад. Мистер Бейли ответил, что ему известно о философском и религиозном влиянии Востока на Запад, и привел в пример успех одной миссии *йоги* в Нью-Йорк-Сити, которая, по его словам, оказала некоторое влияние на развитие протестантизма в Америке. Но когда Абхай попросил опубликовать одну из его статей в «Америкэн репортер», мистер Бейли ответил: «Если мы отведем место в „Америкэн репортер“, скажем, „Гите“, то по справедливости должны будем выделить столько же места другим учениям: мы же хотим не одобрить или осудить какое-либо из них, а просто помочь людям лучше во всем этом разобраться». В свою очередь, Абхай возразил, что не нужно поощрять людей толковать религию как вздумается: «Во всех сферах жизни менее разумные следуют за теми, кто обладает большим знанием».

Абхай написал даже в Детройт, в Фонд Форда, но штатный помощник ответил ему: «С сожалением уведомляем Вас, что мы не можем принять Ваше предложение относительно создания „общества интеллигентных людей“. У „Фонда Форда“ отсутствуют программы, в которые можно было бы включить специфические идеи, подобные Вашей».

Хотя подавляющее большинство его предложений отклонялось, порой он слышал и слова признательности. Некий доктор Мухаммад Саид, профессор Аллахабадского университета, ответил: «Я вижу, что Вы полностью овладели универсальным учением Древней Индии; это... достойно всяческих похвал». А губернатор штата Уттар-Прадеш написал: «Вы делаете благородное дело, ибо нет ничего благороднее, чем обрести сознание Бога».

В письмах Абхай не просто давал советы — он предлагал практическую помощь. Если бы ему обеспечили организационную поддержку, он мог бы столько всего сделать! Проводить занятия, управлять храмами, обучать храмовому поклонению, давать посвящения преданным, организовывать проповедь принципов «Бхагавад-гиты»... Обычно он не пускался в подробные объяснения относительно практической реализации своих идей, а, указывая на недостатки современных философских учений и их подхода к решению насущных проблем, объяснял, почему лучше следовать ведическому канону. По милости духовного учителя он обладал удивительной способностью применять науку «Бхагавад-гиты» в практически любой ситуации, и, если бы только кто-нибудь вдруг проявил интерес, он мог бы открыть этому человеку все преимущества жизни, основанной на принципах «Гиты».

Посетив собрание, на котором известный промышленник рассказывал, насколько гармоничны на его предприятии отношения между рабочими и руководством, он написал этому человеку длинное письмо с предложением испытать благотворное влияние на людей совместного повторения «Харе Кришна». На фабрике был специальный рабочий клуб и комната отдыха, и Абхай предложил, чтобы рабочие собирались там и вместе повторяли «Харе Кришна».

Абхай к каждому настойчиво обращался с просьбой предаться Кришне, однако большинство людей, имея собственные философские убеждения, воспринимали его как сектанта, пытающегося обратить их в свою веру. Но «Бхагавад-гита» универсальна, писал Абхай, и Бога нельзя исключать ни из какого дела, даже если государство называет себя светским. Кришна — отец всех живых существ без исключения, и под Его контролем находятся все проекты, все организации и правительства. Индийцы же, как никто другой, должны особенно ценить поистине вселенскую значимость «Бхагавад-гиты».

Хотя за советами Абхая всегда стояли конкретные планы, в первую очередь он хотел привлечь внимание собеседника. Большого интереса его предложения не встречали, и чаще всего ему отвечали отказом, но это никогда не выбивало его из колеи, и он не бросал попыток найти сторонников. Он хранил копии всех своих писем и ответы на них, и одного слова признательности или проявления хотя бы слабого интереса со стороны собеседника было достаточно, чтобы Абхай продолжал серьезную переписку.

Не ожидая указаний со стороны Гаудия-матха, Абхай развил в себе сильнейшее чувство преданности миссии Господа Чайтаньи. Он все еще лелеял надежду, что духовные братья когда-нибудь вновь соберутся вместе и начнут проповедовать. Однако при этом он не отдавал предпочтения ни одному из *матхов*, ибо это неизбежно означало бы присоединение к одной из враждующих фракций. Оставаясь в стороне от внутренних раздоров Гаудия-матха, Абхай в одиночку продолжал писать письма, представляясь проповедником «Бхагавад-гиты» и редактором журнала «Бэк ту Годхед».

* * *

В 1948 году Абхай закрыл фабрику в Лакхнау. Он задолжал рабочим и с 1946 года выплачивал аренду по частям. Но когда уровень продаж упал, продолжать производство стало невозможно. Он потерял всё.

Шрила Прабхупада: *Я открыл большую фабрику в Лакхнау. Это были золотые дни! Мой бизнес процветал, как никогда. В химическом деле меня знали все. Но потом постепенно все пришло в упадок.*

Несколько знакомых помогли ему открыть небольшую фабрику в Аллахабаде — в том самом Аллахабаде, где пятнадцать лет назад прекратила существование его «Праяг фармасы». Он переехал туда со своим сыном Бриндабаном и снова наладил выпуск лекарств. Вся его семья осталась на Банерджи-Лейн, в Калькутте, а Абхай продолжал путешествовать. Но теперь он не показывался дома месяцами.

Потом ему снова приснился тот же сон. Ему явился Шрила Бхактисиддхант Сарасвати. И вновь он звал Абхая за собой, показывая, что настало время принять *санньясу*. Но Абхай по-прежнему не мог этого исполнить. Он был семейным человеком, и на нем лежала огромная ответственность. Принять *санньясу* означало оставить всё. А ему приходилось

зарабатывать деньги — ведь теперь у него было пятеро детей. «Почему Гуру Махараджа просит меня принять санньясу?» — думал он. Пока это было невозможно.

Дела в Аллахабаде шли плохо. «В настоящее время дела на нашем предприятии идут не слишком хорошо, — писал он своему слуге Гауранге, который хотел к нему приехать. — Когда все поправится, я тебя вызову, если в это время ты не будешь занят». Абхай усердно трудился, но результаты были ничтожны.

Но, как и на все остальное, на эту ситуацию Абхай смотрел глазами священных писаний. Он не мог не размышлять над стихом из «Шримад-Бхагаватам»:

*йасйахам анугрхнами
харшийе тад-дханам шанаих
тато 'дханам тйаджантй асйа
сва-джана духкха-духкхитам*

«У того, к кому Я особенно милостив, Я постепенно отнимаю всю материальную собственность. И тогда друзья и родственники отворачиваются от него, нищего и жалкого» (Бхаг., 10.88.8).

Этот стих он когда-то слышал из уст Шрилы Бхактисиддханты, а теперь часто над ним думал. Все произошедшее с ним он воспринимал как волю Кришны, который специально ставит его в беспомощное положение, чтобы освободить для проповеди.

Шрила Прабхупада: *Как бы то ни было, мое желание проповедовать послание Чайтаньи Махапрабху росло, тогда как все другие желания уменьшались. Кришна меня подталкивал: «Ты должен все бросить», — а я не очень-то и сопротивлялся. История известная — дела шли все хуже, и хуже, и хуже...*

В «Шримад-Бхагаватам» царица Кунти молится: «О Господь Кришна, приблизиться к Тебе легко лишь тому, у кого нет ничего материального. Тот же, кто стремится преуспеть в обретении мирских благ — знатного происхождения, хорошего образования, огромного богатства и телесной красоты, — не способен искренне обратиться к Тебе».

Шрила Прабхупада: *В 1950 году я практически отошел от дел. Не окончательно — еще немного соприкасался с бизнесом, с тем, что еще оставалось. Затем почти все закончилось. Что осталось, то и хорошо. Делай что хочешь.*

Жена Абхая переехала обратно в дом отца на Махатма Ганди Роуд, обосновав это тем, что у нее нет уверенности в надежности своего финансового положения.

Абхай большую часть времени проводил вдали от дома. Постепенно он отдалялся от семьи, и, когда раз в несколько месяцев он встречался с женой и детьми, тесть упрекал его: «Ты всегда где-то далеко. Ты только поклоняешься Богу, а о семье совсем не заботишься». Абхай по возможности посылал семье какие-то небольшие суммы.

Судхир Кумар Датта (племянник Абхая): Иногда я замечал, что он думает об очень многом — и о семье, и о своих трудах, и о том, как расширить дело. «Что делать, что делать?» Он серьезно думал, как увеличить прибыль от своего бизнеса. Однако для этого пришлось бы уделять делу больше времени. А литературную работу он ни за что бы не бросил. Он писал все больше и больше, и иногда люди упрекали его: «Эй, ты пишешь религиозные книги и думаешь только о Боге! А семью кто будет кормить? Что ты для семьи сделал?»

Иногда он возражал:

— А что дала мне семья? Почему я должен забыть о Боге? Я поступаю правильно, но вам этого не понять.

Приезжая в Калькутту, Абхай останавливался в доме тестя — там у него была отдельная комната. Когда однажды жена подала ему обед, он заметил, что вся пища покупная.

— Почему? — спросил он.

— Повар заболел, — ответила Радхарани.

Абхай подумал: «Лучше переехать из дома ее отца — здесь она испортится еще больше». Поэтому вскоре они переехали на новое место — на улицу Четла. Иногда он жил здесь с семьей по несколько месяцев, сочиняя статьи и понемногу занимаясь делами, но все-таки большую часть времени проводил в Аллахабаде.

В Аллахабаде пятидесятичетырехлетний Абхай жил как *ванапрастха*, то есть человек, удалившийся от семейных дел. Он был равнодушен к семье и бизнесу — к тем вещам, которые обычный семьянин считает своей главной заботой и главным источником счастья.

В своих статьях Абхай не раз обращался к теме четырех *ашрамов*, духовных укладов ведического общества: *брахмачарьи*, *гривастхи*, *ванапрастхи* и *санньясы*. На первой ступени (в *ашраме брахмачари*) родители посылают маленького мальчика в дом *гуру*, в *гурукулу*, где он живет в строгости и простоте, постигая под руководством учителя Веды. Так в детстве и в юности он учится аскетизму и осваивает духовное знание. На этих двух принципах будет строиться вся его дальнейшая жизнь.

По достижении двадцати одного года *брахмачари* может жениться и так перейти на следующий этап — *гривастха-ашрам*. Или же, подобно Бхактисиддханте Сарасвати, может принять решение на всю жизнь остаться *брахмачари*. В юности Абхай соблюдал обет целомудрия, а отец и мать воспитали его в духе преданности Кришне. Хотя он и жил дома, воспитывали его как *брахмачари*. Женившись в возрасте двадцати одного года, он вступил в *гривастха-ашрам* в самое подходящее для этого время. На примере Гоура Мохана Абхай видел, что можно оставаться преданным Кришны, даже ведя семейную жизнь. Будучи вайшнавами, Абхай и его жена благополучно избегали всех неприятностей семейной жизни материалистов.

В пятьдесят лет человеку полагается отойти от семейных дел. Этот период именуется *ванапрастхой*. В *ашраме ванапрастхи* муж и жена по взаимному согласию прекращают половые отношения; они продолжают жить вместе, но только ради духовной взаимопомощи. Готовясь к неизбежному уходу из материального мира, супруги-*ванапрастхи* могут отправиться в паломничество по святым местам Индии. Таким образом, система ведических *ашрамов* позволяет человеку исполнить все его материальные желания, а затем разорвать круг повторяющихся рождений и смертей и достичь вечной духовной обители. В возрасте пятидесяти лет стареющее тело должно напомнить человеку о приближении неотвратимой смерти, и у него должно хватить разума, чтобы правильно к ней подготовиться.

На последней стадии, в *санньяса-ашраме*, мужчина оставляет свою жену на попечение взрослого сына и полностью посвящает себя служению Верховному Господу. В давние времена *санньяса-ашрам* предполагал жизнь, посвященную суровой аскезе. Но в традиции Гаудия-вайшнавов, представителем которой был Шрила Бхактисиддханта, большее значение придавалось проповеди.

Хотя формально Абхай не причислял себя ни к одному из четырех *ашрамов*, его образ жизни более походил на жизнь *ванапрастхи*, нежели *грихастхи*. В своих деловых неудачах и в той напряженной атмосфере, что царила в семье, он видел благословения Кришны, который хочет освободить его от семейных обязанностей и побудить всем сердцем принять приказ Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати — проповедовать.

* * *

В Аллахабаде Абхаю удалось скопить достаточную сумму денег для возобновления издания «Бэк ту Годхед». В феврале 1952 года, впервые за восемь лет, из его редакторской конторы (и дома одновременно) на Каннинг-Роуд, 576, вышел новый выпуск журнала. Как и раньше, Абхай все делал сам — писал, печатал, редактировал, договаривался с владельцами типографии и сам распространял тираж, продавая журналы на улице и рассылая по почте известным и уважаемым людям Индии. Он чувствовал, что именно это было истинной целью его проживания в Аллахабаде (да и не только в Аллахабаде). Это было наилучшим вложением денег и вместе с тем — целью жизни: полностью посвятить себя прославлению Верховного Господа. Все прочее было временным и преходящим.

Когда он приезжал в Калькутту, в его комнате собирались старые друзья, и он проповедовал им, читая лекции по «Бхагавад-гите». Жену и детей Абхай тоже приглашал поучаствовать в этих собраниях, но они игнорировали его приглашения. Они сидели в комнате наверху и пили чай, словно демонстрируя пренебрежение к его проповеди. Абхай продолжал общаться с ними и содержать их. Но он хотел проповедовать, а они вели себя так, что у

него пропадало всякое желание заниматься этим, оставаясь в семье. Будь это настоящая семейная жизнь, жена и сыновья только радовались бы, что Абхай стал опытным проповедником. Им следовало бы понять, что теперь смысл его жизни состоит в том, чтобы служить духовному учителю. Они не могли закрыть глаза на происходившие с ним перемены, но и заставить его стать обычным человеком тоже не могли. Абхай не оставлял попыток вовлечь в проповедь жену, надеясь, что со временем она сможет помогать ему в этом. Однако проповедь мужа по-прежнему не вызывала у нее ни малейшего интереса.

Почему же тогда он должен тратить свою жизнь на заботу о семье, на лекарства и деньги? Пусть родственники порицают его, но настоящим его служением человечеству, этой огромной семье, было издание «Бэк ту Годхед». Мадхавендра Пури, великий духовный учитель, предшественник Господа Чайтаньи, так писал о равнодушии преданных к мирской хуле:

Простите меня, полубоги и предки. Я больше не смогу радовать вас своими подношениями. Я решил искупить все грехи, везде и всюду памятуя о великом потомке династии Яду и грозном враге Камсы [Кришне]. Думаю, для меня этого вполне достаточно. Так есть ли смысл делать что-либо еще?

Пусть строгие моралисты говорят, что я заблуждаюсь, я не стану возражать. Пусть знатоки ведических обрядов заклеят меня, назвав вероотступником. Пусть друзья и родственники считают меня неудачником, а братья — глупцом, пусть богачи указывают на меня пальцем как на сумасшедшего, а ученые философы обвиняют в гордыне. Все равно мой ум ни на йоту не отступит от решения служить лотосным стопам Говинды, даже если я и не способен на это.

Почему он должен тратить время на мелкие семейные проблемы, когда ему известно, как решить проблемы Индии и всего человечества? Как знаток «Бхагавад-гиты» он понимал, что первейшей его обязанностью было предложить людям решение целого комплекса проблем: войны, голода, безнравственности, преступности — всех этих признаков безбожия. И ничего страшного, если он посвятит себя именно этому, а менее важные дела подождут.

* * *

В марте 1952 года Абхай выпустил еще один номер «Бэк ту Годхед». Почти весь номер занимали биографические статьи о Шриле Бхактисиддханте Сарасвати и его отце, Шриле Бхактивиноде Тхакуре.

Он [Бхактивинода Тхакур] яростно выступал против псевдотрансценденталистов, прикрывавшихся именем Господа Чайтаньи. Еще

будучи государственным служащим, Бхактивинода своими литературными трудами инициировал реформаторское движение. Оставаясь семейным человеком и исполняя обязанности мирового судьи, он написал множество книг на бенгали, английском, санскрите, рисуя подлинную картину чистой преданности Господу Чайтанье. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати Госвами Махараджа с самого детства был вдохновлен движением Шрилы Бхактивиноды Тхакура. Он был его личным секретарем, и Бхактивинода сделал его, Шрилу Сарасвати Тхакура, духовным поверенным в деле Господа Чайтаньи. А после ухода Шрилы Бхактивиноды Тхакура Шрила Сарасвати Тхакур взял управление этим реформаторским движением в свои руки.

Всецело поглощенный изданием своего ежемесячного журнала, Абхай не уделял почти никакого внимания прочим делам. Иногда он совершал поездки по торговым вопросам, иногда ночным поездом добирался из Аллахабада в Калькутту, чтобы навестить семью. Если купе не было переполнено, он включал свет. В ночных поездах хорошо думалось и сочинялось. Иногда он ложился на несколько часов, а потом вставал и смотрел в окно и видел только ночь да отражение своего лица и ламп.

К середине двенадцатичасового путешествия небо начинало светлеть, от серого к светло-голубому, и на нем появлялись первые белые облака. Он видел огни городов и слышал сигнальные гудки локомотивов. Когда поезд замедлял ход и останавливался, вдоль окон состава шли продавцы чая, нараспев предлагая свой товар: «Ча-а-ай, ча-а-ай, ча-а-ай!» Их громкий назойливый крик наполнял уши этими звуками, а сам чай наполнял воздух ароматом — сотни пассажиров привычно пили свою утреннюю чашечку.

Во время своих частых путешествий по железной дороге Абхай обращал внимание, что все больше и больше людей курят. Он видел и другие стремительные перемены в окружающей жизни. Индия перенимала западные привычки. А лидеры нации усердно готовили для этого почву — слепцы, ведущие других слепцов. Они хотели царства Бога без Бога. Они хотели видеть Индию передовой индустриальной державой, но без Кришны. Из окон открывался вид на огромные невозделанные поля, при том что множество людей в стране страдало от голода.

Иногда Абхай читал газеты, вырезая из них статьи, на которые можно было бы дать ответ в журнале «Бэк ту Годхед», или содержавшие какие-то новые идеи для очерка. Он размышлял о том, как и к кому обратиться за помощью, как организовать общество преданных, сознающих Кришну. Не только в Индии, но и во всем мире люди способны принять сознание Кришны. В «Чайтанья-бхагавате» говорится, что придет день, когда имя Господа Чайтаньи станет известным в каждом городе и в каждой деревне. Этого же хотел Шрила Бхактисиддханта. Он посылал проповедников в Англию, но все, чего они добились, — это официальный визит к королевской семье. Они выстроились в ряд, поклонились королеве и вернулись в Индию, так и не произведя никаких перемен в сердцах жителей Запада. Абхай хотел отправить

свой журнал за границу. Его агенты «Тэкер, Спинк и компания» имели связи в Америке и Европе. Во всем мире люди читают на английском языке, и нет сомнений, что кое-кто из них может заинтересоваться идеями «Бхагавад-гиты» и «Шримад-Бхагаватам». Именно этого хотел Шрила Бхактисиддханта. Сознание Кришны предназначено не только для Индии. Это величайший дар Индии, и предназначен он для всех.

7 Джханси: Лига преданных

Приглашаются представители любой национальности, желающие развить в себе качества истинных брахманов для проповеди по всему миру учения «Бхагавад-гиты» и его практического применения. Достойные кандидаты обеспечиваются бесплатным питанием и жильем. Обращаться: А.Ч. Бхактиведанта, основатель и руководитель Лиги преданных, Бхарати-Бхаван, Джханси (Уттар-Прадеш).

— Абхай Чаран Де

ЭТО БЫЛА очередная двенадцатичасовая поездка со множеством остановок. Вагон раскачивало из стороны в сторону, и писать было очень трудно. Но он писал. Абхай сидел на деревянной скамье мрачного, грязного купе, зажатый между другими пассажирами третьего класса, самодовольно разглядывавшими друг друга. Поезд с лязгом и грохотом мчался вперед, и в раскрытые окна несло встречным ветром сажу и пыль. За окнами однообразно тянулась насыпь из камней, а в неглубокой придорожной канаве покачивались на высоких стеблях фиолетовые раструбы колокольчиков. Буйволы и быки паслись вдоль дороги или тянули плуг, погоняемые одиноким крестьянином.

Абхай ехал из Аллахабада в Джханси — не по делам, для проповеди. Месяц назад, в октябре 1952 года, когда Абхай приезжал по делам в Джханси, господин Даби, владелец тамошней больницы, пригласил Абхая на лекцию в Гита-мандир. В Джханси многих интересовали религиозные и гуманитарные вопросы, и неважно, обсуждались ли идеи вайшнавов, теософов, *майявади*, политиков или кого-то еще, — люди считали «дхармой» практически любой путь, лишь бы он вел к благочестию или общественному благосостоянию. В свое время господин Даби с интересом прочел несколько статей из журнала «Бэк ту Годхед» — потому-то и предложил Абхаю выступить с лекцией. Абхай же только этого и ждал. У аудитории, большую часть которой составляли молодые студенты-медики и выпускники местного аюрведического колледжа, обнаружился острый интерес к теме выступления.

Абхаю было пятьдесят шесть лет, и его внушительная манера говорить о сознании Кришны произвела огромное впечатление на молодых, религиозно настроенных жителей Джханси. Директор Колледжа санскрита и *веданты* и главный врач Аюрведического университета, двадцатипятилетний Прабхакар Мишра, заметил в Абхае сильное желание распространять сознание Кришны. Доктор Мишра признал в нем своего рода гуру, хотя и в одежде белого цвета. «Какой он смиренный, — думал доктор Мишра, — настоящий *садху*!»

Невысокий, коренастый доктор Шастри, начинающий аюрведический врач, был человеком живым и деятельным. Чистота Абхая и его мечта о

всемирном движении, распространяющем индийскую культуру, совершенно покорили его. Старшие (например, высокий, обходительный Рамчаран Хайхаран Митра, торговец посудой, который писал стихи и носил белую пилотку, как Неру) тоже хотели побольше узнать от Абхая про Господа Чайтанью. После лекции доктор Маллик, возглавлявший Гита-мандир, доктор Сиддхи из университета и их жены подошли к Абхаю, чтобы искренне попросить его вновь посетить Джханси.

Абхай приехал к ним не как торговец медикаментами или человек, обремененный заботами о семье, а только лишь как преданный Господа Чайтаньи Махапрабху. Хотя принципы сознания Кришны, в том виде, как их представлял Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, были незнакомы собравшимся, его наставления их заинтересовали, и чем дальше Абхай излагал это учение и говорил о своих планах по распространению послания Кришны, тем большую поддержку находил он у аудитории. Некоторые из слушателей посоветовали ему начать свою миссию именно в Джханси и даже обещали в этом помочь. Доктор Шастри пригласил Абхая жить к себе, познакомил его с некоторыми влиятельными людьми города и организовал его лекции в разных общественных местах Джханси.

Пробыв в городе десять дней, Абхай вернулся в Аллахабад, но воспоминания о Джханси мешали ему сосредоточиться на делах. Его ум был занят более важной темой: необходимостью создать общество преданных, которые будут проповедовать по всему миру теорию и практику сознания Кришны. Гаудия-матх терзали постоянные расколы — духовные братья Абхая организовали собственные *ашрамы* в разных местах и, казалось, оставались равнодушны к любым возможностям объединиться; однако необходимо было что-то предпринять, чтобы противостоять влиянию всепроникающей атмосферы безбожия. Должен был появиться союз проповедников, действующий по всему миру, как это предвидел Шрила Бхактисиддханта Сарасвати.

Страны мира, пытаясь прийти к единству, создали Лигу Наций (а позже — Организацию Объединенных Наций). Лига потерпела неудачу, и то же самое ожидает ООН, если она не признает духовное единство и равенство всех живых существ — равенство, вытекающее из личных отношений каждого с Верховной Личностью Бога. Абхай не ждал ничего хорошего от подобных организаций: несмотря на то что все они стремились к миру и единству, их попытки были всего лишь еще одним проявлением безбожия. Нет, восстановление мира и единства было задачей вайшнавов.

Абхай думал, что Джханси вполне мог бы стать подходящим местом для основания такой организации. Город был небольшой, но, по крайней мере, в нем нашлись неравнодушные люди. Студенты не просто слушали и соглашались, но и обещали помочь. Правда, в их восхищении Абхай иногда ощущал некоторый недостаток искренности, порой замечая в слушателях сентиментальность. Это заставляло немного усомниться в их серьезности, но если бы ему удалось найти несколько или хотя бы одного серьезного

слушателя, этого было бы уже достаточно для начала. Он хотел проповедовать — это было делом его жизни. Кроме того, уже приближалась старость — уж если и начинать что-то, то прямо сейчас, не откладывая. Поэтому он снова едет в Джханси и собирается остаться там на неопределенный срок. Не очень беспокоясь о делах в Аллахабаде, он поручил свой бизнес заботам сына и племянника и сообщил им, что отправляется в Джханси.

Подъезжая к станции, Абхай увидел доктора Шастри, энергично машущего рукой. Вместе на *танге* они отправились к нему в приемную. По дороге эмоциональный, разговорчивый доктор посулил Абхаю много возможностей для проповеди и бесед. Шастри рассказал несколько легенд о Джханси: территория нынешнего города раньше была частью леса, в котором многие тысячи лет назад вел жизнь аскета Сам Господь Рамачандра. Здесь жили Пандавы во время изгнания, здесь строили свои жилища многие мудрецы ведических времен. Джханси был родиной индийской национальной героини, Лакшми-Баи, которая в середине девятнадцатого века положила начало движению за освобождение Индии от британского владычества. Скульптуры и изображения Лакшми-Баи, с поднятым мечом скачущей на коне, можно было увидеть повсюду. Но Джханси 1952 года был обычным густонаселенным бедным городом, с грязными улицами и почти без бытовых удобств. Впрочем, жители его, люди в большинстве своем благочестивые и религиозные, были вполне довольны жизнью.

Доктор Шастри снимал двухэтажный дом в районе Сипри-базара. Он жил один. На первом этаже размещалась его клиника, а на втором — однокомнатная квартира, которую он был готов разделить с Абхаем. Молодой, но известный в городе врач был как раз тем человеком, который мог (и к тому же хотел) представить Абхая заинтересованным жителям Джханси. Энергичный и дружелюбный, он легко общался с жителями города и очень уважал Абхая, который был вдвое старше его, за твердость в философских убеждениях и вайшнавском образе жизни. Сочтя своим долгом помогать ему, доктор охотно представлял его друзьям и организовывал лекции.

Готовили и ели Абхай и доктор Шастри вместе, как члены одной семьи. Однажды Абхай поделился с ним своими планами создания «Лиги преданных» — организации, которая активно действует по всему миру, но при этом имеет штаб-квартиру в Джханси. Он заявил, что все жители города должны присоединиться к распространению миссии Господа Кришны. Господь Чайтанья говорил, что на индийцах лежит особая обязанность — распространять сознание Кришны по всей Индии и по всему миру.

Доктор Шастри: *Ему не давала покоя мысль о том, что весь мир страдает от материалистических взглядов — ешь, пей, веселись! Целыми днями он ходил и проповедовал, выполняя наказ Чайтаньи Махапрабху и своего Гуру Махараджи. Он обладал железной волей, непоколебимой решимостью и уверенностью в своем деле. Ни капли сомнения. Он был дридха-*

врата [непоколебимым]. Он всегда проповедовал: харер нама харер нама харер намаива кевалам/калау настй эва настй эва настй эва гатир аньатха — нет иного пути, кроме харе-кришна-намы. Он постоянно говорил со мной об этом и иногда мог говорить всю ночь напролет. Подчас мне это даже начинало надоедать, и я просил: «Пожалуйста, не мешайте, дайте поспать». А он — пожилой человек, труженик-миссионер — был совсем как юноша. Я тогда был совсем молодым, а он был мне как друг, как старший брат. Он был моим наставником, моим учителем, поскольку учитель — это и друг, и философ, и проводник.

Он всегда старался создать благотворную обстановку, руководствуясь «Шримад-Бхагаватам» и «Бхагавад-гитой». Вся его жизнь была воплощением принципов «Бхагавад-гиты». Его миссией была не только проповедь, но и практическая деятельность. Он и меня пытался занять в этой миссии, но я увиливал. Я не думал, что он совершит чудо ради духовного преобразования мира, хотя именно к этому он нас и побуждал.

Пока доктор Шастри занимался своими делами в клинике, Абхай беседовал с пациентами. Иногда он рекомендовал им какие-то лекарства, но чаще проповедовал. Теперь он был доволен. Здесь была настоящая жизнь: люди отзывались на его проповедь, которая побуждала их повторять «Харе Кришна». В нем неуклонно росла решимость день и ночь проповедовать, отринув все остальное и полностью положившись на Кришну, которому принадлежат результаты любой деятельности.

Он начал регулярно проводить лекции и киртаны на городских мероприятиях, зачастую по несколько раз в день. По воскресеньям он читал лекции в Садхана-мандире, на другой день — в Гита-мандире, потом — в Теософском обществе, а иногда — прямо в домах горожан.

Господин Рам Митра, поэт, владелец магазина, содержал храм Шивы неподалеку от дома, и Абхай начал регулярно давать там лекции и петь киртаны. Иногда Рам Митра проводил в Садхана-мандире обсуждения «Бхагавад-гиты» на хинди, и Абхай посещал и их тоже. А иногда он заходил к господину Митре в его посудную лавку, расположенную на людном городском базаре и выходящую на оживленную улицу. Как обычный покупатель, Абхай усаживался посреди составленных штабелями ведер из нержавеющей стали, тарелок, чашек и лот и пересказывал господину Митре и его друзьям «Чайтанья-чаритамриту». А иногда и ему приходилось выслушивать, как господин Митра рассказывает о своей новой опубликованной книге стихов и литературной славе.

Господин Митра видел, что Абхай задался целью ни больше ни меньше как наполнить сознанием Кришны целый город — Джханси. Абхай цитировал стих из «Чайтанья-чаритамриты»: «Тот, кому посчастливилось родиться в Индии, должен сделать свою жизнь совершенной, а затем нести благо другим, распространяя сознание Кришны».

— И вот, — обычно добавлял Абхай в конце, — весь мир ждет от нас, господин Митра, этой духовной революции.

Митра кивал, и его красивое лицо, напоминающее лицо Неру, расплывалось в улыбке. Но он видел, что Абхай ожидал от людей не просто внимания и согласия — он хотел, чтобы они что-то *делали*.

Однажды господин Митра подарил Абхаю свою книгу, особо указав на введение, написанное очень известным человеком, и несколько раз упомянул, что его стихи очень понравились великому *садху* Винобе Бхаве. Узнав, что Абхай регулярно пьет молоко, Митра начал ежедневно угощать его свежим молоком от своей черной коровы (а черные коровы, говорил он, дают особенно хорошее молоко). Однажды Абхай попросил господина Митру сопровождать его в шествии с *киртаном* по ближайшим деревням, но тому пришлось отказаться, поскольку ему не удалось найти никого, кто мог бы присмотреть за магазином в его отсутствие.

Был еще один молодой аюрведический врач, доктор Сиддхи, которого сразу же заинтересовали исполненные вдохновения планы Абхая по распространению сознания Кришны.

Доктор Сиддхи: Он приходил ко мне несколько раз. У меня на крыше была комната для киртана, и он проводил там свои киртаны. Там, а еще в Гита-мандире. Также мы каждый день ходили в Теософское общество. Там во время лекций и киртанов воцарялась очень духовная и умиротворяющая атмосфера, атмосфера благочестия. Обычно он играл на фисгармонии. Мы помогали ему встречать людей и проповедовать им. Обычно он проводил киртан, читал лекцию по «Бхагавад-гите» и рассказывал о жизни Кришны. Чайтанья Махапрабху был его Господом, и я тоже очень любил Его.

С Абхаем начал регулярно видеться Радхелал Маллик, староста Гита-мандира и Садхана-мандира.

Радхелал Маллик: Он оказал на меня огромное влияние. Обычно я общался с ним каждое утро по три-четыре часа. У него было много, очень много толстых книг. В те дни он больше всего был погружен в книги о Шри Чайтанье Махапрабху. В то время он еще и писал. Мы вместе с настоятелем Гита-мандира вызвались готовить для него.

* * *

Однажды утром, прогуливаясь с Радхелалом Малликом, Абхай обратил внимание на Бхарати-Бхаван, живописный храмовый комплекс, расположенный на берегу большого пруда под названием Антия. Этот район назывался Антия-Тал; он был тихим и малонаселенным, но неподалеку от него пролегла Сипри-Роуд, главная улица города, связывающая Сипри-базар с центром Джханси.

Абхай расспросил господина Маллика об этом храме, и, свернув с главной улицы, они спустились по тропинке к главным воротам комплекса.

Это был участок в несколько гектаров, утопавший в зелени рощ манго и нима. Главное здание — маленькое, как часовня, но основательное и прочное,

— называлось «Мемориал Радхи». Оно возвышалось на восьмиугольном каменном основании; восемь резных колонн из белого и красного мрамора поддерживали купол. Вход украшали два слона, несущие на воздетых хоботах богиню процветания, Лакшми. Здание украшали (и в то же время делали его массивнее) бетонные ленты и узоры из красных, зеленых и синих полос. Над входом были выгравированы слова на хинди «Радха-смарак», а над ними — перевод на английский: «Мемориал Радхи».

Увидев на стене каменного храма санскритскую надпись — Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе, — Абхай повернулся к Радхелалу Маллику и решительно произнес:

— Господь построил это здание для меня.

С этого момента Абхай преисполнился решимости получить это здание.

Радхелал Маллик рассказал, что этот храм был построен в 1939 году, в память о богатом землевладельце и вайшнаве Радхе Бхаи, но в настоящее время никак не используется. Несколько комнат занимал доктор Прабхакар Мишра, с которым Абхай уже не раз встречался; остальные комнаты пустовали. Абхай и господин Маллик разыскали Прабхакара Мишру в его квартире в главном здании, и доктор, увидев, каким энтузиазмом горит Абхай, пригласил его остаться и жить с ним. Доктор Мишра рассказал, что по воскресеньям дает здесь утреннюю лекцию по «Бхагавад-гите», а в остальное время помещения действительно не используются. Он предложил Абхаю заняться литературной работой и проповедью здесь, в этом храме.

Абхаю идея понравилась. Осматривая участок со все возрастающим интересом, он тут же начал придумывать, как можно использовать храмовые постройки. Во втором здании, более крупном, с каменными колоннами и фасадом, был большой зал и пять комнат. Абхай мысленно прикидывал: здесь будут проходить *киртаны* и лекции с большим количеством слушателей; в этой комнате будет установлено Божество Господа Чайтаньи Махапрабху; в тех комнатах разместятся *брахмачари* и *санньяси*; тут — гости; там — офис; здесь будет печатный станок. Нашелся даже участок, где можно было пасти корову. Одним словом, тут было всё что нужно. Сотни людей могли бы здесь петь *киртаны*, принимать *прасад* и обсуждать священные писания. Отсюда могли бы выходить на улицы проповедники, распространяющие журнал «Бэк ту Годхед». А кто-то мог бы даже выезжать за границу, неся с собой послание Господа Чайтаньи.

Обходя вместе с Абхаем территорию храма и видя, насколько идеально подходит это место для организации *ашрама*, друзья начали воодушевлять его, уверяя, что господин Рева Шанкар Бхаял, управляющий собственностью потомков Радхи Бхаи, не будет возражать, если Абхай здесь поселится. Абхай спросил, а почему бы владельцу просто не отдать ему здания — ведь сейчас они пустуют, а если это действительно мемориал Радхи, то его необходимо использовать в служении Кришне, возлюбленному Господину Шримати Радхарани.

Абхай был полон решимости, и друзья согласились ему помочь. Сначала они встретились с Рамом Митрой, заявившим, что господин Бхаял — его настолько близкий друг, что наверняка по первой же просьбе просто отдаст ему храм. Доктор Шастри тоже собрался идти к господину Бхаялу, чтобы объяснить, насколько хорошо будет для жителей Джханси, если это место достанется Абхаю.

На встрече Ревы Шанкара Бхаяла с Рамом Митрой присутствовали Абхай, доктор Шастри, Радхелал Маллик, Прабхакар Мишра и Сурьямукхи Шарма, молодая образованная жительница Джханси. Они представили ситуацию с нескольких точек зрения, и господин Бхаял выслушал их. Он согласился, что сейчас здания просто пропадают, а новое предложение ему понравилось. Бхаял согласился предоставить Абхаю помещение для Лиги преданных на неограниченный срок. Более того, по просьбе Абхая он сам согласился стать членом Лиги. От лица владельца господин Бхаял пожертвовал Бхарати-Бхаван Абхаю Чарану Де и Лиге преданных.

* * *

В декабре и январе Абхай работал над уставом Лиги преданных. По примеру духовного учителя он хотел начать широкую, интенсивную проповедь. Стоило ему попытаться изложить свои цели на бумаге, проект тут же стал разрастаться — за пределы Джханси, за пределы Индии! Конечно, Лига преданных предназначалась в первую очередь для молодых людей Джханси — ведь они уже проявили огромный интерес к его проповеди, — но устав, над которым трудился Абхай, включал в себя нечто гораздо большее, нежели просто вечерние лекции и *киртаны*. Это была подробная программа, в которую входило описание четырех сословий общества (*брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр*) и подробный план деятельности всемирного религиозного движения. Устав предусматривал испытательный срок для будущих членов, описывал духовное посвящение, определял экономические отношения между Лигой и каждым ее членом, устанавливал порядок обеспечения проповедников жильем. В нем приводился четкий перечень запрещенных действий: «незаконные связи с женщинами, прием одурманивающих веществ, употребление любой пищи помимо строго вегетарианской, азартные игры и бессмысленные спортивные и развлекательные мероприятия».

Чтобы зарегистрировать Лигу в Лакхнау, Абхаю был нужен «Меморандум Общества», подписанный его членами. В этом документе, в котором перечислялись основные цели организации, Абхай раскрыл свое видение того, как будет продолжаться миссия Бхактисиддханты Сарасвати. Подобно духовным братьям, которые после раскола Гаудия-матха создали свои *матхи*, Абхай основал новую ветвь Гаудия-сампрадаи, назвав ее «Лигой преданных». Его целью было не заполучить в собственность несколько зданий — он

создавал общество преданных Кришны, которое должно было перерасти во всемирное движение. Его планы не знали границ. Он думал об открытии «центров духовного развития по всему миру...» Абхай писал: «Господь Чайтанья... научил нас трансцендентному методу общения с АБСОЛЮТНОЙ ЛИЧНОСТЬЮ, БОГОМ, и в [Его] учении нет ничего абсурдного с точки зрения здравого смысла и ничего такого, что противоречило бы какой-либо из религий, признанной цивилизованным человечеством». Среди целей Лиги называлось открытие центров во всех частях света. Таким образом, она становилась «Международной организацией духовного развития через образование и культуру, путем привлечения представителей любых наций, вероисповеданий и каст». Лига должна была выпускать литературу на разных языках и каждый месяц печатать журнал «Бэк ту Годхед».

Собрав все необходимые подписи под «Меморандумом Общества», Абхай отправился поездом в Лакхнау, где 4 февраля заплатил взнос в пятьдесят рупий и заполнил заявление, после чего вернулся в Джханси.

* * *

Поселившись в одной из комнат «Мемориала Радхи», Абхай каждый день вставал в четыре часа утра и будил своего соседа, Прабхакара Мишру. С четырех до пяти он обычно писал, потом шел на прогулку по Антия-Талу, в пять тридцать совершал омовение, а затем повторял на четках «Харе Кришна» до семи часов, когда подходило время лекции по «Чайтанья-чаритамрите» или «Шримад-Бхагаватам» (хотя, как правило, единственным его слушателем был Прабхакар Мишра). В восемь он возвращался к своей литературной работе, печатая до начала одиннадцатого, а затем принимался за приготовление пищи. Днем он обычно шел в город, где встречался с людьми, проповедовал и искал новых кандидатов, готовых вступить в Лигу преданных. В конце дня он вновь садился писать и работал до семи часов, а потом готовился к лекции и *киртану*, которые должен был провести в одном из мест, куда его приглашали.

Хотя у Абхая не было денег на дальнейшее издание «Бэк ту Годхед», он стабильно продолжал писать очерки, не думая, будут они когда-нибудь опубликованы или нет. Им было закончено длинное, около двадцати четырех тысяч слов, эссе, озаглавленное «Послание Бога». Еще он написал серию статей, посвященных «Бхагавад-гите», в которых рассматривал в свете ее наставлений мировые проблемы, а также «Науку преданности» — краткое изложение «Бхакти-расамрита-синдху» Рупы Госвами.

* * *

16 мая 1953 года Абхай устроил торжественное открытие Лиги преданных, с длинными речами, *киртанами* и раздачей *прасада* с раннего утра и до

поздней ночи. Здания Лиги были украшены листьями, цветами и множеством глиняных сосудов с водой. Вечером, при наибольшем стечении народа, Абхай прочитал лекцию по девятой главе «Бхагавад-гиты» на тему «Раджа-гухья-йога». Прабхакар Мишра провел огненное жертвоприношение, несколько брахманов декламировали мантры из «Брахма-самхиты». Каждый гость получил шестнадцатистраничный проспект со статьей Абхая о причинах создания Лиги и выдержками из ее устава, объясняющими ее цель. Проспекты были подписаны: «ОМ...ТАТ...САТ, Абхай Чаранаравиндо Бхактиведанта, основатель и секретарь».

Открытие стало благоприятным и радостным событием в жизни Джханси, и вечером сотни горожан собрались на лекцию Абхая. Доктор Шарма, почетный член Лиги и редактор ежедневной местной газеты, уже успел разрекламировать событие и планировал на следующий день подробно его описать. Об открытии Лиги также сообщалось в газете «Гаудия патрика».

Присутствовал также издатель журнала местного «Теософского общества» Шри Лакшминараян Раджапали; несмотря на расхождение с Бхактиведантой Прабху в философских взглядах, он тем не менее очень симпатизирует этому движению. На собрании присутствовало множество достойных упоминания людей... Вскоре намечается торжественное открытие и церемония установления Божеств. Собрание поручило провести церемонию открытия почтенному Раджапати Шри К. М. Мунши... Здание, в котором размещается Лига, называется «Шри Бхарати-Бхаван». В нем есть зал для лекций и храм, похожий на дворец. Общество занимается в этом центре самой разнообразной деятельностью, а члены Общества, помимо прочего, могут жить в Бхарати-Бхаване.

Абхай был уверен, что теперь Бхарати-Бхаван станет домом Лиги преданных. Он с радостью видел, что открытие Лиги оказалось не его личным делом, а событием, которое отметили многие уважаемые жители Джханси.

* * *

А прошлое, казалось, чем дальше, тем больше удалялось от него. Но однажды, уже почти через полгода пребывания в Джханси, Абхай получил телеграмму, неприятно поразившую его напоминанием о прошлых связях. Его предприятие в Аллахабаде было разграблено. Его же собственные служащие забрали все деньги, лекарства и все, что нашли ценного. Ущерб составил семь тысяч рупий. Прочитав сообщение, Абхай рассмеялся и опять вспомнил стих из «Бхагаватам»:

*йасйахам анугрхнами
харишйе тад-дханам шанаих
тато 'дханам тйаджантй асйа*

сва-джана духкха-духкхитам

Прабхакар Мишра посоветовал Абхая поехать в Аллахабад и попытаться вернуть хоть что-то.

— Нет, — ответил Абхай, — это мне на пользу. Было столько беспокойств, но теперь с одной из самых сильных привязанностей покончено. Теперь я могу спокойно посвятить свою жизнь служению Шри Шри Радхе-Мадхаве.

Вскоре в Джханси приехал сын Абхая, Бриндабан. Он просил отца вернуться в Калькутту и возродить их старое предприятие, «Абхай Чаран Де и сыновья». Абхай привел сына в свою комнату в «Мемориале Радхи» и объяснил, что не может вернуться. Он попросил Бриндабана остаться с ним, чтобы помогать, печатая на машинке, но тот отказался и вернулся в Калькутту.

* * *

С самой первой встречи с Прабхакаром Абхай старался убедить этого образованного молодого человека полностью посвятить себя участию в работе Лиги преданных. Хотя у Прабхакара (который был преподавателем и начальником медицинской службы университета) было много обязанностей, он помогал Абхая по мере возможности и вскоре стал самым активным его ассистентом. Абхай назначил его секретарем Лиги, а через несколько месяцев дал ему посвящение. Так Абхай стал духовным учителем Прабхакара, а Прабхакар — его первым учеником. Будучи проповедником, Абхай был обязан принимать учеников, передавая им наставления *парампары* и *мантру* Харе Кришна в том же виде, в каком он сам получил их от духовного учителя. Прабхакар, правда, не был учеником, полностью посвятившим себя миссии гуру, и действовал скорее как помощник, нежели как ученик, оставаясь в большей или меньшей степени независимым. Ректор университета, санскритолог и врач, он продолжал заниматься и своими собственными делами.

Шрила Прабхупада: *Там, в Лиге преданных, я был один. Было несколько студентов, но они не проявляли особой активности. Все делал я сам. Я хотел привлечь Прабхакара Мишру и других, но им не очень-то нравилась перспектива отдать этому все свое время. Если бы его попросили полностью посвятить себя этой деятельности, он бы не согласился. Но он получил посвящение. Все они хорошо знали санскрит — на то они и врачи.*

Поэтому в сообщении газеты «Гаудия патрика», посвященном церемонии открытия Лиги, о Прабхакаре говорилось с почтением, как о партнере Абхая по Лиге преданных, хотя на самом деле он был учеником Шрилы Бхактиведанты.

Провести жертвоприношение Бхактиведанта Прабху поручил Ачарье Шримад Прабхакару Мишре Шастри, *кавья-, व्याкарана-, веданта-тиртхе* (т.е. специалисту в области поэзии, грамматики и философии), бакалавру

санскрита и магистру медицины. Он — ректор колледжа, где изучаются Веды и Веданги и присваиваются научные степени. Помимо этого, он является помощником управляющего Лиги преданных.

Учитывая место и обстоятельства, Абхай старался задействовать этого молодого человека в преданном служении. Цель Абхая состояла не в том, чтобы набрать учеников, а в том, чтобы создать Лигу преданных. А для этого нужны были помощники.

Прабхакар Мишра: При первой же нашей встрече Свамиджи сказал мне: «Ты брахман и прабхакар, а питаешься в ресторане! Пойдем ко мне — я сам буду тебе готовить». Так получилось, что мы готовил и прасад, предлагали Господу и принимали бхагават-прасад вместе. Так, по его милости, я получил возможность вкушать прасад. Еще он велел мне: «Стань кеша-хином (обрей голову)». И когда я пришел с обритой головой в наш колледж, все надо мной смеялись. Когда я объяснил ситуацию Свамиджи, он сказал: «Ты начальник медицинской службы, тебе можно отрастить волосы».

Когда я получил дикшу, Свамиджи дал мне имя Ачарья Прабхакар. Мое первоначальное имя было Прабхакар Мишра, но он сказал: «Не подписывайся больше „Мишра“. Ты — Ачарья Прабхакар». Он дал мне имя, четки из туласи, нанес мне на лоб тилак и надел на шею кантхи-малу. Он зарегистрировал Лигу преданных и назначил меня ее секретарем, чтобы проповедовать по всему миру. Мы разъезжали по деревням, проводя санкиртану и читая лекции по «Бхагавад-гите».

* * *

Абхай положил начало движению санкиртаны в Джханси. Первое время он ходил по району Найбхасты и пел «Харе Кришна» в сопровождении одного лишь Ачарьи Прабхакара. Постепенно его группа разрослась до пятидесяти человек, которые регулярно собирались, чтобы вместе ходить на *парикраму*, петь и посещать храмы. Обычно после этого они шли в «Мемориал Радхи» на вечернюю лекцию.

Когда Абхай ходил проповедовать в соседние деревни, он, как правило, брал с собой кого-нибудь из членов Лиги, кто на тот момент был свободен. Как-то раз в сопровождении Ачарьи Прабхакара он отправился на *падаятру* в Чиргоан, расположенный примерно в тридцати пяти километрах от Джханси. В Чиргоане жил известный в то время в народе поэт Майтхили Шаран Гупта, который пригласил Абхая и его ученика к себе на обед. Абхай сказал хозяину, что поскольку он хороший поэт, то должен писать стихи, прославляющие Кришну. Тот согласился. Завершив проповедь в Чиргоане, Абхай и Прабхакар двинулись обратно в Джханси, останавливаясь на один день в каждой из пяти деревень, расположенных по пути. По вечерам собирались местные жители, и Абхай проводил *киртан*. Он объяснял Прабхакару, что, хотя многие из этих

крестьян не были знатоками «Бхагавад-гиты» или «Бхагаватам», благодаря *киртану* все они могли получить высшее духовное благо. Крестьяне всегда радушно принимали Абхая и просили его приехать снова, но только заблаговременно предупредив их, чтобы они могли как следует подготовиться к встрече.

Проповедуя в Джханси и его окрестностях, Абхай в то же время старался придать деятельности своей Лиги преданных международные масштабы. Он обращался в государственные органы с просьбой помочь ему расширить эту «подлинную образовательную программу», а также старался привлечь к проповеди старых друзей. Он написал в Калькутту бывшему однокашнику, Рупену Митре, приглашая его принять участие в миссионерской деятельности всемирного масштаба.

Для этой миссии я хочу подготовить сорок учеников... и уже обращался к правительству с просьбой оказать мне содействие в этой практической образовательной программе. Мне хотелось бы, чтобы ты стал одним из этих учеников; Картиктаду тоже попроси присоединиться к нам. Из газет, которые я тебе высылаю, ты узнаешь, как мы живем и чем занимаемся, и тогда уже сам сообразишь, под силу ли тебе присоединиться к нам. Прежде всего, нам хотелось бы обучить нескольких пожилых, удалившихся от дел людей жизни *ванапрастхи*, и нескольких юношей — жизни *брахмачари*. Я не испытываю склонности к жизни *санньяси*, поскольку она слишком сложна для падших людей этого века. Так называемые *санньяси* в красных одеждах принесли дурную славу этому жизненному укладу. [Абхай также просит Рулена:] Пожалуйста, сообщи мне, во сколько обойдутся следующие объявления в калькуттских газетах на английском и на бенгальском языках.

ОБРАЗОВАНИЕ

Приглашаются представители любой национальности, желающие развить в себе качества истинных *брахманов* для проповеди по всему миру учения «Бхагавад-гиты» и его практического применения. Достойные кандидаты обеспечиваются бесплатным питанием и жильем.

Обращаться: А.Ч. Бхактиведанта, основатель и руководитель Лиги преданных, Бхарати-Бхаван, п/о Джханси (Уттар-Прадеш).

* * *

Абхай хотел иметь документ, подтверждающий, что Бхарати-Бхаван принадлежит Лиге преданных. До сих пор это подтверждалось только устным заверением, но, планируя основать в Джханси постоянную штаб-квартиру Лиги, он хотел получить и письменное соглашение. Когда он обратился к Рева

Шанкар Бхаялу за дарственной, господин Бхаял протянул ему бланк, прося заплатить пятьсот рупий за перерегистрацию зданий. Но совсем недавно Абхай потерял семь тысяч в Аллахабаде и израсходовал на проповедь еще три (большая часть из которых ушла на организацию торжеств по случаю открытия Лиги), и поэтому собрать даже пятьсот рупий для него пока не представлялось возможным. Ачарья Прабхакар, несмотря на занимаемую должность в университете, денег не имел совсем — родители давали ему по три рупии в день. Не слишком богаты были и большинство гостей Абхая, особенно студенты. Но просьба господина Бхаяла о пяти сотнях рупий не казалась срочной. К тому же он не сообщил, что случится, если Абхай откажется. Однако вскоре он заговорил по-другому: теперь Абхай Чаран Де должен был купить Бхарати-Бхаван за пять тысяч рупий.

Это привело Абхая в замешательство. Великодушный дар вдруг превратился в коммерческую сделку. Люди в городе уже называли этот земельный участок «ашрамом Абхая Бхактиведанты», а на его фасаде крупными буквами было написано «Лига преданных». Под давлением друзей Абхая господин Бхаял согласился позволить ему и дальше жить здесь, но в конце концов Абхай обязан был купить участок. Господин Бхаял обещал сделать для Лиги преданных скидку и установить разумную цену.

Абхай забеспокоился, не представляя, что еще предпримет владелец участка. Лучше всего для его Лиги было бы выкупить эту землю. Но ему не под силу было собрать даже пятьсот рупий, что уж говорить о пяти тысячах — это казалось невозможным. Абхай не находил особой финансовой поддержки у своих прихожан: в Лиге не было ни одного человека, который полностью посвятил бы себя его делу.

Он знал только один способ достать деньги: фармацевтический бизнес. Оставалось еще небольшое дело, которое вел в Калькутте его сын. Когда-то Абхай зарабатывал по три тысячи рупий в месяц. Он подумывал о том, чтобы обратиться за помощью к духовным братьям, но перспектива заработать деньги самому привлекала его гораздо больше. Тридцать лет он зарабатывал деньги на фармацевтике, а сейчас мог делать то же самое ради куда более достойной цели!

* * *

Когда весной 1954 года Абхай приехал в Калькутту, денег у него не было совсем. Он решил остановиться у духовных братьев в Гаудия-сангхе, в Четле, — в том же районе, где жила его семья. Поскольку денег у него не было, его расходы взял на себя глава ашрама. Абхай ежедневно проводил беседы по «Шримад-Бхагаватам», которые очень нравились брахмачари из Гаудия-сангхи.

Кришна-Кумара Брахмачари: *Даже когда он уехал, я продолжал слышать его приятный, мелодичный голос. Он часто говорил о своем желании*

проповедовать за границей.

Один из сыновей Абхая держал небольшое предприятие «Лаборатория Вималтон», тем самым поддерживая семью. Абхай знал, что жена отнесется равнодушно к его деятельности в Джханси; а сын, даже побывав там, оказался не особо впечатлен увиденным. По мнению родных, его проповедь в Джханси была угрозой их семейной жизни. Но сам Абхай жил своей мечтой, постепенно приобретающей все более четкие очертания, — он хотел изменить мир с помощью сознания Кришны. Он даже подумывал о том, чтобы открыть филиал Лиги преданных в Калькутте.

Но снова и снова ему приходилось погружаться в семейные обязанности: некоторые из детей еще не вступили в брак, а квартирные и другие счета требовали оплаты. Даже если бы он взял на себя руководство «Лабораторией Вималтон» — все равно весь доход будет забирать семья. И даже если он переедет домой и прекратит проповедь, согласившись с их требованиями, останется еще одна, главная проблема — их несерьезное отношение к преданному служению. Изменить семью он не мог. Какой смысл погружаться в бизнес, если родные не станут преданными?

Он приезжал домой, и вновь, раз за разом повторялась одна и та же сцена. Приходили друзья, Абхай проповедовал, давая лекции по «Бхагавад-гите», совсем как в Джханси, а в это время жена и другие члены семьи, как обычно, пили чай в другой комнате.

Шрила Прабхупада: Я хотел, насколько возможно, привлечь ее к совместной работе по распространению сознания Кришны, чтобы она помогала мне. Но она оказалась очень упряма и совершенно не помогала мне в проповеди. В конце концов, уже через много лет, я понял — она никогда не станет моим помощником.

Она очень любила пить чай. Я часто просил ее не делать этого, потому что мне хотелось иметь настоящую вайшнавскую семью. Я много раз говорил ей об этом, и однажды я не выдержал и сказал: «Выбирай — или я, или чай. Нет чая или нет меня». Таким образом, я осуждал даже членов своей семьи. Но они не принимали всерьез моих указаний, считая меня просто отцом и мужем. И она ответила: «Чай или ты? Естественно, я откажусь от тебя». Она думала, что я шучу.

Однажды Радхарани совершила непоправимую ошибку. В Индии существовала система обмена товаров; смысл ее был в том, что покупатель клал на весы предмет, представлявший какую-то ценность для продавца, а продавец уравнивал его товаром. И однажды, когда Абхая не было дома, жена отнесла его любимый «Бхагаватам», его святыню, на рынок, чтобы обменять на печенье к чаю. Когда Абхай вернулся и начал искать свою книгу, жена все ему рассказала. Сама она отнеслась к случившемуся не очень серьезно — у нее просто кончилось печенье к чаю, вот и все, — но Абхай был потрясен. На какое-то время он впал в уныние, но на смену унынию поднялась волна твердой решимости: всё, с семейной жизнью покончено.

Когда он объявил домочадцам о своем намерении уйти, никто не понял, что он имеет в виду. Тридцать лет он постоянно куда-то уезжал и приезжал. И когда он закрыл за собою дверь, они подумали: «Ну вот, опять отправляется куда-то. Опять уезжает». Это было обычным делом. Все видели, даже соседи — господин Де опять уезжает. Он был дома, а теперь уезжает. Но Абхай знал, что больше никогда не вернется.

Шрила Прабхупада: *Я хотел, прежде чем оставить семью, женить сыновей и выдать замуж дочерей, но некоторые из них были не согласны. А потом... а потом времени уже не было. Какая разница, вступили они в брак или нет. Пусть сами заботятся о своих делах. Что если бы я умер — кто бы тогда позаботился о моей дочери? В такие моменты обычно говорят: «Господь позаботится». Тогда почему не сейчас? Господь позаботится. Мой Гуру Махараджа называл отказ от семейной жизни «гражданским самоубийством». Самоубийство — преступление. Но это [отказ от семейной жизни] подобно добровольному уходу из жизни — «Теперь я мертв. Делайте, что хотите».*

Кришна говорит: сарва-дхарман паритйаджйа — оставь все религии. А семья — это греха-дхарма, религия семьи. Но Кришна говорит: оставь это. В нашем сердце живет привязанность к семье. Когда мы говорим, что от привязанностей нужно освободиться постепенно, это означает, что мы просто не способны сделать этого сразу. Но если Бог может позаботиться о моих родных в случае моей внезапной смерти, почему Он не позаботится о них сейчас?

Он переживал столь бурные духовные эмоции, что даже не вспомнил о Джханси. Он хотел сесть на поезд и уехать... куда-нибудь. Он вспомнил старых друзей — своих духовных братьев, которые жили в ашраме в Джхарграме, это совсем недалеко на поезде, к югу от Калькутты. Он занял у друга десять рупий и купил билет до Джхарграма.

Это был небольшой матх. Там Абхая встретили Парамахамса Махараджа, Дамодара Махараджа и еще несколько человек. Парамахамса Махараджа присутствовал при первой встрече Абхая с Бхактисиддхантой Сарасвати и помнил, как выглядел тогда Абхай — в белом кхади, похожий на «анархиста», последователя Ганди. Абхай сказал им: «Я не смог удовлетворить запросы семьи. Позвольте мне проповедовать послание Господа Чайтаньи». Абхай рассказал, как потерпел неудачу в бизнесе, как добровольно покинул семью и теперь остался без средств к существованию.

Парамахамса Махараджа: *Когда Абхай приехал, он выглядел очень бедным и голодным. У него совсем не было денег. Он пришел в матх один и только повторял «Харе Кришна» — и больше ничего.*

Абхай проводил время в Джхарграме, повторяя святое имя и понемногу привыкая к своему новому положению. Несколько дней он повторял *джапу* почти без перерыва. Вечерами Парамахамса Махараджа читал лекции, после чего Абхай рассказывал о «Бхагавад-гите». Но время шло, и его мысли возвращались в Джханси, и вскоре он вновь почувствовал готовность

вернуться к Лиге преданных. Он должен был сохранить здания и продолжать проповедь.

Перед тем как вернуться в Джханси, Абхай приобрел большое Божество Господа Чайтаньи, которое планировал установить в Бхарати-Бхаване. Так уж случилось — он поехал в Калькутту, чтобы заняться бизнесом и подзаработать, но теперь остался без денег, бизнеса и семейных обязанностей. Он был женат уже тридцать шесть лет, и теперь, когда ему исполнилось пятьдесят восемь, он принял образ жизни *ванапрастхи*. Теперь он мог полностью посвятить свою жизнь проповеди сознания Кришны.

* * *

Абхай не проходил через принятый в Гаудия-матхе обряд посвящения в *ванапрастху*, во время которого человеку присваивался титул *враджаваси*. Но жители Джханси и без того знали его как одинокого проповедника, у которого нет семьи, — с тех самых пор, как он впервые появился здесь, полтора года назад. Теперь он вернулся к ним с Божеством Господа Чайтаньи, твердо настроенный основать в Джханси храм в Его честь. Абхая ждал очень теплый прием со стороны Ачарьи Прабхакара и других здешних друзей... Но, кроме того, его ожидало соперничество за «Мемориал Радхи».

Все началось с конференции по санскриту «Бандельканд санскрит саммелан», на которую в Джханси приехал губернатор провинции, К. М. Мунши, и его жена, Лилавати. Лилавати Мунши активно участвовала в общественной жизни и организовала несколько отделений Махила-самити-сангхи, общества, целью которого было социальное возвышение женщин посредством обучения их секретарскому делу и английскому языку. Две образованные женщины из Джханси, Чандрамукхи и Сурьямукхи, хотели, чтобы эта программа заработала и в Джханси, и, воспользовавшись удобным случаем, обратились к Лилавати Мунши. Она поддержала их, и женщины начали обсуждать, где в Джханси можно было бы открыть женский общественный центр. Одна из них предложила Бхарати-Бхаван. Хотя Сурьямукхи Шарма была сторонницей Абхая и в свое время стала одной из тех, кто обратился от его имени к господину Бхаялу с просьбой отдать Бхарати-Бхаван в дар Лиге преданных, она считала, что проблемы женщин гораздо важнее, и к тому же знала, что права Абхая на здания не были официально оформлены. Женщины единодушно решили, что эти здания будут превосходным помещением для Махила-самити-сангхи и что это дело гораздо важнее, чем миссия господина Абхая Чарана.

Сурьямукхи, воодушевленная поддержкой жены губернатора, обратилась к А.Ч. Бхактиведанте. Она объяснила, что его мечты о всемирной лиге вайшнавов никогда не станут реальностью. Он, конечно, славный человек, и все ее симпатии — на его стороне, но вряд ли когда-нибудь ему удастся воплотить в жизнь столь фантастические планы. Она предложила ему

освободить Бхарати-Бхаван, чтобы жена губернатора могла организовать там женский общественный центр. «Вы можете свободно путешествовать и искать место для храма, — сказала она ему, — а у бедных женщин Джханси нет ничего, и эти здания следует передать им». Но Абхай оказался непреклонен. «Нет, — сказал он, — ищите себе другое здание». Абхай обосновал свой отказ тем, что старается не ради блага какой-то одной группы людей, а ради всех живых существ. Разочарованная, Сурьямулхи ушла. Абхая удивило, что один из членов Лиги преданных теперь выступил против него, да еще и при поддержке жены губернатора!

У Лилавати Мунши были более серьезные связи, и ей не нужно было даже самой встречаться с Абхаем и уведомлять его о своих шагах. Она побеседовала с Бхаялом, и тот заверил ее, что окажет давление на Абхая Чарана и убедит его отказаться от притязаний на Бхарати-Бхаван. Бхаял владел кинотеатром в Джханси, и госпожа Мунши вскользь упомянула о том, что, если Абхай Чаран не освободит «Мемориал Радхи», у господина Бхаяла могут возникнуть большие трудности с лицензией на прокат фильмов.

В декабре 1954 года госпожа Мунши написала Абхаю письмо, где напомнила о его неудачной попытке собрать пять тысяч рупий. «Дорогой Бхактиведантаджи, — писала она, — Вы хотели организовать здесь свое общество, но у Вас ничего не получилось. Мне же, в отличие от Вас, удалось организовать Махила-самити. Почему бы Вам не отдать эти здания мне?» Абхай не хотел сдаваться.

У него были друзья-юристы, которые уверяли, что у него, несмотря на сопротивление семьи самого губернатора, есть хорошие шансы выиграть в суде: традиционное уважительное отношение индусов к зданиям религиозного назначения было в его пользу.

Абхай написал госпоже Мунши ответ, представившись основателем Лиги преданных. Он рассказал о целях организации, приложив к письму экземпляр проспекта о Лиге и приведя множество высказываний видных людей, прославляющих ее удивительную деятельность: доктора Раджендры Прасада, Шри Ситарамы, Раджи Махендры Пратапа и даже ее мужа, Шри К.М. Мунши. Он также упомянул, что недавно президент Лиги получил в Матхуре пожертвование в сотню рупий от Его Превосходительства губернатора — самого господина Мунши. Абхай объяснил, что он спокойно (хотя и медленно) занимался своей деятельностью в Джханси, а теперь его ум очень обеспокоен этими переговорами, затеянными госпожой Мунши. Он попросил ее ни на кого не давить с целью вынудить его покинуть Бхарати-Бхаван, хотя и признал, что «если Вы или кто-либо из Ваших представителей попытаетесь... оказать более серьезное давление, то я, конечно, не смогу противостоять этому, ведь я никто по сравнению с Вами».

Абхай надеялся, что, если он расскажет во всех подробностях о деятельности Лиги, госпожа Мунши поймет, что его дело важнее, чем Махила-самити. Он процитировал три первых стиха из четвертой главы «Бхагавад-гиты», в которых Господь Кришна рассказывает о том, как древняя наука

бхакти-йоги передавалась через *парампару* (цепь ученической преемственности). Там же говорится об ответственности, которая лежит на царях, — ответственности за то, чтобы сознание Кришны распространялось как можно шире, на благо всех и каждого. Абхай объяснил, что поскольку, согласно «Бхагавад-гите», лишь немногие из сотен и тысяч людей стремятся к самоосознанию, а Лига преданных помогает своим членам достичь этой цели, то он выполняет уникальное и важное служение. Он предложил госпоже Мунши встретиться с ним и пятнадцатью *санньяси*, живущими в окрестностях Джханси, и попытаться наладить с ними сотрудничество, поняв важность деятельности Лиги. Лига преданных несет благо людям всех классов. Шри Кришна сказал в «Бхагавад-гите»: «Даже низкородившийся может обрести прибежище у Верховного Господа». А Махила-самити, отметил Абхай, берет за основу телесные представления о личности — касту, вероисповедание, цвет кожи, пол, — и поэтому не может сравниться по важности с Лигой преданных. В конце письма Абхай попросил госпожу Мунши не пытаться занять «Мемориал Радхи», который уже используется для благородной и высокой цели. Свое письмо он подписал: «А.Ч. Бхактиведанта, основатель и секретарь Лиги преданных».

Сознавая, что вовлечен в какую-то интригу, Абхай собрался с мыслями и набросал на бумаге «Краткую историю», обрисовав основные события, связанные с его пребыванием в Бхарати-Бхаване.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

1. Я приехал в Джханси в октябре 1952 года.
2. Я дал несколько лекций в Гита-мандире по случаю Ганди-джаянти 1952 года.
3. Познакомился с Прабхакаром Шастри.
4. Моя идея создания Лиги преданных воплотилась в жизнь.
5. Он отвел меня к Рева Шанкару для переговоров по поводу Бхарати-Бхавана.
6. Шри Рева Шанкар, в присутствии Прабхакара и Митраджи, согласился передать Бхарати-Бхаван Лиге преданных, а сам стал ее членом.
7. Я написал несколько писем из Аллахабада, чтобы удостовериться в этом.
8. Мое письмо от 10.12.52 подтверждено.
9. Прабхакар упомянул о желании Рева Шанкара 01.01.53.
10. Я подготовил необходимый для Лиги преданных документ и приехал в Джханси, чтобы собрать подписи ее членов. Рева Шанкар подписал его и согласился стать ответственным членом Лиги.
11. Документ был отдан на регистрацию в Лакхнау 04.02.53... Вернулся 10.10.53.
12. 16.05.53. Торжественное открытие Лиги преданных. Работа началась. С тех пор я занимаю здания и продолжаю заниматься своим делом.

Абхай продолжал восстанавливать события, перечислив более тридцати пунктов, включая новости, объявления в газетах и поздравления, которые он получил. Он описал историю того, как «приехал сюда, пожертвовав бизнесом и семьей»: «Я получил телеграмму из Аллахабада, в которой сообщалось о краже со взломом. Из-за моей работы здесь я не мог заниматься делами, в результате чего мое предприятие было закрыто и я потерпел убытки в семь тысяч рупий».

Абхай думал обратиться за помощью к некоторым из своих духовных братьев, *санньяси*. Если бы он или они смогли выкупить эти здания, тогда бы конкуренты замолчали. Он думал, что покупка новых зданий заинтересует его духовных братьев, которые смогут использовать их для своих миссий.

Вриндаван был совсем близко — четыре часа на поезде до Матхуры, а потом немного на *танге* — рукой подать. В октябре 1953 года Абхай совершил паломничество во Вриндаван и даже подыскал себе комнату в храме рядом с Кеши-гхатом, в которой планировал поселиться в будущем. После переезда в Джханси Абхай посещал Вриндаван несколько раз. На этот раз он отправился в храм у Имлиталы, чтобы встретиться со своим духовным братом Бхактисарангой Госвами и предложить ему купить Бхарати-Бхаван для проповеди сознания Кришны, как завещал Шрила Бхактисиддханта Сарасвати. Но Бхактисарангу Госвами это не заинтересовало. После встречи еще с одним духовным братом, Дамодарой Махараджей (который, однако, также не проявил интереса к Джханси), Абхай на *танге* вернулся обратно в Матхуру. Там он встретился с Кешавой Махараджей, который приехал в Матхуру с группой учеников, чтобы открыть там центр, но пока не нашел подходящего места. Когда Абхай рассказал ему о зданиях в Джханси, Махараджу это заинтересовало. Они с Абхаем совместно написали письмо господину Бхаялу, где изложили Цели своего движения и свою просьбу, после чего Абхай, Кешава Махараджа и его ученики вместе отправились в Джханси.

Кешава Махараджа и его группа остановились в Джханси на несколько дней, во время которых они проводили *киртаны* и лекции. Они заранее договорились о встрече с Рева Шанкаром Бхая-лом, но господин Бхаял не пришел, поэтому встречу пришлось перенести на другой день. А тем временем у Кешавы Махараджи уже начало складываться мнение о Джханси, и он обсудил с Абхаем перспективы создания в Джханси главного центра миссии. Он заметил, что, хотя здешнее население настроено доброжелательно, место, где находится город, слишком отдалено. Одним словом, еще до встречи с господином Бхаялом Кешава Махараджа начал сомневаться, стоит ли размещать свою штаб-квартиру в Джханси. Абхай согласился с его доводами — он помнил, что Шрила Бхактисиддханта Сарасвати приказывал проповедникам идти в большие города и не заниматься *бхаджаной* в уединении, и признал, что за два года проповеди в Джханси не приобрел ни одного последователя, который полностью посвятил бы себя делу Лиги.

Когда наконец они встретились с господином Бхаялом, тот так и не смог сообщить ничего конкретного о сроках покупки зданий. Он сказал, что они могут приобрести их, но при одном условии: он получит право влиять на характер программ, которые там будут проводиться. Это еще раз подтвердило, что тут дело нечисто, и Абхай заподозрил, что господин Бхаял находится под возрастающим давлением: он должен отдать эти здания Махила-самити. Кешава Махараджа, потеряв всякий интерес, решил вернуться в Матхуру и предложил Абхаю присоединиться к ним.

Но Абхай остался. Господин Бхаял хотел отделаться от него и даже вернул его задаток в двести десять рупий, сказав, что теперь у Абхая нет никаких оснований оставаться в Бхарати-Бхаване. Абхай записал в своей «Краткой истории»:

29. Он также вручил мне чек на двести десять рупий, которые я заплатил в качестве залога, но денег у него в банке не было, и банк вернул чек с пометкой.

30. Полученные деньги... г-н Бхаял незаконно присвоил и использовал для личных целей, а теперь он, договорившись с банком, выдал недействительный чек.

31. Я воспринимаю это как полное надувательство от начала до конца.

32. Я не освобожу помещение, пока мне не вернут все деньги.

Но Абхай понимал, что все происходящее — проявление непостижимой воли Кришны. И события, и мнения — все складывалось против его миссии в Джханси. Возможность проповедовать там уже не казалась такой благоприятной, как раньше.

Шрила Прабхупада: *Я хотел начать оттуда. Это было хорошее место, большой дом. Оно не принадлежало мне, но я его занимал. Так или иначе, этой женщине дом тоже приглянулся. Она была женой губернатора и могла осуществлять давление через налоговых и правительственных чиновников. Конечно, у меня было много друзей-юристов, и они советовали мне не сдаваться. Но я подумал: «Кто будет с ней тягаться?» Я подумал: «Я ушел из дома. Зачем же сейчас ввязываться в тяжбу? Нет, мне не нужно это здание».*

Абхай помнил, как проповедники Гаудия-матха годами судились друг с другом, попусту растрачивая силы. Он разорвал путы долгой семейной жизни и бизнеса, и его не тянуло к судебным баталиям. Он мог бы затеять борьбу, но помнил, как Кешава Махараджа назвал Джханси глубинкой. Конечно, начало было хорошее, иначе Абхай ни за что бы не выбрал для создания всемирной Лиги такое, прямо сказать, захолустье. Образованные юноши и девушки желали ему успеха, равно как и женской лиге, Теософскому обществу, Арья-самадже и многим другим движениям. Но их добрым намерениям, очевидно, недоставало чистой преданности: даже его единственный ученик мог помогать ему только время от времени. Впрочем, все эти сомнения не имели бы над ним власти, если бы не жестокая реальность: его выселяли.

Шрила Прабхупада: Если бы я не захотел уезжать, никто бы меня не выгнал. Это факт. Но я подумал: «А стоит ли связываться?» Как-никак, она жена губернатора и способна оказать давление через налоговую службу. Управляющий этого дома имел собственный кинотеатр, и ему нужно было продлить лицензию. И в конце концов налоговый инспектор принудил его отобрать здание, иначе они бы ее ни за что не продлили. Я подумал, что незачем этому человеку страдать из-за меня. Мне придется заплатить немалую сумму, а она — все равно жена губернатора.

Он решил уехать. Он наказал друзьям поддержать Лигу преданных в его отсутствие. Им было грустно оттого, что он уезжает, хотя некоторые из них открыто превозносили работу женского общества и были ей рады. И хотя они видели, что Абхай не в состоянии выкупить эти здания сам, они не могли оказать ему финансовую помощь.

Его близкие друзья страдали больше, но Абхай заверил, что их отношения не прекратятся. Он обещал писать им письма — Ачарье Прабхакару (особенно ему), Радхелалу Маллику, господину Митре, доктору Шастри — и дал им наставления относительно того, что делать дальше. Абхай заверил Ачарью Прабхакара, что будет поддерживать с ним связь, надеясь, что тот продолжит действовать в качестве секретаря Лиги преданных, даже если она будет не в Джханси. И все-таки было ясно, что на этом очередная глава в его великих планах по созданию всемирного движения, члены которого занимались бы проповедью от дома к дому и от деревни к деревне, проводили бы санкиртану, читали лекции по «Бхагавад-гите», раздавали *прасад*, — окончена. Было маловероятно, что Абхай вернется сюда и жители Джханси увидят его снова.

Покидая Бхарати-Бхаван, на стене которого двухметровыми буквами было написано «Лига преданных», Абхай был печален. В этом городе успех пришел к нему быстро и как будто сам собой. Образованная молодежь Джханси с самого начала отнеслась к нему с уважением, и, если бы не интриги, он никогда бы не уехал отсюда. Но Абхай видел, что выбора не было. Он приехал сюда по делам, как семейный человек, а уезжал как бездомный *ванапрастха*, вынужденный полностью положиться на волю Кришны. Он не знал, что будет дальше, но у него было сильное желание проповедовать и крепкое здоровье. Поэтому он отправился в Матхуру, увозя с собой Божество Господа Чайтаньи.

8 Нью-Дели — «Глас вопиющего в пустыне»

Я нашел путеводную нить, которая приведет меня «обратно к Богу» после того, как я покину свое нынешнее материальное тело. И чтобы забрать с собой своих современников, мужчин и женщин этого мира, я начал выпускать журнал «Бэк ту Годхед», как одно из средств достижения этой цели. Пожалуйста, не думайте обо мне как... о чуде или сумасшедшем, когда я говорю, что, оставив свое нынешнее материальное тело, вернусь «обратно к Богу»! Это вполне возможно для каждого и для всех нас.

— Из письма доктору Раджендре Прасаду,
президенту Индии

КОГДА АБХАЙ приехал в Матхуру, он разыскал Кешаву Махараджу, который только что открыл там свой *матх*, и подарил ему Божество Господа Чайтаньи. По просьбе Кешавы Махараджи Абхай согласился пожить в Матхуре и заняться редактированием газеты «Гаудия патрика». Ему предоставили комнату. Так впервые (если не считать кратковременных визитов) он стал жителем *матха*, наряду со своими духовными братьями. Как опытный преданный, Абхай читал лекции и обучал *брахмачари* — молодых, необразованных и порой даже неграмотных — науке преданного служения и философии «Бхагавад-гиты».

Вскоре после этого другой *санньяси*, духовный брат Абхая, Бхактисаранга Госвами, попросил Бхактиведанту Прабху помочь ему в его *ашраме* Гаудия-сангхи, в Нью-Дели. Бхактисаранга Госвами (как, собственно, и Кешава Махараджа) считал Абхая превосходным писателем и редактором и хотел с ним сотрудничать. Среди учеников Шрилы Бхактисиддханты бытовало мнение, что А.Ч. Бхактиведанта Прабху замечательно проповедует и пишет — как на английском, так и на хинди и на бенгали. Кешава Махараджа хотел, чтобы Абхай остался у него и работал над «Гаудия патрикой», а Бхактисаранга Махараджа, который собирался ехать в Бенгалию, просил его отправиться в Дели и выпускать журнал «Хармонист» (на хинди называвшийся «Саджанатошани»). Абхай решил принять предложение Бхактисаранги Госвами, и Кешава Махараджа дал свое согласие, но при условии, что Абхай не бросит редактировать «Гаудия патрику», хотя бы по почте.

Работа редактора была для Абхая родной стихией — ему нравилось проповедовать вместе с духовными братьями. Выдающимся ученым или писателем Абхай себя не считал, но помнил, что Шрила Бхактисиддхант был доволен его литературными опытами и поощрял его не бросать это дело. А теперь и старшие духовные братья, *санньяси*, ученики Бхактисиддханты Сарасвати, обращались к нему за помощью. Они буквально соревновались за возможность воспользоваться его услугами. Абхай думал: может быть, это и

должно быть делом всей его жизни — скромно служить под началом духовных братьев?

Его «бегство» из Джханси было в каком-то смысле шагом назад; по крайней мере, первое время он не мог понять, чего же Кришна от него хочет. Но сейчас его духовные братья, похоже, ответили на этот вопрос. Жить и работать в *ашраме* с *брахмачари* и *санньяси* когда-то казалось Абхаю слишком трудным. О том же говорил и Бхактисиддханта Сарасвати: «Пусть он живет отдельно от вас». Но сейчас ему не оставалось ничего другого — либо бороться, в одиночку и без гроша в кармане, либо найти себе пристанище в одном из отделений Гаудия-матха. Возможно, в *ашрамах* своих духовных братьев он наконец сможет осуществить свое заветное желание — проповедовать сознание Кришны.

Поскольку ему предполагалось стать редактором «Саджана-тошани», он начал думать о том, как улучшить журнал. Это серьезное издание, рассчитанное на эрудитов, имело очень непрезентабельный вид и небольшой тираж. В мечтах Абхая «Саджана-тошани» не уступал по качеству индийскому «Иллюстрэйтед уикли» и должен был превзойти в популярности американские «Тайм» или «Лайф». А почему нет? Кришна не беден. Абхай подумывал о том, чтобы начать широкую подписную кампанию в рядах известных и состоятельных людей Нью-Дели. Тогда, по милости Кришны, вскоре он сможет печатать «Саджана-тошани» на хорошей бумаге и с цветными фотографиями. Полагаясь на Кришну, он приложит к этому все усилия. Проводя подписку, он мог бы брать с собой и свои рукописи, и, кто знает, может быть, удалось бы опубликовать и их. Хотел ведь доктор Аллагаппа из Южной Индии напечатать его «Гитопанишад»! Вне всякого сомнения, он не один такой. А может быть, и сам Бхактисаранга Госвами захочет издать труды Абхая за счет Гаудия-сангхи.

Вскоре Абхай получил письмо от секретаря Бхактисаранги Госвами, который подробно объяснил ему, как с минимальными затратами добраться до Дели: третьим классом по железной дороге, а дальше на *танге*. Поскольку стоимость проезда на *тангах*, стоящих у вокзальных ворот, очень высока, Абхаю лучше сначала пройти метров сто вправо от вокзала — там можно найти *тангу* подешевле. Если Абхай будет единственным пассажиром, то проезд должен стоить не больше одной рупии и двенадцати анн, но если постараться найти себе попутчика — выйдет дешевле. «Проезжая мимо крематория, который будет слева, — объяснял секретарь, — посмотрите направо; там вы увидите наш красный флаг и вывеску, на хинди и на английском. Когда доедете, мы заплатим за *тангу*».

Прибыв на место, Абхай обнаружил, что дела в Гаудия-сангхе идут не лучшим образом. Когда *гуру*, Бхактисаранга Госвами, где-то отсутствовал, *брахмачари* ссорились и постоянно увиливали от выполнения своих обязанностей, и в результате этого страдали и проповедь, и сбор пожертвований. Здесь все оставляло желать лучшего: и стандарты чистоты, и поклонение Божествам, и приготовление *прасада*, и даже отношения между

преданными. К тому же Гаудия-сангхе не хватало денег (как, впрочем, и большинству *матхов*, открытых духовными братьями Абхая). Абхай приехал редактировать журнал, а вместо этого столкнулся с кучкой враждующих молодых *брахмачари*. Оказалось, что *брахмачари*, ответственный за чтение публичных лекций, совсем забросил проповедь, преданные, которые раньше проводили *киртаны* в домах горожан, давно уже не относятся к своему служению серьезно, а рассыльный отказывается исполнять поручения на том основании, что потерял велосипед. И тут один *брахмачари* вручил Абхаю письмо от Бхактисаранги Госвами, который просил его взять управление делами Матха на себя.

Вдохнови всех заниматься служением; иначе я не представляю, как мы будем печатать наш ежемесячный журнал на английском... Поскольку нам не хватает денег, а у *брахмачари* ветер в голове, Акинчана Махараджа пишет, что не может принять на себя ответственность за управление. Было бы очень хорошо, если бы ты взялся присматривать за матховскими делами.

Помимо этого, Абхая ждали и другие трудности с изданием журнала; во-первых, плохие отношения с типографией, а во-вторых, отсутствие пишущей машинки.

Через несколько дней Абхай получил еще одно письмо от Бхактисаранги Госвами, в котором тот указывал, какие статьи печатать, и предупреждал, чтобы Абхай не вносил в журнал никаких существенных изменений, напомнив ему о его главной обязанности:

Я попросил Акинчану Махараджу передать тебе ключи от моей комнаты, чтобы ты мог ею пользоваться, но только в служебных целях. Поскольку ты там, старайся поддерживать в *ашраме* атмосферу согласия и всем давай необходимые наставления.

Абхай понимал, что, пока он не положит конец расхлябанности и мелким дразгам, царившим в *ашраме*, никакой редакторской работой он заниматься не сможет. Но когда он, следуя указаниям Бхактисаранги Госвами, принялся наводить в *матхе* порядок, некоторые *брахмачари* взбунтовались и даже написали своему духовному учителю жалобу.

Несмотря на все эти проблемы, августовский номер 1955 года был готов к сроку. Но вследствие задержки в типографии журнал вышел только в сентябре. Когда же первые экземпляры наконец были получены, Абхай послал несколько экземпляров в Калькутту Бхактисаранге Госвами и попросил его прислать отзыв.

Дальнейшие инструкции Абхай получал не от Бхактисаранги Госвами, а от его секретаря, Рамананды. Рамананда, указав на некоторые погрешности, даже не упомянул о том, остался ли доволен Бхактисаранга. Ошибки в большинстве

своим были техническими и относились к внешнему виду: Абхай немного иначе оформил оглавление и напечатал имя Бхактисаранги Госвами во всех его статьях не совсем так, как хотел Махараджа. В ответ на просьбу Абхая прислать ему пишущую машинку Рамананда написал, что если «рукописи разборчивы, то нет необходимости отдавать их в типографию в перепечатанном виде».

Абхай обратился к Бхактисаранге Госвами с просьбой вернуться в Дели, чтобы установить в *матхе* мир и согласие. Что касается «Саджана-тошани» — тут Госвами посоветовал улучшить качество бумаги для обложки и печатать весь журнал на хорошей бумаге, в типографии с новейшим оборудованием. Абхай был не против, но эти «новшества» зависели от средств.

Я согласен, что печатать журнал можно в Калькутте. Но мне кажется, было бы лучше открыть в Калькутте или Дели свою собственную типографию, с хорошим оборудованием, чтобы можно было распространять послание Шри Чайтаньи Махапрабху на всех основных языках, особенно хинди и английском. Издания на хинди можно будет использовать для проповеди по всей Индии, а на английском — по всему миру.

Далее Абхай писал, что, поскольку материалы, идущие в печать, написаны от руки, на быстрое исполнение заказа рассчитывать не приходится. Поэтому он взял напрокат пишущую машинку. Еще он рассказал, как, по его мнению, можно увеличить число подписчиков.

* * *

Бриндабан, сын Абхая, приехал к нему, чтобы несколько месяцев пожить в Гаудия-сангхе. О возвращении Абхая в семью не было и речи, и Бриндабан просто общался с отцом, соблюдая правила *матха* и помогая отцу в его обязанностях.

Однажды Гаудия-сангху неожиданно посетил влиятельный адвокат, глава «Хинду-махасабхи» — общенациональной индийской организации, занимавшейся социальными вопросами. В *матхе* на тот момент почти никого не оказалось, поэтому Абхай и Бриндабан сами приняли важного гостя, приготовили для него *прасад*, накормили и познакомили с деятельностью Сангхи.

* * *

В те редкие минуты, которые оставались свободными от попыток навести порядок в *матхе* и работы над «Гаудия патрикой» и «Саджана-тошани», Абхай переводил на хинди «Чайтанья-чаритамриту». Хотя ему было привычнее

писать на английском или бенгали, он пришел к выводу, что в стране, где большинство жителей говорят на хинди, такая книга принесет пользу.

Бхактисаранга Госвами написал, что сентябрьского номера «Саджана-тошани» нужно только пятьсот экземпляров. Но Абхай хотел больше. Договорившись с типографией о возможности напечатать тысячу экземпляров по цене пятисот, Абхай поспешил сообщить радостную новость Бхактисаранге Госвами. Кроме того, писал Абхай, недавно ему пожертвовали бумагу, и он договорился о двадцатипятипроцентной скидке на почтовые расходы.

Зачем отказываться от печати всего тиража только для того, чтобы сэкономить немного бумаги? Мне кажется, мы должны печатать каждый месяц даже больше тысячи экземпляров и широко их распространять.

Но Бхактисаранга почтовой открыткой послал короткий ответ: не более пятисот.

Абхай продолжал работать над улучшением «Саджана-тошани». Для него это была не просто формальная обязанность, но захватывающая возможность проповеди. В письме Бхактисаранге Госвами он выражал беспокойство, вызванное ожиданием от него статей для следующего номера. Денег было мало — настолько мало, что Абхай не имел даже приличного *дхоти*, — и тем не менее он продолжал рисовать в своем воображении славное будущее «Саджана-тошани».

Я очень хочу, чтобы этот журнал содержал множество иллюстраций и по качеству не уступал «Иллюстрэйтед уикли». Тогда он станет популярным. Ради этого я хочу активно заняться подпиской и поиском рекламодателей. Я собираюсь посещать видных бизнесменов и правительственных чиновников, обращаться в страховые компании и т.д. Но у меня нет приличной одежды. Мне для этого дела требуется два комплекта хорошей одежды, и я буду рад узнать Ваше решение по этому вопросу. Я искренне хочу поднять журнал на самый высокий уровень.

Кроме того, Абхай попросил Бхактисарангу Госвами помочь ему напечатать его «Чайтанья-чаритамриту» на хинди. Некоторые «джентльмены, не владеющие бенгали» выражали желание иметь у себя эту книгу и обещали Абхаю по двадцать пять рупий за том. Абхай просил заем на издание первой части книги, в размере шестисот рупий, который со всех точек зрения был Бхактисаранге Госвами выгоден. «Если эта часть разойдется, — писал Абхай, — необходимости в займах на издание последующих томов не будет».

Но так же, как Абхая утомляла жизнь в Гаудия-сангхе и работа над «Саджана-тошани» под руководством Бхактисаранги Госвами, Бхактисарангу Госвами утомляли постоянное стремление Абхая увеличить тираж и его независимая редакторская позиция. В ответ на послание Абхая секретарь

Бхактисаранги Госвами, Рамананда, написал письмо, полное цветистых славословий в адрес Бхактиведанты Прабху, за которыми, однако, угадывалось намерение освободить его от обязанностей в Гаудия-сангхе.

Мы предлагаем бесчисленные смиренные поклоны лотосоподобным стопам вайшнава Шримат Бхактиведанты Прабху.

Мы получили Ваше письмо, написанное Шри Гуру Махарадже 5 октября 1955 года. Ваши намерения очень возвышенны, и Вы — благожелатель нашего общества; мы также поняли следующее.

За последние два месяца, невзирая на множество препятствий — трудности с *прасадом* и недопонимание между местными преданными, — и несмотря на многие другие сложности, Вы проявили такой энтузиазм, какой можно встретить только в возвышенном вайшнавe, таком как Вы.

Вы — один из любимых вайшнавов Шрилы Прабхупады и друг всех ближайших его спутников. Большинство преданных в *ашраме* Гаудия-сангхи в Дели — невоспитанные новички. Они не умеют как должно почитать такую возвышенную душу, как Вы, и особенно Ваши возвышенные идеи. В нашем обществе нынче не много таких идей. Мы надеемся, что, обладая такими качествами, Вы очень скоро начнете действовать независимо и, исполняя желание Шрилы Прабхупады, начнете широкомасштабную проповедь.

Нам кажется, что такой способный и почтенный вайшнав, как Вы, не сможет долго оставаться в Дели, в обществе столь необразованных по сравнению с ним преданных Гаудия-сангхи. Более того, Вы являетесь главным редактором «Гаудия патрихи» и «Бхагавата патрики» в Веданта-самити Шримат Кешавы Махараджи; поэтому, если Вы будете проводить слишком много времени в нашем *ашраме*, ему это может не понравиться. Он и многие другие преданные готовы обойти землю Враджа, и мы уверены, что ему понадобится Ваша помощь в этой *парикраме*. Поэтому взвесьте все за и против и, если Вы решите исполнить свой долг руководителя в его организации, мы будем очень довольны.

Некоторые статьи для октябрьского номера «Саджана-тошани» мы уже отправили и, возможно, пошлем еще несколько. Мы будем Вам очень обязаны, если Вы введете в курс дела относительно публикации октябрьского номера Кешавананду Прабху. А ноябрьский и декабрьский номера Шри Шри Гуру Махараджа, мы надеемся, сможет опубликовать сам. С января мы хотим печатать журнал в Калькутте. Шри Шри Гуру Махараджа состарился и большую часть времени вынужден полагаться на нас. Мы рады, что Вы из всех сил трудитесь над изданием «Чайтанья-чаритамриты» на хинди, однако при нынешнем положении дел не можем выделить из нашего фонда шестьсот

рупий на печатание этой книги. Поскольку Шри Шри Гуру Махараджа в настоящее время работает над множеством разных проектов и ему требуется на это много денег, он не может пойти на то, чтобы напечатать эту книгу.

Кешавананда Прабху написал, что Ваша одежда порвалась, поэтому купите себе два комплекта одежды на деньги из фонда храма. А если преданные из-за своей недалёковидности наносят оскорбления Вашим лотосоподобным стопам, пожалуйста, простите их.

Слуга слуги вайшнава Шри Рамананда дас

По правде говоря, Абхая никто не звал на *парикраму* Кешавы Махараджи, но для Рамананды это было отличным поводом попросить Абхая покинуть Гаудия-сангху. Поэтому, прожив и добросовестно послужив в *ашрамах* Кешавы Махараджи и Бхактисаранги Махараджи, Абхай вновь остался один.

* * *

Не имея ни дохода, ни пристанища, Абхай начал скитаться по разным домам Дели, по неделе живя там, куда его приглашали. В том, что касается пищи, одежды и крова, это было самое тяжелое в его жизни время. С самого детства он никогда не испытывал недостатка в пище и хорошей одежде, и ему никогда не приходилось беспокоиться о том, где ночевать. Отец в нем души не чаял, а Шрила Бхактисиддхант Сарасвати с любовью заботился о нем, давая особые наставления. Но сейчас Абхай временами чувствовал себя одиноким.

Не имея дома, он скитался по Дели — от одного временного пристанища к другому. Храм Вишну. Комната в Коммерческом училище Капура. Но он по-прежнему искал жертвователей, проповедовал учение «Бхагавад-гиты», писал. Он не ставил себе целью найти постоянное место жительства. Он хотел издать свои труды и положить начало чистому и мощному движению, целью которого будет проповедь сознания Кришны (или, как вариант, присоединиться к подобному движению).

Абхай составил список книг, которые ему хотелось опубликовать.

1. «ШРИ ЧАЙТАНЬЯ-ЧАРИТАМРИТА» (НА ХИНДИ) 2000 страниц.
2. «ГИТОПАНИШАД» (НА АНГЛИЙСКОМ) 1200
3. «НАУКА ПРЕДАННОСТИ» (НА АНГЛИЙСКОМ) 300
4. «ДВИЖЕНИЕ САНКИРТАНЫ ГОСПОДА ЧАЙТАНЬИ» (НА АНГЛИЙСКОМ) 300
5. «ПОСЛАНИЕ БОГА» (НА АНГЛИЙСКОМ) 300
6. «БХАГАВАНЕР-КАТХА» (НА БЕНГАЛИ) 50

Но для издания нужны были деньги. Он стучался в двери офисов и домов богатых людей, показывал им рукописи и говорил о своей миссии. У него был список потенциальных жертвователей, но лишь немногие из них соглашались помочь, а если кто-то и давал пожертвование, оно редко превышало пятьдесят рупий. Время от времени он получал одобрительные письма.

Одно из таких писем пришло от Нараина Дасса Рая Бахадура, бывшего главного инженера и секретаря «Бирла-мандир траста». Незадолго до этого он посетил публичные чтения, которые Абхай провел в присутствии известной женщины-гуру, Матери Анандамойи. Восхищенная чтением Абхая (он читал «Чайтанья-чаритамриту» на хинди), Мать Анандамойи пожертвовала ему пятьдесят рупий и посоветовала посетить широко известного *садху*, Шри Хари Бабу, который на тот момент лежал в больнице. Абхай, в сопровождении Нараина Дасса, посетил Хари Бабу, причем последний сказал, что чтение Абхая привело его в экстаз. Все это склонило мнение Нараина Дасса в пользу Абхая, и в декабре он составил письмо, в котором предлагал каждому «протянуть руку помощи Шри А.Ч. Бхактиведанте для успешного издания его трудов на хинди, английском и бенгали», а также пожелал ему «успеха в его благородном деле».

Абхай показывал это и другие подобные письма тем, кто, по его мнению, мог бы оказать поддержку. В Дели ему не составляло особого труда встречаться с министрами, судьями, адвокатами, руководителями компаний, религиозными лидерами. Всегда находился кто-то, кто был готов серьезно выслушать его, а иногда и помочь. Таким образом Абхай, все имущество которого составляли два *дхоти* и две *курты*, выданные в Гаудия-сангхе, обладающий проповедническим талантом и силой убеждения, однако практически лишенный поддержки и не имеющий постоянного жилья, неустрашимо продолжал свою проповедь.

Написание книг и попытки их опубликовать составляли только половину работы Абхая; другая половина усилий тратилась на то, чтобы создать всемирное движение, подобное Лиге преданных. Через Нараина Дасса Абхай попытался узнать, нельзя ли ему начать работу под эгидой Бирла-мандира (одного из самых больших и богатых храмов Дели). Себя Абхай предложил в качестве ответственного за проповедь на английском языке, как в Индии, так и за ее пределами. Поскольку Нараин Дасс считал себя приверженцем *санатана-дхармы*, Абхай написал ему письмо, в котором объяснял, какое определение дает истинной *санатана-дхарме* Кришна в «Бхагавад-гите». У Абхая было множество идей по поводу того, как распространить *санатана-дхарму*, вечную религию всех живых существ, и как научить людей применять ее на практике. Но это возможно только в том случае, если Нараин Дасс ему поможет.

Я хотел бы преподать эту трансцендентную науку сорока образованным юношам и подготовить их к миссионерской деятельности в других странах...

Немедленно начать издавать газету на английском языке или возобновить издание моего журнала «Бэк ту Годхед», оформив его в том же стиле, как «Иллюстрэйтед уикли».

Организовать группу *санкиртаны*, которая будет состоять не просто из хороших певцов и музыкантов, а из людей, практикующих *садхану*, то есть стремящихся к самоосознанию.

Абхай пообещал, что, как только будет закончена подготовительная работа, он, имея в своем распоряжении людей и все необходимое, сможет развернуть миссионерскую деятельность в других странах. Он не отрицал, что с материальной точки зрения находится в отчаянном положении: «Пожалуйста, не откладывая, помогите мне в этом и предоставьте подходящее жилье. Я должен съехать со своей временной квартиры самое позднее к следующему понедельнику».

Управляющие Бирла-мандиром не приняли предложения Абхая. Но он подумал о другой форме сотрудничества: он мог бы проводить в Бирла-мандире публичные собрания, чтобы таким образом пробудить в людях интерес к Лиге преданных. Он обратился к Шри Р. Н. Агарвалу, президенту делийского муниципального комитета, и тот, услышав имена нескольких уважаемых лиц, желающих присутствовать на собрании, согласился председательствовать на встрече. Абхай назначил дату — 22 декабря 1955 года — и напечатал пятьсот объявлений и двести пригласительных билетов.

Объявление начиналось так: «По милости Всемогущего Господа, Дели становится... мировым центром культурного общения». Не так давно руководители России и Индии заявили о необходимости культурного взаимодействия между всеми нациями. Но наивысшей формой культуры, писал Абхай, является та, что основана на духовной науке; поэтому богатейшим в мире источником культуры является Индия. И культура эта, подчеркивал Абхай, не должна оставаться уделом горстки разобщенных *садху* и *санньяси*. Ее должны систематически усвоить влиятельные члены общества.

22 декабря в рубрике «Куда пойти сегодня», среди объявлений о собраниях «Ротари-клуба», Общества Тагора, Индийского совета по мировым вопросам, «Бхарат-скаутов» и Индийского фармацевтического конгресса, «Хиндустан таймс» опубликовала объявление о встрече Лиги преданных.

Собрание Лиги началось с *киртана*, который вел профессор Х. Чанд, после чего А.Ч. Бхактиведанта, основатель и секретарь Лиги преданных, рассказал о целях своего движения. Затем выступил Нараин Дасс, после чего зачитал несколько резолюций, предложенных основателем-секретарем, смысл которых сводился к тому, что собравшиеся поддерживают Лигу преданных и рекомендуют правительству Индии также поддержать ее, как движение, основанное на принципах Ганди. После принятия резолюций встреча завершилась еще одним *киртаном* и *прасадом*.

Абхай был уверен, что, если доброжелатели и филантропы-единомышленники окажут ему существенную поддержку, он сможет создать

движение за мир во всем мире, основанное на принципах преданного служения Господу Кришне. Свою роль он видел в том, чтобы просто рассказывать о сознании Кришны всем, кому только можно. А результат всецело зависит от Кришны. Абхай прекрасно понимал, что добрые намерения большинства участников собрания в Бирла-мандире не пойдут дальше этой встречи. Но это его ничуть не смущало. Неумолимо возвещая свою благую весть, он сохранял радостно-философское настроение. В каком-то смысле он уже был совершенно удовлетворен: он испытывал счастье, действуя от имени духовного учителя.

Хотя адреса Абхая менялись так быстро, что почта с трудом поспевала за ним, он дал в газету объявление о домашних образовательных курсах.

ОБРАЗОВАНИЕ

Заочные курсы на дому по изучению духовных тайн «Бхагавад-гиты» помогут вам стать могущественным человеком. Цена полного курса — 50 рупий. Обучение проводится не на основе вольных интерпретаций, а в соответствии с системой *парампары* — ученической преемственности. Вы найдете ответы на любые свои вопросы. Принимаются ученики любой национальности и касты. Обращаться к А.Ч. Бхактиведанте.

* * *

Четыре года (начиная с 1952-го) Абхай не выпускал «Бэк ту Годхед», но сейчас он решил возобновить его издание. Журнал стоил того, чтобы полностью сосредоточиться на нем и посвятить ему все силы: нужно было собрать средства, написать статьи, проследить за печатью, а затем распространить тысячу экземпляров. Пожертвования на издание журнала он просил в личных беседах. Одним из тех, кто регулярно ему жертвовал, был его друг Бипин Чандра Мишра — судья Верховного суда из Нью-Дели.

Судья Мишра: Обычно он приходил ко мне раз в месяц. Я давал ему пожертвование на издание журнала. В журнале было всего четыре страницы, но содержание свидетельствовало о глубоком знании автором темы, о его искренности и преданности Господу Кришне. Он производил впечатление простого и скромного человека, и беседовать с ним всегда было очень приятно. Он часто улыбался. Главной чертой его было смирение. Он умел говорить с любовью и доверием и знал, что с нами можно обсуждать темы, связанные с Богом. Любой разговор с ним возвышал нас.

Я тогда был довольно заметной личностью в религиозных кругах. А от него никто не ожидал, что он сможет сделать сколь-нибудь значительный вклад в религиозную жизнь Дели. Все дело в языке — его проповедь была

нацелена на образованную публику, говорящую на английском, а не на хинди. Вдобавок к этому, поскольку у него не было ни достаточных средств, ни прочной известности, его журнал не был слишком популярен среди таких людей. Другие религиозные лидеры пользовались гораздо большей известностью. Единственное, что впечатляло и привлекало к нему внимание в то время, — его простота и твердая вера в святое имя Бога и Его миссию.

Статьи писались легко. По милости духовного учителя Абхай не испытывал недостатка ни в идеях, ни в способности их излагать. Переводы и объяснения вайшнавских писаний рекой лились из-под его пера. Его вдохновляло чудо печатного станка, *брихад-мриданги*. Процесс изложения своего послания на бумаге, с тем чтобы потом издать его тысячным тиражом, приводил Абхая в состояние экстатической медитации. Тем более, работа сопровождалась сознанием крайней необходимости ему лично обратиться к каждому человеку, — не только к жителям Дели или Индии, а к каждому. Он представлял, как его журнал попадет к мыслящим людям и те с благодарностью его прочтут.

Поддерживать себя тоже не составляло особого труда. В «Шри-мад-Бхагаватам» Шукадева Госвами говорит, что у преданного нет проблем с пищей, одеждой или кровом. Если нет кровати, он может лечь на землю, а подушкой ему будут собственные руки. На улице всегда можно подобрать выброшенную одежду, питаться можно фруктами с деревьев, а жить — в горных пещерах. Природа дает человеку все что нужно, и святому нет надобности льстить материалистам, чтобы поддерживать свое существование. Конечно, Абхай жил не в горах и не в джунглях, а в Нью-Дели; тем не менее он фактически вел образ жизни, описанный Шукадевой, — не потому, что хотел наказать свое тело или продемонстрировать всем свою чистоту и бескомпромиссность, а потому, что только так, живя в нищете, можно было собрать средства на издание журнала «Бэк ту Годхед».

Для Абхая это было делом, в которое он вкладывал все свое сердце. Купить бумагу для печати для него было важнее, чем поесть. Так проявлялась его вера в Кришну — уж чего-чего, а веры ему было не занимать. Он твердо знал, что если служить Кришне, то Господь обеспечит его всем необходимым. Работать в одиночку не составляло для него проблемы — это было легко и приятно (гораздо лучше, чем руководить молодыми обитателями Гаудия-сангхи). Его не пугал тяжелый труд ради служения духовному учителю — он черпал в этом подлинное наслаждение. Его пугало положение, в котором находился мир.

Согласно *шастрам*, нынешний век, Кали-юга, сопровождается постоянной деградацией общества. Подтверждения этому Абхаю каждый день приходилось наблюдать в Дели. Пять тысяч лет назад Дели назывался Хастинапуром и был столицей царя Юдхиштхиры, который, находясь под покровительством Господа Кришны, стал самым богатым царем мира, а его подданные находились под надежной защитой и ни в чем не испытывали

нужды. Теперь, спустя тысячу лет иноземного владычества, Индия вновь стала независимой страной со столицей в Нью-Дели.

Но даже с высоты своего относительно скромного шестидесятилетнего опыта Абхай видел, что индийская культура, которая еще во времена его детства сохраняла в себе значительную долю изначальной чистоты ведических времен, приходит в упадок. Он видел, как под влиянием лживой пропаганды его сограждане начинают верить в то, что можно стать счастливым, потворствуя низменным склонностям. Британцы принесли с собой чай, табак, скотобойни, заводы. Даже теперь, после обретения независимости, все это так и осталось частью нового образа жизни Индии. Изгнав британцев, индийцы продолжали подражать их образу жизни, а руководители Индии сознательно пренебрегали ведическим принципом сознания Бога — тем самым сокровищем, которым Индия должна была бы одарить весь остальной мир. Абхай видел, как Индия, отвернувшись от своего духовного наследия, устремилась вдогонку за современным Западом, — но где обещанный материальный прогресс? Стали ли индийцы после обретения независимости счастливее, чем были во времена британского правления? Абхаю перенаселенный город казался адом. Хотя тысячи бедняков трудились на стремительно разрастающихся сталелитейных и шинных заводах, условия их жизни только ухудшались.

Абхай высказал свою озабоченность этим в «Бэк ту Годхед». Может ли бедняк есть болты и гайки, выпущенные на заводе? Может ли человек насытиться кино, телевидением или песнями непристойного содержания по радио? Лидеры общества не понимали, что именно пренебрежение духовными принципами стало причиной тех самых проблем, против которых они официально боролись: избалованная, непослушная молодежь, коррупция практически во всех сферах общественной жизни, экономическая нестабильность и нужда. Когда в молодости Абхай жил в Калькутте, там еще не было афиш, рекламирующих чьи-то сексуальные фантазии. Теперь же Индия вышла на третье место в мире по объему кинопродукции, и весь Дели пестрел киноафишами. Магазины, торгующие мясом и спиртными напитками, открывались один за другим. Авторы газетных передовиц не уставали сокрушаться по поводу деградации молодых индийцев, которые дразнили, оскорбляли и унижали на улицах женщин. Женские лиги жаловались на распущенность молодежи и недостойное отношение к женщине в кино и рекламе. Но исправить положение дел было некому: не осталось ни строгих брахманов, ни святых царей.

Абхай видел, что в обществе необходимо возрождать духовность. Но общество это сломя голову несло в прямо противоположном направлении. В феврале, как раз в то время, когда Абхай пытался опубликовать «Бэк ту Годхед», премьер-министр Неру, выразив свою озабоченность «духовным кризисом» в Индии, одновременно с этим обнародовал очередной пятилетний план быстрой индустриализации. Все, от премьер-министра до

обычного человека, были озабочены нарастающими проблемами, но, похоже, никто не понимал, что *истинной* проблемой была нехватка сознания Кришны.

Обществу необходимо было лекарство от болезней Кали-юги. Абхай понимал, что этого лекарства людям нужно гораздо больше, чем он был способен им дать: печать даже одного номера «Бэк ту Годхед» была для него почти непосильной задачей. Сочинение статей, перепечатывание их на машинке, доставка в типографию и дальнейшее распространение не должно было становиться делом одинокого преданного, у которого в кармане ни гроша. Но пытаясь сотрудничать с духовными братьями, Абхай столкнулся с их разобщенностью и отсутствием желания активно проповедовать. Бхактисаранга Госвами, похоже, совсем не планировал расширять издание «Саджана-тошани», а его *матх*, как и многие другие, не способен был привлекать новых преданных. Потому-то и приходилось Абхаю сейчас работать в одиночку, и масштабы его деятельности были невелики. Хотя духовный труд на благо людей приносил Абхаю радость, он понимал, что его журнал на четырех полосах — все равно что капля воды в пустыне.

В феврале 1956 года, когда Соединенные Штаты изо всех сил старались ограничить права граждан, когда Хрущев и Эйзенхауэр, внешне выражая сожаление по поводу гонки вооружений, хитро маневрировали на переговорах по ядерному разоружению, когда шах Ирана нанес визит в Нью-Дели, — в это самое время Абхай попытался напечатать очередной номер «Бэк ту Годхед». В зимнюю непогоду, когда столбик термометра опускался до +5 °С, ранним утром он шел по улицам Дели к Сурендре Кумару Джайну, печатнику, чтобы проверить последнюю корректуру. Пешие прогулки позволяли сэкономить деньги. Рикшу он нанимал, только когда нужно было доставить бумагу из магазина в типографию. У него не было *чадара*, только легкий хлопковый жакет, а обувался он в резиновые туфли. Еще у него была хлопчатобумажная шапка, которая закрывала уши и завязывалась под подбородком, защищая его от холода и порывистого ветра.

Кумар Джайн: *С первого раза он произвел на меня впечатление человека славного и честного. Я жалел его, видя, в каком состоянии он приходит. Я знал, что у него нет и двадцати пяти пайс. Всю дорогу он шел пешком, перед этим даже не позавтракав. В издательство он приходил с утра, и когда я спрашивал его: «Свамиджи, вы что-нибудь ели сегодня?» — он обычно отвечал: «Нет, нет, господин Джайн, я пришел просто посмотреть пробный оттиск». «Хорошо, — говорил я, — я принесу вам завтрак». Я просил принести еду, а после завтрака он садился и работал.*

Как правило, он сам вычитывал корректуру. Печатал я, а он почти все это время стоял рядом, ожидая, пока я закончу работу. Он приходил около семи утра и не уходил до тех пор, пока не просмотрит все оттиски. Это повторялось каждый раз: он приходил, не позавтракав, я его угощал, и затем несколько часов мы сидели друг напротив друга за столом. Говорил он исключительно на религиозные темы. Но пока мы сидели, особенно когда

ждали пробного оттиска, мы успевали обсудить много всего. Я видел, что он довольно много знает, поскольку весьма начитан. Он был для меня скорее другом, нежели просто заказчиком. Он был очень прост и честен в своих привычках. В то время его основной миссией было продолжать печатать «Бэк ту Годхед». Его финансовое положение было очень и очень неважным. Иногда возникали затруднения — у него не получалось раздобыть бумагу. Много раз я спрашивал его, стоит ли продолжать, если все это сопряжено с такими трудностями? А он отвечал: «Нет, это моя миссия, и я всегда буду продолжать ее, насколько это в моих силах». Я пытался по мере возможности помогать ему. Но он был настоящий бедняк.

Я только печатал, а бумагу закупал он сам. И порой возникали задержки. Хотя ничего, кроме печати, от меня не требовалось, иногда я предлагал: «Вы так стараетесь! Давайте я сам принесу вам бумагу». Но чаще он добывал бумагу сам — мы занимались только печатью. Бумагу он обычно привозил на рикше.

Нам было довольно легко общаться, но иногда получалось так, что оплата счетов затягивалась, и я просил его по возможности что-то с этим сделать. Обычно он отвечал: «Не волнуйтесь. Можете не сомневаться — ваши деньги скоро будут». Я никогда не спрашивал об источниках его дохода, понимая, что это его личное дело. Ему становилось очень неловко, когда он не мог вовремя расплатиться, и я старался никогда не ставить его в такое неудобное положение. Его очень беспокоило, как он сможет печатать свой журнал, если у него не будет денег. А печатать его он хотел во что бы то ни стало.

Он хотел проповедовать учение «Гиты», мечтая о чем-то вроде движения. Он был твердо убежден, что это единственный путь, на котором люди смогут обрести мир и покой.

Забрав из типографии готовые экземпляры, Абхай обычно ходил по городу, пытаясь их продать. Он заходил в чайную, занимал место у стойки и, когда кто-то садился рядом, просил его купить экземпляр «Бэк ту Годхед». Еще он посещал дома и конторы тех, кто уже когда-то давал ему пожертвования или договаривался с ним о встрече. Нередко он завязывал новые знакомства — иногда по рекомендации, а иногда просто без приглашения приходя туда, где рассчитывал найти потенциального читателя. Разнося журнал постоянным спонсорам, он обсуждал с ними содержание предыдущих выпусков, а иногда получал от них заказы осветить в своих статьях отдельные темы: «Наш глубокоуважаемый друг, Шри Бишан Прасад Махешвари, один из ученых адвокатов Верховного суда, попросил нас написать что-нибудь о кармической деятельности, особо рассмотрев при этом тему порока и его власти над людьми». Зачастую те, кто давал пожертвования, соглашались на встречу с Абхаем не столько из интереса или хорошего к нему расположения, сколько из чувства долга: традиция «индийского благочестия» требовала от них встретиться с садху, взять то, что он предлагает, и не думать о нем плохо. (Журнал при этом читать было не обязательно.) Однажды, когда он

приблизился к богатому дому, на веранду второго этажа вышел хозяин и закричал: «Убирайтесь прочь! Мы вас не звали!»

В ответ на сопротивление (вежливое и не очень), которое он встречал, распространяя «Бэк ту Годхед», в выпуске от 16 марта 1956 года Абхай опубликовал целую статью, озаглавленную: «НЕТ ВРЕМЕНИ — хроническая болезнь обычного человека».

Когда мы обращаемся к какому-нибудь джентльмену, предлагая ему стать читателем «Бэк ту Годхед», нам часто приходится слышать в ответ: «НЕТ ВРЕМЕНИ».

Люди говорят, что слишком заняты, зарабатывая деньги для поддержания души в теле. Но если у них спросить, что они имеют в виду, говоря «душа», сказать им будет нечего.

Доктор Мегхнатх Саха, великий ученый, торопился на собрание Комиссии по планированию. К сожалению, по дороге туда он скончался прямо в своем автомобиле, так и не сумев уговорить смерть немного подождать на том основании, что сейчас у него *нет времени*.

Доктор Ансари, председатель Конгресса, умирая в поезде, по пути домой, сказал, что и сам он медик, и почти все члены его семьи тоже медики, но смерть оказалась так жестока, что умирает он без всякой медицинской помощи.

Поэтому в «Бхагавате» смерть описывается как... неутомимая. Смерть ожидает всех, хотя каждый надеется, что не умрет. *Но и после смерти есть жизнь*. Занятому человеку стоит попытаться узнать об этом, а также о том, куда он отправится дальше. Нынешняя жизнь — лишь маленький фрагмент долгого, но все-таки временного пребывания в этом мире. Разумному человеку не пристало уделять все свое внимание лишь одному этому ничтожному фрагменту. Никто не спорит с тем, что тело нуждается в поддержании, но каждому необходимо узнать из «Бхагавад-гиты», что тело — всего лишь внешнее одеяние. А истинное «я» — тот, кто надевает его на себя, — душа. Если заботиться только об одежде, не уделяя внимания той личности, что ее носит, не будет ли это полнейшей глупостью и пустой потерей времени?

Абхай не был похож на обычного уличного торговца газетами. Он не выкрикивал во весь голос название своего журнала и не отдавал его для продажи в киоски. Он подходил и спокойно обращался к людям, которые сидели и пили чай, или навещал знакомых в их конторах и других местах работы. Взяв из стопки журналов, которую он нес под мышкой, один экземпляр, он предлагал людям то, что на первый взгляд казалось обычной бульварной газеткой с жирными черными заголовками на первой странице. Но что за странные это были заголовки! «Низшие из людей», «Философские проблемы в общественном сознании», «Человеческие страдания», «Национализм в чистом сознании». Даже мимолетного взгляда было достаточно, чтобы понять: это — не обычная газета. Абхай, как правило,

говорил несколько слов, пытаясь так или иначе убедить человека взять экземпляр, прежде чем тот успеет сказать, что у него «нет времени».

Действуя от имени духовного учителя и великих вайшнавов прошлого, он играл роль уличного продавца газет — вежливое обращение, улыбка на лице. Да, это был необычный журнал, но людям он казался интересным, да и стоил всего-то шесть пайс. Так Абхай раздавал милость Господа Чайтаньи и распространял истины Вед в доступной и понятной людям форме.

Несмотря на отчаянную нищету, которую он терпел, и неотложность его послания, статьи его никогда не были резкими или фанатичными. Он писал, надеясь найти читателя, который будет готов слушать о настоящей философии и захочет принять истину (особенно если она логично изложена и основана на авторитетных ведических текстах). Хотя опыт подсказывал, что люди Дели легкомысленны, сбиты с толку и совсем не интересуются самоосознанием, он знал, что почти каждый из них хотя бы раз в жизни задумывался над важнейшими философскими проблемами: а есть ли Бог? А личность ли Он? Почему люди страдают?.. И Абхай взывал к их высшим чувствам.

Весной 1956 года Индию посетил госсекретарь Соединенных Штатов Даллес, а днем позднее — лорд Маунтбэттен, бывший генерал-губернатор Индии, которого встречала в аэропорту многотысячная толпа. Затем наступил священный некогда праздник Холи, во время которого шутники брызгают в прохожих красками. Премьер-министр Неру, объезжая делийские трущобы, был потрясен невыносимыми условиями жизни людей. Он заявил о намерении Индии развивать ядерную энергетику, подчеркнув, что она будет использована в мирных целях. Обстановка в стране накалялась. На границе Индии и Пакистана начались столкновения. Делийские железнодорожники устроили забастовку. Абхай тем временем продолжал проповедовать.

К 20 мая 1956 года ему каким-то образом удалось скопить денег и отредактировать и напечатать очередной номер «Бэк ту Годхед», шестой за этот год. На первой его странице была следующая заметка:

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Пожалуйста, читайте «Бэк ту Годхед», пробудите к жизни глубинную сущность вашей личности. В этом журнале нет ничего, что было бы основано на мировоззрении, порожденном несовершенным чувственным восприятием. Все, что здесь есть, — это послание наших освобожденных мудрецов. Мы просто помогаем им снова обратиться к людям, на простом и понятном языке. Поэтому каждый ответственный человек, будь то мужчина или женщина, должен регулярно читать этот журнал, который стоит совсем недорого — 2 1/4 рупии в год, или 3 анны в месяц. Не упускайте возможность! Это в ваших же интересах. Это принесет в человеческое общество счастье.

В статье «Как распространить учение „Бхагавад-гиты“» он говорил о необходимости духовной организации общества. Он описывал образцовую

общину, которую назвал «Гита-Нагари» («деревня, где поется „Бхагавад-гита“»), Обитатели ее будут строить свою жизнь по «Бхагавад-гите» и по всему миру проповедовать ее послание. Прославляя вайшнавские качества Махатмы Ганди, Абхай предположил, что у Ганди тоже была идея построения подобной общины. Это был единственный путь облегчить людские страдания, вызванные «демоническими лидерами», которые ведут по ложному пути современную цивилизацию, потерявшую моральные ориентиры.

Абхай раздумывал над тем, как пленить беспокойные умы современников. Он хотел изложить учение Кришны ясно и недвусмысленно и познакомить с ним как можно большее число людей. Он считал, что хорошие аргументы из авторитетных священных писаний покажутся убедительными для тех, кто разумен, беспристрастен и образован, даже если эти люди уверяют, что им это не интересно. Он понимал, что так или иначе он должен пробудить в них интерес, не изменяя при этом своим духовным принципам и сохраняя спокойствие. В их представлении религия сводилась до книжки на полке, которую никто никогда не читает и не понимает и которой никто не верит, он же принес им религию в форме журнала, который, однако, ни в чем не уступал священным писаниям.

Конечно, журналы обычно покупают не за тем, чтобы узнать о религии. Но может, хоть кто-то его прочтет?

Повторение святого имени Бога, рекомендуемое журналом «Бэк ту Годхед», не слишком привлекает легкомысленных охотников за наслаждениями и тех, кто описывает отношения мужчин и женщин в непристойной литературе и популярных газетах. Но эта практика — путь к наслаждению вечной духовной жизнью.

Абхай не только продавал «Бэк ту Годхед» у чайных прилавков или разносил его людям, сделавшим пожертвование: он бесплатно рассылал свой журнал, в том числе и за границу. Многие годы Абхай думал о том, как получить доступ к огромной англоязычной читательской аудитории за пределами Индии. Собрав адреса зарубежных библиотек, университетов, культурных центров и крупных книжных магазинов, он посылал по почте столько журналов, сколько мог себе позволить. Предположив, что западные читатели могут оказаться более восприимчивыми, нежели его сограждане, он обратился к ним с посланием.

Хотя учение, излагаемое в журнале «Бэк ту Годхед», — дар древних мудрецов, осознавших Абсолютную Истину, в настоящий момент так называемые руководители Индии слишком очарованы западным путем, путем материального прогресса. Эти люди начисто забыли о сокровищнице знания, оставленного мудрецами.

Вы, жители западных стран, накопили немалый опыт в сфере материальной науки, но до сих пор вам не удалось добиться мира во всем

мире. И не исключено, что, несмотря на материальный достаток, вам часто хочется мира и спокойствия. Те, кто толкает Индию на ложный путь, не осознают этого главного порока материализма и поэтому не воспринимают всерьез идею возвращения ОБРАТНО К БОГУ, конечную цель жизненного пути человека.

Сражаясь на «внутреннем фронте», в Индии, Абхай послал последние номера «Бэк ту Годхед» президенту страны, доктору Раджендре Прасаду, сопроводив их письмом, в котором предупреждал о тяжелой судьбе, ожидающей общество, находящееся под властью асуров: «Поэтому, прошу Вас, спасите их от великой катастрофы». В письме от 21 ноября Абхай был предельно откровенен.

Я нашел путеводную нить, которая приведет меня «обратно к Богу после того, как я покину свое нынешнее материальное тело. И чтоб забрать с собой своих современников, мужчин и женщин этого мира я начал выпускать журнал «Бэк ту Годхед», как одно из средств достижения этой цели. Пожалуйста, не думайте обо мне как... о чудаке или сумасшедшем, когда я говорю, что, оставив свое нынешнее материальное тело, вернусь «обратно к Богу»! Это вполне возможно да каждого и для всех нас.

Абхай просил Его Превосходительство хотя бы просмотреть заголовки десятка номеров «Бэк ту Годхед», приложенных к письму, и обдумать возможность встречи с редактором. Сохранение духовного наследия Индии требует огромной работы, и для этого необходимо сформировать специальный правительственный орган — Министерство духовных дел. «Сейчас я подобен вопиющему в пустыне», — писал Абхай. Но Его Превосходительство так ничего и не ответил.

В своем журнале Абхай выступал против атеизма. В статье «В надежде на чудо» он открыто заявлял, что восемьдесят процентов людей, которых он встретил, продавая «Бэк ту Годхед», были атеистами.

Иногда мы встречаем людей, идущих в ногу со временем, и пытаемся заинтересовать их нашим журналом... Они откровенно говорят что не только не интересуются темами, связанными с религией, но и прямо осуждают попытку вернуть людей на путь, ведущий «обратно к Богу».

По мнению таких людей, чрезмерная вера индийцев в Бога приводит к ухудшению их экономического положения, и чем скорее он забудут обо всем, что связано с Богом, тем будет лучше для них. Но мы не можем согласиться с атеистическими выводами таких идущих в ногу со временем людей, лишенных понимания Бога.

Абхай возражал, что, хотя независимая Индия дает своим гражданам материалистическое образование, ее экономическое положение от этого

ничуть не улучшается. У многих индийцев нет даже самого необходимого для жизни. В Дели сто двадцать тысяч без работных.

Возможно, некоторые из высокопоставленных правительственных служащих или успешные предприниматели чувствуют себя вполне счастливыми, но девяносто процентов их сограждан не знают, как свести концы с концами. Следовательно, наше экономическое положение явно оставляет желать лучшего.

Он цитировал бывшего президента Соединенных Штатов, Гарри С. Трумэна, который говорил, что национальная независимость должна приводить к благосостоянию людей. Если так, говорил Абхай, в чем состоит независимость Индии? Он считал, что все попытки людей обрести счастье и процветание противозаконны, пока они не признают, что всем владеет Верховный Господь. Атеистическая цивилизация никогда не приведет к миру.

В статье «Растущие амбиции и неутоленное вожделение» Абхай писал:

В мире нет недостатка в деньгах, не хватает только мира и согласия между людьми. Вся человеческая энергия тратится на то, чтобы заработать денег, и это, несомненно, усиливает в людях стремление к легкой наживе. Итог — неограниченное и незаконное нарастание денежной массы, которое калечит экономику и заставляет людей производить огромное количество дорогостоящего оружия для уничтожения последствий такой погони за легкой наживой. Руководители развитых в экономическом отношении стран, вместо того чтобы наслаждаться миром, заняты разработкой важных планов по спасению самих себя от современного оружия, и огромные средства, выделяемые на эксперименты с этим смертельным оружием, по существу просто выбрасываются на ветер. Эти военные испытания проводятся не только за счет огромных инвестиций, но также ценой жизней многих несчастных созданий, в результате чего такие государства опутываются сетями кармы.

Виновные в незаконном накоплении денег теряют их, выплачивая налоги, которые будут потрачены на войну или отойдут другим «представителям иллюзорной природы в обличье врачей, адвокатов, сборщиков налогов, общественных организаций, так называемых „садху“, голода, землетрясений и других бедствий».

Один скупец, который отказался купить номер «Бэк ту Годхед», по воле иллюзорной природы тратил на лечение по двадцать тысяч рупий в неделю и в конце концов умер. Аналогичный случай произошел с человеком, который, отказавшись пожертвовать пайсу на служение Богу, потратил тридцать тысяч рупий на судебную тяжбу со своими родственниками. Таковы законы природы.

Начальник одной из делийских почтовых контор, заметив название журнала, который Абхай посылал за границу, воспользовался случаем, чтобы выдвинуть Абхаю атеистические аргументы.

Шрила Прабхупада: *Этот начальник почтового отделения принадлежал к Арья-самадже. Он заговорил со мной о журнале «Бэк ту Годхед». Он задал вопрос: «Если мы как следует исполняем свой долг, зачем поклоняться Богу? Если мы честны, если мы нравственны, если никому не делаем плохого, то какой смысл в этом поклонении?» Поскольку наш журнал назывался «Бэк ту Годхед», в этих словах его скрывался протест: «Что пользы проповедовать философию о Боге, если мы и так поступаем хорошо?» Такова позиция последователя Арья-самаджи — как избежать Бога.*

Я ответил ему, что если человек не обладает сознанием Бога, он не может быть нравственным, не может быть правдивым, не может быть честным, — такова наша точка зрения. Исследуйте весь мир на предмет этих трех понятий — нравственность, честность, чувство долга, — и вы поймете, что, если человек не сознает Бога, он не сможет долго придерживаться этих принципов. Чтобы восстановить их в обществе, сначала нужно пробудить в людях сознание Бога.

Один делиец, заметив, что Абхай распространяет «Бэк ту Годхед», сказал: «Где ваш Бог? Вы можете показать мне Бога?» Абхай ответил на вызов, однако после этого весь оставшийся день, пока ходил по улицам, продолжал раздумывать над его вопросом. Вернувшись в свою комнату, он приступил к написанию статьи «Где же Бог? Можно ли Его увидеть?»

На каменной плите на здании Секретариата в Нью-Дели написано, что свобода не приходит к народу сама — ее нужно добиться. Это факт: мы видели, на какие жертвы пришлось пойти народу Индии, чтобы обрести *сварадж*. Но что касается Бога, некоторые безответственные люди спрашивают: «Где Бог?», «Можете ли вы показать мне Его?», «Вы видели Бога?» Такие вопросы задают те, кто легкомыслен, кто хочет получить все, и как можно дешевле. Но если даже ради обретения временного и ложного чувства свободы в этом мире нужно приложить столько труда и пойти на такие жертвы, то разве возможно увидеть Бога, Абсолютную Истину, ничего не заплатив? Чтобы увидеть Бога, нужно освободиться от всех видов обусловленности. Разве Бог — простой посыльный, который должен являться по первому требованию? Однако атеист хочет именно этого, словно Бог — его слуга. Он думает, что Бог — это нечто воображаемое, иначе Он появился бы перед нами по первому зову.

Однажды, когда Абхай шел по заполненной людьми улице, направляясь по делам, связанным с изданием журнала, он мимоходом погладил маленького теленка, и вдруг мать этого теленка, бездомная корова — одна из тех, что обычно бродят по улицам индийских городов, — боднула его рогом в живот,

сбив с ног. Он не смог сразу встать и, лежа на земле, думал о том, не является ли случившееся наказанием за покинутую семью. Но, вспомнив Шрилу Рупу Госвами и Шрилу Санатану Госвами, он заключил, что все-таки был прав.

Пришло лето, на улице стояла почти невыносимая жара. Столбик термометра не опускался ниже сорока. Горячий ветер нес по улицам города тучи пыли. Днем мелкие торговцы закрывали свои лавки. В начале мая, когда жара достигла сорока пяти градусов, один человек упал на улице в обморок и умер от теплового удара. Но Абхай не обращал внимания на жару и на пределы возможностей человеческого тела.

Однажды, когда Абхай разносил «Бэк ту Годхед» своим делийским адресатам, он внезапно почувствовал головокружение и чуть не потерял сознание. Но в этот самый момент мимо проезжал на машине его знакомый, которому он когда-то проповедовал, и, увидев, что произошло, отвез Абхая к врачу. Врач поставил диагноз «тепловой удар» и предписал постельный режим.

20 июня Абхай выпустил следующий, восьмой за этот год номер своего журнала, выходявшего два раза в месяц. На первой его странице он порицал как материалистическую семейную жизнь, так и ложное отречение от семейной жизни. Прошло почти два года с тех пор, как он ушел из дома и стал *ванапрастхой*, поэтому его суждения о семейной жизни были основаны как на священных писаниях, так и на собственном опыте. Он привел высказывание Махараджи Прахлады из «Шримад-Бхагаватам»:

Люди, чей ум постоянно обеспокоен семейными делами и заботами, могут оставить эту временную обитель, губительную для души и подобную темному колодцу [семейную жизнь], и отправиться в лес, обрета прибежище у лотосных стоп Верховной Личности Бога.

Он признавал: «Управлять семьей труднее, чем целым царством».

Однако попытка уйти от семейной жизни и поселиться в джунглях, без духа истинного отречения в сердце, — всего лишь «отречение обезьяны». В джунглях живет множество обезьян, которые не носят одежды, питаются фруктами, но при этом общаются с самками.

Настоящее лекарство — служить лотосным стопам Господа. Вот что избавляет от всех тревог и проблем этой жизни и дает человеку возможность всегда и повсюду видеть Господа.

Поэтому, чтобы жить в отречении от мира, вовсе не обязательно уходить в лес. Даже продолжая носить одежды *грихастхи*, можно быть свободным от забот и тревог, посвятив себя преданному служению.

1 сентября 1956 года президент США Эйзенхауэр осудил проведенные Советским Союзом секретные испытания водородной бомбы, по мощности эквивалентной миллиону тонн тротила, и поднял на смех советские заявления о стремлении к миру. На Ближнем Востоке, в Египте, Насер национализировал Суэцкий канал, что послужило причиной международного кризиса. 20 сентября представители семидесяти стран собрались в Организации Объединенных Наций и сформировали орган, который должен был следить за тем, чтобы «укрошенная» атомная энергия использовалась в мирных целях. Абхай видел заголовки в газетах и слышал о последних событиях в мире от джентльменов, которых посещал. Он прямо говорил им, что без сознания Кришны разглагольствования политиков о сотрудничестве — просто фантасмагория.

Бхактисиддхант Сарасвати говорил, что, если благодаря его проповеди хотя бы один человек станет чистым преданным, его миссию можно считать успешной. Но временами Абхай приходил в отчаяние, думая, насколько он незначителен, как много еще предстоит сделать во имя Кришны и как трудно изменить хотя бы одну обусловленную душу.

9 Житель Вриндавана

Я сидел один во Вриндаване и писал. Мой духовный брат настойчиво убеждал меня: «Бхактиведанта Прабху, ты должен это сделать. Не отрекшись от мирской жизни, невозможно стать проповедником». Он на этом настаивал. По сути, настаивал не он — настаивав мой духовный учитель. Он хотел, чтобы я стал проповедником, поэтому подталкивал меня к этому шагу через моего духовного брата: «Соглашайся». Я нехотя согласился.

— Шрила Прабхупада

ПАССАЖИРСКИЕ вагоны почти неслышно покатались за локомотивом. Отбивая на рельсах медленный ритм, поезд отошел от станции, оставляя позади погрузочные платформы, ветхие дома, старый делийский форт, мусорную кучу в Низамуддине, над которой летали сотни ворон и стервятников, и мечеть из красного песчаника с мраморным куполом. Расположившись в вагоне третьего класса и разместив багаж под сиденьем, Абхай наблюдал из окна, как вдоль полотна идут заводские рабочие, неся в металлических тиффинах^[5] свой обед; он видел заводы, окруженные глинобитными хижинами, соломенные крыши, брезентовые палатки, костры из сухого навоза, наполнявшие дымом утренний воздух. Длинные трубы электростанции Индрапрастхи тоже извергали клубы дыма, но уже другого цвета, а за локомотивом летел шлейф черной копоти. Абхай смотрел на красные и фиолетовые цветы дикой ежевики, что росла вдоль насыпи, и на обсаженную деревьями кикар дорогу, ведущую в Матхуру.

Этот ранний утренний поезд шел в Агру. Вагон был почти пуст. Абхай собирался выйти в Матхуре и на *танге* доехать до Вриндавана. Он исколесил все индийские железные дороги, особенно в двадцатых, тридцатых и сороковых годах, когда ездил по долгу службы в Бенгалию, Пенджаб и другие области Индии, позднее ставшие штатами Уттар-Прадеш, Махараштра, Андхра-Прадеш, Гуджарат и Тамилнаду.

Во Вриндаване он был несколько раз. В детстве, изучая расписание поездов, он мечтал поехать первым делом во Вриндаван. Свое первое короткое паломничество туда он совершил в 1925 году, когда был по делам в Агре. Потом — в 1932-м, когда Шрила Бхактисиддханта Сарасвати проводил *парикраму* по Вриндавану. Этот визит ему запомнился: тогда Абхай слушал духовного учителя в Коши, и Шрила Бхактисиддханта обратил на него внимание — «Ему нравится слушать». Три года спустя, на Радха-кунде, Абхай вновь встретился с духовным учителем. Но никогда не приезжал он во Вриндаван как сейчас — чтобы остаться там насовсем. В простом белом *дхоти*, перебирая четки в мешочке, он смотрел в окно и тихо повторял святое имя.

Поезд пробрался через густые заросли Фаридабада и выехал в поля. Лоскутное одеяло из разноцветных участков *дала*, пшеницы и сахарного тростника тянулось на километры от железной дороги, заканчиваясь высохшей, необработанной землей, простиравшейся до самого горизонта. Поезд набирал скорость. За окном проплывали небольшие селения. В часе езды от Дели начиналась равнина, с разбросанными там и сям деревушками. Временами взгляд цеплялся за какой-нибудь прекрасный древний храм, но в основном глазам представала одна лишь земля, раскинувшаяся под небом и обжигаемая солнцем, — то заброшенная и бесплодная, с редкими пальмовыми деревьями, то возделанная и орошенная.

Абхай давно хотел найти приют во Вриндаване, и сейчас этому ничто не могло помешать. Его цель оставалась прежней: он собирался работать над журналом «Бэк ту Годхед» и каждые две недели отвозить его в типографию в Дели. А потом, пока позволяют средства, возвращаться туда, чтобы распространять журнал. Но жить он будет под сенью Вриндавана. Он хотел снять комнату на крыше храма Вамши-Гопаладжи, что рядом с Кеши-гхатом, с которой открывался вид почти на весь Вриндаван. Абхай с 1953 года (тогда он приезжал сюда из Джханси) поддерживал связь с настоятелем этого храма.

Переселяясь во Вриндаван, Абхай следовал по стопам духовных учителей прошлого. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати основал здесь несколько *матхов*, а Бхактивинода Тхакур, Гауракишора дас Бабаджи, Джаганнатха дас Бабаджи, Вишванатха Чакраварти и Нароттама дас Тхакур временами жили то во Вриндаване, то в Навадвипе, рядом с местом рождения Господа Чайтаньи.

Вриндаван был очень дорог Махапрабху и Его ближайшим последователям. Господь Чайтанья послал сюда Рупу и Санатану Госвами, чтобы они отыскиали места игр Кришны, со временем забытые. Рупа и Санатана оставили свои высокие правительственные посты и переселились во Вриндаван. Они носили простые набедренные повязки и, не имея постоянного жилища, ночевали каждый день под новым деревом. Рупа и Санатана, а также Джива Госвами, Рагхунатха дас Госвами, Рагхунатха Бхатта Госвами и Гопала Бхатта Госвами, известные как шесть Госвами Вриндавана, оставили после себя обширный свод трудов о *кришна-бхакти*. Они вдохновляли состоятельных вайшнавов возводить во Вриндаване величественные храмы: храм Говиндаджи, Мадана-Мохана, Радхи-Дамодары, Радха-Раманы. А вскоре после ухода Господа Чайтаньи из этого мира Рагхунатха дас Госвами поселился на Радха-кунде, где ежедневно повторял по сто тысяч имен Кришны и по несколько часов в день рассказывал об играх Шри Чайтаньи. Во Вриндаване Кришнадас Кавираджа написал «Чайтанья-чаритамриту», в которой поведал о жизни и учении Махапрабху.

Даже Гаудия-вайшnavы, которые никогда не жили во Вриндаване, всегда хранили его в своих сердцах и воспевали его славу. В «Чайтанья-чаритамрите» описан тот великий экстаз, который испытывал Господь Чайтанья во время Своего путешествия из Пури во Вриндаван: «В Джаганнатха-Пури Шри Чайтанья Махапрабху был постоянно охвачен экстатической любовью к

Кришне, но, когда Господь Чайтанья отправился во Вриндаван, Его любовь к Кришне усилилась во сто крат. Когда Господь увидел Матхуру, Его экстатическая любовь усилилась тысячекратно, а когда Он бродил по лесам Вриндавана, она возросла еще в сто тысяч раз. Раньше, где бы ни находился Шри Чайтанья Махапрабху, одного слова „Вриндаван“ было достаточно, чтобы вызвать в Нем прилив экстатической любви. Теперь же, идя по лесу Вриндавана, Господь Чайтанья постоянно, днем и ночью, пребывал в глубочайшем экстазе любви к Кришне. Омывался и ел Он лишь по привычке».

Вриндаван — это земное проявление вечной духовной обители Господа Кришны, которую Сам Господь описывает в «Бхагавад-гите»: «Но существует иная, вечная, непроявленная природа — она лежит за пределами материального мира, который то проявляется, то исчезает. Эта высшая природа неуничтожима. Это — моя высшая обитель, место, достигнув которого живое существо никогда не возвращается в материальный мир».

Деяния Кришны и Его обитель, где царит вечность, знание и блаженство, описаны во множестве ведических текстов: «Я поклоняюсь Говинде — предвечному Господу, прародителю всех живых существ, который пасет коров, исполняющих любые желания. Он живет в обители из философского камня, окруженной миллионами деревьев желаний. Там Ему с любовью и благоговением служат тысячи богинь процветания, *гопи*».

Хотя сама обитель Господа Кришны, Голока Вриндавана, находится далеко за пределами материального мира, когда Кришна приходит на Землю, Он проявляет Свою вечную обитель во Вриндаване, в Индии. Это место на севере страны, площадью четыреста тридцать пять квадратных километров, неотлично от Его вечной обители в духовном мире.

Если преданный живет и умирает во Вриндаване, он обязательно попадет в вечный духовный мир. Все обитатели Вриндавана, даже животные, — возвышенные души, и после смерти они переносятся на Голоку Вриндавану. Поэтому Господь Брахма молился о том, чтобы родиться травинкой во Вриндаване или хотя бы где-то поблизости, чтобы эти святые преданные очистили его пылью со своих стоп. В священных писаниях вайшнавов говорится, что человек, хоть ненадолго посетивший Вриндаван, может в глубине сердца постичь Верховного Господа.

В «Чайтанья-чаритамрите» говорится: «Как и божественное тело Кришны, Гокула — вездесущая, безграничная и величайшая. Она простирается вверх и вниз без конца и края. По воле Господа Кришны эта обитель проявилась и в материальном мире. Она неотлична от изначальной Гокулы, оба этих места суть одно. Земля там — философский камень [*чинтамани*], а леса изобилуют деревьями желаний. Однако материальному взору это место кажется обычным... Враджабхуми, или Вриндаван, — идеальное место для практики сознания Кришны, ибо все жители Вриндавана с рождения любят Кришну, а Кришна точно так же любит их».

Поезд прибыл в Матхуру. Абхай взял багаж, сошел на перрон и, осмотревшись, заметил недавно построенное здание вокзала. Пройдя через него, он нашел свободную *тангу*, договорился с извозчиком о цене и отправился на Кеши-гхат.

Запряженная лошадью повозка, слегка покачиваясь, проехала по дороге между железнодорожным полотном и депо. Вырулив на главную дорогу, она повернула налево, прошла под железнодорожным мостом и въехала на открытую базарную площадь. Горы фруктов, овощей и зерна были разложены прямо на земле. Тут же, окруженные покупателями, сидели торговцы, которые обменивали и взвешивали товар. По рынку деловито прогуливались женщины Матхуры в ярких сари — желтых, зеленых, розовых и фиолетовых. Транспорт состоял в основном из повозок, запряженных волами, причем зачастую погонщики сидели прямо на деревянном ярме между плечами животных, на корточках, попеременно подстегивая то одного, то другого вола кнутом, сделанным из длинной веревки. Хотя на всем пути во Вриндаван это место было самым оживленным, по сравнению с Дели оно оставляло впечатление деревенской простоты.

Солнце стояло уже высоко, но навес экипажа давал небольшую тень, да и летняя жара уже миновала. За базаром дорога повернула направо, и Абхай увидел белые купола массивной мечети из песчаника, стоявшей прямо на Кришна-Джанмастхане, месте явления Господа Кришны. Несколько столетий назад мусульмане разрушили здесь огромный храм Кришны и возвели на его месте мечеть. Но сейчас прямо перед мечетью стоял новый храм Кришны, хоть и не такой большой.

Абхай подъехал к перекрестку трех дорог: на Нью-Дели, в центр Матхуры и на Вриндаван. Возчик стегнул лошадь кнутом, и *танга* покатила в сторону Вриндавана, пробираясь через стадо белых коров, которых погонял палкой пастух. Дорога была запружена множеством *танг* и медленных, скрипучих телег, нагруженных товарами и запряженных тучными, черными буйволами. Караван маленьких, тонконогих осликов, навьюченных непомерно огромными вязанками дров и мешками с песком, неспешно двигался вдоль дороги.

Многое изменилось в жизни Абхая с тех пор как он был здесь во время той памятной *парикрамы* с духовным учителем. Но Вриндаван оставался тем же. Абхай подумал, что, приехав сюда и оставив позади раскаленный Дели, переполненный машинами, выхлопными газами и человеческими страстями, он поступил как нельзя лучше. Для него это было облегчением. Но даже несмотря на трансцендентные эмоции, вызванные пребыванием во Вриндаване, воспоминания о многомесячной проповеди в Дели продолжали всплывать в его уме: городские улицы и он сам, идущий от дома к дому со стопкой журналов в руке... Жизнь в Дели была наполнена постоянной, энергичной проповедью. Абхаю было уже за шестьдесят, но он приехал во Вриндаван отнюдь не отдыхать. Он отошел от семейных дел, но не собирался бросать издание «Бэк ту Годхед», мечтая сделать его таким же популярным и

современным, как «Иллюстрэйтед уикли». Он будет жить во Вриндаване и выезжать в Дели, но никогда не прекратит проповедь.

Тощая лошадь трусила мимо полицейского участка, мимо поилки для скота, а деревья становились все выше, указывая, что Вриндаван уже близко. По обе стороны дороги появились сады частных имений и *ашрамов*. Яркий солнечный свет заливал нежные белые цветы *малати*, золотистые бархатцы, кусты красного жасмина, гибискусы, деревья *ашока* и другие растения, многие из которых можно найти только во Вриндаване. Слева вырисовывались неясные очертания похожего на крепость храма Радхи-Говинды, а напротив, в некотором отдалении, возвышалась башня храма Ранганатхи. Повозка проехала по узким улицам, где среди рынков и городских строений кипела жизнь, и снова стало безлюдно и тихо. В конце узкой улочки, у реки Ямуны, рядом с Кеши-гхатом, находился маленький, изящно украшенный вход в храм Вамши-Гопаладжи — узкое трехэтажное здание с тремя куполами и множеством декоративных арок.

Перешагнув через сточную канаву и поднявшись по трем мраморным ступеням, Абхай, в сопровождении возчика, несущего багаж, вошел в переднюю дверь. Оказавшись внутри, Абхай снял обувь и вступил на открытый двор. На высоте второго этажа над двором была натянута металлическая сетка, на которой сидело несколько птиц. Та сторона двора, где на невысокой колонне в горшке стояла *туласи*, была залита солнечным светом. В храме царила прохлада и покой. Комната Божеств, двери которой были закрыты, смотрела во двор. Наверху, на втором этаже, виднелись двери комнат; на импровизированных бельевых веревках сушились несколько сари и кусков ткани.

Махант Гопал, *пуджари* храма, с которым Абхай был знаком с 1954 года, встретил его приветливо. Он был почти его ровесником, с длинными седыми волосами и жесткой бородой. Рядом с Гопалом, на котором было лишь грубое *дхоти*, скромно одетый Абхай выглядел почти щеголем.

Гопал повел Абхая наверх, в его комнату. Выйдя на крышу, Абхай улыбнулся: вид открывался великолепный. Примерно в ста метрах от храма текла Ямуна, и с высоты взору открывалась широкая излучина, блестящая под полуденным солнцем. До самого горизонта простирались плоские травянистые берега и окруженные лесами равнины со стадами пасущихся коров и буйволов. Повернувшись в другую сторону, можно было увидеть сам город, с десятками храмовых шпилей и куполов.

В маленькую комнату Абхая, с зарешеченными окнами, единственную на крыше, вела узкая двустворчатая дверь. На крыше, безмятежно поглядывая по сторонам, сидели обезьяны со своими детенышами. Полуметровая цементная пирамида прямо перед дверью указывала на то, что непосредственно под этим местом находятся храмовые Божества.

Абхай вошел в комнату. Через решетчатые окна открывался вид на дворец на Кеши-гхате и величественную башню храма Гопинатхи, а дальше — лишь гладь реки, зеленые берега и небо.

Ознакомив Абхая с особенностями проживания в комнате, а именно показав ему маленькую керосиновую горелку и ведро на веревке, в котором можно было поднимать на крышу воду из колодца, Гопал педантично составил договор аренды и скрепил его гербовой печатью. Абхай написал короткую записку, в которой представлялся учеником покойного Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Прабхупады и подтверждал, что арендует комнату за пять рупий в месяц. Обе стороны поставили под договором подписи.

После омовения Абхай принял *прасад* и прилег отдохнуть. Услышав звон колоколов в храме, он спустился, чтобы увидеть Божества. Гопал, много лет служивший в храме в качестве *пуджари* и бывший свидетелем его реконструкции в 1923 году, рассказал Абхаю, что Божество храма, Вамши-Гопаладжи, было установлено триста пятьдесят лет назад Махантом Прахладой дасом из вайшнавской *сампрадаи* Нимбарки. А Божество Радхарани установил сам Гопал. Черный мраморный Вамши-Гопаладжи, метровой высоты, изящно изогнувшийся в трех местах и держащий флейту, был очень красив. Радхарани, ростом немного ниже Его, была из латуни. На Них были простые одежды из белого хлопка, а алтарь освещал слабый свет керосиновой лампы. Абхай заметил, что о Божествах заботятся, но, поскольку храм беден, у Них нет дорогих одежд и украшений.

Он вернулся на крышу, когда солнце уже садилось. Абхай был там в полном одиночестве и мог спокойно ходить туда-сюда, повторяя *джапу* и наслаждаясь прохладным вечерним ветерком с Ямуны. Изредка по тихим водам реки проплывала лодка, а иногда было слышно, как где-то на Кешигхате какой-то преданный повторяет вечерние молитвы. Абхай был рад, что оказался здесь, в сердце обители Господа Кришны. Он не чувствовал себя приезжим, попавшим в незнакомый город: все здесь было знакомо и дорого ему. Вриндаван — обитель Кришны, а Абхай — Его слуга, слуга шести Госвами и своего духовного учителя. Он был дома.

Когда день сменился сумерками, по всему городу зазвонили колокола. Абхай перешел на западную часть крыши и окинул взглядом город тысяч храмов. В храме Говиндаджи, в храме Ранганатхи и в многочисленных храмах, что поменьше, шли *сандхья-арати* и *киртан* — прославление Господа Кришны.

Абхай реагировал на эти звуки и виды Вриндавана так, как мог реагировать только чистый преданный; он сознавал, что находится на святой земле Кришны, и постоянно ощущал присутствие Господа и Его преданных, а сердце его переполняла благодарность им. И конечно же, он снова думал о проповеди и о том, как помочь другим узнать этот сокровенный покой и блаженство Вриндавана. Кришна, Верховная Личность Бога, приглашал все души прийти к Нему, в Его вечную обитель; но даже в Индии очень немногие понимали это. А за ее пределами люди и вовсе ничего не знали ни о Вриндаване, ни о Ямуне, ни о том, что значит освободиться от мирских желаний. Почему же все в этом мире должны оставаться в неведении?

Вриндаван — это обитель мира, а о ней никто не знает, никто не проявляет к ней интереса. Но ведь это действительно то, что ищут люди!

Абхай думал о журнале «Бэк ту Годхед» и о том, как по милости Кришны он смог бы расширить масштабы проповеди за пределы Индии, на весь мир. Его духовные братья... Конечно, было бы лучше, если бы все они действовали сообща. Создавалось впечатление, что вся их духовная деятельность состоит лишь в поддержании храма (или *ашрама*) и поклонении Божествам. Но для распространения славы Вриндавана нужно было нечто гораздо большее. Абхай повторял *джапу* и думал о Кришне. Постепенно мысли его переключились на октябрьский выпуск «Бэк ту Годхед», который он должен был вскоре отвезти в Дели. Нужно было успеть к сроку.

На следующее утро солнце еще не взошло, а обитатели Вриндавана были уже на ногах. Они омывались в Ямуне, проводили *пуджу* своим Божествам, повторяли *мантры*. Но Абхай поднялся еще раньше; на крыше, в тишине своей комнаты, при свете керосиновой лампы, он работал. Он прилежно писал статьи на английском языке, где цитаты из священных писаний вплетались в узор убедительных аргументов. Он писал в своей тетради несколько часов, страницу за страницей, пока наконец щебет проснувшихся птиц не подсказал ему, что тихая ночь подошла к концу — вскоре взойдет солнце.

Следуя обычному распорядку, он отложил работу и приступил к чтению *джапы*. Он занимался этим прямо в комнате, произнося *мантру* Харе Кришна мягким, низким голосом. Небо было совершенно темным, и Ямуна была еще не видна, а несколько *бабаджи*, повторяя свои молитвы, уже прошли по улицам, направляясь к реке. В четыре часа утра гонги и храмовые колокола по всему городу возвестили о начале *мангала-арати*. Еще час Абхай в одиночестве повторял *мантру*. Затем он приготовился к омовению, с помощью длинной веревки втащив на крышу ведро воды из колодца.

Когда совсем рассвело, он вышел из дома, с мешочком для четок на шее и с несколькими номерами «Бэк ту Годхед» в руке. Выйдя из ворот храма и повернув направо, он миновал узкий, изогнутый проулок и пошел по узким дорожкам и закоулкам, сплетающимся в запутанную сеть. Магазинов в округе не было — лишь молчаливые дома (многие из которых были построены сотни лет назад). На улице стояла тишина. За прикрытыми ставнями кто-то приглушенным голосом пел «Харе Кришна», подыгрывая себе на деревянной трещотке. На перекрестке, где смуглые женщины наполняли колодезной водой латунные кувшины, Абхай повернул налево — там стояли рядом дома с небольшими открытыми крылечками. По обе стороны улицы Абхай видел прекрасную храмовую архитектуру: один парадный вход был украшен двумя каменными львами, другой — резным слоном с клыками, как у тигра. Кирпичная, когда-то оштукатуренная стена с годами облупилась.

Вскоре Абхай подошел к храму Радха-Раманы, основанному почти пятьсот лет назад Гопалой Бхаттой Госвами, одним из главных последователей Господа Чайтаны. Жители Вриндавана, давшие обет ежедневно посещать разные

храмы, входили и выходили, следуя строгому расписанию, не допускающему ни малейшей задержки. Абхай вошел и встал среди верующих, созерцая Божество Кришны, Радха-Раманы. Божество — очаровательная черная фигурка Радха-Раманы, — облаченное в яркие шелка и драгоценные камни и украшенное свежей гирляндой из цветов, выглядело очень роскошно.

Зная, что некоторые из храмовых священников — уважаемые ученые-санскритологи, которые знают еще и английский, Абхай принес с собой несколько экземпляров «Бэк ту Годхед». Он познакомился с Вишвамбхарой Госвами, молодым, лет тридцати с небольшим, священнослужителем, который после смерти отца оставил работу юриста и взял на себя обязанности по управлению храмом. Храм управлялся «кастовыми госвами», поэтому предки Вишвамбхары вот уже пять столетий передавали своим потомкам ответственность за него. Вишвамбхара встречал множество *садху*, но благородство и смирение Абхая с первых минут поразили его. Он взял журналы «Бэк ту Годхед» и немного побеседовал с ним.

После этого Абхай продолжил свой путь по запутанным улицам Вриндавана, чтобы посетить другой храм, храм Радхи-Дамодары. Он прошел мимо пожилых *бабаджи* и женщин, несущих воду, мимо коммерческого магазина, прилегающего к открытой террасе, на которой поклонялись *шивалинге*. Обезьяны, сидевшие на высокой бетонной стене и перебежавшие с крыши на крышу, с карниза на карниз, принялись болтать и жестикулировать, когда Абхай проходил под ними. Постепенно, по мере того как поднималось солнце, на улицах появлялись босоногие дети, играющие перед открытыми дверями домов. Абхай шел, повторяя *джану*, правой рукой перебирая четки в мешочке и едва заметно шевеля губами. Едва ли кто-нибудь во Вриндаване знал его. Но он, культурный пожилой бенгалец, очень гармонично вписывался в окружающую обстановку; он был религиозным *бабу* в городе, где все было посвящено религии.

* * *

Абхай регулярно посещал главные храмы Вриндавана, после чего шел на базар, покупал овощи для приготовления обеда и около одиннадцати часов возвращался в свою комнату. В своей пароварке, состоящей из трех секций, он варил на керосиновом примусе рис и картофель, а иногда готовил *сабджи* и пек *чапати*. Обычно он ел раз в день, в обед, а вечером выпивал чашку молока. Когда не было времени готовить, он принимал *прасад* от Божества. После обеда он дремал минут пятнадцать, а затем приступал к литературной работе. Он редко принимал посетителей и писал в основном в одиночестве.

Перед закатом Абхай снова шел посетить храмы. На Кеши-гхате он проходил мимо сидящих тут и там *садху*, созерцавших Ямуну. Река почти не двигалась: лишь время от времени медленно проплывающие лодки нарушали царивший здесь покой. Иногда на поверхность воды выпрыгивала рыба,

иногда какая-то птица пролетала вдоль реки в поисках добычи. Кеши-гхат был тих и красив, особенно вечером, когда спадала жара. Завидев Абхая, *садху* приветствовали его, как это принято во Вриндаване: «Джая Радхе!» — на что Абхай отвечал по-своему: «Харе Кришна!»

Когда вечером Абхай проходил по городу, он ощущал себя посреди *киртана*. *Киртан* звучал повсюду: в храмах Кришны, Рамы, Чайтаньи, Нрисимхи, Шивы, в залах *ашрамов*, в домах; даже люди, идущие по улице, пели: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Он часто видел бенгальских вдов, собиравшихся вместе. В *ашрамах* Вриндавана жили тысячи таких женщин. Имея только самое необходимое для жизни, в выцветших белых сари, с обритыми головами, они никогда не покидали пределы Вриндавана и не выезжали даже в Матхуру, желая оставаться только во Вриндаване, чтобы здесь и умереть, повторяя «Харе Кришна». Вел такой *киртан* обычно мужчина, сопровождая себя на *мриданге*, а вдовы, неровно хлопая в ладоши, подпевали ему своими детскими голосами. Барабан, хлопанье, пение — хоть и нескладное, но полное искреннего чувства — наполняли вечер приятными звуками. Пока Абхай шел, звуки одного *киртана* стихали, и тут же плавно нарастали звуки другого, чтобы затем тоже стихнуть. И вот уже третий *киртан* встречал его, и мощный гул храмового колокола смешивался со звуками барабанов, бронзовых тарелочек и хором поющих или голосом одинокого пешехода, напевающего на свой лад «Радхе, Радхе».

Здесь даже приветствовали друг друга *киртаном*: «Джая Радхе!», «Харибол!» Мимо проходили люди, с грохотом проезжали телеги, мужчины обменивались шутками или заключали последние в этот день сделки на рынке, коровы брели домой, позвякивая колокольчиками, — все это было так или иначе связано с Кришной. А возвращаясь в уединенный храм Вамши-Гопаладжи, Абхай и тут слышал *киртаны* — только более тихие; может быть, их пели в своей комнате двое, муж да жена: мужчина играл на *мриданге* и пел по одной строке из *бхаджана*, а жена повторяла за ним. Вриндаван — не обычное место. Любое пение было сладостным, каждый был по-своему опытным мелодистом, и каждый пел о Кришне. Кришна присутствовал везде, в каждом событии, в каждом действе.

Шрила Прабхупада: *Никому не под силу понять величие Кришны. И величие Вриндавана тоже. Эта земля, Вриндаван, тоже обладает безграничным могуществом. Даже в наши дни, если вы приедете во Вриндаван, вы ощутите безграничную энергию духовного мира. Если вы отправитесь туда, вы увидите множество святых и мудрецов, — они по-прежнему поклоняются Вриндавана-дхаме. Так же, как поклоняются Кришне, поклоняются и Его обители, Вриндавану, который неотличен от Него Самого.*

Стало трудно постоянно ездить в Дели. Утром Абхай садился в поезд, а вечером того же дня возвращался во Вриндаван, поскольку в Дели негде было остановиться. Это не позволяло оставаться там надолго. Да и денег на дорогу уходило немало. Первое время он останавливался у господина Гупты, благородного и благочестивого человека, серьезно изучавшего «Гиту» и предоставлявшего в своем доме жилье *садху*. Абхай рассказал господину Гупте о журнале «Бэк ту Годхед» и о своем желании проповедовать на Западе. И какое-то время благодаря любезности господина Гупты Абхай мог спокойно писать. Но вскоре комнату занял другой.

Несмотря на то что траты Абхая на личные нужды были минимальны, трудно было собрать столько пожертвований, чтобы хватило на поездки, печать и почтовые расходы. Распространять журналы «Бэк ту Годхед» было несложно, и во Вриндаване он это делал, но работать приходилось в одиночку — самому писать, редактировать, продавать и собирать пожертвования. Господин Джайн, печатник, удивлялся, зачем человеку идти на такие трудности и издавать журнал, если ему это совершенно не по силам.

Шрила Прабхупада: Я работал над журналом «Бэк ту Годхед» днями и ночами. В начале, когда я был семейным человеком, меня не заботило, заплатили мне за журнал или нет. Я распространял его и не думал об этом. Но когда я оставил жизнь грихастхи и стал жить один, то во Вриндаване, то в Дели, то путешествуя ради издания журнала, для меня наступили очень тяжелые дни.

После того как 20 ноября 1956 года вышел очередной, двенадцатый номер журнала, деньги закончились. И господин Джайн вынужден был сдаться, сказав, что больше не может печатать просто по старой дружбе. Абхай вернулся во Вриндаван и продолжил писать, не представляя, когда и как все это будет опубликовано.

Журнал «Бэк ту Годхед» потерпел экономический крах — люди не хотели становиться сознающими Кришну. У них «не было времени». Были в Индии *садху* влиятельные и знаменитые, но Абхай к ним не принадлежал. Еще бы! Бескомпромиссная проповедь, которой он научился у духовного учителя, техника «рубки плеча», к которой он прибегал, подвергая открытой критике почтенных политиков и святош, едва ли могли принести ему признание и покровителей. «Не льстите, — говорил Бхактисиддханта Сарасвати, — говорите правду. И если Кришна будет доволен, то вас ждет успех. Деньги придут». И Абхай твердо в это верил.

Вера в духовного учителя — вот что особенно отличало Абхая. Он не сомневался, что, просто следуя Шриле Бхактисиддханте Сарасвати, стяжает его благословения и благословения Господа Чайтаньи. Хотя за последние два года он действовал самыми разными способами, не упуская ни одной, даже малейшей возможности, цель его оставалась прежней — он должен был исполнить приказ Бхактисиддханты Сарасвати. Он был убежден: рано или поздно он получит необходимую поддержку и найдет себе отзывчивых слушателей, и тогда искренние люди последуют за ним.

Во Вриндаване Абхай получил письмо от своего ученика, Прабхакара Мишры, и ему пришла в голову одна идея. Ачарья Прабхакар, который к тому времени стал секретарем санскритского факультета «Бхаратия видья бхавана» в Бомбее, приглашал Шрилу Бхактиведанту Прабху к себе, чтобы, как в старые добрые времена, вместе проповедовать сознание Кришны. Основателем и управляющим «Бхаратия видья бхавана» был губернатор К.М. Мунши — тот самый, чья жена заставила Абхая покинуть «Мемориал Радхи» в Джханси. Но Ачарья Прабхакар, недавно подружившийся с губернатором, по секрету сообщил Абхаю, что тот может помочь. И поэтому в январе 1957 года Абхай выехал в Бомбей, заверив Маханта Гопала в том, что вернется, и пообещав ему высылать пять рупий в месяц за комнату.

Поселив Абхая в общежитии факультета, Ачарья Прабхакар начал знакомить его с учеными и религиозными деятелями. Вместе они отправились на лекцию губернатора Мунши «Что случилось с миром?». После лекции Абхай подошел к губернатору и поблагодарил его за выступление, при этом подчеркнув, что для предотвращения глобальных катастроф необходимо духовное движение. А без сознания Бога даже работа господина Мунши в «Бхаратия видья бхаване» обернется лишь напрасной тратой времени. Абхай поведал ему о своей мечте возродить Лигу преданных и о том, что свою роль в «Бхаратия видья бхаване» он видит в оживлении культурных программ губернатора «сознанием Бога». Губернатору Мунши идея понравилась, и он предложил Абхаю стать почетным профессором «Бхагавад-гиты». Абхай принял предложение и подарил губернатору несколько номеров «Бэк ту Годхед», чтобы тот прочитал их в свободное время.

Став почетным профессором «Бхагавад-гиты», Абхай начинал каждую свою лекцию с *киртана*, после чего рассказывал о «Гите», представляя Господа Кришну как Верховную Личность Бога. Но вскоре он почувствовал, что новое положение очень его ограничивает. Он не увидел почти никакой возможности восстановить Лигу преданных в «Бхаратия видья бхаване».

Через некоторое время Абхай вместе с остальными представителями «Бхаратия видья бхавана» посетил пятый ежегодный съезд Всемирной академии санскрита на Курукшетре (там, где пять тысяч лет назад Господь Кришна поведал «Бхагавад-гиту»), В обсуждениях приняли участие президент Индии, доктор Раджендра Прасад, губернатор Мунши, а также многие ученые и *пандиты* со всех концов Индии. Но каждый на этом собрании, помимо наставлений Господа Кришны, излагал какие-то собственные идеи, и Абхай посчитал этот съезд пустой тратой времени. Его не было в числе выступающих, а дискуссии непреданных о «Гите» его только расстраивали, да и вообще он не видел от этого собрания теоретиков никакой реальной пользы. Поэтому он уехал с Курукшетры и вернулся во Вриндаван.

Вскоре за ним последовал и Ачарья Прабхакар. Беседуя с ним в своей комнате, в храме Вамши-Гопаладжи, Абхай снова поделился с ним желанием восстановить Лигу преданных. Побывав на этих культурных программах в Бомбее и на Курукшетре, где в речах лилось столько «воды», он еще острее

почувствовал необходимость создания общества чистых преданных. Вокруг было полным-полно культурных и религиозных организаций; если бы он захотел, то мог бы присоединиться к любой из них. Но делу какой организации мог бы отдаться всем сердцем? Одна только Лига преданных была верна делу Господа Чайтаньи и Бхактисиддханты Сарасвати: энергичной и решительной проповеди преданного служения Господу Кришне, Верховной Личности Бога, по всему миру.

От имени Лиги преданных Абхай написал черновик «Обращения к великодушным читателям, современным философам, руководителям и религиозным деятелям». В этом обращении Абхай перечислил задачи Лиги: издавать журнал «Бэк ту Годхед» на английском языке (с переводом на многие другие языки), обучать юношей и девушек проповеди по всему миру и основать издательство, которое будет публиковать исключительно духовную литературу. Затраты на эти программы составят около трех тысяч рупий в месяц, поэтому он обращается за помощью. В заключение Абхай сказал: «Вриндаван — это главнейшее из святых мест, поэтому штаб-квартира Лиги располагается здесь». Пытаясь произвести впечатление такими своими титулами, как «почетный профессор „Гиты“, „Бхаратия видья бхаван“» и «почетный секретарь „Хари бхавана“», Абхай с помощью Ачарьи Прабхакара еще раз попытался объединиться с кем-то, чтобы печатать «Бэк ту Годхед» и воскресить Лигу преданных.

Через несколько дней Ачарья Прабхакар вернулся в Бомбей, а Абхай снова остался во Вриндаване один. Он любил Вриндаван, но, не имея средств для издания журнала и проповеди, не чувствовал полного удовлетворения. Если бы он путешествовал, то смог бы привлечь новых участников в свою Лигу. Он подумал о Канпуре, соседнем городе, в котором было свыше сотни крупных предприятий и множество богатых бизнесменов (с некоторыми из них он встречался во время деловых поездок). Он решил туда съездить. Напечатав несколько анкет для желающих вступить в Лигу преданных, он сказал Маханту Гопалу, что уедет на пару месяцев.

Махант был удивлен. Большинство пожилых *садху*, живущих во Вриндаване, даже и не думали куда-то уезжать отсюда; некоторые даже давали обет никогда не покидать Вриндаван, а этот тихий *бабу* постоянно приезжал и уезжал.

* * *

В Канпуре Абхай активно проповедовал, останавливаясь в разных домах и пропагандируя идею Лиги преданных. Как гость «Анандешвар-сатсанг-мандалы», он регулярно читал лекции на широко известном Пармат-гхате, на Ганге. Прежде всего он знакомился с промышленниками и преподавателями и много, иногда по несколько часов кряду, с ними беседовал. Его преданность делу и мягкость в общении производили огромное впечатление на многих из

них. Но собрать крупную сумму так и не удалось. Когда он познакомил богачей-магнатов с условиями членства, они, как правило, соглашались только на «подписчика», что предусматривало ежегодный взнос в размере двух рупий. Он собрал несколько благодарственных писем, но через два месяца уехал.

Проведя несколько месяцев во Вриндаване, Абхай решил вернуться в Бомбей, чтобы проповедовать. В Бомбее он быстро порвал связи с закосневшим «Бхаратия видья бхаваном» и съехал из факультетского общежития. По неделе живя в домах своих доброжелателей, он пытался пробудить в них интерес к своей миссионерской деятельности. Друг Ачарьи Прабхакара предложил Абхаю выступить перед многочисленной аудиторией на бомбейском пляже, воскресным вечером. Абхай согласился. Следуя давней традиции, он сидел на подстилке, и собравшиеся — от пятисот до тысячи человек — слушали, как он говорит о философии «Бхагавад-гиты». Абхай читал лекции несколько вечеров подряд. Выступать приходилось и в других местах. В одну из недель он несколько раз проводил лекции в бомбейском храме Вишну.

Но Абхай не хотел ограничиваться чтением отдельных лекций случайным слушателям — он рассчитывал на большее. В нем постоянно росла убежденность, что он должен проповедовать за пределами Индии. Конечно, идея эта зрела уже давно. Он излагал ее и в проекте Лиги преданных, и на собраниях в «Мемориале Радхи» в Джханси, и во время встреч в делийском Бирла-мандире, и во многих, многих других случаях. Сотни раз он говорил об этом в частных беседах со знакомыми. Мечта эта красной нитью проходила через все его литературные труды.

Ради выполнения наказа Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати проповедовать на английском языке он готов был отправиться куда угодно. В Индии англоговорящих людей было совсем немного, поэтому Абхай мечтал о поездке на Запад. Если он может ездить в Бомбей, Дели и Канпур, то почему бы не поехать в Лондон или Нью-Йорк, где миллионы людей говорят на английском и при этом никогда не слышали о послании Господа Чайтаньи? В письме господину Веду Пракашу, владельцу предприятия в Канпуре, Абхай рассказал о своей идее.

Господь Чайтанья говорил: *пранинам упакарайа* — «ради блага всех живых существ»... Хотя члены Красного Креста одинаково относились ко всем раненым солдатам, оказывая первую помощь на полях сражения, они отдавали предпочтение тем, у кого было больше шансов выжить. *Безнадежных иногда бросают...*

В Индии, даже после обретения *свараджа*, преобладают взгляды под знаком «Сделано в Лондоне». Это долгая история. Но если вкратце, правительство Индии, прикрываясь «светскостью» государства, перенимает все иностранное. Наши вожди осмотрительно отстранились от сокровищницы индийского духовного наследия и пытаются подражать материалистическому

западному образу жизни, постоянно допуская ошибки, испытывая опасения, опираясь на несовершенные чувства и лицемеря.

Ведическое знание Индии выше всех этих недостатков обусловленной души. Но мы, индийцы, сейчас пренебрегаем этим удивительным знанием. Происходит это из-за его неправильного использования...

В Индии «Веданта-сутру» представляют разные *неавторитетные личности*, которые только сбивают людей с толку. Новоявленный националистический энтузиазм индийских руководителей, промышленников и стратегов не оставляет им ни времени, ни желания понять «Веданта-сутру» или даже «Бхагавад-гиту». Невозможно служить человечеству, не имея надлежащего руководства...

Итак, моя идея проповеди за границей основана на том, что жители Запада уже сыты по горло материальным прогрессом. Они ищут наставлений «Веданта-сутры» или «Бхагавад-гиты» в достоверной, неподдельной форме. Я уверен, что, когда европейцы, американцы и т.д. примут эти принципы, Индия вновь вернется на путь духовной жизни, ибо сейчас индийцы больше напоминают нищих, которые забыли о своем богатстве. Такова моя точка зрения. Но, как бы то ни было, мы должны интересоваться лишь возможностью служить.

Одним из способов расширения проповеди была рассылка номеров журнала «Бэк ту Годхед» за пределы Индии. Чтобы привлечь спонсоров, Абхай обещал печатать их имена в каждом номере. Он хотел собрать много пожертвований и на эти деньги основать большое издательство, которое будет рассылать «Бэк ту Годхед» более чем в пятьдесят стран мира. Он установил квоты: Америка будет получать десять тысяч экземпляров, Аргентина — пятьсот, Бельгия — пятьсот, Бразилия — пятьсот, Бирма — тысячу, Канада — пятьсот, Чили — пятьсот, Китай — десять тысяч, Россия — десять тысяч, Англия — десять тысяч и т.д. Но спонсоров так и не нашлось.

Абхай замечал, что, в то время как образованные, «культурные» индийцы отвергают свое духовное богатство, религиозно настроенный народ подвергается массовой атаке всевозможных противоречивых, ложных доктрин, которые выдаются за индуизм. Вот лишь один пример — тревожный случай, свидетелем которого Абхай стал во время своей проповеди в Бомбее, летом 1958 года. Некая религиозная группа, чья философия противоречила чистому учению, передаваемому *парампарой*, объявила «Неделю „Бхагвата“». «Бхагавата», или «Шримад-Бхагаватам», — «литературное воплощение Кришны», непревзойденное священное писание о преданном служении Господу. Но организаторы «Недели „Бхагвата“» использовали это священное писание, чтобы проповедовать имперсонализм, принижая при этом положение Господа Кришны. От друзей Абхай узнал об этих возмутительных собраниях и 28 июля 1958 года написал Шри Ратанши, вдохновителю «Недели „Бхагвата“», умоляя его не прикасаться к «Шримад-Бхагаватам».

Спешу сообщить Вам, что через секретаря бомбейского духовного центра получил Ваше приглашение посетить «Неделю „Бхагвата“». Однако, зная, что за «Недели „Бхагвата“» обычно устраивают *майявади*, вводя в заблуждение наивную публику, я не только воздержался от посещения этого мероприятия, но и посоветовал многим другим не ходить туда, по одной простой причине: священный «Бхагват» будут читать люди, лишённые доступа к этому великому писанию, обсуждать которое могут лишь освобожденные души, не оскверненные притворной религиозностью... Мои друзья, которые побывали на вашей «Неделе „Бхагвата“», рассказали мне, как, под предлогом защиты Кришны от упреков в аморальности, ваша организация неверно истолковывала Его игры. Чтобы спасти будущих неразумных слушателей, Махараджа Парикшит еще в далеком прошлом попросил Шрипада Шукадеву Госвами разъяснить *раса-лилу* Господа Шри Кришны. Трансцендентная природа *раса-лилы* не нуждается в защите *майявади* или мирских моралистов. *Лила* есть *лила*.

В тридцатой *шлоке* материалисту запрещается слушать о *раса-лиле*, и... точно так же запрещается слушать о *раса-лиле* от материалиста. В Вашей организации и слушатели, и лектор — материалисты, и для них касаться *раса-лилы* — такая же беспросветная глупость, как пытаться подражать Рудре, проглотившему океан яда.

Абхай предупредил, что за подобное религиозное жульничество можно подать на организацию в суд. Но «Неделя „Бхагвата“» продолжалась, и сотни людей были обмануты.

В то время как люди, провозглашавшие себя последователями ведической культуры, уже не понимали толком, во что им верить, современные европеизированные индийцы вообще отвергали ее, считая пережитком прошлого. Премьер-министр Неру, совершенно не склонный к духовности, ратовал за модернизацию и за то, что Абхай называл «взглядами под знаком „Сделано в Лондоне“». Махатма Ганди, никогда не отвечавший Абхаю на письма, был, по крайней мере, духовным человеком. Этого нельзя было сказать о Пандите Неру, его преемнике. Но, озабоченный тем, что вожди Индии отвергают духовное наследие своей страны, Абхай решил написать Пандиту Неру письмо.

Хотя в Бомбее Абхай был практически бездомным, в августе 1958 года он написал премьер-министру смелое письмо, выражавшее его убежденность в том, что духовную культуру Индии нужно не только возродить, но и распространить на Западе. Он напомнил Пандиту Неру, что со времен Древней Греции и до атомного века Запад видел только материализм и потому никогда не знал настоящего мира. И если Неру будет продолжать следовать по тому же пути, единственное, что ждет Индию, — это раздоры и война.

Поэтому Индия не должна тратить время, подражая западному образу жизни. Вы согласны с тем, что индийская культура стоит очень высоко, но в то же время хотите добиться материального процветания путем научного прогресса. Но что это за научное знание? Духовность — это тоже прогрессивное научное знание. Прогресс материальной науки не способен принести людям даже материального процветания. Неужели Вы думаете, что безлошадная карета, телефонная или радиосвязь или любое другое эфемерное удобство может принести человеку материальное процветание? Нет, это невозможно. Материальное процветание означает, что у людей должно быть достаточно пищи и того, что нужно для нормального существования тела. Вы думаете, что Ваши планы принесли людям материальное процветание или что современная западная цивилизация может привести к этому процветанию? Даже если людям предоставят все удобства, беспокойства будут продолжаться до тех пор, пока люди не получают духовного удовлетворения. В этом секрет настоящего мира.

Несмотря на то что Абхай никогда не был на Западе, он выражал свою убежденность в том, что и американцы, и русские стремятся к духовной жизни; они не могли удовлетвориться только лишь материальным прогрессом. И поэтому Пандит Неру должен помочь своим западным друзьям, предложив им духовное знание из Индии.

Бедность — это нехватка знания. Премьер-министр Чанакья жил в соломенной хижине, но именно он руководил Индией во времена Чандрагупты. Махатма Ганди добровольно вел образ жизни бедняка, но судьба Индии была в его руках. Но был ли он бедняком? Он гордился своим духовным знанием. По-настоящему богатым человека делает духовное знание, а не радиоприемник, не автомобиль и т.п.

В тридцатых годах семья Неру покупала у Абхая лекарства в «Праяг фармаци». Теперь Абхай обращался к Пандиту Неру как к старому другу из Аллахабада, с той же просьбой, с которой в свое время обращался к Махатме Ганди, — он просил Неру оставить политическую карьеру «...и, как подобает известному в мире человеку, посвятить остаток своей жизни деятельности в этом организованном духовном движении, чтобы осуществить подлинное объединение западной материальной науки с индийским путем духовного осознания». Так же, как и Ганди, Неру оставил его письмо без ответа.

В Бомбее жил один землевладелец, господин Харбанслал, старый знакомый Абхая. Когда-то он пообещал Абхаю, что, если тому понадобится жилье, он ему поможет. Летом 1958 года Абхай решил навестить этого человека, но узнал, что тот уехал на Запад. А когда Абхай услышал, что своей поездкой господин Харбанслал, помимо коммерческих, преследовал и культурно-миссионерские цели, его воображение ухватило за образ индийца, выполняющего культурную миссию на Западе. В письме господину

Харбанслалу Абхай попросил его предоставить ему жилье, а также рассказал о своей культурной миссии. Абхай знал, что на Западе многие с уважением относятся к индийской культуре. Он слышал от одного своего духовного брата, немца по происхождению, что, хотя индийцы, приезжая на Запад (особенно в Германию), всегда встречали радушный прием, люди иногда проверяли, насколько хорошо они знают свою культуру. И поэтому Абхай советовал господину Харбанслалу учить людей во время путешествий истинным постулатам индийской культуры.

Я думаю, что в наше беспокойное время, когда атомная бомба нависла над головой всего человечества, людям необходимо это послание Индии.

...Поэтому, раз уж Вы уехали туда, пожалуйста, начните деятельность на благо всего человечества.

Но, конечно, Абхай все-таки предпочел бы поехать сам.

Он не забыл напомнить господину Харбанслалу о его обещании предоставить ему квартиру: «Я влачу свои дни в Бомбее и в отсутствие подходящего жилья испытываю страшные неудобства». Однако письмо так и не дошло до путешествующего господина Харбанслала.

Желая как можно скорее отправиться на Запад, Абхай навестил в Бомбее одного из духовных братьев, Крипасиндху, и попросил его о помощи.

Крипасиндху: Он пришел ко мне и попросил помочь ему отправиться в Америку. Он вручил мне несколько номеров «Бэк ту Годхед», которые, как он сказал, я могу показывать людям с просьбой помочь ему. Я попытался кое-что сделать. Я представил Абхая Бабу одному человеку, крупному промышленнику, Хемраджу Кханделвале. Сам я тоже пошел туда. Мы сели втроем, и я рассказал этому человеку о том, что Абхай хочет отправиться на Запад и что он хороший преданный, что он писатель и очень много делает. Но тот почему-то так и не помог.

Крипасиндху рассказал Абхая, что в Бомбее Гаудия-матху иногда помогает богатая и благочестивая госпожа Сумати Морарджи, директор судоходной компании «Синдия». Абхай попытался с ней встретиться, но у него ничего не получилось. Однако ему удалось переговорить с одним из представителей госпожи Морарджи, менеджером компании «Синдия», который выслушал его и, к удивлению Абхая, проявил великодушие. Считая Абхая настоящим садху, агент «Синдии» предложил ему пятидесятипроцентную скидку на рейс из Индии в Соединенные Штаты. Он даже зафиксировал свое предложение в письменном виде. Абхай сразу же начал оформлять паспорт и визу. Но даже половины суммы стоимости проезда собрать не удалось.

Начиная с 1956 года, когда он перебрался в Дели, его положение всегда оставалось очень тяжелым. У него не было постоянного жилья. И сейчас, думая о том, что за последние два года странствий за пределами Вриндавана его положение не улучшилось, он пришел к выводу, что, возможно, Кришна не

хочет, чтобы он шел этим путем. Но был во всем этом один плюс: в его сердце теперь появилась решимость отправиться на Запад, чтобы проповедовать. Там его, несомненно, ждет успех.

* * *

Один, без денег, Абхай вернулся во Вриндаван. Ему было уже шестьдесят два года, но он и не думал удаляться от дел. Он был как никогда отрешен и погружен в себя. Ему хотелось писать статьи и книги. А поскольку его здесь почти никто не знал, он был всецело предоставлен сам себе.

Живя во Вриндаване, он наслаждался глубоким покоем. Из окна своей комнаты он мог беспрепятственно созерцать в одиночестве спокойное течение священной Ямуны. Окрестности Кеши-гхата были тихим местом — только перед рассветом до него доносились голоса немногочисленных преданных, совершающих омовение и повторяющих *мантры*. В полнолуние река казалась мягко сияющим драгоценным камнем. Поутру неясным красным пятном поднималось солнце, как тлеющий костер, прожигающий мутную стену тумана и в конце концов взрывающийся, своим светом расчищая небо. А в знойный полдень, когда в комнате царила прохлада, Абхай любовался из окна ярким полуденным солнцем и его трепещущим отражением на серебряной глади спокойной реки. Прямо с порога комнаты он видел на много километров сотни тесно прижавшихся друг к другу храмов приветливого Вриндавана. Постоянные храмовые *киртаны* под звон колоколов и звучавшие во многих домах и на улицах простые песни, посвященные Господу Кришне, наполняли воздух преданностью.

На веранде Абхай мог повторять *джану*, и ему никто не мешал. Он наслаждался простой, почти беззаботной жизнью с минимальными потребностями — несколько часов сна ночью, немного *прасада* в полдень и простая одежда. Не нужно было никому льстить, никого содержать, ни за кого отвечать. Его мысли были свободны и сосредоточены на служении духовному учителю. Он воспринимал свое теперешнее положение как подготовку к некоему важному делу, ожидающему его впереди. Несмотря на преклонный возраст, Абхай чувствовал, что еще даже и не начинал главное дело своей жизни. Но он твердо верил. Он ясно рисовал в своем воображении всемирную организацию вайшнавов. И это была не просто мечта, хотя пока он не представлял себе, как именно это станет реальностью. Но он знал свои обязанности. Сейчас Абхай будет просто продолжать работу над книгами и статьями, излагая в них свои мысли и мысли духовных учителей, его предшественников. Но при первой же возможности он отправится на Запад. Он пришел к выводу, что люди Запада не удовлетворены жизнью, комфортной в материальном отношении, но лишенной духовного знания, и они будут более восприимчивы к посланию Абсолютной Истины, чем индийцы, его

сограждане. Он знал, что должен туда ехать. И поедет — если на то будет воля Кришны.

Во Вриндаване Абхай жил очень экономно, всегда записывая свои расходы и доходы. Он аккуратно вел бухгалтерскую книгу, как если бы руководил важным коммерческим проектом, хотя расходы состояли только в том, чтобы купить немного молока, овощей, угля для приготовления пищи, оплатить проезд на автобусе и, главное, отправить нужные письма.

* * *

Во Вриндаване Абхай написал стихотворение на бенгали под названием «Вриндавана-бхаджана». Вступительные его строфы особенно глубоки и сокровенны.

1

Я один во Вриндавана-дхаме.
И в таком состоянии я начинаю многое понимать.

У меня есть жена, сыновья, дочери, внуки — все,
Но нет денег, поэтому гордиться особо нечем.
Кришна показал мне настоящее лицо материальной природы;
Сегодня все это по Его милости утратило для меня всякий вкус.
Йасйахам анугрхнами харишйе тад-дханам шанаих:
«Я все забираю у тех, к кому Я особенно добр».
Где мне было понять эту милость Всемиловитого?

2

Видя, что я остался без денег, меня все покинули —
Жена, родственники, друзья, братья, — все.
Это несчастье, но я только смеюсь. Я сижу в одиночестве и смеюсь.
Кого я по-настоящему люблю в этой *майя-самсаре*?
Куда ушли мои любящие отец и мать?
Где все мои старики, где родные?
Кто скажет мне, что с ними сейчас? Скажите, кто?
Что осталось от этой семьи? Просто список имен.

3

Что пена морская, что снова теряется в море,
То и игры *майя-самсары*.
Нет ни отцов, ни родственников, ни матерей —

Словно пена морская, они остаются с нами лишь на короткое время.
И как пена морская сливается с морем,
Так и тело, созданное из пяти элементов, рассыплется в прах.
Сколько ж тел таких получает воплощенная душа?
Все родные ее — родны только бrenному телу.

4

Но духовно, брат, каждый — твой родственник.
И в этой любви нет и намека на *майю*.
А Верховный Господь — душа всех.
Для Него все равны в этом мире.
Все твои родственники, брат! Все миллиарды *джив*.
Взгляни — когда все они связаны Кришной, все пребывают в согласии.
Забыв о Кришне, *джива* желает мирских удовольствий,
И *майя* крепко хватает ее.

* * *

Посетив в октябре Дели, Абхай получил от человека по имени Кавирадж Байдьянатх Сиркар пожертвование на издание тысячи экземпляров «Бэк ту Годхед». Быстро, к 20 октября, Абхай выпустил очередной номер журнала, на первой полосе которого было напечатано имя спонсора. Это был первый номер за два года. Еще один спонсор, господин Субодх Кумар Капур из компании «Рамалал Капур и сыновья», последовав примеру господина Сиркара, оплатил печать тысячи экземпляров для номера от 20 ноября.

Передовая статья ноябрьского номера была озаглавлена «Истина и красота». Автор передовицы в «Таймс оф Индия», размышляя на тему, совместимы ли истина и красота, приходил к выводу, что истина не всегда красива, а зачастую уродлива и неприятна. Абхай не соглашался: «Истина настолько прекрасна, что многие мудрецы, святые и преданные оставляли ради нее всё... Но мы с незапамятных времен привыкли любить вместо истины ложь». Однако с тем, что мирская истина и красота несовместимы, Абхай был согласен. Мирская истина не только не красива — это вообще не истина, а мирская красота не является подлинной красотой. По этому поводу Абхай рассказал притчу.

Некий мужчина влюбился в красивую девушку. Девушка попыталась отказать ухажеру, но тот был настойчив. Тогда она попросила его подождать неделю, после чего обещала принять его предложение. В течение следующих семи дней девушка пила сильнодействующие слабительные и рвотные средства, страдая от непрерывного поноса и рвоты. Все, что из нее выходило, она сохраняла в больших горшках. Через неделю «так называемая красивая

девушка стала худой, как скелет, кожа ее почернела, а прекрасные глаза ввалились».

В назначенный час... он пришел разодетым и, увидев ожидавшую там безобразную девушку, осведомился у ней о той красавице, на встречу с которой пришел. Он не смог узнать в этой девушке ту самую красавицу, о которой спрашивал; более того, он не узнал ее даже после того, как она несколько раз сказала ему, кто она — в таком жалком состоянии она находилась.

Наконец девушка сказала этому влиятельному человеку, что выделила составные части своей красоты и собрала их в горшки. Она сказала также, что он может насладиться этими «соками красоты». И когда наш мирской романтик попросил показать ему их, она подвела его к сосудам с жидкими испражнениями и рвотой, от которых исходил невыносимый запах. Так ему была поведена история происхождения «жидкой красоты».

Далее Абхай доказывал, что литература, которая не описывает Высшую Истину и красоту Верховной Личности, даже если это — поэзия и философия, ничем не лучше испражнений и рвоты.

В статье «Критерий нравственности» Абхай объяснял: «Нравственность есть критерий деятельности, удовлетворяющей Верховного Владыку». В священных писаниях даются нравственные принципы, запрещающие порочные половые связи, убийство животных, прием одурманивающих средств и азартные игры. Успех Махатмы Ганди как вождя нации Абхай связывал с тем, что тот следовал моральным принципам. Также Абхай превозносил ведическую систему брака: «по достижении половой зрелости у девушки появляется потребность в мужчине, и если к этому времени ее не выдать замуж и позволить свободно общаться с юношами, то ничего удивительного, если и девушка, и юноша окажутся на грани падения». Несмотря на изменение общественных порядков, Абхай настаивал: «Вы не должны позволять себе порочные связи с противоположным полом, оправдывая это тем, что изменились общественные условия. Незаконная связь с женщиной — это корень всех пороков».

В статье «Обманутые ученые» Абхай представил критический разбор издания «Бхагавад-гиты» с комментариями доктора Радхакришнана, цитируя, в частности, тридцать четвертый стих из девятой главы, где Господь Кришна утверждает, что нужно всегда думать о Нем и стать Его преданным. Доктор Радхакришнан прокомментировал этот стих так: «Мы должны вручить себя не Кришне как личности, но нерожденному, безначальному, вечному, которое говорит через Кришну». Хотя в «Бхагавад-гите» ясно сказано, что человек должен предаться Кришне, Верховной Личности, имперсоналисты вроде доктора Радхакришнана искажают и затемняют ее прямой смысл, жонглируя словами.

В день ухода Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Абхай остро почувствовал разлуку с духовным учителем. Он прекрасно понимал, что наставления Шрилы Бхактисиддханты важнее, чем его физическое присутствие, и что духовный учитель живет в своих наставлениях, — и в этом смысле Абхай никогда не разлучался с ним. Но каждый год в этот день он чувствовал великую утрату. Абхай вспоминал 1932 год — тогда он был *грихастхой* и только-только стал учеником. В ту пору он не мог, как сейчас, уделять служению столько времени, сколько хотелось. Но тогда он мог видеть своего духовного учителя, кланяться ему, принимать остатки его *прасада*, гулять с ним, слышать его голос, обмениваться взглядами. Абхай вспоминал о встречах с ним.

Как могущественна была миссия Шрилы Бхактисиддханты! Его типографии работали день и ночь, печатая книги, журналы, газету «Надия пракаш». А какое поле для проповеди открывалось в Европе! Гаудия-матх со Шрилой Бхактисиддхантой у руля вступил в бой с силами *майи*, и Бхактисиддханта вселял в сердца своих учеников бесстрашие. Абхай всегда горячо желал служить духовному учителю, служить в Гаудия-матхе, штаб-квартира которого находилась в Калькутте. Но четкого представления о своем служении он не имел, пока не получил последнее письмо от Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

Абхай оглядывался на двадцать с лишним лет, прошедшие с тех пор, как его духовный учитель оставил этот мир. Гаудия-матх был разрушен своими вождями, а остальные разлетелись, как листья в бурю. Это была неопишуемая утрата. Старая история — «великие *санньяси*» не подчинились указанию духовного учителя и ударились в интриги, споры и судебные процессы. Жестокие распри, самозванные лидеры, претендующие на место всемирного *ачарьи*, — на чьей стороне была правда? Ни на чьей. Ошибались и те и другие, жестоко ошибались — и в итоге Гаудия-матх распался. Остались десятки маленьких *матхов*, а проповедь прекратилась — та настоящая проповедь, которая была прежде, когда их *гуру*, подобный льву, навел страх на *майявади* и возглавлял победный марш армии молодых, могущественных проповедников по всей Индии и за ее пределами. Но сильнее всего от раскола Гаудия-матха пострадали простые люди, непреданные, которым больше неоткуда было ждать спасения от сокрушительных ударов *майи*. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати начал духовную революцию, но его революционное движение было подавлено *майей*. Гаудия-матх тихо разметало на отдельные, почти ни на что не способные клочки. А простые люди продолжали страдать.

Абхай воскрешал в своей памяти моменты, связанные с духовным учителем. Он был уверен в том, что его связь со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати не оборвалась, а их взаимоотношения продолжались, но все же чувствовал себя беспомощным. Он прилежно исполнял наказ духовного

учителя — проповедовать на английском языке. Но, лишенный его физического присутствия, Абхай ощущал себя ни на что не годным и очень, очень одиноким. В такие минуты он вспоминал прежние времена, когда у него были семья и свое дело, — вспоминал свое участие в миссии гуру.

Оплакивая уход Шрилы Бхактисиддханты и падение Гаудия-матха, он сочинил стихотворение на бенгали «Вирах-аштака».

Шрила Прабхупада, Вы всегда сострадательны к душам, которые терпят мучения.

Разлука с Вами гнетет меня.

Нитьянанда, безграничный океан милости, устраняющий иллюзию, устроил наводнение любви к Богу.

Джата-госани перекрыли этот поток любви,
Но ты, о Господин, сойдя в этот мир, рассеял их чары.

И снова все погрузились в потоки любви,
И даже я, падший, ничтожный и грешный.

Повинуясь приказу Господа Чайтаны,
Вы сделали всех своих слуг учителями и велели им ходить от двери к двери.

И они проповедовали повсюду, от океана до Гималаев.
Теперь, когда Вас нет, все погрузилось во мрак.

О Шрила Прабхупада, Вы всегда сострадательны к душам, которые терпят мучения.

Разлука с Вами гнетет меня.

Адвайта Прабху призвал Господа Гауру,
И Бхактивинода молился так же.

Своим вдохновением он призвал Вас;
уступив его горячему желанию, Вы пришли
И дали каждому понять, что Индия — святая земля.

Тот, кто родился на земле Бхараты,
Должен сделать свою жизнь совершенной и проповедовать другим.

Вы проповедовали послание *маха-мантры* повсюду.
Теперь, в Ваше отсутствие, о Господин, все погрузилось во тьму.

Поток Вашего сострадания снова был остановлен.
Копье этой великой беды пронзило мне сердце.

Без послания Господа Чайтаньи мир ожидает лишь смятение.
Видя это, вайшnavы испытывают боль разлуки.

Обусловленные души снова ввергнуты во тьму.
Они ищут мира, но гибнут в океане тревоги.

О Шрила Прабхупада, Вы всегда сострадательны к несчастным душам,
которые терпят мученья.

Меня гнетет разлука с Вами.

Абхай видел настоящее в мрачном свете. Золотой век проповеди, расцветшей во времена Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, закончился. «Под влиянием *майи*, — писал Абхай, — теперь все погрузилось во тьму... Все наставления о преданности нарушены... Все повернулось вспять». Размышляя об этом великом человеке, своем духовном учителе, наделенном божественной энергией и способном спасти весь мир, Абхай признавался в собственном бессилии и беспомощности: «Из-за тех, кто не был тверд в преданном служении, одна организация разделилась на множество ветвей... Ваше ясное послание не было услышано. Где мне взять силы для движения *санкиртаны*?» Как мог он, подобный беспомощному ребенку, выжить без своего духовного отца? Кто теперь спасет этот угнетенный, как никогда, мир?

Шрила Бхактисиддханта говорил, что мертвец не может проповедовать; проповедовать может только тот, в ком есть жизнь. До тех пор, пока Абхай и другие способны глубоко сожалеть о крушении Гаудия-матха, жизнь теплится и надежда остается: «Если бы каждый воспользовался этим правом, вышел и стал принимать учеников, то страждущие души можно было бы спасти». Бесполезно лить слезы по поводу того, что натворили духовные братья. Но обдумывая и оценивая происшедшее, Абхай, хотя и чувствовал боль от одной только мысли об открывавшихся ранее возможностях, видел и то, что по-прежнему можно было бы сделать.

Он послал свое стихотворение и «Вриндавана-бхаджану» Кешаве Махарадже, и тот опубликовал их в газете «Гаудия патрика».

* * *

Однажды ночью Абхаю приснился удивительный сон, тот самый, который он уже несколько раз видел, когда жил с семьей. Ему явился Шрила Бхактисиддханта Сарасвати. Абхай сразу же узнал его — высокого, ученого *санньяси*, который пришел прямо из духовного мира, из личного окружения Кришны. Он окликнул Абхая и жестом приказал следовать за собой. Он

несколько раз назвал Абхая по имени и повторил свой жест. Он просил Абхая принять *санньясу*. «Иди, — настаивал он, — стань *санньяси*».

Абхай проснулся в изумлении. В этом приказе он увидел очередное подтверждение тому наставлению, которое Шрила Бхактисиддханта Сарасвати дал ему при первой их встрече в Калькутте; тому наставлению, которое он впоследствии подтвердил в письме: проповедуй на английском языке и распространи сознание Кришны в западном мире. *Санньяса* нужна была только для этого, иначе зачем духовный учитель стал бы о ней просить? Абхай сделал вывод, что духовный учитель говорит ему: «Время пришло. Стань *санньяси*, и ты сможешь выполнить эту миссию. Раньше было не время».

Абхай тщательно все взвесил. Принимая *санньясу*, вайшнав полностью посвящает свое тело, ум и речь служению Верховной Личности Бога, отказываясь от всех прочих занятий. Но это он уже и так сделал. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати давал своим лучшим ученикам *санньясу* именно для того, чтобы они могли продолжать его миссию. Они с этим не справились. Проповедь на Западе, даже среди самых уважаемых *санньяси* Гаудия-матха, считалась делом рискованным. Как он, простой *грихастха*, мог надеяться на успех там, где остальные потерпели неудачу? Абхай колебался. Он чувствовал себя беспомощным и бесполезным, о чем и написал в своей «Вирах-аштаке». Но теперь духовный учитель сам зовет его, повелевая подняться над прочими соображениями и даже над присушим ему смирением. Его желание проповедовать, подобно духовному учителю, никуда не делось, несмотря на одиночество и преклонный возраст. Он обладал огромной решимостью, хотя, возможно, внешне это было не так заметно.

Чтобы руководить проповедническим движением, человек должен стать *санньяси* — об этом свидетельствовала и ведическая традиция, и пример предшественников *ачарьев*. Ради миссионерской деятельности принял *санньясу* Шрила Бхактисиддханта. Сам Господь Чайтанья, чтобы распространить движение *санкиртаны*, тоже стал *санньяси*. Конечно, Он был Верховной Личностью Бога, но, когда Его юные ученики проявили неуважение к Нему, посчитав обычным человеком, Он принял *санньясу* — ибо этот статус почитается в обществе. Господь все рассчитал точно. И стоило Ему начать, уже как *санньяси*, странствовать по Индии, к движению *санкиртаны* тут же примкнули тысячи последователей.

Зная, что в эпоху Кали найдется много обманщиков, которые будут рядиться в шафрановые одежды и позорить честь *санньяси*, Господь Чайтанья не советовал принимать *санньясу*. Он знал, что мошенники в обличье *садху* будут вести себя безнравственно, собирая деньги на всяческие удовольствия и привлекая множество последователей для повышения собственного престижа. Выдавая себя за *свами*, они будут дурачить людей. Люди в Кали-югу не в состоянии следовать строгим правилам *санньясы*, поэтому Господь Чайтанья рекомендовал им просто повторять «Харе Кришна». Однако если кто-то действительно готов придерживаться правил этого *ашрама* — тем более если

это нужно для расширения движения *санкиртаны*, — то такому человеку *санньяса* необходима.

Сначала Абхай должен был попросить разрешения у одного из духовных братьев. Он решил обратиться к Бхактивиласе Тиртхе Махарадже (бывшему Кунджавихари), главе майяпурского Чайтанья-матха. Абхай по-прежнему считал Чайтанья-матх штаб-квартирой миссии своего духовного учителя. Во время горячих судебных споров этот *матх* был самым лакомым кусочком, самой ценной собственностью, с самыми крупными активами и большим количеством недвижимости. С 1948 года он находился под управлением Бхактивиласы Тиртхи Махараджи, и хотя теперь у каждого *санньяси* был свой собственный *матх*, Чайтанья-матх и Бхактивиласа Тиртха Махараджа номинально представляли всю организацию Бхактисиддханты Сарасвати. Абхай считал, что если ему и суждено принять *санньясу* и поехать в Америку проповедовать, то в первую очередь возможность поддержать его деятельность он должен предоставить именно Чайтанья-матху. В апреле 1959 года Абхай написал Тиртхе Махарадже письмо, в котором спрашивал о возможности принять *санньясу* и напечатать за счет Чайтанья-матха некоторые из своих рукописей. И еще, поскольку за границу пока никто не ездил, Абхай вызвался стать представителем Чайтанья-матха на Западе.

Бхактивиласа Тиртха Махараджа ответил, что сначала Абхай должен присоединиться к Чайтанья-матху. Он упомянул о все еще тлеющем раздоре: «Теми, кто действует против Чайтанья-матха, движут личные амбиции». Он писал, что любой противник Чайтанья-матха поступает неразумно и действует вопреки наставлениям Бхактисиддханты Сарасвати. Поэтому, по мнению Тиртхи Махараджи, Абхаю следовало сделать то, от чего он отказался много лет назад, — присоединиться к Чайтанья-матху и действовать под его, Тиртхи Махараджи, началом. Махараджа перечислил имена нескольких членов Матха, недавно получивших *санньясу*, и упомянул, что Абхай вполне может стать одним из них — со временем. Он приглашал его поселиться в Чайтанья-матхе: «У нас есть дом с просторными светлыми комнатами. Мы примем Вас подобающим образом. У Вас не будет никаких сложностей. Мы позаботимся о том, чтобы Вы не испытывали никаких неудобств». Но относительно публикации книг он написал:

Мы с нетерпением ожидаем возможности напечатать книги о преданном служении, такие как «Шат-сандарбха» и «Веданта», а также некоторые редкие книги из написанных Госвами. В первую очередь мы напечатаем их. Книги, написанные Вами, будут проверены редакционной коллегией, и, если удастся собрать средства, тогда их напечатают в порядке очередности. Но книги будут печататься только в том случае, если они полезны делу Чайтанья-матха. А если появятся средства, то мы также запланируем и поездки за границу.

Абхая это не вдохновило. Основная трудность Чайтанья-матха, как он понял, заключалась в нехватке денег.

Шрила Прабхупада: Я печатал на сломанной пишущей машинке. Я обратился к нашему Тиртхе Махарадже: «Предоставьте мне комнату и напечатайте мои книги. Дайте мне сколько-то денег. Тогда я присоединюсь к вам». Мне казалось: «Это организация Гуру Махараджи». Он не отказал, но печатать книги было для него сложной задачей. У него не хватало денег. Его матх едва сводил концы с концами. Чтобы напечатать книги, нужно много всего. К тому же нет гарантии, что их кто-нибудь купит.

Без книг и путешествия на Запад санньяса теряла для Абхая всякий смысл (тем более, кто знает, когда Тиртха Махараджа разрешит ему ее принять). Зачем ехать в Калькутту только для того, чтобы жить в просторной светлой комнате? У него во Вриндаване и так все это есть. Абхай написал ответ Тиртхе Махарадже, где упомянул прямое указание, полученное им от Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, — проповедовать тем, кто говорит по-английски. Он хотел отправиться на Запад немедленно и думал, что Чайтанья-матх с радостью встретит его предложение. Конечно, у Тиртхи Махараджи, как и у Абхая, были свои обязанности, но, возможно, у них получилось бы сообща выполнить желание духовного учителя. Абхай попросил Тиртху Махараджу еще раз обдумать его предложение. 7 мая 1959 года Бхактивиласа Тиртха Махараджа ответил.

Я советую Вам не принимать поспешных решений. Поживите с нами какое-то время, послужите обществу, а уже потом и примете *триданда-санньясу*. Цель принятия *санньясы* — служение обществу.

Если хотите, Шри Чайтанья-матх примет решение по поводу Вашей проповеднической поездки в Америку и сделает для этого все необходимое. Общество принципиально не может позволить кому-то действовать по собственной прихоти, на свой страх и риск. Кто и чем будет занят, общество решает, обсудив все с руководителями. Вот все, что я хотел сказать. Прежде всего, необходимо соотнести себя с обществом.

Для того чтобы проповедовать в Америке или в других странах, важно иметь поддержку официальной организации; кроме того, прежде чем ехать в другие страны, необходимо зарекомендовать себя в Индии.

Сейчас на Западе не проводятся ни встречи, ни конференции, как это было раньше. Люди общаются посредством телевидения.

Абхай, конечно, понимал и нужды, и предпочтения Чайтанья-матха, но не мог им позволить затмить то, что сам он считал главным, — проповедь, как завещал Шрила Бхактисиддхант Сарасвати. Абхай предложил свои услуги лидерам Чайтанья-матха в надежде, что их и его взгляды совпадут. Он думал, что, зная об острой нехватке сознания Кришны в мире, они заметят убежденность и горячее желание Абхая Бабу и сразу же отправят его на Запад, снабдив всем необходимым. Но у них были другие приоритеты.

Следующим, к кому обратился Абхай, был Кешава Махараджа из Матхуры, и тот посоветовал Абхаю принять *санньясу* не откладывая. После переписки с

Тиртхой Махараджей Абхай засомневался в своем решении и теперь, слыша настойчивые уговоры духовного брата, пробовал возражать. Но Кешава Махараджа настаивал.

Шрила Прабхупада: *Я сидел один во Вриндаване и писал. Мой духовный брат настойчиво убеждал меня: «Бхактиведанта Прабху, ты должен это сделать. Не отрекшись от мирской жизни, невозможно стать проповедником». Он на этом настаивал. По сути, настаивал не он — настаивал мой духовный учитель. Он хотел, чтобы я стал проповедником, поэтому подталкивал меня к этому шагу через моего духовного брата: «Соглашайся».*

Я нехотя согласился.

* * *

Кешаваджи-гаудия-матх располагался в центре одного из городских базаров Матхуры. Главные арочные ворота *матха* вели в открытый двор с металлической сеткой сверху. По архитектуре он был похож на храм Вамши-Гопаладжи. В *матхе* было тихо и спокойно, как в монастыре. Абхая здесь хорошо знали и всегда были рады видеть. Он здесь жил, писал, занимался в библиотеке, редактировал «Гаудия патрику», сюда он отдал Божество Господа Чайтаньи, которое теперь стояло на алтаре, рядом с Божествами Радхи и Кришны (Шри Шри Радхи-Винодавихариджи). Но его визит в сентябре 1959 года был особенным. Он вошел в *матх*, одетый в белое, как Абхай Бабу, а уходить собирался как *свами*, в шафрановом облачении.

Абхай уже девять лет жил в отречении от мира; ему не было нужды проходить какую-то церемонию или получать титул *садху*, меняя цвет одежды. Но такова система *варнашрамы*: в конце жизни *брахман* должен принять *триданда-санньясу*. Он знал о *санньяси-притворщиках*; даже во Вриндаване он видел так называемых «*садху*», которые не проповедовали, а коротали свои дни в поисках *чапати*. А некоторые из них были замечены в том, от чего, как *санньяси*, должны были бы отречься, — в половой жизни. Эти люди превращали свою *санньясу* в балаган. А еще во Вриндаване были кастовые *госвами*, жившие как обычные *грихастхи*, — для этих управление храмом было просто бизнесом, с помощью которого они содержали семьи, гордясь при этом своим высоким происхождением, наслаждаясь почестями и собирая пожертвования. Абхай прекрасно знал об этих злоупотреблениях *санньясой* и положением настоятеля храма, но подлинное назначение *санньясы* ему тоже было известно. *Санньяса* была нужна для проповеди.

Утром 17 сентября 1959 года в алтарной комнате (пятнадцать на семь с половиной метров), на втором этаже Кешаваджи-матха, перед Божествами Радхи-Кришны и Господа Чайтаньи сидела группа преданных. На Божествах были яркие, по-царски роскошные одежды и серебряные короны. Ладонь правой руки Радхарани была обращена вперед в знак благословения; в

опущенной левой руке Она держала цветок для Кришны. Кришна стоял в танцевальной позе, поставив правую ногу на носок перед левой, и изящно подносил к Своим алым губам длинную серебряную флейту. Его длинные черные волосы ниспадали на плечи, а гирлянда из бархатцев достигала колен. Справа от Него стояло Божество Господа Чайтаньи, правая рука которого была поднята, а левая — опущена. Он стоял прямо, соединив ноги вместе. Чайтанья был мягкого золотистого цвета, с большими глазами, алым ртом правильной формы и прямыми черными волосами до плеч. Чуть ниже Божеств стояли изображения *ачарьев*: Джаганнатхи даса Бабаджи, Бхактивиноды Тхакура, Гауракишоры даса Бабаджи, Бхактисиддханты Сарасвати и Бхактипрагьяны Кешавы Махараджи.

Абхай сидел на циновке из травы куша рядом с девяностолетним Санатаной, который в этот день тоже принимал *санньясу*. Сидящий напротив них Нараяна Махараджа, ученик Кешавы Махараджи, готовился провести церемонию, в которую входило чтение *мантр* и подношение огню зерна и *гу*. Акинчана Кришнадас Бабаджи, духовный брат Абхая, известный своим мелодичным пением, играл на *мриданге* и пел вайшнавские *бхаджаны*. Руководил церемонией Его Святейшество Кешава Махараджа, восседавший на *асане*. Поскольку о церемонии не было объявлено и никого из гостей не пригласили, присутствовали только несколько человек из Матха.

Нараяна Махараджа пропел традиционные *мантры*, а затем Кешава Махараджа прочитал лекцию. После этого, ко всеобщему удивлению, Кешава Махараджа предоставил слово Абхаю, что было для того полной неожиданностью. Оглядев собравшихся преданных, он понял, что большинство из них говорит только на хинди, — лишь Кешава Махараджа и еще двое-трое владели английским. Но он твердо знал, что говорить должен по-английски.

После речи Абхая кандидаты получили *санньяса-данду*, традиционный посох длиной в человеческий рост, связанный из четырех бамбуковых палок и обернутый в шафрановую ткань. Им поднесли одежду *санньяси*: отрез шафрановой ткани для набедренной повязки, еще один — для верхней половины тела, и две полосы ткани для использования в качестве нижнего белья. Кроме того, каждый из них получил *санньяса-мантру*. Кешава Махараджа сказал, что Абхая отныне будут звать Бхактиведантой Свами Махараджей, а Санатану — Муни Махараджей. После церемонии новые *санньяси* сфотографировались со своим *санньяса-гуру*, который сидел в кресле, тогда как они стояли по обе стороны от него.

Кешава Махараджа не налагал на Абхая никаких ограничений — он лишь вдохновлял его проповедовать дальше. Тем не менее Абхай знал, что, став А.Ч. Бхактиведантой Свами, он не просто отверг семью, домашние удобства и бизнес. (Он сделал это еще пять лет назад.) Смена одежды с белой на шафрановую и перемена имени с «Абхай Бабу» на «А.Ч. Бхактиведанта Свами Махараджа» имели особое значение: это был приказ, которого он ждал, обязательство, которое нельзя отменить. Теперь только время отделяло

Бхактиведанту Свами от поездки на Запад, как того хотел Бхактисиддханта Сарасвати. Именно так Бхактиведанта Свами понимал свое новое положение.

Заметка о посвящении в *санньясу*, опубликованная в «Гаудия патрике», включала краткий биографический очерк о Шри Шри-мад Бхактиведанте Свами Махарадже, где перечислялись основные события его жизни. Статья заканчивалась так:

Видя его энтузиазм и литературный талант, проявившийся в написании статей на хинди, английском и бенгали, Бхактисиддханта Сарасвати Махараджа дал ему наставление принять *триданда-санньясу*... В месяц *бхадра*, в тот самый день, когда принял *санньясу* Вишварупа, Бхактиведанта Свами также принял *санньясу* в Шри Кешаваджи-гаудия-матхе от основателя Веданта-самити, Бхактипрагьяны Кешавы Махараджи. Наблюдая за тем, как он отрекается от мира, мы ощутили великую любовь и вдохновение.

10 «Этот решающий час испытаний»

Разумеется, нам не удастся передать его содержание адекватным языком, тем более что этот язык не родной для нас, и, безусловно, наш перевод будет иметь много литературных погрешностей, несмотря на наши искренние старания представить его должным образом. Но мы уверены, что эти недостатки не мешают людям оценить серьезность его содержания и лидеры общества все же примут его, увидев в нем честную попытку прославить Всемогущего Бога.

— Из «Шримад-Бхагаватам», Первая песнь, том первый

БХАКТИВЕДАНТА Свами в сопровождении преданных Кешаваджи-матха совершил короткое проповедническое турне по Агре, Канпуру, Джханси и Дели. Но вскоре он вернулся в храм Вамши-Гопаладжи. Уже никто не называл его «Абхай Бабу» — даже друзья и те звали его «Свамиджи» или «Махараджа». А простые люди часто обращались к нему «Свами Бхактиведантаджи», «Свами Махараджа», «Бхактиведанта Свами»... Окружающие выражали ему почтение, сразу же признав в нем садху. Но главные трудности остались. Он хотел писать и издавать книги, но денег не было. Он хотел широко проповедовать послание Бога, но слушали его лишь немногие. От того, что он стал свами, проблемы никуда не делись.

Как-то один библиотекарь посоветовал Бхактиведанте Свами писать книги: ведь книги остаются надолго, не то что газеты, которые, прочитав, сразу выбрасывают. Бхактиведанта Свами понял, что устами этого человека говорит его духовный учитель. Потом то же самое ему посоветовал офицер индийской армии, которому понравился журнал «Бэк ту Годхед». И то и другое Бхактиведанта Свами принял как откровение, ниспосланное ему духовным учителем. И, как послушный слуга, постоянно думая о желаниях своего господина и ожидая его указаний, Бхактиведанта Свами чувствовал, что духовный учитель находится рядом и дает ему свои благословения. Он все больше и больше ощущал сокровенную связь со Шрилой Бхактисиддхантой, а теперь почувствовал желание писать книги.

Начать он решил со «Шримад-Бхагаватам», поскольку это самое важное и авторитетное писание для Гаудия-вайшнавов. Хотя в «Бхагавад-гите» кратко и доступно изложена суть всего ведического знания, «Шримад-Бхагаватам» гораздо подробнее и глубже. Шрила Бхактисиддхант Сарасвати Тхакур оставил после себя комментарии к «Шримад-Бхагаватам», написанные на бенгали. Да и многие другие великие ачарьи прошлого комментировали «Бхагаватам». Сам Господь Чайтанья восхвалял его как безупречное ведическое писание. Английский перевод и комментарии к этой книге могли бы в один прекрасный день изменить сердца всех живых существ этого мира.

И если удастся напечатать хотя бы несколько томов, это очень поможет проповеди: он сможет смело ехать за границу, и не с пустыми руками.

Однажды Гаурачанд Госвами, владелец храма Радхи-Дамодары, предложил Бхактиведанте Свами переехать туда. Храм Радхи-Дамодары был вечным домом Дживы Госвами и Рупы Госвами и как нельзя более подходил для литературной работы и переводов. Бхактиведанту Свами предложение заинтересовало. Он никогда не прекращал своих регулярных визитов в этот храм и всегда чувствовал вдохновение, находясь рядом с *самадхи* великих вождей Движения Господа Чайтаньи — Дживы и Рупы Госвами. Однако, придя посмотреть, в каком состоянии находятся свободные комнаты, он понял, что, по всей видимости, они много лет пустовали и никто их не ремонтировал. Но, не желая терять удачной возможности, Бхактиведанта Свами согласился снять эти комнаты за пять рупий в месяц. Он прикинул, что за пятьсот с небольшим рупий он сможет провести в комнаты электричество и сделать капитальный ремонт, а потом и переехать.

Бхактиведанта Свами чувствовал, что приглашение перебраться в храм Радхи-Дамодары — огромное благо для него, ведь жизнь там будет способствовать его новой работе — переводу на английский язык «Шримад-Бхагаватам». Из всех храмов Вриндавана храм Радхи-Дамодары располагал самой большой библиотекой подлинных рукописей шести Госвами и их последователей: там находилось свыше двух тысяч манускриптов, многим из которых было более трехсот, а некоторым даже более четырехсот лет. Бхактиведанта Свами с нетерпением ожидал дня, когда сможет перебраться туда и служить Господу в обществе Шрилы Рупы и Шрилы Дживы Госвами. Пока же он оставался в храме Вамши-Гопаладжи и все деньги, которые у него появлялись, тратил на ремонт комнат.

* * *

Проповедник должен идти в город, а не сидеть в уединении в святом месте — таково было одно из главных правил Бхактисиддханты Сарасвати. Поэтому Бхактиведанта Свами продолжал ездить в Дели, несмотря на то что для него это был просто ад, да и постоянного места для ночлега там не было. Часто его принимал у себя какой-нибудь бизнесмен, который, как принято в индийской культуре, считал своим долгом приютить и накормить *садху*, ибо так должен поступать всякий добропорядочный человек, ищущий благосклонности Бога. Но благочестие этих людей основывалось на сантиментах, а их обходительность и гостеприимство были только данью традиции. По-настоящему оценить труд Бхактиведанты Свами эти люди не могли. А сам он не собирался никому навязываться.

Он встретился с Хитсараном Шармой, директором издательства «Радха пресс». Господин Шарма когда-то печатал объявления и бланки для Лиги преданных. Бхактиведанта Свами иногда останавливался в его доме. Господин

Шарма представил Бхактиведанту Свами Пандиту Шри Кришне Шарме, кастовому брахману и активному религиозному деятелю, секретарю «Шри Навал-прем-сабхи», делийского религиозного общества, основанного сто лет назад. Симпатизируя литературной работе Бхактиведанты Свами, Кришна Пандит предоставил ему комнату в своем храме Радхи-Кришны, что в Чиппиваде, районе Старого Дели. Так у Бхактиведанты Свами появилось постоянное место в городе.

Поезд из Матхуры прибывал на станцию Старый Дели недалеко от Чандни-Чоук, широкой улицы с оживленным движением: рикши, велосипедисты, иногда по десятку в ряд, реже автомобили, пешие носильщики с тяжелыми повозками, вьючные животные — ослы, волы, а иногда верблюды и слоны, везущие тяжелую поклажу и подгоняемые кнутами погонщиков...

Сойдя с оживленной Чандни-Чоук, Бхактиведанта Свами шел пешком по направлению к Чиппиваде. Он миновал Красный форт, оставил по левую руку храм Гаури-Шанкары и, уже перейдя на другую улицу, шел мимо большой, внушительной мечети Джама. По мере приближения к Чиппиваде улицы сужались. До разделения Индии и Пакистана в 1947 году этот район был мусульманским, а потом здесь обосновались тысячи индусов из Пенджаба. Чиппивада была частью индо-мусульманского района, населенного настолько плотно, что въезд машин на его улицы был запрещен; только воловьи повозки и рикши могли проехать по узким, переполненным людьми проходам, а на некоторых местах в тротуар были вмурованы железные столбы, чтобы воспрепятствовать движению рикш. Даже велосипедист мог стать причиной затора в каком-нибудь тесном переулке, заполненном толпами покупателей и рабочих. Боковые улочки переплетались с переулками, такими узкими, что балконы на втором этаже противоположных домов разделяло лишь несколько сантиметров, и улица была накрыта чем-то наподобие крыши, поэтому пешеход видел над головой только тонкую полоску неба. За толпами людей почти невозможно было разглядеть частные дворы, магазины, переулки. Многие вывески были написаны на хинди с пояснением на английском, однако кое-где можно было увидеть и арабскую вязь урду, а женщины в черной одежде, скрывающие лицо под чадрой, были здесь обычным явлением. В самой гуще этой напряженной городской жизни прятался узкий вход в храм Радхи-Кришны, которым управлял Кришна Пандит. Прямо над скромными арочными воротами этого храма виднелось изображение Ганеши и ряд голубиных гнезд.

Храм чем-то напоминал обычный многоквартирный дом — в нем проживало несколько семей. В храмовом помещении было темно, но Божества Радхи и Кришны хорошо освещались. Радхарани сияла молочной белизной, а Кришна, высотой более полуметра, был из черного мрамора. Его лицо украшали точки из свежей сандаловой пасты, а лоб был умащен желтым сандалом. Божества носили шелковые одежды. На втором этаже, прямо над

алтарем, располагалась гостевая — комната, где остановился Бхактиведанта Свами. Цементные стены, пол и выступающая из него метровая бетонная пирамида со шпилем, указывающая, что прямо под ней находятся Божества, — вот и все ее убранство.

Но вскоре Бхактиведанта Свами обнаружил, что комната его, оказывается, не такая уж тихая: за стенами жили другие постояльцы. За дверью открывался вид на маленький внутренний дворик с растянутой над ним металлической сеткой меньшего размера, чем в храмах Вамши-Гопаладжи и Кешаваджи-матха. С крыши почти не было видно деревьев. Пейзаж состоял из крыш многоквартирных домов, так плотно прилегавших друг к другу, что по ним, казалось, можно было дойти до грандиозной Джама-Масджид. Три огромных купола мечети, окруженных высокими минаретами, вздымались над городскими зданиями, привлекая стаи голубей, которые садились на них или кругами летали по небу.

Кришна Пандит носил легкое хлопчатобумажное пальто черного цвета, фасон которого был известен всему миру благодаря Пандиту Неру. Шапочка у него была тоже в стиле Неру. Кришна Пандит говорил на хорошем английском и был очень общителен. В районе его хорошо знали и уважали. Пандит считал Бхактиведанту Свами *садху*, посланником Божьим, о котором нужно позаботиться, чтобы еще раз доказать богоугодность индуистской культуры. Новый гость оказался человеком приятным: простым, порядочным, любезным, и к тому же серьезным и ученым вайшнавом.

Кришна Пандит заявил, что осознаёт всю важность деятельности Бхактиведанты Свами в духе *санатана-дхармы* и понимает, что Свами нужен свой кабинет в Дели. Поэтому, сказал он, он торжественно обещает обеспечивать своего гостя всем необходимым. И хотя Бхактиведанта Свами ничего для себя не просил, Кришна Пандит принес ему циновку, низкий столик, которые расположил перед пирамидой, и матрас. Он показал Бхактиведанте Свами, как пользоваться единственным источником освещения в комнате — висящей на проводе электрической лампочкой с металлически абажуром (длину провода можно было регулировать вручную). Потом он принес изображение Радхи и Кришны, подаренное его духовному учителю махараджей Джайпура, и установил его в нише в стене, радуясь, что Бхактиведанта Свами может созерцать его глазами истинного преданного.

Бхактиведанта Свами мечтал об уединенном месте, где можно было бы писать книги перед отъездом на Запад, и Кришна предоставил ему целых два таких места. Теперь он мог работать и во Вриндаване, и в Дели. Почти сразу же он приступил к работе над: журналом «Бэк ту Годхед», решив из номера в номер печатать отрывки из своих прошлых сочинений. Тогда же он начал трудиться над «Шримад-Бхагаватам».

Узнав о том, как сложно выпускать журнал, Кришна Пандит вызвался оказать некоторую практическую помощь в его издании. Бхактиведанта Свами был так доволен искренней помощью Кришны Пандита, что в знак благодарности добавил к его имени титул *хари-бхакта-анудаса*, «тот, кто

служит преданному Господа». Проведя в Чиппиваде шесть месяцев, Бхактиведанта Свами написал в гостевой книге храма слова благодарности.

Я рад записать здесь, что приехал в Дели из своей штаб-квартиры (1/859, Кеши-гхат, Вриндаван, Уттар-Прадеш) с духовной миссией, исключительно ради проповеди преданного служения Господу. И еще более счастлив я упомянуть здесь, что Шриман Шри Кришна Шарма, *хари-бхакта-анудаса*, предоставил мне здесь подходящую комнату для моей литературной работы. Здесь и в «Навал-прем-сабхе», где Шри Кришнаджи состоит почетным членом, я издаю журнал под названием «Бэк ту Годхед», выходящий на английском языке два раза в месяц. Секретарь организует мои ежедневные лекции по «Шримад Бхагват» (так в оригинале. — *Примеч. пер.*).

Покойный Пандит Джьоти Прасад Шарма, отец Шри Кришнаджи, также был со мною знаком, и при жизни, всякий раз, как я приезжал в Дели, Пандит Джьоти Прасададжи предоставлял мне жилье. Его замечательный сын также следует по стопам своего благородного отца и как секретарь «Навал-прем-сабхи» активно содействует проповеди *рама-намы* по всему городу.

Аккуратным английским почерком Бхактиведанта Свами написал также, что, по его мнению, храмы должны использоваться исключительно для обучения людей духовным ценностям, и его личная миссия как раз и состоит в организации храмов для этой цели.

Храмы не предназначены для обычных семейных людей, занятых лишь удовлетворением животных потребностей. Проживать в храме можно позволить только тем, кто действительно занят служением Божеству, настоящему хозяину храма. Другим в нем не место.

Пытаясь работать над «Шримад-Бхагаватам» в Чиппиваде, в окружении соседских семей, с их отнюдь не храмовым бытом и зачастую слишком шумных, Бхактиведанта Свами убедился в том, как важно *не* использовать храм в качестве жилого дома.

* * *

Несмотря на планы поселиться на одном месте и приступить к воплощению своего грандиозного замысла — переводу «Шримад-Бхагаватам», Бхактиведанта Свами не забывал и о других формах проповеди. В октябре 1959 года он увидел заметку в «Таймс оф Индия». Двое американских ученых получили Нобелевскую премию за открытие антипротона. «Согласно одному из основных предположений новой теории, — говорилось в статье, — может существовать и другой мир, или антимир, состоящий из антиматерии». Выражение «другой мир» напомнило Бхактиведанте Свами о духовном мире,

описанном в «Бхагавад-гите». Он, конечно, прекрасно понимал, что, говоря об *антиматериальном* мире, ученые не имели в виду мир «вечный» или «духовный», но для того, чтобы вызвать интерес у людей, верящих в науку, он решил воспользоваться научными терминами. Он задумал статью, в которой теистическая наука «Бхагавад-гиты» излагалась бы в терминах «антиматериальная частица» и «антиматериальный мир».

Это было время, когда весь мир говорил о полетах в космос. Два года назад индийские средства массовой информации сообщили о том, что в Советском Союзе запущен спутник. Началась космическая гонка. Космическими полетами интересовались все. Бхактиведанта Свами решил ухватиться за эту тему и теперь писал, как с помощью *бхакти-йоги* душа может путешествовать к самым отдаленным уголкам космоса, достигая вечных планет духовного мира, где жизнь полна блаженства и знания. Он заново перевел некоторые стихи «Бхагавад-гиты», изложив их языком новой физики с ее «антиматериальной частицей» и «антиматериальным миром». Законченная рукопись представляла собой небольшую, объемом в пятнадцать тысяч слов, книгу под названием «Легкое путешествие на другие планеты». Он показал работу Хитсарану Шарме из издательства «Радха пресс». Но денег на печать книги, даже такой маленькой, у того не было.

В феврале 1960 года Бхактиведанта Свами решил напечатать ее сам, в двух номерах «Бэк ту Годхед». На появление этих статей сразу же откликнулся физик из Гуджаратского университета в Ах-медабаде, господин И. Г. Найк, который получил «Бэк ту Годхед» по почте. По мнению доктора Найка, объяснение принципа антиматерии, данное Бхактиведантой Свами, было «просто великолепным». «Это поистине образцовая статья», — писал он. Доктору Найку было интересно продолжить дискуссию на тему физики и трансцендентного знания, а Бхактиведанта Свами откликнулся на это с не меньшим энтузиазмом, в конце концов пригласив физика присоединиться к нему, чтобы вместе распространять культурное наследие Индии по всему миру.

Убежденный в том, что это эссе может заинтересовать многих англоговорящих читателей, Бхактиведанта Свами усердно собирал пожертвования, чтобы издать «Легкое путешествие на другие планеты» в форме брошюры. И в конце концов осенью 1960 года его усилия увенчались успехом. Предисловие, написанное доктором Н.К. Сидхантой, проректором Делийского университета, немного запоздало, но все же вышло вместе с книгой в виде вкладыша.

Эта книга полезна всем, но в особенности я рекомендую ее студентам, которые, прочитав ее и занявшись *бхакти-йогой*, смогут укрепить свой ум и воспитать характер. Буду рад, если эту работу, кроме студентов, прочитают также и преподаватели.

Несколько индийских ученых написали рецензии, отметив, что книга «объединяет научное и духовное видение» и говорит о «методе преодоления космического пространства не механическими средствами, а путем психологического усилия и духовного освобождения». В книжке было всего лишь тридцать восемь страниц, но это была первая крупная публикация автора, если не считать журнала «Бэк ту Годхед» (который умещался на одном газетном развороте). Бхактиведанта Свами использовал любую возможность для распространения этой маленькой книги. Один экземпляр он подарил доктору П. Баннерджи из Национального музея Нью-Дели.

Доктор Баннерджи: Я познакомился с ним в библиотеке. Он приходил туда и смотрел книги. Он подарил мне «Легкое путешествие на другие планеты» и дал еще несколько экземпляров, попросив распространять их по рупии или по полрупии.

Он мне понравился. Я считал его святым, обладающим чистой преданностью, без всякой показной напыщенности. Он не пытался привлечь людей ради имени и славы. Ему почти никто не помогал. Он жил один, в маленькой комнатке в Чиппиваде. Он был поглощен изучением священных писаний. Я попросил его: «Господин, если у вас есть время и вы не против того, чтобы посетить мой дом, не могли бы вы милостиво приходить по воскресеньям и читать „Бхагаватам“ у нас дома?» Он с радостью согласился. Он был очень учен, прекрасно знал писания и любил делиться своими мыслями с другими. Он был хорошим оратором и приятным собеседником. Он был очень учтив.

Его речь была очень четкой. Он говорил на бенгали, объясняя смысл стихов. Иногда, чтобы дать больше сведений, он ссылался на комментарии. Другим было не очень интересно слушать эти комментарии или вникать в трудные темы, но поскольку он знал, что я изучаю этот предмет, то приводил эти комментарии. Он делал это ради меня и ради еще одного или двух таких же пожилых и ученых джентльменов.

На собрания в моем доме приходило около двадцати или тридцати человек, и он мог говорить час или два. Затем он пел мантру Харе Кришна, и мы присоединялись, аккомпанируя ему на караталах и фисгармонии. Это были замечательные встречи. Все, что казалось сложным, благодаря ему становилось очень простым. Объясняя нам что-то, он всегда учитывал наши запросы. Он знал, что для того человека нужно столько-то, для того — столько-то, а для тех — столько-то.

После этих встреч он обычно отдыхал у меня дома. Я предлагал ему у меня пообедать, но он ответил, что не ест пищи, приготовленной другими. Впрочем, познакомившись с моей женой, которая сказала, что будет счастлива для него что-нибудь приготовить, он согласился: «Хорошо. Я буду есть у вас». И она стала готовить по воскресеньям, когда он приходил к нам.

Иногда он просил меня приглашать на эти программы больше людей. Но, будучи правительственным служащим, я не мог открыто кого-либо уговаривать. Да и времени, чтобы организовать для него что-нибудь

крупномасштабное, у меня не было. Но его это не устраивало. Он постоянно спрашивал, не могу ли я организовать такие чтения в более крупном масштабе. Он видел, что люди, посещавшие собрания в моем доме, были очень старыми — семидесятилетними, восьмидесятилетним и (одному было даже за девяносто), образованными и отошедшими от дел стариками.

Так продолжалось больше года. После этого он сказал, что попытается найти другое место. Он попросил меня продолжать собрания, но я сказал: «Я не имею посвящения». Он ответил, что я все равно могу продолжать, поскольку родился в семье брахмана. Он благословил меня, чтобы я продолжал. Но я не смог, поскольку часто бывал в отъезде. Когда он уехал, я потерял к этому всякий интерес. Я был слугой правительства.

«Легкое путешествие на другие планеты» было чем-то вроде разминки перед настоящей работой — «Шримад-Бхагаватам». Теперь Бхактиведанта Свами еще более убедился в необходимости книг. Чтобы проповедовать, понадобятся книги, особенно если он собирается на Запад. Имея их, можно устроить настоящую духовную революцию. На Западе — масса книг, но нет ни одной, подобной этой. Там нет ничего, что могло бы заполнить духовный вакуум в сердцах жителей тех стран.

Несмотря на желание отдавать как можно больше времени «Шримад-Бхагаватам», он решил продолжать работу над журналом «Бэк ту Годхед», публикуя в качестве статей выдержки из рукописи новой книги. Но время от времени он писал и печатал новые статьи. В статье «Актуальные вопросы» говорилось:

Мы всего лишь смиренно пытаемся спасти людей с помощью послания, которое несет журнал «Бэк ту Годхед». Этот метод не выдуман нами. Если веку истины вообще суждено наступить, то послание «Бэк ту Годхед» знаменует собой его начало.

В статье «Безбожная цивилизация» Бхактиведанта Свами вспоминал сетования премьер-министра Неру по поводу злоупотребления государственными фондами под вывеской религии. Бхактиведанта Свами отметил, что, хотя некоторые религиозные лидеры действительно были замечены в противозаконной деятельности, все же если сравнить статистику, то число политических обманщиков окажется намного больше числа обманщиков от религии. Хотя Пандит Неру был прав, предостерегая от религиозного мошенничества, одного этого недостаточно. Нужна основательная реформа духовных организаций, которую можно провести только при поддержке правительства. Бхактиведанта Свами привел цитату из своего письма, в котором он просил премьер-министра Неру взяться за изучение «Бхагавад-гиты». Но, сообщал он читателям «Бэк ту Годхед», Пандит Неру так и не ответил на это письмо. «Ввиду недостатка духовного знания... он подумал, что эта организация [Лига преданных] подобна одному из многочисленных матхов и храмов, от которых у Пандита и так болит голова».

Бхактиведанта Свами упрекал Пандита Неру в том, что тот считает всякую духовную организацию «застенком, где скапливаются государственные средства, впоследствии используемые в сомнительных целях».

При этом Неру одобряет поступки так называемых «садху», которые занимаются общественной деятельностью и несут всевозможную несуразицу, выдавая это за духовную науку. Дело в том, что у него самого нет глубокого понимания духовной науки, хотя он *брахман* и *пандит*. Невежество в духовных вопросах свойственно *шудрам*, или классу рабочих.

Он просил Пандита Неру не бояться слов «Бог» или «Кришна»: «...мы можем заверить его, что причин для страха нет, ибо Кришна — друг каждого... и каждому может оказать реальную помощь». В завершение Бхактиведанта Свами писал, что безнравственные поступки совершаются не только в храмах Индии — подобное происходит по всему миру. Для цивилизации, построенной на материализме, это вполне обычное явление. Помимо прочего, он упомянул о бунтарстве, свойственном молодежи 60-х годов.

Лучше всего, если врач сначала вылечит себя. Все дело в безбожной цивилизации. В то время как поступки жителей *матхов* и храмов причиняют головную боль Пандиту, то же самое, хоть и под другим названием, беспокоит государственных деятелей Европы и Азии. Бунтующая молодежь этих стран, которая в Англии получила название «пижонов», в Америке — «бунтарей без повода», в Германии — «полусильных», в Швеции — «кожаных курток», в Японии — «детей солнца», а в СССР — «стиляг», является порождением «безбожной цивилизации». Вот где корень головной боли. Необходимо всестороннее лечение.

* * *

В Чиппиваде Бхактиведанта Свами следовал почти тому же распорядку, что и на Кеши-гхате, за исключением того, что здесь он мог уделять больше времени «Шримад-Бхагаватам» — кое-какую секретарскую работу для журнала «Бэк ту Годхед» выполнял Кришна Пандит.

Кришна Пандит: *Обычно он переводил «Шримад-Бхагаватам» перед рассветом, около трех часов утра. Поначалу у него не было печатной машинки, но затем он где-то раздобыл себе портативную. После работы он готовил пищу. Я приносил ему продукты. Иногда он приходил ко мне и просил мою жену взять немного из того, что он приготовил. Иногда, в пять или в шесть вечера, он совершал омовение.*

Он печатал каждый день. Еще он читал «Бхагаватам» и ходил в храм на даршаны. Затем он уходил и возвращался — иногда в два часа дня, иногда в

четыре. Потом он снова печатал и посылал проверенные пробные оттиски «Бэк ту Годхед» в типографию. Все это он делал сам. Главная его деятельность состояла в многочасовом печатании.

Бхактиведанта Свами пользовался санскритско-бенгальским изданием «Бхагаватам» под редакцией Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, а также большой книгой, содержащей подлинные комментарии двенадцати ачарьев. Писал он по следующей схеме: сначала давал латинскую транслитерацию санскритского текста, затем приводил его пословный перевод на английский язык, затем — литературный перевод, в прозе, и, наконец, свой комментарий на английском языке. Перед тем как писать свой собственный комментарий, он обращался к комментариям ачарьев, в частности Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, Вишванатхи Чакраварти, Дживы Госвами, Виджаядхваджи Тиртхи и Шридхары Свами.

Он оценил объем всей планируемой работы. «Бхагаватам» содержал восемнадцать тысяч стихов. Девятнадцать глав Первой песни должны составить три тома, по четыреста страниц каждый, а десять глав Второй песни — два. Девять первых песней займут около тридцати томов. Десятая песнь, состоящая из девяноста глав, займет двадцать томов. Поскольку весь «Бхагаватам» состоит из двенадцати песней, то в целом должно получиться по меньшей мере шестьдесят томов. Он подумал, что, пожалуй, сможет справиться с работой за пять или семь лет: «Если Господь даст мне сил и здоровья, то, исполняя волю Шрилы Прабхупады, я смогу завершить свой труд».

Первый том он решил начать с биографического очерка, посвященного Господу Шри Чайтанье Махапрабху, «идеальному проповеднику „Бхагаватам“». Наблюдая, как практический пример, жизнь Господа Чайтаньи, читатель сможет лучше оценить книгу. Что отличало проповедь Чайтаньи Махапрабху — это Его желание, чтобы «те, кому довелось родиться в Индии, проповедовали „Шримад-Бхагаватам“ во всех уголках Земли». Господь Чайтанья называл «Шримад-Бхагаватам» «безупречной пураной», а его чтение и слушание — наряду с мантрой Харе Кришна — считал совершенным научным методом развития чистой любви к Богу.

Пользуясь комментариями Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати к «Чайтанья-чаритамрите» и «Чайтанья-бхагавате», Бхактиведанта Свами написал краткий, на пятидесяти страницах, очерк о жизни Господа Чайтаньи и Его движении санкиртаны. Он описал Его божественные проявления экстаза, Его философские диспуты с ведущими учеными тех дней и начало движения санкиртаны (совместного пения святого имени). Особенно Бхактиведанта Свами старался подчеркнуть связь жизни и учения Господа Чайтаньи с современностью, которую считал переломным периодом в истории. В «этот решающий час испытаний» человечеству может помочь ведическая литература, особенно «Шримад-Бхагаватам».

Мы знаем, что иноземные захватчики Индии разрушили многие из ее архитектурных памятников, но они не смогли уничтожить совершенные идеалы человеческой цивилизации, которые до сих пор скрывал санскрит ведической мудрости.

Санскрит хранил эту тайну тысячи лет, но сейчас настало время открыть ее миру.

Приступив к первым стихам «Шримад-Бхагаватам», Бхактиведанта Свами сосредоточился на цели книги. В стихах подчеркивалось, что спасти общество от пагубного влияния эпохи Кали под силу только «Бхагаватам». «Бхагаватам» призывал людей текущей эпохи просто слушать повествования о Верховной Личности Бога, Кришне, от Его чистых преданных.

«Бхагаватам» был рассказан на собрании мудрецов в Наймишаранье около пяти тысяч лет назад, на заре эпохи Кали. Предвидя всеобщую деградацию человечества, мудрецы спросили у старшего члена собрания, Суты Госвами: «Теперь, когда Господь Кришна, прибежище всех религиозных принципов, вернулся в Свою духовную обитель, где нам искать их?» Сута ответил, что «Шримад-Бхагаватам», «который сияет, словно солнце», — это литературное воплощение Бога, которое и будет направлять людей, затерявшихся в непроглядной тьме Кали-юги.

В начале «Шримад-Бхагаватам» рассказывается, как Шрила Вьясадева, следуя наставлению Нарады Муни, своего духовного учителя, погрузился в глубокую медитацию. В трансе он увидел Верховную Личность Бога, Его энергии и страждущие души Кали-юги. Ему открылось, что чистое преданное служение может избавить живых существ от страданий. Увиденное, а также наставления духовного учителя побудили Вьясадеву написать «Шримад-Бхагаватам», чтобы даровать несчастным душам Кали-юги величайшее благословение.

Работая над переводом «Шримад-Бхагаватам», «литературного воплощения Бога», для блага всего западного мира, Бхактиведанта Свами понимал, что взялся за очень важную задачу, фактически следуя по стопам Шрилы Вьясадевы. Как и Вьясадева, который перед выполнением своей литературной миссии увидел Кришну и получил наставления от духовного учителя, Бхактиведанта Свами тоже имел видение и тоже получил указание гуру. Бхактиведанта Свами предвидел, что книга Шрилы Вьясадевы будет распространяться очень широко. Он не только переведет ее, он лично привезет эту книгу на Запад, где, представив ее, научит тамошних жителей — и на своем примере, и с ее помощью — тому, как развить в сердце чистую любовь к Богу.

Шрила Прабхупада: *Коммунистическая партия добилась признания, просто распространяя литературу. В Калькутте коммунисты приглашали к себе друзей и читали книги. Русские не приезжали в Индию, но, распространяя свою литературу на всех языках, они обрели немало последователей. Если такое возможно благодаря обычной, третьесортной мирской литературе,*

так почему бы с помощью трансцендентной литературы не сделать людей по всему миру преданными? У нас есть способности, чтобы энергично распространять наши книги в каждой деревне. Бхагавата-дхарма — изначальная религия человеческого общества. Все остальное, что называется религией, берет начало в ведической литературе. Людям нужны эти книги. Они жаждут их.

Господь Чайтанья говорил, что повсюду, в каждом городе и деревне мира, люди узнают о движении санкиртаны. Это значит, что в каждой деревне и каждом городе есть люди, которые ждут этого послания. Это трансцендентная книга. Никто не может оспорить того, что в ней написано. Она составлена безукоризненно, в ней нет ни одного недостатка. Это безупречная пурана.

Фактически прекратив прочую миссионерскую деятельность, Бхактиведанта Свами все свои надежды возложил на «Шримад-Бхагаватам». Тем самым он следовал совету и примеру своего духовного учителя и Господа Чайтаньи. Их не привлекало строительство дорогих храмов или привлечение большого числа учеников-неофитов. Шрила Бхактисиддханта Сарасвати делал упор на проповедь. «Проповедь» значит «книги», а лучшая из книг — «Шримад-Бхагаватам». Написать и издать «Бхагаватам», чтобы просветить людей, — это и есть настоящее служение Господу. Так думал Шрила Бхактисиддханта Сарасвати. Строительству храмов он предпочитал издание книг и особенно настаивал, чтобы его ученики занимались литературной деятельностью. Опытные, наделенные полномочиями преданные обязаны писать, издавать и как можно шире распространять книги. Программа повсеместного распространения духовной литературы (организованная даже лучше, чем у коммунистов) необычайно положительно отразится на народах Европы и Америки. А если к сознанию Кришны обратятся европейцы и американцы, за ними последует весь мир. Сидя один в своей комнате в Чиппиваде, погруженный в мысли о распространении вести о Кришне с невиданным прежде размахом, Бхактиведанта Свами продолжал работу.

Иногда он недоумевал: как жители Запада, столь далекие от ведической культуры, смогут ее принять? Ведь они мясоеды, млеччхи. Когда один из его духовных братьев отправился в Англию, Маркиз Шетлендский, услышав о четырех заповедях против греховной жизни, презрительно рассмеялся: «Это невозможно!» Но «Шримад-Бхагаватам» говорил сам за себя.

«Господь Шри Кришна, Личность Бога, — Параматма (Сверхдуша) в сердце каждого и благодетель честного преданного — очищает сердце преданного от стремления к материальным наслаждениям, когда в том развивается потребность слушать Его послания, которые добродетельны сами по себе, если их правильно слушают и повторяют».

Хотя Бхактиведанта Свами был известен как англоговорящий проповедник, он понимал, что в его труде, написанном на неродном для него языке, неизбежны ошибки, а редактора, который мог бы их устранить, не было. Но это его не останавливало. Об этом же говорилось и в первых главах

«Шримад-Бхагаватам». «Сочинение, состоящее из описаний трансцендентного величия имени, славы, форм, игр безграничного Верховного Господа, резко отличается от мирских книг. Оно составлено из трансцендентных слов, назначение которых — **совершить переворот в несправедной жизни сбившейся с пути цивилизации**. Такие трансцендентные произведения, даже если они несовершенны по форме, слушают, поют и принимают чистые люди, которые безукоризненно честны».

В своем комментарии Бхактиведанта Свами писал: «Это великое произведение несет трансцендентное послание для того, чтобы возродить в людях сознание Бога и вновь одухотворить атмосферу мира. Мы отдаем себе отчет в том, что наша честная попытка представить это великое писание сопряжена со многими трудностями. Разумеется, нам не удастся передать его содержание адекватным языком, тем более что этот язык не родной для нас, и, безусловно, наш перевод будет иметь много литературных погрешностей, несмотря на наши искренние старания представить его должным образом. Но мы уверены, что эти недостатки не помешают людям оценить серьезность его содержания и лидеры общества все же примут его, увидев в нем честную попытку прославить Всемогущего Бога. Если дом охвачен пожаром, его обитатели бегут за помощью к соседям, которые могут оказаться иностранцами. Даже не зная языка, на котором говорят их соседи, жертвы пожара способны объяснить, чего они хотят, а те смогут понять их, хотя и говорят на другом языке. Такой же дух сотрудничества необходим и для распространения трансцендентного послания „Шримад-Бхагаватам“ в оскверненной атмосфере современного мира. В конце концов, это наука о методике постижения духовных ценностей, и поэтому нас больше волнует методология, а не язык. Если люди мира поймут методологию этого великого произведения, успех будет обеспечен».

Нет сомнения, в эпоху Кали сложилась именно такая ситуация — словно в доме, охваченном пожаром. Честные люди, понимающие серьезность положения, с великой радостью примут «Шримад-Бхагаватам», несмотря на то что преподносится он со «множеством литературных погрешностей». Бхактиведанта Свами излагал «Шримад-Бхагаватам», ничего не меняя, относясь с величайшим почтением к Шриле Вьясадеве, — в этом была его главная заслуга. Конечно, он делился и своими мыслями, но делал смиренно, не пытаясь превзойти предшествующих духовных учителей. Для него было чрезвычайно важно излагать тему в строгом соответствии с учением *парампары*, и здесь Бхактиведанта Свами не допускал «технических ошибок». Он знал, что без строгого следования *парампаре* комментарии к «Бхагаватам» не будут представлять никакой ценности. День и ночь он печатал, сидя за столиком под тусклой лампой, свисающей с потолка. Он сидел на тонкой циновке, прислонившись спиной к большой пирамиде, смотревшейся посреди пустой комнаты немного странно. С каждым днем стопка бумажных листов, которые он придавливал камнем, росла. Необходимые потребности — в еде и сне — он удовлетворял лишь от случая к случаю. Он был полностью убежден,

что его «Шримад-Бхагаватам» совершит переворот в жизни сбившейся с пути цивилизации, поэтому с великим тщанием и сосредоточенностью переводил каждое слово и писал каждый комментарий. Но делать это нужно было как можно скорее.

* * *

В феврале 1961 года, в день Вьяса-пуджи Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, Бхактиведанта Свами снова приехал во Вриндаван. В честь Шрилы Бхактисиддханты несколько его учеников собрались вместе, предложили цветы его изображению и провели в храме *киртан*. Но Бхактиведанта Свами считал, что этого мало. Их задача — думать о том, как воплотить в жизнь идею о всемирной проповеднической миссии, как того желал Бхактисиддханта Сарасвати. А вместо этого каждый из них живет своей маленькой идеей, возглавляя небольшой *матх* (или проживая в *матхе*), и никаких программ — не только за рубежом, но даже и в Индии — никто не проводит. Сейчас они представляют собой группу независимых друг от друга людей, почти все из которых не имеют ни планов, ни перспектив. Бхактисиддханта Сарасвати просил сформировать для управления своим движением руководящий орган, но руководящего органа не было — как, собственно, и самого движения. Некоторые ученики, возобновившие после многих лет ожесточенных сражений общение с духовными братьями, боялись, что любые попытки создать новую организацию воскресят былую вражду. По крайней мере, сейчас они могут собираться и предлагать подношение духовному учителю.

Среди духовных братьев Бхактиведанта Свами был одним из младших *санньяси*. Его считали хорошим писателем и редактором, но ни храмов, ни последователей у него не было. И все-таки он пытался следовать по стопам Бхактисиддханты Сарасвати, хоть и чувствовал себя беспомощным и одиноким против несметных полчищ *майи*. Его духовные братья не казались армией, объединившейся против сил *майи*, больше походя на отрешенных монахов. Как могли они собираться и поклоняться духовному учителю, не признав с болью в сердце свою ошибку и не пытаясь исправить положение, осознав, что «лучше поздно, чем никогда»?

По традиции в день Вьяса-пуджи каждый ученик пишет подношение духовному учителю и читает его вслух в обществе духовных братьев. Бхактиведанта Свами тоже написал подношение — больше похожее на взрыв, чем на хвалебную речь — и смиренно представил его на суд духовных братьев.

Даже сейчас, мои духовные братья, вы вернулись сюда по наказу нашего учителя, и вместе мы проводим ему *пуджу*.

Но праздник с цветами и фруктами — это еще не поклонение. По-настоящему поклоняется гуру тот, кто служит его посланию...

О, позор! Дорогие братья, неужели вам не стыдно? Принимать учеников — это ваш бизнес.

Наш учитель велел проповедовать! Это начинающие преданные пусть сидят в храмах и звенят в колокольчик...

Присмотритесь: что за ужасная ситуация сложилась! Проповедь прекратилась; все просто услаждают свои чувства.

Поезжайте за моря, по всей земле, выходите за пределы вселенной, объединяйтесь и проповедуйте сознание Кришны.

Это-то и будет настоящим служением нашему духовному учителю. Сегодня же дайте обещание. Отриньте свою политику и дипломатию.

Если ученики Бхактисиддханты Сарасвати объединятся и станут проповедовать вместе, у них будут все шансы произвести духовную революцию в мире, исполненном греха. На это надеялся Шрила Бхактисиддхант Сарасвати, и Бхактиведанта Свами напомнил об этом в своем подношении на Вьяса-пуджу.

Придет ли тот день, когда каждый дом на Земле станет храмом? Когда же это случится?

Когда верховным судьей станет Гаудия-вайшнав с прекрасным *тилаком* на лбу?

Когда же президентом страны будет избран преданный и проповедь будет проходить повсюду?

Он зачитал вслух небольшую часть этого огромного стихотворения. Его выступление вызвало бурную реакцию присутствующих, среди которых были несколько пожилых *санньяси*. Однако в целом встреча не принесла ничего нового. План совместной проповеди, о котором так умолял Бхактиведанта Свами, так и не был выработан. Стихотворение Свами Махараджи могло быть воспринято либо как очередное поэтическое излияние чувств, либо как личное мнение автора. Многие его духовные братья давно уже не надеялись, что миссию Бхактисиддханты Сарасвати можно возродить в том виде, в каком она существовала прежде, когда их духовный учитель был с ними. Вернуть все, попытаться восстановить те грандиозные проповеднические программы? Разве такое возможно? Они старели. Некоторым не хотелось оставлять прибежище Вриндавана. Они предпочтут поклоняться Бхактисиддханте

Сарасвати в святой *дхаме*. А если Бхактиведанта Свами хочет чего-то большего, пусть возьмет и попробует сам.

Погруженный в глубокие размышления, Бхактиведанта Свами вернулся на Кеши-гхат. Долгие годы он не мог взять на себя руководящую роль в миссии, поскольку был связан семейным долгом. Как-то в 1935 году в Бомбее духовные братья попросили его управлять местным *матхом*, однако Бхактисиддханта Сарасвати сказал тогда, что Абхай Чаран пойдет своим путем. Но теперь, по милости духовного учителя, он был готов исполнить то, ради чего, собственно, и принимают *санньясу*. Мир, наполненный сознанием Кришны, о котором он говорил в своем стихотворении, не был бесплотной мечтой, утопией, созданной лишь для того, чтобы взволновать ум его духовных братьев. Это было вполне реально. В любом случае, Бхактиведанта Свами должен писать и печатать книги о сознании Кришны и проповедовать за границей. Это то, чего хотел Шрила Бхактисиддханта Сарасвати. И если его духовные братья не желают делать это сообща, тогда он справится один.

* * *

В январе 1961 года один из делийских знакомых Бхактиведанты Свами показал ему объявление о конференции «За духовное развитие человека», которая должна была проходить в Токио с 10 по 20 мая. Темой обсуждения предполагалось сделать тезис «Мир во всем мире через духовное развитие человечества». На конгресс приглашались участники из разных стран. Увидев объявление, Бхактиведанта Свами сразу захотел туда поехать. Конечно, его больше интересовали Соединенные Штаты, но если Япония заявила о себе первой, то почему бы не съездить туда? К тому же объявление было написано на английском языке. Если его заявку на участие примут, ему будет предоставлен полный пансион, хотя билет в Японию придется оплачивать самому.

Бхактиведанта Свами написал организаторам, в Международный фонд культурной гармонии, и предложил выступить на тему «Что представляет собой духовное развитие человека?». Вскоре на Кеши-гхат пришел ответ от генерального секретаря Фонда, господина Тошихиро Накано, который с большим уважением отозвался об индийской духовной культуре и высоко оценил заявленную тему. К письму господин Накано по просьбе Бхактиведанты Свами приложил официальный документ, удостоверяющий, что Бхактиведанта Свами приглашен на съезд и что его пребывание в Японии будет оплачено. Документ содержал просьбу к «тем, кого это может касаться» о своевременном оформлении паспорта и визы, чтобы он мог прибыть в Японию к 10 мая.

Бхактиведанта Свами разработал для съезда особый проект. В двенадцатой главе Десятой песни «Шримад-Бхагаватам» приводится описание осени во Вриндаване, где каждое природное явление сопоставляется с

определенным философским поучением из Вед. Например, темный, пасмурный вечер сезона дождей сравнивается с эпохой Кали, когда яркие звезды ведической мудрости (святые люди и священные писания) временно скрыты тучами безбожной цивилизации. Эта глава содержит десятки подобных примеров. Бхактиведанта Свами предполагал дать пятьдесят комментариев к пятидесяти таким примерам, которые он собирался продемонстрировать на съезде. Он приступил к их написанию, озаглавив свой труд «Свет бхагаваты». Отдельно он подготовил инструкции для художника, который должен нарисовать к каждому «уроку» иллюстрацию. По мнению Бхактиведанты Свами, пятьдесят картин и комментарии к ним должны были произвести огромное впечатление на гостей съезда. Организаторам идея понравилась.

Что касается Вашего предложения использовать картины, нарисованные согласно Вашим рекомендациям, соответствующий департамент нашего конгресса немедленно назначит ответственных за это людей, — после подробного рассмотрения нескольких примеров предложенных Вами сюжетов, которые Вы должны нам послать. Я хотел бы получить их как можно скорее.

Бхактиведанта Свами быстро закончил работу, рукопись в двадцать тысяч слов, — пятьдесят комментариев к пятидесяти картинам. Картины должны были изображать леса, поля и небо Вриндавана в сезон дождей, комментарии же к ним представляли собой: некоторые — критику безбожного правительства, материалистов и псевдорелигиозных деятелей, некоторые — утверждение принципов нравственности и сознания Бога, а иные — описание Господа Кришны и Его вечных спутников во Вриндаване.

Между Бхактиведантой Свами и организаторами из Японии все шло гладко. Но где взять денег на дорогу? Он попытался обратиться в некоторые индийские организации, которые, на его взгляд, могли бы помочь. В первую очередь он написал письмо в Министерство культуры и научных исследований, где рассказал о своем положении *санньяси*. К письму он приложил документ от господина Накано. В конце марта из министерства пришла анкета, которую Бхактиведанта Свами должен был заполнить и отправить обратно. Времени оставалось мало. 29 марта он написал вице-президенту, доктору Радхакришнану, с которым был немного знаком (хотя и расходился с ним в философских взглядах).

Вы знаете, что я *санньяси* и не имею никаких дел с государственным банком. Нет у меня и организации, которая могла бы меня поддержать. Но организаторам конгресса из Японии понравились мои работы, и они хотят, чтобы я приехал.

Ссылаясь на великих *ачарьев* прошлого, которые несли человечеству духовное знание ради блага всего мира, он говорил, что современное

индийское правительство должно посылать представителей этих *ачарьев* «проповедовать послание об *атме*, или человеческом духе». Кроме того, он написал заместителю директора пароходной компании «Синдия» в Бомбее, где напомнил ему о его предложении сделать пятидесятипроцентную скидку на проезд до Соединенных Штатов. Рассказав о приглашении господина Накано, Бхактиведанта Свами заметил, что билеты в Японию туда и обратно обойдутся дешевле, чем половина стоимости плавания до Соединенных Штатов.

Не желая упустить ни одной возможности, за шесть недель до съезда он написал еще одному потенциальному спонсору, Бридж-ратану С. Мохатте, который некогда выразил готовность послать Бхактиведанту Свами в Южную Америку, когда ему написал оттуда один заинтересовавшийся индийский предприниматель. Тогда Бхактиведанта Свами не смог получить необходимого удостоверения от индийского правительства. Но сейчас, объяснил он, появилась еще одна возможность познакомить людей из разных стран с учением Вед, причем таких людей, которым это интересно. К тому же билет до Японии дешевле, чем до Южной Америки. В тот же день он отправил заполненную анкету в Министерство научных исследований. В ответ на их вопрос, почему он просит пожертвований и делал ли он это раньше, Бхактиведанта Свами ответил:

Ранее я никогда не просил финансовой поддержки у Министерства, поскольку в этом не было необходимости. Как *санньяси*, я могу просить материальной помощи лишь в случае крайней нужды. Наша жизнь посвящена служению всему человечеству, пробуждению дремлющего духовного сознания.

Тем временем его подготовка к конференции шла полным ходом, при активном содействии японской стороны. Он уже послал господину Накано первые двадцать сюжетов для «Света бхагаваты». «Япония славится своими художниками, — писал он, — а Индия — своей духовной культурой. Теперь мы должны объединить усилия». Он посоветовал им напечатать текст и картины в форме книги.

Господин Накано заверил Бхактиведанту Свами, что они будут рады встретить его в аэропорту Ханеда; он легко узнает их по флагу. При желании по окончании съезда он сможет остаться в Японии еще на месяц и провести время в поездках с лекциями. Нужно будет только согласовать расписание. Со своей стороны господин Накано также попросил Бхактиведанту Свами об одолжении. Ради укрепления отношений с мэрами трех японских городов он попросил его направить им письма с просьбой оказать поддержку конференции «За духовное развитие человека». Бхактиведанта Свами сразу же выполнил эту просьбу.

Начался апрель, а денег не было. В конце концов после личной встречи с доктором Радхакришнаном, который наотрез отказался помочь, 18 апреля разочарованный Бхактиведанта Свами написал господину Накано:

Я получил Ваше письмо девятого числа и очень благодарен Вам за то, что Вы мне сказали. Я — незначительное существо и просто пытаюсь внести свой вклад в это дело, поскольку на то было указание моего духовного учителя, Шри Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Махараджи.

Я глубоко тронут Вашим деятельным стремлением оказать мне достойный прием, однако должен сообщить Вам, что пока мне не удалось собрать необходимую на билет сумму, составляющую примерно три с половиной тысячи рупий. Я подал прошение правительству Индии, копию которого я прилагаю к письму, а также написал по этому поводу личное письмо доктору Радхакришнану. Полученный ответ Вы также можете найти здесь.

Результаты не очень-то воодушевляют. Поэтому сегодня я лично встретился с вице-президентом, но он сказал мне то же самое, что и в письме. Хотя еще не все потеряно, я беспокоюсь, что же делать, если правительство откажет в помощи. Поэтому я прошу Вашего доброго совета. Доктор Радхакришнан сказал мне, что Вы и его пригласили принять участие в конгрессе, и он полагает, что Вы могли бы оплатить дорожные расходы.

У конгресса, несомненно, грандиозная цель, и я хотел бы полностью воспользоваться этой возможностью для блага всего человечества. Я полностью изложил свои взгляды в работах, которые уже послал Вам для публикации, а суть моей идеи я объяснил в письме мэрам, копия которого также прилагается.

Как *санньяси*, я не имею личных средств. При данных обстоятельствах, если правительство откажется помочь с оплатой дороги, то я буду вынужден обратиться с той же просьбой к Вам; в противном случае моя поездка на конференцию так и останется лишь мечтой. Я мало верю в политиков, особенно в индийских.

Из беседы с доктором С. Радхакришнаном мне стало ясно, что правительство не поддерживает этот конгресс, организованный частными лицами, поэтому они не собираются принимать в нем участия. Я подожду еще неделю до принятия окончательного решения, когда станет ясно, «да» или «нет».

Ответы от всех потенциальных индийских спонсоров пришли отрицательные. 20 апреля Бхактиведанта Свами направил господину Накано телеграмму.

Поскольку Вы проявили чувство глубокой симпатии ко мне, осмеливаюсь просить Вас послать мне средства, чтобы я смог приехать в Японию. Я думаю, что Вы можете без промедления сообщить вашему послу в Дели, чтобы он принял необходимые меры и послал меня в Японию от Вашего имени. Я с нетерпением жду встречи с Вами и участия в конгрессе, чтобы вместе мы могли создать серьезную организацию, целью которой будет являться

духовное развитие. Я буду ждать Вашей телеграммы, чтобы спланировать свои дальнейшие действия.

Но господин Накано не смог ничем помочь. И планы Бхактиведанты Свами так и остались мечтой.

* * *

В июле 1962 года Бхактиведанта Свами переехал из храма Вамши-Гопаладжи в храм Радхи-Дамодары. Три года он отдавал по пять рупий в месяц за аренду комнат в храме Радхи-Дамодары и оплачивал капитальный ремонт. Теперь в главной комнате появились электрическое освещение и вентилятор, а стены были оштукатурены и покрашены. Длина комнаты составляла около пяти метров, а ширина — около двух. Пол был сделан из разных по размеру плит красного песчаника — такими же плитами был выложен вход в *самадхи* Рупы Госвами. Обстановка — самая простая: маленький, низенький столик, циновка из травы *куша* и деревянная койка со сплетенным из веревки дном. Здесь не было того прекрасного вида, которым он наслаждался с крыши храма на Кеши-гхате, да и район был не таким тихим, зато теперь он мог, не выходя из комнаты, смотреть на храм и видеть часть алтаря, а на алтаре — черное мраморное Божество Кришны Вриндавана-Чандры, высотой около метра, которому сотни лет назад поклонялся Кришнадас Кавираджа. Главную комнату с кухней соединяла трехметровая веранда, выходившая во двор, а из кухни можно было увидеть *самадхи* Рупы Госвами. Здесь было лучше, чем в комнате в храме Вамши-Гопаладжи, — ведь это был храм Дживы Госвами, место, где собирались такие великие души, как Рупа Госвами, Санатана Госвами, Рагхунатха Госвами и Джива Госвами — собирались, чтобы принимать *прасад*, петь и говорить о Кришне и Господе Чайтанье. Это было самое подходящее место для работы над «Шримад-Бхагаватам».

* * *

В час ночи, когда все засыпали и воцарялась тишина, Бхактиведанта Свами вставал и приступал к работе. Поскольку перебои с электричеством во Вриндаване были делом обычным, работать зачастую приходилось при свете керосиновой лампы. Свет, проникая через дверь комнаты, падал на веранду. Порой, когда он долго сидел без движения, из какого-то своего убежища выскакивала жаба, такая же сухая, как каменный пол, и, допрыгав до противоположной стены, исчезала в цементной решетке. Порой из-за оконных ставней выбегала крохотная мышка и пряталась в другом месте. Кроме этих редких гостей, ничто не нарушало священной тишины, царящей в комнате, а близость шести Госвами порождала огромное вдохновение. Над

открытым двором раскинулось звездное небо. Когда он работал, в храме стояла тишина, разве что иногда откуда-то издалека, из города, доносился лай собаки...

В четыре утра просыпался храмовый *пуджари*. Он спал под крышей, рядом с дверью, ведущей в комнату Божеств. Он включал свет и длинным шестом сгонял с балок летучих мышей. В пять часов, разбудив Божества, *пуджари* открывал двери алтаря и начинал *мангала-арати*. Он предлагал огонь, а несколько преданных, которые жили тут же, в храме, пели, подыгрывая себе на музыкальных инструментах. Время от времени кто-нибудь ударял в гонг, а кто-то — в большой колокол.

Любой звук со двора мгновенно доносился до Бхактиведанты Свами. Звон колокола и гудение гонга тут же отражались от стен его маленькой комнаты. Со своего места он мог разглядеть только Вриндавана-Чандру, стоявшего на алтаре слева. Иногда он отрывался от работы и выходил во двор, чтобы увидеть Божества и *арати*. На алтаре стояли Божества Радхи и Кришны, которым сотни лет назад поклонялись Джива Госвами и другие *ачарьи* вайшнавов. Через десять минут, предложив Божествам светильник и раковину с водой, *пуджари* поворачивался и разбрызгивал предложенную воду на головы преданных, после чего церемония заканчивалась.

Поработав несколько часов над «Шримад-Бхагаватам», Бхактиведанта Свами садился повторять *джапу*. Когда утреннее небо начинало синеть, а звезды исчезали, в храм начинали стекаться жители Вриндавана, чтобы посмотреть на Божества и *самадхи* Госвами. Пожилые женщины входили в храм, прерывистыми голосами восклицая: «Джая Радхе!»

Когда Бхактиведанта Свами открывал ставни, комната наполнялась светом. Окна комнаты смотрели во двор, но это были не столько окна, сколько просто цементная решетка в стене; свет решетка пропускала, но разглядеть с улицы, что происходит в комнате, было практически невозможно. Утренний свет освещал комнату: сводчатый потолок, свежеевыкрашенные стены с арочными нишами, мощеный пол. В углу, прислоненная к стене, стояла тонкая *санньяса-данда* Бхактиведанты Свами, завернутая в грубое шафрановое *кхади*. На одну полку Бхактиведанта Свами поставил портрет Бхактисиддханты Сарасвати, на другую — стопку книг и рукописей. Две двери комнаты выглядели довольно непрочными, даже когда были заперты, и вся комната имела небольшой уклон влево. Обстановка была бедной, но умиротворяющей.

Часто, сидя на веранде между двумя комнатами, Бхактиведанта Свами смотрел во двор, на алтарь и Божества. Радха-Дамодара, Радха-Вриндавана-Чандра и несколько других Божеств Радхи-Кришны ожидали Своих посетителей. Утром двери комнаты Божеств оставались открытыми, а поток посетителей превращал храм в оживленное место паломничества. Никто не задерживался надолго. Некоторые из гостей торопились, поскольку, следуя строгому расписанию, должны были посетить в этот день еще много храмов. Бедняки и местные предприниматели, со своими женами в ярких сари, и те и другие — преданные, шли к алтарю, восклицая: «Джая хо!», «Джая Радхе!»

Поприветствовав Божества, они выходили через дверь в наружный двор храма, чтобы посетить *самадхи*.

Хотя во Вриндаване были сотни маленьких похожих на храмы мавзолеев, построенных в честь ушедших *ачарьев*, Бхактиведанта Свами регулярно посещал только главные из них: *самадхи* Дживы Госвами, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати и Шрилы Кришнадаса Кавираджи Госвами. В отдельном дворе храма располагались *бхаджана-кутир* и *самадхи* Рупы Госвами. Бхактиведанта Свами часто сидел перед *самадхи*, повторяя *джану*. Паломники вереницей выходили из храма во внешний двор, чтобы предложить Рупе Госвами *дандаваты*. Большинство паломников считали этот момент самым важным в посещении храма Радхи-Дамодары, и даже если они нигде больше не выражали почтения, у *самадхи* Рупы Госвами они останавливались всегда. Сложив ладони, они кланялись со словами «Джая Радхе!» или, опустив руку в мешочек с четками, повторяли *мантру* Харе Кришна, обходя *самадхи* по кругу.

Даже после того, как утренний поток посетителей иссякал, Бхактиведанта Свами продолжал сидеть и читать *мантру*. После этого он иногда шел в соседние храмы Радхи-Шьямасундары или Радхи-Мадана-Мохана, неизменно возвращаясь в свою комнату к одиннадцати, чтобы приготовить обед. Готовя, а затем принимая *прасад*, он смотрел через решетку на *самадхи* Рупы Госвами. Чувствуя его присутствие, он думал о своей миссии, о служении духовному учителю.

Преданных Господа Чайтаньи называют *рупанугами*, последователями Рупы Госвами, — ведь, не следуя учению и примеру Рупы Госвами, никто не может встать на путь чистой преданности Радхе и Кришне. Шрила Бхактисиддхант Сарасвати прославился как особенно строгий *рупануга*, о чем говорится в молитвах на санскрите, написанных в его честь: «О Шрила Бхактисиддхант Сарасвати, о воплощение энергии милости Господа Шри Чайтаньи, в глубоком почтении я склоняюсь перед тобой. Неукоснительно следуя учению Шрилы Рупы Госвами, ты несешь людям преданное служение, увенчанное любовью Радхи и Кришны. В глубоком почтении я склоняюсь перед тобой, воплощением учения Господа Чайтаньи. О спаситель падших душ, ты нетерпим к любому утверждению, которое противоречит науке преданного служения, изложенной Шрилой Рупой Госвами».

Духовный учитель Бхактиведанты Свами и его предшественники хотели, чтобы Движение сознания Кришны распространилось по всему миру, и теперь, ежедневно сидя перед *самадхи* Рупы Госвами и черпая в этом вдохновение, Бхактиведанта Свами молился им, своим духовным предшественникам, прося направить его. Сокровенное руководство, которое он получал от них, было для него абсолютным повелением, и ни правительство, ни владелец издательства — никто не мог поколебать или ослабить его решимость выполнять их приказ. Рупа Госвами хотел, чтобы он поехал на Запад; Шрила Бхактисиддхант Сарасвати хотел, чтобы он поехал на Запад, — и Кришна привел его в храм Радхи-Дамодары, чтобы он получил

здесь их благословения. Он чувствовал, что в храме Радхи-Дамодары он вошел в вечную обитель, о которой знают одни только чистые преданные Господа. Но хоть они и позволяли ему близко общаться с ними в месте их вечных игр, они в то же время приказывали ему покинуть Радху-Дамодару и Вриндаван и нести послание *ачарьев* забывшему о Боге миру.

* * *

В июне началась нестерпимая жара, и днем стало невозможно работать. В самые жаркие часы Бхактиведанта Свами закрывал дверь и ставни и включал вентилятор. К вечеру жара спадала, храм снова наполнялся посетителями, и во дворе начинались вечерние *киртаны*. Сидя на веранде, Бхактиведанта Свами иногда беседовал с гостями, а иногда они подходили к его двери и наблюдали, как он печатает на машинке. Во Вриндаване его знали как ученого и возвышенного преданного. Но для работы над «Шримад-Бхагаватам» он старался по возможности уединиться, особенно летом 1962 года.

В этом заключалась истинная цель его переезда сюда: писать книги, которые можно было бы нести людям Запада. Хотя пока средств ни на издание книг, ни на путешествие даже до Японии у него не было, он мечтал об этом и ради этого трудился. Он приехал во Вриндаван не для того, чтобы умереть здесь и вернуться к Богу. Напротив, он приехал потому, что здесь как ни в каком другом месте можно было набраться духовных сил для главного дела его жизни. Бхактиведанта Свами не знал, какую именно форму примет его проповедь, но знал точно, что ему нужно подготовиться к проповеди «Шримад-Бхагаватам» в англоязычном западном мире. Он должен стать безупречным инструментом в руках своих учителей. И если они пожелают, то сами устроят его поездку на Запад.

11 Мечты сбываются

Я считал, что должен ехать в Америку. Все ехали в Лондон, но я туда не хотел. Я думал только о том, как поехать в Нью-Йорк. Я строил планы: «Ехать мне через Токио или еще как-нибудь? Как будет дешевле?» Таковы были мои планы. Я постоянно думал о Нью-Йорке. Иногда мне снилось, что я приехал в Нью-Йорк.

— Шрила Прабхупада

НАПИСАТЬ КНИГУ — это полдела. Ее нужно еще и напечатать. И сам Бхактиведанта Свами, и его духовный учитель хотели, издав «Шримад-Бхагаватам» на английском языке, сделать его доступным как можно большему числу людей. В соответствии с учением Бхактисиддханты Сарасвати, для проповеди сознания Кришны нужно применять самые передовые издательские средства и формы распространения книг. Несмотря на то что Рупа Госвами, Санатана Госвами и Джива Госвами в своих многочисленных произведениях в совершенстве изложили вайшнавскую мудрость, сейчас эти рукописи лежат в библиотеке храма Радхи-Дамодары и некоторых других местах, постепенно приходя в негодность. Даже те их книги, которые издавал Гаудия-матх, особо широко не распространялись. Один из духовных братьев Бхактиведанты Свами спросил его, зачем тратить столько времени и сил на новый комментарий к «Бхагаватам», когда и так уже многие великие ачарьи комментировали его. Но у Бхактиведанты Свами таких вопросов не возникало: это был приказ его духовного учителя.

Однако коммерческих издателей не интересовал «Бхагаватам» в шестидесяти томах, а Бхактиведанта Свами не соглашался на меньшее. Это должен быть шестидесятитомный труд, написанный в соответствии с учением *парампары* и содержащий переводы стихов и отдельных слов, а также комментарии, основанные на комментариях ачарьев прошлого. Но чтобы выпускать такие книги, ему придется собирать частные пожертвования и печатать за свой счет. Храм Радхи-Дамодары был лучшим местом для написания комментариев к «Шримад-Бхагаватам», но отнюдь не для издания. Для этого придется ездить в Нью-Дели.

Из делийских знакомых Бхактиведанта Свами больше всего рассчитывал на Хитсарана Шарму. Хотя почтительное отношение господина Шармы к своему гостю было продиктовано больше уважением к его статусу, нежели к нему лично, он, по крайней мере, был склонен помогать *садху* и понимал, что Бхактиведанта Свами — по-настоящему религиозный человек. И когда тот пришел к нему в контору, он, понимая, что проповедь «Шримад-Бхагаватам» — это религиозный долг, в помощи не отказал.

Хитсаран Шарма мог оказаться полезным сразу по двум причинам: во-первых, он был секретарем Дж. Д. Дальмии, богатого филантропа, а во-вторых, владел частной типографией, «Радха пресс». Но, по мнению господина Шармы, господин Дальмия не дал бы денег непосредственно Бхактиведанте Свами, даже если бы его об этом попросил секретарь. Поэтому он посоветовал Бхактиведанте Свами поехать в Горакхпур и показать рукопись Хануману Прасаду Поддару — редактору, выпускающему книги религиозного содержания. Совет показался Бхактиведанте Свами разумным, и он отправился в Горакхпур, находящийся в семистах шестидесяти километрах от Дели.

Но даже такая поездка создавала финансовые затруднения. Согласно записи в книге расходов Бхактиведанты Свами, на 8 августа 1962 года у него оставалось сто тридцать рупий. В тот день он выехал в Горакхпур. Когда он добрался до Лакхнау, остаток сократился до семидесяти пяти рупий. Дорога от Лакхнау до Горакхпура стоила еще шесть рупий, а рикша до дома господина Поддара — восемьдесят пайс.

Но все эти дорожные издержки полностью себя оправдали. Вручив Поддару рекомендательное письмо от Хитсарана Шармы, Бхактиведанта Свами ознакомил его со своей рукописью. Бегло просмотрев ее, господин Поддар пришел к выводу, что это — превосходная работа и заслуживает всяческой поддержки. Он согласился перевести в «Дальмия траст» в Дели сумму в четыре тысячи рупий, как пожертвование на издание «Шримад-Бхагаватам» Шри А.Ч. Бхактиведанты Свами.

Индийские печатники, если им дать хороший задаток, не всегда требуют полной оплаты заказа до начала работы. После того как книги напечатаны и переплетены, заказчик, если он еще не заплатил за весь тираж, забирает часть книг, соразмерно сделанной предоплате, и, продав их, выкупает на вырученные деньги остальные. По подсчетам Бхактиведанты Свами, печать одного тома должна была обойтись в семь тысяч рупий. Не хватало трех тысяч. Ходя от двери к двери по всему Дели, он собрал еще несколько сотен, а затем вернулся в «Радха пресс» и попросил Хитсарана Шарму начать работу. Господин Шарма согласился.

В типографии «Радха пресс» уже набрали большую часть первых двух глав, когда Бхактиведанта Свами заметил, что шрифт недостаточно крупный. Он хотел, чтобы текст печатался двенадцатым кеглем, а у «Радха пресс» был только десятый. Поэтому господин Шарма согласился отнести заказ к другому печатнику, Гаутаме Шарме из «О.К. пресс».

Работая над первым томом Первой песни «Шримад-Бхагаватам», в типографии «О.К. пресс» печатали на каждой стороне листа, размером двадцать на двадцать шесть дюймов, по восемь страниц. А перед тем как приступить к печати всего заказа в тысячу сто экземпляров, типография печатала пробный оттиск, который Бхактиведанта Свами проверял сам. Затем, в соответствии с корректурой, печатники вручную исправляли набранный текст и делали второй оттиск, который Бхактиведанта Свами также

прочитывал. Обычно он находил ошибки и во втором оттиске, поэтому приходилось печатать третий. Если в третьем оттиске ошибок не оказывалось, этот вариант шел в печать. Такой темп работы позволял Бхактиведанте Свами заказывать бумагу в небольших количествах, что было ему вполне по силам, — от шести до десяти пачек за раз. Заказывать нужно было заблаговременно, за две недели.

Над текстом он трудился до последнего: дорабатывал финальные главы, когда книга уже находилась в типографии. Когда гранки были готовы, он забирал их из «О.К. пресс», возвращался в свою комнату в Чиппиваде, исправлял, а затем отдавал обратно. Иногда гранки приносил или забирал четырнадцатилетний паренек Кантведи, который жил со своими родителями в том же храме. Но последние несколько месяцев 1962 года Бхактиведанта Свами сам почти ежедневно ходил в «О.К. пресс».

Узкими, людными улочками Чиппивады он выходил на дорогу рядом с мечетью Джама, которая вела к шумному, перегруженному движением Чаури-базару. Здесь делали и продавали бумагу. Рабочие, налегая плечами на веревки, тянули нагруженные тяжелыми пачками бумаги деревянные телеги с маленькими железными колесами. Целых два квартала были заняты одними только торговцами и производителями бумаги: «Хари Рам Гупта и компания», «Руп Чанд и сыновья», «Бенгальская бумажная фабрика», «Юниверсэл трэйдерс», «Бумажная ярмарка Джанты» — одна фирма за другой. Они были даже на соседних улицах.

Район пестрел беспорядочными и яркими витринами магазинов. Люди двигались по тротуарам в такой тесноте и так быстро, что пешеход, замешкавшийся даже на секунду, мог создать серьезное препятствие для других. По улицам сновали туда-сюда повозки и рикши, перевозившие бумагу и другие товары. Иной рабочий нес на голове увесистую кипу бумаги, которая прогибалась в обе стороны под собственной тяжестью. Среди всей этой уличной суеты невнимательный или медлительный пешеход мог легко столкнуться с проезжающей телегой или задеть выступающую поклажу, которую нес на голове носильщик. Порой на обочине дороги попадался человек, сидящий на корточках и разбивающий на мелкие куски глыбы угля на продажу. На углах улиц, возле маленьких табачных лавочек, собирались небольшие группы людей, покупающих сигареты или *пан*. Продавец проворно насыпал *пан* на лист бетеля, после чего покупатель отходил и шел своей дорогой, жуя *пан* и сплевывая красную слюну.

Мимо всей этой суеты Чаури-базара, постепенно перерастающего в квартал многоквартирных домов, где на оживленных улицах играли дети, шествовал благородный и решительный Бхактиведанта Свами. Он шел мимо домов, мимо продавцов черепицы и торговцев зерном, мимо типографий и магазинов сладостей. Над его головой, среди электрических проводов летали голуби, а на веревках, натянутых между балконами домов, сушилось белье. Наконец он добирался до типографии «О. К. пресс», которая располагалась

прямо напротив маленькой мечети. Он приносил исправленные оттиски и с волнением наблюдал, как печатают его книгу.

Через четыре месяца, когда все листы были напечатаны и разложены стопками на полу типографии, господин Хитсаран Шарма распорядился, чтобы заказ перевезли в переплетную мастерскую.

Книги переплетались по старинке, большей частью вручную и на это ушел еще месяц. Бхактиведанта Свами приходил и наблюдал за работой. В маленькой комнате сидели в ряд переплетчики, а вокруг возвышались пачки напечатанных страниц. Первый рабочий брал один из листов, быстро складывал его вдвое и передавал соседу, который выполнял следующую операцию. Страницы перегибались, их брошюровали, проверяли, затем зажимали в тиски, сбивали, обрезали с трех сторон ножовкой и склеивали. Шаг за шагом книга готовилась к завершающей операции — заключению в твердую обложку.

Помимо «О. К. пресс» и переплетной мастерской, Бхактиведанта Свами время от времени ездил на автобусе в типографию Хитсарана Шармы «Радха пресс», на другой берег Ямуны. Типография «Радха пресс» печатала тысячу суперобложек для книг.

Хитсаран Шарма: Свамиджи постоянно ездил туда-сюда. Он вкладывал в печать все средства, которые ему удавалось собрать.

И в этих разъездах он постоянно общался с людьми. Он питал ко мне очень теплые чувства, и я старался выполнять его заказы как можно скорее. Он очень торопился. Он всегда говорил: «Время не ждет. Время не ждет. Делайте быстрее!» Иногда я выводил его из терпения, и он заставлял меня выполнять его заказ в первую очередь. Но я работал на Дальмию и объяснял ему: «Ваш заказ для меня на втором месте». Но он отвечал: «Вы попусту отняли у меня два дня. Как это называется, Шармаджи? Я приезжаю сюда утром, говорю вам, что нужно сделать, а вы до сих пор этого не сделали». А я оправдывался: «У меня не было времени». Тогда он говорил: «Получается, вы понапрасну отняли у меня целый день». Он очень торопил меня. Такой у него был характер.

Переплет был кирпично-красного цвета, с золотым тиснением. Картину для суперобложки Бхактиведанта Свами придумал сам и поручил нарисовать ее молодому бенгальскому художнику по имени Салит. Это была картина на весь разворот, изображающая всё духовное и материальное творение. Большую часть передней стороны обложки занимал розовый лотос, внутри которого были изображены Радха и Кришна во Вриндаване, а еще — Господь Чайтанья, поющий и танцующий в кругу Своих преданных. Планета-лотос Кришны излучала желтоватое сияние, в котором парили бесчисленные духовные планеты, напоминая скопление солнц. На каждой планете был изображен четырехрукий Нараяна. Имя каждого Нараяны было написано ниже: Тривикрама, Кешава, Пурушоттама и так далее. В овале на нижней части передней обложки был нарисован Маха-Вишну, из которого исходили

материальные вселенные. На внутренней стороне обложки Бхактиведанта Свами поместил свое пояснение к изображению.

И вот наконец печать и переплетные работы закончены. Получилось тысяча сто книг. Сто экземпляров Бхактиведанта Свами забрал, а остальные типография пока оставила у себя. Выручку с продажи первых ста экземпляров Бхактиведанта Свами должен был отдавать типографии и переплетной мастерской в счет погашения долга. Затем ему выдадут следующую партию книг, и так до тех пор, пока весь долг не будет оплачен. После этого на деньги, вырученные с продажи первого тома, он планировал напечатать второй, а после продажи второго — третий.

За первой сотней книг поехал Кантведи. Он нанял рабочего, который уложил их в большие корзины, погрузил на ручную тележку и покатил по улицам в храм в Чиппиваде. Книги Бхактиведанта Свами сложил на скамейке в своей комнате.

Бхактиведанта Свами сам продавал и показывал свои книги влиятельным людям. Доктор Радхакришнан, который лично его принял, согласился изучить книгу и написать рецензию. Первым положительный отзыв написал Хануман Прасад Поддар:

Для меня это источник огромной радости — то, что давно лелеемая мечта осуществилась и будет продолжать осуществляться с выходом этой и следующих публикаций. Я благодарю Господа, по милости которого эта книга смогла увидеть свет.

Бхактиведанта Свами посетил все главные библиотеки, университеты и школы Дели. На библиотекарей он произвел впечатление человека «спокойного и тихого», «благородного», «вежливого», «ученого» и «излучающего какое-то особенное сияние». Он пешком обошел дирекции всех школ Дели. Более сорока школ взяли у него по экземпляру. Министерство образования (до этого отказывавшее ему в помощи) сделало заказ на пятьдесят книг для некоторых университетов и библиотек по всей Индии. Министерство выплатило ему шестьсот рупий, а также покрыло почтовые расходы. Бхактиведанта Свами разослал книги в указанные библиотеки. Восемнадцать книг купило посольство США для распространения в Америке, через Библиотеку Конгресса.

Поначалу продажа книг через организации шла полным ходом, но затем темп стал спадать. Будучи единственным агентом по продаже, Бхактиведанта Свами тратил многие часы на то, чтобы распространить всего несколько копий. Он очень хотел выпустить второй том, но пока не накопится нужная сумма от продажи первого, печатать дальше не получится. Параллельно он продолжал работать над переводом и комментариями. Создание этого многотомного произведения было серьезной задачей, которая займет много лет. Если и дальше книги будут продаваться так же медленно, то он до конца жизни не успеет закончить работу.

Хотя в издании книги принимало участие много людей, а заказчиков по-прежнему хватало, успехи и неудачи этого предприятия глубоко переживал один только Бхактиведанта Свами. Это был его проект, и отвечал за него только он. Никто не просил его писать больше, никто не ждал с нетерпением выхода новых книг. И даже когда объем продаж падал почти до нуля, это не особенно волновало управляющих «О. К. пресс»: оставшиеся книги они ему отдадут, только когда он заплатит. А поскольку именно ему надо было платить, чтобы «О. К. пресс» напечатал второй том, то и беспокоиться, чтобы первый том продавался в как можно больших количествах, тоже должен был он. Для Ханумана Прасада Поддара первый том был мимолетным объектом восхищения; для Хитсарана Шармы — тем, к чему он приступал после окончания своей основной работы для господина Дальмии. Для парня с Чиппивады эта книга была связана с выполнением нескольких поручений. Для торговцев бумагой это был очередной небольшой заказ. Для доктора Радхакришнана книга была мелочью, о которой он вскоре позабыл, увязнув в национальной политике и философствованиях на тему индуизма. Но Бхактиведанта Свами, полностью погруженный в издание «Бхагаватам», чувствовал блаженство и уверенность в том, что Кришна доволен его усилиями. Однако при этом он не считал «Бхагаватам» только своим личным делом. «Бхагаватам» был крайне необходимым лекарством от болезней Кали-юги — лекарством, дать которое людям одиночке не под силу. И тем не менее он оставался одиночкой, хотя и чувствовал необычайное счастье и удовлетворение от служения гуру и Господу Кришне. Так его трансцендентное отчаяние и наслаждение смешивались, воля его крепла, и он продолжал работать один.

Его гуру, духовные учителя прошлого и ведические писания уверяли, что он на верном пути. Человек, получивший том «Бхагаватам» и прочитавший хотя бы страницу, может захотеть примкнуть к Движению Господа Чайтаньи. Если он всерьез воспримет написанное, у него появится вера в духовную жизнь. Чем больше этих книг распространится, тем больше людей смогут понять сознание Кришны. А поняв сознание Кришны, они освободятся от всех проблем. Продажа книг и есть настоящая проповедь! Бхактисиддханта Сарасвати хотел именно этого. Ради этого он готов был пренебречь строительством храмов и привлечением новых последователей. Да и в самом деле, кто может проповедовать лучше «Бхагаватам»? Любой, кто не пожалеет шестнадцати рупий на книгу, конечно же найдет время хотя бы заглянуть в нее.

За несколько последующих месяцев Бхактиведанта Свами получил еще несколько положительных отзывов. Престижный бюллетень «Адьяр лайбрэри» поместил подробную рецензию, в которой отмечено «всестороннее и глубокое знание автором темы». Заканчивалась она словами: «с нетерпением ожидаем выхода следующих томов этого издания».

Его ученые духовные братья также написали слова одобрения. Свами Бон Махараджа, ректор Института восточной философии во Вриндаване, писал:

Я могу только восхищаться Вашим практичным и смелым начинанием. Если Вам удастся довести работу до конца, Вы тем самым сослужите великую службу Прабхупаде Шри Бхактисиддханте Сарасвати Госвами Махарадже, Шри Чайтанье Махапрабху, а также всей стране. Продолжайте и не сомневайтесь: у Вас не будет недостатка в средствах.

Бхактисаранга Махараджа напечатал подробную рецензию в своем «Саджана-тошани»:

Мы надеемся, что это английское издание «Шримад-Бхагаватам» станет широко читаемой книгой и с ее помощью люди смогут навсегда избавиться от духовной нищеты. Шримад Бхактиведанта Свами дал нам то, что нужно, и именно в то время, когда мы так сильно в этом нуждаемся. Мы всем рекомендуем серьезно изучить эту книгу.

Шри Бишванатх Дас, губернатор штата Уттар-Прадеш, рекомендовал всем мыслящим людям непременно прочитать эту книгу. «Экономик ревью» прославляла автора за то, что он взял на себя этот титанический труд.

В наше время, когда не только население Индии, но и жители Запада, задыхающиеся в тлетворной атмосфере ненависти и лицемерия, нуждаются в неподдельной любви и истине, книги, подобные этой, возвышают и исправляют нравы.

Доктор Закир Хуссейн, вице-президент Индии, написал:

Я прочел Вашу книгу, «Шримад-Бхагаватам», с огромным интересом и великой пользой для себя. Я хотел бы еще раз поблагодарить Вас за доброту, которая, должно быть, побудила Вас подарить эту книгу мне.

Конечно, Бхактиведанта Свами не мог расплатиться этими положительными отзывами с типографией, но они свидетельствовали о том, что книгу оценили. А следующие тома наверняка вызовут еще большее одобрение. По милости Кришны, Бхактиведанта Свами уже закончил большую часть переводов и комментариев второго тома. Даже в последние недели, когда печатался первый том, он писал днями и ночами, работая над вторым. Эта работа была прославлением Верховного Господа, Кришны, и потому должна составить много, много томов. Он чувствовал внутреннее побуждение прославлять Кришну, описывая Его во все новых и новых книгах. Шрила Бхактисиддханте Сарасвати говорил, что даже все типографии мира не успеют печатать новости о Кришне и духовном мире, которые каждую секунду узнают чистые преданные.

Бхактиведанта Свами решил вернуться во Вриндаван, чтобы в течение нескольких месяцев усиленно поработать над вторым томом. В храме Радхи-

Дамодары это было его главным занятием. Лучшего места, чтобы писать духовные книги, просто не найти; и это на своем примере показали *ачарьивайшнав*ы прошлого. Живя в простых условиях, принимая минимум пищи и уделяя совсем немного времени сну, он постоянно переводил стихи и составлял комментарии для второго тома. Через несколько месяцев, когда рукописных страниц скопилось достаточно, он вернулся в Дели и снова погрузился в мир книгоиздания.

Первый том охватывал шесть с половиной глав Первой песни и насчитывал триста шестьдесят четыре страницы. Второй том начинался с восьмого стиха седьмой главы. В комментарии к нему Бхактиведанта Свами писал, что «Шримад-Бхагаватам» предназначен для *парамахамс* — тех, кто посвятил всю свою жизнь самоосознанию. «Но, — прибавлял он, — он проникает в самую глубину сердца даже мирских людей, живущих чувственными наслаждениями. Даже они найдут в этом ведическом писании лекарство от своих материальных недугов».

Чтобы найти деньги для издания второго тома, Бхактиведанта Свами вернулся в Дели. Посещая очередного потенциального спонсора, он показывал ему первый том и постоянно увеличивавшийся перечень отзывов и объяснял, что просит денег не для себя, а на издание этой важной книги. Хотя на первый том он так и не сумел собрать мало-мальски существенных пожертвований (не считая четырех тысяч рупий от господина Поддара), на второй том пять тысяч рупий ему дал руководитель сахарного завода «L&N».

Бхактиведанта Свами был недоволен менеджерской работой Хитсарана Шармы. Хотя, по общему мнению, Хитсаран знал свое дело, он постоянно задерживал процесс и иногда давал советы Гаутаме Шарме, не спросив мнения Бхактиведанты Свами. Работа над первым томом шла медленно, а иногда даже останавливалась, если вдруг находился клиент, способный заплатить наличными. Бхактиведанта Свами жаловался, что типография «О.К. пресс» не получила вовремя деньги именно по вине Хитсарана. Поэтому сейчас Бхактиведанта Свами решил работать с «О.К. пресс» без посредников и лично следить за работой. Он переговорил с Гаутамой Шармой и предложил платить по частям. Хотя большая часть первых томов по-прежнему лежала на полу типографии, Бхактиведанта Свами хотел, чтобы «О.К. пресс» приступала к печати второго тома. Гаутама Шарма согласился.

Второй том вышел в печать в начале 1964 года. Сама процедура не изменилась, но на этот раз Бхактиведанта Свами гораздо более активно участвовал в процессе, подгоняя рабочих. Чтобы избежать задержек, бумагу он покупал сам. Он выбирал и заказывал ее в торговой фирме «Сиддхо Мал и сыновья», в самом сердце «бумажного района», а затем организовывал ее доставку в «О.К. пресс». Для больших партий он нанимал телегу. Небольшие заказы перевозил на рикше или же пользовался услугами носильщика, переносившего груз на голове.

В предисловии ко второму тому Бхактиведанта Свами рассказывал, какой странной для жителя Вриндавана казалась работа в Дели.

«Может показаться, что и мы, несмотря на отречение от мирской жизни, занялись кармической деятельностью, т.е. **зарабатыванием денег ради наслаждения**, — тем, чем заняты все вокруг! Люди видят, что мы ходим по городу, бываем в правительственных кабинетах, банках и других подобных местах, чтобы издание «Шримад-Бхагаватам» продолжалось. Они видят, что, находясь вдали от нашего дома во Вриндаване, мы ходим в типографии, на бумажный рынок и в переплетные мастерские. Поэтому они иногда приходят к ошибочному выводу, что мы занимаемся тем же делом, что и остальные, хотя и носим одежду нищего монаха!

На самом деле между двумя этими видами деятельности лежит пропасть. Это не бизнес ради материального наслаждения. Напротив, это смиренная попытка распространять славу Господа в то время, когда люди остро нуждаются в этом».

Бхактиведанта Свами рассказал, как раньше, еще лет пятьдесят назад, состоятельные члены общества поручали *пандитам* печатать или переписывать от руки «Бхагаватам», а затем распространять его среди преданных и простых людей. Но времена изменились. «Сейчас ситуация настолько изменилась, что нам пришлось просить одного из крупнейших промышленников Индии выкупить 100 (сто) экземпляров и распространить их, но бедняга признался в своей неспособности сделать это. Мы хотели найти кого-нибудь, кто заплатил бы за весь тираж „Шримад-Бхагаватам“, чтобы книгу можно было распространять бесплатно среди лидеров мирового сообщества. Но никто до сих пор так и не выразил готовности сделать это ради возвышения людей».

Поблагодарив Министерство образования и министра образования за распространение книг по институтам и библиотекам, Бхактиведанта Свами вновь заговорил с читателями о своем затруднительном положении. «Проблема в том, что мы должны искать деньги на завершение этой работы, которая, вне всякого сомнения, является грандиозным проектом. Доход с продажи книг идет не на чувственное наслаждение, а на продолжение работы. Этим и отличается наша деятельность от деятельности ради материальных результатов. Ради этого нам и приходится общаться с заинтересованными людьми, как бизнесмену. Нет ничего дурного в том, чтобы стать бизнесменом ради Господа, так же как и нет ничего дурного в том, чтобы стать воином на поле битвы, подобно Арджуне или Хануману, если военные действия ведутся ради удовольствия Верховного Господа».

«И хотя живем мы не в Гималаях и говорить нам приходится о бизнесе, а дело иметь с рупиями и пайсами, — просто потому, что мы на все сто процентов заняты служением Господу и проповедуем Его славу, мы, без сомнений, легко минуем все ловушки, расставленные *майей*, и достигнем сияющего царства Бога, чтобы вечно служить Ему лицом к лицу, в полном блаженстве и знании. Мы убеждены в этом и можем заверить наших

многочисленных читателей в том, что, просто слушая о славе Господа, они достигнут того же результата».

Получив первые экземпляры второго тома — еще одного четырехсотстраничного «Бхагаватам», в тканевом переплете кирпично-красного цвета, с такой же суперобложкой, как и у первого, — Бхактиведанта Свами снова отправился по институтам, ученым, политикам и книготорговцам. Один делийский продавец книг, доктор Манохарлал Джайн, распространял «Бхагаватам» особенно успешно.

Манохарлал Джайн: Он приходил ко мне, чтобы продавать свои книги. Он заходила довольно часто и обычно пару часов со мной беседовал. Ничто другое, кроме продажи книг в как можно больших количествах, его не заботило. Мы говорили о его трудностях, да и о многом другом — о йоге, веданте, религиозной стороне жизни. Ему сложно было распространять свой труд, поскольку это было огромное издание. Он планировал напечатать многотомник. Конечно, я говорил ему, что ни один местный книготорговец или издатель не возьмется печатать эту книгу и вкладывать в нее деньги. Его это немного разочаровывало, поскольку получалось, что он не сможет издать следующие тома.

Но у меня книги шли хорошо, потому что это был лучший перевод — санскритский текст, переведенный на английский язык. Других подобных книг не было. За два или три года я продал около ста пятидесяти — двухсот книг. Цена была очень низкой, всего шестнадцать рупий. Он публиковал отзывы, и книги шли хорошо. Стоили они недорого: он не собирался делать на этом деньги. Он печатал книги на английском, для иностранцев. Он хорошо владел и санскритом, и английским. Когда мы встречались, он говорил по-английски, и речь его была очень выразительной.

Он хотел, чтобы его книгу напечатал я, но у меня не было ни денег, ни типографии. Я честно сказал ему, что не смог бы ее напечатать, потому что это не один или два тома, а много томов. Но он как-то справлялся сам. Я посоветовал ему обратиться в фирму «Атмарам и сыновья». Он ходил и туда.

Он был великим учителем, философом, великим ученым. Мне нравилось беседовать с ним. Он сидел со мной столько, сколько мог себе позволить: один или два часа. Иногда он приходил утром, в одиннадцать или двенадцать, а иногда во второй половине дня. Он заходил, чтобы забрать деньги. «Сколько книг продали?» И я с ним рассчитывался. По правде сказать, с деньгами у него в то время было туговато. Он хотел только того, чтобы его книги попали во все библиотеки и дошли до всех интересующихся.

Обычно каждый месяц мы печатали каталог, и я рекламировал его книгу. Заказы приходили со всего мира. Поэтому, по крайней мере у меня, объем продаж возрастал. Я прикидывал, что, если я продам сто экземпляров первого тома, тогда и второй можно будет продать в том же количестве. Те, кто купил первый том, естественно, купят и второй — ведь я продавал по

учреждениям, а они всегда стараются приобрести весь набор целиком. Он часто обсуждал со мной планы по изданию книги и говорил, сколько томов нужно выпустить, чтобы закончить «Шримад-Бхагаватам». Он очень хотел издать всю серию.

В январе 1964 года Бхактиведанту Свами принял вице-президент Индии Закир Хуссейн, который, хотя и был мусульманином, написал на его «Шримад-Бхагаватам» положительный отзыв. Доктор Хуссейн радушно принял автора в президентском дворце. Бхактиведанта Свами говорил, как важен «Шримад-Бхагаватам» для развития любви к Богу. Но доктор Хуссейн хотел знать, каким образом любовь к Богу может помочь человечеству. Вопрос, который правитель задал садху, был исполнен философского смысла, но, поскольку вице-президент торопился на заседание, Бхактиведанта Свами так и не успел дать ему исчерпывающий ответ. Со стороны вице-президента эта встреча была своего рода жестом признательности Свами, выражением благодарности за его работу на ниве культурного наследия Индии. И Бхактиведанта Свами смиренно принял этот ритуальный жест.

Но, не желая оставить без ответа вопрос, ответить на который во время короткой встречи было невозможно, Бхактиведанта Свами написал доктору Хуссейну длинное письмо. «Мусульмане также считают, — писал он, — что нет никого и ничего превыше Аллаха. Христиане тоже признают, что Бог велик. Человечество должно научиться подчиняться законам Бога». Он напомнил доктору Хуссейну о великом культурном сокровище Индии — ведических писаниях. Индийское правительство могло бы принести величайшее благо человечеству, систематически распространяя ведическое знание. «Шримад-Бхагаватам» был «написан в Индии»; это величайший дар, который Индия могла бы преподнести миру.

* * *

В марте 1964 года Кришна Пандит, благожелатель Бхактиведанты Свами из храма Радхи-Кришны в Чиппиваде, предоставил ему возможность в течение нескольких месяцев жить в храме Шри Радха-валлабхаджи в соседнем районе, Рошанпур-Найсараке. Там он мог продолжать писать книги и участвовать в их издании, но помимо этого Кришна Пандит попросил его читать лекции. Он дал Бхактиведанте Свами на личные нужды около полутора тысяч рупий. По случаю приезда Бхактиведанты Свами в храм Шри Радхаваллабхаджи управляющий распространил небольшие листовки, призывающие людей «извлечь всю возможную пользу из присутствия садху-вайшнава». Как «храмовый ачарья», Бхактиведанта Свами проводил в храме утренние и вечерние беседы, не снижая, однако, темпов своей писательской и издательской работы.

В июне Бхактиведанта Свами получил возможность встретиться с премьер-министром Индии, Налом Бахадуром Шастри. Встречу организовал Доладрам Кханнах, богатый ювелир и попечитель храма в Чиппиваде, которого Бхактиведанта Свами часто там видел. Будучи старым другом премьер-министра (в молодости они посещали вместе клуб *йоги*), господин Кханнах решил оказать Бхактиведанте Свами услугу и устроил эту встречу. «Пусть премьер-министр посмотрит на настоящего *садху*», — думал господин Кханнах.

Это была официальная встреча. Проходила она в саду у здания парламента, где премьер-министр Шастри, одетый в белую *курту* и *дхоти*, с пилоткой в стиле Неру на голове, в окружении советников, встречался с гостями. Принял он и пожилого *садху*. Бхактиведанта Свами, который в своих очках выглядел как ученый, вышел вперед, представился и рассказал о своей книге, «Шримад-Бхагаватам». Когда он передавал премьер-министру экземпляр первого тома, фотограф запечатлел этот момент: автор и премьер-министр улыбаются, глядя на книгу.

На следующий день Бхактиведанта Свами написал премьер-министру письмо. Вскоре пришел ответ, подписанный самим Шастри:

Дорогой Свамиджи, большое спасибо Вам за письмо. Я искренне благодарен Вам за подаренный мне том «Шримад-Бхагаватам». Я понимаю, что Вы делаете великое дело. Было бы замечательно, если бы библиотеки государственных учреждений приобрели эту книгу.

Бхактиведанта Свами написал ему еще одно письмо, где просил купить книги для различных учреждений Индии. Ответ пришел от господина Р. К. Шармы из Министерства образования. Он письменно подтвердил, что министерство согласно купить пятьдесят экземпляров второго тома, так же как оно выкупило первый.

Чтобы полностью погрузиться в работу над третьим томом, Бхактиведанта Свами вернулся в храм Радхи-Дамодары. Оставались последние главы Первой песни, где описывалось начало эпохи Кали. Многие стихи содержали предсказания о грядущей деградации общества. В них говорилось о том, как могущественный царь Парикшит противостоял влиянию Кали, управляя миром в сознании Кришны. В комментариях Бхактиведанта Свами написал, что правительство не сможет сдержать коррупцию, пока не искоренит четыре главных принципа безбожия — употребление в пищу мяса, недозволенные половые отношения, прием одурманивающих средств и

азартные игры. «Ни законодательными актами, ни полицейским надзором невозможно искоренить это зло, но для излечения от этой болезни ума есть верное средство — проповедь соблюдения принципов брахманической культуры: аскетизма, чистоты, милосердия и правдивости... Нам следует всегда помнить, что ложная гордость... чрезмерная привязанность к женщинам или общение с ними и одурманивание уведут человечество с пути мира, сколько бы люди ни призывали к миру во всем мире».

Нужно было искать средства на издание третьего тома, и Бхактиведанта Свами решил попытать счастья в Бомбее. Он приехал туда в июле и остановился в «Премкутир-дхармашале», бесплатном ашраме.

Шрила Прабхупада: *В «Премкутире» меня очень хорошо приняли. Я собирался продавать свои книги. Некоторые критиковали меня: «Какой он санньяси? Он зарабатывает на книготорговле». Это говорили не старшие — просто какие-то люди. Я и там писал книги.*

Потом меня пригласили погостить пару недель в семье Дальмия. Один из братьев сказал мне, что хочет построить у себя во дворе небольшой коттедж. «Вы можете там жить. Я подарю вам хороший домик». Я подумал, «Ну, нет. Я не собираюсь жить на иждивении вишайи (материалиста)». Но я прожил там пятнадцать дней, и он предоставил мне особое право пользоваться печатной машинкой для работы над книгами.

Теперь Бхактиведанта Свами ходил по учреждениям и книготорговцам Бомбея. Сейчас он носил с собой фотографию, где он был запечатлен рядом с премьер-министром Шастри, а также его письмо и бланк заказа на пятьдесят томов от Министерства образования. Но спрос был небольшой.

Тогда он решил посетить Сумати Морарджи, главу пароходной компании «Синдия». От духовных братьев, живущих в Бомбее, он слышал, что она часто помогала садху и жертвовала средства бомбейскому Гаудия-матху. Бхактиведанта Свами никогда с ней не встречался, но хорошо помнил, как в 1958 году один из ее служащих пообещал предоставить ему пятидесятипроцентную скидку на билет до Америки. Теперь он хотел, чтобы она помогла ему напечатать «Шримад-Бхагаватам».

Но первые попытки встретиться с ней оказались неудачными. Расстроенный тем, что служащие госпожи Морарджи его не пустили, Бхактиведанта Свами сел на ступеньки парадной лестницы главного здания компании, полный решимости привлечь ее внимание, когда она будет выходить в конце рабочего дня. Само собой, одинокий садху, просидевший пять часов на ступеньках здания компании «Синдия», тихо повторяя мантру, не мог остаться незамеченным. Вечером в дверях появилась госпожа Морарджи, бурно обсуждающая со своим секретарем, господином Чокси, какие-то дела. Увидев Бхактиведанту Свами, она остановилась.

— Кто это? — спросила она господина Чокси.

— Он сидит здесь уже пять часов, — ответил секретарь.

— Хорошо, я сейчас, — сказала она и направилась к месту, где сидел Бхактиведанта Свами.

Он улыбнулся, встал и, сложив ладони, предложил ей *намаскар*.

— Чем я могу быть вам полезна, Свамиджи? — спросила она.

Бхактиведанта Свами вкратце рассказал ей о своем намерении напечатать третий том «Шримад-Бхагаватам».

— Я хочу, чтобы вы мне помогли, — сказал он.

— Ладно, — ответила госпожа Морарджи. — Сейчас уже поздно, давайте встретимся завтра. Приходите, и мы все обсудим.

На следующий день Бхактиведанта Свами пришел в офис госпожи Морарджи и показал ей напечатанную на машинке рукопись и уже изданные тома.

— Хорошо, — сказала она, — я помогу вам. Я сделаю все, что потребуется. Вы сможете это напечатать.

Заручившись обещанием Сумати Морарджи, Бхактиведанта Свами вернулся во Вриндаван, чтобы завершить труд. Как и раньше, режим его работы был очень напряженным.

Третий том завершал Первую песнь. С таким количеством книг можно будет смело ехать на Запад. Благодаря только первым двум томам его стали лучше принимать в Индии — позади были встречи с вице-президентом и премьер-министром... Беседа с одним из крупнейших бомбейских магнатов тоже прошла успешно — рассказав за несколько минут о книге, Бхактиведанта Свами получил большое пожертвование. Книги были мощным средством проповеди.

* * *

Близился Джанмаштами. Бхактиведанта Свами хотел устроить по этому поводу праздник в храме Радхи-Дамодары. Он планировал пригласить на него Бишванатха Даса, губернатора штата Уттар-Прадеш, чтобы тот возглавил церемонию в честь явления Господа Кришны. Шри Бишванатх получил экземпляр первого тома «Шримад-Бхагаватам» и написал положительный отзыв. Хотя он и был политиком, его любовь и уважение к *садху* были известны всем. Он регулярно приглашал к себе домой видных садху и раз в год посещал главные храмы Матхуры и Вриндавана. Бхактиведанта Свами попросил главу муниципалитета Вриндавана, Мангалала Шарму, пригласить губернатора встретить Джанмаштами в храме Радхи-Дамодары. Губернатор охотно принял приглашение.

Бхактиведанта Свами напечатал афишу, которая гласила:

По случаю празднования ДЖАНМАШТАМИ у самадхи Шрилы Рупы и Дживы Госвами, ХРАМ ШРИ ШРИ РАДХИ-ДАМОДАРЫ, Себакундж, Вриндабан, будет проводиться гоудия-киртан с участием Его

превосходительства Шри Бишванатха Даса, ГУБЕРНАТОРА УТТАР-ПРАДЕШ, а также почетного гостя ШРИ Г. Д. СОМАНИ из Бомбея, попечителя храма Шри Ранганатхджи во Вриндабане.

Время проведения — воскресенье, 31 августа 1964 года, с 19:30 до 20:30

Афиша также содержала рекламу шестидесятитомного издания «Шримад-Бхагаватам». Кроме того, к празднику был выпущен песенник, содержащий бхаджаны на бенгали, которые должны были исполняться во время торжеств: «Шри Кришна Чайтанья Прабху», «Нитай-пада-камала», «Молитвы шести Госвами» и другие любимые песни Гаудия-вайшнавов.

Программа прошла успешно. Собралось много людей, все пели для Господа Кришны. Бхактиведанта Свами прочитал лекцию по стиху из «Шримад-Бхагаватам», описывающему эпоху Кали — океан пороков, спастись из которого можно с помощью только одного средства: пения и повторения «Харе Кришна». После окончания киртана, который Бхактиведанта Свами вел сам, он подарил губернатору второй том «Шримад-Бхагаватам» и рассказал о своих планах проповеди по всему миру.

На следующий день Бхактиведанта Свами отметил свой шестьдесят девятый день рождения. Через несколько дней Бишванатх Дас пригласил Свами Махараджу посетить его поместье в Лакхнау. Это было неординарное событие, и губернатор созвал еще нескольких садху. Он хотел устроить киртан и для этого пригласил профессиональных музыкантов, которые путешествовали по Индии, устраивая киртаны и декламируя шлоки. Особенно сильное впечатление Бхактиведанта Свами произвел на одного молодого музыканта, Шишира Кумара Бхаттачарью.

Шишир Бхаттачарья: *Нас пригласили провести киртан в доме губернатора в Лакхнау. Нас было человек семь или восемь. Это был дом губернатора, очень большой дом. Я сидел на помосте. Я увидел губернатора, Бишванатха Даса, а рядом с ним сидел садху, пожилой, но, как мне показалось, полный сил. Когда я увидел губернатора, то сошел с помоста и поклонился. Затем я спросил, что ему хотелось бы послушать. Он ответил: «Спойте что-нибудь о Чайтанье Махапрабху». Я сказал: «Очень рад вашему выбору». Примерно полчаса мы пели киртан о Махапрабху, а затем нас пригласили на обед в большой банкетный зал. Блюда подавались в серебряной посуде с вензелями губернатора.*

Мы сели вместе, и я оказался бок о бок с тем самым садху, который представился как Бхактиведанта Свами. У нас завязался разговор, и Свами подарил мне книгу, «Шримад-Бхагаватам». Он сказал: «Я хочу распространять кришна-наму и учение Чайтаньи Махапрабху в западных странах. Я пытаюсь найти возможность как-нибудь раздобыть себе билет. Если получится, то я поеду и буду распространять учение Махапрабху». И он процитировал этот стих Махапрабху: пртхивите ачхе йата нагаради грама / сарватра прачара хаубе мора нама^[6]. Но я не думал, что он и в самом деле сможет это сделать, — он выглядел очень простым и бедным.

Имея на руках законченную рукопись третьего тома и деньги на его печать, Бхактиведанта Свами вновь погрузился в мир книгоиздания. Он покупал бумагу, вычитывал гранки и следил за тем, чтобы типография придерживалась графика и чтобы к январю 1965 года книга была готова. Так благодаря своему упорству Бхактиведанта Свами, у которого почти не было денег, сумел за два с небольшим года издать три объемистых тома в твердом переплете.

Если бы и дальше так пошло, то, учитывая рост его авторитета в научных кругах, Бхактиведанта Свами вскоре мог бы заслужить признание своих соотечественников. Но взор его был устремлен на Запад. И когда третий том увидел свет, он почувствовал, что наконец готов к отъезду. Ему было уже шестьдесят девять; жизнь подходила к концу. Прошло уже более сорока лет с тех пор, как Шрила Бхактисиддханта Сарасвати впервые попросил молодого *грихастху* из Калькутты проповедовать сознание Кришны на Западе. Тогда Абхаю Чарану, который только-только обзавелся семьей, это казалось невозможным. Но это препятствие давно уже его не держало, и уже более десяти лет он мог свободно путешествовать. Но тогда (да и сейчас тоже) у него не было ни гроша. И сначала он решил напечатать несколько томов «Шримад-Бхагаватам», чтобы взять их с собой. Это необходимо, если он всерьез рассчитывает сделать что-то существенное. Теперь, по милости Кришны, три тома были в его распоряжении.

Шрила Прабхупада: *Я считал, что должен ехать в Америку. Все ехали в Лондон, но я не хотел в Лондон. Я думал только о том, как поехать в Нью-Йорк. Я строил планы: «Ехать мне через Токио или еще как-нибудь? Как будет дешевле?» Таковы были мои планы. Я постоянно думал о Нью-Йорке. Иногда мне снилось, что я приехал в Нью-Йорк.*

Затем Бхактиведанта Свами встретился с Матхурой Прасадом Агарвалом, бизнесменом из Агры, и в беседе с ним, как почти всегда делал в таких случаях, вскользь упомянул о своем желании поехать на Запад. И хотя господин Агарвал был знаком с Бхактиведантой Свами всего несколько минут, он тут же вызвался найти ему в Америке поручителя. Господин Агарвал уже не раз делал подобное: встречая *садху*, желающего поехать за границу, чтобы учить людей индийской культуре, он просил своего сына Гопала, инженера из Пенсильвании, выслать официальное приглашение. Увидев, что господин Агарвал готов помочь, Бхактиведанта Свами попросил его сделать это.

Шрила Прабхупада: *Я и не думал просить его о чем-то всерьез. Но он воспринял все очень серьезно. Я сказал: «Ну да, почему бы вам не попросить своего сына за меня поручиться, чтобы я смог поехать? Я хочу там проповедовать».*

Но Бхактиведанта Свами знал, что одного желания поехать на Запад недостаточно — нужны деньги. В марте 1965 года он снова приехал в Бомбей продавать книги и вновь остановился в «Прем-кутире», бесплатной

дхармашале. Но искать покупателей было трудно. Он познакомился с Параманандой Бхагвани, библиотекарем колледжа под названием «Джай Хинд», и тот купил несколько книг для своей библиотеки и съездил с Бхактиведантой Свами еще в несколько подобных мест.

Парамананда Бхагвани: *Желая помочь ему в продаже книг, я отвез его на «Склад популярных изданий» на Грант-Роуд, но там сказали, что книги не примут: религиозная литература не пользовалась особым спросом. Потом мы отправились в другой магазин, неподалеку. Его владелец тоже с грустью нам отказал. Затем Бхактиведанта Свами поехал в Садхувелу, что неподалеку от храма Маха-Лакшми, и там мы встретились с настоятелем храма. Он, естественно, пригласил нас к себе. У них была своя библиотека, с огромным выбором книг о религии, и мы попросили их взять набор для библиотеки. Ашрам был богатый, но настоятель сказал, что не может купить книги.*

Бхактиведанта Свами вернулся в Дели, где, как и раньше, продолжал продавать книги, используя любую возможность. Однажды, к своему огромному удивлению, он получил из Министерства иностранных дел уведомление, что ему выдано разрешение на поездку в США. Поскольку никаких документов на выезд из страны Бхактиведанта Свами не подавал, он решил зайти в министерство и выяснить, как такое произошло. В министерстве ему показали приглашение от господина Гопала Агарвала, проживающего в Батлере, штат Пенсильвания. Господин Агарвал официально заявлял о том, что берется оплатить все расходы, связанные с пребыванием Бхактиведанты Свами в Соединенных Штатах.

Шрила Прабхупада: *О переписке отца с сыном я ничего не знал. Я просто его спросил: «Почему бы вам не попросить своего сына за меня поручиться?» И вот, спустя три или четыре месяца, из индийского консульства в Нью-Йорке приходит разрешение... Он согласился оплатить мое месячное пребывание там, и я неожиданно получил официальную бумагу.*

По просьбе отца Гопал Агарвал сделал то, что уже не раз делал для других садху, хотя никто из них так и не поехал в Америку. Для него это было всего лишь формальностью — он просто хотел сделать отцу приятное. В индийском консульстве в Нью-Йорке Гопал получил бланк приглашения, взял на работе справку о размере месячной заработной платы, получил в банке документ, где указывался размер остатка на его счете на апрель 1965 года, и заверил бланк приглашения у нотариуса. В Нью-Йорке бумагу заверили печатью и подписью и отправили в Дели.

Теперь у Бхактиведанты Свами был поручитель. Оставалось получить паспорт, визу и разрешение Государственного банка на выезд. А еще — достать денег на билет.

Получить паспорт оказалось несложно — помог Кришна Пандит. К 10 июня документ был готов. Бхактиведанта Свами аккуратно вписал в него свой адрес («храм Радхи-Кришны в Чиппиваде») и имя отца («Гоур Мохан Де»). Он

попросил Кришну Пандита оплатить ему билет в Америку, но Кришна Пандит отказался: он считал, что *садху* не должен ездить за границу, так как это противоречит принципам индуизма и, кроме того, слишком дорого.

С паспортом и приглашением Бхактиведанта Свами отправился в Бомбей — на этот раз не продавать книги и собирать деньги на их издание, а искать человека, который поможет ему добраться до Америки. Он подумал и решил снова пойти к Сумати Морарджи. Свое приглашение он показал ее секретарю, господину Чокси. Тот очень удивился и решил доложить о нем госпоже Морарджи.

— Свами из Вриндавана снова здесь, — сообщил он. — На ваше пожертвование он издал книгу и теперь хочет поехать в Америку. У него уже есть поручитель. Он просит, чтобы вы отправили его на корабле «Синдии».

Госпожа Морарджи ответила:

— Нет, Свамиджи слишком стар, чтобы ехать в Штаты. Он ничего там не добьется.

Чокси передал Бхактиведанте Свами слова госпожи Морарджи. Бхактиведанта Свами выслушал его, но было видно, что он остался при своем мнении.

Сумати Морарджи хотела, чтобы он жил в Индии и завершил работу над «Шримад-Бхагаватам».

— Зачем ехать в Штаты? — говорила она. — Пусть закончит работу здесь.

Но Бхактиведанта Свами решительно настроился ехать. Он попросил господина Чокси попытаться уговорить Сумати Морарджи и даже подсказал нужные слова: «Я вижу, что этот джентльмен очень хочет отправиться в Америку и проповедовать там». Но госпожа Морарджи отказала и на этот раз:

— У Свами слишком слабое здоровье. Там ему будет холодно. Он может не вернуться на родину.

Она сомневалась, что ему удастся достичь чего-то серьезного; ей казалось, что американцы его не примут и вряд ли станут слушать.

Выведенный из себя неспособностью Чокси уговорить начальницу, Бхактиведанта Свами потребовал личной встречи с Сумати Морарджи. Его приняли. Убеленный сединой Бхактиведанта Свами решительно изложил свое требование:

— Я прошу выдать мне один билет.

Сумати Морарджи обеспокоенно спросила:

— Свамиджи, в столь преклонном возрасте вы взваливаете на себя такую ношу. Вы считаете, это нормально?

— Да, — твердо ответил он и поднял руку, словно пытаясь убедить сомневающуюся дочь, — это нормально.

— Известно ли вам, что думают об этом мои секретари? Они говорят: «Свамиджи едет в Америку, чтобы умереть».

Бхактиведанта Свами сделал такое лицо, будто старался опровергнуть нелепый слух, и продолжал настаивать на том, чтобы ему дали билет.

— Хорошо, — сказала она. — Получите разрешение от Государственного банка на выезд, и я отправлю вас на одном из наших кораблей.

Лицо Бхактиведанты Свами озарилось улыбкой. Сияя от счастья, он вышел из конторы, оставив служащих в недоумении.

Разрешение на выезд — еще одна формальность, которую должен пройти гражданин Индии, желающий выехать из страны. Это документ, который выдается Государственным банком Индии и подтверждает, что гражданин не имеет больших задолженностей перед индийскими банками. Чтобы его получить, требовалось время, к тому же у Бхактиведанты Свами еще не была готова виза. Все необходимые документы нужно было оформлять в Бомбее, но остановиться там было негде. Госпожа Морарджи согласилась разместить его в «Синдия колони», квартале, где жили служащие компании.

Он остановился в маленькой квартире, где не было даже мебели, взяв с собой только чемодан и печатную машинку. Все соседи, работники компании «Синдия», уже знали, что госпожа Морарджи посылает этого человека на Запад, и некоторых это очень заинтересовало. То, что, несмотря на свой почтенный возраст, он собирался проповедовать за границей, произвело на них огромное впечатление. Он был не простым садху, а ученым. Он рассказал им, что едет без денег, зато берет с собой несколько сотен экземпляров своих книг. В «Синдия колони» он вскоре стал знаменитостью. Ему приносили рис, сабджи, фрукты; приносили столько, что он не мог все это съесть. Он сказал об этом господину Чокси.

— Берите и раздавайте, — посоветовал Чокси. Тогда Бхактиведанта Свами стал раздавать остатки своей пищи детям. Кое-кто из взрослых приходил послушать, как он читает и комментирует «Шримад-Бхагаватам». Особое впечатление садху произвел на господина Васавадзу, главного кассира компании «Синдия», и тот регулярно стал заходить к нему. Он купил книги Бхактиведанты Свами и читал их дома.

Квартира Бхактиведанты Свами выходила на ту же веранду, что и квартира, в которой жил служащий компании господин Нагараджан со своей женой.

Господин Нагараджан: *Всякий раз, когда я проходил через веранду, он писал или повторял мантру. Я спрашивал его: «Свами-джи, что вы пишете?» Он, как правило, сидел у окна и переводил с санскрита.*

Он дал мне две книги и сказал: «Дитя мое, если ты прочитаешь эту книгу, то поймешь». Дома мы устраивали беседы, и на них обычно сходились четыре или пять женщин из Гуджарата. На одной из лекций он сказал кому-то из них, что пробор сбоку это не очень хорошо. У каждой индийской женщины пробор должен быть посередине. Им очень нравились его лекции, и они слушали с постоянным интересом.

Каждый день он ходил в город, пытаясь как можно скорее получить визу и разрешение на выезд. Он продавал книги и искал спонсоров для будущих томов «Шримад-Бхагаватам». Господин Нагараджан пытался ему помочь. Он выписал из телефонной книги имена богатых бизнесменов-вайшнавов,

которые могли бы изъявить желание помочь. По вечерам соседи Бхактиведанты Свами видели, как, смертельно уставший, он возвращается домой. Какое-то время он сидел тихо и, казалось, был подавлен, но вскоре выпрямлялся и с новыми силами приступал к работе.

Госпожа Нагараджан: Обычно, когда он возвращался домой, мы ободряли его: «Свамиджи, придет день, и вы достигнете цели». А он говорил: «Время еще не пришло. Время не пришло. Они все агьяни. Они ничего не понимают. Но я должен продолжать».

Иногда я шла мимо и замечала, что его чадар висит на стуле, а сам он сидит на подоконнике. Я спрашивала: «Свамиджи, сколько у вас было удачных встреч сегодня?» Он отвечал: «Не так уж много, и это очень печально. Завтра Кришна даст мне больше». Он продолжал тихо сидеть на подоконнике.

Через десять минут он пересаживался на стул и начинал печатать. Я удивлялась, как Свамиджи, который только что выглядел таким усталым, вдруг преображался. Даже когда он уставал, его это не останавливало. Он никогда не падал духом. И мы всегда воодушевляли его: «Если сегодня у вас не получилось, то завтра вы, несомненно, встретите кого-нибудь, кто поддержит вас». Мои подруги тоже приходили на его утренние и вечерние лекции и предлагали ему намаскар и фрукты.

Господин Нагараджан: Он был очень общительным и простым. Наши друзья иногда жертвовали ему несколько рупий. Он брал и говорил: «Хорошо. Это очень кстати». От нашего квартала до вокзала Андхери, что был в двух километрах, он ходил пешком, потому что денег на автобус у него не было.

Бхактиведанта Свами напечатал листовку под названием «Моя миссия», которую показывал влиятельным людям, собирая средства на издание «Бхагаватам». Текст листовки гласил, что сознание Бога — единственное средство от пороков современного материалистического общества. Несмотря на научный прогресс и материальные удобства, мир полон беспокойств. Поэтому по всему миру необходимо распространять «Бхагавад-гиту» и «Шримад-Бхагаватам» — гордость Индии.

Сумати Морарджи спросила у Бхактиведанты Свами, не согласится ли он по вечерам читать для нее «Шримад-Бхагаватам». Он согласился. Каждый вечер, в шесть часов, она присылала за ним машину. Они шли в ее сад, и там он читал и комментировал «Бхагаватам».

Сумати Морарджи: Он приезжал по вечерам. Стихи «Бхагаватам» он пел на традиционный, размеренный мотив. Иногда он комментировал какие-то моменты: бывает, что, когда сидишь так и беседуешь, возникает много вопросов. Но комментарии его были основаны исключительно на «Бхагаватам». Итак, он сидел и беседовал со мной, а потом уходил. Он уделял мне время, а я слушала. Продолжалось это десять или пятнадцать дней.

Поддержка компании «Синдия» и поручитель в США — достаточно серьезные основания, и 28 июля 1965 года он получил визу. Но дела с разрешением на выезд шли медленно и даже угрожали срывом.

Шрила Прабхупада: Раньше ограничений на выезд не было. Но санньяси, таким как я, было очень трудно получить правительственное разрешение на выезд. Я подал заявление, но мне отказали... Тогда я пошел в Государственный банк Индии и обратился к одному служащему, господину Мартарчари. Он сказал мне: «Свамиджи, ваш поручитель частное лицо. Мы не можем на это пойти. Если бы вас пригласила какая-нибудь организация, тогда мы бы еще подумали. Но вас приглашает частное лицо, всего на месяц. А если через месяц вы попадете в беду и начнутся проблемы?» Но у меня все уже было готово к отъезду. Я спросил: «И что?» Он ответил: «Я решил не давать вам разрешения». Я запротестовал: «Нет. Нет. Не делайте этого. Дайте мне встретиться с вашим начальством. Так быть не должно».

И он пошел мне навстречу. Он отправил мое дело к главному начальнику валютного отдела — или что-то вроде этого. В Государственном банке Индии он был главным, и я пошел к нему. Я спросил у его секретаря: «У вас есть дело такого-то? Пожалуйста, отнесите его господину Рао. Я хотел бы с ним встретиться». Секретарь согласился, подготовил дело и записал меня на прием. Я ждал. Господин Рао лично вышел ко мне и сказал: «Свамиджи, я выдал вам разрешение. Не беспокойтесь».

По указанию Сумати Морарджи ее секретарь делал последние приготовления. Поскольку у Бхактиведанты Свами не было теплой одежды, он повел его в магазин, чтобы купить ему шерстяной жакет и другие теплые вещи. Господин Чокси потратил на новую одежду (в том числе несколько новых дхоти) примерно двести пятьдесят рупий. По просьбе Бхактиведанты Свами он напечатал буклет в пятистах экземплярах, в котором приводились восемь стихов, произнесенных Господом Чайтаньей, и, параллельно с паровой компанией «Синдия», рекламировался «Шримад-Бхагаватам».

Господин Чокси: Я спросил его: «Почему вы не ехали раньше? Почему едете в Соединенные Штаты сейчас, в таком возрасте?» Он ответил: «Я смогу сделать что-то стоящее, я уверен». Его идея состояла в том, что кто-то должен вести людей, запутавшихся в жизни, учить и рассказывать, что правильно, а что нет. Я много раз его спрашивал: «Почему вы хотите поехать в Штаты? Почему бы вам не начать с Бомбея, или Дели, или Вриндавана?» Я даже подшучивал над ним: «Да вы просто хотите посмотреть Америку, поэтому и едете. Все свамиджи хотят в Америку, и вы тоже хотите насладиться жизнью». Он отвечал: «На что мне смотреть? Моя жизнь подошла к концу».

Но иногда он вскипал и выходил из себя. Он сердился на меня за мою медлительность. «Что за глупости?» — говорил он. И я понимал: он сердится. Иногда он возмущался: «О, госпожа Морарджи до сих пор не подписала эту бумагу? Она говорит: приходите завтра, поговорим завтра! Куда это годится? Почему я должен ходить к ней каждый день?» Он сердился. «Посидите здесь», — говорил я ему. Но он отвечал: «Сколько я еще должен здесь сидеть?» Он терял терпение.

Наконец Сумати Морарджи отвела ему каюту на одном из своих кораблей, «Джаладуте», который отплывал из Калькутты 13 августа. Она позаботилась, чтобы Бхактиведанта Свами плыл на корабле, капитан которого с пониманием отнесется к нуждам вегетарианца и брахмана, и велела капитану «Джаладуты» Аруну Пандии взять на борт дополнительный запас овощей и фруктов для Свами. Последние два дня в Бомбее Бхактиведанта Свами провел в компании господина Чокси. Они забрали из типографии брошюры, купили теплую одежду, и наконец господин Чокси проводил его на вокзал и посадил на поезд до Калькутты.

В Калькутту Бхактиведанта Свами прибыл за две недели до отплытия «Джаладуты». В этом городе он провел большую часть жизни, но сейчас ему было негде даже остановиться. Все получилось так, как он писал во «Вриндавана-бхаджане»: «У меня есть жена, сыновья, дочери, внуки — все, но нет денег, поэтому гордиться особо нечем». Здесь прошло его беспечное детство, но те дни ушли безвозвратно: «Куда ушли мои любящие отец и мать? Где все мои старики, где родные? Кто скажет мне, что с ними сейчас? Скажите, кто? Что осталось от этой семьи? Просто список имен».

Из сотен калькуттских знакомых Бхактиведанта Свами выбрал Шишира Бхаттачарью, выдающегося певца из группы *киртана*, с которым за год до этого он познакомился в доме губернатора в Лакхнау. Господин Бхаттачарья не был ни его родственником, ни учеником, ни даже близким другом — он просто хотел помочь. Бхактиведанта Свами позвонил ему и сказал, что через несколько дней плывет на грузовом судне в Америку, а сейчас ему нужно где-то остановиться. Еще он хотел бы читать в это время лекции. Бхаттачарья сразу же принялся хлопотать об организации нескольких небольших встреч в домах своих друзей, на которых он будет петь, а Бхактиведанта Свами — говорить.

Считая, что отъезд *садху* в Америку — событие весьма важное, господин Бхаттачарья повез Бхактиведанту Свами по редакциям всех калькуттских газет — «Хиндустан стандарт», «Амрита базар патрика», «Джугантар», «Стейтсмен» и другим. У Бхактиведанты Свами была с собой только одна фотография — снимок для паспорта, и они сделали с нее несколько копий. Господин Бхаттачарья попытался объяснить корреспондентам, что именно собирается сделать Свамиджи, но никто из них так ничего и не написал. В конце концов они посетили редакцию «Даиник басумати», местной ежедневной газеты на бенгали, и там согласились напечатать небольшую заметку с фотографией Бхактиведанты Свами.

За неделю до отплытия, 6 августа, Бхактиведанта Свами съездил в находящийся недалеко от Калькутты Майяпур, к *самадхи* Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати, после чего снова вернулся в Калькутту. Там господин Бхаттачарья помог ему завершить все дела и провести последние программы.

Шишир Бхаттачарья: *Мы нанимали такси и ехали в назначенное место. Он начинал проповедовать. Я никогда не говорил с ним во время проповеди, но*

однажды, возвращаясь с проповеднической программы, я сделал ему замечание: «Вы сказали о том-то так-то и так-то, но на самом деле это не так. Это по-другому». Я в чем-то с ним не согласился и начал спорить. Он пришел в ярость. Когда, возражая ему, я говорил: «Нет, я думаю, что это не так», он кричал на меня. Он очень сердился. Он сказал: «Ты всегда говоришь: „Я думаю, я думаю, я думаю“. Что толку в твоём „я думаю“? Всё у тебя — „я думаю“. Но это совсем не важно. Важно то, что говорится в шастре. Ты должен этому следовать...» Я возразил: «Я должен делать то, что думаю, то, что считаю нужным. Вот что важно». Он сказал: «Нет, забудь об этом. Ты должен забыть о своем желании. Ты должен изменить свои привычки. Лучше полагайся на шастры. Следуй тому, что тебе говорят шастры. Я не говорю тебе, что я думаю; я повторяю то, что говорит шастра».

День отъезда приближался. Бхактиведанта Свами собрал свои скромные пожитки. С собой он брал только маленький чемоданчик, зонтик и запас крупы. Он не знал, чем ему придется питаться в Америке. Он, конечно, понимал, что люди там едят не только мясо, но все равно готов был жить на вареной картошке и крупе, которую взял с собой. О главном его багаже — нескольких ящиках с книгами — позаботилась грузовая служба «Синдии». Он брал с собой двести комплектов трехтомника «Бхагаватам», и одна мысль об этих книгах вселяла в него уверенность.

Эта уверенность особенно понадобилась ему, когда наступил день отъезда. На старости лет, когда и здоровье было уже не то, что раньше, он резко порывал со своей прежней жизнью. Он уезжал в незнакомую страну, которая могла встретить его совсем не гостеприимно. Одно дело быть бедным и никому не известным в Индии. Даже сейчас, в Кали-югу, когда руководители Индии отвергли традиционную индийскую культуру и начали подражать Западу, Индия осталась Индией. В ней до сих пор сохранялись остатки ведической цивилизации. В Индии он встречался с миллионерами, губернаторами, премьер-министрами — достаточно было подойти к их дверям и дождаться приема. Санньяси пользовались уважением в обществе — так же, как и «Шримад-Бхагаватам». Но в Америке все будет по-другому. В этой стране он будет никто, иностранец без роду и племени. Там никогда не видели садху, там нет храмов и ашрамов, где можно жить, не платя за ночлег. Но когда он думал о книгах, которые вез с собой, — книгах, написанных на английском языке и хранящих трансцендентное знание, — к нему возвращалась уверенность. Знакомясь в Америке с людьми, он будет давать им рекламный проспект: «„Шримад-Бхагаватам“ — послание мира и доброй воли из Индии».

Наступило 13 августа. До Джанмаштами, Дня явления Господа Кришны, оставалось всего несколько дней. А затем, на следующий день, Бхактиведанте Свами исполнится шестьдесят девять. В последние годы он всегда проводил Джанмаштами во Вриндаване. На его месте многие жители Вриндавана ни за что бы не уехали оттуда. Они предпочитали доживать свой век там, в мире и покое. Бхактиведанта Свами тоже боялся, что умрет вдали от Вриндавана. Из

страха умереть за пределами Вриндавана *вайшнав*-садху и вдовы давали обет никуда оттуда не уезжать, даже в Матхуру, ведь умереть во Вриндаване — значит достичь высшего совершенства жизни. Кроме того, по ведической традиции *санньяси* не должны пересекать океан и ступать на землю *млеччхов*. Но желание Бхактисиддханты Сарасвати было превыше остальных соображений, ибо его желание совпадало с волей Господа Кришны. К тому же Господь Чайтанья Махапрабху предсказал, что *мантру* Харе Кришна будут петь во всем мире в каждом городе и деревне.

До калькуттского порта Бхактиведанта Свами добрался на такси. Его сопровождали несколько друзей и почитателей, а также сын, Бриндабан. В своем дневнике Бхактиведанта Свами написал: «Сегодня в девять утра поднялся на борт „М.В. Джаладуты“. Со мной пришли Бхагвати, Дварван из компании „Синдия“, господин Сен Гупта, господин Али и Бриндабан». С собой у него была «Чайтанья-чаритамрита» на бенгали, которую Бхактиведанта Свами собирался читать во время плавания. Еще на корабле ему придется как-то готовить себе еду. Он проверил документы: билет, паспорт, виза, разрешение на выезд от банка, адрес поручителя... Свершилось!

Шрила Прабхупада: *Чтобы выехать из страны, мне пришлось преодолеть огромные трудности. Так или иначе, по милости Кришны, я покинул Индию, чтобы распространить сознание Кришны по всему миру. Останься я в Индии, это было бы невозможно. Я хотел, начать движение в Индии, но там меня никто не поддержал.*

Маленький грузовой корабль, черный, потрепанный бурями и штормами, стоял, пришвартованный к причалу, с палубы на пирс были спущены сходни. Индийские моряки с любопытством смотрели на поя жилого *садху* в шафрановых одеждах, а тот сказав несколько прощальных слов провожающим, решительно зашагал по направлению к кораблю.

Многие тысячи лет о *кришна-бхакти* знали только в Индии, если не считать искаженных сведений о ней, которые время от времени выносили за ее пределы неверующие иностранцы. Все *свами*, побывавшие в Америке, были непреданными, имперсоналистами-*майявади*. Но сейчас Кришна избрал Своим представителем Бхактиведанту Свами.

12 Путешествие в Америку

Сегодня корабль не качает, и я чувствую себя несколько лучше. Но меня терзает боль разлуки со Шри Вриндаваном и моими Повелителями: Шри Говиндой, Гопинатхой и Радхой-Дамодарой. Единственное мое утешение — «Шри Чайтанья-чаритамрита», читая которую я наслаждаюсь нектаром лил Господа Шри Чайтаньи. Я покинул Бхаратабхуми (Индию) только для того, чтобы исполнить желание Шри Бхактисиддханты Сарасвати, в котором выразилась воля Господа Чайтаньи. Не обладая необходимыми качествами, я все же иду на риск, желая выполнить указание Его Божественной Милости. Здесь, вдали от Вриндавана, я уповаю только на Их милость.

— Из дневника на борту «Джаладуты»,
10 сентября 1965 года

«ДЖАЛАДУТА» — грузовое рейсовое судно пароходной компании «Синдия», на борту которого есть одна пассажирская каюта. В августе — сентябре 1965 года, когда судно совершало плавание из Калькутты в Нью-Йорк, эту каюту, согласно записи в судовом журнале, занимал «Шри Абхой Чаранаравинда Бхактиведанта Свами», шестидесяти девяти лет, взятый на борт «с бесплатным билетом и питанием».

«Джаладута» под командованием капитана Аруна Пандии, жена которого также находилась на борту, вышла в рейс в пятницу, 13 августа, в девять утра. В своем дневнике Бхактиведанта Свами записал: «Каюта довольно удобная, спасибо Господу Кришне, подсказавшему Сумати Морарджи устроить все таким образом. Мне здесь очень удобно». Но уже 14 августа в дневнике появляется запись: «Морская болезнь, головокружение, тошнота — Бенгальский залив. Проливной дождь. Болезнь усиливается».

19 августа, когда корабль пришел в Коломбо, столицу Цейлона (теперь Шри-Ланка), морская болезнь прошла и Бхактиведанта Свами почувствовал облегчение. Капитан предложил ему сойти на берег, и они проехали по городу на автомобиле. Затем корабль взял курс на Кочин, порт на западном побережье Индии. 20 августа был Джанмаштами, День явления Господа Кришны, и Бхактиведанта Свами воспользовался этим как поводом, чтобы рассказать команде о философии Господа Кришны и угостить моряков *прасадом* собственного приготовления. 21 августа ему исполнилось семьдесят лет. Свой день рождения он встретил в море, без торжественных церемоний. В тот же день судно пришло в Кочин, где на борт погрузили прибывший из Бомбея багаж Бхактиведанты Свами — ящики с томами «Шримад-Бхагаватам».

23 августа корабль вышел в Красное море, и здесь Бхактиведанту Свами ожидали суровые испытания. В своем дневнике он записал: «Дождь, морская болезнь, головокружение, болит голова, нет аппетита, рвота». Эти симптомы усугублялись, но мучила его не только морская болезнь. Появилась сильная боль в груди, и Бхактиведанта Свами понял, что может в любую минуту умереть. За два дня он перенес два сердечных приступа. Он мужественно сносил страдания, помня о своей миссии, но после двух сильных сердечных приступов подумал, что третьего не перенесет.

На вторые сутки ночью он увидел сон. Господь Кришна, в Своих многочисленных образах, плыл на лодке. «Ничего не бойся, смело иди вперед», — сказал Он Бхактиведанте Свами. Покровительство Господа Кришны вселило в него уверенность. Сердечные приступы больше не повторялись.

1 сентября «Джаладута» вошла в Суэцкий канал, а второго пришвартовалась в Порт-Саиде. Бхактиведанта Свами вместе с капитаном вышел в город. Как он потом вспоминал, город ему понравился. К 6 сентября он немного оправился от болезни и даже начал регулярно есть, готовя себе *кичри* и *пури*. В дневнике он отметил, что силы понемногу возвращаются к нему.

Четверг, 9 сентября

4 часа дня. Мы уже сутки плывем по Атлантическому океану. Погода весь день стоит ясная и тихая. Я начал регулярно есть, и силы возвращаются ко мне. Чувствуется небольшая качка, и у меня немного болит голова. Но я борюсь с этим и черпаю живительную силу из подобной нектару бессмертия «Шри Чайтанья-чаритамриты».

Пятница, 10 сентября

Сегодня корабль не качает, и я чувствую себя несколько лучше. Но меня терзает боль разлуки со Шри Вриндаваном и моими Повелителями: Шри Говиндой, Гопинатхой и Радхой-Дамодарой. Единственное мое утешение — «Шри Чайтанья-чаритамрита», читая которую я наслаждаюсь нектаром *лил* [игр] Господа Шри Чайтаньи. Я покинул Бхаратабхуми [Индию] только для того, чтобы исполнить желание Шри Бхактисиддханты Сарасвати, в котором выразилась воля Господа Чайтаньи. Не обладая необходимыми качествами, я все же иду на риск, желая выполнить указание Его Божественной Милости. Здесь, вдали от Вриндавана, я уповаю только на Их милость.

Иногда во время плавания Бхактиведанта Свами выходил на палубу и, держась за поручни, глядел на океан и небо, погружившись в мысли о «Чайтанья-чаритамрите», Вриндавана-дхаме и указании духовного учителя проповедовать на Западе. Госпожа Пандия, жена капитана, которую Бхактиведанта Свами считал «разумной и образованной женщиной», предсказала ему будущее. Она сказала, что если он преодолет эти испытания,

связанные со здоровьем, значит, у Господа Кришны есть на него какие-то планы.

Переход «Джаладуты» через океан летом 1965 года оказался на редкость спокойным. Капитан Пандия сказал, что за все годы службы он ни разу не видел, чтобы Атлантический океан был таким тихим и безмятежным. Бхактиведанта Свами ответил, что спокойствие океана было милостью Господа Кришны. Тогда госпожа Пандия попросила Бхактиведанту Свами вернуться с ними назад, чтобы обратный рейс прошел так же спокойно. В дневнике Бхактиведанта Свами записал: «Если бы Атлантический океан показал свое обычное лицо, я бы, наверное, умер. Но Господь Кришна позаботился о нашем корабле».

13 сентября Бхактиведанта Свами сделал следующую запись: «Тридцать второй день плавания. Сегодня готовил *бати-нарнари*. Получилось вкусно, поэтому я смог немного поесть. Сегодня я открыл свои мысли моему спутнику, Господу Шри Кришне, и по этому поводу написал стихотворение на бенгали».

Это была молитва Господу Кришне, исполненная горячей веры в миссию, возложенную на него духовным учителем. Вот перевод ее начальных строк^[7]:

О братья, истинно говорю вам: Верховный Господь Кришна пошлет вам удачу только тогда, когда вами будет довольна Шримати Радхарани.

Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур очень дорог Господу Гауранге [Господу Чайтанье], сыну Шачидеви. Нет никого, кто был бы равен ему в преданном служении Верховному Господу Шри Кришне. Он — тот великий и святой духовный учитель, который дарует людям всего мира глубокую преданность Кришне.

Силою его горячего желания святое имя Господа Гауранги станет известно всему западному миру. В деревнях, в больших и маленьких городах, на океанах и морях, на больших и малых реках — везде будут петь святое имя Кришны.

Когда Шри Чайтанья Махапрабху покорит Своей безграничной милостью все стороны света, потоки трансцендентного экстаза зальют землю. Когда же все грешные и несчастные живые существа обретут счастье, сбудется мечта вайшнавов.

Хотя мой Гуру Махараджа возложил на меня эту миссию, я совершенно недостойн этого и не способен исполнить ее. Я падший и никчемный человек. Поэтому, о Господь, я молю Тебя о милости. Даруй мне способность исполнить эту миссию. Только Ты можешь помочь мне, ибо нет никого мудрее и искуснее Тебя.

Поэма заканчивается словами:

Такие мысли о Тебе посетили меня сегодня, и не было ничего чудесней этого. Охваченный глубокой тоской, я взываю к Тебе. Я Твой вечный слуга, и поэтому я так жажду Твоего общества. О Господь Кришна, Ты — единственный путь к успеху.

Так же просто и без прикрас — как дату, погоду или состояние здоровья — Бхактиведанта Свами описывает здесь полную зависимость от «своего спутника, Господа Кришны» и свою погруженность в экстаз разлуки с Ним. Он пишет об отношениях ученика и духовного учителя и прославляет своего гуру, Шри Шримад Бхактисиддханту Сарасвати, «благодаря горячему желанию которого святое имя Господа Гауранги станет известно всему западному миру». Он открыто говорит, что духовный учитель поручил ему завершить миссию распространения сознания Кришны по всему миру, и, чувствуя свою никчемность, обращается к Господу Кришне с мольбой придать ему сил. В последних стихах неожиданно приоткрывается тайна близких взаимоотношений Бхактиведанты Свами и Господа Кришны. Бхактиведанта Свами называет Кришну «дорогим другом» и говорит о своем горячем желании вновь наслаждаться прогулками по полям Враджа. Он пишет, что эти мысли о Кришне посетили его из-за сильного желания служить Господу.

Со стороны могло показаться, что Бхактиведанта Свами терпит большие неудобства: вот уже месяц он находится на борту корабля, страдая от сердечных приступов и морской болезни. И даже если все эти испытания удастся пережить, приезд в Америку, несомненно, принесет новые трудности. Но, помня о желании духовного учителя, черпая силы в «Чайтанья-чаритамрите» и изливая душу в молитвах Господу, Бхактиведанта Свами оставался тверд.

Через тридцать пять дней после отплытия из Калькутты, 17 сентября 1965 года в половине шестого утра «Джаладута» причалила к пирсу Содружества в Бостоне. Там была намечена короткая стоянка, после чего корабль должен был взять курс на Нью-Йорк. Первое, что Бхактиведанта Свами увидел в Америке, была надпись на стене портового склада: «A&P». Серый морской рассвет постепенно обозначил силуэты кораблей, стоящих в гавани, пристань, нагромождения прилавок для торговли крабами и мрачные серовато-коричневые здания. Вдали вырисовывались очертания Бостона.

Бхактиведанте Свами предстояло пройти досмотр в американском иммиграционно-таможенном управлении. Его виза позволяла ему находиться в США три месяца, и чиновник проставил на ней штамп с предположительной датой отъезда. Капитан Пандия пригласил Бхактиведанту Свами прогуляться по Бостону, где собирался сделать кое-какие покупки. По пешеходному мосту они вышли в оживленный торговый квартал со старинными церквями, большими магазинами, административными зданиями, барами, дешевыми книжными лавками, ночными клубами и ресторанами. Бхактиведанта Свами бегло осмотрел город, но самым значительным событием за время его короткого пребывания в Бостоне — не считая, конечно, того, что здесь он впервые ступил на американскую землю, — было то, что у пирса Содружества он написал стихотворение на бенгали, озаглавив его «Маркине бхагавата-дхарма» («Проповедь сознания Кришны в Америке»). Вот отрывок из этого стихотворения, сочиненного им в тот день на борту корабля^[8].

Мой дорогой Господь Кришна, Ты необыкновенно милостив к этой никчемной душе, но я не знаю, зачем Ты привел меня сюда. Теперь Ты можешь делать со мной все, что пожелаешь.

Я догадываюсь, однако, что здесь у Тебя есть какое-то дело, иначе зачем бы Ты привел меня в это ужасное место?

Большинство живущих здесь людей находится в плену материальных гун невежества и страсти. Поглощенные материальной деятельностью, они считают себя очень счастливыми. Они вполне довольны своей жизнью и потому равнодушны к трансцендентному посланию Васудевы [Кришны]. Я не уверен, смогут ли они понять его.

Но я знаю, что по Твоей беспричинной милости и невозможное возможно, ибо Ты — самый искусный мистик.

Смогут ли они ощутить сладость преданного служения? О Господь, я уповаю только на Твою милость и молю Тебя помочь мне убедить этих людей в истинности Твоего учения.

По Твоей воле все живые существа оказались во власти иллюзорной энергии, и по Твоей же воле, если Тебе будет угодно, они смогут освободиться от оков иллюзии.

Прошу Тебя, спаси их. Они смогут понять Твое послание только в том случае, если Ты пожелаешь даровать им освобождение.

Как же мне донести до них учение сознания Кришны? Я неудачливый, никчемный и падший человек. Поэтому я прошу Твоего благословения: только с Твоего благословения я смогу убедить их, сам же я не в силах справиться с этой задачей.

Так или иначе, о Господь, Ты привел меня сюда, чтобы я рассказал о Тебе этим людям. И теперь, мой Господь, только от Тебя зависит, чем закончится эта попытка — успехом или неудачей. На все Твоя воля.

О духовный учитель всех миров! Я могу только повторять Твое послание. Сделай же, если Ты того желаешь, так, чтобы они поняли меня.

Только по Твоей беспричинной милости мои слова обретут чистоту. Я уверен, что, проникнув в сердца людей, это трансцендентное послание наполнит их радостью, и люди избавятся от всех своих бед и страданий.

О Господь, я — марионетка в Твоих руках. И раз уж Ты привел меня сюда танцевать, так заставь, заставь меня танцевать, о Господь, заставь меня танцевать, как Ты этого хочешь!

У меня нет ни преданности, ни знаний, но я твердо верю в святое имя Кришны. Меня называли Бхактиведантой, и теперь, если пожелаешь, Ты поможешь мне оправдать истинный смысл этого имени.

Самый несчастный и ничтожный нищий А.Ч. Бхактиведанта Свами.
Написано на борту корабля «Джаладута»,
пирс Содружества,
Бостон, штат Массачусетс, США.

18 сентября 1965 года.

Итак, он в Америке, в одном из главных ее городов, где вращаются миллиарды долларов и живут миллионы людей, которые и не думают что-то менять в своей жизни. Бхактиведанта Свами смотрел на Бостон глазами чистого преданного Кришны и видел адскую городскую жизнь, видел людей, погруженных в иллюзию материального счастья. Его преданность и ученость побуждали его идти туда, чтобы дать этим людям духовное знание и принести спасительную милость сознания Кришны, хоть он и чувствовал себя слабым, бесполезным и неспособным помочь им. Он был просто «ничтожным нищим» без гроша в кармане. Он чудом остался жив после двух сердечных приступов. Он говорил на другом языке, а его манера одеваться могла показаться людям странной — но, несмотря на это, он приехал, чтобы попросить их не есть мясо, не вступать в недозволенные половые отношения, не принимать наркотики и не играть в азартные игры. А еще — научить их поклоняться Господу Кришне, которого те немногие здесь, кто вообще что-то слышал о Нем, считают мифическим индуистским богом. Чего он сможет здесь добиться?

В беспомощности своей он напрямую обращался к Богу: «Я хочу, чтобы Ты освободил их. Я нуждаюсь в Твоем благословении, чтобы они меня поняли». Чтобы убедить их, ему нужно просто уповать на силу святого имени Бога и «Шримад-Бхагаватам». Эти трансцендентные звуки должны очистить их сердца от склонности к материальным наслаждениям и пробудить в них желание с любовью служить Кришне. Проходя по улицам Бостона, Бхактиведанта Свами ощущал накал невежества и страсти, царивших в этом городе. Но он верил в силу преданного служения. Да, пусть он — крошечное существо, но Бог безграничен, и этот всемогущий Бог — Кришна, его дорогой друг.

19 сентября «Джаладута» вошла в гавань Нью-Йорка и пришвартовалась к Бруклинскому пирсу, у Семнадцатой улицы. Бхактиведанта Свами увидел мрачные очертания огромных небоскребов Манхэттена, Эмпайр-Стейт-Билдинг и статую Свободы, повидавшую на своем веку миллионы таких же, как он, приезжих и иммигрантов.

Бхактиведанта Свами был одет как житель Вриндавана. На нем были *кантхи-мала* (шейные бусы) и простое хлопчатобумажное *дхоти*, в руках — *джапа-мала* (четки для повторения *мантры*), а на плечах — старый *чадар* (шерстяная накидка). Его кожа была золотистого цвета, голова обрита, оставлен только небольшой пучок волос на затылке (*шикха*), а лоб украшен белым вайшнавским *тилаком*. На ногах у него были белые остроносые резиновые туфли, какие обычно носят *садху* в Индии. Но кто в Нью-Йорке, во сне или наяву, видел кого-нибудь похожего на этого вайшнава? Вероятно, он был первым *санньяси-вайшнавом*, прибывшим в Нью-Йорк, да еще в таком виде. Впрочем, жители Нью-Йорка привыкли не обращать внимания на приезжих, как бы странно они ни выглядели.

Теперь Бхактиведанта Свами был предоставлен самому себе. У него был поручитель, господин Агарвал, живший где-то в Пенсильвании, и, разумеется, здесь его должен был кто-то встретить. Но в тот момент, когда Бхактиведанта Свами сошел на пирс, он понятия не имел, что делать: «Я не знал, куда идти — налево или направо». Он прошел обычные портовые формальности и был встречен представителем бюро путешествий, которого прислали Агарвалы. Агент предложил ему первым делом поехать в билетные кассы компании «Синдия» на Манхэттене, чтобы забронировать обратный билет в Индию.

В офисе компании «Синдия» Бхактиведанта Свами пообщался с кассиром, Джозефом Форстером, на которого необычный вид пассажира-вайшнава, его легкий багаж и очевидная бедность произвели большое впечатление. Он принял Бхактиведанту Свами за священнослужителя. Услугами «Синдии», как правило, пользовались бизнесмены и семейные люди, поэтому господину Форстеру никогда раньше не доводилось видеть пассажира в традиционной вайшнавской одежде. Бхактиведанта Свами показался ему «приятным человеком», который говорил о «замечательных условиях и хорошем обслуживании на борту „Джаладуты“». Бхактиведанта Свами попросил господина Форстера зарезервировать для него место на корабле, следующем обратно в Индию. Он планировал отбыть на родину примерно через два месяца и пообещал господину Форстеру поддерживать с ним связь. С сорока рупиями наличными, которых, как он сам говорил, в Нью-Йорке хватило бы всего на несколько часов, и с двадцатью долларами, вырученными от продажи трех томов «Бхагаватам» капитану Пандии, с зонтиком и чемоданом в руках, Бхактиведанта Свами в сопровождении туристического агента отправился на автовокзал Порт-Ауторити, чтобы уехать в Батлер, штат Пенсильвания.

13 Батлер (Пенсильвания): первое знакомство с Америкой

По милости Господа Кришны, американцы процветают во всех отношениях. Они, в отличие от индийцев, не бедняки. Большинство людей вполне удовлетворены своим материальным положением и склонны к духовности. Когда я был в Батлере (штат Пенсильвания), что примерно в 750 километрах от Нью-Йорка, то видел множество церквей, и местные жители регулярно их посещают. Это говорит об их тяге к духовному. Меня тоже приглашали в церкви, воскресные школы, колледжи, и я читал там лекции. Людям они очень нравились, и мне на память дарили разные сувениры. Когда я обращался к студентам, они с огромным интересом слушали о принципах «Шримад-Бхагаватам». Но священники, увидев, что студенты так внимательно слушают, насторожились, опасаясь, что я обращаю их в индуизм. Такие опасения вполне естественны для представителей любой религиозной конфессии. Они не знают, что преданное служение Господу Шри Кришне — это религия всех и каждого, в том числе туземцев и каннибалов в джунглях.

— Из письма к Сумати Морарджи

ПОКАЧИВАЯСЬ, автобус отъехал от автовокзала на освещенную часть Среднего Манхэттена. В тени небоскребов, лавируя по асфальтированным улицам, переполненным людьми и автомашинами, он миновал перегруженную развязку и въехал в тоннель Линкольна. Выехав на другом берегу реки Гудзон, в Джерси, автобус помчался по скоростной магистрали Нью-Джерси мимо растянувшихся на километры нефтеперегонных заводов с их огромными нефтяными цистернами. Транспортные потоки неслись по шестиполосной дороге со скоростью 90 километров в час. Слева открывался вид на Манхэттен. Справа, совсем близко, проплыл аэропорт Ньюарка^[9] и можно было различить стоящие на земле реактивные самолеты. Стальные конструкции линий электропередач тянулись до самого горизонта.

Никогда раньше Бхактиведанта Свами не видел ничего столь грандиозного. Теперь он своими глазами видел, что американская культура построена на сумасшедшей гонке за наслаждениями. Какие такие дела исключительной важности заставляют американцев носиться сломя голову туда-сюда? О том, к чему стремятся эти люди, Бхактиведанта Свами узнал, читая надписи на рекламных щитах.

Конечно, он не раз ездил по дороге из Дели во Вриндаван, но никогда не видел такого обилия рекламных плакатов. В Индии путешественник видит перед собой равнины, придорожные канавы, храмы, дома и работающих на полях крестьян. Многие ходят пешком или же ездят на воловьих повозках и велосипедах. Во Вриндаване даже незнакомые прохожие приветствуют друг

друга именами Бога: «Джая Радхе!», «Харе Кришна!» Хотя на окраинах Дели в последнее время тоже появились заводы, но даже все они, вместе взятые, не шли ни в какое сравнение с индустриальной мощностью заводов-гигантов, цистерн с нефтью и рекламных плакатов вдоль переполненных магистралей. Мясо, алкоголь, сигареты, недозволенные половые отношения, азартные игры — те самые грехи, проповедовать против которых приехал Бхактиведанта Свами, — гордо представляли во всем своем блеске на рекламных щитах вдоль дороги. Плакаты предлагали попробовать вино и сигареты, придорожные рестораны приглашали отведать мяса убитых коров под видом бифштексов и гамбургеров, и к чему бы ни призывала реклама, с каждого плаката улыбалась соблазнительная женщина. Но Бхактиведанта Свами приехал, чтобы научить прямо противоположному: счастье не в бешеной гонке за наслаждениями. Только тогда человек станет достоин вечного счастья в сознании Кришны, когда освободится от влияния гуны страсти, заставляющей его постоянно грешить. Бхактиведанта Свами чувствовал сострадание. Когда-то, давным-давно, Махараджа Прахлада так описал природу сострадания святого, сознающего Кришну: «Я вижу, что вокруг есть много святых, однако они думают лишь о собственном спасении. Не заботясь об обычных людях, живущих в городах, они уходят в Гималаи или в лес, дают обет молчания [*мауна-врату*] и погружаются в медитацию. Они не стремятся избавить от страданий других. Но я не хочу обрести освобождение один, оставив в материальном мире всех несчастных глупцов и негодяев. Я знаю, что, не думая о Кришне и не обрета прибежище у Твоих лотосных стоп, невозможно стать счастливым. Поэтому я хочу вернуть обитателей этого мира под сень Твоих лотосных стоп».

Панорама постепенно менялась. Вокруг раскинулись поля Пенсильвании. Автобус выехал за город и мчался по длинным горным тоннелям. Наступала ночь. Когда автобус въехал на улицы промышленной зоны Питсбурга, что на берегу реки Аллегейни, было уже начало двенадцатого. Шрила Прабхупада не мог ясно разглядеть в темноте сталелитейные заводы и видел только заводские огни и дымящиеся трубы. Серый, грязноватый город мерцал во тьме мириадами огней.

Когда наконец автобус прибыл на автовокзал, было уже за полночь. Гопал Агарвал поджидал Бхактиведанту Свами на своем «фольксвагене», чтобы отвезти его в Батлер, находившийся в часе езды к северу. «Добро пожаловать, Свамиджи», — поприветствовал Гопал Бхактиведанту Свами, сложив ладони и несколько раз низко ему поклонившись.

Никогда до этого с Гопалом не происходило ничего подобного. Его отец, предприниматель из Агры, очень уважал садху и интересовался религией. Это был уже не первый случай, когда отец просил его принять садху, собравшегося в Америку. Гопал уже много раз получал от него письма с просьбой оформить приглашение и исправно выполнял все, о чем просил отец. Но до сих пор так никто и не приехал. И когда Гопал получил от отца письмо с просьбой оказать содействие А.Ч. Бхактиведанте Свами, он быстро оформил и отослал

документы, думая, что на этом всё и закончится. Но неделю назад к ним пришло новое письмо. Салли Агарвал вскрыла его и с тревогой в голосе позвала мужа:

Дорогой, ты не согласишься. К нам едет Свами.

Бхактиведанта Свами вложил в конверт свою фотографию, чтобы они смогли его узнать. Супруги с любопытством разглядывали снимок.

Тут уж точно не ошибемся, — сказал Гопал.

По словам Салли, они с Гопалом были «обычными простодушными американцами». Она познакомилась со своим будущим мужем-индийцем, когда тот работал инженером в Пенсильвании. Что теперь делать с этим индийским *садху*? Приезд Бхактиведанты Свами был для них потрясением. Но о том, чтобы отказать, не могло быть и речи: они были связаны обещанием отцу Гопала. Верный своему долгу, Гопал купил Бхактиведанте Свами билет от Нью-Йорка до Питсбурга и послал в Нью-Йорк агента из транспортной компании встретить его. А ночью он добросовестно встречал Свамиджи на автовокзале. Чувствуя смятение и удивление и еще не до конца веря в происходящее, Гопал Агарвал помог своему гостю сесть в «фольксваген» и повез его к себе домой, в Батлер.

* * *

20 сентября

«БАТЛЕР (ПЕНСИЛЬВАНИЯ) — РОДИНА ДЖИПА» — гласила надпись на гранитной плите в городском парке. Батлер, известный тем, что в 1940 году здесь был изобретен армейский джип, представлял собой промышленный городок с населением двадцать тысяч человек, построенный на холмах, в районе, богатом нефтью, углем, газом и известняком. Город специализировался в основном на выпуске толстого листового стекла, железнодорожных вагонов, холодильников, оборудования для нефтяной промышленности и резины. Девяносто процентов местных рабочих были американцы, а основной религией здесь всегда было христианство, по большей части протестантизм. Впрочем, встречались и католики, а в последнее время появилось несколько синагог. Никакой индийской общины не было и в помине: Гопал Агарвал оказался первым индийцем, переехавшим в Батлер.

Въезжая в город, оба: и пассажир, и водитель «фольксвагена» — вдохнули теплый и влажный предрассветный воздух. Скоро по газетным киоскам разлетится утренний выпуск «Батлер игл»: «Красный Китай нападает на Индию»; «Премьер-министр Шастри заявляет, что китайские коммунисты стремятся к мировому господству»; «ООН требует от Китая и Индии в течение 48 часов прекратить огонь»...

Бхактиведанта Свами приехал к Агарвалам в четыре утра, и Гопал предложил ему прилечь на кушетке. Квартира в коттедже, в которой жили

Агарвалы, состояла из небольшой гостиной, столовой, кухни, двух спален на втором этаже и ванной. Они жили здесь с двумя маленькими детьми. Агарвалы жили в Батлере уже несколько лет и считали, что им удалось занять в обществе определенное положение. Поскольку их квартира была недостаточно большой, они решили, что будет лучше, если Свами поселится в общежитии Христианского союза молодежи, а днем будет приходить к ним. Разумеется, в действительности дело было не столько в тесноте, сколько в нем самом. Впишется ли он в атмосферу Батлера? Он был их гостем, и, никуда не денешься, придется знакомить его с друзьями и соседями.

Вид Бхактиведанты Свами вызывал удивление и любопытство у каждого, кто его видел, и, обеспокоенная этим, миссис Агарвал решила, что будет лучше, если о нем узнают из газет: так, по крайней мере, можно будет предотвратить всевозможные кривотолки по поводу странного человека в оранжевых одеждах, который поселился у них в доме. Она поделилась этой идеей с Бхактиведантой Свами, и тот рассмеялся, поняв, что пришелся не ко двору. Салли поспешила в редакцию питсбургской газеты, но корреспондент, с которым она встретилась, не мог понять, что же такого особенного в этом человеке, чтобы писать о нем статью. Тогда Салли отвела Бхактиведанту Свами в местную газету «Батлер игл», где его появление вызвало большой интерес.

22 сентября

В «Батлер игл» появилась статья: «Последователь индуистского культа на хорошем английском объясняет цель своего приезда на Запад». Фотограф пришел к Агарвалам на квартиру и сфотографировал Бхактиведанту Свами в гостиной, с раскрытым томом «Шримад-Бхагаватам» в руках. Подпись под фотографией гласила: «Посол бхакти-йоги».

Статья начиналась так:

Вчера худощавый, смуглый человек в бледно-оранжевых одеждах, обутый в белые купальные тапочки, вышел из малолитражки и вошел в здание батлерского отделения Христианского союза молодежи, чтобы присутствовать на проходившем там собрании. Это был А.Ч. Бхактиведанта Свамиджи, миссионер из Индии, прибывший проповедовать людям Запада.

Статья называла «Шримад-Бхагаватам» «священным писанием», а Бхактиведанту Свами — «ученым проповедником». Далее в ней говорилось:

«Моя миссия заключается в том, чтобы возродить в людях сознание Бога, — говорит Свамиджи. — Бог — отец всех живых существ, принимающих тысячи различных форм. Человеческая жизнь является высшей ступенью эволюции, и если мы не поймем этого учения, то нам придется снова подниматься по эволюционной лестнице». Бхактиведанта Свами живет, как монах, и не позволяет прикасаться к своей пище женщинам. На квартире Агарвалов в Батлере, как и во время своего шестинедельного путешествия

через океан, он сам варит себе еду в медной кастрюле с отдельными секциями для одновременного приготовления на пару риса, овощей и «хлеба». Он строгий вегетарианец, а пьет только молоко, которое, по его выражению, является «идеальной пищей для стариков и младенцев»... Он говорит, что, если бы американцы уделяли больше внимания своей духовной жизни, они были бы гораздо счастливее.

У Агарвалов было свое мнение о цели приезда Бхактиведанты Свами в Америку. Они считали, что цель эта — «найти средства на издание своих книг», и только. Они даже не сомневались, что Свами просто ищет спонсора, который поможет ему напечатать «Шримад-Бхагаватам», и никакие последователи ему не нужны. И надеялись, что хотя бы своим поведением он не будет привлекать внимание окружающих. Сам он, казалось, придерживался такой же позиции.

«Он не создавал вокруг себя ажиотажа, — вспоминает Салли Агарвал, — ему не нужны были толпы. Он ничего не хотел. Ему нужно было только напечатать свои книги». Скорее всего, Бхактиведанта Свами, видя обеспокоенность своих хозяев, из уважения к ним старался держаться в тени.

Однако каждый день с шести до девяти вечера господин Агарвал по просьбе Бхактиведанты Свами приглашал к себе гостей.

Салли: Круг нашего общения состоял в основном из интеллигентных людей, и он их совершенно покорила. Они понятия не имели, о чем его спрашивать. Им просто не хватало для этого знаний.

Это было как видение, сошедшее со страниц книги. Кто в Батлере мог себе представить себе, что вот так запросто может встретить у кого-то в гостиной живого свами? Это было что-то потрясающее. Индийский свами в доме средних американцев. Мои родители приехали издалека, только чтобы посмотреть на него. У нас было много знакомых в Питтсбурге, и все они тоже поприезжали. Видеть его здесь было так необычно. Однако людей интересовал не сам он как человек, скорее они приходили посмотреть на него, как на заморскую диковину.

У него была пишущая машинка — одна из немногих его вещей — и зонтик. Это тоже возбуждало всеобщее любопытство — он всегда носил с собой зонтик. К тому же дни стояли довольно прохладные, а голова у него была обрита, поэтому он всегда надевал шапочку, вроде купальной, которую кто-то сшил для него. Это тоже было своего рода сенсацией. И у него был такой удивительный ум: стоило ему увидеть кого-то один раз, как он запоминал этого человека — он все помнил. Он был такой умный. Если он встречал у нас дома каких-то людей, а потом видел их в машине, он тут же вспоминал, как их зовут, махал им рукой и называл их по именам. Он был очень умный и всем очень нравился. Все удивлялись тому, какой он умный. Их поражало то, что он помнил их имена. И его чувство юмора. Он все время казался таким серьезным, но при этом обладал удивительным чувством юмора. Несмотря на суровый вид, он был необыкновенно обаятельным.

Он был самым приятным гостем из всех, кого мне когда-либо доводилось принимать. Когда я не могла уделить ему время, он повторял на четках мантру, и я знала, что он совершенно счастлив. Когда я не могла разговаривать с ним, он просто читал мантру. С ним было так легко: я знала, что ему никогда не бывает скучно. В его обществе я всегда чувствовала себя легко и непринужденно. С ним было очень легко: если мне нужно было заниматься детьми, он просто повторял мантру. Это было так здорово. Когда мне надо было что-нибудь делать, он повторял на четках мантру и был счастлив. Он был замечательным гостем. Когда к нам приходили друзья, они всегда курили, но он говорил: «Ничего, не обращайтесь на меня внимания». Так и говорил: «Не обращайтесь на меня внимания». Потому, что он понимал, что мы другие. Я никогда не курила в его присутствии. Я знала, что мне не следует курить в присутствии отца Гопала. А к Свамиджи я относилась так же, как к отцу моего мужа. С ним ни у кого не возникало никаких проблем.

Однажды вечером один из гостей спросил у Бхактиведанты Свами: «Как вы относитесь к Иисусу Христу?» Свами ответил: «Он — Сын Божий». А затем добавил, что и спросивший — тоже один из сыновей Бога. Все с интересом узнали, что Свами считает Иисуса Христа Сыном Божиим.

Гопал: Его цель была не в том, чтобы убедить нас изменить образ жизни. Он никому не говорил, что нужно стать вегетарианцем или кем-то еще... Все, что он хотел, — это чтобы мы, оставаясь сами собой, стали лучше. Он не говорил, что мы должны от всего отказываться.

Бхактиведанта Свами следовал строгому распорядку дня. Каждое утро он выходил из здания Христианского союза молодежи и, пройдя пешком шесть или семь кварталов, около семи утра входил в дом Агарвалов. У него с собой был большой запас крупы — что-то вроде овсяных хлопьев. Этот запас был рассчитан на несколько недель, и каждое утро он ел на завтрак немного каши с молоком. Без четверти восемь Гопал уезжал на работу, а около половины десятого Бхактиведанта Свами шел на кухню и начинал готовить обед. Чапати он делал руками, даже не пользуясь скалкой. Два часа, пока миссис Агарвал занималась домашними делами и возилась с детьми, он готовил. В половине двенадцатого он принимал прасад.

Салли: Когда он готовил, то пользовался только одной горелкой. В нижней секции кастрюли создавался пар. Там он варил дал. На этом пару он тушил овощи. Так целую неделю он готовил свой замечательный обед, заканчивая примерно к половине двенадцатого, а Гопал всегда приходил домой обедать около двенадцати. Обычно я подавала Гопалу сандвич, после чего он снова уходил на работу. Но вскоре я поняла, что мы тоже можем есть блюда, которые готовил Свами, поэтому он стал готовить на всех. Ох и вкусно же было!

Массу удовольствия мы получали, знакомя его с Америкой. Он никогда в жизни не видел ничего подобного. Было очень забавно брать его с собой в супермаркет. Ему нравилось открывать пакетики с бамией и замороженной

фасолью — ему не нужно было их мыть, резать и вообще что-нибудь с ними делать. Каждый день он открывал холодильник и просто брал то, что ему было нужно. Смотреть на него было одно удовольствие. Пока я пылесосила, он сидел на кушетке. Этот процесс его очень заинтересовал, и мы долго говорили с ним на эту тему. Он был такой занятный.

Каждый день он устраивал большой пир, и все было просто замечательно. Мы получали массу удовольствия. Я помогала ему резать овощи. Он посыпал их пряностями, и мы, бывало, смеялись от души. Он был очень приятным, на редкость приятным человеком. Прошло совсем немного времени, а мне уже стало казаться, что я его дочь, как если бы он был моим свекром. Я и в самом деле чувствовала, что он очень близок мне. Он всему радовался. И я любила его. На мой взгляд, он был просто потрясающий.

После обеда, примерно в час дня, Бхактиведанта Свами шел обратно, в дом Христианского союза молодежи, где, как предполагали Агарвалы, до пяти вечера печатал на своей машинке. Около шести, после того как Агарвалы уже поели, он возвращался. Агарвалы ели мясо, поэтому миссис Агарвал старалась убрать со стола остатки ужина до его возвращения. Когда однажды он пришел раньше обычного, она сказала: «О, Свамиджи, мы только что готовили мясо. Вам, наверное, будет очень неприятен запах». Но он сказал: «О, не беспокойтесь об этом! Не беспокойтесь».

Вечерами он беседовал с гостями. Гости пили кофе или что-то еще, он же просил лишь стакан теплого молока в девять часов. Беседы продолжались до половины десятого, иногда до десяти, после чего мистер Агарвал отвозил его обратно, в дом Христианского союза молодежи.

Бхактиведанта Свами каждый день стирал себе одежду. Он стирал в ванной и развешивал одежду на улице. Иногда он ездил с Агарвалами в прачечную: ему было интересно, как американцы стирают и сушат одежду. Салли казалось, что «американцы и их образ жизни очень интересуют его».

Салли: Когда Свами приехал, нашему сынишке Бриджу было шесть или семь месяцев, а индийцы так любят детей! Бридж очень понравился Свами. Он видел, как Бридж впервые встал на ножки. Когда Бридж в первый раз попытался подняться и ему это удалось, Свами встал и захлопал в ладоши. Это был праздник! В другой раз малыш схватил зубами тапочки Свами. Я подумала: «Какой ужас! Он ходил в них по всей Индии, а моя крошка жует их». Знаете, как обычно думают матери.

Почти каждый вечер он сидел в садике у соседей. Иногда мы сидели там вместе с ним, а иногда оставались в гостиной. Я помню одну историю, которая произошла с нашей дочкой, Памелой. Ей тогда было три годика. Я возила ее в воскресную школу, и там ей рассказали про Христа. После этого, всякий раз когда она видела Свамиджи в его одеянии, она называла его Свами Иисус. А когда до нас дошло, что она говорит, — она назвала его Свами Иисус, — Свами улыбнулся и сказал: «И ребенок поведет их». Это было так удивительно.

В городе Бхактиведанта Свами выступал перед самой разной публикой. В начале октября он выступил с речью в «Лайонс клуб» и получил от них официальный документ:

Сим удостоверяется, что А.Ч. Бхактиведанта Свами был гостем «Лайонс клуб» в Батлере (Пенсильвания), и в знак признания за оказанную услугу клуб выдает ему этот документ.

Кроме того, Бхактиведанта Свами выступал в Христианском союзе молодежи, в Духовной семинарии Святого Фиделиса в Германе (штат Пенсильвания) и регулярно беседовал с гостями Агарвалов.

* * *

Когда профессор Ларсен, заведующий кафедрой философии Государственного колледжа Слипери-Рок, прочитал в «Батлер игл» заметку о том, что в Батлер приехал индийский свами, знаток Вед, он позвонил Агарвалам, чтобы пригласить Бхактиведанту Свами прочитать лекцию в колледже.

Аллен Ларсен: *Я набрал номер, который был указан в статье, но мне сказали, что Свамиджи снимает комнату в общежитии Христианского союза молодежи. Когда я приехал, он ждал меня на углу. Он сел в машину. Мне он показался очень одиноким. Когда мы ехали в Слипери-Рок, я попросил его произнести свое имя по слогам, чтобы я мог правильно представить его студентам. Он сказал: «Свамиджи Бхактиведанта» — и объяснил, что это значит. Поскольку я не привык к индийским именам, мне пришлось несколько раз его переспросить, прежде чем я научился правильно произносить это имя. Он же, видя мою несообразительность, не проявил никакого нетерпения. С первых минут нашего знакомства я понял, что он обладает непоколебимой внутренней убежденностью и силой. Общаясь с ним в течение дня, я еще больше в этом убедился.*

На лекцию собралось около сотни студентов из разных групп. Бхактиведанта Свами со свойственной ему непринужденностью прошел между рядами стульев и поднялся по ступенькам на деревянное возвышение. Он сел, скрестив ноги, выпрямился и, закрыв глаза, начал негромко петь «Харе Кришна». Затем встал и заговорил, не подходя к кафедре и не пользуясь микрофоном. После лекции он отвечал на вопросы студентов. Через пятьдесят минут звонок объявил о начале следующего урока, и на этом программа закончилась.

Аллен Ларсен: *Когда закончилась первая лекция, я вышел вместе со Свамиджи во дворик колледжа. Мы сели на скамейку и немного побеседовали. Если во время разговора возникала пауза, он в это время, перебирая четки, повторял какую-то короткую молитву. Он сидел, скрестив ноги, и мы*

беседовали о том о сем. Ему понравились деревья во дворе, и он спросил: «Что это за деревья?» Я пояснил: «Это просто для тени». Он же сказал, что очень плохо, когда деревья не приносят ни плодов, ни орехов.

В час дня Бхактиведанта Свами прочитал еще одну лекцию, после которой встретился с доктором Моханом Шармой, одним из преподавателей факультета, присутствовавшим на лекции, и его шестнадцатилетней дочерью Мини. Вместе с ними он поехал к ним домой, где выпил теплого молока, поел немного сухофруктов и по просьбе доктора Шармы благословил его дочь, прикоснувшись к ее лбу. Около трех часов профессор Ларсен отвез его обратно в Батлер.

Аллен Ларсен: Мне казалось, что Свамиджи — индийский ученый, который приехал ненадолго, чтобы заниматься переводами. Я и не думал, что он миссионер. Но в ходе нашего общения в моем сердце росла теплая привязанность к нему, ибо Свамиджи, вне всякого сомнения, был замечательным человеком. Он нашел свой путь к покою и миру, что в наши дни большая редкость.

Лекции Бхактиведанты Свами в Пенсильвании позволили ему составить представление о том, какой отклик может иметь его послание в Америке. В стихотворении, которое он сочинил на пирсе Содружества в Бостоне он писал: «Я уверен, что, проникнув в сердца людей, это духовное послание наполнит их радостью и избавит людей от всех бед и страданий». Теперь этот принцип проверялся на практике. Поймут ли они? Проявят ли интерес? Смогут ли посвятить себя этому?

* * *

15 октября

Шрила Прабхупада получил письмо из Бомбея, от Сумати Морарджи:
Пудж्या Свами,

Я получила Ваше письмо от 24 числа прошлого месяца и рада узнать, что Вы благополучно достигли берегов США, преодолев все трудности морского путешествия. Благодарю Вас за добрые пожелания и благословения. Я уверена, что Вы уже оправились от болезни и сейчас чувствуете себя хорошо. Я была очень рада узнать, что Вы начали свою деятельность в Соединенных Штатах и уже прочитали несколько лекций. Я молю Господа Бала-Кришну дать Вам достаточно сил, чтобы нести людям послание «Шри Бхагаватам». Я думаю, Вам необходимо оставаться там до полного выздоровления и возвращаться лишь тогда, когда Вы завершите свою миссию.

У нас все хорошо.

Искренне Ваша Сумати Морарджи

Последнюю строчку письма Бхактиведанта Свами считал особенно важной: его доброжелательница убеждала его оставаться в Америке, пока он не завершит свою миссию. Сотрудникам иммиграционной службы в Нью-Йорке он сказал, что пробудет в Америке два месяца. «На один месяц у меня есть поручитель в Батлере, — думал он, — но на что жить дальше... Еще месяц я, возможно, как-нибудь протяну». Потому-то он и сказал — два месяца. Но Сумати Морарджи предлагала ему не уезжать так скоро. Он видел, что для проповеди в Америке есть все возможности, но понадобится поддержка из Индии.

В любом случае он уже достаточно пожил в Батлере, а в запасе оставался только месяц. Поэтому он решил поехать в Нью-Йорк-Сити и, прежде чем истечет срок визы, попытаться проповедовать там. Но сначала он хотел съездить в Филадельфию, где его ожидала встреча с доктором Норманом Брауном, профессором-санскритологом из Пенсильванского университета.

Миссис Агарвал очень расстроилась, когда узнала, что Свами уезжает.

Салли: За месяц я успела полюбить Свами. В каком-то смысле я чувствовала себя его покровительницей, а тут он надумал ехать в Филадельфию. Я даже представить себе не могла — я так и сказала ему — не могла себе представить, как это он поедет в Филадельфию на целых два дня. Он собирался выступить там с лекцией, а потом ехать в Нью-Йорк. Но в Нью-Йорке у него не было знакомых. Если в Филадельфии дело не сладится, он поедет прямо в Нью-Йорк, а ведь там у него никого не было. Я просто не могла себе этого представить. От одной мысли об этом мне становилось плохо.

Я хорошо помню, как он уезжал. Это было ночью, около двух часов. Я сидела рядом с ним, пока он ждал, когда Гопал отвезет его в Питсбург, чтобы там посадить в автобус. Гопал наменял целую пригоршню мелочи, и я, помнится, объясняла ему, как опускать монету в щель, чтобы принять на автостанции душ, — ведь ему нужно было мыться несколько раз на дню. Гопал тоже объяснил ему, как это делается, и рассказал, как обращаться с автоматами в Нью-Йорке. Он также объяснил, что ему можно есть, а чего — нельзя; он дал Свамиджи монеты в узелке, и это было все, с чем он от нас уехал.

Ведя жизнь санньяси, Шрила Прабхупада привык к переездам. Он был странствующим проповедником, и ему не жаль было расставаться со спокойной жизнью в Батлере. Он не был привязан к домашнему уюту, к квартире, где можно было готовить и беседовать с Салли Агарвал о пылесосах, мороженых овощах и американском образе жизни.

Но зачем он ехал в Батлер? И почему теперь собрался в Нью-Йорк? Он видел в этом милость Господа. Как чистый преданный, он хотел стать инструментом для распространения сознания Кришны.

Пребывание в Батлере оказалось для него весьма полезным. Здесь он получил практический опыт жизни в Америке. Он удостоверился, что здоровье у него крепкое, и понял, что проповедь его находит отклик в сердцах

американцев. Он с радостью убедился, что в Америке есть все необходимое для индийской вегетарианской диеты и американцы хорошо понимают его английский. Ему стало ясно, что от случайных лекций то здесь, то там проку мало и что, хотя противодействия со стороны официальных религий не избежать, у многих его проповедь вызывает неподдельный интерес.

18 октября он уехал из Батлера и отправился в Нью-Йорк с остановкой в Филадельфии.

14 Борьба в одиночку

Обычно я садился позади и молча слушал, как он говорит. Он нес всякий вздор имперсонального толка, я же просто молчал. Однажды он спросил меня, не хочу ли и я выступить, и я начал рассказывать о сознании Кришны. Я откровенно заявил ему, что философия, о которой он говорил, — бессмыслица, что все это — выдумки Шанкарачарьи. Он попытался выкрутиться — дескать, это не его слова, а Шанкарачарьи. Я возразил: «Вы его представляете. Поэтому разницы нет». Тогда он сказал: «Свамиджи, я очень хорошо к вам отношусь, но не могу больше позволить вам читать здесь лекции». Но, несмотря на этот запрет и наше расхождение во взглядах, он был добрым человеком и у нас были хорошие отношения.

— Шрила Прабхупада (из беседы)

В НЬЮ-ЙОРКЕ у Бхактиведанты Свами не было ни одного знакомого, но у него был адрес и телефон доктора Рамамурти Мишры. Еще в Батлере он написал доктору Мишре, приложив рекомендательное письмо, которое получил от Парамананды Мехры из Бомбея. Он также позвонил доктору Мишре, и тот пригласил его к себе в Нью-Йорк.

Когда Бхактиведанта Свами приехал из Филадельфии в Нью-Йорк, один из учеников доктора Мишры встретил его на автовокзале Порт-Ауторити и прямо оттуда повез на проходивший в городе фестиваль Индии. Там Бхактиведанта Свами встретился с доктором Мишрой, а также со знаменитым музыкантом Рави Шанкаром и его братом, танцовщиком Удаем Шанкаром. После этого Бхактиведанта Свами поехал с доктором Мишрой к нему на квартиру, которая располагалась в доме номер 33 на Риверсайд-Драйв, на самом берегу Гудзона. Квартира, с огромными окнами, выходившими на реку, находилась на четырнадцатом этаже здания. Там доктор Мишра выделил Бхактиведанте Свами отдельную комнату.

Доктор Мишра был колоритной личностью. Он метал пламенные взоры, оживленно жестикулировал и пересыпал свою речь словечками «мило» и «чудесно». Стараясь соответствовать расхожим представлениям о том, каким должен быть гуру; он принадлежал к числу тех, кого ньюйоркцы называют «свами из богатых предместий». До приезда в Америку доктор Мишра был знатоком санскрита, гуру и врачом. Он написал несколько книг, таких как «Учебник по психологии йоги» и «Самоанализ и познание себя», в основу которых легло учение философа-мониста Шанкары. Переехав в Соединенные Штаты, он продолжал работать врачом, но, начав принимать учеников, постепенно оставил врачебную практику. Хотя он был санньяси, вместо традиционной шафрановой одежды — дхоти и курты — он носил строгий пиджак в стиле Неру и широкие белые брюки. В отличие от светлого

Бхактиведанты Свами, он был смуглолицым, с густыми, черными волосами. В свои сорок четыре года он годился Бхактиведанте Свами в сыновья. В ту пору, когда доктор встретился с Бхактиведантой Свами, он сильно болел, и приезд Бхактиведанты Свами оказался для него лучшим лекарством.

Рамамурти Мишра: *Его Святейшество Прабхупада Бхактиведанта Госвамиджи буквально покорила меня своей любовью. Он был настоящим воплощением любви. В то время я был похож на скелет, и он буквально вернул меня к жизни — своим прасадом и, самое главное, своей любовью и преданностью Господу Кришне. Я всегда ленился готовить себе, а он просто вставал и шел на кухню.*

Доктору Мишре очень нравилось, что Бхактиведанта Свами с аптекарской точностью готовил множество блюд и знал толк в еде.

Рамамурти Мишра: *Он не просто меня кормил — он давал мне прасад. Там была жизнь, и он спас меня. В то время я уже почти похоронил себя, но его привычка есть всегда в одно и то же время, неважно, голоден ты или нет, пришлась мне по нраву. Обычно он приходил и говорил:*

— Бхагават-прасад готов.

А я отвечал:

— Чудесно.

Джоан Сьювал, пожилая ученица доктора Мишры, часто видела, как ее учитель беседует с Бхактиведантой Свами.

Джоан Сьювал: *Для меня Свамиджи был словно ребенок, в том смысле, что он был очень простосердечный человек, очень искренний, очень чистый. Я видела, что доктор Мишра относится к Свамиджи как к доброму и любящему отцу. Но чаще всего о Свамиджи все-таки говорили: «как ребенок», имея в виду, что он был прост — в классическом, высоком смысле этого слова. Когда меня впервые представили ему, доктор Мишра сказал, что он — святой, что он очень религиозен и погружен в сознание Бога.*

Свамиджи был чрезвычайно добр и мягок. Мне он запомнился как очень, очень хороший человек. Он был аккуратен даже в практической жизни, которая, казалось, поглощала все его внимание. Человеком он был практичный и подыскивал подходящее место, чтобы развернуть свою деятельность. Я прекрасно помню, что он никогда не забывал стирать по вечерам свою одежду. Когда я приходила к доктору Мишре, в его гостиной всегда сидели несколько его учеников, а в ванной комнате сушилась оранжевая одежда Свамиджи.

Иногда Бхактиведанта Свами обсуждал с доктором Мишрой цель своего приезда в Америку, рассказывая ему о мечте своего духовного учителя принести сознание Кришны в страны Запада. Он просил доктора Мишру помочь ему, но тот всегда ссылался на свою занятость и скорый отъезд из Америки. Через несколько недель, когда держать Бхактиведанту Свами у себя на квартире ему стало неудобно, доктор Мишра поселил его в своей студии хатха-йоги на пятом этаже дома номер 100 по 72-й Западной улице, недалеко от Центрального парка. Студия представляла собой просторное помещение в

глубине здания, с примыкавшими к нему офисом и жилой комнатой, где и поселился Бхактиведанта Свами. Окон в комнате не было.

Придерживаясь философских взглядов, прямо противоположных взглядам Бхактиведанты Свами, доктор Мишра считал высшим аспектом Абсолютной Истины Ее безличный аспект (Брахман), тогда как Бхактиведанта Свами, последователь теистической философии Вед, отстаивал превосходство личностного аспекта (Бхагавана). В «Бхагавад-гите» сказано, что безличный Брахман подчинен Бхагавану и исходит от Него, подобно тому как солнечный свет исходит от Солнца. Этому учили великие *ачарьи* Древней Индии — Рамануджа и Мадхва (Бхактиведанта Свами принадлежал к преемственности учителей, начинающейся с Мадхвы). Но доктор Мишра был последователем Шанкары, который утверждал, что безличный аспект Абсолютной Истины — это высшее Ее проявление, а Личность Бога — в конечном счете иллюзия. Согласно теистической философии, которую проповедовал Бхактиведанта Свами, индивидуальные души (*атмы*) являются вечными слугами Верховного Существа (Бхагавана), но доктор Мишра утверждал, что духовная сущность лишена индивидуальности. Иначе говоря, он считал, что каждое живое существо тождественно Богу, Верховному Брахману, и поэтому нет никакой необходимости поклоняться Богу, пребывающему вовне. Или, как говорил доктор Мишра, «все едино».

Бхактиведанта Свами возражал:

— Если каждый из нас — Всевышний, то почему этот «Всевышний» бедствует и страдает в материальном мире?

На это доктор Мишра обычно отвечал:

— Всевышний лишь временно оказался под покровом иллюзии. Занимаясь *хатха-йогой* и медитацией, человек достигнет просветления и осознает, что все сущее есть Всевышний.

Бхактиведанта Свами снова возражал:

— Если Всевышний оказался в плену иллюзии, значит иллюзия сильнее Бога, сильнее Всевышнего?

Бхактиведанта Свами называл доктора Мишру *майявади*, поскольку тот вопреки всякой логике считал, что *майя*, иллюзия, могущественнее Абсолютной Истины. Для Бхактиведанты Свами философия имперсонализма была не просто неприемлемой, он считал ее оскорбительной по отношению к Личности Бога. В «Бхагавад-гите» (7.24, 9.11) Кришна говорит:

Люди, лишённые разума и не знающие Меня таким, какой Я есть, считают, что Я, Верховная Личность Бога, Кришна, раньше не был личностью, а теперь стал ею. Из-за скудости своих познаний они не понимают, что Я обладаю высшей природой — абсолютной и нетленной. Глупцы смеются надо Мной, когда Я прихожу в материальный мир в облике человека. Им неведома Моя духовная природа верховного повелителя всего сущего.

Да и Господь Чайтанья решительно выступал против *майявады*: «Все, что имеет отношение к Верховному Господу, духовно, в том числе Его тело, богатства и окружение. Но философия *майявады* умалчивает о Его божественных совершенствах и настаивает на безличной природе Абсолюта».

Впоследствии Бхактиведанта Свами напишет в одной из своих книг: «Амбициозные философы-*майавади* хотят раствориться в бытии Господа. Это называется *саюджья-мукти*. Однако подобный вид *мукти* (освобождения) подразумевает отказ от индивидуального существования. Другими словами, это своего рода духовное самоубийство, что полностью противоречит философии *бхакти-йоги*. *Бхакти-йога* позволяет индивидуальной обусловленной душе достичь бессмертия. Те же, кто исповедует философию *майявады*, лишают себя возможности обрести бессмертие после смерти материального тела». По мнению Господа Чайтаньи, имперсоналисты *майявади* — величайшие оскорбители Господа Кришны: *майавадй кршна-апарадхи*. Поэтому, говорил Господь Чайтанья, даже тот, кто просто слушает комментарии Шанкары, наносит своей духовной жизни непоправимый вред. Доктор Мишра не возражал против преданности Бхактиведанты Свами Господу Кришне и «Бхагавад-гите», но самого его вполне устраивала философия Шанкары. А Бхактиведанта Свами указывал на то, что, даже по мнению Шанкары, Кришна, или Нараяна, Личность Бога, вечно существует за пределами материального мира. Поэтому Господь — выше этого мира, *нарайанах паро 'вйактат*.

Не имея ни гроша в кармане, Бхактиведанта Свами временно зависел от расположения своего знакомого *майявади*, с которым делил трапезу, беседовал и чьим гостеприимством пользовался. Но до чего же это было неудобно! Он приехал в Америку, чтобы прямо и открыто говорить о Кришне, но ему везде мешали. В Батлере приходилось приспосабливаться к мещанским предрассудкам своих хозяев, типичных средних американцев, и теперь ему снова не давали говорить, но уже по другой причине. Его принимали доброжелательно, но видели в нем угрозу. Доктор Мишра не мог позволить своим ученикам слушать славословия Господу Кришне — Верховной Личности Бога.

Бхактиведанта Свами редко выходил из своей новой комнаты и продолжал печатать и переводить. Но когда доктор Мишра проводил занятия по йоге, Бхактиведанта Свами иногда отрывался от работы, чтобы спеть *киртан* или прочесть лекцию.

Роберт Нельсон (один из первых последователей Прабхупады в Нью-Йорке): Я пришел на программу в студию доктора Мишры. Доктор что-то говорил. Свамиджи сидел на скамейке. Вдруг доктор Мишра прервал программу, широко улыбнулся и объявил: «Свамиджи споет для нас песню». Мне кажется, доктор Мишра не давал ему выступать с лекциями. Кто-то мне говорил, что доктор Мишра не хотел, чтобы он проповедовал.

Каждое утро, за несколько часов до рассвета, Бхактиведанта Свами вставал, принимал душ, какое-то время повторял на четках *маха-мантру*,

после чего садился за перевод. Он сидел в своей закрытой каморке без окон, а в это время поднималось солнце и город просыпался. У Свамиджи не было плиты, поэтому, чтобы готовить себе обед, он должен был каждый день ходить на Риверсайд-Драйв, в квартиру доктора, которая находилась в семи кварталах от студии. Когда он выходил на оживленную улицу, день уже начинался. Он шел на север по Коламбус-авеню, насквозь продуваемой речным ветром, в плотном потоке пешеходов, задерживаясь на каждом перекрестке. Здесь все выглядело по-другому, не так, как в провинциальном Батлере. Вдоль Коламбус-авеню выстроились ряды тридцатипятиэтажных зданий, в которых располагались многочисленные офисы и конторы. Первые этажи домов были заняты обувными мастерскими, кондитерскими, прачечными и европейскими ресторанами, выше располагались приемные врачей, стоматологов и юристов. На Семьдесят пятой улице Бхактиведанта Свами сворачивал на запад и проходил через квартал жилых домов из бурого песчаника, а затем, перейдя Амстердам-авеню, выходил на Бродвей. Зеленые насаждения здесь было бы точнее назвать «черными» — настолько они были запачканы и покрыты сажой. Бродвей пестрел вывесками продуктовых и мясных магазинов, выставивших свои прилавки прямо на тротуар. Вдоль узкого бульвара, зажатого между двумя автомобильными потоками, отдыхали на лавочках старики. Последний перед выходом на Риверсайд-Драйв квартал Семьдесят пятой улицы состоял из высотных многоквартирных домов, у дверей которых скучали портье. У входа в дом номер 33 на Риверсайд-Драйв тоже стоял швейцар.

Иногда Бхактиведанта Свами гулял по парку Риверсайд. Сердце по-прежнему беспокоило его, поэтому для прогулок он предпочитал места ровные и просторные. Иногда, выходя из студии доктора Мишры, он спускался по Семьдесят второй улице до Амстердам-авеню, где заходил в супермаркет «Вест-Энд», чтобы купить продукты и специи. Порой он просто бродил по Манхэттену, а иногда садился на автобус и катался по городу.

По выходным Бхактиведанта Свами ездил с доктором Мишрой в его Ананда-ашрам, находившийся в Монро (штат Нью-Йорк), в часе езды к северу от города. Джоан Сьювал, подвозившая их, слышала, как они оживленно беседовали о чем-то на хинди, расположившись на заднем сиденье. Она ни слова не понимала, но чувствовала, что диалог их порой превращается в громкий спор, однако практически сразу же после этого вновь наступало примирение.

В Ананда-ашраме Бхактиведанта Свами проводил *киртаны*. Ученики доктора Мишры подпевали ему, а иногда даже танцевали. Доктор Мишра был в восторге от пения Свамиджи.

Рамамурти Мишра: *Я никогда не встречал преданного, который бы так много пел. Его киртан был просто восхитителен. Если сосредоточиться и расслабиться, этот голос подействует на ваше сердце, словно электричество. Вы не сможете избежать его влияния. Девяносто девять процентов учеников, хотели они того или нет, вставали и начинали петь и*

танцевать. Я понимал, что встретить такую великую душу — огромное благословение.

Харви Коэн (один из посетителей Ананда-ашрама): Все встали пораньше и пошли на сеанс утренней медитации. Доктор Мишра был одет в парчовый жакет в индийском стиле. Когда я вошел в комнату, все уже медитировали. Все подушки для сидения были заняты, поэтому я присмотрел себе местечко в углу, где можно было прислониться к стене. Так было легче медитировать. Рядом, закутанный в розоватое шерстяное одеяло, сидел пожилой индеец в шафрановых одеждах. Я заметил, что он что-то бормочет себе под нос; только потом я понял, что это он молится. Это и был Свами Бхактиведанта. Его лоб был украшен белым V-образным знаком, а глаза были полузакрыты. Он выглядел совершенно безмятежным.

Несмотря на все старания Харви, раджа-йога ему никак не давалась. В Ананда-ашраме он был новичком и приходил только по воскресеньям, чтобы немного расслабиться. Во время утренних медитаций он замечал, что его больше привлекает легкий туман над озером, за окном, чем круг на стене, на который полагалось медитировать.

Харви: Я вошел к себе. Дождь пошел сильнее и громко стучал в окна. Было очень тихо, и я радовался, что остался один. Я открыл книгу. Вдруг я почувствовал, что в дверях кто-то стоит. Я поднял глаза и увидел Свами. Он, как в шаль, кутался в свое розовое одеяло.

— Можно войти? — спросил он.

Я кивнул:

— Да.

Он попросил разрешения присесть на стул в углу.

— Что вы читаете? — с улыбкой спросил он.

— Дневники Кафки, — ответил я, чувствуя некоторое смущение.

— А-а, — произнес он, и я отложил книгу. Он спросил, чем я занимаюсь в ашраме и интересуется ли меня йога.

— Какую йогу вы изучаете?

— Я не очень-то в этом разбираюсь, но думаю, что хотел бы освоить хатха-йогу.

Это не произвело на него впечатления.

— Есть кое-что и получше, — сказал он. — Есть более возвышенные, более прямые пути йоги. Высший из всех путей — бхакти-йога, наука преданности Богу.

Я вдруг ясно почувствовал, что он говорит правду. От восторга у меня по спине побежали мурашки: я понял, что этот человек — мой учитель. Он говорил так просто! Все выходные я не сводил с него глаз. Он сидел, спокойный и величественный, и от него исходило тепло. Он попросил меня зайти к нему, когда мы вернемся в город.

В своих лекциях доктор Мишра толковал «Бхагавад-гиту» как имперсоналист, опираясь на труды Шанкары, а Бхактиведанта Свами, когда слово предоставляли ему, упорно с ним не соглашался. Однажды

Бхактиведанта Свами попросил доктора Мишру, чтобы тот помог ему распространить Движение Господа Чайтаньи, но доктор Мишра уклонился, сказав, что считает Бхактиведанту Свами воплощением Чайтаньи Махапрабху, которому не требуются помощники. В ответ Свамиджи напомнил доктору, что отца Господа Чайтаньи тоже звали Мишра, поэтому он должен принять участие в распространении Движения Господа Чайтаньи. Бхактиведанта Свами предложил ему редактировать санскрит в переводах «Бхагаватам», но доктор Мишра отказался, о чем впоследствии сожалел.

Херта Лёрч (ученица из Ананда-ашрама): *Я познакомилась с ним на кухне. Он был очень разборчив в еде и ел только то, что готовил сам. Он приходил на кухню и говорил: «Дайте мне кастрюлю». Когда я приносила кастрюлю, он говорил: «Нет, побольше». Я приносила побольше, но он просил поменьше. Потом он говорил: «Дайте мне картофель», и я приносила ему картофель. Готовил он очень, очень тихо. Он вообще никогда много не говорил. Он варил картофель, потом еще какие-то овощи, а еще — чапати. Закончив, он выходил из кухни, чтобы поесть. Как правило, он готовил с расчетом на доктора Мишру и еще нескольких человек. Когда он там жил, он всегда столько готовил.*

Я у него научилась делать чапати. Обычно он приезжал только на выходные, а потом возвращался в город. По-моему, он считал, что основное его место там.

* * *

Да, так оно и было, но что он мог сделать в городе один, без денег и поддержки? Когда-то он думал, что проведет в Америке всего несколько недель, а затем вернется в Индию. Но вот — он работал над переводом «Бхагаватам», гулял по Манхэттену, писал письма... Бхактиведанта Свами изучал новую культуру, пытаясь представить, каким образом можно познакомить западный мир с сознанием Кришны. Своими мыслями он делился с Сумати Морарджи:

27 октября

Как я понял, американцы проявляют огромный интерес к индийским методам духовного самопознания, о чем свидетельствуют многочисленные так называемые «ашрамы йоги» в Америке. К сожалению, они не особо в чести у местных властей, и, кроме того, как я узнал, невинных людей в этих заведениях часто обманывают, как это происходит и в Индии. Единственная наша надежда — на то, что люди эти склонны к духовной жизни, и, если здесь проповедовать «Шримад-Бхагаватам», они получат огромное благо.

Кроме того, Бхактиведанта Свами заметил, что американцы с восторгом принимают индийское искусство и музыку. Дабы в этом убедиться, он посетил

выступление мадрасской танцовщицы Балы Сарасвати.

Я пошел на этот концерт с другом, хотя за последние сорок лет ни разу не посещал подобных мероприятий. Выступление имело успех. Музыкальное сопровождение было в классическом индийском стиле, и большинство песен исполнялось на санскрите. Американским зрителям это очень понравилось. Я с радостью отметил, что обстоятельства для моей будущей проповеднической деятельности сложились неплохо.

Он писал, что учение «Бхагаватам» вполне возможно излагать посредством музыки и танца, но возможности сделать это у него пока не было. Христианские миссии проповедуют по всему миру, опираясь на солидную материальную поддержку, так почему бы преданным Кришны не объединиться и делать то же самое? Он отметил, что христианским организациям оказалось не под силу сдержать распространение коммунизма, но движение, основанное на «Бхагаватам», благодаря философскому и научному подходу вполне могло бы справиться с этой задачей.

Бхактиведанта Свами целенаправленно сеял семена вдохновения в сердце преданной Богу и состоятельной Сумати Морарджи.

8 ноября

Бхактиведанта Свами написал письмо своему духовному брату Тиртхе Махарадже, стоявшему во главе Гаудия-матха, и напомнил ему, что их духовный учитель, Шрила Бхактисиддханта Сарасвати, мечтал открыть проповеднические центры в странах Запада. Шрила Бхактисиддханта несколько раз пытался сделать это, посылая своих учеников-санньяси в Англию и другие страны Европы, но, как писал Бхактиведанта Свами, «без каких-либо ощутимых результатов».

Я приехал в эту страну с той же самой целью и понял, что в Америке масса возможностей для проповеди учения Господа Чайтаньи.

Бхактиведанта Свами отметил, что в Америке прочно обосновалось несколько групп *майявади*, у которых есть здания, но не слишком много последователей. Между тем он разговаривал со Свами Никхиланандой из Миссии Рамакришны, и тот высказал мнение, что американцы с интересом отнесутся к *бхакти-йоге*.

Я здесь и вижу огромное поле для деятельности, но что я могу сделать один, без людей и денег? Чтобы открыть центр, нам нужно здание.

Если руководители Гаудия-матха захотят открыть в Нью-Йорке свое отделение, Бхактиведанта Свами готов возглавить его деятельность. Но без собственного здания, сообщал он, им не удастся основать в этом городе свою

миссию. Бхактиведанта Свами писал, что, если его духовные братья окажут ему помощь и содействие, они смогут открыть центры во многих городах США. Он подчеркивал, что другие группы, которые не могут дать людям подлинную духовную философию Индии, тем не менее покупают множество зданий, а у Гаудия-матха в Америке нет ничего.

Если Вы согласны сотрудничать со мной, как я предлагал выше, то я продлю срок своей визы. Срок моего пребывания в стране истекает в конце ноября, но если Вы срочно подтвердите свое согласие, я могу его продлить. Если же нет, я вернусь в Индию.

* * *

9 ноября, 18:00

Бхактиведанта Свами сидел в своей комнате на пятом этаже в студии доктора Мишры. Вдруг свет погас. Так он встретил знаменитое отключение электричества в Нью-Йорке в 1965 году, когда без света остался целый город. В Индии отключение света было делом обычным, поэтому, хотя Свамиджи и удивился, что в Америке бывает то же самое, его это не особо побеспокоило. Он взял четки и начал повторять *мантру* Харе Кришна. Тем временем и Нью-Йорк, и его окрестности погрузились во тьму. Без электричества остался целый город и более тридцати миллионов человек в девяти штатах США и трех провинциях Канады. Восемьсот тысяч пассажиров оказались заперты в ловушке метро.

Через два часа пришел человек от доктора Мишры и принес свечи и фрукты. Он нашел Бхактиведанту Свами пребывающим в радостном расположении духа и повторяющим в темноте «Харе Кришна». Гость сообщил ему, насколько серьезно для Нью-Йорка отключение электроэнергии. Бхактиведанта Свами поблагодарил его и снова погрузился в медитацию. Город оставался обесточенным до семи часов утра следующего дня.

Скоро Бхактиведанта Свами получил от Тиртхи Махараджи ответ на свое письмо от 8 ноября. Бхактиведанта Свами писал о своих надеждах и планах остаться в Америке, но подчеркивал, что для этого его духовные братья должны облечь его доверием и оказать ощутимую поддержку. Однако его духовные братья не хотели сотрудничать друг с другом. Каждого из руководителей Гаудия-матха больше заботило содержание собственного здания, чем совместная работа ради распространения в мире учения Господа Чайтаньи. Можно ли было рассчитывать на то, что идея Бхактиведанты Свами об открытии отделения Гаудия-матха в Нью-Йорке найдет у них отклик? Скорее всего, они сочтут это его личным делом. И все же, почти не надеясь на успех, он попытался разбудить в них миссионерский дух и напомнил им о

желании их духовного учителя. Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура. Их Гуру Махараджа хотел проповедовать сознание Кришны в странах Запада. Но ответ Тиртхи Махараджи оказался неутешительным. Не возражая против попыток Бхактиведанты Свами основать миссию в Нью-Йорке, духовный брат вежливо сообщил ему, что использовать для этой цели денежные средства Гаудия-матха не представляется возможным.

Бхактиведанта Свами ответил: «Не очень-то меня воодушевил Ваш ответ, но я не тот человек, который отступает перед трудностями». Как бы то ни было, ответ Тиртхи Махараджи все-таки оставлял небольшой проблеск надежды, и Бхактиведанта Свами послал ему описание дома номер 143 по 72-й Западной улице, который недавно был выставлен на продажу. Это был дом размером 5,5 на 30 метров, с магазином на первом этаже, подвалом и бельэтажем. Бхактиведанта Свами сообщил Тиртхе Махарадже, что цена здания — сто тысяч долларов, из которых двадцать тысяч нужно заплатить сразу же, наличными, а также отметил, что здание это в два раза больше их Исследовательского института в Калькутте. В подвале можно было бы разместить кухню и столовую, на первом этаже — лекционный зал, а в бельэтаже — устроить жилые комнаты и отдельное помещение для Божества Господа Кришны.

Бхактиведанта Свами недаром называл себя «человеком, который не отступает перед трудностями». Он был уверен, что при наличии центра, куда люди смогут прийти, чтобы послушать чистого преданного, в Америке может начаться расцвет подлинной индийской культуры, культуры сознания Бога. А поскольку его замысел был неосуществим без покупки дорогого здания на Манхэттене, цель эта казалась недостижимой. Но он не прекращал писать письма влиятельным преданным в Индии, которых его планы, похоже, не интересовали.

«Почему они не хотят мне помочь?» — думал он. В конце концов, они преданные Кришны. Разве не должны преданные откликнуться на его призыв и помочь ему открыть первый храм Кришны в Америке? Свамиджи, безусловно, обладал всеми необходимыми качествами и полномочиями, чтобы распространять послание Кришны. Что же касается места — Нью-Йорк, наверное, самый многонациональный город мира. Он, Свамиджи, нашел недорогое здание в хорошем месте. А храм Кришны в Нью-Йорке нужен еще и для того, чтобы противостоять проповеди индийских *майявади*. Он обращался к *кришна-бхактам*, понимающим, что Господь Кришна не один из множества индуистских богов, а Верховный Господь, которому должен поклоняться весь мир. Поэтому они должны радоваться тому, что Кришне будут поклоняться в Нью-Йорке. Сам Кришна сказал в «Бхагавад-гите»: «Оставь все прочие обязанности и предайся Мне». Разве могут они не помочь? Ведь они преданные Кришны! А какой преданный не захочет прославить Господа?!

Но Бхактиведанта Свами не делал скоропалительных выводов, кто хочет служить миссии Кришны, а кто нет. Полностью полагаясь на Кришну и

повинуясь духовному учителю, он обращался за помощью ко всем, не делая особых различий.

Обратился он и к Сумати Морарджи. Она помогла ему напечатать «Бхагаватам» и снарядила его в Америку. В своем последнем письме к ней он намекнул:

Я лишь описал Вам свой замысел. И если Вы серьезно подумаете над этим и посоветуетесь с Вашим дорогим Господом Бала-Кришной, Вы непременно осознаете все гораздо глубже. Здесь есть хорошие возможности, но, разумеется, есть и срочные потребности. Долг каждого индийца, особенно преданного Господа Кришны, — помочь этому делу.

Ответа он не получил. С тех пор, как он уехал из Батлера, писем от нее так и не было, хотя слова, которые она написала тогда, ка-запись ему пророческими. Он часто вспоминал их: «Я думаю, Вам необходимо оставаться там до полного выздоровления и возвращаться лишь тогда, когда Вы завершите свою миссию».

Теперь и для Сумати Морарджи настало время совершить нечто серьезное. Он написал прямо:

Поэтому я думаю, что нам нужно немедленно открыть храм Бала-Кришны в Нью-Йорке. И как преданная Господа Бала-Кришны, Вы должны взять это великое и благородное дело на себя. На данный момент в Нью-Йорке нет ни одного индуистского храма, хотя в Индии действует огромное количество американских миссионерских организаций и церквей. Поэтому я прошу взяться за это благородное дело Вас, и в анналах мировой истории будет записано, что первый индуистский храм [в Америке] был основан индианкой ШРИМАТИ СУМАТИ МОРАРДЖИ, которая не только очень состоятельна, но и благочестива, она великая преданная Господа Кришны. Это славное дело ждет именно Вас.

Он заверил ее, что у него самого нет никакого желания быть владельцем собственного здания или храма в Америке, но для проповеди здание абсолютно необходимо:

Люди должны общаться с настоящими преданными Господа, они должны участвовать в *киртане*, прославляя Господа, они должны слушать учение «Шримад-Бхагаватам», они должны иметь тесную связь с храмом, или местом, где поклоняются Господу, и поэтому им нужно предоставить все возможности служить Богу в храме. Под руководством истинного преданного они вполне могут это делать. Путь «Шримад-Бхагаватам» открыт для каждого.

Бхактиведанта Свами сообщил Сумати Морарджи, что нашел помещение, «как раз подходящее для этой великой миссионерской задачи». Здание было

идеальным, «его как будто для того и строили».

От Вас нужно только согласие, и цель эта будет беспрепятственно достигнута.

Дом практически трехэтажный. Первый этаж, подвал, и два этажа сверху. В доме все есть: газ, отопление и т.д. Первый этаж можно отвести под приготовление *прасада* для Бала-Кришны, поскольку предназначение этого центра будет не в том, чтобы приглашать людей на скучные философские лекции, но чтобы давать им истинное благо — вкусный *прасада*. Я уже убедился: американцам очень нравится вегетарианский *прасада*, который я готовлю. Они забудут о мясе и будут покупать *прасада*. Американцы, в отличие от индийцев, не так бедны, и если им что-то по душе, они готовы выложить за это любые деньги. Вместо философии им подсовывают словесные трюки, а вместо *йоги* — гимнастику, а они все равно платят! Но я уверен, что, когда им предложат настоящий товар — когда они попробуют вкусный *прасада* Бала-Кришны, — Америка получит то, чего никогда не видела за всю свою историю.

Согласно его расчетам, жить в Америке ему оставалось всего неделю.

Мой срок пребывания в Америке заканчивается 17 ноября 1965 года. Но я верю Вашему пророчеству: «Вам необходимо оставаться там до полного выздоровления и возвращаться лишь тогда, когда Вы завершите свою миссию».

* * *

НЬЮ-ЙОРКСКОЕ ОБЩЕСТВО ТАГОРА ПРИГЛАШАЕТ ВАС на лекцию:
«СОЗНАНИЕ БОГА» лектор А.Ч. Бхактиведанта Свами

Лекция состоится в воскресенье, 28 ноября 1965 года. Начало в 15:30, в 16:30 — чаепитие.

Место проведения: «Нью Индия-хаус», 64-я Восточная улица, дом 3.

Широко известный и уважаемый ученый и религиозный деятель из Индии Свами Бхактиведанта ненадолго посетил Нью-Йорк. Он работает над монументальным переводом шестидесятитомного «Шримад-Бхагаватам» с санскрита на английский язык.

28 ноября

Дауд Харун до этого никогда не видел Бхактиведанту Свами. Он был музыкантом, жил в центре города и посещал собрания Общества Тагора на Шестдесят четвертой улице.

Дауд Харун: Когда я вошел в аудиторию, сцена была пуста. Несколько человек сидело на задних рядах. Я люблю сидеть впереди, поэтому направился вперед, по центральному проходу. Вдруг справа я заметил пожилого человека. Меня почему-то как магнитом потянуло к нему, и я прошел по ряду и сел прямо за ним. Я заметил, что он что-то повторяет на четках. Хотя четки он держал в мешочке, я слышал, как он их перебирает, и видел, как слегка покачивается его тело. Я был знаком с этой практикой и сразу почувствовал к нему расположение.

Я сидел и смотрел по сторонам, и вдруг он обернулся и очень тепло улыбнулся мне. Он кивнул, я ответил ему тем же, после чего он снова улыбнулся и стал смотреть в другую сторону. Потом опять повернулся ко мне и тихо спросил, не из Индии ли я. Я ответил:

— Нет, сэр. Я не из Индии. Я местный, из Соединенных Штатов.

Отвернувшись, он продолжал молиться, перебирая четки. Потом снова повернулся и спросил, не индус ли я. Я ответил:

— Нет, сэр, не индус. Я мусульманин.

Он сказал:

— О, хорошо, очень хорошо. Да, я часто слышал, как дети в Индии читают Коран.

Затем он вновь отвернулся и продолжил, покачиваясь, перебирать четки.

Мы успели обменяться еще парой коротких, непринужденных фраз, а потом на сцену вышла женщина, которая объявила о начале лекции и попросила аудиторию поприветствовать аплодисментами лектора. В этот момент мой новый знакомый положил мне руку на плечо и спросил:

— Простите, сэр, не могли бы вы оказать мне услугу?

— Конечно. Чем могу помочь?

— Не могли бы вы присмотреть за моими книгами?

Я посмотрел вниз и увидел, что на полу стоят коробки с книгами, зонтик и еще какие-то вещи:

— Конечно. Я присмотрю.

— Прошу прощения, — сказал он. Он пошел по проходу и вдруг, к моему удивлению, поднялся прямо на сцену. Он и был тем, кого я пришел послушать, — Свами Бхактиведантой!

Он поднялся на сцену и представился. «Подойдите поближе, подойдите поближе», — обращался он к слушателям, сидящим на задних рядах. Несколько человек пересели вперед. Аудитория состояла в основном из семейных пар. Там было много индийцев (и мужчин, и женщин), в основном среднего возраста, хотя присутствовали и ребята-студенты. Кроме того, на лекцию пришли какие-то люди интеллигентного вида, а еще было много женщин.

Только-только начав говорить, он уже погрузился в проповедь. Сразу, без всякого вступления, он стал громко восхвалять величие Творца и говорить о том, что самое важное — помнить о Нем, помнить о Боге. Он объяснял, что значит «сознание Бога», и как понимать, что Бог присутствует повсюду, и

почему нам всем следует помнить о Нем, и почему, независимо от того, какими именами мы Его называем, мы должны к Нему обращаться. Его речь вызвала у публики живой интерес. Он спел «Харе Кришна, Харе Рама» и рассказал о том, какая сила и спасительная милость заключена в этой мантре. В середине лекции он сделал короткий перерыв и выпил немного воды.

В конце, уже спускаясь с подиума, он сказал, что у него с собой есть книги — «Шримад-Бхагаватам». Он рассказал, что работает над этой книгой и уже издал трехтомник, который стоит шестнадцать долларов. На этом лекция закончилась, и он сошел со сцены.

Многие подходили к нему после лекции: одни — робко, другие — с энтузиазмом. Некоторые пожимали ему руку и просили книги. Поначалу вокруг него собралось человек пятнадцать, желающих поговорить и задать вопросы. Окруженный людьми, он пробрался ко мне и сказал:

— Сэр, не могли бы вы оказать мне еще одну услугу? Не сможете продать книги? Люди будут подходить, а вам нужно продавать им книги и класть деньги в эту коробочку. А я через минуту подойду.

— Хорошо, — ответил я.

Пока он разговаривал, ко мне подходили люди. Они, должно быть, думали, что я — что-то вроде его секретаря или сопровождающего лица, поэтому осыпали меня вопросами о его личной жизни. Я ничего не мог им ответить, поскольку сам ничего не знал. Кто-то покупал, а кто-то просто просматривал книги. Пока все шло своим чередом, я то и дело прислушивался к его разговору, в то же время не прекращая продавать книги.

Некоторые искали гуру и пытались узнать, каким он должен быть. Другие устраивали натуральный допрос. Он же только улыбался и простыми словами отвечал на все их расспросы. Я помню, как он сказал: «Вы поймете. Не нужно ломать голову. Вы поймете, ваш я гуру или нет». Он советовал людям почитать его книги.

Вскоре группа сократилась человек до пяти-шести, а некоторые просто стояли поодаль и смотрели; кто-то стеснялся подойти ближе. Тогда он сам подходил и начинал разговор, и атмосфера разряжалась. Через какое-то время он подошел ко мне, мы пересчитали выручку, и я помог ему упаковать вещи и снести вниз оставшиеся коробки с книгами. На прощание он горячо меня поблагодарил, а я оставил ему свой адрес и телефон и купил себе комплект «Шримад-Бхагаватам».

15 «Мы не сможем Вам помочь»

Я приехал сюда в преклонном возрасте не для того, чтобы разглядывать достопримечательности, и вообще не из-за личного интереса. Только ради блага человечества я пытаюсь донести до них науку о Кришне, которая сделает людей счастливыми. А долг каждого преданного Господа Кришны — всеми средствами помогать мне.

— Из письма к Сумати Морарджи

НА СМЕНУ НОЯБРЮ пришел декабрь. Продлив срок визы, Бхактиведанта Свами остался в США. Конечно, на первый взгляд, Америка процветала, но некоторые вещи Бхактиведанта Свами переносил с трудом. От воя сирен пожарных и полицейских машин у него, казалось, вот-вот случится разрыв сердца. Иногда по ночам с улицы доносились шум драки и крики о помощи. С самых первых дней своей жизни в городе он заметил, что повсюду стоит запах собачьих испражнений. И хотя Нью-Йорк считался престижным городом, в нем трудно было отыскать плоды манго, а если в каком-то магазине они попадались, то стоили очень дорого и были совершенно безвкусными. Иногда, работая в комнате, Бхактиведанта Свами слышал сирены океанских лайнеров и мечтал, что когда-нибудь отправится в кругосветное путешествие с группой санкиртаны и будет проповедовать в крупнейших городах мира.

Температура опускалась ниже нуля. В Индии никогда не было так холодно. Каждый день ему приходилось идти навстречу западному ветру, дующему с Гудзона. От этого ветра даже в обычный зимний день перехватывало дыхание, слезились глаза и коченели щеки и нос. А в штормовой день сильные порывы ветра могли сбить прохожего с ног. Порой, после холодного дождя, улицы покрывались ледяной коркой и становилось очень скользко. Невыносимо холодно было на открытой, насквозь продуваемой ветрами вест-сайдской стороне, где вихри поднимали на огромную высоту желтые листья и бумажный мусор.

Бхактиведанта Свами надевал пальто, которое ему подарил доктор Мишра, но, несмотря на холод и ветер, всегда ходил в *дхоти*. Свами Никхилананда из Миссии Рамакришны как-то сказал, что, если Бхактиведанта Свами хочет оставаться на Западе, ему нужно будет отказаться от традиционной индийской одежды и перестать быть строгим вегетарианцем. Он сказал, что в этом климате без мяса и крепких напитков просто не обойтись, так же как без брюк и пальто. Перед отъездом Бхактиведанты Свами из Индии один из его духовных братьев объяснил ему, как едят на Западе, и научил пользоваться вилок и ножом. Но Прабхупада и не думал перенимать западный образ жизни. Многие советовали ему не быть белой вороной, а поскорее перенять американский дух, даже если для этого придется нарушить

обеты, которым он следовал в Индии. Почти все индийские иммигранты поступались прежними привычками. Но Бхактиведанта Свами имел на этот счет свое мнение и был непоколебим. Ну да, они пошли на компромисс, думал он, но ведь они приехали на Запад *просить*; их интересует технический прогресс. «Но я-то приехал не просить, — говорил он себе, — я приехал *давать*».

Во время своих одиноких прогулок по городу Бхактиведанта Свами познакомился с некоторыми из местных жителей. Среди них был господин Рубен, турецкий еврей, работавший машинистом в метро. Господин Рубен встретил Бхактиведанту Свами в парке. Бхактиведанта Свами сидел на скамейке. Увидев святого человека из Индии, господин Рубен, человек общительный и к тому же немало поездивший по миру, сел рядом и заговорил с ним.

Господин Рубен: *Он как будто знал, что у него будут храмы, заполненные преданными. Он, бывало, посмотрит вдаль и говорит: «Я не бедняк. Я богач. Храмы и книги уже есть. Они уже существуют, и только время отделяет нас от них». Он всегда говорил «мы» и рассказывал о том, кто послал его сюда, о своем духовном учителе. В то время он никого не знал в Америке, но говорил: «Я никогда не бываю один». Мне же он всегда казался очень одиноким человеком, поэтому я смотрел на него, как на святого. Он напоминал мне пророка Илию, который всегда скитался в одиночестве. Насколько я мог судить, в то время у него не было никаких последователей.*

Если не было дождя или гололеда, Бхактиведанта Свами садился на автобус и ехал в Центральную библиотеку на Сорок второй улице. Там хранился его «Шримад-Бхагаватам» — несколько экземпляров из тех, что он продал посольству США в Нью-Дели. Ему было приятно, что книги его числятся в каталоге и пользуются у читателей спросом. Иногда он гулял по площади ООН или шел в «Нью Индия-хаус» на Шестьдесят четвертой улице, где встречался с господином Малхотрой, служащим консульства — тем самым, который в ноябре помог ему связаться с Обществом Тагора и получить от них приглашение дать лекцию на одной из встреч Общества.

Проезжая на автобусе по Пятой авеню, он разглядывал дома и мечтал, что когда-нибудь их можно будет задействовать в служении Кришне. Некоторые здания особенно его заинтересовали: одно — на Двадцать третьей улице, а другое, с куполом, — на Четырнадцатой. Он думал: материалисты строят такие прекрасные дома, но при этом совершенно не заботятся о своей духовной жизни. Несмотря на великие технические достижения, они чувствуют себя опустошенными и бесполезными. Пока они строили эти здания, их дети становились наркоманами.

2 декабря

Заголовки в «Нью-Йорк таймс»: «Больницы Нью-Йорка сообщают: заметно участились случаи отравления ЛСД»; «Нарастает протест против участия США в войне с Вьетнамом».

Наступил декабрь. Становилось все холоднее, но снег так и не выпал. В магазинах на Коламбус-авеню появились рождественские елки, а европейские рестораны сияли праздничной иллюминацией. По обеим сторонам Семьдесят второй улицы Торговая ассоциация установила высокие красные столбы, на вершине которых сверкали рождественские елочки. Верхушки их были увенчаны красными звездами, горевшими разноцветными огнями, и соединялись между собой блестящими гирляндами из мишуры.

Хотя Бхактиведанта Свами ничего не покупал к Рождеству, он посетил множество книжных магазинов — «Ориенталия», «Сэм Вейзерз», «Даблдэй», «Парагон» и несколько других, где пытался продать свой трехтомник «Шримад-Бхагаватам». Миссис Фербер, супруге владельца магазина «Парагон бук галлери», Бхактиведанта Свами запомнился как «очень приятный и вежливый невысокий господин». Когда он пришел в первый раз, эти книги не вызвали у нее интереса, но он вернулся, и она согласилась взять на продажу несколько экземпляров. Поскольку книги уходили неплохо, Бхактиведанта Свами наведывался в магазинчик раз в неделю, чтобы получить деньги, а иногда, когда нужно было самому продать кому-то несколько штук, он заходил и забирал их у миссис Фербер. Иногда он звонил и интересовался, как идет продажа.

Миссис Фербер: *Всякий раз, приходя ко мне, он просил попить. Обычно, когда клиент обращается ко мне с подобной просьбой, я говорю: «Автомат с питьевой водой вон там». Но, поскольку он был уже не молод, я, конечно, не могла себе такого позволить. Он всегда был очень вежлив и скромен. Он был настоящим ученым. Поэтому, когда он просил стакан воды, я лично выполняла его просьбу.*

Однажды, когда Бхактиведанта Свами разговаривал с миссис Фербер об индийской кухне, она заметила, что ей очень нравятся самосы. В следующий раз он принес ей целый поднос самос, которые она с удовольствием съела.

* * *

Харви Коэн, на которого Свами произвел большое впечатление в Анандашраме, часто приходил к нему в комнату номер 501.

Харви: *Это был маленький кабинет в дальнем углу того помещения, где разместилось «Общество йоги» (это было на окраине Манхэттена). Я начал регулярно его навещать. Мы сидели лицом к лицу, на полу в этом маленьком кабинетике. Там находилась его печатная машинка, новый магнитофон, стоящий на двух чемоданах, и ящик с книгами, которые он привез из Индии, а еще цветная репродукция с фигурами танцующих людей, на которую он часто смотрел. Я сказал ему, что я художник, и он вежливо попросил меня нарисовать картину с этими людьми, объяснив, что это Господь Чайтанья и Его ученики. Картина называлась «Санкиртана». Когда бы я ни заходил, Свами всегда радовался нашей встрече. В ту зиму я много рассказывал ему о себе, и*

вечерами мы часто пели «Харе Кришна» в его комнате. Он жил на окраине, а я ездил к нему на электричке.

* * *

11 января 1966 года

Премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри умер от сердечного приступа во время своего визита в Россию. Премьер-министр лично знал Бхактиведанту Свами и был в восторге от его перевода «Шримад-Бхагаватам». Он намеревался посетить Америку, и Бхактиведанта Свами надеялся встретиться с ним и получить его личное разрешение на перевод денег из Индии. Его безвременная смерть сорвала планы Бхактиведанты Свами, связанные с покупкой дома номер 143 на 72-й Западной улице. Агенты по продаже недвижимости показывали ему это здание, и он уже мысленно представлял: вот здесь будут поклоняться Божествам, здесь — раздавать *прасад*... Деньги должны прийти из Индии, а премьер-министр должен дать санкцию на вывоз денег. Но внезапно все изменилось.

14 января

Бхактиведанта Свами решил написать владельцу здания, господину А.М. Хартману. Он объяснил, что его планы неожиданно сорвались, и предложил новый вариант.

Теперь, когда премьер-министра, г-на Лала Бахадура Шастри, постигла внезапная кончина, я в большой растерянности... Поскольку сейчас мне будет очень сложно получить деньги из Индии, я прошу Вас позволить мне, хотя бы на какое-то время, использовать здание под Международное общество сознания Бога. Уже много дней дом стоит пустой, без всякой пользы, и я узнал, что Вам приходится платить за него налоги, страховку и т.д., при том что здание не приносит никакой прибыли. Однако если Вы позволите использовать это помещение для нашей общественной организации, то Вы по меньшей мере сэкономите на налогах и других издержках.

Если у меня появится возможность немедленно начать работу Общества, я, несомненно, получу поддержку местного населения, и в этом случае мне не нужно будет просить денег в Индии. Кроме того, я прошу Вашу честь, чтобы Вы, как человек, предоставивший здание для Общества, стали одним из членов правления этой организации.

А. М. Хартмана предложение не заинтересовало.

В тот день, когда Бхактиведанта Свами написал письмо господину Хартману, пришел ответ от сэра Падампата Сингхании, директора J. K. Organization^[10] в Индии. Бхактиведанта Свами просил сэра Падампатджи о финансовой поддержке, и его ответ был обнадеживающим. Семья Сингхании

не только была сказочно богата — все ее члены были преданными Господа Кришны.

Дорогой Свамиджи!

Я получил Ваше письмо. Мне очень понравилась Ваша идея построить в Нью-Йорке храм Шри Радхи и Кришны. Я думаю, это хорошая мысль, но есть некоторые трудности:

1. Чтобы вы могли построить храм, нам придется выслать Вам валюту, а для этого потребуется разрешение правительства. Без него послать деньги за границу не удастся. Сначала нужно получить согласие правительства, а уж потом думать о строительстве храма в Нью-Йорке.

2. Я сомневаюсь, что на такую сумму, всего семь *лакхов* рупий (110 000 \$), в Нью-Йорке можно построить храм. Я имею в виду — красивое здание в индийском стиле. Кроме того, чтобы построить здание в индийском стиле, мы должны будем отправить в Нью-Йорк человека из Индии.

Эти два условия могут вызвать затруднения, а в остальном идея Ваша очень хороша.

В одном Бхактиведанта Свами и господин Сингхания серьезно расходились. Строительство величественного индийского храма в Нью-Йорке обошлось бы во много миллионов долларов. Конечно, Бхактиведанта Свами знал, что, пожелай Падампат Сингхания, он дал бы и миллионы. Но как вывезти такую сумму из Индии? Поэтому Бхактиведанта Свами посоветовал вложить только семь *лакхов*. «Купив дом, — писал он, — мы сможем надстроить сверху еще один этаж — с куполом, чакрой и т.д.». У Бхактиведанты Свами были свои аргументы:

Господь Дваракадхиша проявил Свое богатство в Двараке, где у Него было шестнадцать тысяч цариц. Для каждой царицы Он построил отдельный дворец. Они были сложены из драгоценных камней и потому не нуждались в искусственном освещении. Итак, Вы хотите построить для Господа Кришны богатый храм. Но мы — жители Вриндавана, а во Вриндаване нет таких дворцов, как в вашей Двараке. Вриндаван — это леса и коровы на берегах Ямуны, а у Господа Кришны, играющего роль простого мальчика-пастушка, нет тех царских богатств, к которым привыкли вы, обитатели Двараки. Поэтому, когда жители Двараки встречаются с жителями Вриндавана, нужно искать *via media*^[1].

Если получится объединить Двараку и Вриндаван — богатство сэра Падампата с преданностью Бхактиведанты Свами, можно будет замечательно поклоняться Господу Кришне — Господину и Вриндавана, и Двараки.

21 января

Бхактиведанта Свами получил ответ от Бона Махараджи, своего духовного брата, директора Института восточной философии во Вриндаване. Две недели

назад Бхактиведанта Свами писал ему, что нашел в Нью-Йорке место для храма и хочет установить Божества Радхи и Кришны. В своем письме Бон Махараджа указывал примерную стоимость латунных Божеств Радхи-Кришны высотой в тридцать пять с половиной сантиметров, а также предупреждал о том, какая это серьезная ответственность — поклонение Божеству. Бхактиведанта Свами ответил ему:

Я думаю, что, когда мы откроем храм, найти несколько человек (пусть даже американцев) будет возможно. Я видел подобное и в Миссии Рамакришны, и во многих обществах *йоги*. Я пытаюсь открыть здесь храм, поскольку этого хотел Шрила Прабхупада [Бхактисиддханта Сарасвати].

Бхактиведанта Свами попросил Бона Махараджу помочь в получении санкции правительства на вывоз денег, если Падампат Сингхания согласится сделать пожертвование. Бхактиведанта Свами упомянул, что ведет активную переписку с вице-президентом Индии, доктором Радхакришнаном, с которым Бон Махараджа также был знаком.

Скажи ему, что это не обычный храм, а международная организация сознания Бога, основанная на принципах «Шримад-Бхагаватам».

22 января

Пока Бхактиведанта Свами молился о том, чтобы Радха и Кришна пришли в Нью-Йорк, в городе начались снежные бураны. Проснувшись утром, Свамиджи (который, должно быть, никогда в жизни не видел снега) выглянул в окно и подумал, что здание напротив кто-то побелил. И только выйдя на улицу, он понял, что выпал снег. Было десять градусов ниже нуля.

Объявили чрезвычайное положение, но Бхактиведанта Свами, следуя своему ежедневному распорядку, вышел на утреннюю прогулку. Он шел под сильным снегопадом, в своей «шапочке *свами*» и в пальто, под которым было лишь тонкое *дхоти*. Главные дороги были расчищены, но на многих тротуарах покрывалом лежал снег. Сильный ветер заметал бульварные скамейки на Бродвее, укрывая их сугробами в человеческий рост. К слоям афиш и объявлений, покрывавшим киоски, добавился слой снега и льда. Но, невзирая на непогоду, ньюйоркцы продолжали выгуливать собак, одев своих любимцев в маленькие плащи и куртки. Бхактиведанта Свами с недоумением взирал на то, как американцы нянчатся со своими собаками. Подходя к Вест-Энд-авеню, он увидел, что швейцары не только свистят в свистки, подзывая такси, но и разбрасывают соль, чтобы растопить лед на тротуаре перед зданиями. В парке на Риверсайд-Драйв скамейки, дорожки и деревья покрывал слой льда, в котором, сверкая, отражалось небо.

В новостях сообщали: военное ведомство объявляло о первом со времен войны в Корее существенном увеличении призыва в армию; мир длился всего месяц, а воздушные силы Соединенных Штатов уже бомбили Северный

Вьетнам; закончилась трехнедельная забастовка служащих общественного транспорта Нью-Йорка, а вождь профсоюза работников общественного транспорта скончался в тюрьме от сердечного приступа.

30 января

На Восточном побережье свирепствовали бураны. Нью-Йорк завалило снегом, толщина снежного покрова достигала восемнадцати сантиметров, а скорость ветра — двадцати трех метров в секунду. Тем, кто жил в домах без отопления, муниципальные власти предоставили теплые комнаты и горячую пищу. Аэропорт Кеннеди был закрыт, так же как и железные и автомобильные дороги. Из-за обильного снегопада дважды за восемь дней в городе объявляли чрезвычайное положение.

Сам по себе Бхактиведанта Свами ничего не мог поделать со снежными заносами или идущими в мире войнами — во всем этом он видел лишь приметы Кали-юги. Материальный мир всегда полон страданий. Но, если бы он смог принести Радху и Кришну в один из домов Нью-Йорка... Для Верховного Господа нет ничего невозможного. Даже в разгар Кали-юги может начаться золотой век, и люди вздохнут свободнее. Если американцы примут сознание Кришны, их примеру последует весь мир. Глядя на мир сквозь призму священных писаний, Бхактиведанта Свами пробивался сквозь пургу и протапывал узкую тропинку, пытаясь найти поддержку для своей миссии сознания Кришны.

4 февраля

Он снова написал Тиртхе Махарадже. Тот согласился связаться с правительством и попробовать добиться разрешения, но при условии, что получит письменное подтверждение от ответственного лица, готового пожертвовать деньги на храм. Бхактиведанта Свами сообщил ему, что лицом этим будет сэр Падампат Сингхания, и вложил в конверт письмо от господина Сингхания, которое получил в середине прошлого месяца. Он напомнил своему духовному брату:

Шрила Прабхупада Бхактисиддханта хотел открыть подобные храмы в больших городах: в Нью-Йорке, Лондоне, Токио и т.д. Я лично слышал это от него во время нашей первой встречи на Ультаданге в 1922 году. Сейчас у меня появилась возможность выполнить его трансцендентный приказ. Я просто прошу тебя о помощи и милости, чтобы моя попытка увенчалась успехом.

5 февраля

В деле, связанном с обещанием Падампата Сингхания, Бхактиведанту Свами вновь постигло разочарование. Господин Сингхания написал о том, что его не устраивает перспектива покупки здания на Семьдесят второй улице.

Боюсь, что мне придется не согласиться с Вашим предложением купить маленький дом и что-то достроить сверху. К сожалению, такие предложения не по мне. Храм может быть маленьким, но он должен быть построен по всем правилам. Я понимаю, что сейчас Вы не можете вложить большую сумму, но на средства, которые правительство разрешит вывезти, Вы должны построить настоящий индийский храм. Только так мы сможем произвести какое-то впечатление на американцев. Это все, что я могу сказать по этому поводу. Очень благодарен Вам за Ваши письма.

Но Бхактиведанта Свами не считал, что переписка на этом закончилась. Он не переставал надеяться, что сэр Падампат Сингхания все-таки пожертвует на храм — только бы решить проблему с переводом денег. Он по-прежнему писал духовным братьям и другим преданным, прося их добиться от правительства разрешения. Его не смутило то, что единственному спонсору не понравилась идея купить обычное двухэтажное здание и возвести над ним купол и чакру. Бхактиведанта Свами не собирался менять свои планы.

* * *

15 февраля

Бхактиведанта Свами переехал из комнаты номер 501 в отдельную комнату, двумя этажами ниже.

Я переехал в новую комнату, 307, в том же здании, более просторную и с окнами. Само здание находится на пересечении Коламбус-авеню и Семьдесят второй улицы.

По словам доктора Мишры, Свамиджи переехал, чтобы жить отдельно и не зависеть от «Общества йоги».

* * *

16 февраля

Бхактиведанта Свами написал владельцам Всемирного дома книги в Бомбее письмо, где объяснял, как можно организовать продажу «Шримад-Бхагаватам» в Бомбее и его окрестностях. Он писал, что пытается открыть храм Радхи-Кришны и «один богатый индийский предприниматель пообещал заплатить нужную сумму». Поскольку похоже было, что он может задержаться в Соединенных Штатах «еще на много дней», он хотел, чтобы Дом книги взял на себя ответственность за продажу его книг на территории всей Индии. Эта организация была его доверенным представителем по продаже книг в пределах штата Махараштра, но теперь он просил их представлять его книги

во всех провинциях, а также в колледжах и университетах всей страны. Кроме того, он попросил их перевести на его счет деньги за уже проданные экземпляры.

26 февраля

Господин А. П. Дхарвадкар из Всемирного дома книги ответил:

Я не могу порадовать Вас высокими темпами продажи «Шримад-Бхагаватам». Это книги на религиозную тематику, и заинтересоваться ими может лишь небольшая часть общества... Мы пытались реализовывать их через книготорговцев в Нагпуре, Ахмедабаде, Пуне и т.д., но, к сожалению, вынуждены сообщить Вам, что через некоторое время продавцы возвращали книги за отсутствием спроса. Учитывая вышесказанное, мы не только не можем согласиться с Вашим предложением продавать их по всей Индии, но даже думаем о том, чтобы попросить Вас подыскать другую компанию, которая могла бы продавать Ваши книги в Махараштре.

На сегодняшний день они продали всего шесть экземпляров его трехтомника, за которые должны были перечислить на счет автора сто семьдесят две рупии. Такие новости едва ли могли воодушевить Бхактиведанту Свами. В очередной раз Индия осталась равнодушной к его начинаниям. Даже на «земле религии» духовными темами интересовалась лишь «небольшая часть общества».

4 марта

Очередная неудача. 8 февраля Шрила Прабхупада написал новому премьер-министру Индии, Индире Ганди, прося ее позволения привлечь для строительства храма средства из Индии. И вот секретарь премьер-министра, господин Л. К. Гха, прислал ответ из Нью-Дели, датированный 25 февраля.

Дорогой Свамиджи!

Премьер-министр прочитала Ваше письмо от 8 февраля 1966 года. Она весьма признательна Вам за Ваше горячее стремление нести духовное послание «Шримад Бхагавад-гиты» и «Шримад-Бхагаватам» другим народам. Но, ввиду критической ситуации с обменом иностранной валюты в стране, помочь Вам в Ваших планах открытия храма Радхи-Кришны, к сожалению, не представляется возможности.

Но у Бхактиведанты Свами было в запасе еще несколько вариантов. Написав премьер-министру, он послал очередное письмо Тиртхе Махарадже. Там он просил своего духовного брата обратиться к доктору Радхакришнану и попросить его получить разрешение правительства на вывоз денег. Он ждал целый месяц, но ответа не последовало.

Было видно, что духовные братья вовсе не чувствовали себя обязанными помогать его проповеди в Америке. Он писал им, что жить в Америке очень

дорого и ему, чтобы продолжать проповедь в США, нужна их поддержка. Он объяснял, что в переводе на индийские деньги его затраты составляют тысячу рупий в месяц. «Я каждый день с нетерпением жду от вас обнадеживающего ответа». Но ответа не было.

18 марта

Бхактиведанта Свами снова написал сэру Падампату Сингхании и попросил его прислать из Индии человека, который будет руководить работами по строительству храма в Нью-Йорке, как прежде предлагал сам господин Сингхания.

Ответа на это письмо он, по всей видимости, не получил.

Бхактиведанта Свами написал Сумати Морарджи. Он просил выслать ему *мридангу*, чтобы он мог подыгрывать себе во время пения *мантры* Харе Кришна. Кроме того, он попросил ее еще об одном одолжении: бесплатно отправлять на теплоходах компании «Синдия» группы людей из Индии, когда в будущем это ему понадобится.

Ответа не последовало.

Его финансовое положение становилось все более сложным, а ожидание — все более напряженным, но все, от кого он ждал помощи из Индии, молчали. Впрочем, отсутствие ответов было выразительнее всяких слов. Это был громкий и недвусмысленный ответ: «Мы не можем Вам помочь».

Хотя никто не торопился оказывать ему помощь, Бхактиведанта Свами положился на указание духовного учителя и волю Кришны. Ответ премьер-министра (относительно разрешения правительства) был определенно отрицательным, но Свамиджи снова продлил визу. Теперь его последней надеждой был сэр Падампат Сингхания. Бхактиведанта Свами знал, что в Индии этот человек был настолько влиятелен, что если бы только захотел, то смог бы выслать деньги. Он был последней надеждой.

2 апреля

Господин Сингхания не ответил сам. Ответ, который убил последнюю надежду на покупку здания в Нью-Йорке, прислал Бхактиведанте Свами его секретарь, господин Ишвара Айер.

С сожалением вынужден сообщить Вам, что сэр Падампатджи в настоящий момент не заинтересован в строительстве храма Радхи-Кришны в Нью-Йорке. Что касается вопроса, содержащегося в последнем абзаце Вашего письма., то сэр Падампатджи своевременно получил Ваши книги «Шримад-Бхагаватам» из Вашей конторы в Дели. Искренне Ваш.

Посмотреть со стороны: маленькая фигурка, идущая по улицам Манхэттена в толпе других таких же фигурок, иностранец, у которого вот-вот закончится виза. Но это лишь внешний облик Бхактиведанты Свами. Это были дни тяжелой борьбы и суровых испытаний, но его сознание всегда оставалось трансцендентным. Он не жил в сознании Манхэттена, но всегда и во всем полагался на Кришну, как это было на борту «Джаладуты», когда он перенес два сердечных приступа и только чтение «Чайтанья-чаритамриты» спасло ему жизнь.

Он уже добился успеха. Конечно, он мечтал открыть в Нью-Йорке храм Радхи-Кришны, но успехом было уже то, что он постоянно помнил о Кришне, даже в Нью-Йорке, зимой 1965 -1966 года, независимо от того, признал его мир или нет. Не проходило и дня, чтобы он не работал над книгой Кришны, «Шримад-Бхагаватам». Не было дня, чтобы не предложил Кришне пищу и не говорил о философии Кришны, изложенной в «Бхагавад-гите».

В «Бхагавад-гите» Господь Кришна говорит: «Для того, кто видит Меня во всем сущем, а все сущее — во Мне, Я никогда не потерян, так же как и он никогда не потерян для Меня». И Кришна заверяет Своих чистых преданных: «Мой бхакта никогда не погибнет». Бхактиведанта Свами никогда не сомневался в этом. Вопрос был только в том, обратят ли американцы внимание на чистого преданного, вдруг оказавшегося среди них? В то время казалось, что никто не собирается воспринимать его всерьез.

16 Долгожданная возможность проповедовать

И вот я в Нью-Йорке, величайшем, великолепнейшем городе мира, но сердце мое всегда стремится во Вриндаван. Я буду счастлив вернуться в свой Вриндаван, в это святое место. Вы спросите: «Тогда почему вы здесь?» Потому что это мой долг. Я принес для вас послание. Мой господин, мой духовный учитель, дал мне наказ: «Все, чему ты научился, ты должен донести до жителей западных стран». Поэтому, несмотря на все трудности и неудобства, с которыми мне пришлось столкнуться, я здесь. Я связан долгом.

— Из лекции Шрилы Прабхупады

КОМНАТА номер 307 никогда не предназначалась для жилья, ашрама или лектория. Это был маленький, узкий кабинет без мебели и телефона. В дверь было вставлено большое матовое стекло, как бывает в старых офисах, а над дверью находилась застекленная фрамуга. Свою постель Бхактиведанта Свами положил прямо на пол перед металлическим сундучком, превратившимся в рабочий стол, за которым он писал. Спал он на полу. Здесь негде было готовить и даже мыться, поэтому ему приходилось каждый день ходить домой к доктору Мишре.

Пока Бхактиведанта Свами жил в комнате номер 501 в ашраме доктора Мишры, доктор Мишра оплачивал все его расходы.

Но теперь он мог рассчитывать только на самого себя. Все, что ему удавалось выручить от продажи книг, уходило на повседневные нужды и арендную плату, составлявшую семьдесят два доллара в месяц. Он обнаружил, что пакетик красного молотого перца в супермаркете в Вест-Энде стоит двадцать пять центов, то есть в десять раз дороже, чем в Индии. У него не было постоянного дохода, расходы его возросли, а бытовые условия ухудшились. Но зато теперь у него была своя комната. Здесь он мог проповедовать, как считал нужным.

Он приехал в Америку, чтобы рассказывать людям о Кришне, и пользовался любой возможностью делать это, будь то в компании, которая собиралась в гостиную Агарвалов, или на собрании в «Лайонс клуб» в Батлере, на уроке санскрита доктора Нормана Брауна, в «Обществе йоги» доктора Мишры или в Обществе Тагора. Но он не придавал большого значения чтению лекций перед теми, кто пришел послушать его один раз. Это было главной причиной, по которой он хотел иметь в Нью-Йорке собственное помещение, — дать людям возможность приходить к нему регулярно, петь мантру Харе Кришна, вкушать с ним прасад и слушать его лекции по «Бхагавад-гите» и «Шримад-Бхагаватам».

Переехав из студии *йоги* в маленькую комнату внизу, Бхактиведанта Свами получил то, что искал, — собственное помещение, но при всем желании это место никак нельзя было назвать храмом. На двери висела табличка с его именем, так что всякий, кто искал Бхактиведанту Свами, мог найти его там. Но кто придет сюда? Храм должен привлекать людей к Кришне своим богатством и красотой, однако комната номер 307 была прямой противоположностью этому — в ней царила ничем не прикрытая нищета. Даже человеку, который интересуется духовными вопросами, вряд ли понравится сидеть на голом полу в комнате, похожей на узкий железнодорожный вагон.

Один из учеников доктора Мишры пожертвовал катушечный магнитофон, и Бхактиведанта Свами записал несколько сольных *бхаджанов*, которые исполнял, аккомпанируя себе на *караталах*. Он также записал на пленку длинное философское эссе «Введение в „Гитопанишад“». «Даже если никто не придет, — говорил ему Бхактисиддханта Сарасвати, — повторяй мантру стенам».

Но поскольку теперь, на новом месте, куда привел его Господь, у него появилась возможность свободно проповедовать, он решил три раза в неделю (по понедельникам, средам и пятницам) читать лекции для всех, кто придет его послушать.

Первыми слушателями Бхактиведанты Свами были в основном люди, которые слышали о нем или встречались с ним в студии *йоги* доктора Мишры. Несмотря на убогость обстановки в его комнате, эти встречи стали для него источником новой жизни.

18 марта

Бхактиведанта Свами поделился радостью с Сумати Морарджи, написав ей письмо:

Меня очень вдохновили Ваши слова о том, что мне необходимо оставаться здесь до полного выздоровления и возвращаться лишь тогда, когда моя миссия будет выполнена. Я думаю, Сам Господь Бала-Кришна продиктовал Вашей доброй душе эти слова.

Хочу порадовать Вас: я поправил здоровье, и моя миссионерская деятельность развивается неплохо. Я надеюсь, что, по милости Господа, осуществится и мой проект по открытию храма Шри Шри Радхи-Кришны.

Сейчас, переехав из Батлера (штат Пенсильвания) в Нью-Йорк, я за семьдесят долларов в месяц снимаю комнату, где читаю лекции по «Бхагавад-гите» и «Шримад-Бхагаватам», провожу *санкиртану*, а американские мужчины и женщины приходят меня послушать. Вы, должно быть, удивитесь, узнав, что, даже не понимая языка, они тем не менее внимательно слушают *санкиртану*. Движение, которое я начал здесь, для них совершенно ново, поскольку большинство американцев считают *йогой* индийскую гимнастику, которую здесь демонстрируют некоторые наши *йоги*. Они никогда не слышали

о религии бхакти, науке о Кришне, но все-таки слушают меня. С моей точки зрения, это огромный успех.

* * *

За окнами комнаты номер 307 сгустились зимние сумерки. Слова Бхактиведанты Свами перемежаются с приглушенными звуками автомобильных клаксонов и сирен, доносящимися с улицы, а иногда — с величественными аккордами туманного горна^[12] с Гудзона. В комнате пусто, но тепло. Бхактиведанта Свами читает лекцию по второй главе «Бхагавад-гиты».

Арджуна в растерянности. Он не может решить, сражаться ему или нет. Увидев перед собой родственников, с которыми ему нужно биться, он пришел в замешательство. Тогда он начал спорить с Кришной.

Итак, первое, что стоит отметить: Кришна — Верховная Личность Бога.

Бхактиведанта Свами говорит серьезным и убедительным тоном. Время от времени, когда он обращается к слушателям особенно горячо, голос его повышается и срывается. Его благородная британская речь окрашена сильным бенгальским акцентом. Вдруг он делает паузу и обращается к кому-то из слушателей.

Бхактиведанта Свами: *Что это?*

Человек: *Где?*

Бхактиведанта Свами: *Что это за книга?*

Человек: *Это перевод «Бхагавад-гиты».*

Бхактиведанта Свами явно недоволен тем, что кто-то во время лекции читает книгу. Едва ли это можно назвать почтением, которое, согласно «Шримад-Бхагаватам», следует оказывать мудрому учителю.

Бхактиведанта Свами: *Итак... Нет... Слушайте меня.*

Человек: *Я слушаю.*

Бхактиведанта Свами: *Да, лучше не отвлекайтесь. Просто слушайте.*

Бхактиведанта Свами принимает на себя роль учителя, делающего ученику замечание. Конечно, никто из этих случайных гостей не обязан его слушаться. Ему нужно их внимание — и только. Пытаясь рассказать им о сознании Кришны, он требует только одного: чтобы они были хотя бы внимательны — «Просто слушайте».

Вы слышали, что человек должен принять духовного учителя, но прежде — тщательно его испытать, как при выборе жениха или невесты. В Индии люди очень осмотрительны. Браки между юношами и девушками устраивают родители, которые очень осторожны в выборе жениха или невесты. Точно так же каждый должен принять духовного учителя. Это необходимо.

Согласно предписанию Вед, у каждого должен быть духовный учитель. Возможно, вы видели священный шнур. У нас есть такой священный шнур. Господин Коэн? Вы видели? Священный шнур.

Бхактиведанта Свами делает паузу. Его слушатели до сих пор не замечали тонкого белого шнура из нескольких нитей, который пересекает его грудь под рубашкой. На протяжении многих тысячелетий индийские брахманы носят такие шнуры, обвивающие торс по диагонали и ниспадающие с левого плеча на правое бедро. Повторяя три раза в день священную мантру гаятри, брахман держит шнур в правой руке. Но американцам все это кажется странным и диковинным — впрочем, как и сам Бхактиведанта Свами, в сером чадаре на плечах, сидящий на тонкой подушке, выпрямив спину и скрестив ноги. От слушателей, сидящих к нему почти вплотную, его отделяет чемодан, который сейчас заменяет ему кафедру. Невысокого роста, хрупкий, он при этом полностью уверен в себе, что совершенно не вяжется с его положением иностранца в Нью-Йорке. Гости ощущают исходящую от него таинственную силу. Две аккуратные вертикальные полосы белой глины украшают его лоб, а его бледно-розовая одежда ниспадает свободными складками. Он останавливается лишь на несколько секунд — спросить, видели ли они когда-нибудь священный шнур.

Этот шнур указывает на то, что у человека есть духовный учитель. Согласно обычаям индусов, у замужней женщины тоже есть некоторые знаки, по которым видно, что она замужем. Здесь, разумеется, нет такой традиции. Она ставит на лоб красную точку, чтобы всем было понятно, что у нее есть муж. Также по способу укладки волос... Как называется эта линия?

Мужчина: Пробор.

Бхактиведанта Свами: Как?

Мужчина: Пробор.

Бхактиведанта Свами: Как это пишется?

Мужчина: П-р-о-б-о-р.

Бхактиведанта Свами: Пробор. Пробор тоже имеет значение. (Они знают язык, а Бхактиведанта Свами знает «Гиту». Но он тоже неплохо владеет английским, а вот они с «Гитой» практически не знакомы, и ему приходится все разжевывать. Но иногда он все-таки обращается к ним по поводу какого-нибудь английского слова.) Когда пробор посередине, значит, у женщины есть муж, и она — из порядочной семьи. Но если пробор вот здесь, значит, она проститутка. (Не касаясь головы, он делает по направлению к ней легкое движение рукой, и этот незаконченный жест явно указывает на пробор сбоку.) Кроме того, если женщина нарядно одета, это говорит о том, что ее муж дома. Если она одета скромно, это значит, что муж в отъезде. Понимаете? Одежда вдовы... Отличительных признаков много. Аналогичным образом священный шнур — признак того, что человек принял духовного учителя, так же как красная точка говорит о том, что у женщины есть муж.

Хотя посетителей очень занимают эти рассказы об индийских обычаях, внимательный слушатель может уловить в словах Бхактиведанты Свами и

более глубокий смысл: каждый должен принять духовного учителя. Случайным гостям это сложно понять. Зачем принимать духовного учителя? Наверное, это только в Индии? Но он говорит: «Каждый должен принять духовного учителя». В конце концов, кто такой этот духовный учитель? Может, Бхактиведанта Свами хочет сказать, что принятие духовного учителя — один из элементов культурной традиции индуизма, вроде священного шнура, пробора в волосах или одежды вдовы? Для слушателей эти его рассказы — что-то вроде ознакомительной лекции по индийской культуре. Гости Бхактиведанты Свами похожи на людей, которые, сидя в мягком кресле, смотрят фильм о нравах и обычаях другой страны (без всякого, однако, намерения их перенимать). У Свами есть священный шнур, но эти шнуры носят индусы, это их традиция; это вовсе не значит, что американцы должны носить такие же. Впрочем, верования этих индусов довольно заняты.

Единственное, что движет Бхактиведантой Свами, — это желание проповедовать Абсолютную Истину, в точности следуя словам своих предшественников по ученической преемственности. И если кому-нибудь в этой комнате-вагоне придет в голову вопрос: «Должен ли я предаться духовному учителю?» — он почувствует исходящую от Свами силу, силу истинного гуру. Каждый может воспринимать его слова, как хочет.

Духовный учитель руководит каждым шагом в жизни ученика. Но, чтобы руководить, духовный учитель должен быть совершенным. Иначе как он поведет ученика? Арджуна знает, что Кришна совершенен. Поэтому он принимает Его — шишьяс те 'хам шадхи мам твам прапаннам.

Санскрит! Да здесь же никто не знает ни слова на санскрите! Но у Бхактиведанты Свами даже вопроса такого не возникает: ну и что, что не знают, — божественные звуки *шастр* очистят их! Изначальные слова мудрецов, пусть даже непонятные американцам, сразу же придают вес и научность его проповеди. Как же он может обойти их молчанием?

«Я предаюсь Тебе, прими меня Своим учеником», — говорит Арджуна. Дружеские беседы не помогут найти выход из затруднительной ситуации. Можно годами общаться по-дружески, но проблему это не решит. Итак, мы видим, что Арджуна принимает Кришну духовным учителем. Это значит, что он должен будет соглашаться со всем, что скажет ему Кришна. Ученик не может ослушаться приказа духовного учителя. Поэтому нужно выбрать такого духовного учителя, чьи указания не заставят вас совершить ошибку.

Предположим, вы приняли духовным учителем не того, кого нужно, и он ведет вас в неверном направлении. Тем самым вы испортите себе всю жизнь. Поэтому следует принять такого духовного учителя, наставления которого помогут вам достичь совершенства. Таковы отношения духовного учителя и ученика. Это не просто формальность. Это серьезная ответственность, как для ученика, так и для духовного учителя. И... Да?

Студент: А если ученик пребывает в невежестве...

Бхактиведанта Свами: Да. (Бхактиведанта Свами соглашается с серьезностью заданного вопроса. Именно для того, чтобы отвечать на

подобные вопросы — вопросы «учеников, пребывающих в невежестве», — он и покинул Индию и приехал сюда.)

Студент: ...откуда ему знать, какого учителя выбрать? Ведь у него нет необходимых знаний, чтобы принять мудрое решение.

Бхактиведанта Свами: Да. Поэтому в первую очередь человек должен искать духовного учителя, так же как вы, например, ищете какую-нибудь школу. По крайней мере, у вас должно быть хоть какое-то представление о том, как эта школа выглядит, чтобы вы не искали ее среди магазинов тканей. Если вы в таком невежестве, что не можете отличить школу от магазина тканей, то вам будет очень трудно. Вы должны хотя бы приблизительно представлять, что такое школа. То же самое относится к этому знанию:

*тад-виджнанартхам са гурум эвабхигачхет
самит-паних шротрийам брахма-ништхам*

Согласно этому стиху, духовный учитель нужен тому, кто проявляет интерес к трансцендентному знанию. В «Бхагаватам» есть похожий стих: *тасмад гурум прападйета джиджнасух шрейя уттамам*. «Пытливый человек, жаждущий трансцендентного знания, должен искать духовного учителя». Если у человека нет хотя бы предварительного знания о трансцендентном, то как же он сможет задавать вопросы духовному учителю?

Студент, кажется, вполне доволен ответом. Бхактиведанта Свами не готовился читать лекцию на какую-то определенную тему. Хотя речь его серьезна и содержательна с научной точки зрения, она затрагивает несколько философских тем. Бхактиведанта Свами не делает пауз, чтобы обдумывать слова. Он точно знает, что хочет сказать, — вопрос только в том, что из этого смогут понять его слушатели.

Но иногда в его голосе проскальзывают шуточные нотки, и тогда он сочувственно обращается к слушателям, посмеиваясь над трудностями, которые им сообща приходится преодолевать: «Вот, например, прошел снегопад, и весь Нью-Йорк завалило снегом, и это всем причиняет неудобства. Вы страдаете, но что вы можете поделать?» Порой он хвалит учеников доктора Мишры за прилежание: «Итак, то, чему учит доктор Мишра, — это очень хорошо. Он учит тому, что, во-первых, вам нужно понять: „Кто я?“ Это прекрасно, но узнать „Кто я?“ можно и из „Бхагавад-гиты“ — „Я не тело“». Порой кто-то из гостей задает совершенно неуместный вопрос, но Свами терпеливо пытается его рассмотреть.

Внешне терпеливый, внутренне Бхактиведанта Свами всегда очень торопится. Иногда он говорит быстро — это выдает его желание как можно скорее дать людям Запада сознание Кришны. У него нет ни последователей, ни храмов; все, что у него есть, — это книги. Он открыто говорит о своей гонке со временем: «Я пожилой человек. Я в любое время могу уйти». За этими простыми ознакомительными лекциями о философии сознания

Кришны стоит тревога и страстное, почти отчаянное желание убедить хотя бы одну душу принять сознание Кришны. Немедленно.

Все те условности, которыми он был скован в Батлере или Ананда-ашраме доктора Мишры, позади. Теперь он может свободно говорить про Абсолютную Истину во всей Ее полноте. Всю жизнь он готовился к этому, но даже сейчас он не переставая изучает своих западных слушателей, их реакцию, чтобы понять, как лучше представить им Кришну.

Мы должны всегда помнить, что Он — Бог. Он всемогущ. Никто не может превзойти Его в силе и красоте. Что касается Его красоты, то, когда Он был на поле битвы... Кто-нибудь из вас видел изображение Кришны? Вы видели? Кто-нибудь из вас когда-нибудь видел Кришну? О-о... Нет?

Голос Бхактиведанты Свами замирает, он останавливается и испытующе смотрит на слушателей. Никто из них никогда не видел Кришну. Ни у кого из них нет ни малейшего представления о Кришне. В Индии сотни миллионов людей каждый день поклоняются Господу Кришне, вечному средоточию красоты и истины, созерцая Его прекрасный образ, запечатленный в скульптуре, на картинах и в танце. И нет никого, кто не слышал бы о философском учении «Бхагавад-гиты», и Бхактиведанта Свами послан Самим Кришной. Но мужчины и женщины в комнате номер 307 просто безучастно взирают на Свами.

Он говорит об истинном смысле посещения святых мест в Индии.

Человек должен отправиться в святое место, чтобы найти там ученого, сведущего в духовном знании, и общаться с ним. Как, например, я... Я живу во Вриндаване. Во Вриндаване есть много великих ученых и святых. В такие святые места нужно ехать не только для того, чтобы омыться в озере или реке. Нужно быть достаточно разумным, чтобы отыскать там духовно возвышенного человека, внимать его наставлениям и получить от этого благо. Если человек посещает места паломничества лишь для того, чтобы совершить там омовение, но не питает интереса к словам ученых людей, проживающих в этих местах, то он ничем, не лучше осла. (Смеется.) Са эва го-кхарах. Го значит «корова», а кхара значит «осел». Вся современная цивилизация — культура коров и ослов. Каждый считает себя телом. Да, вы хотели что-то сказать?

Женщина: Это в местах, которые называют «скрытыми»^[13]?

Бхактиведанта Свами: Святыми... Да.

Женщина: Ага, так эти места «святые»?

Бхактиведанта Свами: Да.

Женщина: Правда ли, что места, где собираются святые и духовно зрелые люди, становятся более притягательными?

Бхактиведанта Свами: О, да, разумеется. Конечно. Потому-то такие места и притягивают людей.

Женщина: Да, и когда...

Бхактиведанта Свами: *Как, например, Вриндаван. Так и есть. Сейчас я в Нью-Йорке, величайшем, великолепнейшем городе мира, но сердце мое всегда стремится во Вриндаван.*

Женщина: *Да. (Смеется.)*

Бхактиведанта Свами: *Да. Здесь я не счастлив.*

Женщина: *Да, я понимаю.*

Бхактиведанта Свами: *Я буду счастлив вернуться в свой Вриндаван, в это святое место. Вы спросите: «Тогда почему вы здесь?» Потому что это мой долг. Я принес для вас послание. Мой господин, мой духовный учитель, дал мне наказ: «Все, чему ты научился, ты должен донести до жителей западных стран». Поэтому, несмотря на все трудности и неудобства, с которыми мне пришлось столкнуться, я здесь. Я связан долгом. Если я уеду и буду жить во Вриндаване, лично мне будет там хорошо и удобно — никаких беспокойств, ничего такого. Но я пошел на этот риск в столь преклонном возрасте, поскольку меня связывает долг. Я связан долгом. У меня есть долг, который я должен исполнять, невзирая ни на какие неудобства.*

Кто-то открывает дверь и нерешительно заглядывает в комнату. Бхактиведанта Свами (прерывая лекцию): *Да, да, заходите. Проходите сюда.*

* * *

Роберт Нельсон, хотя и вырос в Нью-Йорке, с виду казался простым деревенским парнем, медлительным и грубоватым. Ему было двадцать лет. Он не примкнул к растущему движению хиппи, не увлекался марихуаной и прочими наркотиками и был не слишком разговорчив. Получив техническое образование в Общественном колледже Стейтен-Айленда, он пробовал найти себя в производстве грампластинок, но без особого успеха. Его интересовал Бог, и он посещал многие религиозные общества Нью-Йорка. Однажды вечером он забрел в «Общество йоги», чтобы послушать лекцию доктора Мишры, и там впервые увидел Бхактиведанту Свами.

Роберт: *Он сидел на скамейке, скрестив ноги. Там собралось около пятидесяти человек, а доктор Мишра стоял и говорил на тему «Я есть Сознание». После лекции доктор Мишра, широко улыбнувшись, представил гостями Свами. «Среди нас находится Свамиджи», — произнес он, делая широкий жест рукой в его сторону. Это смотрелось очень артистично. Он представил его в конце своей лекции, которая шла около часа. Свами ничего не говорил. Он только спел песню.*

Я подошел к нему. Он широко мне улыбнулся и сказал, что ему нравится, когда молодые люди принимают сознание Кришны. Он относился к этому очень серьезно. Он хотел, чтобы вся молодежь приняла сознание Кришны. Это мне понравилось. Это имело смысл. Поэтому я захотел ему помочь.

Мы стояли и беседовали около часа. У Мишры была библиотека, и мы смотрели картинки в его книгах — Арджуну, Кришну, колесницы и так далее.

Потом мы просто ходили по комнате и разглядывали изображения разных свами, висевшие на стенах. Было уже поздно, и Свамиджи попросил меня прийти к нему на следующий день, к десяти часам.

На следующий день Роберт Нельсон постучал в дверь комнаты номер 307, и Свамиджи пригласил его войти. Комната была совершенно не приспособлена для жилья — там не было ни туалета, ни душа, ни стульев, ни кровати, ни телефона, а стены были какого-то темного, унылого цвета. Бхактиведанта Свами показал Роберту трехтомник «Шримад-Бхагаватам», который тот сразу же купил за шестнадцать с половиной долларов. Затем Свамиджи вручил ему маленький листок бумаги с отпечатанной на нем мантрой Харе Кришна.

Роберт: Когда Свамиджи давал его мне, на лице его была такая широкая улыбка, словно он вручал мне целый мир.

Мы целый день провели вместе. В какой-то момент он сказал: «Мне нужно немного поспать» — и прилег рядом со своим столиком. Я сказал: «Я тоже устал» — и улегся в другом конце комнаты. Прямо на полу, поскольку больше было негде. Но спал он совсем недолго — около полутора часов, не более того. Весь остаток дня мы провели вместе. Он рассказывал мне о Господе Чайтанье и Его играх. Он показал мне маленькое Его изображение. Затем он начал говорить о преданных Господа Чайтаньи — Ни-тьянанде, Адвайте. У него был рисунок, на котором были изображены все пятеро: Они и еще двое, а также фотография его духовного учителя. Он постоянно что-то цитировал на санскрите, а потом переводил. Комнатой его жилище было нельзя назвать. Если бы вы это увидели, вам бы совсем не понравилось.

Роберт Нельсон не мог оказать Бхактиведанте Свами той помощи, которая была ему нужна. Господь Чайтанья говорит, что у человека есть четыре достояния — жизнь, деньги, разум и слова, из которых по крайней мере одно он должен отдать на служение Богу. Жизнь свою Роберт Нельсон не был готов посвятить сознанию Кришны. Денег у него было очень мало, большим разумом он не отличался и, кроме того, был косноязычен. Да и знакомых, которым он мог бы что-то рассказать, у него практически не было. Но он полюбил Свами. Из восьми миллионов человек в городе он был практически единственным, кто проявил к нему серьезный интерес и желал хоть как-то помочь.

Мистер Роберт, как называл его Бхактиведанта Свами, по опыту прежней работы кое-что смыслил в производстве пластинок, и у него родился план выпустить пластинку с пением Свамиджи. Он объяснил, что сейчас чуть ли не каждый первый записывает свои альбомы, с любой музыкой, какую только можно себе представить. Это приносит доход или, по крайней мере, покрывает расходы. Поэтому убытков можно почти не бояться. Он полагал, что это принесет Свами известность, и изо всех сил старался его убедить. Бхактиведанта Свами не стал отговаривать мистера Роберта, который горел желанием взяться за это служение.

Роберт: Мы пошли в студию звукозаписи, которая находилась на Сорок шестой улице. Мы вошли туда, и я взялся за переговоры. У человека, с которым я имел дело, в голове были одни деньги, он был скупой и очень вредный. Мы принесли с собой магнитофонную запись и попытались договориться с этим типом. Сам Свами с ним тоже разговаривал, но этот человек сказал, что не будет выпускать пластинку с нашей записью. Насколько я помню, он прослушал запись, но не захотел ее выпускать. Нас это расстроило. Но Свами почти ничего не сказал по этому поводу.

До того как стать санньяси, Бхактиведанта Свами занимался бизнесом. Ему и в голову не приходило, что можно ни с того ни с сего взяться за новое дело, к тому же здесь, в чужой стране, по совету молодого американца. Кроме того, он приехал сюда не зарабатывать деньги, а проповедовать. Однако Роберту не терпелось послужить. Возможно, он не станет настоящим учеником-брахмачари, но у него есть желание служить Кришне. Если бы Свамиджи отказал, то этот искренний молодой человек, возможно, потерял бы к нему всякий интерес. Бхактиведанта Свами приехал сюда, чтобы говорить о Кришне и научить людей повторению святого имени, а если мистер Роберт хочет ему посодействовать, организовав выпуск пластинки, это можно только приветствовать.

Мистер Роберт и Свами были совсем не похожи друг на друга: Бхактиведанта Свами — пожилой ученый, возвышенный знаток «Бхагаватам» и санскрита, а Роберт Нельсон — нескладный тип, неискушенный в житейских делах и ни на что не способный даже с точки зрения западной культуры. Гулять они ходили вместе — Свами, в своем зимнем пальто (с воротником из искусственного меха), в индийском дхоти и белых остроносых туфлях, и мистер Роберт, в старых штанах цвета хаки и облезлом плаще. Бхактиведанта Свами ходил быстрым решительным шагом, сильно опережая неуклюжего, грузного парня, который так старался ему помочь.

Мистеру Роберту приходилось помогать Свамиджи заводить знакомства с бизнесменами и агентами по недвижимости, хотя сам он отнюдь не отличался деловой хваткой. Он был очень простодушен.

Роберт: Однажды мы проходили мимо большого административного здания на Сорок второй улице и решили зайти. Цена за аренду была тысячи долларов за этаж. Я говорил с ответственным лицом, но совершенно не понимал, где мы возьмем такие деньги. Свами хотел найти просторное помещение, а я не знал, что сказать тому человеку.

Свамиджи хотел просторное помещение, но большое помещение — это большие деньги. У самого Свамиджи денег вообще не было, а у Роберта Нельсона — только его пособие по безработице. Но Бхактиведанту Свами это не останавливало. Если появится собственное здание, это можно считать большим шагом на пути к выполнению его миссии. К тому же так можно занять служением мистера Роберта. Если Кришна захочет, Он может сделать, дать и устроить все что угодно — обыкновенным образом или явив чудо. У Бхактиведанты Свами были свои доводы, а у мистера Роберта — свои.

Роберт: Здание находилось между Шестой и Бродвеем, на Сорок второй улице. Это было местечко прямо под храм Кришны — то, что надо! Мы поднялись на второй этаж, поговорили с агентом и ушли. Кажется, он попросил то ли пять, то ли десять тысяч долларов в месяц. Мы до чего-то договорились, но цена была непомерной. И мы ушли. Когда он назвал цену, я сказал что-то в том смысле, что нам это не подходит. Нужно было остановиться.

В другой раз Роберт Нельсон отвез Бхактиведанту Свами на автобусе к отелю «Колумбия», дом номер 70 по 46-й Западной улице. В отеле был номер, который, по мнению Свами, вполне бы подошел для храма, но это в очередной раз было слишком дорого. Платить было нечем.

Иногда на свое пособие Роберт что-нибудь покупал для Свамиджи. Однажды он купил ему несколько оранжевых футболок. Как-то раз он съездил в магазин «Вулворт», где купил Бхактиведанте Свами кастрюли, сковородки и рамки для изображений Господа Чайтаньи и Бхактисиддханты Сарасвати.

Роберт: Однажды я поинтересовался у Свами, как готовить чапати, а он и говорит: «Сто долларов, пожалуйста, за рецепт. Сто долларов». Я пошел, достал кое-какие деньги... Не сто долларов, меньше. Но он все равно мне показал. Он учил меня готовить и постоянно твердил: «Мой руки, мой руки» и «Всегда ешь только правой рукой».

Свами производил впечатление на всех, с кем встречался. Люди отвечали ему улыбкой на улыбку. Иногда они обменивались добрыми веселыми фразами, и это было здорово. Английская речь Свами была очень богатой. Я имею в виду словарный запас. Но иногда понимать его людям было немного сложно, поэтому приходилось помогать.

* * *

На 7-й Восточной улице, в Нижнем Ист-Сайде, в доме номер 64 находился макробиотический ресторан «Парадокс», где собирались последователи философии Джорджа Осавы. В полуподвальном помещении, тускло освещенном свечами, стояли маленькие столики. Еда была недорогая, но пользовалась хорошей репутацией. Чай подавали бесплатно, и можно было пить сколько захочешь. Это был не просто ресторан, а центр духовной и культурной жизни, место встреч, что-то вроде парижских кафе двадцатых годов или ресторанчиков в Гринвич-Вилледж. Посетитель мог провести в «Парадоксе» целый день, ничего не заказывая, и никто не сказал бы ему ни слова. Завсегдатаи «Парадокса» принадлежали к некоему мистическому братству и все до одного увлекались восточными учениями. Когда молва о новом свами, поселившемся у доктора Мишры, докатилась до «Парадокса», об этом быстро узнали все его посетители.

Свободный художник Харви Коэн и рабочий «Парадокса» Билл Эпштейн были друзьями. Несколько раз побывав на лекциях Бхактиведанты Свами в

студии йоги доктора Мишры, Харви с восторгом рассказал о новом свами Биллу и другим своим приятелям из «Парадокса».

Билл: Однажды вечером, когда я что-то делаю в «Парадоксе», ко мне пришел Харви и сказал: «Я ходил к Мишре и встретился там с новым свами. Он потрясающий!» Я тогда увлекался макробиотикой и буддизмом, и поначалу меня эта новость абсолютно не заинтересовала. Но Харви был человеком обаятельным и сердечным и, казалось, загорелся этим. Он сказал: «Почему бы тебе не съездить туда? Я хочу, чтобы ты его увидел».

И вот я отправился на Семьдесят вторую улицу, на лекцию. Я вошел и сразу почувствовал силу, исходящую от Свамиджи. Он излучал поток мощной духовной энергии, хотя внешне выглядел бледным и слабым. Я подумал, что он, наверное, только приехал и ему пришлось многое пережить. Он сидел и повторял мантру на четках, которые держал в маленьком мешочке. Говорил один из учеников доктора Мишры. Наконец настала очередь Свами, и выступавший представил его. Он сказал: «Мы — луны в сравнении с солнцем Свами». Так он сказал. Свами поднялся и начал говорить. У меня не было каких-то конкретных мыслей по этому поводу. Единственное, что я знал на тот момент из индийской мудрости, — это труды Рамакришны. Вот тогда-то я впервые и услышал о том, что на землю Америки пришла религия бхакти.

Билл Эпштейн, в противоположность Роберту Нельсону, был человеком увлекающимся и романтическим, с черными кудрями до плеч и бородой. Энергичный и красивый, он взял на себя обязанность сообщать завсегдатаям ресторана обо всех новостях в духовной жизни города. Заинтересовавшись новым свами, он стал постоянно упоминать о нем в разговорах, которые вел в ресторане.

Билл: Я зашел через служебный вход и спросил у Ричарда, менеджера:

— Я хотел бы отнести Свами кое-какие продукты. Ты не против?

— Конечно. Бери что хочешь.

Я взял немного коричневого риса и чего-то еще и понес это Свами.

Я поднялся наверх и постучал. Никто не отозвался. Я постучал еще раз. Сквозь матовое стекло я видел, что внутри горит свет. Наконец он услышал. Я ужасно боялся, поскольку никогда еще не встречается с учителем. Он позвал:

— Проходите! Проходите! Садитесь.

Мы начали беседовать, и он сказал:

— Первое, что делают люди, когда знакомятся, — выражают свою любовь друг к другу. Они представляются и чем-нибудь друг друга угощают.

Он угостил меня долькой яблока и показал мне свой магнитофон, на который, по всей видимости, записывал свое пение. Затем он спросил:

— Ты пробовал когда-нибудь петь мантры?

Я ответил:

— Нет. Никогда.

Он включил для меня какую-то песню, и мы еще немного поговорили.

— Заходи, — сказал он напоследок.

Я ответил:

— Ладно. Если приду, то принесу вам еще продуктов.

Джеймс Грин, тридцатилетний преподаватель плотницкого мастерства из «Союза Купера», глубоко увлекался восточной философией. Он жил в том же квартале, где находился «Парадокс», и много раз, ужиная в ресторане, слышал разговоры Харви Коэна и Билла Эпштейна о Свами.

Джеймс: Зачинщиками всего этого были Харви и Билл. Я был как-то на вечере у Мишры — там Свамиджи только присутствовал, ничего не говорил. Учеников Мишры больше привлекала «телесная» сторона йоги. Это было одной из причин недовольства Свамиджи.

Его жилище на Семьдесят второй улице было очень мало. Он жил в узенькой комнатухе, в одном конце которой была входная дверь. Свамиджи садился в одном конце, а мы — в другом, и нам там было довольно тесно. Комната была не шире двух с половиной метров и очень темная. Он садился на свою тонкую подстилку, а мы — прямо на пол.

Мы не пели. Мы просто приходили, и он читал лекцию. В программе не было ничего, кроме лекции по «Бхагавад-гите». Я много читал и, думаю, по-своему, как мог, искал учителя. Я не был выскочкой. Я просто слушал «Бхагавад-гиту» — но, похоже, это-то от нас и требовалось. Я был там еще не раз. Кажется, с того момента все и началось: людей приходило все больше и больше. Вскоре его комнатуха уже не могла вместить всех желающих, и пришлось искать новое место.

Компания, собиравшаяся в «Парадоксе», была молодой и жадной до всего нового, не в пример пожилой, более консервативной публике, посещавшей лекции Бхактиведанты Свами до этого. В те дни вид молодого человека с длинными волосами и бородой был еще зрелищем непривычным, и когда такие люди стали приходить на лекции Свами в Вест-Сайде, слушатели постарше не на шутку встревожились. Один из них вспоминал: «Свами Бхактиведанта начал собирать вокруг себя совсем другую публику. Он находил их на Бауэри или на каких-то чердаках. Они приходили в нелепых шляпах, завернувшись в серые пледы; я их побаивался».

Дэвид Аллен, двадцатилетний искатель приключений, который пришел к Свами из «Парадокса», переехал в город совсем недавно. Его привлекли эксперименты с наркотиками, о которых в то время много писали газеты. Первые слушатели лекций Свами показались ему «группой суматошных старух из Вест-Сайда».

Дэвид: Тогда нас еще не называли хиппи. Но людям, которые до этого ходили на лекции Свами, мы казались странными. Им трудно было найти общий язык с новыми поклонниками Свами. Насколько я знаю, до этого большинство учителей из Индии собирали вокруг себя главным образом людей старшего поколения. Нередко они кормились за счет богатых вдовушек. Но Свамиджи сразу же переключился на аудиторию помоложе и победнее. Затем Билл Эпштейн и другие стали поговаривать, что Свами лучше переехать

ближе к центру, в Нижний Ист-Сайд. Все самое важное происходило именно там, а уж никак не в этой части города. Он нужен был там, в центре. Центр — это было то, что надо, и те, кто жил там, уже созрели для него. Там кипела жизнь, и там творились настоящие дела!

17 На Бауэри

Я не видел разницы между друзьями и врагами. Когда один мой друг узнал, что я собираюсь переехать на Бауэри, он был потрясен. Но хотя я прошел через множество опасностей, мне никогда не приходило в голову: «Это опасно». Где бы я ни оказался, я всегда думал: это мой дом.

— Шрила Прабхупада, из беседы

Апрель 1966 года

ОДНАЖДЫ, КОГДА Бхактиведанты Свами не было дома, кто-то забрался в комнату номер 307 и украл его пишущую машинку и магнитофон. Когда Бхактиведанта Свами вернулся, привратник сообщил ему о краже: неизвестный взломщик разбил стекло во фрамуге над дверью, проник внутрь, забрал ценные вещи и скрылся. Пока Бхактиведанта Свами слушал, в нем крепла уверенность, что вором был не кто иной, как сам привратник. Разумеется, он не мог ничего доказать, поэтому ему, разочарованному и огорченному, оставалось только смириться с потерей. Друзья предложили ему новые пишущую машинку и магнитофон.

В одном из своих писем в Индию он сообщал, что его обокрали более чем на тысячу рупий (157 долларов).

Видно, что подобные преступления — обычное явление для Нью-Йорка. Так действует материальная природа. Американцы ни в чем не знают недостатка: в среднем они зарабатывают по сто рупий в день. И все равно воруют — не хватает честности. Состояние общества оставляет желать лучшего.

Бхактиведанта Свами сказал Джозефу Форстеру, агенту по продаже билетов компании «Синдия», что через пару месяцев вернется в Индию. С тех пор прошло уже семь месяцев. И вот теперь, впервые после прибытия в Америку, Свами направился в билетные кассы «Синдии» в Бруклине. Он рассказал мистеру Форстеру о краже, на что тот ответил: «Добро пожаловать в наш клуб» — и в свою очередь поведал, что совсем недавно у него угнали автомобиль. В Нью-Йорке, объяснил он, подобное случается сплошь и рядом. Он рассказал Бхактиведанте Свами, какие опасности могут подстергать его в городе и как не стать жертвой воров и хулиганов. Свами слушал его, качая головой, а потом сказал, что американская молодежь сбита с толку. Потом он сообщил, что хочет вернуться в Индию, и показал мистеру Форстеру экземпляр «Бхагаватам».

Бхактиведанта Свами не хотел больше оставаться в своей комнате. Где гарантия, что привратник не обворует его еще раз? Харви Коэн и Билл

Эпштейн советовали ему переехать в центр, уверяя, что среди молодежи, обитавшей там, он найдет более благодарных слушателей. Предложение казалось заманчивым. Тут-то Харви и предложил Свами свою мансарду на Бауэри.

До недавнего времени Харви работал на одну рекламную компанию с Мэдисон-авеню, а потом, получив наследство, перебрался в мансарду на Бауэри и стал вольным художником. Однако Нью-Йорк его совершенно разочаровал. Пользуясь гостеприимством Харви, к нему зачастили приятели, употреблявшие героин, и недавно его мансарду ограбили. Он решил уехать в Калифорнию, а перед отъездом предложил свою комнату Свами и Дэвиду Аллену.

Дэвид Аллен слышал, что Харви Коэн хочет сдать мансарду и уехать в Сан-Франциско. Дэвид и Харви не были близко знакомы, но в день накануне отъезда, случайно трижды повстречав Дэвида в трех разных местах Нижнего Ист-Сайда, Харви воспринял это как знак судьбы и понял, что квартиру нужно сдать ему. Так он и сделал, поставив, однако, условие, что Свами тоже поселится там.

Когда Бхактиведанта Свами готовился к переезду из комнаты на Семьдесят второй улице, знакомый электрик, работавший в этом доме, пришел, чтобы предостеречь его. Бауэри — не место для приличного человека, предупреждал он. Это вертеп. Он знал, что у Свами украли вещи, но переезд на Бауэри — не выход из положения.

* * *

Район Бауэри, где обосновался Бхактиведанта Свами, имел богатую историю. В начале семнадцатого века, когда Манхэттен назывался Новым Амстердамом и управляла им голландская Вест-Индская компания, Петер Минуит, губернатор Новых Нидерландов, проложил с севера на юг дорогу, которую называли Бауэри — из-за крестьянских усадеб («бауэриз»), расположенных по обеим ее сторонам. Это была пыльная сельская дорога, вдоль которой тянулись ряды причудливых голландских коттеджей и цвели персиковые сады, разбитые во владениях Питера Стайвесанта. Бауэри стала частью дороги на Бостон и сыграла важную стратегическую роль во время Американской революции, так как была единственным «сухим» путем в Нью-Йорк.

В начале девятнадцатого века основное население Бауэри составляли немецкие иммигранты, а в середине столетия подавляющее большинство его жителей были евреи. Постепенно район превратился в центр театральной жизни города. Однако, как сказано в «Истории Нижнего Манхэттена», «после 1870 года начался знаменитый упадок Бауэри. Сомнительные аукционы; бары, где за пять центов подавали виски с какими-нибудь убойными каплями; умопомрачительные выставки; грязные и затхлые забегаловки с полчищами

крыс и неизменной песенкой Чарльза М. Хойте — „Бауэри, Бауэри! Я больше туда ни ногой!“ — таким этот район навечно запечатлелся в сознании американцев. Притон отвратительнейшего порока».

Поэтому в реакции электрика, друга Бхактиведанты Свами, не было ничего удивительного. Район Бауэри и по сей день знаменит на весь мир как «Скид Роу», городское дно, куда скатываются опустившиеся, бездомные пьянчуги. Возможно, электрик, живший на окраине города, бывал на Бауэри по делам и видел, как эти изгои распивают бутылку, или валяются без памяти в канаве, или, шатаясь, пристают к прохожим и кланчат у них деньги.

Большинство бездомных на Бауэри — а всего таких было тысяч семь или восемь — спали в ночлежках, а утром должны были освобождать комнаты. Податься им было некуда, а заняться — нечем, поэтому они целыми днями шатались по улице, молча стояли на тротуарах, прислонившись к стене, или тащились по дороге куда глаза глядят. В холодную погоду оборванцы натягивали на себя все, что у них было, иногда по два пальто зараз, и грелись вокруг костров, которые разводили в городских мусорных баках. По ночам те, кому не удалось попасть в ночлежку, спали на тротуарах, на ступенях, на углах улиц, а иногда забирались в выброшенные коробки или рядом заваливались у входов в бары. Воровство было в порядке вещей: пока человек спал, его карманы могли проверить раз десять или двадцать. Заболеваемость и уровень смертности на Бауэри были в пять раз выше, чем в среднем по стране; многие бездомные имели травмы или следы недавних побоев.

Дом номер 94 на Бауэри, на чердаке которого поселился Бхактиведанта Свами, находился в шести кварталах к югу от Хьюстон-стрит. Оживленный перекресток Хьюстон и Бауэри притягивал бродяг со всего города. Когда машины останавливались у светофора, оборванцы подходили к ним, протирали ветровые стекла и кланчили деньги. К югу от Хьюстон-стрит тянулись кварталы перенаселенных многоквартирных домов с массивными пожарными лестницами на фасадах. Это были старые, узкие, трех- или четырехэтажные здания, в первых этажах которых располагались склады ресторанов, магазины осветительных приборов, бары и закусочные. Бауэри соединяла спальные районы с деловым центром. По обеим сторонам улицы стояли ряды машин, а между ними с трудом продвигался поток транспорта. В будние дни мимо заторможенных бродяг шел, торопясь на работу или домой, рабочий люд. Почти все витрины магазинов были забраны железными решетками, что не мешало, однако, их владельцам зажигать внутри разноцветные огни для привлечения оптовиков и простых покупателей.

Бауэри, 94 — это не доходя два дома до Эстер-стрит. На углу Эстер-стрит и Бауэри располагался просторный бар «Полумесец», основными посетителями которого были местные пьянчужки. Верхние четыре этажа того же здания занимала ночлежка «Пальмовый дом» с неоновой вывеской, подвешенной ко второму этажу на больших цепях и защищенной металлической решеткой. От входа в гостиницу, что располагалась в доме

номер 92 (в которой вместо фойе был пустой грязный коридор, выложенный белым кафелем), подъезд дома номер 94 отделяло не больше двух метров.

Дом номер 94 представлял собой узкое четырехэтажное здание, когда-то в незапамятные времена выкрашенное в серый цвет и, как полагается, с массивной черной пожарной лестницей на фасаде. На улицу вела выдавшая виды черная двустворчатая дверь, стекла которой были затянуты мелкой железной сеткой. Надпись «Студии — 3-й и 4-й» указывала на то, что эти этажи занимали художники. В соседнем доме, номер 96, на первом этаже был склад, поэтому его парадный вход закрывала ржавая железная решетка. В доме номер 98 находилась еще одна пивная — «Гарольде», еще меньше и грязнее, чем «Полумесяц». Таким образом, весь квартал состоял из двух питейных заведений, ночлежки и двух домов с чердаками.

В шестидесятые годы в этом районе Нью-Йорка жить на чердаках только начинали. Городские власти разрешили художникам, музыкантам, скульпторам и прочим мастерам искусств (которым в обычных квартирах не хватало места) селиться в зданиях, построенных в девятнадцатом веке для промышленных предприятий. Городские службы приспособляли под жилье заброшенные заводские помещения: устанавливали противопожарные двери, ванны, душевые кабинки, проводили отопление. Это давало художникам возможность недорого снимать просторные помещения, которые потом стали называться студиями. Мансарда Коэна на верхнем этаже дома номер 94 на Бауэри была просторной — почти тридцать метров в длину (с запада на восток) и около восьми метров в ширину — и светлой, окна выходили на запад и на восток, на Бауэри; на крыше тоже было окно. Открытые потолочные балки находились на высоте шести метров от пола.

Харви Коэн использовал это помещение как мастерскую, поэтому вдоль стен тянулись подставки для картин. Кухня и душ располагались в северо-западном углу. Часть, предназначенная для жилья, была отгорожена ширмой. Перегородка не касалась стен и не доходила до потолка, так что эта часть была открыта со всех сторон. Она находилась в четырех с половиной метрах от окон, смотревших на Бауэри.

За этой перегородкой и поселился Бхактиведанта Свами. Кровать и несколько стульев расположились около окна, а пишущая машинка на железном ящике — рядом с маленьким столиком, на котором стопкой лежали рукописи «Бхагаватам». На веревке сушились *дхоти*.

По другую сторону ширмы возвышался помост размером полтора на три метра, на котором Свами сидел во время *киртанов* и лекций. С этого помоста, находившегося в восточной части помещения, был виден весь чердак — огромный и пустой, если не считать двух ковров, старомодного деревянного стола и стоящей на мольберте картины Харви, изображавшей Господа Чайтанью, танцующего в кругу Своих спутников.

Чтобы попасть на чердак, нужно было войти в дом и подняться вверх на четыре лестничных пролета. На чердак вела одна-единственная дверь с задней, западной стороны здания, обычно прочно запертая на засов. Дверь

открывалась в коридор, освещенный лишь красной лампой с надписью «Выход» над косяком. Чтобы попасть в открытое помещение чердака, нужно было пройти по коридору несколько шагов вправо. Гость, вошедший во время *киртана* или лекции, видел Свами в девяти метрах от себя, сидящим на возвышении. В те вечера, когда лекций не было, в студии царил мрак, если не считать красной надписи «Выход» в маленьком коридоре да мягкого света, разливавшегося из-за ширмы, где работал Бхактиведанта Свами.

Бхактиведанта Свами, переселившись на Бауэри, сидел при тусклом свете электрической лампочки, так же, как и сотни бродяг и изгоев, живших по соседству. Как и у них, у него не было ни постоянного дохода, ни постоянного места жительства. И тем не менее сознание его было иным. Он переводил на английский язык «Шримад-Бхагаватам», обращаясь ко всему миру через свои «комментарии Бхактиведанты». Где бы он ни жил — на четырнадцатом этаже многоквартирного дома на Риверсайд-Драйв или в углу мансарды на Бауэри, — его долг состоял в том, чтобы проповедовать сознание Кришны, которое так необходимо человечеству. Он продолжал работать над переводом и не переставал думать о том, как открыть в Нью-Йорке храм Господа Кришны. Мысли Бхактиведанты Свами были сосредоточены на вселенской миссии Кришны, потому он мог жить где угодно. Домом для него было не здание из кирпича или дерева. С тех пор как он нашел прибежище под сенью лотосных стоп Кришны, он везде чувствовал себя как дома. «Для меня всюду дом», — говорил он своим друзьям. А для того, кто не нашел прибежища у стоп Кришны, весь мир превращается в безлюдную пустыню.

Он часто ссылался на утверждение из священных писаний, что разные люди находятся во власти разных гун природы — благости, страсти и невежества. Жизнь в лесу — это жизнь в благости, жизнь в городе протекает под влиянием страсти, а в таком отвратительном месте, как винный магазин, публичный дом или Бауэри, — это жизнь в невежестве. Но жить в храме Вишну — все равно что жить на Вайкунтхе, в духовном мире, не оскверненном этими тремя качествами материи.

Чердак на Бауэри, где Бхактиведанта Свами устраивал встречи и пел *киртаны*, тоже стал частью трансцендентного духовного мира. Когда Свами сидел в своем углу за перегородкой, склонившись над страницами «Шримад-Бхагаватам», его новое жилище ничем не отличалось от комнаты в храме Радхи-Дамодары во Вриндаване.

Новость о переезде Свами на Бауэри распространилась довольно быстро, главным образом благодаря разговорам в «Парадоксе», и люди стали приходить к нему по вечерам, чтобы вместе с ним попеть *мантру*. Музыкальные *киртаны* были особенно популярны на Бауэри, поскольку новые соседи Свами были в основном музыкантами и художниками, которых больше привлекала трансцендентная музыка, нежели философия. Каждое утро Бхактиведанта Свами читал лекции по «Шримад-Бхагаватам», на которые приходили Дэвид Аллен, Роберт Нельсон и еще один парень. Иногда он давал уроки кулинарного искусства для всех желающих и всегда был готов уделить

время для личной беседы со всяким любознательным посетителем или своим новым соседом по комнате.

Хотя и Бхактиведанта Свами, и Дэвид Аллен занимали каждый свою часть мансарды, вскоре проповедническая деятельность Свами охватила все пространство чердака. С Дэвидом у них были хорошие отношения — поначалу Свами даже считал его своим будущим учеником.

27 апреля

Бхактиведанта Свами написал друзьям в Индию о своих взаимоотношениях с Дэвидом Алленом.

Он посещал мои лекции на Семьдесят второй улице и, когда мою квартиру ограбили, предложил мне переехать к нему. Мы живем вместе, и я учу его. У него хорошие перспективы — он уже избавился почти от всех дурных привычек. В этой стране незаконные связи с женщинами, курение, пьянство, употребление в пищу мяса — вполне обычные явления. Кроме этого, у американцев есть и другие нечистые привычки — например, после туалета [не принимать душ, а только] пользоваться туалетной бумагой. Но мне удалось убедить его отказаться от девяноста процентов вредных привычек и начать регулярно повторять *маха-мантру*. Итак, я дал ему шанс, и мне кажется, он делает успехи. На завтра я запланировал раздачу *прасада*, поэтому сейчас он ушел в магазин, чтобы купить все необходимое.

Когда Дэвид впервые появился на Бауэри, это был приятный молодой человек, студент — умный, высокий (под метр девяносто), симпатичный, голубоглазый. Ему исполнился двадцать один год. Большинство его новых друзей в Нью-Йорке были старше и относились к нему как к ребенку. Семья Дэвида проживала в Ист-Лансинге (Мичиган), и его мать ежемесячно платила сто долларов за аренду чердака. Богатого жизненного опыта у него не было, но где-то он вычитал, что, принимая галлюциногены, можно неслыханно расширить сознание, и не задумываясь ринулся в полный опасностей мир ЛСД. Он встретил Свами как раз во время радикальных перемен в жизни, и эта встреча оказала сильнейшее влияние на его будущее.

Дэвид: У нас со Свами были просто замечательные отношения, но необычайная энергия от близкого общения с ним буквально переполняла меня, ошеломяла. Она подстегивала мое воображение — даже мои сны по ночам были наполнены яркими образами, связанными с сознанием Кришны. Свами начинал работать над своими переводами очень рано и поднимался задолго до того, как просыпался я. Наверное, именно поэтому мое сознание и сны были наполнены подобными мыслями — из-за таких тесных отношений. Еще это было связано с изучением санскрита. Этот язык тоже сильно воздействовал на меня. Он, казалось, обладал какими-то серьезными мистическими свойствами, и особенно это чувствовалось, когда Свами переводил одно слово за другим.

В студии на Бауэри Бхактиведанту Свами продолжал навещать и его старый друг с окраины Роберт Нельсон. На него произвело сильное впечатление дружеское общение Бхактиведанты Свами с Дэвидом, который, как было видно, многому научился у Свами. Мистер Роберт купил и подарил Дэвиду маленький ручной орган, напоминавший индийскую фисгармонию, чтобы тот подыгрывал на нем Свами во время киртанов. Мистер Роберт приходил в семь утра и после лекции по «Бхагаватам» какое-то время непринужденно беседовал с Бхактиведантой Свами, излагая свои планы относительно записи пластинок и продажи книг. Он хотел и дальше помогать Свами. Они сидели в креслах у окна, и Роберт часами слушал, как Свами рассказывает о Кришне и Господе Чайтанье.

Вскоре на Бауэри начали приходить новые желающие познакомиться с Бхактиведантой Свами. Один из них, Карл Йоргенс, тридцатилетний чернокожий парень из Бронкса, учился в Корнеллском университете и самостоятельно изучал индийские религии и дзен-буддизм. Он экспериментировал с наркотиками как с «психоделическими средствами» и проявлял интерес к музыке и поэзии Индии. Карл пользовался авторитетом среди друзей и пытался вызвать у них интерес к медитации. Он даже немного увлекался санскритом.

Карл: Я как раз закончил читать книгу под названием «Чудо, которым была Индия». Оттуда я узнал значение слов «санньяси», «брахмачари» и т.д. Хорошо помню — там было красочное описание санньяси, идущего по дороге в шафрановых одеждах. Это произвело на меня не просто мимолетное впечатление — это было нечто большее. И вот однажды, холодным весенним вечером, я собственными глазами увидел точно такого же санньяси. Я шел по Эстер-стрит, направляясь к Майклу Гранту, — кажется, мы собирались немного посидеть, покурить марихуаны и, может быть, слегка помузицировать. Если, дойдя до Бауэри, свернуть налево, то можно добраться до дома Майка, который жил на Грэнд-стрит. Странно, что я вдруг решил пойти таким путем, ведь прямо по Грэнд-стрит было ближе. Но если бы я срезал, то, скорее всего, не встретил бы Свамиджи.

Итак, я решил пройти по Эстер-стрит, а затем свернуть налево. Вдруг у какого-то грязного подъезда я увидел человека в сияющих шафрановых одеждах. Проходя мимо, я увидел, что это Свамиджи, — он стучался в дверь, пытаясь войти. У входа, прислонившись к косяку, валялись двое бродяг. Дверь была двустворчатой — одна ее половина была заколочена, а другая заперта. Бродяги лежали по обе стороны от Свамиджи, и один из них был уже мертв — такое случалось сплошь и рядом. Нужно было просто позвонить в полицию или в медицинскую службу, чтобы их увезли.

Поначалу я не заметил бродяг — я увидел их, только когда подошел к Свамиджи ближе. Я спросил:

— Вы санньяси?

Он ответил:

— Да.

Мы разговорились. Он сказал, что собирается открыть храм. Он рассказал мне о Господе Чайтанье и обо всем остальном. Прямо тут же, на улице, он вылил на меня целый поток совершенно невероятной для меня информации. Но я до некоторой степени понимал, о чем он говорит, так как буквально недавно прочитал ту книгу и глубоко изучал индийскую религию. Я понял, что для меня эта неожиданная встреча может оказаться судьбоносной, и захотел ему помочь. Мы громко застучали в дверь и в конце концов все-таки попали в мансарду. Он пригласил меня на вечерний киртан. Я ушел, а чуть позже вернулся — на первый в моей жизни киртан. С тех пор я стал регулярно, три раза в неделю, его навещать. Однажды Свамиджи пригласил меня пожить с ним, и я прожил у него на чердаке две недели.

Карл был равнодушен к санскриту — может быть, именно поэтому Бхактиведанта Свами начал давать уроки санскрита. Карл, Дэвид и еще несколько американцев под его руководством часами изучали древний язык. На черной доске, найденной на чердаке, Бхактиведанта Свами писал буквы алфавита, а ученики старательно переписывали их в свои тетрадки. Подходя к каждому, Свамиджи следил за правильностью написания и поправлял произношение. Молодые люди учились у него не просто санскриту, но наставлениям «Бхагавад-гиты». Каждый день он просил их записать один из ее стихов алфавитом *деванагари*, а потом переписать латиницей и перевести на английский язык каждое слово. Но со временем их интерес к санскриту ослабел, и Бхактиведанта Свами прекратил эти занятия, чтобы больше времени уделять работе над переводом «Шримад-Бхагаватам».

Новым его друзьям эти занятия могли показаться обычными уроками санскрита, но, по сути дела, это были уроки *бхакти*. Бхактиведанта Свами приехал в Америку не как учитель санскрита — его Гуру Махараджа поручил ему обучать людей сознанию Кришны. Но, обнаружив у Карла и его друзей интерес к санскриту, он счел нужным его поддержать. Господь Чайтанья в юности тоже преподавал санскрит, но истинной Его целью была проповедь любви к Кришне. На уроках каждое слово Он объяснял в связи с Кришной, а когда ученики запротестовали, просто закрыл школу. Точно так же и Бхактиведанта Свами, почувствовав, что интерес к санскриту у учеников скоро угаснет, прекратил свои уроки. В конце концов, преподавание санскритской грамматики не входило в его миссию.

В соответствии с классической методологией ведической науки, чтобы овладеть грамматикой санскрита, юноше требуется десять лет. Приступать к изучению этого языка в тридцати-сорокалетнем возрасте уже явно поздно. Да и сами ученики, естественно, и не думали целых десять лет жизни тратить на санскритскую грамматику. А если бы даже и согласились, простое знание грамматики все равно не помогло бы им постичь духовные истины.

Бхактиведанта Свами решил, что его знание санскрита принесет гораздо больше пользы, если он просто будет переводить на английский язык стихи «Шримад-Бхагаватам», следуя санскритским комментариям духовных учителей прошлого. В противном случае тайны сознания Кришны так и

останутся скрытыми за строчками санскритских текстов. *Деванагари, сандхи, спряжения глаголов, склонения существительных* — то, чему учил он Карла Иоргенса, — сами по себе не помогут американцам постичь трансцендентные истины Вед. Лучше уж использовать знание санскрита для перевода «Бхагаватам» ради миллионов будущих читателей.

Кэрол Бекар выросла в семье эмигрантов-католиков, и Свамиджи, с его практикой повторения молитв на четках и чтением текстов из священных писаний, воспринимался ею через призму католичества как духовный наставник. Иногда она сопровождала Бхактиведанту Свами во время прогулок в соседний китайский квартал, где он покупал продукты. Он готовил каждый день, и иногда Кэрол с друзьями приходили к нему поучиться секретам приготовления пищи для Господа Кришны.

Кэрол: *Обычно он готовил вместе с нами и всегда знал, кто как будет ему помогать. Он точно знал, как все должно быть. Он постоянно все мыл и следил за тем, чтобы каждый все делал правильно. Он был настоящим учителем. Обычно мы делали чапати вручную, но однажды он попросил меня раздобыть скалку. Я принесла ему скалку из дома, и она ему понравилась. Он поставил несколько человек раскатывать чапати и очень внимательно за ними следил.*

У себя дома я готовила для него чатни. Он всегда благосклонно принимал наши дары, но не думаю, что когда-нибудь их ел. Возможно, он опасался, что мы можем добавить в них какие-нибудь запрещенные для него продукты. Обычно он брал то, что я приносила, и клал в буфет. Не знаю, что он потом делал с этими подношениями, но я уверена, что не выбрасывал. Никогда не видела, чтобы он ел что-то из того, что я готовила, хотя принимал всё.

Свои вечерние программы Бхактиведанта Свами проводил, как и прежде, по понедельникам, средам и пятницам. Большинству его старых знакомых было неудобно добираться до его нового места жительства, которое к тому же находилось на Бауэри. В парадном, загородив проход, постоянно спали бездомные, и, прежде чем преодолеть четыре лестничных пролета, посетителям приходилось перешагивать по крайней мере через полдюжины бродяг. Но тем не менее люди заходили к нему, привлеченные новизной: мансарда Свами была местом, куда можно было прийти и, присоединившись к небольшой группе хиппи, смотреть, как Свами ведет киртан. В комнате, освещенной тусклым светом лампочки, курились благовония. Многие случайные посетители, заглянув сюда, вскоре уходили. У одного из них, Гюнтера, сохранились очень живые воспоминания об этих вечерах.

Гюнтер: *Прямо с улицы вы попадали в комнату, полную аромата курившихся благовоний. Там было очень тихо. Если кто-то и разговаривал, то только шепотом. Свамиджи сидел у противоположной стены, погруженный в медитацию. Было ощущение огромного покоя, подобного которому я никогда раньше не испытывал. Так вышло, что в течение двух лет я учился на священника и все это время был погружен в размышления, изучение писаний и*

молитву. Но здесь я впервые столкнулся с чем-то восточным, индийским. Вокруг на полу были разложены подушки и циновки, на которых можно было сидеть. Кажется, никаких картин и статуэток там не было. Был только Свамиджи, благовония, подушки и, разумеется, почтение к Свами, которое ощущалось во всех присутствующих.

Перед тем как мы поднялись наверх, Карл, смеясь, рассказал нам, как Свами учил их правильно играть на ручных тарелочках. Я никогда раньше на них не играл, но когда пение началось, я постарался попадать в такт, вслед за Свамиджи, — он ударял в них каким-то особым образом. Постепенно все входило в ритм, звук нарастал, но потом кто-нибудь сбивался, и Свамиджи очень, очень спокойно грозил ему пальцем. Все начинали озираться по сторонам, и пение прекращалось. Не вставая с места, Свамиджи показывал этому парню, как правильно, и когда тот улавливал ритм, все начиналось снова. Несколько минут — и Бауэри переставала для нас существовать... звон тарелочек и аромат благовоний уносили нас. Мы начинали петь «Харе Кришна». Я никогда раньше не делал ничего подобного. У протестантов нет ничего даже отдаленно напоминающего это. Может, у католиков есть что-то такое, «Аве Мария», но это не совсем то. Пение действовало очень успокаивающе, было очень интересно петь самому, а Свами показался мне очаровательным человеком.

Чердак на Бауэри был гораздо более посещаемым местом, чем комната на Семьдесят второй улице, где Шрила Прабхупада жил до этого. С покоем пришлось проститься. Иногда приходили скептики, а порой даже спорщики... Но у каждого Свами оставлял впечатление уверенного и счастливого человека. Было видно, что он имеет далеко идущие планы и самоотверженно пытается их осуществить. Он знал, что ему для этого нужно, и работал. В одиночку. «Это не под силу одному человеку», — не раз говорил он, но продолжал делать все, что мог. А успех зависел от Кришны. Но ему уже начинал помогать Дэвид, и программы приобретали все больший успех.

Почти все друзья Бхактиведанты Свами, приходившие к нему на Бауэри, были музыкантами или друзьями музыкантов. Они увлекались музыкой — музыкой, наркотиками, женщинами и духовной медитацией. Поскольку пение мантры Харе Кришна было одновременно и музыкой, и медитацией, программы Бхактиведанты Свами не могли не привлечь их. Свами подчеркивал, что все ведические мантры (или гимны) поются — в сущности, само название «Бхагавад-гита» означает «Песнь Бога». Но слова ведических гимнов — это воплощение Бога в форме духовного звука. Аккомпанемент ручных тарелочек, барабана и фисгармонии был не более чем музыкальным сопровождением, а играть просто так, без пения имени Бога было бесполезно. Бхактиведанта Свами разрешал играть на любых инструментах, лишь бы это не отвлекало от пения.

Кэрл: Это была разношерстная компания меломанов. Туда приходили несколько профессиональных музыкантов и много таких, кому просто нравилось играть или слушать. Были там и художники с чердаков. Вот, в

общем, и всё. Это были незабываемые киртаны. Однажды там состоялась красивая праздничная церемония. Кое-кто из нас пришел пораньше, чтобы к ней подготовиться. В тот день пришло человек сто.

Для этой компании звук был духом, а дух — звуком, и потому музыка для них стала синонимом медитации. Но для Бхактиведанты Свами музыка без имени Бога была не медитацией, а чувственным наслаждением или, в лучшем случае, неким подобием стилизованной медитации, которой занимаются имперсоналисты. Но он был рад, когда музыканты приходили, чтобы подыграть ему в *киртанах*, слушали его или ему подпевали. Бывало так, что какой-нибудь музыкант играл где-то всю ночь, а утром заходил со своими инструментами к Свами и пел вместе с ним. Свами не возражал против их увлечения звуком; напротив, он давал им звук. Веды называют звук первым элементом материального творения. Источником звука является Бог, который всегда остается личностью. Поэтому смысл своей деятельности Бхактиведанта Свами видел в том, чтобы побудить людей повторять трансцендентное имя Личности Бога. А как они приходили к этому — через джаз, фолк, рок или индийскую медитацию, особого знания не имело, главное, чтобы они начали повторять «Харе Кришна».

Кэрл: Когда Свами пел, люди буквально трепетали перед ним. На Бауэри из звона тарелочек рождалось что-то неземное. Он играл на фисгармонии, и многие аккомпанировали ему на ручных тарелочках. Иногда он играл на барабанах. Вначале он постоянно говорил о важности звука и о постижении Бога через звук. Именно это, я полагаю, и привлекало к нему музыкантов — его акцент на звуке как средстве достижения трансцендентного мира и Бога. Но он хотел большего. Он искал настоящих учеников.

Одним из постоянных посетителей был Майкл Грант. Майку было двадцать четыре года. Его отец, еврей по национальности, владел магазином грампластинок в Портленде (Орегон), где прошло детство Майка. После окончания Рид-колледжа в Портленде и дальнейшего обучения музыке в Университете штата в Сан-Франциско Майк, который умел играть на пианино и многих других инструментах, переехал вместе с подругой в Нью-Йорк в надежде серьезно заняться музыкой. Но карьера профессионального музыканта быстро его разочаровала. Особенно неприятно ему было играть в ночных клубах, где денежный интерес вынуждал потакать вкусам публики. В Нью-Йорке он вступил в союз музыкантов и работал аранжировщиком и агентом нескольких местных музыкальных групп.

Майк жил в районе Бауэри, в чердачной студии дома на Грэнд-стрит. Это был большой чердак, где музыканты часто собирались помузицировать. Но чем серьезнее Майк уходил в сочинение музыки, тем дальше уходил он от публичной стороны музыкальной жизни. Он все больше погружался в чтение духовной литературы и книг по эзотерике и мистике. В городе Майк уже успел познакомиться с несколькими *свами*, *йогами*, новоявленными *гуру* и сам занимался *хатха-йогой*. С первой же встречи со Свами Майк проявил интерес

и открытость, как это всегда было при его знакомстве с религиозными людьми. Он считал, что человек по-настоящему религиозный не может быть плохим, но сам себя не торопил причислять к какой-то определенной религии.

Майк: Я чувствовал себя довольно уверенно, поскольку до этого встречался с другими свами. То, как он был одет, как выглядел — пожилой, смуглый, — для меня было не в новинку. Но какой-то элемент новизны все же присутствовал. Мне было очень любопытно встретиться с ним. Придя в первый раз, я застал его поющим. Но пение мантр я слышал и раньше; мне больше хотелось послушать, что он скажет. Я понял, что послание, которое он хочет до нас донести, для него важнее личного комфорта, — иначе зачем бы он приехал в такое убогое место? Кажется, больше всего меня поразила бедность, окружавшая его. Это меня заинтриговало: те места, куда я заходил раньше, были прямой противоположностью — очень богатыми, как, например, «Центр веданты» в престижном районе Манхэттена и другие. Там было много солидных пожилых людей, которые курили трубки, утопая в кожаных креслах. Здесь же царила настоящая нищета. Все это возбуждало во мне любопытство.

Свами казался очень утонченным человеком с благородными манерами, и это тоже было интересно: как этот свами очутился здесь? Когда он заговорил, я сразу понял, что он очень образованный человек, и почувствовал в его голосе абсолютную убежденность. Иногда он делал очень смелые высказывания. Он говорил о Боге. Это-то и было новым и необычным — слушать, как кто-то говорит о Боге. Я всегда хотел услышать о Боге из уст человека, который вызывал бы во мне уважение. Мне всегда нравилось слушать религиозных деятелей, но я всегда очень тщательно их оценивал. Слушая его, я подумал: «Похоже, этот человек действительно что-то знает о Боге». Впервые я встретил того, кто, как мне показалось, был настоящим слугой Бога и глубоко постиг истину.

* * *

Бхактиведанта Свами читает лекцию.

Шри Кришна пытается возвысить Арджуну до того уровня, на котором он станет действовать в чистом сознании. Мы с вами в течение многих дней обсуждали, что не являемся материальными телами, что мы — сознание. Так или иначе мы соприкоснулись с материей. Поэтому наша свобода ограничена.

Сейчас посетителей больше, чем когда он жил на окраине. На чердаке гораздо просторнее: один только помост, на котором сидит Свами, почти такого же размера, что и его крошечный кабинетик на Семьдесят второй улице. Чердак, с его вечным полумраком и некрашеными балками, больше похож на старый склад, чем на храм. Аудитория состоит большей частью из

музыкантов, которые пришли, помедитировать под мистические звуки его киртана.

По понедельникам, средам и пятницам Карл, Кэрол, Гюнтер, Майк, Дэвид, народ из «Парадокса» и другие приходят на его вечерние лекции, которые начинаются ровно в восемь часов. Программа состоит из получасового пения «Харе Кришна», лекции по «Бхагавад-гите» (длящейся, как правило, сорок пять минут), ответов на вопросы и еще одного тридцатиминутного киртана. Все заканчивается около десяти вечера.

Сразу после киртана Свамиджи начинает говорить.

Как существа духовные, мы вольны поступать, как хотим, и иметь то, что хотим. Мы чисты, никакой скверны — ни болезней, ни рождения, ни смерти, ни старости. И кроме этого, у нас есть много других духовных качеств.

В ведических писаниях сказано, что садху, святого, нужно воспринимать ушами, а не глазами. Если слушатели действительно хотят узнать Свамиджи, они должны его слушать. Сейчас он не просто пожилой индийский иммигрант, который живет на этом чердаке за перегородкой и там же сушит свою одежду и которому едва хватает денег на еду.

Сейчас он — посланник Господа Кришны, пребывающий вне времени и пространства, и его устами говорят сотни духовных учителей в цепи ученической преемственности. Он появился среди нью-йоркской богемы в 1966 году и сказал, что 1966 год — временный и иллюзорный, но сам он вечен, и все остальные тоже вечны. Таков был смысл киртана, и теперь он философски объясняет это, призывая слушателей полностью изменить сознание. Однако, зная, что не со всем они будут согласны, он просит их принять хотя бы то, что они могут.

Вам будет приятно узнать, что если человек встал на духовную стезю, то в следующем рождении он тоже непременно будет человеком. Единожды начавшись, карма-йога будет продолжаться. Даже если человеку не удастся дойти до цели, он ничего не теряет. Ничего. Итак, если кто-то приступает к йоге самоосознания, но у него плохо получается, — если он соскальзывает с этого пути — повода для огорчения все равно нет: он ничего не теряет. В следующей жизни вам представится еще одна возможность, и ваша следующая жизнь не будет обычной. Но тот, кто достиг успеха, — о-о! Что уж говорить о нем! Он возвращается к Богу. Поэтому мы проводим лекции, а вы, хотя у вас много дел, приходите сюда три раза в неделю и стараетесь разобраться. Все это не пропадет. Даже если вы перестанете сюда ходить, это впечатление уже никогда не исчезнет. Говорю вам, это впечатление никогда не исчезнет. Если вы делаете что-то практически, это очень, очень хорошо. Но даже если вы не делаете ничего, а просто смиренно слушаете и стараетесь понять, какова природа Бога, — если вы просто слушаете и хотя бы что-то понимаете — даже тогда вы освобождаетесь от оков материи.

Он обращается к людям, глубоко погрязшим в богемной жизни. Он знает, что они не могут сразу отказаться от наркотиков. Они приходят сюда вместе

со своими девушками. Музицировать, жить с подружкой, иногда медитировать и быть свободными — вот их стихия. Быть свободными. Прослушав лекцию, они всю ночь не сомкнут глаз, проводя время в пестрой богемной компании — со своими музыкальными инструментами, женщинами и наркотиками. Но что-то притягивает их к Свамиджи. Он владеет этим прекрасным искусством *киртана*, и они хотят ему помогать. Они рады помочь, потому что видят — у него больше никого нет. И Свами говорит им: «Это хорошо. Даже если вы добьетесь немногого, это будет благом для вас. Все мы — чистые души. Но вы забыли... Вы пали в круговорот рождения и смерти. Что бы вы ни сделали ради оживления своего первоначального сознания — это хорошо для вас. Вы ничего не теряете».

Основное внимание Свами уделяет тому, что он называет «приведением своего сознания в соответствие с Высшим Сознанием». *«Кришна — это Высшее Сознание. А Арджуна, олицетворяющий индивидуальное сознание, должен поступать разумно, в сотрудничестве с Высшим Сознанием. Тогда он освободится от бремени рождения, смерти, старости и болезней».*

«Сознание» — популярное слово в Америке. Тут и расширение сознания, и космическое сознание, и измененные состояния сознания, а теперь еще и «приведение индивидуального сознания в соответствие с Высшим». Это и есть совершенство, объясняет Бхактиведанта Свами. Это и есть любовь и мир, которых жаждет каждый.

Но, рассказывая о любви и мире, он прибегает и к военным терминам.

Они беседуют на поле боя, и Арджуна говорит:

— Я не буду сражаться. Я не буду воевать со своими братьями и другими родственниками ради какого-то царства. Нет, нет.

«О, как великодушен этот Арджуна, он не хочет применять насилие, — может подумать обычный человек. — Он отказался от всего ради своих родственников. Какой прекрасный человек!» Так может подумать обыватель.

Но что говорит Кришна? Он говорит:

— Ты первейший глупец.

Посмотрите: в глазах общества решение Арджуны, — очень хороший, добрый поступок, но Господь сурово осудил его. Вам нужно разобраться, довольны ли Высшее Сознание тем, что вы делаете. Поступок Арджуны не был одобрен Господом Кришной. Он отказался воевать по собственной прихоти, идя на поводу у своих чувств. Впрочем, в конце концов он вступил в бой, чтобы Кришна был доволен. Вот наше совершенство — действовать ради удовлетворения Высшего Сознания.

При этих словах в глазах некоторых слушателей появляется сомнение. Все они против войны, которую Соединенные Штаты ведут с Вьетнамом, и им трудно согласиться с услышанным. Они, как и Арджуна, хотят мира. Почему Свами одобряет войну?

Он объясняет. Да, это хорошо, что Арджуна не хочет сражаться, но Кришна, Высшее Сознание, приказывает ему вступить в бой. Значит, война

Арджуны выше мирской этики. Она абсолютна. Если мы последуем примеру Арджуны и начнем действовать ради Кришны, а не ради собственного наслаждения, — это и будет совершенством, ибо Кришна есть Высшее Сознание.

Хотя с философской точки зрения его ответ вполне обоснован, он не совсем по душе некоторым из присутствующих. Им интересно, каковы политические взгляды Свами. Поддерживает ли он вторжение Америки во Вьетнам? Или он против? Но Бхактиведанта Свами не «голубь» и не «ястреб». Когда он приводит пример Кришны и Арджуны, он не руководствуется никакими политическими мотивами. Его мысль проста и чиста: за пределами добра и зла есть Абсолют, и деятельность в гармонии с Абсолютом тоже выше мирских добра и зла.

Но как же все-таки насчет Вьетнама — велит Кришна воевать там или нет? Нет, отвечает Свамиджи. Между войной во Вьетнаме и войной на Курукшетре большая разница. На Курукшетре Кришна присутствовал лично и Сам просил Арджуну сражаться. Вьетнам — совсем другое дело.

Но у слушателей есть еще одно возражение: если он говорит не о вьетнамской войне, то какой вообще смысл в этом примере?

В конце концов, на дворе 1966 год. Какое отношение имеет все это к ним? Свами отвечает, что на самом деле его слова очень важны и как нельзя более актуальны. Вьетнамская война — это неизбежная карма, это всего лишь признак проблемы, а не сама проблема. Только *эта философия*, философия преданности Высшему Сознанию, говорит о самой проблеме.

Но у многих упоминание о войне вызывает такие эмоции, что они никак не могут отвлечься от нынешней ситуации во Вьетнаме и постичь истинный смысл того, о чем толкует Свами. Они уважают Свамиджи, понимая, что он проповедует очень глубокую философию, но история об Арджуне и о войне все осложняет. Однако Свами не желает отказываться от классического примера, иллюстрирующего основные положения «Бхагавад-гиты», — участия Арджуны в сражении.

Слушателям трудно принять *пример*, а вовсе не наставление, которое он иллюстрирует. Свами намеренно приводит слушателям эту опасную аналогию. Он приехал не для того, чтобы присоединиться к движению пацифистов, и не разделяет их ограниченных представлений о мире. Он открыто заявляет: лучше воевать в сознании Кришны, чем жить в так называемом мире, не имея представления о Боге. Да, пример труден для восприятия. Он заставляет задуматься. Но если слушатели смогут принять его, то приблизятся к пониманию Абсолюта.

Трудно ли привести наше сознание в соответствие с Высшим Сознанием? Вовсе нет! Вовсе нет! Ни один разумный человек не скажет: «Это невозможно!»

Он вовсе не предлагает им ради приближения к Высшему Сознанию отправиться на войну во Вьетнам или творить во имя Бога что-то ужасное. Он

понимает: если духовная жизнь не будет привлекательнее, чем материальная, слушатели ее не примут. Он хочет преподнести идею гармонии индивидуального сознания с Высшим Сознанием как нечто практическое, нечто прекрасное и привлекательное для всех — то, что сможет и захочет сделать каждый. Он хочет вдохновить их, показав, что каждый из них может заниматься тем, что нравится, — но ради Кришны. Арджуна, в конце концов, был воином. Кришна не стал просить его отказаться от этого дела, а попросил заниматься им ради Всевышнего. Бхактиведанта Свами обращается к своим слушателям с такой же просьбой. Они могут начать с чего-то простого — например, предлагать Богу пищу.

Каждый должен есть. Бог тоже хочет есть. Почему бы вам сначала не предлагать свою пищу Богу? А потом можно поесть самому. Вы возразите: «Но если Бог заберет мою пищу, то как же я поем?» Нет, нет. Бог ее не заберет. Каждый день, приготовив еду, мы сначала предлагаем ее Кришне. Есть даже свидетель. Мистер Дэвид видел это. (Свамиджи смеется.) Бог ест! Но ест духовно, поэтому даже после того, как Он поест, все остается на тарелке.

Итак, мы ничего не потеряем, если согласуем наши желания с Верховным Господом. Мы просто должны научиться искусству это делать. Ничего не надо менять. Воин не станет артистом или музыкантом. Если вы военный, то им и оставайтесь. Если вы музыкант, оставайтесь музыкантом. Если врач — оставайтесь врачом. Кем бы вы ни были, продолжайте делать свое дело. Но согласуйте. Если я ем и это доставляет удовольствие Господу, то в этом мое совершенство. Если я сражаюсь и Господь этим доволен, то совершенство — в этом. Чем бы мы ни занимались, мы должны чувствовать, доволен ли Господь. Мы должны научиться этому. Это не труднее, чем любое другое дело. Мы должны отказаться от своих мыслей и планов; мы должны принять совершенный план Верховного Господа и осуществлять его. Так наша жизнь станет совершенной.

Господь Чайтанья сделал все, чтобы нам было легко действовать на уровне сознания. Выпускают же, например, готовые конспекты школьных учебников — «Краткий курс». Так же и Господь Чайтанья. Он рекомендует: продолжай выполнять свои обязанности, но при этом слушай о Кришне. Продолжайте слушать «Бхагавад-гиту» и петь «Харе Кришна». Именно с этой целью мы и пытаемся организовать это Общество. Итак, вы пришли, и неважно, какой деятельностью вы занимаетесь. Все постепенно наладится, по мере того как благодаря слушанию наш ум будет очищаться. Продолжая повторять имя Кришны, вы сами почувствуете, как очищается ваше сердце и как заметно вы прогрессируете в духовном понимании, приближаясь к истинной сути чистого сознания.

Бхактиведанта Свами говорит от имени Высшего Сознания и приводит свою повседневную жизнь как пример деятельности, согласованной с волею Всевышнего.

Я постоянно работаю: читаю, пишу, читаю, пишу, и так — круглые сутки. Просто когда я чувствую голод, то принимаю пищу. Когда мне хочется спать, я ложусь. А так я не ощущаю усталости. Можете спросить у мистера Дэвида.

Конечно, здесь даже не требуется подтверждения Дэвида Аллена: любой из постоянных посетителей Свами видит, что он поднялся над ограничениями этого мира. Его личная жизнь — совершенный пример гармонии с Высшим Сознанием. Бхактиведанта Свами всегда сохранял эту гармонию со Всевышним. Он в совершенстве поддерживал ее и во Вриндаване, и у него не было никаких личных причин или мотивов, чтобы ехать в Америку и жить на Бауэри. Он приехал в Америку только ради блага других, и только ради блага других он говорит сегодня вечером. Его духовный учитель и Господь Кришна хотят, чтобы обусловленные души, пока не поздно, избавились от иллюзии.

Говоря энергично, порой почти доходя до физического изнеможения, — крича, умоляя, смеясь, — он дает слушателям столько, сколько они способны воспринять. Как представитель Кришны и всей ученической преемственности, он может смело провозглашать, что каждый должен согласовать свою волю с волей Всевышнего. Он может говорить так откровенно, как ему хочется, и столько, сколько посетители хотят слушать. Он — *садху* (в переводе с санскрита — «святой» или «тот, кто отсекает»). Он повторяет то самое послание, которое тысячелетиями несли людям *садху* изначальной ведической культуры. Он возрождает вечный дух ведической мудрости — разрушает узлы невежества и иллюзии.

Итак, всё есть иллюзия. С самого нашего рождения. И эта иллюзия настолько сильна, что освободиться от ее влияния невероятно трудно. Всё есть иллюзия. Рождение — иллюзия. Тело — иллюзия. Телесные узы, страна — тоже иллюзия. Отец — иллюзия. Мать — иллюзия. Жена — иллюзия. Дети — иллюзия. Всё — иллюзия. И мы соприкасаемся с этой иллюзией, считая себя очень умными, очень учеными. Мы столько всего себе воображаем. Но когда приходит смерть — реальный факт, — мы всё забываем. Мы забываем нашу страну. Мы забываем родственников. Мы забываем жену, детей, отца, мать. Все это уходит.

* * *

Майк Грант: После лекции я подошел к нему. У меня было такое же ощущение, какое возникало на концертах известных исполнителей. Мне всегда было интересно после концерта подойти к певцам или к музыкантам — просто познакомиться, посмотреть на них вблизи. После лекции у меня возникло такое же ощущение, и я подошел к Свами и заговорил. Но, в отличие от других, с кем я встречался, он никуда не спешил. Он мог уделить мне время. С другими мне удавалось обменяться лишь несколькими словами. Их всегда интересовало что-то другое. Но этот человек проявил неподдельный

интерес ко мне как к личности, и это настолько ошарашило меня, что я очень быстро исчерпал все темы для разговора. Я был удивлен. Наша беседа закончилась только потому, что мне нечего было больше сказать. Наше общение с ним было прямой противоположностью моих встреч с исполнителями, которые всегда торопились заняться чем-то другим. На этот раз я сам не смог продолжить разговор.

* * *

Бхактиведанте Свами нравилось гулять и осматривать окрестности. Прямо напротив его дома номер 94 по Бауэри находился «отель Фултон» — пятиэтажная ночлежка, а вокруг него — меблированные комнаты Нижнего Манхэттена, обитатели которых бродили по тротуару с раннего утра до темноты. Стаи голубей с шумом поднимались и перелетали с крыши на крышу или опускались на землю. Транспорт шел сплошным потоком. По Бауэри проезжали грузовики, направлявшиеся в Бруклин и обратно через Бруклинский и Манхэттенский мосты.

К северу Бауэри слегка понижалась, и взору Свами открывался вид на Манхэттен до самой Четвертой улицы — рекламные плакаты, редкие чахлые деревья, уличные фонари и дорожные знаки. С Бауэри было видно здание «Кон Эдисон» и его знаменитую башню с часами, а в ясную погоду можно было рассмотреть верхушку Эмпайр-Стейт-Билдинг на Тридцать четвертой улице.

По утрам Бхактиведанта Свами одиноко бродил по окрестностям Бауэри. В том году майские дожди шли чаще обычного, и ему приходилось брать с собой зонтик. Иногда он гулял под дождем. Впрочем, он не всегда был один. Временами его сопровождал кто-нибудь из новых друзей и вел с ним беседу. Иногда Бхактиведанта Свами заходил в магазины за покупками. На соседнем рынке, в китайском квартале, продавались горькая дыня, дал, хинг, мука из турецкого горошка и прочие продукты, используемые в индийской вегетарианской кухне. Спустившись с чердака и выйдя на улицу, он проходил несколько шагов к югу, до пересечения Бауэри и Эстер-стрит. Повернув на Эстер-стрит, он оказывался в китайском квартале, где все вывески — на магазинах, рынках и даже на Манхэттенском сберегательном банке — были на китайском. Иногда он проходил еще на квартал дальше — там, на Канэл-стрит, располагался Центральный азиатский продуктовый рынок и множество овощных и фруктовых палаток вдоль дороги. Ранним утром на тротуарах почти никого не было, но постепенно, по мере того как открывались магазины, улицы наполнялись местными рабочими, владельцами магазинов, туристами и бесцельно шатающимися бродягами. По обеим сторонам извилистых переулков китайского квартала выстроились сотни маленьких магазинчиков, а вдоль тротуаров теснились припаркованные автомобили.

Иногда Бхактиведанта Свами доходил до «Маленькой Италии», пересекающейся с китайским кварталом на Малберри-стрит. Здесь бок о бок с закусочной «Кламы^[14] от Умберто» и рестораном «Пулья», предлагающим сарруссино аля Puglia, «кофе из Апулии», располагались «Китайские продукты из свинины» и универсам «Ми Джанг Ми».

Бхактиведанта Свами ходил в китайский квартал и «Маленькую Италию» главным образом за покупками. Но, кроме того, он присматривал местечко под будущий храм. Особенно ему нравилась башня Чатем на одноименной площади. Иногда он прогуливался в противоположном направлении, доходя до Восточной реки и Бруклинского моста. Но когда один из друзей сообщил Бхактиведанте Свами, что в гуляющих вдоль реки стреляет какой-то снайпер, он перестал туда ходить.

Плохое соседство мало беспокоило Бхактиведанту Свами. Нередко, возвращаясь домой, он находил под своей дверью спящих или валяющихся в беспамятстве бродяг и был вынужден перешагивать через них. Иногда на него налетал какой-нибудь пьяный, просто потому, что не мог как следует держаться на ногах; бывало, что какой-нибудь бродяга бормотал ему вслед что-то невнятное или смеялся над ним. Более трезвые с шутовской галантностью уступали ему дорогу, когда он входил или выходил из дома номер 94 на Бауэри. Когда бродяги пропускали его, он, проходя мимо них, благодарил их за учтивость.

Разумеется, мало кто из обитателей Бауэри или других людей, встречавших его во время прогулок, знал что-нибудь о невысоком пожилом индийском садху в шафрановых одеждах, державшем в руках зонтик и бумажный пакет с продуктами.

Иногда во время прогулок Бхактиведанта Свами встречал кого-нибудь из своих новых знакомых. Джейн, подруга Майкла Гранта, не раз видела его на улице.

Джейн: Он не раз встречался мне в людском потоке на улице. При нем постоянно был зонтик. У него всегда было совершенно невозмутимое выражение лица. Свой послеобеденный моцион он совершал в одиночестве, время от времени перешагивая через пьяных. Встречаясь с ним на улице, я всякий раз немного нервничала. Он спрашивал: «Ты повторяешь мантру?» Я отвечала: «Иногда». Тогда он говорил: «Вот и молодец».

* * *

Бхактиведанта Свами сидит со скрещенными ногами, прислонившись спиной к полке, на которой стоят цветы в горшках; в выцветшем, спадающем широкими свободными складками чадаре, обернутом вокруг тела, он выглядит серьезным, почти печальным. Эта фотография и сопровождающая ее статья появились в июньском номере газеты «Вилледж войс». В статье говорилось:

Столкновение мистического Запада и практичного Востока можно наблюдать в любопытном контрасте между А.Ч. Бхактиведантой Свами и его американскими последователями. Свами, культурный, высокообразованный семидесятилетний мужчина, живет здесь уже год, проповедуя философию мира, доброй воли, близости к Богу, а в практическом плане — собирая деньги для того, чтобы открыть в Америке свою церковь... Как и его учение, Свами производит впечатление человека очень здорового и прямого. Смысл его философии в том, что человечество может приблизиться к Богу, повторяя Его святое имя.

Несмотря на то что Свами приехал в Америку в стремлении отыскать корни безбожного материализма — болезни, которая, по его словам, поразила даже Индию, — он тем не менее остается реалистом. «Если и есть на земле место, где можно собрать деньги на храм, то оно здесь». Свами мечтает основать в Америке Международное общество сознания Кришны, которое будет открыто для всех, в том числе и для женщин.

Автором статьи был журналист Говард Смит. Впервые он услышал о Свами по телефону от своего знакомого, который рассказал ему об одном достойном внимания индийском садху, поселившемся на Бауэри. «Ты можешь прийти туда в любое время, — сказал Говарду его знакомый, — он всегда на месте. Думаю, тебя это заинтересует. Я нисколько не удивлюсь, если в недалеком будущем он возглавит крупное религиозное движение».

Говард Смит: *Я поехал туда и поднялся на одну из тех невообразимых мансард, в которых обычно обитают художники. Пол был устлан старыми, вытертыми коврами, повсюду сидели хиппи, одетые кто во что горазд, в том числе и в то, что, по их мнению, было индийскими нарядами. Почти все сидели поодиночке, повернувшись к стене, словно им не было никакого дела до остальных. Они сидели, скрестив ноги, и каждый, казалось, был занят своим делом. Когда я вошел, никто не обратил на меня ни малейшего внимания.*

Я увидел несколько рядов обуви перед входом и подумал: «Может быть, мне тоже нужно разуться», но никто мне ничего не сказал. Я обошел вокруг ковра, надеясь, что кто-нибудь обратит на меня внимание. Я хотел узнать, что происходит, но не решался никого побеспокоить, потому что окружающие, казалось, были погружены в какие-то молитвы.

В дальнем углу я заметил занавеску из индийской ткани и направился прямо туда. Я заглянул за занавеску — там, со скрещенными ногами, в одежде шафранового цвета, сидел Свами Бхактиведанта. На лбу и на носу у него были какие-то знаки, руку он держал в мешочке с четками. Весь его облик был исполнен необыкновенного достоинства, но в то же время он выглядел вполне доступным, поэтому я обратился к нему:

— Здравствуйте.

Он поднял глаза. Я спросил:

— Свами Бхактиведанта?

Он ответил:

— Да.

Я представился:

— Меня зовут Говард Смит.

Я хотел сесть и сказал:

— Простите, я должен разуться.

— Почему? — спросил он.

Я ответил:

— Не знаю. Я заметил, что здесь все разуваются.

Тогда он сказал:

— Я не просил вас разуваться.

— Что делают все эти люди? — спросил я.

— Не знаю. Они и сами не знают, что делают. Я пытаюсь учить их, но они, видимо, меня неправильно понимают. Они совершенно сбиты с толку.

Мы разговорились, и он мне сразу очень понравился. Дело в том, что до этого я видел много других свами, и они мне не слишком нравились. Я думаю, было бы несправедливо сваливать всех в одну кучу и говорить: «Эти индийские свами». Дело в том, что он был другой — совсем, совсем простой; пожалуй, это-то и привлекло меня в нем больше всего. Он не только располагал к себе, но и производил впечатление человека очень открытого и честного — так, при первой же встрече он попросил у меня совета. Он был совсем новичок в нашей стране.

Я подумал, что у его идей есть все шансы стать реальностью, так как он явно был человеком дела. Он не витал в облаках и не напускал мистического тумана. Я догадывался, что душа его пребывает в тех заоблачных сферах, но в обычном разговоре он никак этого не проявлял.

Потом он сказал, что слышал, будто наша газета пользуется хорошей репутацией и что ее читают в основном люди, которые могут заинтересоваться тем, что он проповедует. Я ответил, что это, пожалуй, верно. Он спросил меня, читал ли я книги о йоге и знаю ли что-нибудь об индийской культуре, и я сказал — «Нет, не знаю». Я и вправду не знал. Мы немного поговорили, и он рассказал мне, что у него есть книги на английском языке, которые он перевел еще в Индии. Он протянул их мне и сказал: «Если хотите знать больше, прочтите эти книги».

Мне было ясно, что я имею дело не с каким-то шарлатаном, которому приснилось, что он увидел Бога, и теперь он собирается поведать об этом людям. Он производил впечатление человека очень образованного, куда более образованного, чем я. Но больше всего мне понравилась его скромность. Я как-то сразу проникся к нему симпатией.

Он объяснил мне все, что я хотел знать, — почему он так одевается, какой смысл имеют знаки на лбу и зачем нужен мешочек с четками. Мне очень понравились все его объяснения. Все, о чем он говорил, было очень практично. Потом он стал рассказывать о храмах, которые появятся во всем мире, и сказал: «Да, впереди у нас долгий путь. Но я очень терпелив».

Бхактиведанта Свами не терял надежды открыть то, что статья в «Вилледж войс» назвала «его церковью в Америке». Его лекции и *киртаны* привлекали людей, и наконец вокруг него образовался небольшой круг постоянных слушателей. На помощь из Индии рассчитывать не приходилось. Он продолжал переписываться с Сумати Морарджи, со своими духовными братьями и с правительством Индии, но их ответы были не очень обнадеживающими.

В надежде, что Падампат Сингхания поддержит идею открыть храм Кришны на Манхэттене и выделит средства на его строительство, Бхактиведанта Свами написал письмо в Сберегательный банк Индии, в Нью-Дели, с просьбой дать разрешение на вывоз для этой цели иностранной валюты.

Я хочу открыть культурный центр и для этого желал бы получить валюту из Индии. Я считаю, что в наше время, время духовного забвения, распространение по всему миру культуры любви к Богу как никогда актуально.

Через месяц банк порекомендовал ему переадресовать этот запрос министру финансов правительства Индии через индийское посольство в Вашингтоне. Бхактиведанта Свами так и сделал, но прошел еще месяц, а от правительства не было ни слуху ни духу.

Один из духовных братьев посоветовал Свамиджи вернуться в Индию и лично обратиться в правительство за санкцией. Но Бхактиведанта Свами не хотел уезжать из Америки. Он написал Сумати Морарджи:

Я не хотел бы сейчас ехать в Индию, чтобы потом снова возвращаться. Особенно я не хочу прекращать лекции, которые читаю три раза в неделю по вышеуказанному адресу, и прерывать обучение *санкиртане* и преданному служению Господу нескольких молодых американцев. Кое-кто из них очень искренне относится к этим занятиям, и в будущем они могут стать хорошими вайшнавами, отвечающими самым строгим требованиям.

Однажды Свами получил неожиданное письмо из Индии от заинтересованного человека по имени Мангалнилой Брахмачари. Представившись учеником одного из духовных братьев Бхактиведанты Свами и напомнив, что в прошлом они были немного знакомы, Мангалнилой выразил желание присоединиться к нему в Америке. Конечно, Свами все еще не терял надежды на помощь духовных братьев из Индии («Эта миссия не под силу одному человеку»), поэтому он пригласил Мангалнилоя в Америку и попросил, чтобы его гуру лично посодействовал получению санкции правительства на вывоз за рубеж валюты. В ответ Мангалнилой подтвердил свое желание приехать, но выразил сомнение, что духовный учитель его

отпустит. Он считал, что сначала ему следует приехать в Америку, а *потом* уже просить помощи у духовного учителя. Бхактиведанта Свами был раздосадован таким ответом и немедленно написал:

Разве проповедь в Америке — это мое личное дело? Шрила Прабхупада Бхактисиддханты Сарасвати хотел строить в других странах храмы для распространения послания Шри Шри Рупы-Рагхунатхи, и я стараюсь выполнить его желание здесь, в Америке. Деньги есть, возможности открыты. Если встреча с министром финансов может поспособствовать этому, почему мы должны ждать? Просто потому, что ты не можешь поговорить со своим Гуру Махараджей и попросить его о помощи, боясь, что он запретит тебе ехать? Пожалуйста, не думай так. Отнесись к этому как к делу Шрилы [Бхактисиддханты Сарасвати] Прабхупады и попытайся сделать все необходимое. Не допускай даже мысли, что мои интересы в чем-то расходятся с интересами твоего Гуру Махараджи. Мы по мере наших сил выполняем волю Шрилы Прабхупады. Совместные усилия принесут гораздо большую пользу.

Мангалнилой изложил все эти соображения своему духовному учителю, но тот, как он и опасался, запретил поездку. Хотя его гуру был духовным братом Бхактиведанты Свами, он не хотел принимать участия во всех этих делах и к тому же сомневался, что Падампат Сингхания действительно пожертвует денег.

Засомневался и Мангалнилой Брахмачари: «Если ваша программа не авторитетна, то обращаться к столь важному человеку, без сомнения, просто нелепо».

И в тот же самый день, когда пришло письмо про «нелепо», Бхактиведанта Свами получил последний удар от индийского правительства, которое отказало ему в помощи. Второй секретарь индийского посольства в Вашингтоне, Пракаш Шах, писал:

Вследствие существующего дефицита иностранной валюты правительство Индии не имеет возможности пойти навстречу Вашей просьбе о ее вывозе. Вы можете попытаться собрать пожертвования среди американских граждан.

Итак, Бхактиведанте Свами придется действовать в одиночку, без посторонней помощи. В его последнем письме к Мангалнилою Брахмачари слышны глубокая вера и решимость.

Итак, разговор окончен. Нет больше надобности обращаться за помощью к кому бы то ни было еще. В своих попытках проповедовать мы не всегда достигаем успеха, но такие неудачи, несомненно, нельзя назвать нелепыми. С абсолютной точки зрения и удача, и поражение одинаково достойны славы. Даже первая попытка Господа Нитьянанды обратить Джагая и Мадхая в сознание Кришны окончилась, на первый взгляд, неудачно. Он даже был

ранен. Но нет сомнений — Его поступок не был нелепостью. Эта игра от начала и до конца была божественной и духовной, и все, кто участвовал в ней, заслуживают славы.

Если сознанию Кришны и суждено было пустить корни в Америке, то произойдет это без помощи индийского правительства или индийских финансистов. Даже один-единственный индийский *брахмачари* и тот не мог к нему присоединиться. Кришна давал Бхактиведанте Свами понять, что у Него другой план. Оставив надежды на финансовую помощь Сингхании, Свами должен был направить всю свою энергию на молодежь, которая приходила к нему в мансарду на Бауэри. Он писал Сумати Морарджи:

Я пытаюсь сейчас официально зарегистрировать небольшую группу, состоящую из моих здешних друзей и почитателей, которая будет называться «Международное общество сознания Кришны».

* * *

Из всех своих друзей и последователей больше всего внимания он уделял своему соседу по комнате, Дэвиду Аллену. Он хотел дать Дэвиду особый шанс стать первым настоящим вайшнавом в Америке. Бхактиведанта Свами собирался когда-нибудь вернуться в Индию и хотел взять Дэвида с собой во Вриндаван. Он хотел показать ему храмовое богослужение и подготовить его для дальнейшей проповеди в странах Запада. Он просил Сумати Морарджи обеспечить для Дэвида и для него самого бесплатный проезд.

Вам очень понравится этот американский юноша. Он из хорошей семьи и очень искренняя душа... Мои занятия посещают и другие, но мне бы хотелось взять с собой кого-то одного из них.

«Я рад сообщить вам, — сказал Бхактиведанта Свами на одной из лекций, — что наш мистер Дэвид иногда говорит мне: „Свамиджи, если бы вы только знали, как я хочу достичь духовного прогресса». Изображая порыв Дэвида, Бхактиведанта Свами засмеялся. «Терпение, терпение, — говорю ему я. — Это обязательно произойдет. Если у тебя есть такое желание. Господь непременно тебе поможет. Он находится в твоём сердце и просто хочет увидеть, насколько ты искренен. Убедившись в твоей искренности, Он предоставит тебе все возможности для духовного прогресса».

Первое время Дэвид и Свами жили вместе очень мирно. Свами работал у себя за перегородкой, а Дэвид слонялся по просторной мансарде. Однако Дэвид упорно продолжал принимать наркотики — марихуану, ЛСД, амфетамины, и Свами не оставалось ничего другого, кроме как терпеть это. Он

много раз говорил Дэвиду, что наркотики и галлюцинации не имеют с духовной жизнью ничего общего, но Дэвид, казалось, не слышал его. Он все больше и больше отдалялся от Свами.

Тем не менее Бхактиведанта Свами рассчитывал использовать мансарду под храм — превратить ее в первый в Нью-Йорке храм Радхи и Кришны, и надеялся, что Дэвид поможет ему в этом. Хотя этот район был едва ли не самым убогим на свете, Бхактиведанта Свами говорил, что собирается привезти из Джайпура или из Вриндавана Божества и начать поклоняться Им в храме, пусть даже на Бауэри. Он рассчитывал, что Дэвид будет помогать ему в этом. В конце концов, они жили в одной комнате, поэтому у Дэвида не было иного выбора. Но сначала он должен был отказаться от дурных привычек.

Бхактиведанта Свами пытался помочь Дэвиду, однако тот стал совершенно невменяем. Он катился вниз, лишая Бхактиведанту Свами последней надежды на то, что он когда-нибудь откроет храм в их мансарде. Иногда, даже не находясь под действием наркотиков, Дэвид расхаживал по комнате взад и вперед, а иногда казался глубоко погруженным в свои мысли. Однажды, приняв дозу ЛСД, Дэвид совсем обезумел. По выражению одного из постоянных посетителей лекций Свами, Карла Йоргенса, «он просто спятил, и Свами пришлось иметь дело с сумасшедшим». К этому все и шло — «он был ненормальным мальчишкой, который ни в чем не знал меры». Но приступ настоящего безумия случился совершенно неожиданно.

Бхактиведанта Свами спокойно работал за пишущей машинкой, когда на Дэвида «накатило». Он начал стонать, расхаживая по пустой мансарде. Потом принялся орать, выть и метаться по комнате. Он ворвался туда, где сидел Свами, схватил его пишущую машинку и швырнул ее через комнату. Бхактиведанта Свами оказался лицом к лицу с Дэвидом, но не с тем милым, славным Дэвидом, которого он собирался взять с собой в Индию и показать ему вриндаванских брахманов, а с одуревшим от наркотиков безумцем, у которого дико горели глаза.

Бхактиведанта Свами попробовал было заговорить с ним. «Что случилось?» — спросил он, но Дэвиду нечего было сказать. Это была не обычная размолвка. Это было безумие...

Бхактиведанта Свами быстро спустился по лестнице, не останавливаясь ни на одном из четырех пролетов. Он не стал собирать вещи и даже не решил, уходит ли он совсем или вернется. Времени на размышления не было. Потрясенный случившимся, он бежал из мансарды, оставив там обезумевшего Дэвида. Как всегда, у дверей сидели бездомные бродяги, которые с обычной шутовской любезностью уступили ему дорогу. Они привыкли, что Свами то приходит, то уходит, идет за покупками, возвращается, и не приставали к нему. Однако сегодня он шел не за покупками. Куда — этого он не знал. Он вышел на улицу, не зная, куда направиться.

Обратно в мансарду он не вернется — это решено окончательно. Но куда он пойдет? С крыши на крышу перелетали голуби, гудели автомобили, по

улице слонялись вездесущие бродяги, пьяные от дешевого ядовитого зелья. Хотя дом Бхактиведанты Свами внезапно превратился в крошечный ад, улица за его порогом была ничуть не менее опасным местом. Он был совершенно выбит из колеи. Он мог бы позвонить в общество доктора Мишры, и они забрали бы его отсюда. Но он уже перевернул эту страницу своей жизни и нашел нечто лучшее. У него уже была группа молодых последователей, которые слушали его и вместе с ним пели *мантру*. Неужели все кончено? После девяти месяцев его пребывания в Америке люди наконец откликнулись на его проповедь и *киртаны*. Он не мог сейчас бросить все это.

А.Ч. Бхактиведанта Свами Махараджа, выдающийся ученый и преданный, которого во Вриндаване знал и уважал каждый, перед которым в Индии были открыты все двери и который в любой момент мог получить аудиенцию вице-президента и других высокопоставленных лиц, внезапно обнаружил, что в Америке у него нет ни одного влиятельного знакомого. Совершенно неожиданно он оказался таким же бездомным, как эти уличные бродяги. На самом деле многие из них находились даже в лучшем положении, чем он, — у них, по крайней мере, были постоянные места в ночлежках. Они были кончеными, но более или менее устроенными людьми. Для того, кто шел по Бауэри без какой-либо определенной цели — не в магазин и не из магазина домой, — эта улица могла стать сущим адом. Это было не то место, где можно стоять, раздумывая, куда пойти или к какому другу попроситься на ночлег. Сейчас он не направлялся за покупками в китайский квартал и не вышел, чтобы немного погулять и вернуться в свою мансарду. Возвратиться туда он не мог, а значит, у него больше не было своего угла.

Как же трудно становилось проповедовать в Америке среди всех этих сумасшедших! В стихотворении, которое он написал в тот день, когда «Джаладута» пришвартовалась в гавани Бостона, были строки, оказавшиеся пророческими: «О Господь, я не знаю, зачем Ты привел меня сюда. Теперь Ты можешь делать со мной все, что пожелаешь. Я догадываюсь, однако, что здесь у Тебя есть какое-то дело, иначе зачем бы Ты привел меня в это ужасное место?»

Что будет теперь с его регулярными лекциями? Что будет с Дэвидом? Может, стоит вернуться и попытаться поговорить с ним?

У Дэвида это был первый приступ агрессивности, но напряженные ситуации возникали и раньше. Так, у Дэвида была привычка оставлять мыло на полу в душе, и Свами много раз просил Дэвида не бросать его там, поскольку это очень опасно. Но Дэвид пропускал слова Свами мимо ушей. Бхактиведанта Свами постоянно напоминал ему об этом, пока однажды Дэвид не разозлился и не накричал на него. Но в его поведении никогда не было настоящей враждебности. Даже сегодняшний инцидент произошел не на почве личной неприязни — парень сам был жертвой.

Бхактиведанта Свами быстро шагал по улице. У него было право на бесплатный проезд на кораблях «Синдии». Он мог бы вернуться домой во Вриндаван. Но его духовный учитель велел ему приехать сюда. «По воле Шри Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура, — писал он, пересекая

Атлантику, — святое имя Господа Гауранги узнают во всех странах Запада». До наступления темноты нужно было где-то устроиться, чтобы иметь возможность продолжать проповедь. Вот что значит работать без поддержки правительства, без помощи какой-либо религиозной организации, без покровителя. Это значит, что ты всегда будешь уязвимым и беззащитным.

Бхактиведанта Свами встретил этот критический момент как испытание, посланное ему Кришной. «Бхагавад-гита» советует нам всегда искать защиты у Кришны: «Во всем полагайся на Меня и всегда действуй под Моим покровительством. Занимайся преданным служением и всегда помни обо Мне... Моей милостью ты преодолеешь все препятствия обусловленной жизни».

Он решил позвонить Карлу Йоргенсу, одному из постоянных посетителей его лекций, и попросить его о помощи. Услышав в трубке голос Свами — случилось нечто чрезвычайное! — Карл тут же сказал, что Свами может переехать к ним. Они с женой Евой жили рядом, на Центральной улице, в пяти кварталах к западу от Бауэри недалеко от китайского квартала. Там и будет ждать его Карл.

Карл встретил Бхактиведанту Свами и повел его к себе домой. Его чердак был меньше, чем тот, на котором до этого жил Свами. Он состоял из большой жилой комнаты, кухни и спальни, отделенных друг от друга перегородками. Здесь было много комнатных растений и повсюду валялись диванные подушки. Жилище Карла было намного светлее, чем темный, как заводское помещение, чердак на Бауэри. Пол был ярко-оранжевым — Карл говорил, что это напоминает корабельную палубу. Стены и потолок были белого цвета. Комнату наполнял дневной свет, лившийся сквозь семь потолочных окон. Карл и Ева отвели для Свами один из углов квартиры.

Бхактиведанта Свами оставил все свои вещи на чердаке Дэвида, куда не собирался возвращаться, поэтому туда отправился Карл, чтобы забрать самое необходимое. Свами попросил оставить большую часть вещей, в том числе книги, чемодан и диктофон, там, где они были.

Хотя к этому моменту у Дэвида уже миновал пик безумия, вызванного сильнейшим воздействием ЛСД, он еще оставался невменяемым. Когда Карл пришел, дверь была заперта изнутри, и Дэвид сначала боялся открывать кому бы то ни было, но в конце концов впустил Карла. Он плотно закрыл все окна, и на чердаке стояли давящие жара и духота. Билл Эпштейн, который тоже приходил в этот день, охарактеризовал состояние Дэвида как «психоз, нервный срыв, вызванный наркотиками». И хотя Дэвид очень сожалел, что обрушил свой гнев на Свами, ни Билл, ни Карл и мысли не допускали, что Свами вернется к нему. Было очевидно, что планы Бхактиведанты Свами превратить чердак в храм Радхи-Кришны рухнули. Карл с Биллом собрали некоторые вещи Свами, а Дэвид остался в мансарде. Ему хотелось побыть в одиночестве.

Карл Йоргенс знал, каков стиль жизни Свами, и хотел создать ему все необходимые условия для жизни и работы. В углу чердачного помещения у Карла был небольшой рабочий кабинет, и он решил предоставить его Свами. Также Карл соорудил в комнате возвышение из подушек и освободил пространство вокруг него, чтобы гости могли сидеть полукругом. Жена Карла, которую совсем не воодушевлял тот факт, что к ним переехал Свами, все же согласилась обшить для него несколько подушек индийской тканью в полоску.

Некоторое время все шло гладко. Свами продолжал свои утренние и вечерние лекции, и многие хиппи с Бауэри приходили его послушать. Трое из его регулярных посетителей жили в этом же доме, а несколько других, в частности брат Карла, — в ближайшем квартале. Майкл Грант, Джеймс Грин... Один раз пришел даже Дэвид Аллен.

Дон Натансон (художник): *Однажды я сидел на чердаке у Карла, когда с прогулки возвратился Свами. Я уже знал, что он живет здесь. Приходили в основном музыканты. Они наслаждались теплыми дружескими беседами с ним по утрам. Это было само по себе странно, поскольку эти ребята не спали фактически всю ночь, а он устраивал встречи в шесть утра, и продолжались они целый час. Он вел пение, играя на ручных тарелочках — раз-два-три, раз-два-три... Это было более чем странно, ведь все они сидели на наркотиках и были весьма начитанны. Но какое-то время девять-десять человек приходили каждый день, и им было тут хорошо. Им очень нравилось приходить сюда по утрам.*

Карл понимал, что, хотя творческая группа постоянных посетителей Свами легко и быстро подхватывала настроение киртана, они «пользовались этим по-своему, чтобы приправить свои собственные видения и озарения», особо не собираясь при этом становиться настоящими учениками или безраздельно поклоняться Господу Кришне. Свами был, в сущности, первым духовным человеком, с которым они познакомились в жизни. Их увлекали его киртаны и его слова, хотя они даже и не пытались их понять. Карл приглашал: «Проходите! Это не обман. Это подлинная реальность. Вам понравится. Это музыка. Это танцы. Это праздник». Карл видел, как хорошо было этим людям в присутствии Свами, «когда они медитировали на его пение и угощались приготовленной им пищей. Ничего подобного они раньше не испытывали, за исключением, может быть, тех мгновений, когда их посещало творческое вдохновение».

Но для Карла и Евы скромное присутствие Свами создавало трудности. Никогда до сих пор за все время своего пребывания в Америке не был он столь непрошеным и нежеланным гостем. Студия Карла была рассчитана на то, чтобы они с женой жили там только вдвоем и пользовались спальней, кухней и гостиной так, как им заблагорассудится. Если им хотелось покурить марихуану, отведать мясного или еще чего-нибудь, это было их полное право. Это был дом Карла; здесь жил он, со своей женой и со своими кошками и собаками. А теперь им приходилось делить этот дом со Свами.

Почти сразу положение стало невыносимым для Евы. Ее раздражало присутствие Свами в их доме. Она была феминистка — свободная белая женщина с чернокожим мужем и хорошей работой. Ей не нравилась точка зрения Свами на положение женщины. Она не читала его книг и не посещала его лекций, но слышала, что он выступает против половых отношений, если целью их не является зачатие детей, а женщина, по его словам, должна быть скромной, целомудренной и помогать мужу в духовной жизни. Она знала о четырех правилах Свами (отказ от мяса, от недозволенных половых отношений, одурманивающих средств и азартных игр) и была категорически против того, чтобы Свами навязывал им с Карлом свой образ жизни. И пусть он не надеется, что она будет прислуживать ему. Она чувствовала, что Свами относится неодобрительно почти ко всему, что она делает. Если бы она обратилась к нему за советом, он, скорее всего, попросил бы ее отказаться от наркотиков, избавиться от кошек и собак, бросить пить и перестать пользоваться противозачаточными средствами. Будь его воля, Свами, наверное, заставил бы их есть в определенное время и только определенную пищу. Ева была заядлой курильщицей, и ему, вероятно, не нравилось находиться рядом с ней. Она была готова к столкновению.

Но Бхактиведанта Свами не относился к числу людей, которые предъявляют свои требования, живя в чужом доме. Он сидел в отведенном ему углу чердака, ничего не требуя и не проявляя недовольства. Еще когда он жил в Батлере и хозяева в его присутствии ели мясо, он говорил лишь: «Не стоит беспокоиться». Однако, чувствуя его необычайную духовную силу, Ева сожалела, что Карл повстречал его. Для Евы Свами был противником, и она, будучи женщиной прямолинейной и независимой, даже не пыталась скрывать своего отношения к нему. Если он просил ее принести ему что-нибудь, она отвечала: «Возьмите сами».

Для Кэрол Бекар положение, в котором находился Свами, казалось очень неловким и напряженным — «Ева была очень недовольна». Ева жаловалась Кэрол, что платит за аренду чердака, работает не покладая рук, а этот человек пытается изменить их образ жизни.

Кэрол: Ева не могла принять его учение и не могла вынести того, что Свами влияет на Карла. Сама она не чувствовала никакого принуждения, но ей казалось, что Свамиджи принуждает Карла.

Это и было главной причиной недовольства Евы — Свами оказывал влияние на Карла. Отношения Евы и Карла начались совсем недавно, и Карл понимал, что должен уделять ей больше времени. Он был согласен с женой, но все же не мог отказать Свами. Его интересовала индийская музыка, поэзия и религия. А тут рядом с ним в его доме находился живой представитель индийской культуры, глубоко понимающий все ее грани. Свамиджи готовил свою пищу у них на кухне, и Карл жадно наблюдал за всем, что он делает, горя желанием научиться индийскому кулинарному искусству. Еще Карл хотел, чтобы Свами научил его играть на барабанах. Они подолгу беседовали друг с другом.

Кэрол: Карл пытался притворяться кем-то, кем он на самом деле не был, но так и не решился попросить Свами уйти. Я уверена, что Свами был достаточно проницательным, чтобы почувствовать это напряжение. При первой возможности он хотел переехать в другое место.

Постепенно Карл зашел в тупик в своих взаимоотношениях со Свами. Он не мог разорваться между женой и Свами и больше тяготел все-таки к жене.

Карл: Я не хотел, чтобы мой чердак превратился в храм. Я держал кошек и собак, а он требовал, чтобы я их выгнал. Он называл меня мясоедом и в конце концов изменил наше меню. Конечно, он бил по американской культуре, которой все это непонятно и чуждо. И мне пришлось испытать это на себе, как никому другому. До этого я знакомился с Индией безлично, посредством книг или записей, но теперь рядом со мной находился живой представитель Бога, и никогда еще мне не было так трудно, как в те дни.

Бхактиведанта Свами прекрасно чувствовал, какое напряжение вызывает его присутствие. Он никого не хотел стеснять. Разумеется, он не создал бы никаких неудобств ни себе, ни таким людям, как Ева, если бы вообще не приехал в Америку. Но он не беспокоился о том, удобно ему или не удобно. Он хотел учить сознанию Кришны. У Бхактиведанты Свами была особая миссия, и похоже, что чердак Карла не слишком подходил в качестве опорного пункта для нее. Все друзья Свами были согласны с этим: ему лучше переехать ближе к центру. Бауэри и китайский квартал слишком далеко. Они найдут ему новое помещение.

Смирясь с обстоятельствами, которые он воспринимал как милость Кришны, и стараясь никого не беспокоить, Бхактиведанта Свами день и ночь терпеливо говорил о сознании Кришны. Карл заверил его, что поиски нового места не затянутся, если за дело возьмутся несколько человек. Они объединят свои усилия и помогут ему с выплатой аренды.

* * *

Прошла неделя. Карлу и его друзьям пока не удавалось найти для Свами подходящего жилья. Однажды Бхактиведанта Свами предложил Карлу сходить с ним к Майклу Гранту и попросить его помочь.

Майк: Рано утром меня разбудил телефонный звонок. Говорил Карл:

— Мы тут гуляем со Свамиджи и думаем зайти к тебе.

— В такую рань?

— Понимаешь, Свамиджи хочет поговорить с тобой.

Они были совсем близко от моего дома, поэтому мне пришлось поспешно одеться. Не успел я дойти до двери, а они уже стояли у входа в дом.

Я пригласил их войти, хотя был совершенно не готов к их визиту. Телевизор был включен с прошлого вечера — на экране шли какие-то мультфильмы. Свами сел на диван между мной и Карлом. Дома у меня была кошка, и она сразу запрыгнула к Свамиджи на колени, но он быстро толкнул

ее на пол. Мы повели разговор, но Свамиджи увидел мультфильмы по телевизору и сказал: «Глупости». Вдруг я понял, что забыл выключить телевизор и что это действительно глупости. Я быстро вскочил со словами: «Конечно. В самом деле, какие глупости» — и выключил его.

Обращаясь к Майку, Бхактиведанта Свами пытался донести до него, как ему сложно жить с Карлом и Евой. Майк слушал. Но уверен ли Свами, что не хочет больше возвращаться на Бауэри и жить с Дэвидом Алленом? Ведь если не считать того неприятного происшествия, место было совсем неплохим? Бхактиведанта Свами объяснил, что от чрезмерного употребления ЛСД Дэвид сошел с ума. Дэвид стал опасен. Майк недоверчиво посмотрел на Свами: Дэвид Аллен? Опасен? Тогда Бхактиведанта Свами рассказал историю: «В Индии есть одна старая поговорка — прими духовного учителя, сядь подле него, научись от него всему, чему только можно, затем убей его, оттолкни его тело в сторону, займи его место и сам стань гуру». По мере того как Свами говорил, Майк начал понимать, что Дэвид и в самом деле стал опасен, поэтому больше не стал ничего спрашивать.

Майк понимал, что Свамиджи просит о помощи. Они с Карлом сидели на диване и молча кивали в знак согласия. Свами смотрел на Майка, а Майк пытался что-то придумать.

«Итак, чем же мы поможем Свамиджи?» — вставил Карл.

Майк объяснил, что он пианист и ему нужно каждый день репетировать. На квартире он держал два пианино, две ударные установки, виброфон и другие инструменты. К нему постоянно приходили репетировать музыканты, и они часами играли на своих инструментах. Вдобавок к этому он жил с подружкой и держал кошку. Но Майк пообещал, что поможет Свами найти новое место. Свамиджи поблагодарил его и, вместе с Карлом, приготовился уходить.

Майк почувствовал, что обязан помочь Свами. Он умел доводить дела до конца. На следующий день он отправился в редакцию «Вилледж войс», взял свежий экземпляр газеты, просмотрел рекламные рубрики и, обнаружив подходящее объявление, позвонил хозяину. Это был магазинчик на первом этаже одного дома на Второй авеню. Хозяин, некий господин Гардинер, согласился встретиться с Майком прямо там. Карл и Свами тоже захотели прийти.

Господин Гардинер и Майк пришли первыми. Майк обратил внимание на необычную самодельную вывеску над витриной, на которой было написано «Бесценные дары». Как объяснил мистер Гардинер, она осталась еще с тех времен, когда в этом помещении находился антикварный магазин, торговавший сувенирами. Майк представил Свами как духовного учителя из Индии, автора многих книг и знатока санскрита. На хозяина это как будто произвело впечатление. Когда приехали Карл и Свами, они познакомились с господином Гардинером, и тот показал им магазинчик. Свами, Карл и Майк тщательно изучили его возможности. Это было нежилое, пустое и темное — электричество отключили — помещение, к тому же стены нужно было

покрасить заново. Оно подходило для собраний, но вряд ли годилось для того, чтобы в нем жил Свами. Однако за сто двадцать пять долларов в месяц оно их вполне устраивало. Но тут господин Гардинер показал им небольшую квартиру на втором этаже того же здания прямо за магазином, через двор. Еще семьдесят один доллар в месяц — и Свами сможет жить здесь, однако сначала господин Гардинер должен сделать в квартире ремонт. Общая сумма составила сто девяносто шесть долларов, и они решили, что Карл, Майк и другие сумеют собрать эти деньги.

У Бхактиведанты Свами возникла идея сделать господина Гардинера первым официальным попечителем своего еще только зарождавшегося Общества сознания Кришны. Во время их разговора он подарил господину Гардинеру трехтомник своего перевода «Шримад-Бхагаватам». На титульном листе он сделал дарственную надпись и подписался «А.Ч. Бхактиведанта Свами». Получив эти книги в подарок от самого автора, господин Гардинер был чрезвычайно польщен. Он согласился стать попечителем нового Общества сознания Кришны и ежемесячно вносить в его кассу двадцать долларов.

Покраска квартиры заняла у господина Гардинера неделю. Тем временем Майк позаботился о том, чтобы включили электричество, воду и поставили телефон. Они с Карлом собрали среди своих друзей деньги на оплату аренды за первый месяц. Когда все было готово, Майк позвонил Карлу.

Настало время перевозить Свами на новую квартиру. Несколько его друзей, те, кто оказался под рукой, поднялись вместе со Свами в мансарду на Бауэри. Они, может быть, еще не были готовы стать его послушными учениками, но дать деньги на оплату помещения за первый месяц и поработать несколько часов, чтобы помочь ему устроиться на новом месте, — это они делали с большим удовольствием.

В мансарде они собрали и упаковали вещи Свами и пошли пешком по Бауэри. Это было похоже на поход — караван из шести человек, груженных вещами Свамиджи. Майкл тащил тяжелый магнитофон «Робертс», и даже сам Свами нес два чемодана. Все произошло так стремительно, что только на середине пути, когда у Майка заболела рука, он подумал: «Почему мы не взяли такси?»

Был конец июня, подернутое дымкой солнце высоко стояло над джунглями Бауэри и нещадно пекло. Странная процессия, растянувшаяся на целый квартал, медленно, с остановками, шествовала по улице. Свамиджи еле-еле тащил свои чемоданы мимо казавшегося бесконечным ряда оптовых магазинчиков, снабжающих рестораны, и магазинов электротоваров, расположившихся между Гранд-, Брум- и Спринг-стрит. Время от времени он останавливался, ставил чемоданы на землю и отдыхал. Наконец-то он уезжает с Бауэри.

Его знакомый электрик с Семьдесят второй улицы наверняка порадовался бы за него, хотя квартира на Второй авеню ему бы вряд ли понравилась. По

крайней мере, Свами больше не будет жить среди бродяг. Он шел дальше — мимо бездомных, слонявшихся возле приюта Армии спасения, мимо открытых дверей забегаловок, останавливался у светофоров, стоял рядом с совершенно незнакомыми ему людьми и следил за продвижением вереницы идущих за ним друзей.

Художники и музыканты с Бауэри считали его «необыкновенно продвинутым». Они чувствовали, что Свамиджи движет духовная сила, и очень хотели помочь ему получить собственное помещение, где он смог бы проповедовать и осуществить свою духовную миссию. Сейчас Свамиджи зависел от них, но они знали, что он находится на «более высоком уровне» и не нуждается ни в чьем покровительстве, или, как он сам говорил, его хранит Господь.

Свами и его молодые друзья добрались до угла Бауэри и Хьюстон-стрит, повернули направо и пошли на восток. Он шел, глядя все время вперед, и наконец увидел южную часть Второй авеню.

Оставалось пройти всего один квартал. Дойдя до перекрестка, он повернет на Вторую авеню, пройдет еще квартал, пересечет Первую улицу и окажется у своего нового дома. Как только он миновал вход в метро, показался магазин «Бесценные дары». Он перехватил чемоданы и зашагал вперед. На углу Второй авеню и Хьюстон-стрит он, выждав удобный момент, поспешно пересек улицу. Уже видны были зеленые кроны деревьев над высоким забором, который огораживал двор его будущего дома. Деревья росли в небольшом дворике между домами и тянулись вверх, словно разросшийся бурьян.

В здании, выходящем на улицу, находилось помещение, где Свами будет проводить программы, а в глубине двора стояло здание, в котором ему предстояло жить и работать над переводами. С северной стороны к дому примыкало массивное девятиэтажное помещение склада. В доме, где находился магазин «Бесценные дары», было всего шесть этажей, и рядом с этим огромным сооружением он казался карликом, прилепившимся к исполину. С южной стороны к дому, в котором расположился новый храм Бхактиведанты Свами, не примыкало никаких строений. Голая, без окон цементная стена выходила на автостоянку и бензоколонку «Мобил», на углу Первой улицы и Второй авеню. Подойдя к магазину, Бхактиведанта Свами увидел два маленьких фонаря, которые украшали вход.

Он не знал, что ждет его здесь. Но он уже видел благоприятные признаки, предвещавшие, что молодые американцы, которые бывают иногда не в себе, все-таки смогут влиться в движение *санкиртаны*, начатое Господом Чайтаньей. Кто знает, может быть, этому дому суждено стать тем самым местом, где ему удастся наконец заложить фундамент Международного общества сознания Кришны.

18 Подготовка почвы

Прибыв в США, Свами Бхактиведанта вскоре оказался в Идеальной Духовной Общине — другими словами, в нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде — и в неприкосновенности перенес туда частичку атмосферы уличной Индии. Он превратил бывший магазин в ашрам, где поклонялся Кришне и, всегда пребывая в хорошем настроении, терпеливо пел, повторял мантру, объяснял санскритские тексты... и так, день за днем, утверждал сознание Кришны в психоделическом центре Восточной Америки... Выбрать в качестве объекта внимания и заботы Нижний Ист-Сайд — какая доброта, и смирение, и разум!

— Аллен Гинзберг.

Из Введения к «Бхагавад-гите как она есть»

в издании «Макмиллана»

РАЙОН, В КОТОРЫЙ переехал Бхактиведанта Свами, был не таким нищим и убогим, как Бауэри, хотя приличным его тоже нельзя было назвать. Прямо напротив «Бесценных даров» находился магазин надгробных памятников братьев Вайцнеров и Пеппера. В его мрачных, тускло освещенных витринах были выставлены могильные плиты. С северной стороны к магазину братьев Вайцнеров примыкала «Закусочная Сэма», рядом с которой стоял старый четырехэтажный дом с надписью «A.I.R.», за ним — «Памятники» Бена Дж. Горовица (опять надгробия), а у перекрестка — похоронное бюро Шварца. В начале следующего квартала, в доме номер 43, находилось похоронное бюро Провенцано Ланцы, о чем сообщала надпись на потрепанном тенте, висевшем над тротуаром. Следом за ним разместились «Мелкооптовая торговля „Космос“», а пройдя еще несколько кварталов в сторону от центра, можно было увидеть броскую черно-белую вывеску театра «Вилледж-Ист».

По той же стороне улицы, где находились «Бесценные дары», через один квартал, стояла церковь Рождества — старое трехэтажное здание, недавно покрашенное в голубой цвет, с позолоченным крестом наверху. Шестиэтажный дом номер 26 по Второй авеню, на фасаде которого красовалась грязно-зеленая пожарная лестница, жался к массивному девятиэтажному зданию «Несгораемых складов Никербокера».

Вторая авеню была главной транспортной артерией Восточного Манхэттена. Светофор на пересечении Хьюстон-стрит и Второй авеню останавливал потоки автофургонов, такси и частных автомобилей прямо перед дверьми Бхактиведанты Свами. С раннего утра и до позднего вечера слышался гул проносящихся мимо машин, то и дело сменявшийся визгом тормозов, — выстроившись плотными рядами, машины замирали в напряженном ожидании, раздавались нетерпеливые гудки клаксонов, затем — скрежет передач, урчание набирающих скорость моторов и снова гул. На

несшиеся мимо нескончаемым потоком автомобили трудно было не обращать внимания.

На первом этаже дома номер 26 по Второй авеню было два нежилых помещения, выходивших на улицу. В том, что слева, находилась прачечная-автомат, а в другом, справа, был когда-то магазин сувениров, но теперь оно пустовало. В каждом из них были узкие входные двери и большие витрины. Оба помещения были окрашены скучной краской. Всего каких-то несколько недель назад двухметровую витрину «Бесценных даров» украшали спичечные коробки с фотографиями кинозвезд тридцатых и сороковых годов, теперь же о магазине напоминала лишь вывеска. Под витриной, на уровне тротуара, находилась железная двустворчатая дверь, за которой начиналась каменная лестница, ведущая в подвал и котельную. Широкий тротуар был вымощен плитами разных форм и размеров. Их клали в разные годы, и кое-где плиты потрескались и просели. В трещинах и выбоинах скопилась пыль, в которой поблескивали мелкие осколки стекла. На краю тротуара угрюмо торчал черный пожарный гидрант. Между входом в прачечную и входом в бывший антикварный магазин находился парадный подъезд дома номер 26. За его дверьми — вестибюль с рядами почтовых ящиков и домофонами, а дальше, за дверью, которая всегда была на замке, находился коридор, ведущий на лестницу и во двор.

Вход в магазин подарков располагался слева от витрины. Дверь представляла собой темную деревянную раму со стеклом во всю высоту. За дверью находилось длинное, узкое и совершенно пустое помещение. Справа от входа, под витриной, стоял подиум, как раз такой высоты, чтобы на нем можно было сидеть. В дальнем углу этой пустой, грязной комнаты виднелись два зарешеченных окна с давно не мытыми стеклами, выходившие на задний двор. В левом углу находилась небольшая раковина, висевшая на кабинке туалета, дверь которого была обращена ко входу. Дверь в левой боковой стене магазина открывалась в коридор, ведущий во двор.

Двор, обсаженный кустарником и высокими деревьями, был выложен бетонной плиткой с геометрическим рисунком. Во дворе стоял садовый столик, кроме того там были цементный бассейн для птиц и скворечник на шесте, а посередине были разбиты две клумбы, обсаженные кустами живой изгороди. С севера и юга сад был обнесен высокой стеной, спереди и сзади стояли два жилых дома. Клочок голубого неба над головой вносил в эту картину умиротворяющую ноту.

Окна квартиры Бхактиведанты Свами, расположенной на втором этаже в заднем корпусе дома номер 26 по Второй авеню, выходили во двор. Здесь ему предстояло жить, работать и поклоняться Господу. С помощью своих друзей с Бауэри он привел квартиру в порядок и устроился на новом месте. В задней комнате — своем кабинете — Бхактиведанта Свами положил на пол у стены тонкую подушку в наволочке с набойкой, изображавшей слонов, а перед ней поставил свой некрашенный металлический сундучок, служивший ему письменным столом. На него он поместил пишущую машинку, а вокруг

разложил свои бумаги и книги. Здесь будет его рабочее место. Рукописи, завернутые в шафрановую ткань, экземпляры «Шримад-Бхагаватам» и немногочисленные личные вещи он сложил в шкафу у противоположной стены, а над своим рабочим местом повесил индийский календарь с изображением Господа Кришны. (Юный Кришна играет на флейте, а позади Него корова. Господь Кришна стоит на планете Земля, которая похожа на небольшой холм у Него под ногами.) В восточной стене было два окна, и лучи утреннего солнца, проходившие сквозь пожарную лестницу, косыми полосами ложились на пол.

В другой комнате не было ничего, кроме фигурного кофейного столика, который стал алтарем Бхактиведанты Свами. На него он поставил картину в раме, изображавшую Господа Чайтанью и Его спутников, а на стену повесил индийский календарь с четырехруким Господом Вишну и небесным змеем Ананта-Шешей. Здесь, как в мансарде на Бауэри, он протянул веревку для сушки белья.

Обе комнаты недавно покрасили. Полы были выстелены дубовым паркетом. Недавно отремонтированная ванная тоже сияла чистотой, как и узкая, обставленная мебелью кухня. Там, у окна, Бхактиведанта Свами будет часто стоять, глядя вверх стены, которой огорожен двор. Он переехал сюда, не зная, удастся ли ему оплатить аренду за следующий месяц.

Хотя Карл, Майк, Кэрол, Джеймс, Билл и другие сами уговорили его переехать, теперь далеко не всем из них было удобно его навещать. Но все они желали ему удачи и надеялись, что придут новые люди, которые ему помогут. Все решили, что это место — самое лучшее, что может быть. Да и ему, кажется, здесь было удобно. Билл сообщил посетителям «Парадокса» новый адрес Свамиджи.

* * *

История Нижнего Ист-Сайда столь же стара и так же исполнена перемен и человеческих слёз, как и история самого Нью-Йорка. За триста лет до приезда Бхактиведанты Свами Нижний Ист-Сайд был частью поместья Питера Стайвесанта. Сегодняшняя достопримечательность, парк Томпкинсквер, когда-то был солончаком, носившим название Стайвесантовой топи.

В сороковых годах девятнадцатого века, когда тысячи ирландских эмигрантов бежали сюда от «картофельного голода», поразившего Ирландию, Нижний Ист-Сайд превратился в трущобы. За два десятилетия ирландцы сумели стать образцовыми американцами, примером для следующего поколения иммигрантов — немцев. Постепенно численность переселенцев из Германии так возросла, что в Нью-Йорке именно они стали самой большой группой иностранцев. Затем из Восточной Европы (из Польши и Украины) сюда потянулись евреи, и к 1900 году Нижний Ист-Сайд превратился в самое большое в мире еврейское гетто. Но евреи следующего поколения в поисках

более выгодных экономических условий предпочли переселяться в пригороды, и гетто начало приходить в упадок.

В пятидесятых сюда, спасаясь от нищеты, устремились сотни тысяч пуэрториканцев, покинувших свой бедный остров или же перебивавшихся сюда из Восточного Гарлема. Они, а также чернокожие из Гарлема и Бедфорд-Стайвесанта, в шестидесятые годы отправившиеся за ними вслед, составили новые группы иммигрантов, которые вместе с поляками и украинцами заселили трущобы Нижнего Ист-Сайда — район многоквартирных домов и переполненных улиц площадью в пять квадратных километров.

Затем, всего за несколько лет до приезда в трущобы Нижнего Ист-Сайда Бхактиведанты Свами, туда пришли новые обитатели. Несмотря на многочисленные социологические и культурологические исследования, до сих пор остается неясным, почему они вдруг появились здесь, словно огромная стая птиц или животных, которые одновременно двинулись в путь, послушные зову инстинкта, и почему спустя несколько лет исчезли.

Первые пришельцы в большинстве своем были молодыми художниками, музыкантами и интеллектуалами, вроде тех хиппи, что собирались у Бхактиведанты Свами на Бауэри. Затем появились молодые бунтари, выходцы из семей среднего класса. Поскольку найти здесь жилье было легче, а стоило оно дешевле, чем в соседнем Гринвич-Вилледж, они оккупировали Нижний Ист-Сайд, который агенты по недвижимости стали теперь называть Ист-Вилледж. Многие из них даже не пытались найти себе жилье, а устраивались прямо в подъездах домов. Привлеченные дешевым жильем и перспективой богемной жизни, эти молодые представители среднего класса — авангард общенационального молодежного движения, те, кого средства массовой информации вскоре окрестят «хиппи», — двинулись в трущобы Нижнего Ист-Сайда, выражая протест против мещанских идеалов американского общества.

Словно повинувшись зову инстинкта, за хиппи постарше потянулись молодые беглецы-подростки, а следом за ними в Нижний Ист-Сайд пришла полиция, адвокаты, работники социальных служб, появились молодежные общежития и консультативные наркологические центры. На площади Святого Марка расцвела новая торговля — магазины для наркоманов, магазины плакатов, магазины грампластинок, художественные галереи, книжные лавки. Там можно было купить всё, от папиросной бумаги до одежды хиппи и психоделических светильников.

Хиппи приходили в Нижний Ист-Сайд в полной уверенности, что, как некогда их предки-иммигранты, нашли наконец землю обетованную. Когда взорам иммигрантов прошлого, которые прибывали в Америку из Европы, наконец открывался силуэт Манхэттена и статуя Свободы, гавань Нью-Йорка казалась им воротами в сказочную страну богатства и неограниченных возможностей. Теперь, в 1966 году, американская молодежь со своими надеждами устремилась в Нью-Йорк, и вид только что открытой мистической земли — трущоб Нижнего Ист-Сайда — наполнял их сердца восторгом.

Соседство было беспокойное: с одной стороны — хиппи, с другой — пуэрториканцы, поляки и украинцы. Коренные жители этих районов были возмущены появлением пришельцев, которых, в отличие от них, *никто не заставлял* жить в трущобах. И правда, многие молодые хиппи происходили из семей иммигрантов, поколениями боровшихся за то, чтобы занять место среди представителей американского среднего класса.

Тем не менее молодежная миграция в Нижний Ист-Сайд была такой же реальной, как в свое время переселение пуэрториканцев, поляков или украинцев, хотя причины ее, разумеется, были иными.

Хиппи отвергали мещанский образ жизни своих родителей, идиотский оптимизм телевидения и рекламы и отказывались от эфемерных целей и идеалов американского среднего класса. Они разочаровались в родителях, учителях, священнослужителях, политических лидерах, средствах массовой информации, были недовольны американской политикой во Вьетнаме. Их привлекали радикальные политические идеологии, рисовавшие Америку жестоким эгоистичным гигантом-эксплуататором, который должен либо измениться, либо погибнуть. Они искали подлинной любви, подлинного мира, подлинной жизни и подлинного духовного сознания.

Тем летом, когда Бхактиведанта Свами переехал на Вторую авеню, 26, первая волна великого молодежного бунта шестидесятых уже докатилась до Нижнего Ист-Сайда. Здесь хиппи обрели долгожданную свободу — свободу жить в простоте и бедности, выражая себя в искусстве, музыке, наркотиках и сексе. Все только и говорили что о духовных поисках. ЛСД и марихуана открыли им доступ в новые сферы сознания. В моде были восточные культуры и восточные религии. С помощью наркотиков, *йоги*, братства или просто свободы хиппи надеялись обрести просветление. Каждому полагалось сохранять непредубежденность и широту взглядов, у каждого была своя собственная вселенская философия, замешанная на обрывках сведений из случайно прочитанных книг, экспериментах с наркотиками и собственных переживаниях. Даже если их жизнь казалась бесцельной, они, по крайней мере, гордились тем, что вышли из бессмысленной игры, где игрок продает душу за материальные блага, поддерживая тем самым уже насквозь прогнившую социальную систему.

Итак, в 1966 году тысячи молодых людей бродили по улицам Нижнего Ист-Сайда — не просто одурманенные наркотиками или сошедшие с ума (хотя были среди них и такие), а в поисках смысла жизни. Они презирали идеалы «истеблишмента» и повседневную жизнь, которую вели миллионы «добропорядочных» американцев.

Бхактиведанта Свами был удивлен тем, что в процветающей Америке могло появиться столько разочарованных молодых людей. Это лишний раз доказывало, что материальное благополучие, которым так гордилась Америка, не способно сделать людей счастливыми. Бхактиведанта Свами не пытался объяснить трагизм жизни окружающих его людей социальными, политическими, экономическими или культурными факторами. Ни условия

жизни в трущобах, ни молодежные бунты сами по себе не имели первостепенного значения. Все это было лишь симптомами всеобщего несчастья, единственным лекарством от которого является сознание Кришны. Он сочувствовал страданиям каждого из них, но ему было известно универсальное средство, которое поможет всем людям раз и навсегда избавиться от страданий.

До переезда в Нижний Ист-Сайд Бхактиведанта Свами не занимался изучением молодежного движения в Америке. Он никогда не задавался целью поселиться именно среди молодежи. Но в течение десяти месяцев, прошедших после его отъезда из Калькутты, Бхактиведанта Свами силою обстоятельств, или, как он сам говорил, «по воле Кришны», был вынужден постоянно переезжать с места на место. По указанию своего духовного учителя он приехал в Америку и по воле Кришны оказался в Нижнем Ист-Сайде. Его миссия оставалась здесь той же, что и на Бауэри, и в студии доктора Мишры, и даже в Индии. Он твердо следовал указаниям духовного учителя и придерживался ведической философии — взглядов, на которых не могли сказаться радикальные перемены, происходившие в обществе в середине шестидесятых. Если случится так, что вследствие изменений в культурном климате Америки эти молодые люди окажутся более восприимчивыми к его словам, он будет только рад этому. Это тоже зависит от Кришны.

Несмотря на революции хиппи, это время из-за пагубного влияния Кали-юги было, в сущности, самым неблагоприятным для духовного развития. На Бхактиведанту Свами была возложена задача, которую не приходилось решать никому из духовных учителей прошлого: он пытался пересадить ведическую культуру на самую неподходящую для нее почву. Поэтому он знал, что работа ему предстоит необычайно трудная. И все же, даже в этот неблагоприятный для духовной практики век, как раз накануне переезда Бхактиведанты Свами в Нижний Ист-Сайд толчки недовольства и протеста против культуры Кали-юги стали сотрясать американское общество, выбрасывая на улицы нью-йоркского Нижнего Ист-Сайда толпы молодых людей, искавших то, чего не могла дать им повседневная жизнь, — альтернатив и духовного удовлетворения. Этой молодежи, сошедшей с проторенных путей материалистического образа жизни и собравшейся теперь в Нижнем Ист-Сайде, суждено было — случайно или по воле провидения — стать паствой Бхактиведанты Свами, который в своем магазинчике предлагал им «бесценные дары» — *киртаны* и духовное знание.

Переезд Свами прошел почти незамеченным. Соседи говорили, что помещение магазина сувениров рядом с прачечной занял какой-то приезжий. В витрине появилась странная картина, но никто не знал, что все это значит. Некоторые прохожие замечали приклеенное к витринному стеклу объявление о лекциях по «Бхагавад-гите». Но никто из них не знал, что такое «Бхагавад-гита», а те, кто знал, думали: «Наверное, лавка, торгующая книгами по йоге, или что-нибудь в этом роде». Жившие по соседству пуэрториканцы иногда

останавливались у витрины, разглядывая картину Харви Коэна, и молча отходили. Управляющего соседней автозаправочной станцией «Мобил» меньше всего интересовало, кто куда вселился, — для него это не имело никакого значения. Торговцев могильными плитами и владельцев похоронных бюро это тоже нисколько не заботило. Что же до водителей бесчисленных легковых машин и грузовиков, проезжавших мимо, то для них дома, в котором поселился Свами Бхактиведанта, вообще не существовало.

Однако нашлись молодые люди, которых картина заинтриговала. Они подходили к окну и читали объявление. Некоторые из них даже слышали о «Бхагавад-гите», хотя картина с Господом Чайтаньей и танцующими фигурами как будто бы не имела к ней никакого отношения. Кое-кто решил сходить на лекцию Свами Бхактиведанты — разведать обстановку.

* * *

Июль 1966 года

Говард Уилер торопился к своему приятелю, жившему на Пятой улице, в тихой квартире которого он рассчитывал немного отдохнуть. С Мотт-стрит он дошел до Хьюстон-стрит, повернул направо и направился на восток, через Бауэри. Обходя пошатывающихся бродяг, он шел навстречу потоку машин в сторону Второй авеню.

Говард: *Я перешел Бауэри и, не доходя до Второй авеню, увидел Свамиджи. С высоко поднятой головой, он бодро шел по тротуару, держа руку в мешочке с четками. Увидев его, я остолбенел. Это было все равно что встретить на улице знаменитого актера из какого-нибудь нашумевшего фильма. Он казался пришельцем из вечности. На нем была традиционная одежда санньяси шафранового цвета и странные белые туфли с острыми носами. Здесь, на Хьюстон-стрит, он казался джинном, выскочившим из лампы Аладдина.*

Говарду исполнилось двадцать шесть лет, это был рослый молодой человек с длинными темными волосами и густой бородой, носивший очки в черной оправе. Он преподавал английский язык в Университете штата Огайо и только что вернулся из Индии, где пытался найти настоящего гуру.

Бхактиведанта Свами заметил Говарда, и они остановились почти одновременно.

— Вы из Индии? — Говард сказал первое, что пришло в голову.

— Да, а вы? — улыбнулся Бхактиведанта Свами.

Говард: *Я ответил отрицательно, но сказал, что недавно был там и очень интересуюсь Индией и философией индуизма. Он рассказал мне, что приехал из Калькутты и что в Нью-Йорке он уже около десяти месяцев. Глаза у него были ясные и добрые, как у ребенка, и даже стоя на тротуаре Хьюстон-стрит, по которой с ревом и гулом проносились грузовики, он излучал невозмутимое спокойствие, источник которого был неиссякаем и находился где-то очень далеко от мегаполиса, грохотавшего вокруг нас.*

В тот день Говард так и не дошел до своего друга. Он вернулся к себе, на Мотт-стрит, к Кейту и Уолли, своим соседям по комнате, и рассказал им (и всем, кого знал) о том, что рядом с ними нежданно-негаданно поселился гуру.

Кейт и Говард уже бывали в Индии и теперь увлекались всевозможными духовными учениями. К ним частенько заходили друзья, чтобы побеседовать о просветлении. Среди них был восемнадцатилетний Чак Барнетт.

Чак: Когда в квартире открывалась входная дверь, во все стороны по щелям разбегались тысячи тараканов. Запах буквально валил с ног, хотя Кейт, в принципе, старался как мог привести квартиру в порядок и избавиться от лишних жильцов. Уолли, Кейт, Говард и еще несколько парней — все жили в одной квартире. Не придумав ничего лучше, они, чтобы испытать и усилить духовные переживания, пользовались ЛСД и считали, что наркотики помогают им медитировать. Как бы то ни было, Уолли, Говард и Кейт, как и все мы, искали совершенного духовного учителя.

Вот как вспоминает Говард о своих духовных поисках: «... читал книги по восточной философии и религии, во множестве жег свечи и благовония, принимал как „медитативные“ средства ганджу, мескалин, ЛСД... По правде говоря, это была скорее интоксикация, чем медитация. Слово „медитация“ было для нас эвфемизмом^[15], который мог как-то связать наркотический кайф с книгами, которыми мы увлекались».

Двадцатидевятилетний Кейт был сыном баптистского священника с Юга. Аспирант кафедры истории Колумбийского университета, Кейт писал диссертацию на тему «Подъем Возрожденчества в южных штатах». Кейт носил шорты из грубой хлопчатобумажной ткани, сделанные из старых брюк, сандалии и футболку. Для приятелей с Мотт-стрит он был чем-то вроде гуру.

Уолли было за тридцать. Он ходил в потертой одежде, носил бороду, был интеллектуален и весьма сведущ в буддизме. В армии Уолли служил радиомехаником, а теперь, как и соседи по комнате, сидел без работы. Он читал Алана Уотса, Германа Гессе и им подобных, много рассуждал о «духовном просветлении» и принимал ЛСД.

В Индии Говард и Кейт посетили Хардвар, Ришикеш, Бенарес и другие священные города. Они заходили в индийские храмы, пробовали гашиш и болели дизентерией. Как-то вечером в Калькутте они встретили группу садху, поющих мантру Харе Кришна под аккомпанемент ручных тарелочек. Говард и Кейт, как, впрочем, и многие другие уроженцы Запада, полагали, что суть индийской философии выражена в учении Шанкары о безличном единстве: все сущее ложно, за исключением единого безличного духа. Они покупали книги, в которых говорилось о том, что «во что бы вы ни верили и как бы ни выражали свою веру, это — истинный духовный путь».

Теперь эти трое товарищей, Говард, Кейт и Уолли, строили свою собственную философскую систему, которая представляла собой винегрет из самых разных учений. Говард приправлял его мыслями из Уитмена, Эмерсона, Торо или Блейка; Кейт вставлял тексты из Библии, а Уолли подбросил немного мудрых высказываний из буддийских книг. Друзья хорошо знали

труды Тимоти Лири, Фомы Кемпийского и много кого еще. Всякий раз, когда одного из друзей в результате экспериментов с ЛСД посещало новое космическое прозрение, вся «философия» подвергалась полной переоценке.

Вот в какую компанию вернулся в тот июльский день Говард Уилер. Он стал возбужденно рассказывать товарищам о Свами — о том, как он выглядел и что говорил. Говард рассказал, как он и Свами стояли и разговаривали и как Свами сказал, что живет тут неподалеку, на Второй авеню, где собирается читать лекции.

Говард: *Я дошел с ним до угла. Он указал на здание с магазинчиком на первом этаже дома, который находился между Первой и Второй улицей, рядом с заправочной станцией «Мобил». Раньше это была антикварная лавка. Над витриной красовалась вывеска «Бесценные дары». Тогда я еще не понимал пророческого смысла этих слов. «Как по-вашему, это хороший район?» — спросил он меня. Я сказал, что, на мой взгляд, район вполне приличный. Я понятия не имел, о чем он собирается говорить на своих «лекциях», но знал — все мои друзья будут рады, что по соседству поселился индийский свами.*

Молва о новом свами быстро разнеслась по округе. Для Карла Йоргенса и других приходить сюда с Бауэри и из китайского квартала стало не так-то просто — у них было много других дел. А вот Рой Дюбуа, двадцатипятилетний автор текстов для комиксов, который бывал у Свами еще на Бауэри, услышав, что Свами переехал, решил непременно его навестить. Не забыли о Свами и Джеймс Грин с Биллом Эпштейном — они тоже намеревались прийти. Ресторан «Парадокс» по-прежнему собирал посетителей, многие из которых хотели побывать на лекциях Свами. Другие, как, например, Стивен Гуарино, прочли объявление в витрине. Стиву было двадцать шесть лет, он занимался организацией помощи неблагополучным семьям в городском управлении социального страхования, которое находилось на углу Пятой улицы и Второй авеню. Когда однажды в обеденный перерыв он шел с работы домой, то увидел приклеенное к витрине объявление. Стив, недавно прочитавший дешевое издание «Гиты», решил прийти и послушать лекцию Свами.

В тот день, когда Говард вместе со Свами стоял возле витрины, он тоже обратил внимание на небольшое объявление:

ЛЕКЦИИ ПО «БХАГАВАД-ГИТЕ»
А.Ч. БХАКТИВЕДАНТА СВАМИ
ПОНЕДЕЛЬНИК, СРЕДА, ПЯТНИЦА
19:00 - 21:00

— Вы приведете друзей? — спросил Бхактиведанта Свами.

— Да, — пообещал Говард. — В понедельник вечером.

Был теплый летний вечер. Окна, выходившие во двор, и передняя дверь в магазинчик были распахнуты настежь. На полу сидели молодые люди в черных джинсах и спортивных рубашках в широкую неяркую полоску. Свои стоптанные кроссовки они оставили у входа. Большинство из них жили в Нижнем Ист-Сайде, и, чтобы сюда попасть, никому не пришлось идти далеко. В небольшой комнате не было ничего — ни картин, ни мебели, ни ковра, ни даже стула, только несколько простых соломенных циновок. Посреди комнаты с потолка свисала единственная лампочка без абажура. Было семь вечера, собралось уже человек десять-двенадцать, когда боковая дверь неожиданно открылась и в комнату вошел Бхактиведанта Свами.

Он был без рубашки, его тело покрывала шафрановая ткань, так что руки и часть груди оставались обнаженными. Кожа его была ровного золотисто-коричневого цвета, и, по мере того как гости разглядывали его — обриту наголо голову, уши с длинными мочками, серьезное лицо, — он все больше и больше казался им похожим на Будду, погруженного в медитацию, каким его обычно изображают на картинах. Он был стар, но держался прямо и выглядел бодрым и энергичным. Его лоб был украшен вайшнавским *тилаком*, нанесенным желтоватой глиной.

Заметив широкоплечего, бородатого Говарда, Бхактиведанта Свами улыбнулся:

— Вы привели друзей?

— Да, — громким басом ответил Говард.

— Очень хорошо.

Бхактиведанта Свами снял белые туфли, сел на тоненькую циновку, оглядел слушателей и знаком велел им сесть. Он раздал несколько пар литых бронзовых тарелочек и быстро показал, как отбивать ритм: раз-два-три-и-и... Он заиграл — раздался необычный звон — и запел: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе». Теперь очередь была за ними.

— Пойте, — сказал он.

Некоторые уже знали эту *мантру*, постепенно ее подхватили другие — и после нескольких повторов уже пели все.

Большинство молодых людей и несколько присутствовавших здесь девушек не раз и не два отправлялись в психоделические путешествия, стремясь расширить свое сознание и получить доступ в иные сферы бытия. Они очертя голову бросались в бурные, запретные воды ЛСД, мескалина и колдовских грибов. Готовые рискнуть всем, они не желали слушать никаких предостережений. Но в их безрассудной отваге был один положительный момент — стремление отыскать другие измерения своего «я», выйти за пределы повседневности, даже если они не знали, что ждет их за этой гранью и смогут ли они когда-нибудь вернуться к комфорту обыденной жизни. Но какие бы истины они ни находили, ничто не приносило им удовлетворения, и каких бы миров они ни достигали в своих психоделических путешествиях, они

неизменно возвращались в Нижний Ист-Сайд. Теперь они решили попробовать *мантру* Харе Кришна.

Когда в руках у Свами внезапно зазвенели тарелочки и он звучным голосом повел *киртан*, они тут же почувствовали, что происходит нечто необыкновенное. Это был еще один шанс «улететь», и они охотно поддались настроению *киртана*. Они хотели полностью отключить свой ум и узнать, что даст им это пение. У многих *мантра* уже ассоциировалась с мистическими Упанишадами и «Гитой», которые вызвали к ним таинственными словами: «Вечный дух... Отрицание иллюзии...» Но какой бы ни была эта индийская *мантра*, думали они, пусть она звучит... Пусть ее волны унесут нас далеко-далеко и высоко-высоко. Примем же ее и испытаем на себе ее воздействие. Чего бы это ни стоило, пусть она унесет нас с собой. Пение казалось довольно простым и естественным. Оно ласкало слух и никому не могло причинить вреда. Это было нечто совершенно потрясающее и ни на что не похожее.

Бхактиведанта Свами пел, погружившись в состояние внутреннего экстаза, но при этом внимательно наблюдал за пестрой группой своих слушателей. Он поднимал целину, начинал новое дело в новой стране. Под звон тарелочек многоголосое пение *мантры* Харе Кришна, в котором один голос вел, а другие вторили, росло и крепло, заполняя собой теплый летний вечер. Некоторых соседей это начало раздражать. Пуэрториканская ребятня, привлеченная пением, столпилась в дверях и прилипла к витрине. Наступили сумерки.

Хотя *мантра* и казалась экзотикой, всем было ясно, что Свами возносит какую-то древнюю молитву во славу Господа. Это был не рок и не джаз. Он — святой, *санныаси* — совершал публичное богослужение. Но сочетание было странное: пожилой индийский *свами* поет древнюю молитву вместе с молодыми американцами-хиппи, которые собрались в магазинчике в Нижнем Ист-Сайде.

Бхактиведанта Свами продолжал петь. Его бритая голова была высоко поднята и слегка наклонена в сторону, а тело подрагивало от переживаемых эмоций. Чистый преданный, он уверенно вел *киртан*, а гости вторили ему. У витрины и у открытых дверей собрались случайные прохожие. Кое-кто из них выкрикивал насмешки, но пение было слишком мощным, и его не так легко было заглушить. На фоне *киртана* даже гудки автомобилей стали казаться слабым стаккато. Рев машин и грохот грузовиков, как и прежде, сотрясали улицу, но эти звуки, казалось, доносились откуда-то издалека, и на них никто не обращал внимания.

Люди, собравшиеся в пустой комнате под тусклой лампочкой, пели *мантру* вслед за ведущим. Слабый, то и дело сбивающийся хор постепенно превращался в довольно стройное созвучие голосов. Все хлопали в ладоши, надеясь проникнуть в тайны *мантры*, и вкладывали в пение всю свою душу. Этот *свами* устраивал не какой-то пробный показ продолжительностью в пять минут. На время он стал их лидером, проводником в царство неведомого. Говард и Кейт были среди них единственными, кому происходящее было не новинку, — они уже видели *киртан* в Калькутте. Но такого пения — прямо в

центре Нижнего Ист-Сайда, вместе с настоящим *свами*, — прежде не слышал никто.

Их головы были набиты мешаниной из психоделических надежд увидеть лик Божий, фантазий, обрывков индуистских учений и представлений о том, что «ОНО» есть ослепительно яркий безличный свет. У Бхактиведанты Свами уже была подобная аудитория на Бауэри, и он знал, что у этих молодых людей нет ни подобающего ученикам благоговения к тому, что они делают, ни понимания смысла происходящего. Но он позволял им петь так, как они хотят. Со временем к ним придет смирение перед духовным звуком, они обретут знание, очистятся и ощутят экстаз от повторения и слушания *мантры* Харе Кришна.

Киртан закончился. Пение на время заставило их забыть об окружающем мире, но теперь Нижний Ист-Сайд вновь ворвался в комнату. Стоящие в дверях дети принялись болтать и смеяться. Снова стал слышен рев машин. Из соседней квартиры кто-то кричал, требуя тишины. Была половина восьмого. Полчаса пролетели как одна минута.

* * *

Итак, сегодня мы начинаем четвертую главу — о том, что Господь Кришна говорит Арджуне.

Его лекция очень проста, но непоседливой молодежи даже она кажется слишком философской. Некоторые вообще не могут слушать и после первых же слов Свами бесцеремонно встают и, надев у входа обувь, возвращаются на улицу. Другие уходят, как только понимают, что пения больше не будет. И все же пока что это его лучшая аудитория. Остаются несколько человек: старые знакомые с Бауэри и несколько ребят с Мотт-стрит — эти ищут гуру. Многие из присутствующих уже читали «Бхагавад-гиту», но не стыдились признаться, что ничего в ней не поняли.

За дверьми — жаркий и шумный июльский вечер. У детей каникулы, и они торчат на улице дотемна. Рядом лает большая собака, в ушах стоит гул машин, под окном визжат девчонки. Все это мешает читать лекцию. Но, несмотря на то, что дети, машины и собаки отвлекают его, Свамиджи хочет, чтобы дверь оставалась открытой. Стоит кому-нибудь закрыть ее, он спрашивает: «Зачем закрыли дверь? Ведь могут прийти люди». Он уверенно продолжает говорить, цитируя стихи на санскрите, завладевая вниманием аудитории и стараясь донести до нее свое послание, столь важное и неотложное. А неумолкающая какофония звуков грозит заглушить каждое его слово...

— Гав! Гав! Гав!

— И-и-и-и-и-и-и-и-и! Я-а-а-а-а-а-а-а-а!

Крики девчонок действуют на нервы всему кварталу. Где-то неподалеку из окна раздается мужской голос:

— Брысь отсюда! Пошли вон!

Бхактиведанта Свами: *Попросите их не шуметь.*

Рой (один из юношей в храме): *Сейчас он их прогонит.*

Бхактиведанта Свами: *Да, эти дети мешают. Попросите их...*

Рой: *Сейчас-сейчас. Он как раз это делает.*

Бхактиведанта Свами: *Они шумят.*

Рой: *Он их уже прогнал.*

Мужчина прогнал детей, но они вернутся снова. Как их прогонишь — ведь они здесь живут. И собака не перестанет лаять. А кто остановит машины? От них никуда не деться. Бхактиведанта Свами использует их в одном из своих примеров: когда машина, проезжая по Второй авеню, на какой-то момент попадает в поле нашего зрения, мы, разумеется, не думаем, что она не существовала до того, как мы ее увидели, или перестанет существовать, как только скроется из виду. Точно так же, когда Кришна, покидая нашу планету, уходит на другую, Он вовсе не перестает существовать, даже если кому-то кажется, что это так. На самом деле Он просто исчезает из поля нашего зрения. Кришна и Его экспансии приходят и уходят, периодически воплощаясь на бесчисленных планетах в бесчисленных вселенных материального мира.

Пока Бхактиведанта Свами говорит, машины с ревом и гулом проносятся мимо. Дверь открыта, и он словно стоит на берегу реки из угарного газа, нагретого асфальта, шороха шин и нескончаемых волн дорожного движения. Он проделал долгий путь, приехав сюда с берегов Ямуны во Вриндаване, где на протяжении веков великие святые и мудрецы, собираясь вместе, проводили время в беседах о Кришне. Но его слушатели живут здесь, в этих условиях, и потому он пришел сюда, на берег бурного потока машин, мчащихся по Второй авеню, чтобы во весь голос проповедовать им вечное учение Господа Кришны.

Он не устает повторять: что бы вы ни сделали в сознании Кришны, пусть даже совсем немного, это принесет вам вечное благо. Именно здесь, а не в студии доктора Мишры и не на Бауэри, он стал призывать слушателей полностью посвятить свою жизнь сознанию Кришны и стать преданными. Он убеждает их...

Любой может стать преданным и другом Кришны, как Арджуна. Вы удивитесь, узнав, что некоторые старшие ученики Господа Чайтаньи в обществе считались падшими. Господь Чайтанья возвысил Харидаса Тхакура до высочайшего положения в Своей духовной миссии, хотя тот родился в мусульманской семье. Так что ограничений нет ни для кого. Каждый может стать духовным учителем, при условии, что он постиг науку о Кришне.

«Бхагавад-гита» — это наука о Кришне. И если кто-то в совершенстве ею владеет, он становится духовным учителем.

Этот духовный звук, мантра Харе Кришна, поможет нам, очистив от пыли зеркало нашего ума. Наш ум покрыт материальной пылью. Вот, как, например, на Второй авеню из-за непрерывного потока машин все покрыто пылью. Так же и наша материальная деятельность приводит к тому, что в

уме накапливается материальная пыль, и это мешает нам видеть окружающее в истинном свете. Этот метод, духовная звуковая вибрация, — Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе — смывает ее. А когда пыль исчезнет, то так же, как вы видите отражение своего милого лица в зеркале, вы увидите, что по своему истинному положению вы — душа. На санскрите это называется бхава-маха-давагни. Это слова Господа Чайтаньи. Изображение Господа Чайтаньи вы видели в витрине. Он танцует и поет «Харе Кришна». Итак, не имеет значения, чем занимался человек в прошлом и какие греховные поступки совершил. В начале он может не быть совершенным, но преданное служение очистит его.

Внезапно в дверях появляется бродяга с Бауэри. Он насвистывает какую-то песенку и что-то выкрикивает пьяным голосом. Все слушатели в растерянности остаются сидеть на своих местах.

Пьяный: Здорово! Погоди, я сейчас. Я тут принес одну штуку.

Бхактиведанта Свами: Не мешайте. Сядьте. У нас серьезный разговор.

Пьяный: Я принесу ее сюда. В церковь. Ладно? Я мигом.

У мужчины седые волосы, короткая борода с проседью и грязная одежда. От него на весь храм разит перегаром. Пошатываясь, он выходит и исчезает за дверью. Усмехнувшись, Бхактиведанта Свами возвращается к лекции.

Итак, не имеет значения, что человек делал раньше; если он посвящает себя сознанию Кришны — повторяет «Харе Кришна» и читает «Бхагавад-гиту» — его следует считать святым. Он — святая душа. Апи чет судрачаро. Даже если вследствие прежнего общения у него еще остаются дурные привычки — не беда. Это не важно. Как бы то ни было, человек должен стать сознающим Кришну, и тогда, постепенно, по мере его продвижения в сознании Кришны, он станет святым.

Привычка — вторая натура. Об этом есть история. Жил-был вор. Как-то раз он с друзьями отправился в паломничество. Когда наступила ночь и все уснули, вор — а он всегда воровал по НОЧАМ — встал и хотел уже было кого-нибудь обокрасть, но потом подумал: «Ох, даже в святом месте привычка воровать меня не оставляет. Нет, не стану я этого делать». Вор взял чью-то торбу и переложил ее на другое место. Так продолжалось всю ночь — бедняга перекладывал мешки паломников с места на место. Но поскольку в нем проснулась совесть и он находился в святом месте, он ничего не украл. Утром все проснулись и стали искать вещи:

— Где моя сумка? У меня пропала сумка.

— И у меня тоже.

Но тут кто-то закричал:

— Да вот же она!

Все стали возмущаться:

— Что происходит? В чем дело?

И тогда вор встал и сказал своими товарищами:

— Друзья мои, всю жизнь я промышлял воровством, и мне было трудно преодолеть привычку воровать по ночам. Но я подумал: «Я пришел в святое место, а значит, не должен воровать». Поэтому я просто поменял сумки местами. Пожалуйста, простите меня.

Такова сила привычки. Он и сам-то не хочет воровать, но привычка берет свое. Он решает больше не красть, но иногда срывается, просто в силу привычки. Так вот, Кришна говорит о таком человеке: если он решил бросить греховную деятельность и встать на путь сознания Кришны, но, по воле случая, совершил некий неблагоприятный с точки зрения окружающих поступок, это не стоит принимать во внимание. В следующем стихе Кришна говорит: *кшипрам бхавати дхарматма* — в скором времени он, несомненно, станет святым, ибо живет в согласии с сознанием Кришны.

Вдруг старый бродяга вваливается снова, громогласно сообщая о своем приходе:

— Как дела?

Он что-то несет. Он пробирается через ряды слушателей и идет вглубь комнаты, прямо туда, где сидит Свами. Он открывает дверь уборной, кладет туда два рулона туалетной бумаги, закрывает дверь и идет к раковине, кладет на нее несколько бумажных полотенец, а под раковину — еще два рулона туалетной бумаги и еще несколько полотенец. Потом распрямляется и поворачивается к Свами и ко всем собравшимся. Свами смотрит на него и спрашивает:

— Как это понимать?

Бродяга молчит — он свое дело сделал. Свами смеется и благодарит гостя, который уже направляется к двери:

— Спасибо. Большое спасибо.

Бродяга выходит на улицу.

— Вот видите, — Бхактиведанта Свами обращается теперь к своей аудитории, — служить — это так естественно. Смотрите, человек на ногах не стоит, но думает: «Тут что-то происходит. Сделаю-ка я для них что-нибудь». Видите, это получается совершенно произвольно, потому что такова наша природа.

Молодые люди переглядываются. Вот это да! Такого они еще не видели! Сначала они пели под звон тарелочек, потом Свами, похожий на Будду, говорил о Кришне и пел молитвы, а теперь еще эта дурацкая история с пьяницей. Но Свами невозмутим: сидит как ни в чем не бывало на полу, словно ничего на свете не боится, и говорит о своей философии, о душе, о том, что все мы станем святыми, даже этот старый алкоголик — и тот станет святым!

Проходит около часа, собака по-прежнему лает, а дети как визжали, так и визжат.

Свами просит своих слушателей, которые еще младенцы в духовной жизни, полностью посвятить себя проповеди сознания Кришны:

— Из «Бхагавад-гиты» вы узнаете, что для Кришны нет никого дороже, чем те, кто проповедует послание «Гиты» людям этого мира. Поэтому наш долг — проповедовать принципы «Бхагавад-гиты», чтобы дать людям сознание Кришны.

Бхактиведанта Свами говорит прямо, без обиняков. Он не может ждать — пусть они даже и не готовы к этому. Медлить нельзя. Мир нуждается в проповедниках сознания Кришны.

Люди страдают из-за нехватки сознания Кришны. Поэтому каждый из нас должен проповедовать сознание Кришны на благо всего мира. Господь Чайтанья, чье изображение висит в витрине нашего храма, был превосходным проповедником сознания Кришны. Господь говорит: «Слушайте Мой приказ. Я приказываю всем вам стать духовными учителями». Господь Чайтанья повелевает нам отправляться во все страны мира и проповедовать сознание Кришны. Кришна ждет, когда мы возьмемся за миссионерскую деятельность, когда будем проповедовать «Бхагавад-гиту» как она есть, ничего не добавляя от себя и не ожидая награды. Нас не должны привлекать мирские занятия, иначе мы не обречем Кришну. Но это не значит, что мы должны относиться к окружающим враждебно. Нет, наш долг — давать им совершенные наставления: станьте сознающими Кришну и...

В этот момент один юноша, не в силах совладать с собой, начинает нести околесицу.

Бхактиведанта Свами: *Нет. Не нужно мешать.*

Парень (поднимается): *Слушайте, вы...* (Парень начинает выходить из себя, остальные пытаются его успокоить.)

Бхактиведанта Свами: *Нет-нет-нет. Нет, нет, нет, нет. Не сейчас. Нет, сейчас не время вопросов.*

Парень: *Дайте мне сказать.*

Бхактиведанта Свами: *Нет. Сейчас вы не должны говорить.*

Парень: *Нет, подождите. Постойте.*

Бхактиведанта Свами: *Почему вы прерываете лекцию? Для вопросов у нас есть специально отведенное время.*

Некоторые из присутствующих: *Да ладно вам, пусть говорит! Дайте человеку сказать!* (Одни поддерживают парня, защищая его право высказаться, другие изо всех сил стараются его уговорить.)

Второй парень: *У меня есть всего один вопрос. Пожалуйста... Сколько времени можно просидеть, ни о чем не думая? Сколько это может продолжаться?*

Бхактиведанта Свами: *Я еще не закончил. У нас будет время для вопросов, когда лекция закончится. (Обе группы в аудитории продолжают ссориться.) Хорошо, меня радует ваше любопытство, но, пожалуйста, подождите. Потерпите немного, мы еще не закончили. Как только мы завершим лекцию — минут через пять-десять, — я уделю внимание вашему вопросу. Потерпите. Сядьте. (Аудитория успокаивается, и Свами продолжает говорить.)*

Через пять минут...

Бхактиведанта Свами: *Ладно. Этот джентльмен уже не может терпеть. Давайте на этом остановимся. Итак, что вы хотели спросить, сэр?*

Парень: *Практически мы стремимся уделять особое внимание тем, кого мы отождествляем с фактом самим по себе. Многие должны объяснять вопросы «где» и «почему», касающиеся метафизической истины, согласно которой «я мыслю — следовательно, я существую».*

Бхактиведанта Свами: *В чем конкретно ваш вопрос?*

Парень: *У меня нет ответа на этот вопрос. Я могу только сказать, что пытаюсь... живу, дышу.*

Бхактиведанта Свами: *Да.*

Парень: *Так вот... способность — скажите, объясните, почему у меня ничего не получается? Могу я понять эти «где» и «почему»?*

Бхактиведанта Свами: *Хорошо.*

Парень: *Мне тяжело с вами. Мне трудно сформулировать.*

Бхактиведанта Свами: *Пока мы здесь, в материальном мире, у нас всегда много трудностей.*

Парень: *Трудностей не много. Трудностей не много. Это величайший факт. У меня... Я знаю...*

Бхактиведанта Свами: *Да.*

Парень: *Я также знаю, что «где» и «почему» моего личного...*

Бхактиведанта Свами: *Да.*

Парень: *Я не приходил сюда. Но дайте я объясню. В этом нет нужды... Я понимаю, что должен... Я думаю, разница в том, чтобы научиться... Вы обнаружите это бесчисленное множество раз по тому же признаку... Может быть, нам удастся примирить факт индивидуального существования в течение долгого времени, чтобы выяснить, почему...*

Бхактиведанта Свами (поворачиваясь к одному из молодых людей): *Рой, ты можешь ему ответить? Это общий вопрос. Можешь ответить?*

Рой сочувственно оборачивается к бессвязно бормочущему парню, а Свамиджи обращается к своим слушателям:

— На сегодня достаточно, — теперь его голос звучит устало и покорно, — давайте проведем киртан.

Нижний Ист-Сайд вновь затихает. Начинается пение: звенят бронзовые тарелочки, голос Свамиджи выводит мелодию, а аудитория ему подпевает. Это продолжается еще полчаса.

Девять часов. Собравшиеся сидят перед Свами. Один парень приносит ему яблоко, небольшую деревянную чашку и нож. Пока присутствующие прислушиваются к своим ощущениям и пытаются оценить эффект пения, словно это какой-то новый наркотик, Свами режет яблоко пополам, потом на четыре части, потом на восемь, пока ломтиков не становится достаточно много. Он берет один себе и просит одного из ребят обнести всех остальных. Свами откидывает голову, ловко отправляет в рот ломтик яблока, не касаясь пальцами губ, и долго, задумчиво жует. Вся его паства молча жует маленькие

ломтики яблока. Бхактиведанта Свами встает, надевает туфли и выходит через боковую дверь.

* * *

Когда Бхактиведанта Свами удалялся в свое жилище, а гости, выйдя через парадную дверь, расходились по домам, Дон и Рафаэль выключали свет, запирали дверь и, завернувшись в одеяла, устраивались на полу спать. Дон и Рафаэль как раз подыскивали себе жилье, когда слышали о «доме Свами». Любому, кто выказывал хотя бы небольшое желание стать его учеником, Бхактиведанта Свами позволял жить в магазинчике и считать его своим домом. Конечно, за проживание и пищу Свами просил вносить какую-то плату, но уж если денег совсем не было, как у тех же Дона и Рафаэля, — что ж, ладно... Пусть живут и помогают чем могут.

Дон и Рафаэль первыми откликнулись на предложение Свами. Им нравился и сам Свамиджи, и его пение, а вот философию и стиль жизни преданных они всерьез не воспринимали. Ни денег, ни работы у них не было, они носили длинные спутанные волосы и днем и ночью ходили в одной и той же одежде. Бхактиведанта Свами настаивал, чтобы, по крайней мере, пока они живут здесь, они соблюдали установленные правила — не употребляли наркотики и алкоголь, не играли в азартные игры, отказались от недозволенных половых отношений и не ели мяса. Он понимал, что эту парочку сложно назвать настоящими учениками, но тем не менее позволил им остаться, надеясь, что со временем они станут серьезнее.

Часто в поисках ночлега в магазинчик заглядывал какой-нибудь скиталец, и Дон с Рафаэлем его пускали. Однажды в «Бесценных дарах» несколько ночей спал на деревянной скамье пожилой седобородый индеец с забинтованными ногами, который принял христианство и сейчас шел пешком со своей миссией — сообщить миру о скором конце света. Порой в магазинчике находили приют до дюжины бродяг: Дон с Рафаэлем без проблем предоставляли им ночлег, объясняя, что Свами будет не против — при условии, что они рано встанут. Пристанище находили даже те, кого привлекала лишь возможность бесплатно поесть. После утренней лекции и завтрака они обычно снова «отчаливали» в *майю*.

Дон и Рафаэль были постоянными жильцами Свами, хотя днем обычно куда-то пропадали, возвращаясь только затем, чтобы поесть, поспать и поучаствовать в вечернем пении. Мылись они только время от времени и в таких случаях пользовались ванной Свамиджи. Иногда случалось так, что днем они торчали в магазинчике и, когда кто-то заходил и спрашивал о лекциях Свами, рассказывали все, что знали. (А знали они совсем немного.) Они честно признавали, что не разделяют философских взглядов Свами и последователями его себя не считают. А если кто-то чересчур донимал их расспросами о его учении, Дон и Рафаэль советовали: «Слушай, может, тебе

сходить наверх и поговорить с ним самим? Свами живет в квартире, через двор. Сходи и поговори с ним».

Большую часть времени Бхактиведанта Свами проводил у себя на квартире. Иногда, выглядывая из окна, он замечал, что в маленькой уборной забыли выключить свет. Сойдя вниз, чтобы попросить не жечь зря электричество, он порой заставлял своих жильцов болтающими или читающими лежа на полу. Бхактиведанта Свами бросал на них строгий взгляд и просил не оставлять свет включенным, объясняя, насколько важно не тратить попусту энергию и деньги Кришны. Бхактиведанта Свами носил *кхадди*, домотканую одежду из грубого хлопка, которая казалась американцам немного странной. Даже шафрановые *дхоти* и *чадар* выглядели необычно: неравномерно выкрашенные натуральным индийским красителем, эти выцветшие одежды не были похожи ни на что западное. Бхактиведанта Свами выключал свет. Парням нечем было возразить, и они не находили ничего умнее, как просто с любопытством пялиться на него несколько неловких мгновений, пока он не уходил, больше не сказав ни слова.

Денег постоянно не хватало. На вечерних встречах Бхактиведанте Свами обычно жертвовали пять или шесть долларов мелочью и бумажками. Дон обещал, что скоро поедет в Новую Англию собирать яблоки и привезет для Свами денег. Рафаэль тоже уверял, что скоро разбогатеет. А Бхактиведанта Свами просто ждал и во всем полагался на Кришну. Иногда он расхаживал по двору, между зданиями, взад-вперед и, опустив руку в мешочек, повторял на четках *мантру*. Соседям он казался загадкой.

Но чаще всего он сидел в своей комнате и работал. Как он сказал когда-то в одной лекции, еще на Бауэри: «Я все время работаю, читаю или пишу — всегда что-то делаю, круглые сутки». Одной только работы над переводом монументального «Шримад-Бхагаватам» в шестидесяти томах, по четыреста страниц каждый, ему бы хватило, чтобы трудиться не вставая, дни и ночи напролет. Каждую свободную минуту он посвящал работе — сидел за маленькой пишущей машинкой или переводил с санскрита на английский. Львиную долю работы он проделывал в ранние утренние часы, когда никто не мешал. Он внимательно просматривал комментарии *ачарьев* прошлого, на санскрите и бенгали, подбирал подходящие цитаты из них и, придерживаясь объяснений этих великих учителей, дополнял их собственными мыслями и духовным опытом, а затем, старательно сплетая все это воедино, печатал на машинке свои «комментарии Бхактиведанты». У него не было ни малейшего представления, где брать средства на издание следующих томов, но работу он не бросал, веря, что все получится.

Но миссия его не ограничивалась переводом «Шримад-Бхагаватам», поэтому много времени и сил он тратил на беседы с посетителями. Если бы работа над книгами была его единственной целью, зачем тогда ехать в Америку и проходить через все связанные с этим трудности и опасности? Но сейчас у него было много гостей, и ему приходилось беседовать с каждым,

убеждая их в важности сознания Кришны, — это было частью его миссии. Приходили, как правило, молодые люди, совсем недавно переехавшие в Нижний Ист-Сайд. У Свами не было ни установленных приемных часов, ни секретаря, который мог хоть как-то оградить его от частых посещений. Желающие могли прийти в любое время, с раннего утра и до десяти вечера, и ему постоянно приходилось отрываться от своих переводов, чтобы поговорить с гостями. Отношения между соседями в этом районе были простыми, без церемоний, и часто к нему забредали просто какие-то люди с улицы. Иногда приходили искренние и ищущие, но много было и таких, кто заглядывал просто от нечего делать, а порой и одурманенных наркотиками или алкоголем. Приходили не только чтобы смиренно задавать вопросы, но и чтобы поспорить.

Однажды молодой хиппи, наглотавшийся ЛСД, поднялся к Свами и, усевшись напротив, заявил:

— Сейчас я выше вас. Я — Бог.

Бхактиведанта Свами слегка склонил голову и сложил ладони:

— Пожалуйста, примите мое почтение, — сказал он, а затем вежливо попросил «Бого» удалиться.

Другие честно признавались, что сошли с ума или одержимы духами и просто хотят избавиться от душевных страданий.

Лон Соломон: *Я искал духовные центры — такие места, знаете, куда можно пойти и тебя не выгонят (а не так, как в магазинах) и где ты можешь по-настоящему поговорить с людьми и попытаться понять высшую истину. Я приходил в магазинчик Свами, зная, что это — настоящий духовный центр. Там и в самом деле было что-то такое... Я сидел на наркотиках, и периодически меня посещала мысль: а ведь я, наверное, Бог или что-то вроде того (что, конечно, было весьма далеко от моего настоящего положения). На самом деле у меня были проблемы, и из-за сильнейших страданий я стал как ненормальный. И стоило мне почувствовать малейшее желание увидеть Свами, меня как ветром несло к нему. Я не считал необходимым посещать его лекции, но часто приходил просто так. Помнится, я там даже ночевал. Двери магазинчика для меня были открыты в любое время, и ночевать мне там всегда разрешали. Я хотел показать Свами, в каком плачевном состоянии нахожусь, чтобы он уж наверняка мне помог. Он предложил мне к нему присоединиться, и тогда он точно разрешил бы мои проблемы. Но я был к этому не готов.*

Я был очень привязан к сексу и хотел знать, что Свами имеет в виду, когда говорит о незаконном сексе. Что он под этим понимает? Он сказал: «Это значит секс вне брака». Но меня такой ответ не удовлетворил, и я попросил объяснить подробнее. Он предложил мне для начала подумать над ответом, который он уже дал, а на следующий день прийти и обсудить этот вопрос более подробно.

На следующий день я явился с девушкой. Свами открыл дверь и сказал: «Я очень занят. У меня много работы, мне нужно переводить. Сейчас я не могу

тебя принять». Это был первый (и единственный) раз, когда он не оказал мне радушного приема, не уделил внимания и не ответил на мои вопросы. Поэтому я сразу же ушел, вместе с подружкой. Он словно видел меня насквозь и безошибочно определил, что я пришел к нему, чтобы произвести впечатление на девушку. Он сразу это заметил. Такое общение было ему не нужно. Но всякий раз, когда я действительно приходил к нему с проблемами, он мне помогал.

Иногда приходили молодые люди, воображавшие себя знатоками «Бхагавад-гиты», и пытались проверить, насколько хорошо ее знает Свами.

— Вы прочли «Бхагавад-гиту», — говорил Бхактиведанта Свами. — И каков же ваш вывод? Если вы утверждаете, что знаете «Гиту», то должны знать, к какому заключению приходит Кришна.

Но большинству из них даже в голову не приходило, что «Гита», оказывается, подводит к какому-то заключению. А если даже и подводит, то с какой стати им строить на этом выводе всю свою жизнь? «Гита» — духовная книга; значит, следовать ей совсем не обязательно.

Один молодой человек спросил:

— А по какой книге будут лекции на следующей неделе? Вы будете читать «Тибетскую книгу мертвых»? — как будто Бхактиведанта Свами был преподавателем религиоведения в колледже.

— В «Бхагавад-гите» есть все, — ответил Бхактиведанта Свами, — каждый ее стих можно изучать три месяца.

Были и другие вопросы:

— А как насчет Камю?

— А в чем философия Камю? — спрашивал Бхактиведанта Свами.

— Он говорит, что все есть абсурд и что единственный философский вопрос — совершать или не совершать самоубийство.

— Это значит, что все — абсурд с его точки зрения. Материальный мир абсурден, но за его пределами существует духовный мир. Получается, что Камю не знает о существовании души. Душу нельзя убить.

Приверженцы разных мыслителей спрашивали у него:

— А что вы думаете о Ницше? О Кафке? О Тимоти Лири? О Бобе Дилане?

Бхактиведанта Свами спрашивал, в чем суть их учений, и почитателю того или иного интеллектуального героя приходилось отвечать на этот вопрос, а потом защищать своего кумира.

— Это просто досужие домыслы, — говорил Бхактиведанта Свами. — В материальном мире все — обусловленные души. Ваше знание несовершенно. Ваши чувства грубы. Что толку в вашем мнении? Мы должны получать знание из совершенного источника, от Кришны.

— Вы хотите сказать, что никто из великих не сознает Бога? — спросил кто-то из слушателей.

— Они сознают Бога настолько, насколько они искренни. Но если нам нужно совершенное знание о Боге, мы должны обратиться к *шастре*.

Желающих поспорить было немало, но пристальный взгляд Свами и его несокрушимая логика обычно заставляли спорщика задуматься и замолчать.

— А не является ли более совершенным духовное наследие Китая?

Порой ответом Бхактиведанты Свами было просто недовольное выражение лица.

— Вообще лично я следую *веданте*, — добавлял иногда вопрошающий.

— А вы знаете, что такое *веданта*? Вы знаете, как звучит первый афоризм «Веданта-сутры»? Знаете?

— Нет, я...

— Тогда как вы можете говорить о *веданте*? *Ведаиш ча сарваир ахам эва ведйах*. Кришна говорит, что именно Он — цель *веданты*. И если вы ведантист, тогда вы должны стать сознающим Кришну.

— А как насчет Будды?

— А вы следуете Будде?

— Нет.

— Вот именно что нет — вы просто болтаете. А почему не следуете? Следуйте Кришне, следуйте Христу, следуйте Будде. Но не нужно впустую молоть языком.

— Ваше учение похоже на христианство. Есть ли разница?

— Это то же самое: любовь к Богу. Но кто такой христианин? Кто следует Христу? Библия учит: «не убий», но убивать христиане умеют и делают это по всему миру. Вы знаете об этом? Насколько я знаю, христиане говорят, что Иисус умер за наши грехи, — так почему вы по-прежнему грешите?

И как Бхактиведанта Свами был далек от американских ценностей, так и посетители его были далеки от абсолютного знания. Кто бы ни приходил, Свами не тратил времени попусту, а сразу же переходил к философии, подкрепляя свои рассуждения логикой и здравым смыслом. Он неумоимо выступал против атеизма и имперсонализма. Он говорил веско, доказывая существование Бога и универсальность сознания Кришны. Он говорил много и решительно, днями и ночами, разбирая все возможные вопросы и учения.

Иногда приходилось и слушать. Он выслушивал суждения на самые разные темы, волновавшие американцев. Он узнал, что местная молодежь недовольна войной и состоянием американского общества. Один парень сказал ему, что не хочет жениться, потому что не может найти ни одной целомудренной девушки; лучше иметь дело с проститутками. Другой признался, что, когда мать была им беременна, она хотела сделать аборт, но в последний момент ее отговорила бабушка. Беседовал он и с гомосексуалистами. Однажды кто-то сказал ему, что в некоторых нью-йоркских кругах считается шиком есть плоть недоношенных младенцев. На всех этих встречах Бхактиведанта Свами говорил людям истину.

Разговаривая с марксистами, он объяснял, что, хотя Маркс считал все собственностью государства, на самом деле все принадлежит Богу. Только «духовный коммунизм», при котором в центре всего стоит Бог, приведет к

успеху. Видения от ЛСД он называл обычными галлюцинациями и объяснял, как можно на самом деле увидеть Бога и каков Он.

После первой же встречи многие из этих посетителей уходили и больше не возвращались. Но некоторые из новых друзей остались. Они наблюдали, как Свами общается с гостями, и им начинали нравиться его аргументы, заботливое отношение к людям и преданность Кришне. Было видно, что он действительно знает, как помочь людям. Кто бы и с какой проблемой ни приходил к нему, всем он предлагал в качестве решения сознание Кришны, давая им ровно столько, сколько они могли принять. И некоторые начали относиться к словам Свами всерьез.

* * *

«Мы назовем наше общество ИСККОН — „Международное общество сознания Кришны“, — придумав эту аббревиатуру, Бхактиведанта Свами весело рассмеялся.

Он начал подготовку к юридической регистрации Общества еще весной, когда жил на Бауэри. Но даже до того, как оформить его официально, он уже говорил о «Международном обществе сознания Кришны», упоминал о нем в письмах в Индию и в интервью для «Вилледж войс». Один из новых друзей Бхактиведанты Свами предложил название, которое, по его мнению, для жителей Запада звучало бы более привычно, — «Международное общество сознания Бога», но Бхактиведанта Свами настоял: «Сознания Кришны». «Бог» — понятие расплывчатое, а «Кришна» — это было и точно, и научно. С духовной точки зрения «сознание Бога» звучало слабее и не указывало непосредственно на личность. А если жители Запада не знают, что Кришна — Бог, то Международное общество сознания Кришны расскажет им об этом, прославляя Его «в каждом городе и каждой деревне».

Выражение «сознание Кришны» Бхактиведанта Свами позаимствовал из «Падьявали», книги, которую в шестнадцатом веке написал Шрила Рупа Госвами. Именно так он перевел фразу *кршна-бхакти-раса-бхавита*, «наслаждаться нектарным вкусом преданного служения Кришне».

Но регистрация ИСККОН как некоммерческой религиозной организации, свободной от уплаты налогов, требовала денег и услуг юриста. У Карла Йоргенса уже был небольшой опыт в учреждении религиозных, политических и благотворительных организаций, и когда он познакомился с Бхактиведантой Свами на Бауэри, то вызвался ему помочь. Он обратился к знакомому юристу по имени Стивен Голдсмит.

Стивен Голдсмит, молодой еврей, работал адвокатом, был женат и имел двоих детей. У него была своя контора на Парк-авеню. Мистер Голдсмит интересовался духовными движениями, и когда Карл рассказал ему о планах Свами, Стив сразу же загорелся этой идеей — зарегистрировать для индийского *свами* религиозное общество. Он пришел к Бхактиведанте Свами

на Вторую авеню, 26, и обсудил с ним проблемы регистрации, освобождения от уплаты налогов, его иммиграционный статус и, кроме того, некоторые вопросы сознания Кришны. Мистер Голдсмит приходил к Бхактиведанте Свами еще несколько раз. Однажды он привел детей, и тем очень понравился приготовленный Свами «суп». Он начал посещать вечерние лекции, на которых зачастую был единственным слушателем, не принадлежащим к хиппи. Однажды вечером, подготовив все необходимые бумаги для завершения процедуры регистрации, мистер Голдсмит пришел на лекцию и *киртан* Бхактиведанты Свами, чтобы собрать подписи учредителей нового общества.

11 июля

Бхактиведанта Свами читает лекцию.

Мистер Голдсмит, в широких брюках и рубашке с галстуком, сидит на полу рядом с дверью и внимательно слушает, не обращая внимания на уличный шум. Бхактиведанта Свами только что закончил рассказывать о том, как ученые своими атеистическими толкованиями «Бхагавад-гиты» сбивают с толку простодушных людей. Теперь, в знак почтения к уважаемому юристу, а может быть, желая лучше донести до него сказанное, Бхактиведанта Свами объясняет, что имеется в виду.

Я приведу пример из жизни, показывающий, как можно поставить все с ног на голову. Вот председатель нашего Общества, господин Голдсмит... Он знает, что благодаря умению толковать законы опытный юрист может многого добиться. Когда я жил в Калькутте, правительство издало закон о налогообложении, но один опытный юрист так истолковал этот закон, что правительству пришлось полностью его пересматривать, — действиями этого юриста их планы потерпели крах. Итак, мы не хотим сорвать план Кришны, для осуществления которого была рассказана «Бхагавад-гита». Но некоторые самозванцы пытаются это сделать. Поэтому их действия незаконны. Да, господин Голдсмит, вы можете задать вопрос.

Мистер Голдсмит встает и, к удивлению присутствующих, делает краткое объявление с просьбой подписаться под уставом нового религиозного движения, возглавляемого Свами.

Бхактиведанта Свами: *Все на месте. Вы можете собрать адреса прямо сейчас.*

Мистер Голдсмит: *Да, я соберу их прямо сейчас.*

Бхактиведанта Свами: *Да, пожалуйста. Билл, дай свой адрес. И Рафаэль, ты тоже. И Дон... Рой... Мистер Грин.*

На этом программа обрывается, и те, кого попросили подписаться в качестве учредителей, собираются в круг посреди маленького магазинчика, ожидая возможности бегло просмотреть страницы документа, который юрист достал из дипломата, и поставить подпись на указанном месте. Но пока что среди них нет ни одного, кто бы решил полностью посвятить себя сознанию Кришны.

Мистеру Голдсмиту нужно собрать необходимое количество подписей. Это горстка сторонников Свами, которые достаточно уважительно к нему относятся и хотят помочь. Первыми попечителями, которым предстоит занимать этот пост в течение года «до первого ежегодного собрания членов организации», стали Майкл Грант (который поставил подпись и дал свой адрес, даже не прочитав документ), его подруга Джейн, и Джеймс Грин. Никто из них не собирался на полном серьезе брать на себя какие-то обязательства, но помочь Свами, дав возможность обрести законное существование только что родившемуся обществу, они были рады.

Вторая группа попечителей, согласно закону, вступала в должность через год. Ими стали Пол Гардинер, Рой и Дон. Попечителями с начала третьего года существования общества предстояло быть Карлу Йоргенсу, Биллу Эпштейну и Рафаэлю.

Никто из них толком не понимал, что это за документ на пяти страницах, поняли только, что Свами учреждает какое-то общество. Зачем? А затем, чтобы освободиться от налогов, если кто-то дает большое пожертвование, и ради прочих привилегий, которыми может пользоваться зарегистрированная религиозная организация.

Но тогда все это едва ли казалось им нужным и даже достойным внимания. Кто будет жертвовать? У кого из прихожан есть деньги? Да ни у кого. За исключением, может быть, мистера Голдсмита.

Но Бхактиведанта Свами смотрит в будущее. Его планы гораздо шире, чем простое освобождение от налогов. Он пытается служить духовным предшественникам и исполнить древнее пророчество из священных писаний о том, что в разгар Кали-юги на Земле возникнет духовное движение, которое будет процветать в течение десяти тысяч лет. На фоне безумно долгой эпохи Кали (которая длится четыреста тридцать две тысячи лет) шестидесятые годы двадцатого столетия кажутся мгновением.

В Ведах говорится, что вселенское время движется циклично, проходя через четыре периода (*юги*), худший из которых — эпоха Кали, время, когда люди утрачивают свои духовные качества и в итоге человеческое общество превращается в стадо животных, лишенных представления о том, каким надо быть человеку. Но кроме того ведические писания предсказывают наступление «золотого века» духовной жизни, который начнется с приходом Господа Чайтаньи и продлится десять тысяч лет — словно небольшой водоворот, движущийся против течения Кали-юги. Заглядывая на тысячелетия вперед, но при этом стоя обеими ногами на земле Второй авеню, Бхактиведанта Свами основал Международное общество сознания Кришны. Пока что за все отвечает он один: платит за аренду, оформляет регистрацию, а самое главное — прокладывает путь для будущего всемирного сообщества преданных. Однако он не считал, что такое скромное начало как-то ограничивает размах его божественной миссии. Он знал, что все зависит от Кришны — и успех, и поражение. На все воля Всевышнего. А ему надо лишь пытаться.

Цели общества, зафиксированные в свидетельстве о регистрации ИСККОН, раскрывали замысел Бхактиведанты Свами. Их было семь, как и в проекте устава Лиги преданных, основанной им в Джханси (Индия, 1954 год). Та попытка оказалась безуспешной, но цели остались прежними.

Семь целей Международного общества сознания Кришны:

а) систематически распространять в массах духовное знание и обучать людей методам духовной практики, чтобы восстановить нарушенное равновесие в системе ценностей общества, а также обеспечить подлинное единство людей и установить мир во всем мире;

б) проповедовать философию сознания Кришны, изложенную в «Бхагавад-гите» и «Шримад-Бхагаватам»;

в) объединить членов Общества и приблизить их к Кришне, изначальному существу, и тем самым дать членам Общества и человечеству в целом представление о том, что каждая душа является неотъемлемой частицей Бога (Кришны);

г) распространять и поощрять движение *санкиртаны* — совместного пения святого имени Господа, как тому учил Господь Шри Чайтанья Махапрабху;

д) построить для членов Общества и всех людей город в одном из святых мест, где проходили трансцендентные игры Кришны, Верховной Личности Бога;

е) объединить членов Общества в большую семью и научить их более простому и естественному образу жизни;

ж) для достижения вышеупомянутых целей издавать и распространять периодические издания, журналы и книги.

Независимо от того, что думали о целях Общества первые попечители ИСККОН, для Бхактиведанты Свами они были зримой реальностью. Как сказал господин Рубен, машинист метро, встретивший Бхактиведанту Свами в парке на Манхэттене в 1965 году, «он как будто знал, что у него будут храмы, заполненные преданными... „Храмы и книги уже есть, — говорил он, — они существуют, только время отделяет нас от них“».

Под номером один в уставе значилось «распространение духовного знания». «Проповедь» — это слово, которое Бхактиведанта Свами употреблял чаще всего. Для него оно значило гораздо больше, нежели просто чтение лекций. Под проповедью он понимал славную и бескорыстную готовность пойти на любой риск ради Верховного Господа. Господь Чайтанья проповедовал, путешествуя по всей Южной Индии, вдохновляя тысячи и тысячи людей восторженно петь и танцевать вместе с Ним. Господь Кришна проповедовал «Бхагавад-гиту», стоя с Арджуной на колеснице на поле

сражения, Курукшетре. Господь Будда проповедовал, Иисус Христос проповедовал — все чистые преданные проповедуют.

Своей проповедью ИСККОН должен был добиться того, что пока не удалось ни Лиге Наций, ни ООН, — «подлинного единства и мира во всем мире». Труженикам ИСККОН предстояло принести в человеческое общество, глубоко пораженное материализмом и раздорами, мир и спокойствие. Им надлежало «систематически распространять духовное знание» — научное знание о Боге, не ограниченное узкими сектантскими представлениями. Это не было рождением новой религии: в июле 1966 года Бхактиведанта Свами пересадил на западную почву росток движения *санкиртаны*, вечной проповеди о Боге.

Члены Общества должны сплотиться и, слушая «Бхагавад-гиту» и «Шримад-Бхагаватам» и повторяя *мантру* Харе Кришна, понять, что каждое живое существо — душа, вечно связанная с Кришной, Верховной Личностью Бога. Тогда они смогут донести это знание до «всего человечества» — главным образом через *санкиртану*, пение святого имени Бога.

Еще ИСККОН должен был «построить город в одном из святых мест, где проходили духовные игры Кришны». Разве эта цель не выходит за пределы магазинчика? Бхактиведанта Свами никогда не мыслил узко, он «как будто знал, что у него будут храмы, заполненные преданными».

Он хотел, чтобы ИСККОН учил людей «простому, более естественному образу жизни». Бхактиведанта Свами помнил об индийских деревнях, где люди по сей день живут так, как когда-то жил Сам Кришна. Такая жизнь наиболее благоприятствует развитию духовного сознания.

Достигнуть первых шести целей можно было за счет седьмой: ИСККОН должен издавать и распространять литературу. Таково было особое наставление, полученное Бхактиведантой Свами от Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Однажды, в 1935 году, во Вриндаване, на Радха-кунде, Бхактисиддханта Сарасвати сам сказал ему: «Если когда-нибудь у тебя будут деньги, печатай книги».

Разумеется, никто из первых последователей Свами, подписавших свидетельство о регистрации ИСККОН, не представлял себе, каким образом воплотится мечта Свами, но тем не менее эти семь пунктов не были просто религиозной риторикой, призванной убедить нескольких правительственных чиновников штата Нью-Йорк. Бхактиведанта Свами действительно намеревался воплотить в жизнь каждый из пунктов этой программы.

Сейчас, конечно, условия работы оставляли желать лучшего. «Главное место богослужения, расположенное по адресу Вторая авеню, 26, в городе, округе и штате Нью-Йорк», на тот момент было единственным центром Международного общества сознания Кришны. Но всем, кто с ним общался, Бхактиведанта Свами давал понять, что живет не на Второй авеню и не в Нью-Йорке. У него было духовное видение. Его Гуру Махараджа в свое время не побоялся покинуть святые места, чтобы проповедовать в Калькутте, Бомбее и Дели. Но при этом, как говорил Бхактиведанта Свами, он не был жителем ни

одного из этих городов: совершенно поглощенный преданным служением, он всегда пребывал на Вайкунтхе, в духовном мире. Так же и «место богослужения в доме номер 26 по Второй авеню» уже не было одним из нью-йоркских магазинчиков, бывшей антикварной лавкой. И магазинчик, и квартира теперь одухотворились и превратились в духовную обитель. «Все человечество» могло прийти сюда, чтобы, независимо от расы или религиозных убеждений, найти здесь прибежище. Каким бы простым, тесным и бедным ни был этот магазинчик, Бхактиведанта Свами считал его «святым местом, где проходят трансцендентные игры Кришны». Это была штаб-квартира, издательство, место паломничества и центр, из которого армии преданных выйдут на улицы, чтобы петь святые имена Бога по всему миру. Вся вселенная могла получить сознание Кришны от ИСККОН, который зарождался здесь, в этом месте.

* * *

Кейт был серьезным последователем Бхактиведанты Свами. После недельного посещения лекций на Второй авеню Кейт оставил свою квартиру на Мотт-стрит и переехал туда. Он носил все те же потрепанные джинсовые шорты и футболку, но теперь он помогал Свами готовить и ходил для него за покупками. В Индии Кейт научился уважительно относиться к святым людям и немного понимал принципы ученичества. Он все больше посвящал себя Свами, а друзья с любопытством за ним наблюдали.

Кейт: Я увидел, как он готовит, и спросил, могу ли я чем-то помочь. Он откликнулся на мое предложение с большой радостью. Сначала мы пару раз вместе сходили в магазин, но потом я эту обязанность практически полностью взял на себя. Он научил меня делать чапати, не пользуясь скалкой, — просто расплющивая тесто пальцами. Мы каждый день пекли чапати, готовили рис, дал и карри.

Кейт стал верным слугой и поваром в доме Бхактиведанты Свами. А среди его друзей с Мотт-стрит только и разговоров было что о взаимоотношениях со Свами. Всем казалось, что эти взаимоотношения вполне серьезны. Ребята знали, что Свамиджи — гуру, и, услышав, что ежедневно в шесть утра в своей квартире он собирается читать лекции, загорелись желанием их посещать.

Кейт: Я часто ходил вдоль Бауэри и искал для него цветы. Если цветов не находилось, я срывал какую-нибудь соломинку или пучок травы. Мне нравилось ходить туда по утрам.

Говард: Обычно я шел к Свами быстрым шагом, повторяя «Харе Кришна» и чувствуя себя хорошо как никогда. Нижний Ист-Сайд, словно в сказке, не выглядел в моих глазах мрачным и серым. Тротуары и здания как будто сверкали. А небо рано утром, когда еще не было смога, казалось красноватым и золотистым.

Чак: Я приносил с собой виноград. Все это было так ново и необычно! Раньше я всегда прогуливался по направлению к Макдугалл-стрит, в сторону богемного, эстетического Нью-Йорка, а сейчас я шел к Нижнему Ист-Сайду, деловой части города, где не было ни хиппи, ни художников, ни музыкантов — одни лишь строгие здания. Там, помимо праздничной атмосферы, было что-то такое, что неудержимо влекло к себе мои чувства и сердце.

Говард: Я пел всю дорогу, вплоть до самого подъезда, а затем нажимал на кнопку звонка с надписью «А.Ч. Бхактиведанта Свами». С жужжанием открывался электрический дверной замок, и через коридор я выходил в небольшой дворик, откуда тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить соседей, поднимался на второй этаж, в его маленькую квартирку.

Чак: Я входил в подъезд. Там на табличках над почтовыми ящиками были написаны имена. Я сразу находил имя «А.Ч. Бхактиведанта Свами», написанное на клочке бумаги, вложенном в одну из рамок. Я звонил и ждал. Через несколько секунд дверь издавала громкое жужжание, замок открывался и я входил. Миновав маленький садик, я поднимался по лестнице внутреннего корпуса.

Почти два месяца Бхактиведанта Свами читал лекции в этой комнате, служившей и рабочим кабинетом, и приемной для гостей. Для Кейта это были не просто лекции по философии — он испытывал на них сладостные мистические переживания.

Кейт: Звук его голоса, восходящее солнце... мы несколько минут пели, тихо хлопая в ладоши, а затем Свамиджи читал лекцию. Больше всего меня поражал его голос, особенно когда он повторял стих на санскрите. Когда я слушал его вживую, как он говорит... для меня это было музыкой.

Чтобы не беспокоить соседей, Бхактиведанта Свами просил ребят «петь потише» и в ладоши хлопать так, чтобы руки едва-едва касались друг друга. Он пел молитвы духовному учителю: самсара-даванала-лидха-лока. «Духовный учитель получает благословение из океана милости. Подобно тому как облако, проливающее дождь, гасит лесной пожар, духовный учитель гасит пылающий огонь материального существования». Он пел, закрыв глаза, освещенный неярким утренним светом. Посетители — Кейт, Говард, Чак, Стив, Уолли — сидели как замороженные. Свами никогда так не ценили, как сейчас.

Чак: Свами сидел в своей комнате. По утрам он не казался таким сияющими, как вечером. Напротив, он находился как будто где-то далеко отсюда. Казалось, он мог вечно так сидеть, неподвижный, как камень. Его глаза превращались в узкие блестящие щелочки. Он доставал свои тарелочки и легонько, о самую кромку, начинал отбивать ритм — раз, два, три-и-и, — а затем глубоким голосом запевал. Его пение было почти атональным. Мелодия звучала монотонно и не выражала ни радости, ни грусти — вечная песня, в которой нет сюжета. Мы старались подпевать, как могли, но Свамиджи несколько раз останавливался и просил: «Тише». Минут через тридцать

киртан заканчивался. Тогда он открывал глаза и говорил: «Мы должны петь тише — соседи жалуются».

Закончив петь, Свами давал одному из ребят томик «Бхагавад-гиты» под редакцией доктора Радхакришнана и просил читать из нее вслух. Он поправлял ошибки в произношении санскрита и давал объяснение стихам. Поскольку людей было немного, времени вполне хватало на то, чтобы все могли принять участие в обсуждении философии. Порой лекция продолжалась часа полтора и охватывала три-четыре стиха.

Стив: Как-то раз Свамиджи упомянул, что манго — царь фруктов, и сказал, что в этой стране достать его не так-то легко. Тут мне пришла в голову мысль принести ему несколько плодов. На Первой авеню был магазин, где в холодильнике всегда хранился запас свежих манго. И каждый день, возвращаясь с работы, я покупал одно хорошее манго и приносил его Свамиджи. Я сделал это своей постоянной обязанностью.

Уолли: Я слышал, как мои друзья говорили: «Я делаю это для Свами». Поэтому однажды я тоже подошел к нему и спросил: «Что я могу для вас сделать?» Он попросил меня конспектировать его лекции.

Молодые люди были уверены, что их служение Свамиджи находится на духовном уровне, что это настоящее преданное служение. Они не сомневались, что, служа представителю Кришны, они служат Самому Кришне.

Как-то утром Бхактиведанта Свами сказал Говарду, что ему нужна помощь в распространении сознания Кришны. Говард ответил, что мог бы перепечатывать на машинке его рукописные переводы «Шримад-Бхагаватам».

Говард: Первый стих начинался со слов: «О-царь». Естественно, у меня возник вопрос, было ли «О» именем царя, а слово «царь» — приложением. Через некоторое время до меня дошло, что подразумевалось «О царь!». Но я ничего не исправлял, не получив его разрешения.

— Да, — говорил он. — Исправь.

Я показывал ему некоторые исправления и предлагал внести их в текст, если он не возражает. Я сообщил ему, что получил степень магистра английского языка и в прошлом году даже преподавал в Университете Огайо.

— О, да, — сказал Свамиджи. — Исправляй. Сделай так, чтобы все было правильно.

Он давал им почувствовать, что значит преданное служение.

— Сначала преданный может быть несовершенен, — говорил он, — но если он занят служением... Стоит ему начать, он сразу же получает возможность очиститься. Где бы вы ни были — в материальном или в духовном мире, — вы всегда служите.

Но служение материального мира не может удовлетворить душу. Это под силу только бхакти, чистому служению, — служению, посвященному Кришне. А лучшее служение Кришне — служение Его представителю.

Ребята быстро это усвоили. Это было не трудно, гораздо легче, чем медитировать: ведь служение — это активная деятельность. Ты действуешь, но

действуешь для Кришны. Они помнили, как отнесся Свамиджи к бродяге с Бауэри, который принес в подарок туалетную бумагу.

— Вот видите, — сказал тогда Свамиджи. — Человек на ногах не стоит, но думает: «Дай-ка послужу». Но служение должно быть добровольным, от чистого сердца, без принуждения.

Уолли: Однажды Свамиджи спросил:

— Слушай, как ты думаешь, ты бы мог выйти на улицу с вайшнавским тилаком?

Я ответил:

— Ну, я бы чувствовал себя немного глупо, но если хотите, то я выйду.

Тогда Свамиджи сказал:

— Нет. Я не хочу тебя ни к чему принуждать.

Стив: Однажды, когда я в очередной раз принес ему манго, он сидел у себя в комнате в окружении преданных. Я отдал ему манго и сел. Он сказал: «Очень хороший мальчик». Он сказал это, словно я был малышом, и все засмеялись. И я почувствовал себя не в своей тарелке. Но Свамиджи остановил их, сказав:

— Нет. Это настоящая любовь. Это сознание Кришны.

После этого уже никто не смеялся.

Когда Говард впервые вызвался помочь с редактированием, все утро он провел за работой в комнате Свамиджи.

— Если вам еще что-нибудь нужно напечатать, скажите, — предложил Говард. — Я мог бы взять работу на дом, на Мотт-стрит.

— Еще? Да у меня куча работы.

Бхактиведанта Свами открыл шкаф и достал две огромные пачки рукописей, завернутые в шафрановую ткань. Там были тысячи страниц, напечатанных в один интервал, — перевод «Шримад-Бхагаватам». Ошеломленный, Говард не мог поверить глазам:

— Здесь же работы на целую жизнь!

Бхактиведанта Свами улыбнулся:

— О, да. На много жизней.

* * *

Из-за присутствия Свами, из-за его лекций и киртанов все стали называть магазинчик «храмом». Но это по-прежнему было пустое и убогое торговое помещение. Идея как-то украсить его пришла в голову ребятам с Мотт-стрит.

Говард, Кейт и Уолли решили сделать Свами сюрприз, когда тот спустится в храм на вечерний киртан. Уолли снял шторы, висевшие в их квартире, и отнес их в прачечную-автомат (где вода, в которой их стирали, стала темно-коричневой от грязи), а потом покрасил их в пурпурный цвет. Квартиру на Мотт-стрит украшали плакаты, рисунки и большие декоративные шелковые панно, которые Говард и Кейт привезли из Индии. Ребята собрали все свои

картины, гобелены, подставки для благовоний и другие экзотические вещи, принесли их вместе с пурпурными занавесками в магазинчик и приступили к украшению «храма».

Они соорудили деревянный помост, чтобы Свами было где сидеть, и обили его старой бархатной скатертью. За помостом, на задней стене, между окнами, выходящими во двор, повесили пурпурные шторы, а по бокам — пару оранжевых. Поверх одной из них, прямо над сиденьем Свамиджи, укрепили большую картину в овальной раме, изображавшую Радху и Кришну, которую написал Джеймс Грин. Написать картину ему поручил Бхактиведанта Свами, дав в качестве образца суперобложку от «Шримад-Бхагаватам» с довольно грубым индийским рисунком. Фигуры Радхи и Кришны были нарисованы несколько схематично, однако знатоки искусства из Нижнего Ист-Сайда, часто заходившие в магазинчик, считали работу Джеймса выдающимся творением.

Кейт и Говард были не вполне уверены, одобрит ли Свами картины и репродукции, которые они привезли из Индии, и потому повесили их у входа, подальше от того места, где будет сидеть Свами. Одна из репродукций, очень популярная в Индии, изображала Ханумана, летящего по небу и несущего гору для Господа Рамачандры. Молодые люди понятия не имели, кто такой Хануман. По форме его верхней губы они определили, что это кот. Другая репродукция изображала человека с шестью руками. В двух зеленых руках он держал лук и стрелу; вторая пара рук — синеватых — держала флейту, а третья пара рук, золотистых, — посох и сосуд.

К вечеру все было готово: они обили тканью возвышение, повесили шторы, прикрепили декоративные шелковые панно, развесили картины и репродукции и теперь украшали помост цветами и подсвечниками. Кто-то принес подушку, на которой Свами будет сидеть, и обитую выцветшей тканью спинку от мягкого кресла.

В дополнение к вещам, привезенным с Мотт-стрит, Роберт Нельсон решил пожертвовать ковер бельгийского производства в восточном стиле, когда-то принадлежавший его дедушке. Он поехал в свой загородный гараж и привез ковер на метро на Вторую авеню, 26. Даже Рафаэль и Дон приняли участие в украшении зала.

Все делалось в секрете, и ребятам не терпелось увидеть реакцию Свами. В тот вечер, когда Свами вошел в помещение, чтобы начать *киртан*, он увидел только что украшенный храм (там даже курились благовония) и удовлетворенно поднял брови.

— Вы делаете успехи, — сказал он, оглядывая комнату и широко улыбаясь.

— Да, — добавил он. — Это и есть сознание Кришны.

Его неожиданная радость была для них настоящей наградой за проявленное усердие. Он взошел на помост — все затаили дыхание, боясь, что он рухнет, — и сел, разглядывая преданных и убранство храма.

Он был доволен ими. Однако сейчас его лицо приняло необычайно серьезное выражение, и, хотя они знали наверняка, что перед ними был все тот же Свамиджи, смех застрял у них в горле, а в счастливых глазах вдруг

появилось смутное беспокойство. Они увидели серьезное лицо Свамиджи, и их недавняя радость сразу же показалась им ребяческой. Как облако мрачной тенью внезапно набегаёт на солнце, так и Свами из веселого неожиданно стал серьёзным, и, увидев это, они тут же решили стать такими же спокойными и серьёзными. Он взял *карталы* и опять улыбнулся широкой одобрительной улыбкой, отчего на душе у них снова стало светло.

Храм оставался все тем же тускло освещенным маленьким магазинчиком, с неровным, потрескавшимся полом, под которым жили полчища тараканов. Но поскольку большинство предметов, украшавших помещение, были привезены из Индии, все вокруг стало казаться подлинным, особенно когда на возвышении сидел Свамиджи. Теперь всякий, кто входил сюда, сразу же попадал в атмосферу индийского храма.

Майкл Грант: *Придя туда однажды вечером, я вдруг увидел на полу ковры, а на стенах — плакаты и картины. Все как-то неожиданно расцвело, а в магазинчике было много народу. Меня поразило, как за считанные дни люди могли нанести туда столько замечательных вещей. Именно тогда, тем вечером, когда я увидел, как удивительно было все украшено, я перестал сомневаться в том, что у него все получится. Я подумал: да, вот оно — начало.*

Бхактиведанта Свами оглядел группу своих последователей. Он был тронут тем, что они предложили ему почетное место и решили украсить магазинчик Кришны. До этого ему не раз приходилось видеть, как преданные делали что-либо для Кришны. Но здесь он этого еще не видел. В Нью-Йорке всходили семена *бхакти*, и как садовник, ухаживающий за нежными всходами, он, естественно, был тронут милостью Кришны. Глядя на развешанные по стенам картины и плакаты, он сказал:

— Завтра я посмотрю их и скажу, какие годятся, а какие нет.

На следующий день Бхактиведанта Свами пришел посмотреть на развешанные в храме произведения искусства. На одной акварели в рамке был изображен мужчина, играющий на барабанах, и танцующая девушка.

— Это пойдет, — одобрил Свамиджи.

Но следующая картина, на которой была нарисована женщина, показалась ему более мирской, и он сказал:

— Нет, это не годится.

Свами перешел к другой стене. Говард, Кейт и Уолли с беспокойством следили за ним. Подойдя к картине с шестируким человеком, он сказал:

— О, это замечательно!

— Кто это? — спросил Уолли.

— Это Господь Чайтанья.

— А почему у него шесть рук?

— Потому что Он показал, что является воплощением одновременно и Рамы, и Кришны. Это руки Рамы, а это руки Кришны.

— А еще две руки? — спросил Кейт.

— Это руки санньяси.

Он перешел к следующей картине:

— Это тоже очень хорошо.

— А кто это? — спросил Говард.

— Это Хануман.

— Он кот?

— Нет, — ответил Свамиджи. — Он обезьяна.

Ханумана, как доблестного и верного слугу Господа Рамачандры, прославляют в священном писании «Рамаяна». Миллионы индийцев поклоняются воплощению Господа, Раме, и Его слуге Хануману, чьи подвиги являются темой бесчисленных театральных постановок, фильмов, картин и храмовых мистерий. Спросив, кто такой Хануман, парни с Мотт-стрит обнаружили такое же невежество, как и пожилые дамы из пригорода, которые в ответ на вопрос Бхактиведанты Свами, видел ли кто-нибудь из них изображение Кришны, уставились на него в полном недоумении. Мистики из Нижнего Ист-Сайда не могли отличить Ханумана от кота и привезли из Индии — своей, опиумной Индии — изображение Господа Чайтаньи Махапрабху, даже не догадываясь, кто Он такой. И тем не менее между этими молодыми людьми и дамами, посещавшими его лекции на Семьдесят второй улице, было одно существенное различие: хиппи из Нижнего Ист-Сайда служили Свамиджи и пели с ним *мантру* Харе Кришна. Они были по горло сыты материальной жизнью и не страдали болезнью мелких собственников, которые ничего не станут делать задаром. Их сердца открылись Свамиджи, обещавшему расширить их сознание и превратить его в сознание Кришны. Они ощущали, что личное общение с ним возвышает и облагораживает их. Подобно бродяге с Бауэри, который во время лекции Бхактиведанты Свами пожертвовал туалетную бумагу, ребята из Нижнего Ист-Сайда тоже были не вполне нормальными, но Бхактиведанта Свами видел, что ими руководит Кришна, находящийся в их сердцах. Бхактиведанта Свами знал, что пение *мантры* и его лекции о Кришне обязательно изменят их к лучшему.

* * *

Наступил август 1966 года. На здоровье Бхактиведанта Свами не жаловался. Для него это были счастливые дни. Ньюйоркцы сетовали на жару, но Бхактиведанта Свами, привыкший к сорокаградусной жаре Вриндавана, в такую погоду чувствовал себя превосходно.

— Как в Индии, — говорил Свамиджи.

Он ходил без рубашки, выглядел бодрым и чувствовал себя как дома.

Когда-то он думал, что в Америке ему придется сидеть на одной вареной картошке (потому что там не будет ничего, кроме мяса), но здесь он с удовольствием ел тот же рис, *дал* и *чапати*, готовил в своей трехъярусной пароварке, которой пользовался в Индии, и был счастлив. Да и работа над «Шримад-Бхагаватам», с тех пор как Бхактиведанта Свами поселился в

квартире на Второй авеню, шла без помех. А теперь Кришна послал ему этих искренних молодых людей, которые готовили, печатали на машинке, каждый день слушали его лекции, пели вместе с ним *мантру* «Харе Кришна» и все время спрашивали, не нужно ли сделать что-нибудь еще.

Бхактиведанта Свами, как и прежде, был проповедником-одиночкой, который мог остаться, а мог и уйти. Он писал свои книги, ощущая сокровенную близость с Кришной, и совершенно не зависел от молодых людей, которые собирались у него в магазинчике. Но теперь у него появилось духовное дитя — Международное общество сознания Кришны. Ищущие молодые люди (некоторые из них уже больше месяца ежедневно повторяли *мантру*) в духовном отношении были похожи на младенцев, еще нетвердо стоящих на ногах, и он чувствовал, что обязан вести их за собой. Они уже считали его своим духовным учителем и доверили ему руководить ими в духовной жизни. И пусть они не могли еще следовать многочисленным правилам и предписаниям, которых придерживаются *брахманы* и *вайшнав*ы в Индии, начало было обнадеживающим. Как учил Рупа Госвами, главное заключается в том, чтобы «так или иначе» помнить о Кришне. Люди должны повторять *мантру* Харе Кришна и заниматься преданным служением. Все, что у них есть, они должны использовать для служения Кришне. И Бхактиведанта Свами в своей деятельности руководствовался этим основополагающим принципом сознания Кришны как никто другой до него за всю историю вайшнавизма.

Хотя Свами и привлекал молодых людей к приготовлению пищи и печатанию на машинке, сам он при этом не стал работать меньше. Наоборот, на каждого, кто предлагал ему свои услуги и помощь, приходилась сотня таких, которые хотели не служить, а спорить. В разговорах с ними, подчас крича и размахивая кулаками, Бхактиведанта Свами защищал Кришну от философии *майявады*. Этим он также служил Шриле Бхактисиддханте Сарасвати Тхакуру. Он приехал в Америку не для того, чтобы доживать свой век в тишине и покое. И было ясно, что с каждым днем у него будет все больше работы, все больше сторонников и все больше противников.

Сколько он сможет сделать, зависело от Кришны.

— Я уже немолод, — говорил он, — и могу в любой момент уйти.

Но если бы он «ушел» сейчас, можно было не сомневаться, что вместе с ним ушло бы и сознание Кришны, потому что Общество сознания Кришны пока держалось на нем одном. Это он вел *киртаны*, в самозабвении раскачиваясь из стороны в сторону, шел по двору в храм и из храма обратно домой или же с улыбкой часами обсуждал философию — он был единственным творцом и хранителем пока еще крошечного оазиса сознания Кришны в нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде.

19 Так прорастало семя

— Значит ли то, о чем вы говорили сегодня утром, — спросил Говард, — что мы должны считать духовного учителя Богом?

— Это значит, что духовного учителя необходимо почитать наравне с Богом, поскольку он является представителем Бога, — спокойно ответил Бхактиведанта Свами.

— Значит, он не Бог?

— Нет, — сказал Свами, — Бог есть Бог. А духовный учитель — Его представитель. Он неотличен от Господа, ибо он может дать Бога искреннему ученику. Ясно?

— Из беседы с Хаягривой

Август 1966 года.

КОНЕЧНО, ХРАМ в помещении бывшего магазина и двухкомнатная квартира — и жилище, и кабинет по совместительству — лишь временный вариант. По крайней мере, это лучше, чем ничего. Настоящий монастырь посреди городских трущоб. Слава об этом импровизированном храме быстро разнеслась по Нижнему Ист-Сайду. Тихий дворик с маленьким садиком — заповедником для птиц — и густыми деревьями оказался местом, словно специально предназначенным для жаждущих монашеского уединения, а дальняя комната Свами была внутренним святилищем монастыря. Каждая комната имела свой неповторимый облик, или, сказать точнее, обладала каким-то своим, особым характером, в зависимости от того, чем занимался в ней Свами.

Храмовая комната была залом для лекций и киртанов. Читая лекции, Бхактиведанта Свами всегда держался строго и официально. С самого начала, когда помост еще не соорудили и Свамиджи сидел перед гостями на соломенной подстилке, было件нятно, что он здесь для того, чтобы давать наставления, а не для того, чтобы обмениваться репликами со случайными посетителями. Вопросы разрешалось задавать только по окончании лекции. В течение сорока пяти минут слушатели сидели на полу, а Свами делился с ними знанием — чистым, совершенным знанием, подкрепленным логикой. Он опирался исключительно на авторитет Вед, цитировал санскритские стихи, вспоминал слова духовных учителей прошлого... Напрягая голосовые связки, чтобы перекричать уличный шум, с глубочайшей преданностью, читал он свои глубоко научные лекции. Было件нятно, что он давно уже в совершенстве постиг все наставления и выводы предшественников и теперь готов отразить любые выпады.

В магазинчике он пел киртаны, не менее серьезные, чем лекции, но не такие официальные. На киртанах Свамиджи был снисходителен. Все

желающие приносили с собой фисгармонии, деревянные флейты, гитары и подыгрывали в унисон основной мелодии, а иногда импровизировали. Кто-то принес даже старый контрабас со смычком, и любой гость, вдохновленный *киртаном*, мог взять смычок и подыграть. В какой-то канаве ребята подобрали выброшенную раму со струнами от старого пианино, принесли ее в храм и поставили у входа. Во время *киртана* гости, особо не стесняясь, перебирали пальцами струны, издававшие причудливые звуки. Рядом с помостом с потолка свисала большая оркестровая тарелка, которую несколько недель назад принес и повесил Роберт Нельсон.

Но и у экстравагантности были пределы. Иногда новичок брался за *караталы* и играл на них что-то, не слишком похожее на обычное «раз-два-три-и-и», и тогда Свамиджи обычно просил кого-нибудь его поправить, даже рискуя обидеть гостя. Пение Бхактиведанта Свами вел, ударяя одной рукой в небольшой барабанчик бонго^[16]. Даже на этом маленьком бонго он настолько виртуозно отбивал бенгальские ритмы *мриданги*, что один местный барабанщик, мастер игры на конгах^[17], специально приходил на *киртаны*, чтобы только послушать «невероятные ритмы Свами».

Киртаны вызывали новые, сильные переживания. Такого кайфа ребята еще не испытывали! Расширив глаза и качая головами в такт пению, ребята переглядывались, сравнивая ощущения со своим прежним опытом, полученным от наркотиков, и демонстрируя друг другу знаки одобрения:

— Классно! Круче, чем ЛСД!

— Да, слушай, я просто балдею!

А Свами был только рад, что его гости «пьянеют» от *киртана*.

Он дирижировал в *киртанах*, действуя при этом как опытный гуру. Господь Чайтанья сказал: «Для повторения святого имени нет жестких правил», и именно таким Бхактиведанта Свами принес пение «Харе Кришна» в Нижний Ист-Сайд. «Детский сад духовной жизни» — так однажды назвал он этот храм. Здесь он учил азбуке сознания Кришны, давая лекции по «Бхагавад-гите» и руководя совместным пением «Харе Кришна». Иногда, после заключительного *киртана*, он приглашал всех, кому интересно, в свою квартиру побеседовать.

В дальней комнате своей квартиры Бхактиведанта Свами обычно сидел один, особенно по ночам — в два, три, четыре часа, когда все спали. В эти часы в комнате стояла тишина, и он работал в одиночестве, особенно остро ощущая сокровенную близость своих отношений с Кришной. Он сидел на полу перед сундучком, заменявшим ему стол, и поклонялся Кришне, перепечатывая свои переводы и комментарии к «Шримад-Бхагаватам».

Однако в этой же комнате он иногда принимал гостей, и всякий, кто стучался в его дверь, мог войти и поговорить с ним с глазу на глаз. Свами отрывался от пишущей машинки и принимался говорить, слушать, отвечать на вопросы. Иногда он спорил, а иногда шутил. Посетитель мог просидеть с ним наедине полчаса, пока вновь не раздавался стук в дверь, и Свамиджи

приглашал очередного гостя присоединиться к ним. Гости приходили и уходили, а Свамиджи все так же сидел и разговаривал.

Чаще всего это были официальные визиты. Гости задавали философские вопросы, а он отвечал — так же, как после лекций в магазинчике. Но иногда, особенно по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям, когда в храме не было вечерних лекций, его вниманием завладевали те, кто проявил себя как наиболее серьезные его последователи. Часто они задавали ему личные вопросы: что он чувствовал, когда впервые оказался в Нью-Йорке? Что он делал в Индии? Были ли у него там ученики? Были ли члены его семьи преданными Кришны? Каким был его духовный учитель? С ними Бхактиведанта Свами говорил по-другому — спокойнее, задушевнее, с юмором.

Он рассказывал, как однажды утром в Нью-Йорке впервые увидел снег и подумал, что кто-то побелил дома. Он рассказывал, как выступал в церквях в Батлере (когда ребята спросили, что это были за церкви, он, улыбаясь, ответил: «Не знаю», и они вместе рассмеялись). Он часто рассказывал о британском владычестве в Индии и об индийской политике. Он говорил, что заслуга освобождения Индии принадлежит не столько Ганди, сколько Субхасу Чандре Боузу. Субхас Чандра Боуз покинул Индию и сформировал Индийскую национальную армию; он заключил соглашение с Гитлером, чтобы индийские солдаты, сражавшиеся за Британскую Индию и сдавшиеся в плен немцам, были возвращены в Индийскую национальную армию, дабы сражаться против англичан. И впоследствии именно силовая политика Боуза, а вовсе не движение ненасилия Ганди, привела Индию к независимости.

Он рассказывал о своем детстве, которое пришлось на начало века, когда улицы освещались газовыми фонарями, а экипажи и трамваи на конной тяге были единственным транспортом на пыльных улицах Калькутты. Такие беседы очаровывали ребят куда больше, чем божественная философия «Бхагавад-гиты», и они чувствовали, как растет их привязанность к Свами. Он говорил о своем отце, Гоуре Мохане Де, чистом преданном. Гоур Мохан был торговцем тканями, и его семья состояла в близком родстве с аристократическим родом Малликов из Калькутты. У Малликов был храм, в котором поклонялись Божеству Кришны, и когда отец подарил ему, еще совсем маленькому, Божество, он стал подражать поклонению Говинде в храме Малликов. В детстве он ежегодно проводил собственный фестиваль Ратхаятра, в миниатюре воспроизводя грандиозный праздник в Джаганнатха-Пури, и друзья отца обычно шутили:

— Что ж это такое? Ты проводишь Ратха-ятру, а нас даже не пригласил?

— Да это просто дети играют, — отвечал отец.

Но соседи говорили:

— Дети? Да ты просто не хочешь нас приглашать, вот и оправдываешься, что праздник — только для детей.

Бхактиведанта Свами с нежностью вспоминал отца, который всегда был против того, чтобы сын становился «светским» человеком. Отец учил его

играть на *мриданге* и молил *садху*, посещавших его дом, благословить сына, чтобы тот вырос преданным Радхарани.

Однажды он поведал им о первой встрече с духовным учителем. Рассказывал он и о своей фармацевтической фирме, и о том, как в 1959 году принял *санньясу*. Юноши слушали с жадным интересом, но темы, которых касался Свами, были настолько далеки от них, что, услышав слова *мриданга* или *санньяса*, они спрашивали, что это такое, и тогда Свамиджи приходилось делать пространные отступления и рассказывать об индийских специях, барабанах и даже об индийских женщинах. Но о чем бы ни заходила речь, Бхактиведанта Свами в конечном счете озарял все светом *шастр*. Он не ограничивал время беседы и мог каждый день говорить часами, если рядом находился хотя бы один настоящий, искренний слушатель.

В полдень гостиная Свами превращалась в столовую, а по вечерам — в место сокровенного поклонения Господу. Паркетный пол в этой небольшой, площадью около тринадцати квадратных метров, комнате всегда сиял чистотой. Кроме кофейного столика, стоявшего между окнами, выходившими во двор, здесь не было никакой мебели. Теперь каждый день в полдень здесь собиралось человек десять-двенадцать, чтобы пообедать вместе со Свамиджи. Обед готовил Кейт, который все утро проводил на кухне.

Поначалу Кейт готовил только для Свами. Он научился замечательно варить *дал*, рис и *сабджи* в трехъярусной пароварке. Обычно этого хватало еще на одного-двух гостей. Но вскоре гостей прибавилось, и Свамиджи велел Кейту готовить больше (разумеется, уже не в пароварке). Так что в конце концов он готовил уже на дюжину голодных молодых людей. Два нахлебника, Рафаэль и Дон, хоть и не очень-то интересовались философией Свами, каждый день с завидной пунктуальностью приходили к *прасаду*, обычно приводя с собой еще одного-двух приятелей, которые случайно забредали в храм. Стив приходил прямо с работы, из отдела социальной защиты. Заходила и компания с Мотт-стрит. Бывали и другие гости.

На кухне всегда хранился запас традиционных индийских пряностей: свежий стручковый перец, свежий имбирь, семена кумина, куркума и асафетида. Кейт овладел основами приготовления пищи и обучил им своего приятеля Чака, который стал его помощником. Другие ребята часто стояли у дверей узкой кухоньки и наблюдали за тем, как похожие на блины *чапати* один за другим вздуваются над открытым огнем, как футбольные мячи, а затем ложатся сверху на дымящуюся стопку уже готовых *чапати*.

Когда отборный рис *басмати*, разварившись, превращался во влажную, воздушно-белую массу, а *сабджи* булькало, кипя на медленном огне, кухонное колдовство достигало своего апогея — приходило время готовить *чаунк*. Кейт готовил его в точности так, как показал ему Свамиджи. Он ставил на огонь металлическую чашечку, наполовину заполненную топленным маслом, и бросал туда семена кумина. Когда они становились почти черными, он добавлял чили, а когда перец тоже темнел, из чашки начинал валить

удушливый дым — *чаунк* был готов. Кухонными щипцами Кейт снимал с огня чашку с кипящей трескучей смесью, дымящуюся, словно котелок ведьмы, и подносил ее к кастрюле с кипящим *дал ом*. Он приподнимал плотно закрытую крышку, быстрым движением вливал кипящий *чаунк* в *дал* и тут же закрывал кастрюлю... Пух! От соединения *чаунка* с *далом* происходил взрыв, который стоящие в дверях встречали громкими криками одобрения. Это означало, что обед готов. Завершающая операция была настолько непредсказуемой, что однажды крышка кастрюли с грохотом взлетела под потолок, а Кейт немного ошпарил руку. Иногда соседи жаловались на удушливый запах. Но преданным все это очень нравилось.

Когда обед бывал готов, Свамиджи, вымыв руки и прополоскав в ванной рот, входил в «алтарную» комнату — всегда босиком (кожа на ступнях у него была мягкая, розовая) и в шафрановом *дхоти*, доходившем ему до лодыжек. Он шел к кофейному столику, над которым висела картина, изображавшая Господа Чайтанью и Его спутников. А «спутники» Свами стояли вокруг него вдоль стен. Кейт вносил большой поднос с *чапати*, разложенными стопками по дюжине, и ставил его на пол перед алтарным столиком, где уже стояли кастрюли с рисом, *далом* и *сабджи*. Свамиджи начинал читать бенгальскую молитву, которую произносят, предлагая пищу Господу, и все присутствующие, встав следом за ним на колени, старательно повторяли ее слово за словом. Ароматный пар, словно дым курящихся благовоний, поднимался к потолку перед изображением Господа Чайтаньи, а ученики Свами, касаясь головой деревянного пола, повторяли за ним слова молитвы.

После этого Бхактиведанта Свами садился вместе со своими друзьями и ел тот же самый *прасад*, который ели они. Кроме того, он выпивал стакан горячего молока с бананом. Он нарезал банан о край металлического стакана так, чтобы ломтики падали прямо в молоко.

Все знали, что Свамиджи хочет, чтобы каждый из них ел как можно больше *прасада*, и это создавало веселую, домашнюю атмосферу. Никому не разрешалось просто сидеть, ковыряясь в тарелке, или прикасаться к пище только из вежливости. Они ели со смаком — так, как этого хотел Свамиджи. Если он видел, что кто-то ест без удовольствия, он с улыбкой обращался к нему по имени:

— Почему не ешь? Давай, не стесняйся!

Он смеялся и говорил:

— Когда я плыл на корабле в вашу страну, я думал: «Неужели американцы будут это есть?»

Когда молодые люди протягивали тарелки за добавкой, Кейт накладывал им по второй порции риса, *дала*, *чапати* и *сабджи*.

В конце концов, это была духовная пища. Есть надо было много — *прасад* очищал и освобождал от влияния *майи*. Кроме того, это была здоровая, вкусная и пряная пища — не чета американской. Это было так же здорово, как *киртан*. От этой еды можно было запросто «улететь».

Они ели правой рукой, по-индийски. Кейт и Говард научились этому в Индии. Им уже доводилось есть подобные блюда, но, как они сказали Свами и всем его последователям, которые пришли пообедать, даже в Индии им никогда не приходилось пробовать такой вкусной еды.

Один из ребят, Стэнли, был еще совсем юным, и Свамиджи, как любящий отец, всегда следил за тем, чтобы он ел как следует. Мать Стэнли встретилась со Свамиджи и сказала ему, что разрешит сыну жить в храме, только если Свамиджи пообещает ей присматривать за ним лично. Свамиджи согласился. За едой он все время поощрял юношу брать больше, пока у Стэнли в конце концов не прорезался волчий аппетит и он не стал съедать по десятку *чапати* за один присест (он съедал бы и больше, если бы Свамиджи не останавливал его). Но то, что Свами ограничил Стэнли десятью *чапати*, было единственным исключением, обычно же только и слышалось: «Еще... берите еще». Когда, закончив есть, Свамиджи вставал и выходил из комнаты, Кейт забирал с собой пару добровольцев для мытья посуды, а остальные расходились по домам.

Иногда, по воскресеньям, Свамиджи сам готовил пир, состоявший из особых индийских блюд.

Стив: Свамиджи сам готовил прасад и сам раздавал его у себя наверху, в передней комнате. Мы рассаживались рядами, а он, помнится, босиком ходил между нами и ложкой накладывал каждому из разных кастрюль. Обычно он спрашивал, кому что положить и кто хочет добавки. Угощать нас доставляло ему огромное удовольствие. Это были не обычные блюда, а сладости и острые закуски, вроде сладкого риса и качори, у которых был особенный, ни на что не похожий вкус. И даже когда у каждого набиралось по полной тарелке, он снова обходил нас и предлагал взять добавку.

Однажды он подошел ко мне и спросил, чего бы я еще пожелал, — может, сладкого риса? В ту пору у меня были ложные представления о духовной жизни: я считал, что должен отказывать себе в том, что мне больше всего нравится, поэтому попросил простого риса. Но даже этот «простой» рис был восхитительным желтым рисом с жареными сырными шариками.

В те вечера, когда не было программ, в квартире Свамиджи стояла полная тишина. Он мог целый вечер оставаться один, печатая на машинке перевод «Шримад-Бхагаватам» или непринужденно беседуя с одним-двумя гостями до десяти вечера. Но в дни вечерних встреч — по понедельникам, средам и пятницам — в комнатах царил оживление. Он уже не был один. Новые последователи, перенявшие его проповеднический дух, всю ему помогали, стараясь убедить людей в необходимости петь «Харе Кришна» и слушать лекции по философии сознания Кришны.

В дальней комнате Свамиджи переводил «Бхагаватам» или беседовал с гостями, пока не подходило время принимать душ. Иногда ванная была занята, и приходилось ждать, пока она освободится. Он приучил своих

последователей принимать душ дважды в день, и теперь это доставляло некоторые неудобства, так как приходилось делить ванную с ними.

После омовения он шел в гостиную, где вокруг него рассаживались собравшиеся ученики. Он садился на коврик, лицом к изображению Панчататтвы, и, при помощи маленькой ложечки набрав в левую ладонь воды из металлической чашечки, разводил жидкую пасту из кусочка вриндаванской глины. Затем, окуная безымянный палец правой руки в желтоватую глиняную массу, он наносил на тело священные знаки вайшнавского *тилака*. Глядя в маленькое зеркальце, которое ловко удерживал большим пальцем и мизинцем левой руки, он набирал немного жидкой глины и наносил на лоб вертикальную полосу, после чего правым мизинцем проводил по влажной глине от бровей к волосам — так, чтобы получились две ровные параллельные линии. Затем он наносил такие же знаки еще на одиннадцать мест на теле, а ребята сидели вокруг и наблюдали за его действиями, порой задавая вопросы, а порой делаясь своим пониманием сознания Кришны.

Свами: *Мой Гуру Махараджа обычно ставил тилак, не пользуясь зеркалом.*

Преданные: *И он был ровный?*

Свами: *Ровный или нет — неважно. Да, он был ровный.*

После этого Бхактиведанта Свами усаживался и беззвучно повторял мантру *гаятри*. Намотав на большой палец правой руки священный шнур *брахмана*, он садился, выпрямив спину, и молча шевелил губами. Его открытые плечи, руки и грудь были худы, но округлый живот слегка выдавался вперед. Кожа его была шелковисто-гладкой, совсем как у юноши, только лицо несло на себе отпечаток прожитых лет. Движения его рук были отточены и изящны.

Он брал в левую руку два медных колокольчика и, слегка позванивая, зажигал две ароматические палочки от стоящей возле изображения Господа Чайтаньи свечи. Палочками, от которых поднимался ароматный дым, он медленно описывал перед Господом Чайтаньей маленькие круги. Сосредоточенно глядя на картину и не переставая звенеть, он словно свивал из струй дыма ароматные спирали. Никто из присутствующих не понимал, что он делает, хотя происходило это каждый вечер. Таков был ритуал. В нем был какой-то смысл. Между собой ребята прозвали эту церемонию «колокольчики».

По понедельникам, средам и пятницам после «колокольчиков» наступало время вечернего *киртана*. Несколько преданных заранее спускались на первый этаж, встречали гостей и рассказывали им о Свами и о *мантре*. Но без самого Свами программа начаться не могла. Никто из ребят не умел петь и играть на барабанах, и никому даже в голову не пришло бы самому вести *киртан*. Только в семь часов, когда Свами входил в храм, программа начиналась.

Приняв душ и надев чистые домотканые индийские одежды, с похожими на стрелки знаками вайшнавского *тилака* на руках и на теле, Бхактиведанта

Свами выходил из своей квартиры и спускался в магазинчик, чтобы воспользоваться еще одной счастливой возможностью восславить Господа Кришну. Маленький храм был заполнен дикими и отнюдь не похожими на брахманов простодушными молодыми американцами.

* * *

Дон был для Свами сущим наказанием. Он месяцами торчал в магазинчике, практически ничего не делая, а изменить свои привычки даже не пытался. Речь его была крайне вычурной. Дон не просто говорил, он *выговаривал* каждое слово, и вдобавок изъяснялся только полными предложениями, совершенно их не сокращая, словно читал вслух какую-то книгу. Не то чтобы он был интеллектуалом — просто для него это был способ изменить естественную манеру разговора. Речь Дона поражала окружающих своей вычурностью; многим казалось, что это результат чрезмерного увлечения наркотиками. Таким способом он пытался дать понять окружающим, что он — не обычное живое существо. Завязывать с марихуаной он даже и не думал, даже после того, как Свамиджи попросил об этом всех своих «постояльцев». Иногда к Дону заходила подружка, и они сидели вместе, интимно беседуя, а иногда даже целовались. Но Свами он любил. Однажды он даже дал ему денег. Дону нравилось жить в магазинчике, и Свамиджи не протестовал.

А вот другие жаловались. Как-то раз один из недавних гостей заглянул в храм и застал там Дона, одиноко сидящего в облаке дыма от марихуаны.

— Траву куришь? Но ведь Свами запрещает здесь курить!

Дон стал оправдываться:

— Я не курил. Ты не истину глаголешь.

Тогда парень полез в карман его рубашки и достал оттуда сигарету, набитую *ганджой*. В ответ Дон ударил его по лицу. Слух о происшествии быстро облетел остальных. Ребята засомневались: как вести себя в подобных случаях? Как бы поступил Свами? Что делать, если кто-то курит травку? Хотя преданному не полагается курить, может, иногда это нормально? С этими вопросами они отправились к Свамиджи.

Бхактиведанта Свами отнесся к происшествию очень серьезно. Особенно его расстроило, что Дон распустил руки.

— Он тебя ударил? — спросил он юношу. — Сейчас я сам пойду и дам ему по голове.

Однако потом, тщательно все взвесив, Свами решил, что лучше попросить Дона уйти. Но тот уже сам ушел.

На следующее утро, во время лекции, в дверях появился Дон. Бхактиведанта Свами, сидевший на возвышении, участливо взглянул на него. Но в первую очередь он беспокоился об ИСККОН.

— Узнай у него, — шепнул Свами Рою, сидевшему рядом, — есть ли у него марихуана. Если есть, то не пускай его сюда. Наше Общество...

Бхактиведанта Свами, совсем как заботливый отец, беспокоился за жизнь своего детища — ИСККОН. Рой подошел к Дону и сказал, что если он хочет войти, то должен отказаться от наркотиков. Дон развернулся и ушел.

Рафаэль тоже не был особо горячим поклонником дисциплины. Высокий, молодой парень с длинными каштановыми волосами, он, как и Дон, старался остаться в тени и только время от времени заходил к Свами. Когда Свами рассказал о *джапе* и стал воодушевлять юношей повторять *мантру* в течение дня, Рафаэлю эта затея не понравилась. Он говорил, что хороший *киртан* ему нравится, но повторять на четках он отказывается.

Однажды Свамиджи случайно захлопнул дверь квартиры, и ребятам пришлось взломать замок. Свамиджи попросил Рафаэля поставить новый. Время шло. Рафаэль целыми днями торчал в храме, читая стихи Рембо, либо без цели слонялся по городу, но времени, чтобы заменить замок, так и не нашел. Как-то вечером он вдруг направился к Свами на квартиру, открыл дверь (без замка) и пошел напрямик в дальнюю комнату, где в неформальной обстановке, в окружении нескольких учеников сидел Свамиджи и говорил о сознании Кришны.

Войдя, Рафаэль вдруг заговорил — громко, словно безумец, высказывая все свои сомнения и вываливая все, что скопилось у него в голове:

— Что до меня, — сказал он, — я прямо не знаю, что происходит. То ли духовой оркестр играет, то ли черт знает что.

Сидящие напряглись: он нарушил атмосферу преданности.

— Рафаэль очень простодушен, — улыбаясь, заметил Свамиджи, словно объясняя присутствующим поведение своего сына.

В конце концов Рафаэль все же отремонтировал этот злосчастный замок. Но однажды после лекции он подошел к помосту, на котором сидел Свами, и заговорил — возбужденно, нетерпеливо:

— Я не для того живу, чтобы торчать в храме и бормотать *мантры* на четках! Мой отец был боксером! Я создан, чтобы бежать по берегу моря, вдыхая воздух полной грудью...

Жестикулируя, Рафаэль продолжал выкрикивать свои нахальные сентенции — что-что, а это он умел (причем гораздо охотнее, нежели практиковать сознание Кришны). Вдруг громким голосом Бхактиведанта Свами прервал его:

— Так давай! В чем дело? Вперед!

Рафаэль съежился, но... остался.

Билл Эпштейн гордился своими отношениями с Бхактиведантой Свами — они были честными, без недомолвок. Хоть он и помогал Свами, рассказывая о нем людям и приглашая их в гости, становиться серьезным последователем он не собирался и знал, что Свами это понимает. Да и себя Билл не тешил пустой

надеждой по-настоящему «посерьезнеть». Он считал, что если человек не готов с головой погрузиться во все это, то лучше и не начинать. Но Свамиджи такой подход не устраивал. Когда однажды, проведя несколько дней в гостях, Билл вновь появился в храме и заснул прямо на лекции, завернувшись с головой в одеяло, Свами принялся не то что говорить, а кричать, да так громко, что Билл просто не мог заснуть. Иногда он задавал слишком вызывающие вопросы. Свами отвечал, а потом спрашивал:

— Ну что, доволен?

Билл сонно поднимал глаза и отвечал:

— Нет!

Свамиджи давал более подробный ответ и еще громче спрашивал:

— Ты доволен?

Так продолжалось до тех пор, пока Билл не бывал вынужден признать:

— Да, да. Я доволен.

Но именно Билл был первым, кто во время *киртана* в магазинчике встал и начал танцевать. Хотя его руки были подняты, совсем как на изображениях Господа Чайтаньи, некоторые ребята сочли его танец самолюбованием. Но Свами, увидев, как Билл танцует, расширил глаза и с жаром выразил одобрение:

— Билл танцует в точности как Господь Чайтанья.

Иногда, вернувшись из своих походов, Билл приносил деньги. И пусть этих денег было немного, он все их отдавал Свами. Спал он в магазинчике, а день проводил на улице, приходя в храм лишь к обеду, либо на *киртан*, либо уже к вечеру, на ночлег. По утрам он обычно уходил собирать окурки. Для Билла Свами был частью движения хиппи и в этом качестве заслуживал уважения за целостность своей натуры. Биллу не понравилось, когда ребята стали оказывать Свами знаки почтения (начиная с того, что отвели ему в храме место на возвышении), а когда они начали проявлять энтузиазм, соревноваться и даже соперничать друг с другом, он с раздражением от этого отказался. Он решил, что просто будет помогать Свами по мере возможности, и знал, что тот оценит все, что он сделает. Для Билла этого было вполне достаточно.

Карл Йоргенс помогал Бхактиведанте Свами в трудных ситуациях. Когда регистрировали ИСККОН, он сделался его попечителем, поставив подпись под уставом. А когда Дэвид вынудил Свами бежать с Бауэри, именно Карл приютил его у себя дома. Но из-за напряжения, возникшего в те дни, когда им с Евой приходилось делить со Свами жилище, и так и не прошедшего со временем, их отношения дали трещину. Он любил Свами и уважал его как настоящего индийского *санньяси*, но его философских выводов не принимал. Разговоры о Кришне и душе — дело хорошее, но отказ от наркотиков и секса — это уже чересчур. Теперь, когда Свами переехал на новое место, Карл решил, что сделал все от него зависящее и больше не нужен. Хотя он и помог

Бхактиведанте Свами зарегистрировать Международное общество сознания Кришны, вступать в него он не собирался.

Киртаны на Второй авеню казались Карлу слишком людными, их атмосфера слишком отличалась от той почти семейной теплоты, которой он наслаждался на Бауэри. Аудитория разрослась, появился дух раскованности и даже развязности, которого раньше не было. Как и другие «старые друзья», Карл чувствовал себя неловко и не горел желанием вступать в новую организацию. Встречи на Бауэри, напоминавшие уединенную медитацию, казались куда более мистическими по сравнению с публичными программами на Второй авеню.

Кэрол Бекар тоже нравились спокойные *киртаны*. Ей казалось, что в неистовых танцах и пении люди просто дают выход личным разочарованиям. Несколько раз в ее присутствии во время *киртанов* на Второй авеню случались неприятности. Однажды в магазин вломилась компания парней, специально чтобы подразнить танцующих: «Эй! Что за чертовщину вы там вытворяете!» Ее неотступно преследовала мысль, что в любую минуту в витрину может со звоном влететь камень. Да и парня, с которым она встречалась, сознание Кришны нисколько не интересовало.

Джеймс Грин был в растерянности. Он видел, что почти все новички принимают перед Свами серьезные обязательства, но сам пойти на это не мог. Он ничего не имел против Свами и его нового движения, но предпочитал все-таки жить один.

Роберт Нельсон, старый друг Свами еще по студии доктора Мишры, никогда не терял добрых чувств к нему, но продолжал жить своей привычной жизнью, не следуя никакой мало-мальски серьезной дисциплине. Так уж получилось, что почти все, кто помогал Бхактиведанте Свами на Бауэри и в пригороде, стали отходить от него, как только он основал духовную организацию, а произошло это почти сразу же после переезда в дом номер 26 по Второй авеню. Появлялись новые люди, новые помощники... Карл, Джеймс, Кэрол и остальные почувствовали, что их место занимают другие, что долг их по отношению к Свами выполнен... Произошла «смена караула», и хотя «старая гвардия» по-прежнему хорошо относилась к Бхактиведанте Свами, члены ее начали постепенно от него отдаляться.

* * *

Брюс Шарф только что окончил Нью-Йоркский университет и искал работу. Однажды бывший сосед по комнате рассказал ему о Свами, к которому он заходил на Вторую авеню.

— Они поют, — рассказывал друг, — а когда танцуют, просто что-то невероятное творится! И Аллен Гинзберг там был...

Друг продолжал:

— Свами сложно понять. Да и последователи его зачем-то записывают на магнитофон все, что он говорит. Зачем ему большой магнитофон? По-моему, это не слишком-то духовно.

Но Брюсу стало интересно.

Он был поклонником индийской культуры. Четыре года назад, когда ему едва исполнилось двадцать, он проработал одно лето стюардом на американском грузовом самолете и летал в Индию, где посещал храмы, покупал изображения Шивы и Ганеши, книги о Ганди и вообще чувствовал себя частью этой культуры. Вернувшись в Нью-Йоркский университет, он стал больше читать об этой стране и написал для семинара по истории доклад о Ганди. Он питался в индийских ресторанах, ходил на индийские фильмы и концерты и читал «Бхагавад-гиту». Даже мясо есть он перестал. Брюс лелеял мечту, поступив на какие-нибудь особенные учебные курсы, отправиться в Индию, а затем вернуться в Америку и преподавать восточные религии. Но все это время он не прекращал своих экспериментов с ЛСД.

Чаку Барнетту было восемнадцать. Его мать развелась с отцом и недавно переехала в Гринвич-Вилледж. Она изучала психологию в Нью-Йоркском университете. От матери Чак переехал в квартиру на Двенадцатой улице в Нижнем Ист-Сайде, поближе к Аллену Гинзбергу и другим поэтам и музыкантам из хиппи. Его полем деятельности был авангардный джаз, а инструментом — флейта, и он сотрудничал с несколькими профессиональными группами города. Уже шесть лет он занимался *хатха-йогой*, а недавно начал экспериментировать с ЛСД. В наркотическом полусне ему виделись лотосы и концентрические круги, но когда дурман проходил, его все сильнее захлестывала чувственность. Близкий друг Чака этим летом внезапно оказался гомосексуалистом, и Чак преисполнился цинизма и отвращения. Однажды ему кто-то сказал, что на Второй авеню, в центре, поселился индийский *свами*, и в один из августовских дней Чак оказался перед витриной бывшего магазина «Бесценные дары».

Стив Гуарино, сын нью-йоркского пожарного, вырос в городе и в 1961 году окончил Бруклинский колледж. Под влиянием отца он поступил на службу в военный флот, где два года с нетерпением ждал того дня, когда вновь станет свободным и вернется к друзьям с Нижнего Ист-Сайда. Наконец, через несколько месяцев после смерти президента Кеннеди, его с почетом уволили. Даже не навестив родителей, он прямиком направился в Нижний Ист-Сайд — в это, как ему казалось, самое загадочное место в мире. Он писал рассказы и короткие романы, подражая Францу Кафке и ему подобным, и вскоре начал принимать ЛСД, «чтобы исследовать сознание и с ним поэкспериментировать». Песня «A Love Supreme» Джона Колтрейна,

джазового музыканта, убедила Стива в том, что Бог действительно существует. Чтобы заработать на жизнь, Стив устроился в отдел социального обеспечения. Как-то днем, во время обеденного перерыва, в витрине магазина «Бесценные дары» он увидел объявление на небольшом листке бумаги: «Лекции по „Бхагавад-гите“. А.Ч. Бхактиведанта Свами».

Чак: Когда наконец я нашел Вторую авеню и Первую улицу, я увидел через окно, что внутри вдоль стен сидят люди и что-то поют. Рядом со мной стояли и посмеивались какие-то типичные американские обыватели. Я повернулся к ним и со сложенными ладонями спросил:

— Это здесь живет Свами?

Они захихикали и ответили:

— Пилигрим, ваш поиск окончен.

Их ответ меня не удивил: я понял, что это правда.

Брюс и Чак жили друг от друга всего в двух кварталах, но знакомы не были. Последовав совету друга, Брюс тоже отправился в храм.

Брюс: Я искал «Харе Кришна». Я вышел из дома и пошел по авеню «Б», намереваясь пройти пешком до Хьюстон-стрит. Добравшись до Первой улицы, я повернул вправо и шел до самой Второй авеню. Вдоль Первой улицы тянулись пуэрто-риканские бакалейные лавки, еще там была церковь — одна из тех, где собравшиеся стоят и громко поют, играя на бубнах. Когда я шел по Первой улице, у меня было такое ощущение, как будто я покидаю этот мир, — так бывает, когда собираешься в аэропорт, чтобы сесть на самолет. Я думал: «Я оставляю позади часть себя и иду к чему-то новому».

Но на Второй авеню найти «Харе Кришна» мне удалось не сразу. Я прошел бензоколонку, миновал какой-то магазинчик — на вывеске было написано «Бесценные дары». Потом я вернулся и снова прошел мимо, но на этот раз все-таки заметил в витрине черно-белое объявление о лекциях по «Бхагавад-гите». У входа была навалена гора обуви, и я тоже разулся, вошел и сел позади всех.

Стив: Я чувствовал, что это уже устоявшийся коллектив, что люди здесь уже явно не первый раз. Я вошел и сел на пол. Парень, который представился Роем, был очень вежлив и дружелюбен. Он производил впечатление человека, уже не раз бывавшего на этих собраниях. Он спросил, как меня зовут, и я почувствовал себя легко и свободно.

Вдруг через боковую дверь вошел Свами. Он был в шафрановом дхоти, без рубашки — на нем был просто кусок ткани, вроде длинного шарфа, завязанный на правом плече и оставлявший открытыми руки, левое плечо и часть груди. Когда я увидел его, то сразу вспомнил Будду.

Брюс: На полу сидело человек пятнадцать. Один из них, с большой бородой, сидел справа, прислонившись к стене. Через некоторое время дверь открылась и вошел Свами. Он окинул взглядом аудиторию, а потом посмотрел прямо на меня. Наши глаза встретились. Он как будто меня изучал. Этот момент запечатлелся у меня в памяти, словно на фотографии,

— Свамиджи первый раз на меня смотрит. Наступило молчание. Он изящно поднялся на помост, сел, взял пару ручных тарелочек и начал киртан. Именно киртан произвел на меня самое сильное впечатление. Это была лучшая музыка из всего, что я слышал. И в ней был смысл. На ней можно было по-настоящему сосредоточиться, и само повторение слов «Харе Кришна» несло в себе какую-то радость. Я тут же понял, что это духовная практика.

Чак: Я вошел в магазинчик. Там, на жестком полу, на циновке из сухой травы, сидел человек, который поначалу показался мне ни мужчиной, ни женщиной, но когда он взглянул на меня, я не смог выдержать его взгляд — такие у него были сверкающие и искрящиеся глаза. У него была золотистая кожа, большие уши и щеки розоватого цвета. На нем было три ряда бус — один на шее, другой чуть ниже, а третий — на груди. Высокий лоб над сияющими глазами был прорезан множеством морщин; его руки были тонкие и длинные, рот — большой, с полными, темнокрасными губами. Он улыбался, и зубы его сверкали еще ярче, чем глаза. Он сидел, скрестив ноги, так, как я еще никогда не видел, ни в одной книге, ни у кого из знакомых йогов. Это была сидячая поза, но при этом его правая стопа не просто лежала на левом бедре, а была заведена за левый бок, а одно колено лежало прямо на другом. Ни у кого из людей не встречал я раньше подобного выражения лица и жестов, и я чувствовал, что во всем этом есть неизвестный мне смысл, корни которого — за пределами мира, в совершенно другой культуре и другом мышлении. На боку у него была родинка, а на лодыжке — круглая мозоль, вроде тех, что появляются у опытных каратистов на костяшках пальцев. Он был одет в неподшитый отрез материи цвета шафрана. Все в нем было экзотично, и выглядел он таким лучезарным, что, казалось, он не сидит в комнате, а проецируется из какого-то другого места. Он так сиял, что казалось, будто смотришь какой-то цветной фильм. И тем не менее он был с нами. Я слушал его. Он сидел прямо передо мной, но меня не покидало чувство, что, если я попробую протянуть руку и прикоснуться к нему, окажется, что его здесь нет. В то же время это ощущение не было каким-то тонким или абстрактным — присутствие Свами было в высшей степени реальным, но в то же время духовным.

После первого же визита в храм Чак, Стив и Брюс получили возможность встретиться со Свами в его квартире.

Стив: У меня был обеденный перерыв, и мне нужно было поскорее вернуться в офис. На мне был летний деловой костюм. Я думал, что у меня хватит времени, чтобы и сюда зайти, купить какие-нибудь книги, потом сходить пообедать и успеть вовремя вернуться на работу. В храме один из преданных сказал, что я могу сходить поговорить со Свамиджи. Я поднялся наверх, где обнаружил его сидящим в гостиной в окружении нескольких парней. По всей видимости прервав беседу, я спросил, можно ли купить три тома «Шримад-Бхагаватам». Один из преданных поднялся и достал книги из шкафа, стоящего напротив Свамиджи. Я взял их в руки (они были очень

странного цвета, какого не встретишь в Америке, — красноватые, цвета земли, как кирпич) и спросил, сколько они стоят. Свами ответил, что по шесть долларов каждый том. Я достал из бумажника двадцать долларов и отдал ему. Он, казалось, был единственным, у кого можно узнать о цене книг и кому отдать деньги, — никто из присутствующих не вмешался. Они просто сидели и слушали.

— Эти книги — комментарии к писаниям? — спросил я, пытаюсь показать, что уже знаю кое-что о книгах.

Свамиджи ответил: да, это его комментарии.

Он сидел в непринужденной позе, улыбаясь, и притягивал к себе внимание. Он казался очень сильным и здоровым. Его улыбка обнажала красивые зубы, а ноздри при этом аристократически раздувались. Лицо его было полным и властным. Он носил индийские одежды, а когда садился, скрестив ноги, приоткрывались его голени с гладкой кожей. Рубашки на нем не было — верхнюю часть тела прикрывала простая индийская хлопковая шаль. Тело у него было довольно худым, только живот немного выдавался вперед.

Когда я увидел, что Свамиджи вынужден сам продавать свои книги, я не захотел его беспокоить. Я быстро попросил оставить сдачу с двадцати долларов себе, взял книги — прямо так, не завернув и не положив в пакет, — и собрался уходить. Но Свамиджи сказал: «Садитесь» — и жестом пригласил меня сесть перед ним, рядом с остальными. Его тон при этом изменился. Голос его был настойчив: он указывал, что торговля окончена и теперь я должен сесть и слушать. Он сделал мне особое приглашение — побыть одним из его последователей, которые, насколько мне было известно, проводили с ним по многу часов в день, тогда как я был занят и не мог к ним присоединиться. Я завидовал его последователям. Им не нужно было никуда ходить. Они могли сколько угодно общаться с ним в непринужденной обстановке, открывая для себя много нового. Вручив мне книги и пригласив сесть, он дал понять, что мне нужно послушать его, отбросив все остальные занятия, и у меня нет более важного дела, чем это. Но меня ждали на работе. Я не хотел спорить, но и остаться не мог.

— Простите, мне нужно идти, — решительно сказал я, — я на перерыве.

Говоря это, я уже продвигался к двери, и Свамиджи неожиданно ответил мне широкой, счастливой улыбкой. Казалось, ему понравилось, что я работаю, что молодой человек занят серьезным делом. Я пришел не потому, что мне было нечем заняться и некуда пойти. Одобрив мою решительность, он позволил мне выйти.

Чак: Один из преданных пригласил меня на личную встречу со Свами. Меня провели в коридор, за которым неожиданно открылся прекрасный маленький скверик со столом для пикника, купальней для птиц, скворечником и цветочными клумбами. Пройдя через двор, мы вошли в здание, в каких обычно живут люди среднего достатка. Мы поднялись по лестнице и вошли в совершенно пустую квартиру — в ней не было никакой мебели, только белые стены и паркетный пол. Миновав гостиную, мы прошли в следующую

комнату, где на тонком хлопчатобумажном коврике, покрытом тканью с вышитыми слонами, откинувшись на подушку, прислоненную к стене, сидел Свами; он выглядел очень величественно и одухотворенно.

Однажды Брюс возвращался домой вместе с Уолли и поделился с ним своей мечтой поехать в Индию и стать профессором восточной литературы.

— Зачем в Индию? — удивился Уолли. — Сама Индия приехала сюда! Свамиджи и так учит нас этим истинам. Зачем ехать так далеко?

Брюс подумал, что Уолли, пожалуй, прав, и решил отказаться от своей столь долго лелеемой мечты отправиться в Индию — по крайней мере, до тех пор, пока Свами здесь.

Брюс: Я направился в храм, чтобы лично встретиться со Свамиджи. Оказалось, что вход в его квартиру — со двора. Какой-то парень сообщил мне номер квартиры и сказал, что я могу запросто пойти и поговорить. Он сказал:

— Да, просто иди.

Миновав зал, я пошел дальше, через цветущий дворик. В Нью-Йорке такие дворы — большая редкость. Там было очень красиво. Во дворе за столиком сидел юноша. Он сосредоточенно печатал на машинке и казался чистым и возвышенным. Я поспешил наверх и позвонил в дверь квартиры 2С. Через некоторое время дверь открылась, и я увидел Свами.

— Да? — произнес он.

Я сказал:

— Я хотел бы с вами поговорить.

Он открыл дверь шире, отступил назад и пригласил меня:

— Хорошо, входите.

Мы вошли в гостиную и сели лицом друг к другу. Он сидел за своим рабочим столом — металлическим ящиком — на очень тонком коврике, покрытом шерстяным то ли одеялом, то ли покрывалом, с потрепанными краями и орнаментом из слонов. Он спросил, как меня зовут, и я представился: «Брюс». Тогда он заметил:

— А-а. В Индии, в период британского правления, был такой лорд — Брюс, — и он начал рассказывать что-то о лорде Брюсе, который был генералом и участвовал в каких-то кампаниях.

Я почувствовал, что должен рассказать Свами о себе, и обнаружил, что слушает он с неподдельным интересом. Было необыкновенно уютно сидеть в его квартире, беседовать с ним, и видеть, что ему на самом деле интересно узнать обо мне.

Во время беседы он смотрел поверх меня, на стену, и говорил о Господе Чайтанье. Очевидно, он смотрел на какую-то картину или что-то подобное, но глаза его светились глубоким чувством любви. Я обернулся, чтобы понять, на что он так смотрит, и увидел картину в темной раме: Господь Чайтанья, танцующий в киртане.

Встреча со Свамиджи неизбежно превращалась в философскую дискуссию.

Чак: Я спросил его:

— А вы можете научить меня раджа-йоге?

— О, — ответил он, — вот «Бхагавад-гита», — и протянул мне экземпляр «Гиты». — Открой последний стих шестой главы и прочти.

Я вслух прочитал:

— «Из всех йогов того, кто с верой и преданностью поклоняется Мне, Я считаю наилучшим».

Я не понял, что значит «вера» и «преданность», и сказал:

— У меня во лбу иногда появляется какой-то свет.

— Это галлюцинация! — резко ответил Свамиджи. Хотя сам он оставался спокойным, его слова меня словно громом поразили. — «Раджа» означает «царь». «Царская йога». Но эта йога — императорская.

Я понимал, что он достиг высокой ступени совершенства, но не через химию и не путем отвлеченных рассуждений в духе западных мыслителей. Это было то, что я искал.

— Вы читаете лекции? — спросил я его.

Он ответил:

— Да, в шесть утра я читаю лекции по «Гите». Приходи. И принеси какой-нибудь цветок или фрукт для Божеств.

Я заглянул в смежную комнату, абсолютно пустую, с деревянным паркетным полом, голыми стенами и крошечным столиком: на столике стояла картина, на которой были изображены пять фигур, похожие на людей, с поднятыми руками. Таких рук и лиц я не встречал ни у одного смертного. Я чувствовал, что они на меня смотрят.

Когда я вышел на улицу, перед магазинчиком толпились люди. Я сказал:

— Вряд ли когда-нибудь я вернусь к ЛСД.

Я сказал это себе, но люди меня слышали.

Стив: Я хотел продемонстрировать свое уважение к духовной жизни Индии и сообщил Свамиджи, что читал автобиографию Ганди.

— Это было великолепно, — сказал я.

— А что в этом великолепного? — спросил Свамиджи.

Он задал этот вопрос в присутствии остальных. Хотя я был гостем, он ничуть не колеблясь оспорил мое заявление, поскольку я сморозил глупость. Я покопался в памяти, чтобы ответить на его вызов, что же «великолепного» в биографии Ганди, и вспомнил, как однажды, когда Ганди был еще ребенком, друзья убедили его поест мяса, хотя он был воспитан как вегетарианец. В ту ночь он чувствовал, как съеденный ягненок кричит у него в желудке. Свамиджи сразу же отмел мой довод, сказав:

— Большинство индийцев — вегетарианцы. Это не достижение.

Больше ничего, достойного славы, я вспомнить не смог, а Свамиджи продолжал:

— Его автобиография называется «Эксперименты с истиной». Но природа истины такова, что ее невозможно найти путем экспериментов. Истина — всегда истина.

Это был удар по моему ложному эго. Но, хотя Свамиджи и нанес мне поражение, выставив меня в смешном виде, я посчитал это благом. Мне хотелось представить на его суд множество различных утверждений — просто чтобы услышать его мнение. Я показал ему «Бхагавад-гиту» в мягкой обложке, которую читал и постоянно носил с собой в заднем кармане. Свамиджи изучил то, что было написано на задней обложке, — там говорилось что-то о «вечной вере индусов» — и начал разбирать эту фразу по частям. Он объяснил, что слово «индус» употреблено здесь ошибочно и в самой санскритской литературе нигде не встречается. Еще он объяснил, что индуизм и «верования индусов» вовсе не вечны.

Брюс: Поведав Свами о своем желании жить духовной жизнью, я начал рассказывать о конфликте, который произошел у меня с одним из профессоров английской литературы. Он был последователем Фрейда и толковал характеры литературных героев и все прочее с точки зрения фрейдизма, пользуясь соответствующей терминологией. В основе всего он видел секс — в отношениях матери и сына, в отношениях одного человека к другому и так далее. Я же воспринимал все в свете религии и во всем видел какой-то религиозный импульс и желание понять Бога. И сочинения свои я писал в том же духе, а он всегда говорил: «Религию тоже можно рассмотреть с точки зрения фрейдизма». Так что я не очень-то успевал по этому предмету. Я поделился своим возмущением со Свами, а он ответил:

— Ваш профессор прав.

Я был в шоке: я прихожу к индийскому свами, а он говорит, что профессор-фрейдист прав, что все зиждется на сексе, а не на религии! Когда я услышал это от него, мне показалось, что у меня земля уходит из-под ног. Но затем он объяснил, что имел в виду. Он сказал, что в материальном мире движущей силой является секс, и кто бы что ни делал, он делает это под влиянием сексуального импульса.

— Так что Фрейд прав, — сказал он. — Все основано на сексе.

Потом он объяснил, что такое духовная жизнь и что такое жизнь материальная. Духовная жизнь отличается полным отсутствием полового желания. На меня это произвело глубокое впечатление.

Он не стал укреплять мои старые, очень сентиментальные, представления, а дал мне новые. Он дал мне наставления, и я должен был их принять. Говорить со Свами было очень приятно. Я видел, что он абсолютно естествен и очень благороден. Как он держал голову, как произносил слова — все было очень изящно, аристократично.

Ребята обнаружили, что Свами не только мудр, но и очень человечен.

Стив: Спустя несколько дней я пошел к Свами, чтобы рассказать, что читаю его книги. Особенно мое внимание привлекло то место, где Вьясадева,

автор «Шримад-Бхагаватам», признается, что неудовлетворен, и его духовный учитель, Нарада, объясняет причину этого. По его словам, это чувство возникло потому, что Вьяса, хотя и составил великое множество книг, ни в одной из них не описал в полной мере достоинства Кришны. Услышав это, Вьясадева написал «Шримад-Бхагаватам».

Прочитанное запало мне в душу — ведь Вьясадева был писатель, а я тоже мнил себя писателем и тоже чувствовала внутреннюю неудовлетворенность.

— Там есть очень интересное место, об авторе, Вьясадеве, — говорил я, — он написал столько книг, но не был удовлетворен, потому что должным образом не прославил Кришну.

Хотя мое понимание сознания Кришны было еще очень слабым, Свамиджи широко раскрыл глаза, удивленный, что я говорю о столь возвышенных истинах. Казалось, он был доволен.

Чак: Я пришел днем, и Свамиджи дал мне тарелку с прасадом. Я попробовал, и рот мне обжег перец. Свамиджи спросил:

— Слишком остро?

— Да, — ответил я.

Тогда он принес крошечную чашечку с молоком, взял немного риса с моей тарелки, покрошил кусочек банана, размешал все это пальцем и сказал:

— Вот, съешь. Это нейтрализует действие чили.

Брюс: В нем не было ни тени искусственности, он никогда не стремился произвести впечатление. Он просто был самим собой. В комнате Свами не было мебели, мы сидели на полу. Эта простота мне очень нравилась. Он был какой-то настоящий. У другого свами, что обосновался в пригороде, мы сидели в гостиной, в больших, мягких креслах, и квартира была заставлена роскошной мебелью. Но здесь был центр города, где жил простой свами, в простой домотканой одежде. У него не было костюма, который он прикрывал шафрановыми одеждами. Он не был церемонным, как другие свами. Неожиданно для себя самого я спросил, могу ли я стать его учеником, и он ответил утвердительно. Я был очень счастлив, потому что он разительно отличался от других свами. Раньше я хотел стать учеником свами из пригорода, потому что хотел кое-что от него получить — я гнался за знанием. Мною двигал эгоизм. Но сейчас я чувствовал настоящий эмоциональный порыв. Я чувствовал, что хочу стать учеником именно этого свами. Я искренне хотел предаться ему, поскольку чувствовал, что Свамиджи велик, а то, что он дает нам, — чудесно, чисто и свободно от скверны. Это было подобно успокоительному бальзаму в чреве ужасной городской жизни. А в пригороде я чувствовал себя чужим.

Однажды наша беседа коснулась моего путешествия в Индию в 1962 году, и я начал рассказывать, как много оно мне дало, как затронуло. Я даже вспомнил, что у меня там осталась подруга. Мы заговорили об этом, и я обмолвился, что у меня с собой есть ее фотография — я всегда носил ее в

бумажнике. Свамиджи попросил посмотреть. Я вынул фотографию, Свамиджи взглянул на фото и сказал с кислым выражением лица:

— О, она же некрасивая! В Индии есть гораздо более красивые девушки.

Услышав это, я сразу потерял к ней интерес. Мне даже стыдно стало, что мне понравилась девушка, которую Свами считал некрасивой. Не помню, чтобы после этого когда-либо смотрел на эту фотографию, и уж конечно, никогда больше не думал о той девушке.

* * *

Брюс был новичком и всего лишь неделю ходил в храм на собрания. Поэтому никто не сказал ему, что члены Ананда-ашрама, группы йоги доктора Мишры, пригласили Свами и его последователей провести день у них, за городом. Однажды утром Брюс вошел в магазин и услышал:

— Свамиджи уезжает!

Бхактиведанта Свами вышел из здания и сел в машину. Сильно встревожившись, Брюс решил, что Свами уезжает насовсем — в Индию!

— Нет, — успокоил его Говард, — мы едем в ашрам йогов за город.

Но первый автомобиль уже отъехал, а в машине, где сидел Свами, свободных мест не было. Как раз в этот момент показался Стив. Все это время он сидел дома, ожидая, что ребята за ним зайдут. В итоге опоздали оба.

Брюс позвонил одному своему другу в Бронкс и упросил его отвезти их в Ананда-ашрам. Но когда они приехали к нему домой, тот вдруг передумал и отказался. В конце концов он одолжил Брюсу автомобиль, и два новых последователя Свами направились в Ананда-ашрам.

Когда они приехали, Бхактиведанта Свами и его спутники уже принимали *прасад*, сидя вокруг летнего столика под деревьями. Ананда-ашрам был живописным местом: высокие покатые холмы, множество деревьев, голубое небо, зеленая трава и озеро. Опоздавшие подошли к Свами, сидевшему, как отец семейства, во главе стола. Кейт из большого котелка раздавал *прасад*. Заметив опоздавших, Свамиджи пригласил их присаживаться рядом, и Кейт наложил им *прасада*. Свами взял с тарелки Стива *чапати*, нагромоздил на него гору сахара, и Стив под общий смех впился зубами в это лакомство.

Бхактиведанта Свами говорил о дрессировщиках львов. Он рассказал, что однажды на ярмарке видел человека, боровшегося с тигром, — они кубарем катились под гору. Ребята были удивлены: они редко слышали от Свамиджи что-то помимо философии. Но они были счастливы — дети города, которые выбрались на природу со своим гуру и прекрасно проводят время.

Стив: Я шел со Свамиджи по длинному пологому откосу. Я хотел, чтобы он взглянул и оценил изображение Радхи и Кришны, которое я обнаружил в маленькой книжечке, «Нарада-бхакти-сутре». Я собирался сделать с него цветные репродукции, чтобы раздать всем преданным. И когда мы гуляли по

траве, я показал ему картинку и спросил, хороша ли она и можно ли сделать с нее копии. Он посмотрел на изображение, улыбнулся, кивнул и сказал: «Да».

Брюс: Я гулял со Свами по территории ашрама. Все были чем-то заняты, и мы гуляли вдвоем. Он говорил, что было бы хорошо здесь построить храм.

Бхактиведанта Свами шел по живописному участку, глядя на отдаленные горы и леса. Рядом шагал Кейт. Свами рассказывал о том, что доктор Мишра предложил ему построить храм — на острове посреди принадлежавшего ашраму озера.

— Каким вы его себе представляете? — спросил Кейт. — Каких размеров?

Свамиджи улыбнулся и сделал жест в сторону горизонта.

— Большой, до самого горизонта? — рассмеялся Кейт.

— Да, — ответил Свами.

Подошли несколько мужчин и женщин — посетителей Ананда-ашрама. Одна женщина была в сари. Обращаясь к ее спутнице, Свами сказал:

— Женщина в сари выглядит очень женственно.

Был уже поздний вечер, когда несколько последователей Свамиджи собрались на берегу озера и стали откровенно говорить о Свами, размышляя, каковы его отношения с Богом, и рассказывая о своих отношениях с ним.

— Свами, — сказал Уолли, — никогда не объявлял себя Богом или Его воплощением. Он называет себя слугой Бога и учит других любви к Богу.

— Но при этом он говорит, что духовный учитель неотличен от Бога, — возразил Говард.

Они стояли у самой кромки зеркально гладкой поверхности озера.

Рассуждать на эти темы, решили они, нет особого смысла. Ответы придут потом. Никто из них не имел большого запаса духовного знания, но укрепить свою веру им очень хотелось.

Кейт, Уолли и Говард направились в комнату для медитации. В комнате стояло кресло с изображением доктора Мишры, который в настоящее время был в Европе, но самым примечательным там был мигающий свет стробоскопа^[18].

— Такое чувство, как будто я в центральном магазине на площади Святого Марка, — сказал Уолли.

— Что такое духовная медитация? — спросил Говард.

Один из последователей Мишры, одетый в белую курту и белые брюки клеш, ответил, что гуру научил их сидеть и медитировать на свет.

— А Свамиджи говорит, что медитировать надо на Кришну, — сообщил Кейт.

Когда зашло солнце, все собрались в большом зале главного здания, чтобы посмотреть слайды. Это была разрозненная подборка слайдов, в основном с видами Индии и Ананда-ашрама. Музыкальным фоном была запись популярного индийского ситариста. На некоторых слайдах были запечатлены храмы Вишну, и когда промелькнул первый такой кадр, Бхактиведанта Свами попросил:

— Дайте-ка посмотреть. Нельзя ли вернуть и еще раз посмотреть на этот храм?

Так повторялось несколько раз, когда он узнавал знакомые храмы Индии. Уже потом, когда показали несколько кадров с девушкой, одной из посетительниц *ашрама*, демонстрирующей индийские танцевальные позы, один человек из местных пошутил:

— Верните, пожалуйста, этот кадр и дайте мне еще раз посмотреть на *этот* храм.

Плоская шутка явно предназначалась Свамиджи, но ни он, ни его последователи не засмеялись.

Затем Свами читал лекцию. Скрестив ноги, он сидел на кушетке, в самой большой комнате дома. Комната была забита людьми — и *йоги* из Ананда-ашрама, и последователи Свами из Нижнего Ист-Сайда сидели на полу, стояли у стен или толпились в дверях. Свами начал свою речь с критики демократии. Он сказал, что люди привязаны к чувственным наслаждениям, поэтому они выбирают лидером того, кто убедительнее других обещает удовлетворять их вожделение и жадность — именно в этом состоит их единственный критерий выбора лидеров. Сорок пять минут Свами говорил о важности сознания Кришны, а катушечный магнитофон бесшумно крутился, записывая его слова.

Потом он провел *киртан*, который сгладил все противоречия и позволил в этот вечер каждому увидеть в себе все лучшее. Несколько дней назад, в квартире на Второй авеню, Бхактиведанта Свами научил своих последователей танцевать. Они выстроились в ряд за его спиной, и он показал им простой танцевальный шаг. Подняв руки над головой, он выдвинул левую ногу вперед и немного вправо, а затем плавным движением вернул ее в исходную позицию. Затем сделал подобное движение правой ногой влево и вновь вернулся в исходное положение. Не опуская рук, Бхактиведанта Свами двигался вперед, и тело его покачивалось из стороны в сторону; левую ногу — направо, правую — налево, на «раз-два-три-и-и». Он показал им это движение и в обычном ритме, и в два раза медленнее. Кейт назвал этот шаг «Свами-степом», как будто это был новый бальный танец.

Ученики Бхактиведанты Свами начали танцевать, и очень скоро, ритмично двигаясь по кругу, танцуя и в экстазе раскачиваясь, а иногда — подпрыгивая и кружась, к ним присоединились остальные. Этот радостный *киртан* продолжался целый час, и Свами до предела вдохновил каждого. Один из посетителей *ашрама* принес контрабас, на котором тут же начал искусно импровизировать под мелодию Свами, в свинговом стиле, а другой гость подыгрывал на табла^[19].

Члены Ананда-ашрама недавно разделились на две группы, отношения между которыми были довольно натянуты. Здесь были и представители старшего поколения, вроде тех пожилых женщин, что приходили на лекции Свами в элитном районе, и молодежь, в основном парочки хиппи. Но во время *киртана* все разногласия были забыты и, как потом выяснилось, совсем

исчезли. Нравилось им это или нет, но практически все присутствующие были вовлечены в танец.

Было уже поздно. Свами отправился отдыхать в комнату для гостей, а его ребята заснули на открытом воздухе, в спальнях мешках.

Говард: *Я просыпался три или четыре раза и, лежа на спине, разглядывал звезды, которые каждый раз занимали новое положение. Я не чувствовал времени. Я был ошеломлен движением звезд. Затем, уже под утро, я заснул. Мне снилась группа преданных вокруг прекрасного золотого юноши. Облик его пленял всякого, кто смотрел на него. Его духовное тело излучало абсолютную красоту, невиданную в этом мире. Потрясенный, я спросил:*

— Кто это?

— Как, ты не знаешь? — ответил кто-то. — Это же Свами.

Я присмотрелся повнимательнее, но не заметил никакого сходства. Юноше было не больше восемнадцати, и он словно сошел с Вайкунтхи (из духовного мира). «Если это Свамиджи, — удивился я про себя, — то почему он не пришел на Землю таким?» И голос, откуда-то изнутри меня, ответил: «Тогда люди следовали бы за мной из-за красоты, а не из-за учения». Ошеломленный, я проснулся. Сон ярко запечатлелся в моей памяти, словно это был не сон, а видение. Я ощущал необычайную свежесть, словно искупался в каком-то неизвестном живительном бальзаме. Я увидел, что созвездия снова переместились, а тускнеющие звезды уже меркнут в свете наступающей зари. Я вспомнил, как Свамиджи объяснял мне, что, хотя сны в большинстве своем лишь продукт деятельности ума, сны о духовном учителе имеют особый духовный смысл.

Кейту в эту ночь тоже снился сон.

Кейт: Я видел Кришну и Арджуну на поле битвы Курукшетра. Арджуна задавал вопросы, а Кришна рассказывал ему «Бхагавад-гиту». Затем эта картина ушла и образ сменился. Теперь там появился Свами, а я стоял перед ним на коленях, и продолжался все тот же диалог. Я понял, что время пришло и теперь Свамиджи говорит то же, что и Кришна, а мы все находимся в положении Арджуны. Сон ясно показал, что слушать Свамиджи — это то же самое, что слушать Кришну.

Взошло солнце, прочертив разноцветными полосами утреннее небо над озером. Кейт и Уолли гуляли по ашраму, рассказывая Свами о том, как здесь было красиво.

— Нас интересуют не столько прекрасные виды, — ответил Свами, — сколько их прекрасный творец.

Возвращаясь в город, Бхактиведанта Свами сидел в «фольксвагене» рядом с Брюсом. Автомобиль двигался по вьющейся черной ленте горного шоссе под бескрайним небом, а мимо проносились сочные зеленые леса и высокие горы. На долю Брюса выпала редкая удача — везти в машине Бхактиведанту Свами.

Больше ни у кого из последователей Свамиджи машины не было. Они всегда пользовались автобусом или метро. Свами, конечно, подобало иметь машину, на которой бы его возили, но сейчас это был всего лишь маленький «фольксваген», и Брюс вздрагивал всякий раз, когда машину подбрасывало на ухабах. Пока они ехали по извилистой горной дороге, Брюс вспомнил, что в книге жены Олдоса Хаксли читал, какие места хороши для медитации. Согласно одной точке зрения, медитировать нужно вблизи большого водоема, из-за обилия отрицательных ионов в воздухе, согласно другой — в горах, поскольку там ты выше и, следовательно, ближе к Богу.

— Правда ли, что для постижения души лучше медитировать в горах? — спросил Брюс.

Бхактиведанта Свами ответил:

— Вздор. И речи не может быть о хорошем или плохом месте. Ты думаешь, Бог где-то высоко, на какой-то там планете, и обязательно нужно подняться повыше? Нет. Медитировать можно где угодно. Просто повторяй «Харе Кришна».

Через некоторое время дорога утомила Свамиджи и он задремал, склонив голову на грудь.

Вместе со Свамиджи Брюс вошел в квартиру. Он распахнул перед ним дверь, приоткрыл окно, настолько, насколько счел нужным, и подготовил комнату, как если бы был его личным слугой. Бхактиведанта Свами остался доволен визитом в Ананда-ашрам. *Куртан* имел успех, и один из приближенных учеников доктора Мишры заметил, что последователи Бхактиведанты Свами произвели на него огромное впечатление: казалось, одним лишь пением они достигли высокого духовного уровня, в то время как сторонникам доктора было «гораздо сложнее практиковать все свои позы и контролировать дыхание».

* * *

Усиление военных действий Соединенных Штатов во Вьетнаме вызвало волну протеста. 29 июля американские самолеты сбросили бомбы на два главных населенных пункта Северного Вьетнама, Ханой и Хайфон, и некоторые союзники — Канада, Франция, Япония — выразили по этому поводу свое сожаление. Генеральный секретарь ООН, У Тан, открыто осудил политику США во Вьетнаме. Противостояние войне ощущалось повсюду — от сената до возникших за последнее время пацифистских организаций. Диссиденты проводили марши мира, сидячие забастовки и митинги против войны и призыва в армию.

Со стороны религий протест обнародовал папа Павел VI. Всемирный совет церквей осудил вторжение Америки во Вьетнам, призвав к «прекращению войны как самому эффективному шагу» на пути к переговорам.

6 августа, в годовщину бомбардировки Хиросимы, состоялись демонстрации во многих крупных городах Америки, в том числе и круглосуточные демонстрации за мир перед зданием штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке.

На 31 августа было намечено начало еще одной двухнедельной демонстрации за мир, и мистер Ларри Богарт пригласил Бхактиведанту Свами и его последователей открыть это мероприятие «молитвой о мире». Ларри Богарт, сотрудник ООН, был уже давно знаком со Свами и когда-то предлагал помочь напечатать официальные бланки для Международного общества сознания Кришны. В верхней части бланка были изображены Радха и Кришна, нарисованные Джеймсом Грином, а имя мистера Богарта фигурировало во главе списка попечителей Общества.

Бхактиведанта Свами принял приглашение мистера Богарта. Он видел в этом возможность прилюдно петь «Харе Кришна» и очень радовался по этому поводу. Он объявил своей пастве, что в понедельник, тридцать первого числа, вместо обычных утренних занятий, в половине седьмого все должны собраться у штаб-квартиры ООН на особый *куртан*.

31 августа

Большинство ребят встретились в магазинчике и, прихватив с собой *карталы*, бубен и бонго, на автобусе отправились к месту сбора. Свамиджи с несколькими учениками поехал на такси. Одевание парней состояло, как обычно, из сильно поношенных теннисных тапочек, черных брюк (или джинсов) и футболки (или, как вариант, спортивной рубашки на пуговицах). Ранняя утренняя поездка в пригород привела ребят в радостное расположение духа, но еще больше они воодушевились, увидев рядом со зданием ООН Свамиджи в ниспадающих складками шафрановых одеждах. Свамиджи запел, но к нему тут же подошли организаторы демонстрации и попросили прекратить. Это была «молчаливая демонстрация» — здесь предполагалась беззвучная молитва о ненасилии. Ребята были просто убиты этим известием, но Свамиджи подчинился запрету и начал тихо повторять «Харе Кришна», перебирая четки.

Затем вышел какой-то священник и произнес перед толпой короткую речь, в которой упомянул Ганди. Закончив говорить, он повернулся к Бхактиведанте Свами и предложил сказать несколько слов о мире. Тихим голосом Свамиджи заговорил; он держался прямо, а за его спиной неясно вырисовывались очертания небоскреба ООН. Он говорил, что только Бог — владыка всего в этом мире и друг каждого и что все на земле должны признать это. Лишь тогда на планете воцарится настоящий мир.

Мистер Богарт выделил Свами на молчаливую молитву два часа. Бхактиведанта Свами и окружающие его преданные тихо повторяли *джапу*, пока время, отведенное им по расписанию, не истекло. Затем они удалились.

Возвращаясь по переполненным улицам в центр, Свами сказал, что Нью-Йорк очень напоминает ему Калькутту. Он объяснял, перекрикивая шум несущихся машин:

— Мы ничего общего не имеем с этими круглосуточными демонстрациями за мир. Мы просто хотим распространить культуру пения «Харе Кришна» — вот и всё. Если люди приобщатся к этому пению, мир придет сам собой. Тогда им не нужно будет добиваться этого искусственными способами.

1 сентября

В газете «Нью-Йорк пост» появилась фотография Свамиджи и его последователей возле здания ООН. Стив показал вырезку Свами:

— Посмотрите, Свамиджи! Они называют вас «Сами Кришна»!

— Сами Кришна? Ну пусть.

На фотографии некоторые ребята сидели, опустив голову на руки.

— Где здесь ты? — спросил Свами. Стив показал. — О, ты так повторяешь, опустив голову?

Бхактиведанта Свами принял участие в демонстрации, чтобы оказать любезность своему знакомому, мистеру Богарту. И теперь мистер Богарт позвонил ему, чтобы выразить признательность, и согласился посетить храм. Он хотел помочь Свами и обсудить возможность его дальнейшего сотрудничества с ООН — ведь тогда можно будет ходатайствовать перед высокопоставленными лицами о помощи этому движению индийской культуры и мира.

Бхактиведанта Свами считал предстоящий визит мистера Богарта очень важным и пожелал лично приготовить для гостя *прасад* и оказать ему должный прием в лучших традициях гостеприимства. В назначенный день Свами и Кейт несколько часов колдовали на маленькой кухне, готовя лучшие индийские деликатесы. Внизу Бхактиведанта Свами оставил Стэнли, строго-настрого наказав: пока готовится пир для мистера Богарта, наверх никого не пускать. Стэнли кивнул, моргая глазами с одухотворенным, устремленным вдаль взором.

Стэнли расположился в храме. Там было несколько человек, но он объявил:

— К Свамиджи нельзя, никому нельзя.

Около двенадцати часов приехал Ларри Богарт — уже немолодой человек, бледный и хорошо одетый. Он сказал, что хотел бы встретиться со Свами Бхактиведантой.

— Простите, — сказал Стэнли, и на его мальчишеском лице отразилась попытка произвести на незнакомца впечатление серьезностью приказа, — Свами сейчас занят и просил никого к нему не пускать.

Мистер Богарт решил подождать. Стульев в магазинчике не было, и Стэнли принес ему складной. День выдался жаркий. Мистер Богарт несколько раз смотрел на часы. Прошло полчаса. Стэнли сидел, напевая и бездумно уставившись в пространство. Через час мистер Богарт спросил, нельзя ли теперь повидать Свами. Стэнли ответил, что нет, и мистер Богарт, обиженный, ушел.

Тем временем Свамиджв начал беспокоиться, удивляясь, почему мистера Богарта до сих пор нет. Наконец он послал вниз Кейта, и Стэнли рассказал ему о человеке, которого он только что спровадил.

— Что?! — взорвался Кейт. — Но это же был...

Через несколько секунд о произошедшем узнал Свамиджи. Он пришел в ярость. Он спустился вниз, в магазинчик:

— Дурак! Бестолочь!

В гневе он повернулся ко всем собравшимся и отругал их, но особенно досталось Стэнли. Еще никто никогда не видел Свамиджи таким разгневанным. Затем он в негодовании вышел и вернулся к себе.

Стэнли и так в последнее время был не в лучшей форме, а сейчас его поведение стало еще более непредсказуемым. Мать Стэнли знала, что последние несколько лет у ее сына были определенные проблемы, поэтому просила Бхактивецанту Свами внимательно за ним следить. Но теперь юноша перестал справляться со своими обязанностями и бросил мыть кухню и магазин. Часто его видели подолгу застывшим и уставившимся в одну точку. Он бросил регулярно повторять *мантру*, стал угрюмым и иногда поговаривал о самоубийстве. Ребята не знали, что с ним делать, и думали — может, лучше отослать его обратно, к матери.

Однажды Стэнли пришел к Свамиджи. Он вошел и сел.

Свами: *Да?*

Стэнли: *Можно получить пятьдесят долларов?*

Свами: *Зачем?*

Бхактиведанта Свами обычно держал все деньги у себя, и когда его ребятам что-то было нужно — пусть даже двадцать пять центов на автобус, — они обращались к нему. Расточительным Свами никогда не был — даже получив письмо, он очень аккуратно вскрывал конверт, чтобы использовать обратную сторону для записей. Поэтому он хотел знать, зачем Стэнли пятьдесят долларов. Стэнли тихо ответил:

— Я хочу купить бензина и сжечь себя.

Свамиджи увидел, что в дверях стоит Чак, и попросил его немедленно позвать Брюса. Брюс примчался сию же секунду и сел на пол возле Свами и Стэнли. Свами распорядился, чтобы Брюс (недавно назначенный ответственным за мелкие расходы) дал Стэнли пятьдесят долларов, заставив того повторить, для чего ему нужны деньги.

— Но, Свамиджи, — запротестовал Брюс, — у нас нет таких денег!

— Вот видишь, Стэнли, — голос Бхактиведанты Свами был очень спокоен, — Брюс говорит, что у нас нет таких денег.

Затем они позвонили матери Стэнли.

Потом Свами вспоминал, что, когда Стэнли попросил пятьдесят долларов на бензин, который стоил всего тридцать пять центов, он понял, что Стэнли сошел с ума.

Кейт, как обычно, готовил на кухне завтрак, только сегодня рядом с ним у кухонной плиты стоял Свамиджи, наблюдая за своим подопечным.

Кейт на минуту оторвался от плиты:

— Свамиджи, можно мне стать вашим учеником?

— Можно, — ответил Бхактиведанта Свами. — А почему бы и нет? Тебя будут звать Кришнадасом.

В этом коротком диалоге впервые прозвучала просьба о принятии в ученики, и Свами впервые согласился дать духовное посвящение. Но этим дело не ограничилось. Свамиджи объявил, что в скором времени проведет церемонию посвящения.

— А что это такое — посвящение? — спросил кто-то из ребят.

Свамиджи ответил:

— Я объясню позже.

Прежде всего, им нужны были четки. Кейт сходил в кожгалантерейный магазин фирмы «Тэнди» и принес оттуда деревянные бусины, чуть больше сантиметра в диаметре, и моток шнура.

Свамиджи сказал, что *мантру* лучше всего повторять, перебирая четки — шнур с нанизанными на него ста восьмью бусинами. При этом работает осязание, и, кроме того, вы будете точно знать, сколько раз повторили *мантру*. Так поступают индийские вайшнав. У некоторых преданных в Индии, говорил Свамиджи, на нитке больше тысячи бусин, и на этих четках они повторяют по многу кругов *мантры* ежедневно.

Он показал ребятам, как завязывать двойной узел после каждой из ста восьми бусин. Число 108 является символическим: существует сто восемь упанишад и сто восемь главных *гопи* — самых близких преданных Господа Кришны.

Во время обряда посвящения, сказал он, ученик должен дать несколько обетов, один из которых заключается в том, чтобы каждый день повторять на четках определенное число кругов *мантры*. С десятков ребят, приходивших к Свами, были готовы для посвящения, но никакой строгой системы отбора не было: посвящение мог получить любой желающий.

Стив: *Хотя я уже и так делал все, что велел Свамиджи, я чувствовал, что получить посвящение — это огромная ответственность. Во мне еще сильна была тяга к независимости, и я был полон сомнений, получать посвящение или нет.*

Друзья Свамиджи отнеслись к предстоящему обряду посвящения по-разному: для одних это было делом очень серьезным, для других — чем-то вроде новой игры или представления. За несколько дней до церемонии, когда Уолли и Говард нанизывали во дворе бусины на шнур, между ними состоялся следующий разговор:

Уолли: *Это просто формальность. Ты признаешь Свамиджи своим духовным учителем.*

Говард: *И что дальше?*

Уолли: Никто точно не знает. В Индии это обычное дело. Ты как, хочешь принять его духовным учителем?

Говард: Не знаю. Если уж на то пошло, духовный учитель он вроде неплохой, по крайней мере мне так кажется. Я имею в виду, что и он, и его учение мне очень нравятся, поэтому в каком-то смысле он уже стал моим духовным учителем. Я просто не понимаю, что от этого изменится.

Уолли: И я не понимаю. Думаю, что ничего не изменится. Это просто формальность.

* * *

8 сентября

Джанмаштами, День явления Господа Кришны. Год назад Бхактиведанта Свами встречал день рождения Кришны в море, на борту «Джаладуты», которая только что вышла из Коломбо. Теперь, ровно год спустя, у него появилась небольшая группа последователей, которые поют с ним «Харе Кришна». Сегодня он соберет их, чтобы вместе отметить этот день — петь, читать священные писания, поститься, а потом они устроят праздничный пир. А на следующий день будет церемония посвящения.

В шесть часов Свамиджи спустился вниз и хотел было начать обычную утреннюю лекцию, как вдруг кто-то из ребят попросил его почитать немного из своих рукописей. Свами, казалось, немного смутился, но не стал скрывать своей радости от того, что его попросили почитать собственные комментарии к «Бхагавад-гите». Обычно он читал какой-нибудь стих из оксфордского издания «Бхагавад-гиты» в переводе доктора Радхакришнана. Хотя в своих комментариях Радхакришнан излагал философию импер-сонализма, переводы стихов, как сказал Свамиджи, были на девяносто процентов точными. Но этим утром, послав Роя наверх за рукописью, он в течение часа читал с напечатанных страниц.

Джанмаштами отмечается по особым правилам: в этот день нужно поститься, повторять и петь святые имена, читать и беседовать о сознании Кришны.

— Если кто-то почувствует слабость, — сказал Свамиджи, — на кухне есть фрукты. Но лучше ничего не есть до полуночи, как это делают преданные в Индии.

Он рассказал, что в Индии миллионы людей — и индусы, и мусульмане — празднуют день рождения Господа Кришны. В этот день в каждом храме устраивают праздничные торжества и прославляют игры Кришны.

— А теперь, — сказал он напоследок, — я объясню, что такое духовное посвящение. Это означает, что духовный учитель принимает ученика и соглашается взять на себя ответственность за него, а ученик принимает духовного учителя и соглашается почитать его, как Самого Бога.

Он замолчал. Воцарилась тишина.

— Есть ли вопросы?

Вопросов не было. Свамиджи встал и вышел из комнаты.

Преданные были ошеломлены. Что он сказал? Неделями до этого он твердил, что того, кто называет себя Богом, нужно считать догом.

— Я в шоке, — сказал Уолли.

— Все в шоке, — ответил Говард. — Как гром среди ясного неба.

Они вспомнили о Кейте. Он такой умный. Надо с ним посоветоваться. Но Кейт лежал в больнице. Поговорив друг с другом, они окончательно запутались. Последние слова Свамиджи поставили их в тупик. Наконец Уолли решил сходить к Кейту в больницу.

Кейт внимательно выслушал все от начала до конца. Уолли рассказал, как Свамиджи велел им поститься, как он читал им свою рукопись, как пообещал объяснить, что такое посвящение, как все затаили дыхание, обратившись в слух... и тут Свамиджи выдал: «Ученик принимает духовного учителя и соглашается почитать его, как Самого Бога. Есть ли вопросы?» Затем Свамиджи вышел.

— Теперь мы даже и не знаем, стоит ли получать посвящение, — признался Уолли, — нам ведь придется почитать его, как Самого Бога.

— Да вы и так уже это делаете, соглашаясь со всем, что он вам говорит, — ответил Кейт и посоветовал поговорить со Свамиджи... до посвящения.

Вернувшись в храм, Уолли обсудил все с Говардом, и вдвоем они отправились к Свамиджи.

— Значит ли то, о чем вы говорили сегодня утром, — спросил Говард, — что мы должны считать духовного учителя Богом?

— Это значит, что духовного учителя необходимо почитать наравне с Богом, поскольку он является представителем Бога, — спокойно ответил Бхактиведанта Свами.

— Значит, он не Бог?

— Нет, — сказал Свами, — Бог есть Бог. А духовный учитель — Его представитель. Он неотличен от Господа, ибо он может дать Бога искреннему ученику. Ясно?

Да, теперь все стало ясно.

Целый день без еды — это требовало серьезного напряжения как ума, так и тела. Джейн нервничала. Она жаловалась, что это просто невозможно, что она больше не выдержит, что ей нужно пойти поухаживать за своей кошкой... Бхактиведанта Свами попытался удержать ее, но она все равно ушла.

В тот день большинство кандидатов в ученики несколько часов подряд нанизывали на шнур ярко-красные деревянные бусины. Привязав один конец шнура к оконной решетке или к батарее, они нанизывали на него по одной бусине и завязывали тугим узлом. На каждой из них они один раз повторяли *мантру* Харе Кришна. И то и другое было преданным служением — и повторение *мантры*, и изготовление четок для посвящения. Каждая бусина, каждый завязанный узел казались им событием чрезвычайной важности. Бхактиведанта Свами рассказывал, что в Индии преданные повторяют как

минимум шестьдесят четыре круга *мантры* каждый день. Прочитать один круг — значит произнести *мантру* на каждой из ста восьми бусин. Его духовный учитель говорил, что каждого, кто не читает шестьдесят четыре круга *мантры* в день, следует считать падшим.

Вначале ребята подумали, что им тоже придется повторять по шестьдесят четыре круга, и были очень озадачены: ведь это займет целый день! Как ходить на работу, если тебе нужно прочитать шестьдесят четыре круга? Да и как это вообще возможно — повторять по шестьдесят четыре круга *мантры*? Потом кто-то вспомнил, будто бы Свамиджи говорил, что для западного человека тридцать два круга в день уже достаточно. Уолли сказал, что слышал, будто Свамиджи говорил о двадцати пяти кругах, — но даже это казалось им невыполнимым. Тогда Бхактиведанта Свами предложил минимум — шестнадцать кругов в день, но делать это неукоснительно. Все, кто получит посвящение, должны будут дать такое обещание.

Целый день они нанизывали четки, повторяли *мантру*, читали. Кое-кто дремал. Так продолжалось до одиннадцати вечера, когда их позвали в комнату Свамиджи. Идя друг за другом по двору, они ощущали необычайное спокойствие, разлитое в воздухе. За забором, на Хьюстон-стрит, стояла тишина. Ночь была тихой и безлунной.

Подождав, пока ученики рассядутся на полу и начнут с удовольствием уплетать *прасад*, разложенный по бумажным тарелкам, Свамиджи присоединился к ним и стал рассказывать о явлении Господа Кришны. Кришна появился на Земле в этот вечер пять тысяч лет назад. Он родился у Васудевы и Деваки, в тюрьме царя Камсы, ровно в полночь. Васудева, отец Кришны, сразу же отнес Его во Вриндаван, где Его как собственного сына воспитал пастух Махараджа Нанда.

Бхактиведанта Свами говорил и о том, что для духовного роста необходимо очищение.

— Мало просто повторять священные слова, — сказал он, — нужно быть чистым внутри и снаружи. Духовное совершенство придет, если повторять святые имена в чистоте. Желание материальных удовольствий оскверняет живое существо. Но даже тот, кто осквернен, сможет очиститься, если будет следовать наставлениям Кришны и действовать только ради Него. У тех, кто только вступил на духовный путь, иногда появляется желание расслабиться, но, чтобы духовно расти, нельзя поддаваться этому искушению; мы должны постоянно умножать свои усилия и укреплять преданность.

* * *

Майкл Грант: Впервые я узнал о посвящении всего за день до церемонии. У меня были какие-то дела, связанные с музыкой, и я некоторое время не посещал программы в храме. Я шел по Второй авеню с одним из тех, кто готовился получить посвящение, и он сказал, что на завтра намечается

какой-то обряд, который называют духовным посвящением. Я спросил, что это такое, и он ответил:

— Насколько я понял, нужно признать духовного учителя Богом.

Я очень удивился и никак не мог взять этого в толк. Но я не принял его слова всерьез. К тому же сказаны они были как бы случайно, мимоходом, и я подумал, что не так уж это и важно. Он небрежно спросил, не собираюсь ли и я поучаствовать, и я так же небрежно ответил: «Наверное. Почему бы и нет? Попробую».

Джейн не была уверена, что сумеет стать смиренной ученицей, и само слово «посвящение» ее как-то пугало. Свами, конечно, ей нравился — особенно нравилось с ним готовить, но... Однако Майк ее убедил — раз он идет, то и она должна пойти вместе с ним.

Карл Йоргенс уже кое-что знал об обряде посвящения и лучше других понимал, насколько это серьезно. Услышав о том, что Свамиджи дает ребятам посвящение, он удивился и не спешил к ним присоединяться. Он знал, что посвящение предполагает отказ от внебрачного секса, алкоголя, наркотиков, мяса, что у посвященного ученика появляются новые обязанности, связанные с распространением учения. С тех пор как Свамиджи переехал на Вторую авеню, Карл несколько отдалился от него, но на церемонию посвящения все же решил прийти.

Билл Эпштейн никогда не считал себя серьезным учеником. Обряд посвящения был для него очередным представлением, устроенным Свами, и он считал себя вправе самому решать, как к этому относиться — серьезно или нет. Он полагал, что можно пройти посвящение, даже не принимая его всерьез. Он решил попробовать.

Кэрол Бекар удивилась, узнав, что кое-кто собирается получить посвящение, не намереваясь при этом бросать свои вредные привычки. С тех пор как Свами переехал, она перестала ходить к нему регулярно и не чувствовала желания стать ученицей. Да и вряд ли Свами вообще будет давать посвящение женщинам, думала она.

Роберт Нельсон не забывал Свами и всегда как мог ему помогал. Но приходить он почти перестал, лишь иногда наносил дружеские визиты. Он вел независимую жизнь и по-прежнему проживал в пригороде, а на улицах Нижнего Ист-Сайда появлялся редко.

Джеймс Грин думал, что он еще недостаточно чист для посвящения: «Кто я такой, чтобы получать посвящение?» Но Свами попросил его принести кое-что в магазинчик.

— Я пришел, и все почему-то решили, что я тоже собираюсь пройти обряд посвящения. Тогда я подумал: «А почему бы, собственно, и нет?»

Стэнли снова начал повторять мантру, безумие прошло. Он был очень привязан к Свами и его ученикам. Он спросил мать, можно ли ему получить посвящение, и она разрешила.

Стиву нужно было время, чтобы все обдумать.

Кейт лежал в больнице.

Брюс приходил сюда всего две недели, и ему было еще рано.

Чак решил недельку отдохнуть от строгой храмовой жизни и о церемонии ничего не знал.

Свами ни от кого не потребовал обрить голову или хотя бы просто подстричься и сменить одежду. Никто не предложил Свами традиционную *гуру-дакшину* — подношение, которое ученик делает в знак великой благодарности учителю. Угощение Свамиджи пришлось готовить самому, и самому же делать другие приготовления к церемонии — почти никто ему не помогал. Он прекрасно знал образ мыслей своих ребят и старался никого ни к чему не принуждать. Некоторые из учеников только после церемонии узнали (спросив его об этом), что все, кто получил посвящение, обязаны выполнять четыре правила — не есть мяса, не вступать во внебрачные половые связи, не употреблять одурманивающих веществ и не играть в азартные игры.

— Я очень рад, что вы все-таки спросили меня об этом, — сказал Свамиджи.

Церемония должна была стать настоящим ведическим жертвоприношением. Жертвенный огонь предстояло разжечь прямо у Свамиджи в гостиной. Посреди комнаты был сооружен жертвенный алтарь — возвышение из кирпичей высотой десять сантиметров и площадью в четверть квадратного метра, обмазанное глиной. Глину принесли со двора, а кирпичи — из заброшенного дома по соседству. Вокруг алтаря лежало одиннадцать бананов, стояли чашки с топленным маслом, семенами кунжута, цельными зернами ячменя, порошковые красители пяти разных цветов и запас щепок для костра. Рассевшись вплотную друг к другу на полу вокруг жертвенного алтаря, одиннадцать будущих учеников заняли почти всю комнату. Гости, столпившиеся в прихожей, с любопытством заглядывали в открытую дверь. Для всех, кроме Свами, происходящее было новым и непривычным, и вся церемония проходила под его руководством. Увидев, как ребята безуспешно пытаются нанести на лоб вайшнавский *тилак*, Бхактиведанта Свами терпеливо нарисовал пальцем каждому на лбу аккуратную, узкую букву «V».

Он сел перед алтарем и оглядел своих учеников. Они мало чем отличались от любой другой группы молодых хиппи Нижнего Ист-Сайда, которые могли собраться на любое другое мероприятие: духовное, культурное, музыкальное — какое угодно. Некоторые из них смотрели на предстоящий обряд как на очередное развлечение, другие были глубоко преданы Свами. Но интересно было всем. Он попросил ребят в течение всего обряда тихо повторять *мантру* Харе Кришна, и ровный гул их голосов сопровождал таинственные движения Свами — главного жреца, проводившего ведический ритуал.

Сначала он зажег двенадцать палочек благовоний, затем совершил обряд очищения водой: взяв в левую руку ложечку, он зачерпнул воды из небольшой чашки и, налив три капли в правую руку, выпил ее. Эту процедуру он повторил трижды. В четвертый раз он не стал отпивать воду, а стряхнул ее на

пол позади себя. Затем он пустил чашку с ложечкой по кругу, чтобы кандидаты в ученики сделали то же самое. Если кто-то наливал воду не в ту руку или неправильно ее отпивал, Свамиджи терпеливо поправлял его.

— А теперь, — сказал он, — повторяйте за мной.

Вслед за ним они слово за словом стали повторять ведическую очистительную мантру:

*ом апавитрах павитро ва
сарвавастхам гато 'пи ва
йах смарет пундарикакшам
са бахйабхйантарах шучих
шри-вишнух шри-вишнух шри-вишнух*

Посвящаемые, запинаясь, старались повторить за ним слова, которых никогда раньше не слышали. Затем он перевел: «Любой человек, чистый или нечистый, даже если он прошел через все перипетии жизни, становится чистым внутри и снаружи, если помнит лотосоокого Господа, Верховную Личность Бога». Свами трижды повторил обряд очищения водой — чашечка переходила от одного ученика к другому и снова возвращалась к нему, и снова он повторял мантру *ом апавитрах*, а в комнате стоял монотонный гул голосов, повторяющих «Харе Кришна»... Затем Свами поднял руку — голоса стихли, наступила тишина. Он начал говорить.

После короткой лекции Свамиджи попросил преданных по очереди передавать ему свои четки и стал читать на них мантру — Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе, которую вслед за ним повторяли все присутствующие. Закончив на одних четках, он подзывал к себе их владельца и, держа четки в руке, показывал ему, как читать мантру. Потом он объявлял посвящаемому его духовное имя, ученик брал четки, кланялся и произносил:

*нала ом вишну-падайа кршна-прештхайа бху-тале
шримате бхактиведанта-сваминн ити намине*

«Я выражаю почтение Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанте Свами, который очень дорог Господу Кришне, ибо нашел прибежище у Его лотосоподобных стоп».

Кандидатов в ученики было одиннадцать, и четок тоже было одиннадцать, так что повторение мантры продолжалось больше часа. Свамиджи дал каждому по нитке шейных бус, которые были, как он сказал, чем-то вроде ошейника, указывающего на то, что преданный — верный пес Кришны.

После того как Уолли получил четки и новое имя — Умапати, он вернулся на свое место рядом с Говардом и сказал ему:

— Классно! Здорово получать четки.

Все посвящаемые по очереди подходили к Свамиджи за четками и получали духовное имя. Говард стал Хаягривой, Уолли — Умапати, Билл — Равиндра-Сварупой, Карл — Карлапати, Джеймс — Джаганнатхой, Майк — Мукундой, Джейн стала Джанаки, Рой стал Рая-Рамой, а Стэнли — Стрядхисей. Еще один Стэнли, из Бруклина, который где-то работал, и Дженис, студент колледжа из Монреаля, хоть и не принадлежали к ближайшему окружению Свами, тоже пришли в этот вечер и вместе со всеми получили посвящение и новые имена — Сатьяврата и Джанардана.

Затем Свамиджи начал огненное жертвоприношение. Он посыпал земляное возвышение разноцветными порошками. Затаив дыхание, все следили за его магическими действиями — он взял несколько веточек и лучинок, окунул их в масло, поджег от пламени свечи и соорудил небольшой костер в центре земляного возвышения. Затем он смешал в чашке топленое масло, кунжут, ячмень и пустил ее по кругу. Каждый ученик, проходивший обряд, взял из чашки пригоршню смеси, чтобы бросить ее в огонь. Затем Свами стал читать молитвы на санскрите и попросил всех повторять за ним. Каждая молитва завершалась тоекратным повторением слова *свах*. На этом слове ученики бросали в огонь по щепотке смеси масла, кунжута и ячменя. Свамиджи все подливал масла, подкладывал щепок в огонь и читал молитву за молитвой, пока костер не разгорелся. Звучали молитвы, лилось масло, огонь разгорался, и в комнате становилось все жарче и жарче.

Минут через двадцать Свамиджи попросил всех получивших посвящение положить в огонь по банану. Кучка из одиннадцати бананов почти погасила пламя, повалил густой дым. Некоторые из посвященных вскочили и, кашляя, выбежали в другую комнату, а гости поспешили выйти в прихожую. Но Свамиджи продолжал лить остатки масла в огонь и все кидал в него зерна.

— Этот дым не ест глаза, — сказал он. — другой дым ест, а этот — нет.

Даже когда от дыма глаза у всех наполнились слезами, Свами не разрешил открыть окна. Благодаря этому почти весь дым остался в квартире и никто из соседей не жаловался.

Свамиджи широко улыбнулся, встал перед жертвенным огнем — пламенеющим языком Вишну — и, хлопая в ладоши, запел «Харе Кришна». Раскачиваясь из стороны в сторону, он начал танцевать. Ученики присоединились к нему. Дым рассеялся. Он велел каждому ученику коснуться четками стоп Господа Чайтаньи на картине с изображением Панча-таттвы, которая стояла на столе, и после этого наконец разрешил открыть окна. Теперь, когда ритуал закончился и воздух в квартире стал свежее, Свамиджи рассмеялся:

— Было так много дыма, что я боялся, как бы соседи не вызвали пожарную команду.

Свамиджи был счастлив. Он велел, чтобы преданным и гостям раздали *прасад*. Огонь, чтение молитв, обеты, повторение «Харе Кришна» — все это очистило атмосферу. Дело сдвинулось с места. В Западном полушарии появились первые посвященные ученики. Когда же праздник закончился,

большинство учеников разошлись по домам, оставив своего духовного учителя наводить порядок после обряда посвящения.

* * *

10 сентября

На следующее утро после посвящения Бхактиведанта Свами сидел в своей комнате, читая комментарии к «Шримад-Бхагаватам». Перед ним на столе лежал огромный том с санскритскими текстами. На Свами были очки в роговой оправе, которые придавали ему вид ученого. Он надевал их, только когда читал, сразу становясь похожим на профессора, погруженного в глубокие размышления. В комнате была тишина, сквозь оконное стекло проникали теплые яркие лучи утреннего солнца.

Вдруг в дверь кто-то постучал.

— Да? Войдите.

Он поднял глаза и снял очки. В приоткрывшуюся дверь заглядывали Майк и Джейн (теперь Мукунда и Джанаки). Он сам их пригласил.

— Да, да, заходите.

Он улыбнулся, и двое энергичных юных американцев вошли внутрь, прикрыв за собой дверь. В выразительном взгляде Бхактиведанты Свами сквозила улыбка. Они сели перед ним, и Свамиджи шутливо заговорил с ними, обращаясь к ним уже по новым именам.

— Итак, живете вы вместе, но во время посвящения вы приняли на себя серьезные обязательства. Как же с этим быть?

— Ну, — Мукунда казался озадаченным, — а разве в сознании Кришны нет любви?

Свамиджи кивнул.

— Да, вот и я о том же. Почему бы вам не пожениться?

Идея понравилась. Свамиджи тут же назначил день свадьбы — через два дня.

Он сказал, что приготовит большой пир и проведет церемонию бракосочетания прямо у себя в квартире, и попросил ребят пригласить всех родственников. Но оба — и Мукунда, и Джанаки — были родом из Орегона, и родственники их не могли всё бросить и ехать в такую даль. Согласилась приехать только сестра Джанаки, Джоан.

Джоан: *Я почти не представляла, что это будет за церемония. Я знала только, что они познакомились с каким-то свами, берут у него уроки санскрита и посещают его небольшой храм в бывшем магазинчике на Второй авеню. Когда я первый раз увидела Свами, он сидел у окна своей гостиной, освещенный солнечным светом и окруженный кастрюлями с прасадом, который он раздавал преданным, сидящим вдоль стен вокруг него. Я придерживалась макробиотической диеты и не горела желанием есть в полдень. Когда я вошла, Свамиджи спросил:*

— Кто это?

Мукунда ответил:

— Это сестра Джанаки, Джоан. Она приехала из Орегона, на нашу свадьбу.

Свамиджи спросил:

— А где это — Орегон?

Мукунда ответил:

— Это почти пять тысяч километров отсюда, другой конец Соединенных Штатов.

Он удивился:

— О, вы ехали в такую даль? Очень хорошо. А когда приедут остальные?

Тогда я призналась:

— Я приехала одна, Свамиджи.

Он сказал:

— Не беда. Очень хорошо, что приехали. Пожалуйста, садитесь и отведайте кришна-прасада.

Он предложил мне немного дала, влажное сабджи, йогурт, салат и чапати. Но из-за моего увлечения макробиотикой прасад мне не понравился — не лез в горло. Но, глядя на этого сияющего человека, я понимала, что ему очень хотелось, чтобы я попробовала все, что он приготовил. Так что я съела все, но про себя решила, что обедаю с преданными в последний раз.

В конце концов я справилась, и Свамиджи тут же спросил:

— Хотите еще? Хотите еще?

Я ответила:

— Нет, спасибо. Я наелась. Все было очень вкусно, но я больше не могу.

Наконец прием прасада закончился, все отправились мыть посуду, а Свамиджи позвал к себе Мукунду, Джанаки и меня, чтобы подготовиться к завтрашней свадьбе.

Итак, когда мы сидели у него в комнате, он достал из угла огромную кастрюлю, на стенках которой были следы засохшего сахарного сиропа. Я подумала: «Наверное, это его *piece de resistance* ^[20], но в меня больше не влезет». Но он достал из кастрюли гигантский, круглый, сочный гулаб-джамун. Я сказала:

— О, нет, я так наелась, больше не могу!

Но он настоял:

— Берите, берите, — и заставил меня протянуть руку, чтобы его взять.

Так вот, когда я съела гулаб-джамун, у меня не осталось и тени сомнения в том, что я здесь в последний раз.

Потом он стал объяснять, что по ведической традиции все необходимое для пышной свадебной церемонии готовят женщины той же семьи. А поскольку единственным таким родственником была я, то завтра я должна была прийти помогать ему готовить свадебный пир. Итак, на следующее утро, в девять, пока Джанаки украшала комнату для жертвоприношения,

развешивая зелень и протягивая через всю комнату под потолком цветочные гирлянды, я отправилась наверх, к Свами.

Как только я появилась, он сразу же отправил меня за покупками, дав список из пяти-шести наименований. Одного из этих продуктов нигде не оказалось (хотя я спрашивала у многих), и, когда я вернулась, Свами спросил:

— Вы все купили, что было в списке?

Я ответила:

— Все, кроме одного.

Он уточнил:

— Чего именно?

Я объяснила:

— Никто не знает, что такое «тумар».

Он попросил меня помыть руки и, усадив на пол в гостиной, дал мне двухкилограммовый мешок муки, полкило масла и кувшин воды. Посмотрев на меня сверху вниз, он спросил:

— Вы можете сделать тесто средней мягкости?

Я хотела уточнить:

— Вы имеете в виду тесто как для печенья, или как для пирога с хрустящей корочкой, или чтобы получилось рассыпчатое тесто, или как для рыбного пирога? Какую выпечку вы хотите сделать?

— Сколько вам лет? — спросил он.

Я ответила:

— Мне двадцать пять, Свамиджи.

— Вам двадцать пять, и вы не умеете делать тесто средней мягкости? В Индии это очень ловко делает любая девочка с пяти лет. Но ничего страшного, я вас научу.

Он ловко высыпал муку из мешка и кончиками пальцев втер в нее масло, пока вся смесь не стала похожа на крупные крошки. Затем он сделал в центре горки углубление, влил туда точь-в-точь требуемое количество воды и умело замесил однородное, гладкое, бархатистое тесто средней мягкости. Потом он принес на подносе вареный картофель, пальцами размял его и приправил специями. Он показал мне, как делаются картофельные качори — жареные индийские пирожки с начинкой из пряного картофеля. В тот день, с одиннадцати утра и до пяти вечера, я сидела в этой комнате и лепила картофельные качори. За это время Свамиджи приготовил еще пятнадцать вегетарианских блюд, причем каждое в таком количестве, что хватило бы человек на сорок, и все это он сделал один на маленькой, тесной кухне.

В тот день было жарко, и я вспотела. Я спросила:

— Свамиджи, можно стакан воды?

Он кивнул головой в сторону двери и сказал:

— Идите, помойте руки.

Я так и сделала, а когда вернулась, то у Свамиджи уже наготове был стакан воды. Он объяснил, что когда готовят пищу для предложения

Верховному Господу, то нельзя даже думать о еде или питье. Выпив воды, я пошла, помыла руки и снова уселась. В два часа я спросила:

— Свамиджи, можно покурить?

Он снова кивнул головой в угол и сказал:

— Идите, помойте руки.

Я сходила, а когда вернулась, он рассказал мне о четырех принципах сознания Кришны. Я продолжала лепить качори, и где-то в половине третьего или в четыре в комнате стало совсем жарко, и я рукой вытерла со лба пот. Как раз в ту минуту Свамиджи вносил одно из своих блюд. Он взглянул на меня и велел:

— Пожалуйста, пойдите и помойте руки.

Я снова подчинилась, а когда вернулась, увидела, что для меня готово влажное бумажное полотенце. Он объяснил, что приготовление пищи для Кришны требует соблюдения определенных правил чистоты и аккуратности, которые отличаются от тех, к которым я привыкла.

Пришло около тридцати гостей. Комната была украшена так же, как в день посвящения, разве что более роскошно, да и пир был побогаче. Гостиную Свамиджи украшали сосновые ветки, а под потолком через всю комнату тянулись гирлянды из цветов и листьев. Пришли несколько новопосвященных с большими красными четками на шее. Теперь они дали обет — шестнадцать кругов каждый день — и повторяли их, как научил Свамиджи. Радостно и немного смущаясь, они называли друг друга новыми именами.

Джанакки: Свамиджи сказал, что на свадьбе я должна быть в сари, а сари должно быть шелковым. Я спросила, какого цвета, и он сказал, что красного. Мукунда купил мне отличное сари и очень красивые украшения.

Все привыкли видеть Джанакки, когда она, вместе с Мукундой, приходила в храм, в очень простой одежде, без всякой косметики. И все были поражены и немного смущены, увидев ее в ярко-красном сари, с украшениями и макияжем. Волосы невесты были подняты, уложены и украшены филигранной серебряной заколкой овальной формы, на руках блестели серебряные браслеты, а в ушах — серебряные серьги, купленные Мукундой в дорогом индийском магазине на Пятой авеню.

Бхактиведанта Свами посадил молодоженов напротив себя, по другую сторону жертвенного алтаря. Как и перед обрядом посвящения, он зажег благовония, попросил совершить очищение водой и прочел очистительную мантру. Он объяснил, каковы должны быть отношения между мужем и женой в сознании Кришны, как супруги должны помогать друг другу и как — служить Кришне. После этого Свамиджи попросил Джоан официально отдать Джанакки в жены Мукунде, Мукунда же повторял за ним:

— Я беру Джанакки в жены и буду заботиться о ней всю жизнь. Мы будем мирно жить в сознании Кришны и никогда не расстанемся.

После этого Бхактиведанта Свами обратился к Джанакки:

— Принимаешь ли ты Шримана Мукунду даса Брахмачари своим супругом? Согласна ли ты служить ему и помогать в его деятельности в

сознании Кришны?

Джанакі ответила:

— Да, я принимаю Мукунду своим мужем до конца жизни. Мы никогда не разлучимся, ни в счастье, ни в горе. Я буду всегда служить ему, и мы будем мирно жить вместе в сознании Кришны.

Никто, кроме Свамиджи, не имел ни малейшего представления о том, что происходит. Он читал *мантры*, которые все за ним повторяли; он подсказывал жениху и невесте, что говорить, где сидеть, что делать (да, по большому счету, и поженились-то они, следуя его совету). Свамиджи приготовил чудесный пир, который ждал на кухне окончания церемонии.

Бхактиведанта Свами попросил Мукунду и Джанакі надеть друг на друга цветочные гирлянды и поменяться местами. Он попросил Мукунду нанести на пробор в волосах Джанакі красную краску и покрыть ее голову краем сари. Потом было огненное жертвоприношение, а в конце — пир.

Этот пир был гвоздем программы и имел огромный успех. Гости уплетали за обе щеки и просили добавки, восторгаясь неповторимым вкусом приготовленных блюд. Ученики Свами, привыкшие к простой пище — рису, *далу*, *сабджи* и *чапати*, просто опьянели и ели до отвала. Многие друзья Мукунды были любителями макробиотики и поначалу стойко избегали сладостей, но вскоре энтузиазм окружающих ослабил их сопротивление и они были наповал сражены поварским искусством Свамиджи.

— Господи, да он же превосходный повар! — не могла прийти в себя Джанакі.

Брюс, пропустивший инициацию, впервые увидел огненное жертвоприношение и попробовал *качори*, приготовленные Свами. Он тут же решил посвятить себя сознанию Кришны и при первой же возможности стать учеником Свамиджи. Почти все гости лично подходили к Свами, чтобы поздравить его и поблагодарить. Он был счастлив и отвечал, что все произошло по милости Кришны и с Его благословения.

После церемонии новобрачные пригласили большинство преданных и гостей к себе домой. Настроение тем вечером у всех было приподнятое, и Хаягрива читал стихи. Затем кто-то включил телевизор, чтобы увидеть обозначенное в программе интервью с поэтом Алленом Гинзбергом. Ко всеобщей радости, Аллен заиграл на фисгармонии и запел «Харе Кришна». Он даже сказал, что в Нижнем Ист-Сайде живет *свами*, который обучает *мантра-йоге*. Хоть сознание Кришны и было чем-то новым и неслыханным, теперь преданные увидели по телевизору *киртан* в исполнении всемирно известной звезды. Вечер прошел просто замечательно.

Вернувшись на квартиру, Бхактиведанта Свами с несколькими помощниками навел в комнате порядок. Он был доволен. Он закладывал основы своей миссии. Он дал посвящение ученикам, двоих из них женил и накормил людей *крииша-прасадом*.

— Если бы средства позволяли, — говорил он ученикам, — я бы устраивал такие праздники каждый день.

Тем временем один старик, которому в этом году перевалило за семьдесят, забрел в Нью-Йорк, в Ист-Вилледж, и принялся доказывать миру, что он знает, где искать Бога. Всего за каких-то три месяца этот человек, Свами А.Ч. Бхактиведанта, сумел убедить самую крутую в мире аудиторию — богему, хиппи, «кислотников» и курильщиков травки — в том, что он знает путь к Богу: «забудь-обо-всем», «громко-пой» и «будь-с-нами». Этот святой нового типа предлагает метод «расширения сознания», который (при всем нашем уважении к доктору Лири) слаще ЛСД, дешевле марихуаны и которым совершенно не интересуются легавые. Как это возможно? «Благодаря Кришне», — говорит Свами.

— Из газеты «Другой Ист-Вилледж»,
октябрь 1966 года

ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ этого года Бхактиведанта Свами чувствовал себя хорошо — во всяком случае, так казалось. Работал он долго и усердно и, если не считать четырех часов ночного отдыха, постоянно находился в действии. У него был сильный голос, и он мог часами говорить без усталости. Улыбался он широко и очаровательно, а пел громко и мелодично. Во время киртана он мог целый час выводить бенгальские ритмы *мриданги* на своем маленьком бонго. Он с аппетитом ел рис, *дал*, *чапати* и овощи, приготовленные на *ги*. Лицо его светилось здоровой полнотой, а живот немного выдавался вперед. Иногда, будучи в веселом расположении духа, он барабанил по животу двумя пальцами и говорил, что раздающийся при этом звук указывает на хорошее состояние здоровья. Благодаря правильному и размеренному образу жизни его золотистая кожа — в семьдесят-то лет! — сияла молодостью и здоровьем. Когда он улыбался, его улыбка лучилась такой энергией и жизнестойкостью, какой позавидовал бы всякий житель Нью-Йорка, медленно увядающий от разгульной жизни. Он совсем не был похож на старика. И новые последователи Свамиджи, нисколько не сомневаясь, считали эту бьющую ключом молодость одним из его чудес, как и его пение, и его удивительного Кришну. Свамиджи не был обычным человеком. Он был духовен. Он мог все. Никому из его последователей даже в голову не приходило посоветовать ему сбавить темп. Никто и подумать не мог, что он нуждается в какой бы то ни было защите, — они едва за ним поспевали.

За два месяца на Второй авеню, 26, он достиг всего, о чем раньше мог лишь мечтать. Теперь у него был храм, официально зарегистрированное общество, полная свобода проповеди и группа инициированных учеников. Когда в свое время один из духовных братьев спрашивал его в письме, как он собирается управлять храмом в Нью-Йорке, Бхактиведанта Свами ответил, что

для этого нужны будут люди из Индии, но, возможно, найдутся и один-два американца, которые смогут помочь. Это было прошлой зимой. Но Кришна поставил его в другие условия: он не получил никакой поддержки от духовных братьев, никаких пожертвований от индийских магнатов и никакой помощи от правительства Индии — успех пришел к нему совсем с другой стороны. Он говорил, это было «счастливое время» — после года тяжелой борьбы в одиночку Кришна послал ему и людей, и деньги.

Да, для Бхактиведанты Свами настали счастливые дни, но счастье его не было похоже на счастье стариков-пенсионеров, которые «на закате жизни» тихо увядают, окруженные призрачным комфортом. Это было счастье молодости, время расцвета, время новых сил и безграничных надежд на будущее. В семьдесят лет у него были планы безрассудного юноши. Он был похож на молодого великана, только что вставшего на ноги. Его проповедь имела успех, и он был счастлив, так же как счастлив был Господь Чайтанья, путешествуя по Южной Индии и распространяя пение «Харе Кришна». Бхактиведанта Свами был счастлив как бескорыстный слуга Кришны, которому Господь посылал людей, готовых начать жизнь в преданном служении. Он был счастлив от того, что ему наконец удалось заронить семя преданности в их сердца и научить петь «Харе Кришна», слушать о Кришне и трудиться ради распространения сознания Кришны.

Бхактиведанта Свами не сбавлял оборотов. После первого посвящения и свадьбы он был полон решимости сделать следующий шаг. Он был доволен тем, что имел, но хотел большего. Это была настоящая духовная жадность — вайшнав не желает чувственного наслаждения, но для Кришны хочет брать все больше и больше. Он входит иглой, а выходит плугом. Начав с чего-то малого, незначительного, Свамиджи собирался расширить Движение до головокружительных масштабов. По крайней мере, об этом он мечтал. Он не довольствовался пришедшим успехом и стабильным течением дел на Второй авеню, 26, а неудержимо стремился расширять ИСККОН, насколько это возможно. Таким его желание было всегда, и это записано в уставе ИСККОН: «дабы обрести истинное единство и мир во всем мире... как среди членов ИСККОН, так и в обществе в целом».

* * *

Как-то раз Свамиджи собрал всех своих учеников. Он собирался предложить им сделать одну вещь и точно знал, что, стоит им попробовать, и им обязательно понравится. Но произойдет это лишь в том случае, если сам он пойдет с ними.

До Вашингтон-сквер от «Бесценных даров» было меньше километра.

Равиндра-Сварупа: *Он никогда не скрывая того, что делал. Обычно он говорил:*

— Я хочу, чтобы каждый знал, что мы делаем.

И вот день «Д»^[21] настал. Свамиджи сказал:

— Мы идем петь на Вашингтон-сквер.

Мы перепугались. Зачем куда-то ходить, можно же здесь петь? Это казалось совершенно нелепым. Но он успокоил нас, сказав:

— Когда вы начнете, страх пройдет. Кришна вам поможет.

И мы тоскливо поплелись в сторону Вашингтон-сквер. Ведь раньше-то мы никогда не «раскрывали» себя! Меня это сильно тревожило, и я догадывался, что другие чувствуют то же самое. Нам абсолютно не хотелось выставлять себя напоказ.

В то светлое воскресное утро они вышли из храма на Второй авеню и, во главе с Бхактиведантой Свами, зашагали через городские кварталы в сторону Вашингтон-сквер, направляясь в самое сердце Гринвич-Вилледж. Свамиджи одним своим видом создавал сенсацию. Ни у кого из ребят не была обрита голова, никто не носил традиционную вайшнавскую одежду, но Свамиджи — и его шафрановое одеяние, и белые остроносые туфли, и высоко поднятая бритая голова — приводили людей в недоумение. Когда он шел один, это не производило такого впечатления: люди бросали в его сторону любопытный взгляд — и шли дальше. Но сегодня он двигался по городским улицам во главе группы молодых людей, едва за ним поспевающих. Он явно что-то затеял, и это вызвало переполох. Местная шпана выкрикивала насмешки, кто-то хохотал, кто-то свистел. Еще год назад, в Батлере, Агарвалы были уверены, что Бхактиведанта Свами приехал в Америку не ради последователей. «Он не захочет беспокоить общество», — думала Салли. Но сейчас он именно это и делал — ведя за собой своих первых учеников, Бхактиведанта Свами шел по улицам Нью-Йорка на первое в Америке публичное пение святого имени.

По парку слонялись сотни человек: и стильно одетые, декадентского вида обитатели Гринвич-Вилледж, и гости из других районов города, и туристы из разных штатов и стран — пестрая смесь лиц, национальностей, возрастов и интересов. Как обычно, у фонтана кто-то играл на гитаре, на лавочках целовались парочки влюбленных. Одни запускали летающие тарелки, другие играли на барабанах, флейтах и прочих инструментах. Кто-то просто выгуливал собаку, разговаривая со знакомыми и глазами по сторонам. Словом, в Гринвич-Вилледж был самый обычный день.

Бхактиведанта Свами нашел лужайку, на которой, несмотря на табличку «По газонам не ходить!», там и сям расположились кучки отдыхающих. Свамиджи сел на траву, и ученики один за другим расселись у него за спиной. Он достал свои бронзовые тарелочки и запел *маха-мантру*, а его ученики — поначалу неуверенно и робко, а затем все смелее — подхватили. На деле все оказалось не так страшно, как они ожидали поначалу.

Джаганнатха: *Это было потрясающе. Благодаря Свамиджи я испытал нечто удивительное. Пение позволило мне раскрепоститься и преодолеть присущую мне робость — я впервые пел маха-мантру на людях.*

Собралась толпа зевак, однако присоединяться к пению никто не спешил. Через несколько минут сквозь толпу протиснулись двое полицейских.

— Кто здесь главный? — грубо спросил офицер.

Ребята посмотрели на Свамиджи.

— Вы что, не видели табличку?

Нахмутив брови, Свамиджи повернулся в сторону надписи «По газону не ходить», после чего встал, сошел с лужайки и сел прямо на раскаленный солнцем тротуар. Ученики последовали его примеру и расселись вокруг. Толпа слушала и не думала расходиться, и Бхактиведанта Свами пел еще полчаса. Еще ни один гуру в Америке не выходил на улицы, чтобы петь имена Бога.

Окончив *киртан*, Свами попросил Хаягриву достать «Шримад-Бхагаватам» и вслух прочитать «Введение». Четко проговаривая слова, Хаягрива начал: «Причиной социальной дисгармонии является беспринципность атеистической цивилизации. Но есть Бог, Всемогуший Господь, из которого все исходит, который все поддерживает и в которого все возвращается на покой...» Толпа молчала. Закончив, Свами и его последователи, окрыленные своей победой, вернулись в магазинчик. Они возмутили «американский покой».

* * *

Неподалеку, на 10-й Восточной улице, жил Аллен Гинзберг. Однажды он получил по почте любопытное приглашение:

Повторяйте трансцендентные звуки:

Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе

Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Повторяя эти звуки, вы очистите зеркало своего ума от покрывающей его пыли.

Международное общество сознания Кришны.

Встречи ежедневно в 7:00,

а по понедельникам, средам и пятницам — также в 19:00

Будем рады видеть Вас и Ваших друзей.

Свамиджи попросил ребят распространить эти листовки по всей округе. Как-то вечером, вскоре после получения приглашения, Аллен Гинзберг и его приятель, с которым они снимали комнату, Питер Орловский, подкатили к магазинчику на микроавтобусе «фольксваген». *Мантра* Харе Кришна пленила Аллена еще несколько лет назад, когда он впервые услышал ее на празднике Кумбха-мела в Аллахабаде, и с тех пор он часто пел эту *мантру*. Преданные были поражены, увидев в своем скромном магазинчике всемирно известного автора поэмы «Вопль» и одного из лидеров движения битников. Его проповедь свободной любви, марихуаны и ЛСД, призывы привнести в серые будни наркотические духовные прозрения, его политические идеи,

исследования природы безумия, бунта и наготы, его попытки сплотить единомышленников сделали его властителем умов американской молодежи, особенно той ее части, что обитала в Нижнем Ист-Сайде. Хотя в глазах обывателей Аллен выглядел личностью одиозной, имевшей скандальную репутацию, тем не менее слава о нем гремела по всему миру, и он был, безусловно, самым известным человеком из всех, кто когда-либо появлялся у них в магазинчике.

Аллен Гинзберг: *Казалось, что в Америке у Бхактиведанты не было друзей, что он один, совершенно один, что он, словно одинокий хиппи, нашел свое пристанище — местечко, которое ему по силам было оплачивать.*

На полу, скрестив ноги, сидели несколько человек. Я думаю, большинство из них были хиппи Нижнего Ист-Сайда, которые забрели с улицы, — творческие бородачи, уважающие определенного рода духовность. У некоторых взгляд уже совсем потух, но в большинстве своем местный народ смотрелся знатно — бородатые, модные, любопытные. Спасаясь от мещанской жизни, они перебрались в Нижний Ист-Сайд и выглядели точь-в-точь как садху на улицах Индии. Это было очень похоже на Индию — весь этот период в истории американской богемы. Мне понравилось, что Свами Бхактиведанта избрал полем деятельности именно Нижний Ист-Сайд Нью-Йорка. Он обратился к самым низам общества. Он пришел в место, которое сильнее, чем любое другое в мире, напоминало окраины Калькутты.

Аллен и Питер пришли на киртан довольно рано — Бхактиведанта Свами еще не выходил. Они подарили преданным новую фисгармонию.

— Это для киртанов, — сказал Аллен, — небольшой подарок.

Аллен стоял в дверях и беседовал с Хаягровкой. Он рассказывал ему, как пел «Харе Кришна» в разных уголках земли — на маршах мира, на поэтических чтениях, на демонстрации в Праге, в Союзе писателей в Москве.

— Светский киртан, — сказал Аллен, — но все-таки «Харе Кришна».

Тут вошел Свамиджи. Аллен и Питер уселись вместе с собравшимися и присоединились к киртану. Аллен играл на фисгармонии.

Аллен: *Меня поразило, что он перенес «Харе Кришна» на Запад. Было ощущение, что из Индии пришло подкрепление. Я ездил по всему миру, распевая «Харе Кришна», но никогда до конца не понимал, зачем это нужно и что это означает. С удивлением я обнаружил, что он поет на другую мелодию, хотя я считал, что мелодия, которую пою я, — единственная и вселенская. Я настолько привык к ней, что, в сущности, самое большое расхождение с ним у нас было именно по поводу мотива: с годами мой мотив настолько закрепился у меня в голове, что другая мелодия просто выбивала меня из колеи.*

После лекции Аллен подошел к Бхактиведанте Свами, все еще сидевшему на помосте. Он выразил почтение, сложив ладони и коснувшись его стоп, а Свамиджи в ответ кивнул и тоже приветственно сложил ладони. Они немного поговорили, и Свами ушел к себе. Аллен сказал Хаягровке, что ему хотелось бы

зайти еще раз и побеседовать со Свамиджи подольше. Хаягрива пригласил его прийти на следующий день к обеду.

— Тебе не кажется, что Свамиджи чересчур эзотеричен для Нью-Йорка? — спросил Аллен.

— Может быть, — подумав, ответил Хаягрива.

Хаягрива попросил Аллена помочь Свамиджи, поскольку у того скоро истекал срок действия визы. Он приехал в страну с визой на два месяца и с тех пор несколько раз продлевал ее еще на два месяца. Это продолжалось уже год, но когда он подал заявление о продлении в последний раз, ему отказали.

— Нам нужен адвокат, специалист по иммиграции, — сказал Хаягрива.

— Я могу дать на это взаймы, — пообещал Аллен.

На следующее утро он принес чек и еще одну фисгармонию. Наверху, в квартире Свамиджи, он показал ему свою мелодию «Харе Кришна», после чего они разговорились.

Аллен: *Я немного робел перед ним, потому что не знал, кто он и откуда. У меня с собой была фисгармония, которую я хотел подарить преданным, и немного денег. Я подумал: как здорово, что он здесь и может объяснить смысл мантры Харе Кришна, — это как бы подводило основу под мое собственное пение. Я знал, что делаю, но мне не хватало теологической подготовки, чтобы отвечать на вопросы, а у него такая подготовка была. И я подумал, что это просто здорово. Теперь я мог повсюду петь «Харе Кришна», а если кто-нибудь захочет узнать, что это такое, то я отошлю его к Свами Бхактиведанте. Если кого-нибудь заинтересуют технические тонкости или происхождение этой мантры, я могу отправлять их к Свами.*

Он рассказал мне о своем учителе, о Чайтанье и цепи ученической преемственности, уходящей в глубь веков. Он очень много знал и постоянно думал о своей миссии. Он уже работал над своими переводами, и казалось, он сидит тут днями и ночами. По-моему, у него был помощники — то ли один, то ли два.

Бхактиведанта Свами принял Аллена очень сердечно. Прочитав стих из «Бхагавад-гиты», где Кришна говорит, что простые люди берут пример с великих личностей, он попросил Аллена и дальше петь «Харе Кришна» при любой возможности, чтобы его примеру последовали другие. Он рассказал, как Господь Чайтанья впервые в истории Индии организовал движение гражданского неповиновения, возглавив шествие с пением «Харе Кришна» в знак протеста против политики мусульманского правителя. Аллен был в восторге. Беседа со Свами доставила ему огромное удовольствие.

Но возникли между ними и разногласия. Когда Аллен выразил восхищение известным бенгальским святым, Бхактиведанта Свами сообщил, что «святой» этот — просто обманщик. Аллен был поражен. Никогда до сих пор он не слышал, чтобы индийский свами столь резко о ком-либо отзывался. Ссылаясь на Веды, Свамиджи объяснил ему причину своей критики, и Аллен признался, что до сих пор наивно верил, что все «святые» святые на сто процентов. Но теперь он твердо решил, что не следует слепо верить в садху

(включая, кстати, и самого Бхактиведанту Свами). Он решил оценить Свами более строго и беспристрастно.

Аллен: *Я испытывал суеверное благоговение, которое, судя по всему, было вызвано обычной глупостью. Учение Свами пришлось весьма кстати — оно заставило меня пересмотреть подобное мое отношение. Но в то же время оно побудило меня поставить под сомнение и его собственный авторитет. Я перестал слепо доверять ему.*

Аллен описал Свамиджи «божественное» видение, в котором ему явился Уильям Блейк в образе звука, в результате чего он осознал единство всего сущего. Какой-то садху во Вриндаване сказал Аллену, что, значит, Уильям Блейк — его гуру. Но для Бхактиведанты Свами это было полной нелепицей.

Аллен: *Для меня самым главным в нем, тем, что сводило на нет все наши разногласия, была исходившая от него доброта — самоотверженная, бескорыстная доброта, которая сродни абсолютной жертвенности. Это всегда покоряло меня, какие бы интеллектуальные вопросы или сомнения ни роились в моей голове и какой бы циничной ни была точка зрения моего «эго». От него исходило какое-то неотразимое личное обаяние, рождавшееся из его преданности делу, и это обаяние сглаживало все наши разногласия. Даже если наши взгляды расходились, мне всегда было приятно с ним общаться.*

Аллен ответил согласием на просьбу Бхактиведанты Свами — больше пить и постараться бросить курить.

— Вы на самом деле намерены сделать этих американских ребят вайшнавами? — спросил Аллен.

— Да, — радостно ответил Свамиджи. — Все они станут брахманами.

Аллен оставил чек на двести долларов, чтобы покрыть издержки, необходимые для продления визы, и пожелал удачи.

«Брахманами!» — Аллен не мог представить, что такое возможно.

* * *

23 сентября

На Радхаштами, в День явления Шримати Радхарани, вечной супруги Господа Кришны, Бхактиведанта Свами провел еще одну церемонию посвящения. Кейт получил имя Киртанананда, Стив стал Сатсварупой, Брюс — Брахманандой, а Чак — Ачьютанандой. И снова был праздник с жертвенным огнем в гостинной Свамиджи и большим пиром.

* * *

Бхактиведанта Свами проповедовал в самом сердце наркотической культуры, где молодежь отчаянно пыталась изменить свое сознание любыми доступными средствами — при помощи наркотиков или чего-то еще.

Свамиджи обещал им, что, повторяя «Харе Кришна», они с легкостью обретут высшее сознание, к которому так стремятся. Объясняя философию сознания Кришны, он неизбежно был вынужден проводить параллели с наркотическим опытом, хотя бы для того, чтобы показать, что эти пути совершенно противоположны. Он хорошо знал, что многие индийские «садху» принимают ганджу и гашиш, считая, что это помогает им в медитации. Еще до его отъезда из Индии туристы-хиппи уже стали привычным зрелищем на улицах Дели.

Индия привлекала хиппи мистической культурой и доступностью наркотиков. Там они знакомились со своими индийскими «коллегами», уверявшими, что курить гашиш — это духовное занятие, а затем возвращались в Америку с этими ложными представлениями об индийской духовной культуре.

Это был целый образ жизни. В местных магазинах для наркоманов можно было купить все необходимое, от курительных трубок до шприцев. Марихуана, ЛСД, мескалин, кокаин и «тяжелые» наркотики, вроде героина и барбитуратов, свободно продавались на улицах и в парках. Газеты андерграунда помещали на своих страницах все важные новости из мира наркотиков, печатали комиксы, героем которых был «Капитан Кайф», и кроссворды, разгадать которые мог только бывалый наркоман.

Бхактиведанте Свами приходилось объяснять им, что сознание Кришны гораздо выше пресловутых «полетов в мир ЛСД».

— Думаете, прием ЛСД может вызвать экстаз и расширить сознание? — спросил он однажды у собравшихся в храме. — Тогда представьте себе эту комнату, целиком заполненную ЛСД. Таково сознание Кришны.

Посетители постоянно задавали ученикам Свамиджи один и тот же вопрос:

— Вы что, кайфуете от этого?

И преданные отвечали:

— Еще как! Можно «улететь» на первых же звуках. Сам попробуй!

Грег Шарф (брат Брахмананды) ЛСД не увлекался, но жаждал высшего сознания и решил попробовать петь мантру.

Грег: *Мне было восемнадцать лет. Все, кто посещал храм, баловались ЛСД, и я подумал: может быть, мне тоже начать — ведь я хотел быть как все. И я спросил Умапати:*

— *Слушай, Умапати, как считаешь, может, мне ЛСД попробовать? Я в толк не могу взять, о чем вы тут все толкуете.*

Он ответил:

— *Нет, Свамиджи сказал, что ЛСД не нужно.*

Так я и не попробовал ЛСД. И думаю, что правильно сделал.

Хаягрива: *Вы слышали об ЛСД? Это наркотик в виде таблетки, который вызывает духовный экстаз. Как по-вашему, это поможет мне в духовной жизни?*

Бхактиведанта Свами: Тебе ничего не нужно принимать для духовной жизни. Твоя духовная жизнь уже с тобой.

Если бы эти слова произнес кто-то другой, Хаягрива никогда бы не согласился с ним. Но Свамиджи был «абсолютно уверен», и «о том, чтобы не согласиться, и речи быть не могло».

Сатсварупа: Я знал, что сознание Свамиджи всегда возвышенно, и надеялся, что как-нибудь он сможет научить этому и меня. Однажды, оставшись с ним наедине, я спросил:

— Можно ли достичь такого духовного уровня, откуда невозможно упасть?

Он ответил «да», и это убедило меня в том, что попытки обрести духовность с помощью ЛСД, приводящие к еще более глубокому падению, нужно заменить абсолютно духовной жизнью — такой, какую вел Свамиджи. Я видел, насколько он сам убежден в этом, и это убедило и меня.

Грег: В то время ЛСД считался духовный наркотиком, и Свамиджи был единственным, кто осмелился открыто выступить против него, сказав, что это чушь. Должно быть, это была первая битва, которую ему пришлось выдержать при попытке распространить свое движение в Нижнем Ист-Сайде. Даже те, кто регулярно посещал храм, считали, что ЛСД — это хорошо.

Пожалуй, самые шумевшие эксперименты с ЛСД в те дни проводили Тимоти Лири и Ричард Олперт, преподаватели психологии из Гарварда. Они изучали действие наркотиков, публиковали результаты своих исследований в научных журналах и пропагандировали применение ЛСД для достижения самоосознания и раскрытия заложенных в человеке способностей. После того как Тимоти Лири выгнали из Гарварда, он вознамерился стать общенациональным апостолом ЛСД и какое-то время возглавлял общину своих последователей в Миллбруке, недалеко от Нью-Йорка.

Когда члены миллбрукской коммуны прослышали о свами из Нижнего Ист-Сайда, который поет вместе со своими учениками, а те получают от этого кайф, они стали захаживать к ним в храм. Однажды вечером на киртан Свамиджи пришло с десятков хиппи из Миллбрука. Они все пели (не столько из любви к Кришне, сколько для того, чтобы испытать, какой кайф это приносит). После лекции лидер миллбрукцев задал вопрос о наркотиках. Бхактиведанта Свами ответил, что для духовной жизни наркотики не нужны, что они не могут одухотворить сознание человека и что все религиозные видения, вызванные наркотиками, — это не что иное, как галлюцинации. Постичь Бога не так просто, чтобы это можно было сделать, приняв таблетку или накурившись. Повторение «Харе Кришна», объяснил он, — это очистительный процесс, позволяющий удалить пелену материальной скверны, застилающую чистое сознание живого существа. Наркотики же делают эту пелену еще плотнее и мешают человеку достичь самоосознания.

— А сами вы пробовали ЛСД? — вопрос прозвучал как вызов.

— Нет, — ответил Свамиджи, — я никогда не употреблял ничего подобного, даже сигарет или чая.

— Если вы никогда не употребляли наркотиков, то как же вы можете судить о них?

Миллбрукцы победно оглядывали зал. Некоторые из них даже закатились смехом и пощелкивали пальцами, полагая, что поймали Свами на слове.

— Я сам не пробовал, — ответил Свами, с царственным видом восседая на своем помосте. — Но мои ученики перепробовали все — и марихуану, и ЛСД — и все бросили. Вы можете послушать их. Хаягрива, расскажи им.

Хаягрива выпрямился и своим зычным голосом начал говорить:

— Как бы высоко вы ни «улетели», накачавшись ЛСД, рано или поздно вы достигнете пика, и тогда вам волей-неволей придется спуститься с небес. Это все равно что лететь на ракете в космос. [Он привел один из обычных примеров Свамиджи.] День за днем ваш космический корабль будет лететь все дальше и дальше, он может удалиться от Земли на тысячи километров, но рано или поздно вы все равно должны будете вернуться на Землю. Ваше путешествие не может продолжаться бесконечно долго. От ЛСД мы как будто взмываем в небеса, но всякий раз нам приходится спускаться на землю. Это не духовное сознание. Когда вы действительно обретаете духовное сознание, или сознание Кришны, вы все время остаетесь наверху. Поскольку вы идете к Кришне, вам не нужно больше прилетать назад. Вы можете «улететь» навсегда.

Бхактиведанта Свами сидел у себя в задней комнате вместе с Хаягривой, Умапати и другими учениками. Вечерняя программа только что закончилась, и визитеры из Миллбрука ушли восвояси.

— Сознание Кришны замечательно тем, — сказал Умапати, — что ты летишь все выше и выше и не спускаешься вниз! Правда, Свамиджи?

Свамиджи улыбнулся:

— Да, так оно и есть.

— Вечный кайф, — со смехом сказал Умапати, и другие тоже рассмеялись. Кто-то захлопал в ладоши, повторяя: «Вечный кайф, вечный кайф».

Разговор вдохновил Хаягриву и Умапати написать новую листовку:

ВЕЧНЫЙ КАЙФ!

Полет, которому нет конца!

Практикуйте сознание Кришны.

Расширяйте сознание, повторяя

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ЗВУКИ

ХАРЕ КРИШНА, ХАРЕ КРИШНА,

КРИШНА КРИШНА, ХАРЕ ХАРЕ

ХАРЕ РАМА, ХАРЕ РАМА,

РАМА РАМА, ХАРЕ ХАРЕ

Листовка объясняла превосходство сознания Кришны над всеми остальными способами «улететь». Там были такие выражения, как «врубиться» и «ловить кайф». Она выступала против применения «методов искусственной стимуляции для достижения самоосознания и расширения внутреннего видения». Некоторые были против, считая, что листовка «слишком уж подыгрывает настроениям хиппи», но Свамиджи сказал, что в этом нет ничего плохого.

Грег: Когда наркоманы с Нижнего Ист-Сайда приходили потолковать со Свамиджи, он так стойко их терпел... Он говорил о философии, о которой они и слыхом не слыхивали. Когда люди принимают ЛСД, они погружаются в себя и не совсем адекватно воспринимают то, что им говорят. Поэтому, когда Свамиджи говорил о чем-то, они его не понимали. И ему приходилось раз за разом повторять одно и то же. Он был очень терпелив, но никогда не соглашался с их заявлениями, будто ЛСД помогает себя осознать.

* * *

Октябрь 1966 года

Томпкинс-сквер-парк был главным парком Нижнего Ист-Сайда. С юга он граничил с Седьмой улицей, застроенной бурными четырех-пятиэтажными жилыми домами. С северной стороны, по Десятой улице, стояли такие же дома, но немного приличнее, и очень старый домишко, в котором разместилось местное отделение Нью-Йоркской публичной библиотеки. На авеню «Б», куда выходила восточная сторона парка, стояла церковь Святой Бригитты, построенная в 1848 году, когда в округе жили одни ирландцы. Церковь, школа и дом священника занимали большую часть квартала. Западная граница парка проходила по авеню «А», где было много кондитерских, торговавших всякой всячиной: газетами, журналами, сигаретами и крем-содой. Кроме того, там находилось несколько баров и бакалейных лавок, а также пара славянских ресторанчиков, где фирменным блюдом был дешевый борщ и где за трапезой бок о бок сидели украинцы и хиппи.

На четырех гектарах парка росло много высоких деревьев, но не менее половины его площади было вымощено плиткой. Защищая газоны, вдоль дорожек тянулась массивная ограда из кованого железа, высотой чуть больше полутора метров. Извилистая лента забора, многочисленные дорожки и ворота делали парк похожим на лабиринт.

Погода стояла теплая, к тому же день был воскресный, и потому в парке было довольно многолюдно. Почти все скамейки вдоль дорожек были заняты. На них небольшими группами сидели и разговаривали пожилые люди, в основном украинцы, одетые, несмотря на теплую погоду, в старомодные костюмы и свитера. В парке было полно детворы, главным образом пуэрториканцев и негров, а также светловолосых, угрюмых детей из трущоб.

Они носились на велосипедах, играли в мяч или пускали летающие тарелки. Площадки для игры в гандбол и баскетбол оккупировали подростки. И, как водится, повсюду бегали бездомные собаки.

От старых времен в парке сохранился небольшой мраморный бельведер (четыре колонны с крышей и фонтанчиком для питья). Надпись на нем гласила: «1891 год». На каждой из четырех сторон красовались слова «Надежда», «Вера», «Милосердие» и «Умеренность». Но кто-то черной краской намалевал на этом сооружении корявые рисунки, неразборчивые имена и инициалы. Сегодня на одной из скамеек расположились музыканты с латиноамериканскими барабанами конга и бонго, и их зажигательные ритмы будоражили весь парк.

Были здесь и хиппи, сильно выделявшиеся среди других. Бородатые мужчины богемного вида и их юные подруги с распущенными волосами, в потертых синих джинсах были все еще непривычным зрелищем. Даже в «плавильный котел» Нижнего Ист-Сайда их присутствие вносило напряженность. Они были выходцами из зажиточных семей, так что в трущобы их привела отнюдь не нужда. На этой почве у них часто возникали конфликты с обездоленными иммигрантами. Всем известное пристрастие хиппи к наркотикам, их бунт против своих родителей и материального благополучия, приверженность к авангардизму — все это делало их презируемым меньшинством и вызывало насмешки окружающих. Но хиппи хотели только одного: делать то, что они считают нужным, и вершить собственную революцию во имя «любви и мира», поэтому их обычно терпели, хоть и не любили.

На Томпкинс-сквер собирались разные группы молодежи и хиппи. Одних объединяла дружба еще со школьной скамьи или употребление одних и тех же наркотиков, других — общность взглядов на искусство, литературу, политику или метафизику. Были тут и влюбленные. Были группы, членов которых на первый взгляд не связывало ничего, кроме общего стремления делать то, что им заблагорассудится. Были и другие, жившие отшельниками, — сидит такой одиночка на скамейке и анализирует эффект кокаина, глядя то вверх, на странно шелестящую листву на деревьях и на голубое небо над домами, то вниз — на мусор у ног, а в это время его мысли беспомощно мечутся от страха к озарению, от омерзения к галлюцинациям, и так несколько часов, пока дурман не улетучится и он снова не превратится в обычного прохожего. Иногда они «зависали» в парке на всю ночь, а с первыми лучами солнца растягивались на скамейках, чтобы немного вздремнуть.

Особенно много хиппи было в парке по воскресеньям. Иногда они просто шли мимо, по дороге на площадь Святого Марка в Гринвич-Вилледж, или же на станцию «Лексингтон-авеню» на Астор-Плейс, или к метро на углу Хьюстон-стрит и Второй авеню, или на Первую авеню, к остановке автобуса, идущего из центра. Через парк было удобно попасть на Вторую авеню, чтобы оттуда поехать в центр, или на Девятую, где можно было сесть на автобус, идущий через весь город. Многие приходили сюда просто так, чтобы

выбраться из дома и посидеть с друзьями на свежем воздухе — покайфовать, поболтать или побродить по лабиринту парковых дорожек.

Но как бы ни были велики различия в интересах и наклонностях хиппи, Нижний Ист-Сайд был для всех них мистической страной. Это были не просто грязные трущобы — это было лучшее в мире место для экспериментов с сознанием. Несмотря на грязь, постоянную угрозу насилия и тесноту, в которой обитали жители здешних домов, Нижний Ист-Сайд оставался форпостом «революции расширения сознания». Если вы не жили здесь, не принимали психоделических средств или марихуаны или, по крайней мере, вас не обуревала жажда найти свою свободную религию, то на вас ложилось клеймо невежественного ретрограда, задержавшегося на низшей ступени эволюции сознания и цепляющегося за идеалы «добропорядочных» американцев-материалистов. Именно эти поиски объединяли такую разноликую в остальном толпу хиппи Нижнего Ист-Сайда.

Вот сюда-то, в этот балаган, и пришел вместе со своими учениками Свамиджи, чтобы провести *киртан*. Несколько преданных пришли пораньше, выбрали в парке лужайку, расстелили ковер (подарок Роберта Нельсона), сели на него и запели «Харе Кришна», подыгрывая на *караталах*. Тут же к ним подкатили мальчишки на велосипедах и, затормозив у самого ковра и не слезая с седла, уставились на них с нахальным любопытством. Начали собираться зрители.

Тем временем Свамиджи в сопровождении полудюжины своих учеников шел к парку, который находился в восьми кварталах от храма. Брахмананда нес фисгармонию и барабан Свами. Вид Киртанананды, который по просьбе Свамиджи обрил голову и облачился в просторные развевающиеся одежды канареечного цвета, еще больше усиливал общее впечатление. Водители притормаживали у тротуара, а пассажиры вытягивали шею и, разинув рот, смотрели на его вызывающий наряд и бритую голову. Когда преданные проходили мимо какого-нибудь магазинчика, покупатели, подталкивая друг друга, показывали на них пальцами. Люди высовывались из окон квартир, чтобы посмотреть на Свами и его группу, как на парад. Пуэрто-риканская шпана не могла сдержать бурной реакции.

— Эй, Будда! — вопили они. — Эй, пижаму снять забыл!

Они издавали пронзительные крики, подражая боевым кличам индейцев, которые слышали в голливудских вестернах.

— Эй, арабы! — заорал один шутник и принялся изображать нечто, что, по его мнению, было восточным танцем.

Никто на улице не имел ни малейшего представления не только о сознании Кришны, но даже об индийской культуре и обычаях. В их глазах окружение Свами было горсткой сумасшедших «выпендривающихся» хиппи. Но как относиться к самому Свами, они не представляли. Он был другим. Однако и он вызывал подозрения. Впрочем, некоторые, как, например, Ирвинг Хольперн, коренной житель Нижнего Ист-Сайда, испытывал

симпатии к этому иностранцу, который «похоже, был очень приличным человеком с добрыми намерениями».

Ирвинг Хольперн: Многие терялись в догадках, кто же такой этот свами. Поэтому в их головах роились самые нелепые подозрения: они, похоже, ждали, что эти люди вдруг лягут на подстилки, утыканные гвоздями, или что-то еще в таком духе. Но мишенью их враждебности стал приятный, спокойный, воспитанный и, сразу видно, доброжелательный человек.

— Хиппи!

— А кто это — коммунисты?

Пока молодежь насмехалась, люди среднего возраста и пожилые качали головами и разглядывали процессию холодно и осуждающе. Путь в парк был омрачен ругательствами, непристойными шутками и напряженностью, но на этот раз их никто не тронул. После успешного *киртана* на Вашингтон-сквер Бхактиведанта Свами регулярно высылал на улицы Нижнего Ист-Сайда «наряды» из трех-четырех преданных, которые пели, подыгрывая на ручных тарелочках. Один раз их закидали яйцами и воздушными шарами с водой, а иногда они сталкивались с хулиганами, готовыми к драке. Но на них так ни разу и не напали — просто глазели, насмехались и орали вдогонку.

Сегодня соседи решили, что Бхактиведанта Свами и его ученики вышли подурачиться: пройтись по улицам в диковинной одежде, чтобы привлечь к себе внимание и затеять переполох. Соседи считали свою реакцию совершенно естественной для нормального, уважающего себя обитателя американских трущоб.

Итак, сама дорога в парк уже превратилась в приключение. Однако Свамиджи оставался невозмутимым.

— Что они говорят? — спросил он пару раз, и Брахмананда повторял.

Свамиджи всегда ходил с высоко поднятой головой, выдвинув подбородок вперед, и это придавало ему вид благородный и решительный. Он обладал духовным зрением и видел, что все находится под властью Кришны, а любой человек был для него вечной душой. Но и без того, даже с мирской точки зрения, его не пугало городское столпотворение. В конце концов, он был выдавшим виды жителем Калькутты.

К тому моменту, когда появился Свамиджи, *киртан* продолжался уже минут десять. Сбросив свои белые туфли, словно у себя в храме, Свами сел на ковер рядом с учениками, которые прекратили пение и выжидающе на него смотрели. На нем был розовый свитер, а на плечах — домотканый плед. Он улыбнулся и, оглядев учеников, задал им ритм: раз... два... три-и-и. Затем он стал громко хлопать в ладоши, продолжая считать: «Раз... два... три-и-и». Зазвенели *карталы*, сначала невпопад, но он держал ритм, хлопая в ладоши, и ребята подхватили и тоже начали хлопать и неумело звенеть тарелочками, неспешно и размеренно.

Он запел молитву, которую никто из них не знал. *Ванде 'хам шри-гурох шри-йута-пада-камалам шри-гурун ваишнавамш ча*. Его мелодичный голос, сладкий, как звук фисгармонии, передавал все богатство нюансов бенгальской

мелодии. Сидя на ковре под раскидистым дубом, он пел таинственные санскритские молитвы. Никто из его учеников не знал ни одной *мантры*, кроме «Харе Кришна», но зато они знали Свамиджи. Они отбивали ритм, вслушиваясь в его пение, а в это время по улице грохотали грузовики и вдалеке слышался ритм барабанов конга.

Он пел — *шри-рупам саграджатам*, а мимо пробежали собаки, тарасились дети, какие-то зубоскалы тыкали пальцами: «Эй, приятель, это что за пастор?» Но его голос был прибежищем, в котором можно было укрыться от противоречивой двойственности этого мира. Ученики продолжали звенеть тарелочками, а он солировал: *шри-радха-кришна-падин...*

Бхактиведанта Свами пел молитвы во славу чистой супружеской любви Шримати Радхарани к Кришне, возлюбленному *гопи*. Каждое слово, пронесенное через века ближайшими спутниками Кришны, было исполнено глубокого духовного смысла, который понимал только он один. *Саха-гана-лалита-шри-вишакха-анвитамиш ча...* Они ждали, когда он начнет петь *мантру* Харе Кришна, хотя пение и без того захватывало.

Люди все подходили и подходили — чего и хотел Свами. Он хотел, чтобы они пели и танцевали вместе с ним, а теперь того же хотели и ученики. Они хотели быть с ним. Они уже делали это вместе — возле ООН, в Ананда-ашраме, на Вашингтон-сквер... Казалось, это будет продолжаться вечно — они будут собираться, садиться и петь. А он всегда будет рядом.

Наконец он запел — Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Ученики подхватили, сначала слишком низко и нестройно, но он еще раз повторил мелодию, и голос его звучал твердо и торжественно. Они отозвались уже смелее, звеня *караталами* и хлопая в ладоши — раз... два... три-и-и, раз... два... три-и-и. Он снова запел один, а они, ловя каждое слово, хлопали в ладоши, звенели тарелочками и старались поймать его взгляд, обращенный на них из глубин его мудрости, его *бхакти*. Ради любви к Свамиджи они оборвали все связи с окружающей действительностью и присоединились к его пению. Свамиджи играл на маленьком барабане, левой рукой держа его за ремешок и прижимая к себе, а правой отбивая замысловатые ритмы *мриданги*.

Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Прошло полчаса, но он не чувствовал усталости и по-прежнему пел, а заинтересованных зрителей становилось все больше и больше. Несколько хиппи присели на краешек ковра, скрестив ноги. Подражая преданным, они слушали, хлопали в ладоши и пытались подпевать. Маленькая группа участников *киртана* начала расти, а люди все подходили и подходили.

Как обычно, *киртан* привлек музыкантов.

Ирвинг Хольперн: Я делаю флейты и играю на музыкальных инструментах собственного изготовления. Когда появился Свами, я подошел и стал играть, и он поприветствовал меня. Как только подходил новый музыкант и брал первую ноту, он поднимал руки в знак приветствия. Казалось, он стоял на сцене, за дирижерским пультом в Нью-Йоркской

филармонии. Я имею в виду жест, знакомый любому музыканту. По этому жесту ты понимаешь, что человек хочет играть с тобой и рад тому, что ты играешь с ним. Это был язык, на котором общаются музыканты, — я сразу уловил это и очень обрадовался.

По всему парку постоянно слонялись одинокие музыканты, и, услышав, что можно подыграть Свами и что им будут рады, они один за другим потянулись к нему. Один саксофонист пришел просто потому, что хорошо звучали ударные и ему захотелось подыграть. Другие, подобно Ирвингу Хольперну, видели в этом нечто духовное и получали удовольствие от приятных звуков. По мере того как музыкантов прибывало, все больше собиралось и прохожих. Свамиджи солировал и пел вместе с хором, а только что подошедшие начали петь вместе с ведущим, и вскоре киртан превратился в несмолкающий хор. После полудня вокруг преданных толпилось уже более сотни человек, и дюжина музыкантов с латиноамериканскими барабанами, бамбуковыми и металлическими флейтами, губными гармошками, деревянными и металлическими трещотками, бубнами и гитарами играла вместе со Свами.

Ирвинг Хольперн: Весь парк просто пел. Музыканты внимательно вслушивались в слова мантры. Когда Свами пел Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе, иногда слово «Кришна» звучало как «Кри-ше-на» — двусложное слово становилось трехсложным. Обычно это происходило на первой паре слов, и музыканты с точностью воспроизводили этот ритмический рисунок. Каждое слово Свамиджи произносил по-особому, и музыканты очень внимательно слушали его пение. Мы начали замечать, что одну и ту же короткую фразу Свами поет на разные мелодии, и пытались в точности ему подражать, как музыканты следуют взмахам дирижера или хор — голосу солиста. Это было классно — люди толкали друг друга в бок и говорили: «Слышишь? Слышишь?» Мы старались уловить и воспроизвести все тонкости звучания санскритских фраз, которые, похоже, ускользали от большинства слушателей, с энтузиазмом танцующих или погруженных в игру на инструментах. Иногда Свами добавлял новый ритм. То, как главный ударник (роль которого выполнял тогда Свами) играл на барабанах, — это было нечто...

Я говорил с другими музыкантами, и все они согласились, что Свами, должно быть, знает сотни и сотни мелодий, которые приходят из какого-то потустороннего источника истинного знания. Народ просто валом валил, только чтобы поучаствовать в этом музыкальном подарке, дхарме, привезенной из-за морей.

— Эй, — говорили они, — вы только послушайте этого святого монаха.

На самом деле люди ожидали, что им вот-вот покажут какие-нибудь трюки, фокусы, сеанс левитации или что-нибудь в этом роде. Но когда вы начинали чувствовать всю простоту того, о чем говорил Свами, — не важно, собирались ли вы серьезно этому следовать или вам просто понравилось и вы

хотели воздать ему должное, отведя ему какой-то уголок в своем сердце, — все равно это поражало до глубины души.

Еще было интересно наблюдать, как люди воспринимают киртан. Некоторые думали, что это лишь прелюдия к какому-то событию. Другие — что это и есть само событие. Одним нравилась музыка. Другим — поэтично звучащие слова.

Вскоре подошли Аллен Гинзберг и Питер Орловский с друзьями. Аллен оглядел сцену и уселся посреди поющих. Поэт-патриарх — чернобородый, в очках, с лысиной, обрамленной черными кудрями, — он присоединился к пению, и это прибавило киртану солидности в глазах окружающих. Бхактиведанта Свами, продолжая в экстазе петь и играть на барабанах, заметил его и улыбнулся.

Репортер из «Нью-Йорк таймс» подошел к Аллену с просьбой дать интервью, но Аллен отказался:

— Не следует мешать человеку, когда он занят поклонением.

«Таймс» пришлось подождать.

Аллен: Томпкинс-сквер был центром духовных противоречий тех дней, и это было просто здорово. Вдруг, совершенно внезапно, у людей, занятых философской болтовней и наркотиками, появилась возможность попеть, продолбить интеллектуальный лед и выйти к всепоглощающей бхакти — это было действительно потрясающе!

Негры и пуэрториканцы тоже частенько музицировали на улицах со своими барабанами, исполняя конгу^[22]. Но эти люди были ни на кого не похожи. Некоторые обрили головы, и это вызывало любопытство. В пении постоянно повторялись одни и те же слова, но и в этом была своя прелесть. Любой мог поучаствовать в пении. Сцена была открыта для каждого. Никаких отгороженных углов. Лица людей светились радостными, одобрительными улыбками, в глазах горело воодушевление, свидетельствующее о реальности такого способа общения, ибо построено оно на серьезной основе, а не просто на барабанных ритмах.

На Бхактиведанту Свами стоило посмотреть! Он старался петь громко, его брови были сдвинуты, лицо напряжено, вены на висках вздулись, а нижняя челюсть выступала вперед, когда он пел: «Харе Кришна! Харе Кришна!» — так, чтобы слышали все. В его облике было нечто необыкновенно притягательное, внушавшее симпатию. При этом он вкладывал в пение все силы, так что иногда оно становилось напряженным, и весь вид его говорил о предельной сосредоточенности.

Это была не демонстрация йогических упражнений в загородном ашраме или молчаливое стояние за мир. Это был настоящий хеппенинг^[23], организованный самим Свами. Это было нечто новое, небывалое, и в этом мог поучаствовать каждый. Местным жителям, похоже, понравилось. Собралась такая толпа, что даже торговец мороженым подкатил свой лоток поближе. Рядом со Свами расположилась компания белобрых ребятшек лет пяти-шести — они сидели просто так, от нечего делать. Неподалеку стоял,

пристально уставившись на него, польский мальчик. Кто-то зажег ладан на раскаленных углях в металлической жаровне, и сладковатый дым обволакивал флейтистов, барабанщиков и поющих.

Свамиджи подал ученикам знак, и, поднявшись, они начали танцевать. Высокий, худой Стрьядхиша танцевал, подняв руки. Задние карманы у него были набиты листовками «Вечный кайф!». Рядом с ним в черной водолазке, с крупными четками на шее, раскачивался в танце Ачьютананда — его длинные, волнистые, почти курчавые волосы совсем растрепались. Вслед за ними поднялся Брахмананда. Они с Ачьютанандой встали лицом друг к другу, с поднятыми руками, как на картине с изображением *киртана* Господа Чайтаны.

Те, у кого были фотоаппараты, протиснулись поближе. Ребята танцевали, переступая с ноги на ногу, и были похожи на ангелов. Они танцевали «Свами-степ», и их большие красные четки раскачивались в такт движениям.

Брахмананда: *Я подумал, что раз уж встал, то, пока Свамиджи играет на барабанах, я должен танцевать. Я думал, что будет оскорблением, если я сяду, пока он играет. Я танцевал целый час.*

Типично индийским движением головы Свамиджи выразил одобрение и поднял руки, приглашая остальных присоединиться к танцующим. Большинство его учеников начали танцевать, и даже несколько хиппи из толпы поднялись, тоже решив попробовать. Свамиджи хотел, чтобы в *санкиртане* пели и танцевали все. Танец представлял собой мерное покачивание из стороны в сторону, танцующие переступали босыми ногами по ковру, руки их были подняты вверх, пальцы протянуты к небу, раскинувшись над ветвями осенних деревьев. Тут и там в толпе отдельные люди впадали в экстаз: какая-то девушка, закрыв глаза, играла на кастаньетах и как замороженная покачивала головой. На нее с осуждением смотрела пожилая полька в косынке, с высохшим морщинистым лицом. В толпе тут и там стояли группы пожилых женщин в платочках, некоторые из них были в солнцезащитных очках; они оживленно беседовали, показывая пальцем на то, что привлекало их внимание в *киртане*. Киртанананда был единственным, кто надел *дхоти*, что делало его похожим на Бхактиведанту Свами в молодости. Золотистые теплые лучи послеполуденного осеннего солнца падали на фигуры танцующих, которые отбрасывали длинные тени.

Фисгармония не смолкала. Парень в военной куртке извлекал из деревянной флейты атональные импровизации. И все же звуки инструментов сливались в одну мелодию, а над ними снова и снова взмывал голос Свами. Так продолжалось несколько часов подряд. Свамиджи сидел прямо и только иногда, закончив строчку *мантры*, слегка передергивал плечами, прежде чем перейти к следующей. Его ученики сидели рядом, на том же самом ковре, и глаза их горели духовным экстазом. Наконец Свамиджи остановился и поднялся.

Они поняли, что сейчас он начнет говорить. Было четыре часа дня, и теплое осеннее солнце все еще стояло высоко в небе. Вокруг царила атмосфера

всеобщего умиротворения, а публика стала более внимательной: чувствовалось, что от сосредоточенного слушания *мантры* люди успокоились. Он начал речь с того, что поблагодарил всех за участие в *киртане*.

— Пению «Харе Кришна», — сказал он, — положил начало Шри Чайтанья Махапрабху, который жил пятьсот лет тому назад в Западной Бенгалии. «Харе» означает «О энергия Господа», Кришна — это Господь, а Рама — тоже одно из имен Верховного Господа, которое означает «высшее наслаждение».

Ученики сидели у его ног и слушали. Рая-Рама смотрел на Свамиджи, закрываясь рукой от солнца, а Киртанананда слушал, склонив голову к земле, словно настороженная птица.

Свамиджи стоял под сенью раскидистого дуба в классической позе оратора — выпрямившись и непринужденно сложив руки. Светлые шафрановые одежды ниспадали изящными складками. Дерево за его спиной пришлось как раз кстати и придавало всей сцене живописный вид; на толстом стволе дрожали солнечные блики. Дальше, в конце аллеи, возвышалась колокольня церкви Святой Бригитты. Справа стояла невысокая полная женщина средних лет, в платье и с прической, которые вышли из моды четверть века назад. Слева была девица-хиппи в джинсах в обтяжку, а рядом с ней, скрестив на груди руки, — молодой негр в черном свитере. Рядом с ними стоял мужчина с ребенком на руках, за ним — бородатый молодой уличный *садху* с волосами, расчесанными на прямой пробор, и два вполне заурядных коротко подстриженных парня со своими юными подругами. Многие из присутствующих, хотя и стояли недалеко от Свами, начали отвлекаться и смотреть по сторонам.

Бхактиведанта Свами рассказал о существовании трех уровней — чувств, ума и разума, выше которых находится духовный уровень. Повторяя *мантру* Харе Кришна, сказал он, мы поднимаемся на духовный уровень, и это — самый легкий способ вновь обрести некогда утраченное нами вечное сознание, исполненное счастья. Он пригласил всех на программу на Второй авеню, 26, и завершил свою короткую речь словами:

— Большое спасибо. Пожалуйста, пойте вместе с нами.

Затем он сел, взял барабан и снова начал *киртан*.

Для семидесятилетнего человека было довольно рискованно несколько часов подряд бить в барабан и громко петь, но он пошел на этот риск ради Кришны. Все складывалось слишком хорошо, чтобы останавливаться. Он приехал из далекого Вриндавана, пережил тяжелые дни в «Обществе йоги», которое не имело ничего общего с Кришной, и всю зиму прозябал в неизвестности. Америка уже много сотен лет ждала имен Кришны. *Мантра* пришла в Америку не из восторженных отзывов Торо и Эмерсона на английские переводы «Гиты» и Пуран и не из знаменитой речи Вивекананды об индуизме на Всемирном конгрессе религий в Чикаго в 1893 году. И теперь, когда Бхактиведанта Свами наконец-то принес сюда *кришна-бхакти*, которая потекла, словно Ганга, несущая свои воды к морю, поток этот нельзя было

останавливать. Сердцем он чувствовал огромное желание Господа Чайтаньи спасти падшие души.

Он знал: такова воля его духовного учителя и Господа Чайтаньи Махапрабху, хотя кастовые *брахманы* в Индии вряд ли одобрили бы его общение с этими неприкасаемыми — помешанными на наркотиках американскими мясоедами и их подружками. Но Свамиджи объяснял, что поступает в полном соответствии с писаниями. В «Бхагаватам» ясно сказано, что сознание Кришны нужно нести всем народам мира. Любой человек — индивидуальная душа, и пение святого имени Господа может поднять на высочайший духовный уровень любого, независимо от его происхождения. Какие бы грехи ни совершали эти люди, они были достойны сознания Кришны. Томпкинс-сквер тоже входил в планы Кришны; он был одним из уголков Земли, эти люди принадлежали к человечеству, а повторение «Харе Кришна» было *дхармой* нынешнего века.

* * *

Наступал вечер. Они шли домой — мимо магазинов и перенаселенных домов, в сопровождении десятка человек, у которых пение вызвало интерес. И снова в адрес Свами сыпались выкрики и насмешки, но спутники его все еще ощущали дух пережитого ими в парке экстаза, и это позволило им легко перенести колкости в свой адрес. Бхактиведанта Свами был особенно спокоен. Серьезный, погруженный в свои мысли, он шел с высоко поднятой головой и молчал. Но глаза его точно подмечали места, мимо которых они проходили. Свами обменивался взглядами с людьми, когда шел по Седьмой улице, мимо церквей и похоронных контор, когда поворачивал с Первой авеню на Вторую — улицу с оживленным дорожным движением, когда шел по Второй авеню мимо винных и продуктовых магазинов, автоматических прачечных, гастрономов, здания «Христианского и миссионерского альянса», дворца «Межконтинентального ресторана Кох-и-нур», мимо Церкви Рождества и, наконец, когда подходил к дому номер 26.

Там уже собралась толпа молодежи из парка, ожидавшая, когда придет Свами и откроет двери. Им хотелось побольше узнать о танце, о пении, о пожилom *свами* и его учениках, которые устроили в парке это прекрасное действо. Они вошли внутрь. Самые робкие и нерешительные остались на улице, они с независимым видом прохаживались по тротуару, ждали, курили, заглядывали в окно, пытаясь разглядеть картины на стенах. Войдя, Свамиджи сразу направился к своему возвышению и сел; столько народу в этом храме еще никогда не было. Он снова заговорил о сознании Кришны, и его речь лилась свободным потоком, когда он цитировал санскритские тексты, объясняя слушателям смысл того, что они только что видели в парке. Он сказал, что каждый должен все время петь святое имя так же, как они делали это сегодня.

Девушка с длинными волосами, которая сидела рядом с помостом и, казалось, пребывала в трансе, подняла руку и сказала:

— Когда я пою, я чувствую сильный прилив энергии к центру лба, а затем появляется гудение и красноватый свет.

— Просто продолжайте, — ответил Свамиджи. — Это пройдет.

— А к чему же тогда приводит это пение? — она, казалось, уже вышла из транса.

— Пение приводит к пению, — ответил он. — Вот, например, вы произносите имя своего любимого. Если вы сильно любите кого-то, вам хочется без конца повторять его имя, снова и снова, просто из любви.

Тут один из гостей заговорил, не поднимая руки:

— А может, это просто гипноз? Например, если я буду постоянно петь «Кока-Кола», не будет ли это то же самое?

— Нет, — ответил Свами. — Выберите любое слово и попробуйте повторять его хотя бы десять минут — вам противно станет. Но мы поем круглые сутки и не испытываем никакой усталости. Мы даже чувствуем прилив энергии.

Сегодня вопросы были серьезными. Все собравшиеся участвовали в *киртане* и теперь искали философское объяснение тому, что испытали. Ученики Свами сочли это победой, а еще — почувствовали личную ответственность как хозяева и наставники для вновь пришедших. Свамиджи попросил Киртанананду приготовить для гостей *прасад*, и вскоре тот появился, неся в бумажных стаканчиках сладкий рис.

— Процесс повторения *мантры* предназначен для очищения ума, — сказал Бхактиведанта Свами. — У нас столько ложных представлений о том, кто мы, как устроен мир, кто такой Бог и каковы отношения между нами. Богом и миром. У нас столько заблуждений! Пение поможет нам очистить ум. И тогда вы поймете, что оно неотлично от Кришны.

Один парень, который пришел в компании с длинноволосой девушкой, залепетал что-то бессвязное: «Да. Нет. Я... Я... Я...»

Свамиджи: *Да. Да. Да. Сначала нужно петь. Мы можем быть в каком угодно состоянии, это неважно. Если вы начнете петь, то первое благо, которое вы получаете, — это чето-дарпана-марджанам: ум освободится от нечистоты. На следующем этапе отступят все страдания и невзгоды этого мира.*

Юноша: *Допустим. Но я не совсем понимаю, что такое материальный мир, потому что...*

Свамиджи: *Материальный мир полон страданий и скорби. Разве вы не понимаете этого? Вы счастливы?*

Юноша: *Иногда — да, иногда — нет.*

Свамиджи: *Нет. Вы несчастны. «Иногда» — это просто самовнушение. Больной говорит то же самое: «О, да, я чувствую себя хорошо». И что значит это самое «хорошо»? Он скоро умрет, и при этом чувствует себя хорошо?*

Юноша: *Я не претендую на какое-то высшее счастье.*

Свамиджи: Нет, вы даже не представляете себе, что такое счастье.

Юноша: Оно может быть больше или меньше.

Свамиджи: Да, вы и вправду не знаете, что такое счастье.

Пожилой человек, стоящий у выхода со скрещенными руками: Да, разумеется, но благодаря страданиям и горю в нашей жизни (которая, по большому счету, сплошное страдание), нам кажется, что мы иногда испытываем счастье.

Бхактиведанта Свами: Нет. Просто существуют разные виды страданий. Это все понимают. И только из-за нашего невежества нас это не беспокоит. Взять, к примеру, человека, который уже давно страдает. Он забыл, что такое счастье. Точно так же страдания присутствуют всегда. Например (обращаясь к юноше и его подружке), представим, что вы молоды. Хотелось бы вам состариться?

Юноша: Я состарюсь в процессе...

Свамиджи: «Я состарюсь». То есть вы вынуждены будете состариться, хотите вы этого или нет!

Юноша: Я не собираюсь стареть под принуждением.

Свамиджи: Да! Вот именно! Именно под принуждением! Вас заставят.

Юноша: Я не понял — почему?

Свамиджи: Даже если вы не хотите стареть, вы все равно состаритесь! Вам никуда не деться!

Юноша: Это одно из условий...

Свамиджи: Да, и это условие приносит страдание.

Юноша: Мне не кажется, что оно приносит страдание.

Свамиджи: Это потому, что вы молоды. Спросите любого старика — как они все страдают! Понимаете? А больной человек — вы хотите болеть?

Юноша: Я бы не хотел углубляться в это.

Свамиджи: А?

Юноша: Я бы не хотел углубляться в это.

Свамиджи: Нет-нет. Просто ответьте на вопрос. Хочется ли вам болеть?

Юноша: А что такое болезнь?

Свамиджи: Просто ответьте.

Юноша: А что такое болезнь?

Свамиджи: О, вы никогда не болели? Вы никогда не страдали от болезней? (На лице Свамиджи появилось крайне недоверчивое выражение.)

Юноша: У меня... Ну, у меня были свинка, корь и коклюш... Но они у всех бывают, и никто пока не умер. (Некоторые из слушателей смеются.)

Свамиджи: Все могут страдать, но это не значит, что страданий нет. Мы должны признаться себе в том, что постоянно страдаем.

Юноша; Если б я никогда в жизни не испытывал счастья, то наверняка не представлял бы себе, что такое страдание.

Свамиджи: Это результат вашего невежества. Все мы страдаем. Мы не хотим умирать, но умираем. Мы не хотим болеть, но болезнь нас настигает.

Мы не хотим стареть, но от старости никуда не деться. Мы много чего не хотим, но нас принуждают, и любой нормальный человек признает, что это страдания. Однако если мы привыкли к ним, то говорим, что все в порядке. Но ни один человек в здравом уме не желает заболеть. Он не желает стареть. И умирать тоже не хочет. Почему вы участвуете в движении за мир? Потому что война несет смерть. И люди боятся. Они устраивают демонстрации: «Нет войне!» Неужели вы думаете, что умирать приятно?

Юноша: Я никогда не испытывал...

Свамиджи: Испытывали. Но забыли. Вы уже много раз умирали. У вас есть такой опыт, но вы забыли об этом. Забыть — это не оправдание. К примеру, ребенок может забыть о какой-то неприятности. Но это не означает, что неприятности не было.

Юноша: Пожалуй, верно. Я согласен.

Свамиджи: Да. Итак, страдания существуют. Вам необходимо руководство осознавших себя личностей, духовных авторитетов. В «Бхагавад-гите», например, говорится: духкхалайам ашашватам — этот мир переполнен страданиями. Это нужно понять. Пока мы не поймем, что здесь полно страданий, не возникнет даже вопроса о том, чтобы отсюда выбраться. Человек, который этого не понял, не может считаться разумным. Животные, например, не понимают, что такое страдание. Они жизнью довольны.

Было уже совсем поздно, когда Бхактиведанта Свами наконец добрался до своей квартиры. Один из ребят принес ему чашку горячего молока. Кто-то заметил, что они, наверное, должны петь в парке каждую неделю.

— Каждый день, — ответил Свамиджи.

Хотя в комнате оставалось еще человек шесть, он прилег на свой тоненький матрас. Он говорил еще несколько минут, потом голос его стал стихать, фразы стали отрывочными. Казалось, он задремал. Было десять вечера. Ребята вышли на цыпочках, бесшумно затворив за собой дверь.

* * *

10 октября

Было раннее утро. Солнце еще не взошло, и Свами еще не спустился. Сатсварупа и Киртанананда сидели в храме на полу и читали вырезку из утренней «Таймс».

Сатсварупа: Свами это видел?

Киртанананда: Да, несколько минут назад. Он сказал, что это очень важно и будет иметь историческое значение. Он особенно доволен, что статья появилась именно в «Нью-Йорк таймс».

Сатсварупа (читает вслух): «Последователи Свами танцуют в парке, чтобы ощутить экстаз».

Пятьдесят последователей, раскачиваясь, хлопали в ладоши в такт гипнотической музыки на представлении в Ист-Сайде. Вчера днем, сидя под деревом в парке Нижнего Ист-Сайда и время от времени поднимаясь и танцуя, пятьдесят последователей индийского *свами* в течение двух часов повторяли молитву из шестнадцати слов...

Это продолжалось более двух часов!

...молитву из шестнадцати слов под аккомпанемент тарелочек, бубнов, барабанных палочек, барабанов, колокольчиков и маленькой фисгармонии. Свами А.Ч. Бхактиведанта говорит, что это пение с многократным повторением одной и той же *мантры* — наилучший путь к осознанию себя в этот разрушительный век. Пока дети играли на холме Ховинга, на куче земли посреди Томпкинс-сквер...

Что за холм Ховинга?

Киртанананда: *Я думаю, они пошутили — присвоили этому холму имя директора парка.*

Сатсварупа: *А-а...*

...на холме Ховинга, на куче земли посреди Томпкинс-сквер, или гоняли на велосипедах по залитым солнцем дорожкам, толпа, окружившая поющих (около сотни человек!), раскачивалась и люди хлопали в ладоши в такт ритмичной завораживающей музыки. «Это погружает в состояние экстаза», — сказал поэт Аллен Гинзберг, один из участников действия. «Во-первых, — объяснил он, — произнесение слогов *мантры* позволяет контролировать дыхание, как в йоге. Это одно из объяснений с позиции физиологии».

Сатсварупа и Киртанананда (смеясь): *Ну и наплел!*

«Экстаз, возникающий от повторения *мантры* Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе...»

Киртанананда: *Сваями заметил, что это лучшая фраза в статье. Они напечатали мантру, и это делает совершенным все остальное. Каждый, кто прочитает ее, очистится — так же, как если бы участвовал в пении.*

Сатсварупа (продолжает):

«...заменял ЛСД и другие наркотики большинству последователей Свами», — отметил мистер Гинзберг. Он объяснил, что «Харе» произносится как «Хар-рэй», это имя Вишну, индуистского Бога, и означает оно

«Приносящий свет». «Рама» произносится как «Раама», это воплощение Вишну как «Царевича долга».

Чего? Откуда он это взял? По-моему, из какой-то энциклопедии.

«Таким образом, это пение обращено к различным аспектам Бога», — сказал мистер Гинзберг.

Так. Почему так много о Гинзберге? Почему не о Свамиджи?

Другой участник, двадцатилетний Говард М. Уилер, бывший преподаватель английского языка из Университета штата Огайо, а ныне активный последователь Свами, говорит: «За два последних года я принял около пятидесяти доз ЛСД и дюжину доз мескалина, но сейчас все это бросил».

(Смех.)

Свами просит своих последователей отказаться от «всех видов опьяняющих веществ, в том числе от кофе, чая и сигарет», как сказал он в интервью по окончании церемонии. «В этом смысле мы помогаем вашему правительству», — добавил он. Он, однако, указал на то, что правительство, по всей видимости, недостаточно ценит эту помощь, поскольку отдел иммиграции недавно сообщил Свами Бхактиведанте, что срок его гостевой визы, выданной на один год, истекает и он должен покинуть страну. Подано прошение о пересмотре этого решения.

Свами, смуглый мужчина с коротко стриженными волосами, в оранжево-розовых одеждах и розовом свитере, говорит, что когда он впервые повстречал своего учителя, или гуру, в 1922 году, то получил от него указание распространять культ Кришны в западных странах, на английском языке. «Поэтому в столь преклонном возрасте (70 лет) я пошел на этот риск».

Они пишут, что мы будем приходить туда каждое воскресенье. «Среди его последователей есть также и работники социальной сферы». Похоже, это про меня.

Киртанананда: Думаю, эта статья привлечет много новых людей.

Свами спустился, чтобы прочитать лекцию. Утро было прохладное, поэтому он надел розовый свитер с высоким воротом, купленный для него учениками в магазине на Садовой улице. Ученики тоже носили похожие свитера — это стало чем-то вроде униформы. Ни словом не обмолвившись о статье в «Таймс», Свамиджи сразу же приступил к пению санскритских молитв. *Ванде 'хам шри-гурах...* — «Я предлагаю поклоны моему духовному учителю...» Затем он запел «Харе Кришна», и ребята подхватили.

— Пойте тише, — предупредил он.

Но не успел он это сказать, как из щелей в потолке начала капать вода. Сосед сверху не был большим любителем ранних утренних *киртанов* и начал стучать ногой по полу, давая понять, что потоп не случаен.

— Что там такое?

Свамиджи взглянул наверх, обеспокоенный, но с некоторой долей веселья. Ребята смотрели по сторонам — вода текла сразу в нескольких местах.

— Принесите какую-нибудь посуду, — попросил Свами.

Кто-то побежал наверх, в квартиру Свамиджи, чтобы принести с кухни кастрюли. Вскоре вода с потолка, из трех разных мест, капала в три посуды.

— Как он это делает? — недоумевал Умапати. — Неужели льет воду прямо на пол?

Бхактиведанта Свами попросил Брахмананду подняться и поговорить с соседом, пообещав, что *киртан* будет тише. Затем он попросил всех рассестись посреди «капели» и кастрюль и продолжать.

— Тише, — говорил он. — Тише.

Вечером храм был полон гостей.

— Верховный Господь настолько добр, — говорил Бхактиведанта Свами, — что хочет общаться с вами. Вам следует принять Его. Постоянно пойте «Харе Кришна». Это санскрит, и некоторые из вас не понимают слов. И все-таки пение «Харе Кришна» настолько привлекает, что, когда мы пели в парке, участие приняли все — и пожилые леди, и джентльмены, и юноши, и девушки... Но есть и недовольные. Например, каждый день нам поступают жалобы, что движение *санкиртаны* беспокоит кое-кого из наших соседей.

* * *

Равиндра-Сварупа шел по Второй авеню на утреннюю лекцию Свами. Вдруг из магазинчика, торгующего выпечкой, прохладительными напитками, сладостями и газетами, выбежал его знакомый и сообщил:

— Слушай, тут в газете про вашего Свами пишут! Ты видел?

— Ага, — ответил Равиндра-Сварупа, — в «Нью-Йорк таймс».

— Да нет! — сказал друг. — В сегодняшней газете.

Он вынул свежий номер «Другого Ист-Вилледж». На первой полосе Равиндра-Сварупа увидел черно-белое фото Свами, стоящего с изящно сложенными на животе руками на фоне большого дерева на Томпкинс-сквер. Свами обращался к небольшой кучке людей, расположившихся поблизости, а у его ног сидели ученики. За спиной у него вырисовывался силуэт высокой колокольни церкви Святой Бригитты.

Заголовок взывал: «Скорее спасите Землю!», а под ним красовалась *мантра*: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама,

Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Внизу, под ней, была приписка: «См. центральный разворот». Изображение занимало всю первую страницу.

Равиндра-Сварупа взял газету и открыл ее на центральном развороте. Там оказалась длинная статья и большая фотография Бхактиведанты Свами. Фотографу удалось запечатлеть его счастливую улыбку; левая рука Свамиджи касалась головы. Друг вручил газету Равиндра-Сварупе, и тот поспешил в храм. Там он сразу же направился к Свамиджи, чтобы показать газету, и за ним поспешили еще несколько ребят.

— Смотрите! — Равиндра-Сварупа протянул Свамиджи газету. — Самая крупная из здешних газет! Ее читают все.

Свамиджи широко раскрыл глаза.

— «Скорее спасите Землю!» — прочитал он вслух и посмотрел на лица ребят.

Умапати и Хаягрива громко думали вслух, что бы это могло значить — «Скорее спасите Землю!» Очередной каламбур на тему экологии? Призыв к предотвращению угрозы ядерной войны? Или просто насмешка над проповедническим духом Свамиджи?

— Ну ладно, — сказал Умапати, — в конце концов, это «Другой Ист-Вилледж». Там может быть что угодно.

— Свамиджи действительно спасает Землю, — сказал Киртанананда.

— Пытаемся, — ответил Бхактиведанта Свами. — Все по милости Кришны.

Он с серьезным видом надел очки, которыми обычно пользовался только во время чтения «Бхагаватам», и внимательно просмотрел страницу сверху донизу. Это было странное зрелище — Свамиджи с газетой в руках. Он начал перелистывать страницы и, увидев на центральном развороте свою фотографию, засмеялся. Затем замолчал и погрузился в чтение.

— Ну что ж, — сказал он, — читай вслух, — и отдал газету Хаягриве.

— Однажды... — начал Хаягрива.

Это была аллегория о нескольких богословах, которые убили в церкви пожилого человека, и газеты запестрели сообщениями, что Бог мертв. Но, говорилось дальше, некоторые люди не поверили этому. Они откопали тело и обнаружили, что это «был не Бог, а Его рекламный агент: организованная религия. В мгновение ока радостная новость разнеслась по свету. Бог жив!.. Но где Он?» Хаягрива читал с выражением, а слушатели сидели как замороженные.

В специальном приложении к «Нью-Йорк таймс» было опубликовано обращение, предлагающее награду за любую информацию, которая могла бы пролить свет на местонахождение Бога. Это обращение подписали Мартин Лютер Кинг и Рональд Рейган, но ответа так и не поступило. Люди начали беспокоиться и задавать вопросы. «Бог, — говорили некоторые, — живет в кусочке сахара». Другие шептали, что священная тайна заключена в сигарете.

Тем временем один старик, которому в этом году перевалило за семьдесят, забрел в Нью-Йорк, в Ист-Вилледж, и принялся доказывать миру, что он знает, где искать Бога. Всего за каких-то три месяца этот человек, Свами А.Ч. Бхактиведанта, сумел убедить самую крутую в мире аудиторию — богему, хиппи, «кислотников» и курильщиков травки — в том, что он знает путь к Богу: «забудь-обо-всем», «громко-пой» и «будь-с-нами». Этот святой нового типа предлагает метод «расширения сознания», который (при всем нашем уважении к доктору Лири) слаще ЛСД, дешевле марихуаны и которым совершенно не интересуются легавые. Как это возможно? «Благодаря Кришне», — говорит Свами.

Ребята разразились радостными криками и аплодисментами. Аччютананда принес извинения Свамиджи за язык статьи:

— Это газета хиппи.

— Ничего страшного, — сказал Свами. — Он написал как сумел, но сказал, что мы можем дать людям Бога. Люди говорят, что Бог мертв. Однако это ложь. Мы не скрываем: «Бог здесь». Кто будет это отрицать? Теологи и им подобные могут говорить, что Бога нет, но вайшнав даст вам Господа — бескорыстно, как то, без чего не обойтись: «Вот Бог». И автор это заметил. Это здорово. Сохраните газету. Это очень важно.

Статья была длинной. «Циничный житель Нью-Йорка, — говорилось в ней, — может найти живое, зримое и осязаемое свидетельство существования Бога на Второй авеню, 26, по понедельникам, средам и пятницам с семи до девяти вечера». В статье описывались вечерние *киртаны*, приводились выдержки из лекций и упоминалось о «ритмичном, гипнотическом пении шестнадцати слов: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе, которые часами поются под аккомпанемент бронзовых тарелочек, колокольчиков, причем все это сопровождается хлопаньем в ладоши». Свамиджи отметил, что статья совершенна — просто потому, что в ней напечатана *мантра*.

В статье приводились слова одного из учеников Свами:

Идя по улице, я самостоятельно попытался повторять Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе — снова и снова, как советовал Свами. И вдруг все вокруг стало таким прекрасным — дети, пожилые мужчины и женщины... Даже бродяги не казались противными, что уж говорить о деревьях и цветах. Ощущение было такое, словно я принял дюжину таблеток ЛСД. Но я знал, что это совсем другое. От этого не бывает ломки, да и делать это я могу в любое время, где захочу. Это всегда со мной.

Без всякого сарказма в газете упоминалось о строгих запретах Свами на кофе, чай, мясо, яйца и сигареты, «не говоря уже о марихуане, ЛСД, алкоголе и недозволенных половых отношениях». Было очевидно, что автор восхищен

Свамиджи, «этим энергичным пожилым человеком, подлинным представителем философии персонализма, которая утверждает, что Единый Бог — личность и что Его тело духовно». В конце статьи автор намекал, что подобные события будут происходить на Томпкинс-сквер каждый выходной. «Там, под сенью холма Ховинга, Бог живет в экстатическом танце и пении».

* * *

12 октября

На этот день был намечен «карнавал любви», праздник, посвященный недавно принятому в Калифорнии закону, запрещающему хранение ЛСД. Устроители карнавала приглашали всех прийти в Томпкинс-сквер-парк в ярких, необычных одеждах. Хотя преданные не имели никакого отношения к законам об ЛСД, они решили воспользоваться карнавалом как еще одной возможностью для распространения *мантры* Харе Кришна. Получив от Свами благословение, они, с ручными тарелочками и самодельным бубном, отправились в парк.

На фоне других участников, пришедших на праздник в вареных футболках и джинсах^[24], карнавальных костюмах и с разрисованными лицами, преданные, в темных джинсах и легких куртках на «молнии», выглядели довольно скромно. На сейшен пришел даже клоун из цирка. Тьюли Капферберг из рок-группы «Фагз» нес американский флаг, звезды на котором складывались в слово «любовь». Но в целом все напоминало какую-то пародию: сборище странных, одурманенных молодых людей, топтавшихся под деревом, под которым всего несколько дней назад пел и говорил Свамиджи.

Ученики Свамиджи протиснулись сквозь толпу, в самый центр, и запели «Харе Кришна». Толпа окружила их. Все были настроены дружелюбно — праздник проходил спонтанно, и участники собрались здесь без определенной цели. Идея карнавала состояла в том, чтобы выразить любовь и устроить парад видений, которые вызывает ЛСД. Но ничего особенного не происходило: позади, на парковых скамейках, сидели хиппи, созерцавшие мир сквозь цветные стекла очков, кто-то бродил с пучком курящихся благовоний... Но *киртан* быстро собрал вокруг себя толпу.

Киртанананда в легкой вязаной шапочке на бритой голове стоял рядом с Джаганнатхой, который играл на ручных тарелочках и, со своими очками в темной оправе и вьющимися волосами, напоминал большую рогатую сову. Умапати, тоже игравший на *караталах*, казалось, задумался. Брахмананда сидел перед ними с закрытыми глазами и, широко раскрывая рот, пел «Харе Кришна». Рядом с ним расположился меланхоличный Рафаэль, а около него — Равиндра-Сварупа с аскетичным худым лицом. За происходящим наблюдал стоящий неподалеку полицейский.

Хиппи потихоньку втягивались. Их пригласили в парк, но там не оказалось ни центральной площадки, ни лекции, ни даже громкоговорителя...

А тут они начали хлопать и раскачиваться в такт, присоединяясь к пению, словно пришли сюда именно за этим. Пение становилось все сильнее, и через час все присутствующие пустились в пляс. Взявшись за руки, поглощенные пением «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе», они прыгали и танцевали, окружив дерево и учеников Свамиджи. Для хиппи этот праздник стал настоящим «карнавалом любви», ибо здесь они нашли любовь и мир, которые так искали, — нашли их в пении *мантры* Харе Кришна. *Мантра* стала чем-то вроде гимна. Она наполнила жизнью и смыслом этот «карнавал любви», тем смыслом, ради которого они здесь собрались. Они мало что знали о *мантре*, но приняли ее как что-то очень глубокое, находящее в душе отклик, как метафизический звук — и настроились на него. Даже клоун принялся петь и танцевать. Только полисмен оставался равнодушным и строгим, хотя и убедился в том, что новое мероприятие было исключительно мирным. Танец продолжался, и лишь наступившие сумерки положили конец «карнавалу любви».

Преданные поспешили назад, к Свамиджи, чтобы поскорее рассказать ему обо всем, что произошло. Он сидел за столом и переводил «Шримад-Бхагаватам». Хотя сам он не присутствовал на *киртане*, ученики действовали по его указанию, поэтому, даже не покидая своей комнаты, он занимался распространением пения «Харе Кришна». Сейчас он сидел, ожидая отчета.

С горящими глазами и сияющими лицами, ребята ворвались в комнату и слегка охрипшими голосами начали рассказывать о сегодняшних событиях. Старательно пели не только они: к преданным присоединились еще сотни людей, которые пели и танцевали в большом хороводе.

— Свамиджи, это надо было видеть! — восклицал Брахмананда осипшим от пения голосом. — Это было потрясающе, изумительно!

Бхактиведанта Свами переводил взгляд с одного лица на другое и постепенно сам стал похож на своих учеников — ликующих и полных надежды на то, что пение «Харе Кришна» никогда не прекратится. Они доказали, что это пение может повести за собой движение любви и мира. Оно может расти, и сотни людей примут в нем участие.

— Распространение *мантры* Харе Кришна зависит от вас, — сказал им Свамиджи. — Я уже старик, а вы молоды, и сделать это в ваших силах.

13 октября

Газета «Вилледж войс» поместила четыре большие фотографии с «карнавала любви». В статье говорилось:

Центром празднества были *мантры* и священные песнопения из санскритской «Бхагавад-гиты». На три часа они стали лодкой, плывущей по волнам ритмичных напевов. Под аккомпанемент барабанов, флейт и бубнов, сделанных из пробок от газированной воды, пятнадцать учеников Бхактиведанты Свами, который проводит свои программы в помещении

бывшего магазина на Второй авеню, вели пение *мантр*, подобное волнам морского прибоя.

18 октября

Было воскресенье, и они вновь отправились в Томпкинс-сквер-парк. Как и в прошлый раз, Свамиджи играл на бонго. Он сидел на коврике, залитый светом осеннего солнца. Его проворные пальцы с обычной виртуозностью били по мембране, создавая причудливые ритмы. Мелодичным и от природы уверенным голосом он возносил молитвы учителям прошлого: Бхактивиноде, Гаураки-шоре, Бхактисиддханте — вековой ученической преемственности, живым представителем которой он являлся в это время, в шестидесятые годы двадцатого столетия, в этой далекой части света. Он пел их имена с уважением, почтением и любовью, как слуга, сидя под высоким дубом, среди лабиринта парковых изгородей, в окружении американских последователей.

И вновь свершилось чудо. На сей раз хиппи подключались гораздо смелее. Снова пришел Аллен Гинзберг, и вокруг собралось около сотни людей, привлеченных пением Бхактиведанты Свами: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе. Из сотен людей, проходивших мимо, некоторые задерживались ненадолго, а потом уходили, другие решали посидеть и попеть несколько минут, а кто-то остался до самого конца. И лишь немногие — очень немногие — оценили встречу со Свами как переломный момент в жизни.

Боб Коренз искал Свами. В тот день он прогуливался по парку с модно одетой женой и двухлетним сыном Эриком. Двадцатishестилетний Боб работал старшим инспектором в городском отделе социальной защиты Нью-Йорка. Он вырос в Вашингтоне, и там же встретился со своей женой. У него было полное лицо, высокий лоб, чистый голос и спокойный взгляд.

Боб: Когда я окончил Университет Джорджа Вашингтона, я решил направиться в поисках высшей истины прямо туда, где, как я полагал, было самое сердце материального мира, — в Нью-Йорк. Там я поселился неподалеку от первого в Ист-Вилледж магазина для наркоманов.

Боб не считал, что в должности социального работника приносит реальную пользу, — его подопечные на протяжении многих лет не меняли ни убеждений, ни привычек. Они с женой частенько заходили в закусочные Ист-Вилледж и посещали лекции Лири и Олперта по расширению сознания, а недавно приняли участие в Марше мира. Боб чувствовал, что его надежды на степень магистра и лучшую квартиру бесперспективны, и искал чего-то другого.

Боб: Я услышал об «Ицзин», книге, по которой можно предсказать направление жизни человека. Я нашел одного человека, который погадал мне на ней. Результатом был призыв: «Смело иди вперед сквозь тьму». Я воспринял это как добрый знак, духовное предзнаменование. Потом я купил номер «Другого Ист-Вилледж» и увидел статью под заголовком «Скорее спасите Землю!». Там была фотография Свами. А еще до этого я читал в

книге одного учителя сикхов, что без духовного наставника невозможно добиться никакого «высшего знания».

Каждое утро по пути на работу Боб проходил мимо магазинчика Свами. Однажды, заинтересовавшись, он приостановился и заглянул в окно, но увидел лишь пустую комнату, коврики из сухой травы на полу и кого-то из ребят. «Похоже, буддисты», — подумал он. Дверь была открыта, оттуда вышел юноша и пригласил его войти.

— Нет, спасибо, — ответил он, а про себя подумал: «Не хочу иметь ничего общего с буддистами» — и пошел на работу.

Однажды в магазине для наркоманов он взял один из томов «Бхагаватам» (в переводе Свамиджи), пролистал его и, решив, что это слишком сложно и для него недоступно, положил книгу обратно. Статья в «Другом Ист-Вилледж» подхлестнула его интерес. Он подумал, что, может быть, это последнее воскресенье, когда в парке будут петь, — приближались холода. И Боб направился в парк, в надежде найти Свами и его поющих последователей. Его жена шла рядом, везя в коляске Эрика. Вдруг до него долетел звон ручных тарелочек и ритмичное хоровое пение, доносившееся из южной части парка. Сообразив, что это и есть музыка Свами, он отправился на звук, а жена осталась покачать Эрика на качелях. Боб подошел поближе и, протолкавшись через толпу, увидел группу *киртана* и Свами, сидящего под деревом. Никем не замеченный, он застыл среди сотен слушателей.

«Я — причина всего, — думала девятнадцатилетняя Джуди Козловски. — Все, что я вижу, сотворено мною, я — Всевышний. Все принадлежит мне». Когда мысль о том, что она — Бог, овладела Джуди, она позабыла и своего отца, и все остальное. Но одно ее смущало: «Если я Бог, то почему не могу всем управлять? И почему мне так страшно принимать ЛСД?»

Джуди была учащейся Городского колледжа Нью-Йорка и специализировалась на изучении живописи и истории. Она брала уроки игры на гитаре у преподобного Гарри Дэвиса, блюзового певца и христианского проповедника, который обучал ее печальному искусству соула^[25]. Но сегодня под воздействием ЛСД на нее снизошло откровение, что она — Бог. Она поссорилась с отцом, который казался ей непонимающим, холодным и далеким от нее, бросила родной дом в Бронксе и направилась в центр. Она собиралась навестить подругу, и ей надо было пройти через Томпкинс-сквер.

Когда Джуди вошла в парк, *киртан* был в самом разгаре, но из-за толпы она не могла ничего разглядеть. Она пробралась сквозь толпу и увидела нескольких мужчин, танцевавших с поднятыми руками, у одного из которых была обрита голова, а другие были с бородами. Еще она увидела Свами — он сидел на ковре и играл на барабане.

Дэну Кларку исполнилось двадцать пять. Он был худощавым, энергичным, в очках с толстыми линзами в роговой оправе, — авангардный кинорежиссер, его первый фильм назывался «Возрождение». Он был

решительным противником войны во Вьетнаме и проходил альтернативную службу в детском приюте. Он состоял в СДО^[26] и в Лиге противников войны. Во время демонстрации протеста его арестовали и на неделю отстранили от работы за ношение пацифистского значка и черной повязки на рукаве. Он увлекался буддизмом, немного «приправляя» его наркотиками. «Всё — это ничто, а ничто — это всё» — таков был его девиз, и он ходил, повторяя его постоянно, как *мантру*. Но (по крайней мере, психологически) он чувствовал, что ему не хватает духа преданности; медитация на пустоту быстро утратила вкус новизны.

Сегодня Дэн пришел в парк, чтобы отыскать Свами и услышать его пение, о котором читал в «Другом Ист-Вилледж». Как-то раз, несколько месяцев назад, он уже видел Свами, когда ждал автобуса на остановке напротив его дома. Тогда Дэн направлялся с другом на репетицию шоу, а друг на минутку зашел в «Закусочную Сэма». В тот момент на первом этаже в доме напротив он увидел индийца в оранжевых одеждах, с бритой головой, который читал лекцию небольшой группе молодых людей.

Дэн: Когда я увидел его, то представил, что пересекаю улицу, вхожу в магазин, сажусь и разрываю все связи с этим миром. Но тогда я подумал: «Просто воображение разыгралось. В конце концов, я женат, я иду на репетицию, да и об этом Свами все равно ничего не знаю». И мы сели в автобус.

Но Дэн жил всего в нескольких кварталах от магазинчика и частенько проходил мимо. Однажды на несколько минут он остановился у витрины, чтобы рассмотреть прикрепленную к стеклу обложку «Шримад-Бхагаватам».

Дэн: На ней был изображен овальный лотос, а вокруг него — планеты. Именно в этот момент мне в голову пришла идея о духовных чувствах. А когда я увидел в окне изображение Господа Чайтаньи и Его спутников, меня это просто сразило. Я подумал: «Да, это как раз то, что мне нужно, — жизненная сила».

Они с женой шли по мощеной парковой дорожке. Дэн искал Свами, но не имел представления о том, как выглядит предмет его поисков. Он ожидал увидеть экзотические одеяния и услышать пение в буддийском стиле, но не нашел ничего подобного. Тогда он махнул рукой на свое намерение и стал просто бродить по дорожкам, наблюдая за гулявшими в парке людьми. Вдруг его внимание привлекла большая толпа, собравшаяся вокруг каких-то, как ему показалось, музыкантов. Ему понравились звуки их музыки: звенящее «раз-два-три-и-и, раз-два-три-и-и» — простой и в то же время яркий и притягательный ритм. Он увидел над толпой несколько поднятых рук и подумал, что в кругу, должно быть, танцуют фламенко. Но мелодия, сопровождавшая ритм, — это было явно не фламенко — захватила его и все больше влекла к поющим. Дэн пробирався сквозь толпу, подходя ближе и ближе, пока наконец не увидел того, кто пел, а также танцующих и покачивающих поднятыми руками людей. Этот танец показался ему некоей

смесью индийского и азиатского танца. Все это, похоже, пришло из глубин древности. Дэн понял, что это и есть ребята из «Харе Кришна», но не увидел на них никаких необычных одеяний — лишь привычные одежды жителей Нижнего Ист-Сайда. И где же Свами? Затем он заметил и его, сидящего в сторонке и играющего на маленьком барабане. Глаза его были закрыты, а брови сосредоточенно сведены.

Дэн: *Свами не привлекал к себе внимания, и поначалу я не придавал значения одинокому пожилому индийцу, сидевшему сбоку. Не заметно было, что он играет какую-то особую роль в пении. Но постепенно мне открылось, кто он такой. Это был тот самый Свами, о котором я читал в газете и которого видел в магазинчике.*

Через какое-то время он заговорил, но я ни слова не расслышал. На меня произвела впечатление его скромность — он не пытался взобраться на пьедестал. Он не напускал на себя важный, напыщенный вид, но в нем чувствовалась настоящая внутренняя сила, и духовность, и знание.

Боб: *У его ног сидели ученики. Они пели мантру, и я старался запомнить слова и подпевать. Один раз я уже слышал, как поют «Харе Кришна» на Марше мира, и тогда это показалось мне прекрасным. Затем Свами начал говорить. У меня создалось впечатление, что Свами — это какое-то неземное существо, и я подумал: «Вот тот, кого я ищу». Он настолько отличался от всех остальных, что казался пришельцем из другого конца вселенной. Он очень мне понравился.*

После второго киртана Свами и его ученики скатали ковер, собрали инструменты и ушли.

Боб вернулся туда, где жена качала на качелях ребенка, но образ Свами стоял перед его мысленным взором: «Он ни на кого не похож». Сильный акцент Свами мешал Бобу его понимать, но он все равно решил сходить на днях в магазинчик и послушать его выступление. «Это настоящий вождь», — думал Боб.

Дэн с женой пошли дальше гулять по парку, наблюдая за разными группами музыкантов. Его жена удивилась, что Дэн, обычно такой застенчивый, принялся танцевать на *киртане*. Он сказал, что, наверное, как-нибудь зайдет в магазинчик, чтобы послушать Свами.

Джуди стояла на одном месте, погруженная в свои галлюцинации. В руках она держала листовку «Вечный кайф!», которую перечитывала снова и снова. Пока она думала, что все это, наверное, пришло с другой планеты, к ней подошел какой-то человек и спросил:

— Не хотите ли сходить туда, где живет Свами?

Она кивнула.

В магазинчике один из преданных угостил Джуди *прасадом* — *чапати*, а затем пригласил ее к Свами. Она вошла в большую комнату, полную душистого дыма. Там стояли высокие цветочные вазы, а по полу были

разбросаны семена кунжута. Она увидела Свами, склонившегося в поклоне перед небольшим портретом Господа Чайтаньи и Его спутников. Потом Свами поднялся и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Джуди решила, что он, наверное, кланяется самому полу. Все вокруг тихо повторяли *мантру*, перебирая четки, и хотя она не могла разобрать слов, все казалось ей очень мирным и спокойным. Один из учеников Свами сказал, что можно пройти вместе с ним в дальнюю комнату, и она с любопытством подчинилась. Свами сидел на коврике и, казалось, излучал сияние. В комнате было еще с десятков человек.

Бхактиведанта Свами спросил, понравилось ли ей пение в парке, и она ответила:

— Я была очарована.

— Вы живете где-то рядом?

Джуди вспомнила, что она — всепроникающая Истина, и ответила, как ей казалось, очень таинственно:

— О, я живу о-о-оч-ч-ень близко.

— Прекрасно, — сказал Свамиджи. — Тогда вы сможете приходить по утрам на наши *киртаны* и лекции.

Тут до Джуди дошло, что живет она не так уж и близко, в Бронксе, и чтобы посещать лекции Свами, ей придется добираться до храма часа полтора. Но она решила, что, поскольку он ее пригласил, она придет. Потом ей пришло в голову: «Все это — плод моего воображения». Но Свамиджи, словно услышав, заверил ее:

— Этот метод духовного совершенствования вовсе не является плодом чьего-либо воображения. Он очень древний, очень простой и возвышенный.

Он откинулся назад и добавил:

— Мы вечны, а все, что нас окружает, — временно.

Джуди начала постепенно выходить из-под действия ЛСД. Когда она попрощалась со Свами, было уже поздно. Она хотела остаться на ночь, но ребята ей не позволили. Однако она твердо решила к ним присоединиться.

Бобу показалось совершенно естественным последовать тому, что он увидел в парке. Он начал ходить на вечерние программы, читать «Бхагаватам» и повторять *мантру*. Он вставил в рамку картинку, вырезанную из суперобложки «Бхагаватам» (с изображением духовного мира), и поставил ее на свой маленький самодельный алтарь. Он предлагал картине цветы и сидел перед ней, повторяя «Харе Кришна».

Боба восхищали философия, книги и лекции, и с самого начала его поразило то, что учение Свамиджи дает ответы на все вопросы. Он слушал с огромным вниманием и думал: «Если уж я принял его слова как истину, то буду и впредь принимать все, что он скажет. Не может быть так, что часть его слов — правда, а в остальном нужно сомневаться».

В понедельник, после *киртана* в парке, Дэн пришел в храм на вечернюю программу. *Киртан* был в самом разгаре. Первым делом Дэну бросилась в глаза рама со струнами от пианино, прислоненная к стене у выхода, на которой играли несколько человек. Один из ребят протянул ему деревянные палочки, он сел и присоединился к *киртану*. Потом была лекция, которая показалась Дэну длинной и серьезной, — о том, как половое желание становится причиной рабства и страданий. Храм был забит людьми, было душно, да и сама лекция шокировала Дэна, но он все равно остался, потому что знал — будет еще один *киртан*. Он чувствовал некий дискомфорт от того, что все последователи Свами, в отличие от него, соблюдали обет целомудрия. Но *киртаны* настолько ему понравились, что он решил приходить сюда несмотря ни на что.

Свами был не совсем таким, каким Дэн ожидал его увидеть. Он представлял его себе этаким беспечным дзенским роши^[27], смеющимся и сыплющим шутками, со сверкающими глазами и речью, полной парадоксов. Но оказалось, что Свами, напротив, был очень прям, речь его подчас бывала резкой, а уголки его рта были опущены, что придавало ему печальный вид. Дэн с восторгом окунулся в *киртаны*, думая, что они помогут ему в медитации на пустоту, но Свами снова и снова подчеркивал в лекциях, что Бог — личность. Дэн сопротивлялся. Мысленно он спорил со Свами. Он был приверженцем «радхакришннановской» интерпретации «Гиты», но Свами часто позволял себе безжалостные нападки на подобные «безличные» представления, и Дэн увидел, как постепенно рушится стена его имперсонализма, и в итоге вынужден был признать, что Свами совершенно прав.

Джуди начала посещать и утренние, и вечерние лекции. Чтобы приходить вовремя, она вынуждена была подниматься в пять утра, и родители протестовали. Но Джуди не обращала на них внимания. Она садилась на метро и полтора часа ехала в центр, на собрания Свами, где была единственной девушкой.

Когда Свами узнал, что Джуди изучает живопись, он попросил ее рисовать для Кришны. Она установила в гостиной холст и под личным руководством Свами начала рисовать. Первым заданием, которое он ей дал, было нарисовать портрет его Гуру Махараджи, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Свами дал ей фотографию и объяснил, как нужно рисовать: на шее Гуру Махараджи должна быть цветочная гирлянда, тилак должен быть желтоватым, не белым, и вокруг головы не должно быть никакого сияния или нимба.

Боб: Я начал повторять мантру и изучать «Шримад-Бхагаватам» и, кроме того, посещал *киртаны* и лекции в магазинчике. Вечером, закончив *киртан*, Свамиджи брал пару яблок, которые лежали на краю помоста, пластмассовую чашку «под дерево» и нож. Очистив яблоки, он нарезал их в чашку и отдавал ее одному из учеников. Ученик предлагал первый кусочек Свами, и тот закидывал его в рот. Остальные кусочки яблока раздавались

собравшимся. Я помню, как однажды он прожевал кусочек яблока и выплюнул семечки на пол. Они отскочили от стены и упали возле помоста. Я подумал: «Вот это да! Никто другой не осмелился бы так поступить».

Дэн оценивал манеры Свамиджи взглядом режиссера-эстета.

Дэн: Около возвышения, на котором он сидел, на стене висел умывальник. Он был так близко, что Свамиджи мог, наклонившись, достать его. Разрезав яблоко, он подбирал очистки и просто бросал их в раковину. Он делал это так небрежно... На меня это производило огромное впечатление.

А однажды пришел Брахмананда и попросил на что-то пятьдесят центов. Свамиджи протянул руку, взял свой маленький кошелек — знаете, такие, обычно защелкиваются небольшой металлической застежкой сверху, — растянул его, очень внимательно посмотрел внутрь, а потом его рука поднялась, как птица, как орел, парящий над своей добычей. Но не бросилась вниз, а мягко опустилась, чтобы вынуть монету, и вновь взлетела, словно на воздушном шаре. Это было так грациозно — словно в танце или балете. Он вынул эту монету и, протянув руку, передал Брахмананде. Я не мог поверить глазам. Когда кто-то просит у вас пятьдесят центов, вы просто роетесь в карманах и бросаете человеку монетку. Но Свами ко всему относился как к собственности Кришны, поэтому и к этой монетке он отнесся с вниманием.

Шли недели. Несколько преданных заговаривали с Бобом о посвящении, но он колебался. Он не знал точно, что такое посвящение, и ему казалось, будто преданные хотят, чтобы он получил посвящение, потому что работал и был семейным человеком. Бобу казалось, что они видели в нем зрелого человека, американца среднего класса и хотели, чтобы он вошел в их число. Жену Боба религия не интересовала, а его друзья вообще были категорически против. Он не мог уделять много времени общению со Свамиджи и с преданными: обычно он сидел в конторе либо — дома с семьей.

Боб: Так вот, они спросили, хочу ли я получить посвящение. Я сказал, что подумаю. Я не бросил курить. И не принял окончательного решения.

Первый по-настоящему личный разговор со Свами состоялся у меня тогда, когда я попросил о посвящении. До этого я так трепетал перед ним, что мне и в голову не приходило что-то ему сказать. Но я всегда хотел этого. Я был очень высокого мнения о себе и всегда думал: «Я должен решиться поговорить с ним. Наверное, стоит что-то предпринять». Но внутри мне всегда что-то мешало. Скорее всего, это был страх. Но вставал я рано и каждый день читал по тридцать два круга (большей частью в метро). Я боялся материального мира, поскольку мало общался с преданными, и хотел изолировать себя от него, повторяя больше кругов.

Джудди тоже думала о посвящении. Я спросил ее об этом, и она ответила: «Я подумаю». А потом сказала, что решила получить посвящение и отказаться от всех дурных привычек. Я начал подумывать, что, возможно, и я смогу отказаться от всего этого, поэтому я спросил, что делать, как обратиться к Свами? И Киртанананда подсказал:

— Просто поднимись к нему в комнату.

Я был удивлен: все оказалось так просто!

Мысленно я подготовила небольшую речь: «Дорогой Свамиджи, не будете ли вы так любезны принять меня в ученики и обучить сознанию Кришны?» Я отправился к нему в комнату без всякого приглашения и постучал в дверь. Изнутри донеслось:

— Войдите.

Я вошел. Он сидел за столом. Больше в комнате никого не было. Я почтительно поклонился, он вопросительно посмотрел на меня:

— Да?

И я сказал:

— Свамиджи, вы примете меня в ученики? — только это и успел.

Я хотел было добавить: «и научите меня философии сознания Кришны», но он не дал мне закончить.

— Да.

Все оказалось так просто! Я подумал: «Ну, больше говорить не о чем. Он меня принял». Я поблагодарил его, снова поклонился и вышел.

— Знаешь, тебе не следует заходить наверх, пока ты не получила посвящения, — сказал Ачьютананда.

Джуди волновалась. Она поднялась наверх, чтобы отнести на кухню несколько грязных кастрюль.

— Да, но как раз об этом я и собиралась поговорить со Свамиджи, — ответила она и направилась в комнату, где Свами беседовал с какими-то людьми.

— Свамиджи, а можно мне получить посвящение?

Он спросил:

— Ты знаешь четыре правила?

— Да.

— Сможешь их выполнять?

— Да.

— В таком случае ты получишь посвящение через две недели. Дэн тоже подумывал о посвящении, но хотел немного подождать. Он повторял шестнадцать кругов и не пропускал ни одной лекции, несмотря на протесты жены. Дэн всегда с большим трудом принимал чей-либо авторитет, но тут он чувствовал, что Свами покори́л его и барьер имперсонализма в его сердце рушится.

Две недели спустя Бхактиведанта Свами провел еще одну церемонию посвящения. Боб стал Рупанугой, а Джуди — Джадурани. Дэну надо было еще немного потерпеть.

21 За пределами Нижнего Ист-Сайда

Мы были в шоке, узнав, что он уезжает. Нам и в голову не приходило, что сознание Кришны когда-нибудь выйдет за пределы Нижнего Ист-Сайда, не говоря уже о Нью-Йорке. Я думал, что оно может быть только здесь и останется здесь навсегда.

— Брахмананда

СЛОВА «ХАРЕ КРИШНА» становились все более популярными — они постоянно звучали на киртанах в парке, появлялись на страницах газет. Хаягрива называл это «взрывом „Харе Кришна“». Хиппи Нижнего Ист-Сайда считали пение «Харе Кришна» «самой забойной вещью», и даже то, что ученики Свами не принимали ЛСД, совсем не уменьшало их популярности. Они пользовались репутацией святых, которые несут людям мирное пение и предлагают бесплатную еду и жилье. У них можно было попробовать самые изысканные вегетарианские блюда (если, конечно, прийти вовремя), а в их магазинчике на полке у дверей всегда стояли индийские книги.

В клубах местные музыканты играли мелодии, которые слышали от Свами во время киртанов в парке или храме. Нижний Ист-Сайд был районом художников и музыкантов, теперь же он стал еще и районом «Харе Кришна».

Бартон Грин: *Эти песни очень нравились нашим музыкантами — «Кришна», «Говинде джая джая» и другие. Я и сам брал кое-что оттуда для своих альбомов. Много кто так или иначе обращался к их мелодиям. Сначала мы загорались новой идеей, потом интерес угасал... Но «Харе Кришна» после этой краткой вспышки так и не уходило из нашей музыки. Даже в тяжелом роке, который играли наши ребята, слышались эти духовные звуки. Музыканты начинали становиться преданными.*

Вечерние киртаны неизменно собирали много народу. По вечерам у входных дверей стоял Брахмананда — он рассаживал посетителей по местам, до тех пор, пока в храме хватало места. Совместное пение и музицирование глубоко трогали собравшихся, но после киртана, когда подходило время лекции, люди начинали расходиться. Бывало так, что к ее началу в комнате оставалась едва ли половина слушателей, а были и такие, кто уходил прямо с середины лекции.

Однажды Аллен Гинзберг привел на программу в храме Эда Сандерса и Тьюли Капферберга из группы «Фагз». Эта местная группа приобрела популярность, специализируясь на непристойной лирике. Среди хитов Эда Сандерса были такие песни, как «Богиня трущоб Нижнего Ист-Сайда», «Коснись меня» и «Я не могу улететь». У Эда была буйная рыжая шевелюра и огненно-рыжая борода. Во время киртана он играл на гитаре. Преданные были рады видеть у себя столь знаменитых гостей. Однако как раз в тот вечер

Бхактиведанта Свами выбрал темой лекции иллюзорность сексуального наслаждения.

— Половое наслаждение жизнь за жизнью приковывает нас к материальному миру, — сказал он, а затем, по своему обыкновению, процитировал стих Ямуначарьи: «С тех пор как я обрел сознание Кришны, при одной мысли о половых отношениях я отворачиваюсь и с отвращением сплевываю».

«Фагз» больше не приходили.

Казалось, что для человека, который хотел найти себе последователей среди хиппи Нижнего Ист-Сайда, было не очень разумно плохо отзываться о сексуальном наслаждении. Но Бхактиведанта Свами не собирался менять свое учение в угоду хиппи. Когда Умапати однажды заметил, что американцев отпугивают слова о «сексе только для зачатия детей», Бхактиведанта Свами ответил:

— Я не могу менять философию в угоду американцам.

— А как насчет секса? — спросил однажды вечером из дальнего угла битком набитой комнаты юрист ИСККОН Стив Голдсмит.

— Сексом можно заниматься только со своей женой, — ответил Свамиджи, — но даже в этом случае есть ограничения. Секс нужен только для зачатия сознающих Кришну детей. Мой духовный учитель говорил, что готов вступать в половые отношения сотни раз, лишь бы рождались сознающие Кришну дети. Разумеется, в наш век это не так-то просто, поэтому он остался брахмачари.

— Но секс — огромная сила, — возразил мистер Голдсмит. — Невозможно преодолеть влечение мужчины к женщине.

— Поэтому в любой культуре существует институт брака, — ответил Бхактиведанта Свами. — Вы можете жениться и спокойно жить с одной женщиной, но нельзя превращать жену в машину для удовлетворения чувств. В половые отношения следует вступать не чаще одного раза в месяц, да и то — только для зачатия детей.

Хаягрива, сидевший слева от Свамиджи, рядом с большой музыкальной тарелкой, воскликнул:

— Раз в месяц?! — и, сделав смешную гримасу, добавил: — Уж лучше совсем забыть об этом!

— Вот именно! Молодец! — рассмеялся Свамиджи, а за ним и все собравшиеся. — Лучше всего вообще не думать об этом. Лучше просто повторять «Харе Кришна».

И он сделал движение рукой, как будто читал мантру на четках.

— Так мы избавимся от множества хлопот. Секс — что-то вроде чесотки, только и всего. Чем больше мы чешемся, тем сильнее зудит. Так что нужно просто терпеть и просить Кришну о помощи. Это нелегко. Секс — величайшее наслаждение, но и величайшая кабала.

Но Стив Голдсмит только качал головой. Свами посмотрел на него и улыбнулся:

— Вы все еще сомневаетесь?

— Просто... ну, доказано, что подавлять сексуальное влечение опасно. Существует теория, что войны происходят от того, что...

— Люди едят мясо, — перебил его Бхактиведанта Свами. — Пока они едят мясо, они будут воевать. И пока человек ест мясо, он, будьте уверены, будет склонен и к недозволенным половым отношениям.

Стив Голдсмит был влиятельным другом ИСККОН и много помогал преданным. Но Бхактиведанта Свами не собирался поступаться философией сознания Кришны «в угоду американцам».

* * *

Снять на один вечер Джадсон-холл на 57-й Западной улице стоило двести долларов. Рая-Рама подумал, что пришла пора для Свамиджи попытаться «достучаться» и до более образованных и искушенных ньюйоркцев. А поскольку Джадсон-холл был недалеко от Карнеги-холла и здесь иногда проводились интересные концерты и лекции, он решил, что неплохо было бы начать отсюда. Свамиджи согласился, и Рая-Рама распечатал объявления и расклеил их по книжным магазинам города.

В тот вечер, на который намечалось выступление, преданные прошествовали по кварталам, где скопились увеселительные заведения. Они били в большой барабан и раздавали листовки, а к началу программы вернулись в Джадсон-холл.

Зрителей пришло семь человек.

Преданные чувствовали себя ужасно — они сбили с толку Свамиджи, да еще потратили сумму денег, равную месячной арендной плате.

— Свамиджи, если хотите, давайте отменим программу, — предложил Рая-Рама.

Но Свами ответил:

— Нет, давайте петь и говорить.

И преданные вышли на сцену. Они пели и танцевали со своим духовным учителем, а затем сели возле него, и он заговорил. Голос его эхом разносился в пустом зале. По окончании лекции Свамиджи попросил задавать вопросы, и молодой человек, сидевший в шестнадцатом ряду, спросил, верно ли он понял, что цель Свами — исправление заблудшей и потерянной молодежи.

— Нет, — ответил Бхактиведанта Свами. — Все в этом мире — заблудшие и потерянные, даже так называемые «уважаемые люди». Просто все забыли Кришну.

После программы Свамиджи сидел у выхода, пока немногочисленные посетители покидали зал. Одна почтенного вида супружеская пара подошла к нему представиться, и Свамиджи выпрямился, сложив ладони, и улыбнулся.

На программу пришла мать Брахмананды, и Свамиджи очень тепло с ней побеседовал. Но в целом преданные чувствовали себя подавленно — от того, что было так мало гостей.

— Простите, Свамиджи. Мы привели вас сюда, но почти никто не пришел, — извинялся Рая-Рама.

Но Свамиджи удивленно вскинул брови и воскликнул:

— Никто? Разве вы не видели Нараду? Не видели Господа Брахму? Когда поют «Харе Кришна», даже полубоги приходят поучаствовать в киртане.

Вернувшись в храм, Свамиджи упрекнул Рая-Раму:

— Я же говорил тебе: нужно назначить плату за вход. Когда людям что-то дают бесплатно, они думают, что это какая-то ерунда. Но стоит назначить цену в три или пять долларов, они начинают думать: «О, это что-то да значит!» В Бенгалии есть анекдот. Один человек ходил от дома к дому и бесплатно раздавал манго. И никто не хотел их брать, потому что все думали: «Почему он отдает их задаром? Наверное, испорченные». Тогда он стал просить за них три рупии, и люди решили: «Похоже, неплохие манго! И стоят всего три рупии — прекрасно!» Итак, когда люди видят, как что-то раздают бесплатно, им кажется, что это пустяк. Назначьте цену, и они будут думать, что это — здорово!

* * *

Бартон Грин был музыкантом. Он души не чаял в Свами и во время киртанов очень любил подыгрывать ему на раме от пианино.

Бартон Грин: *Мы владели действительно мощным средством, как вырваться из этой душной капиталистической скорлупы. Поэтому и было в нашей музыке столько жестокости и надрыва. Но когда постоянно варишься во всем этом, легко заработать нервный срыв. Поэтому классно было заходить к Свами на Вторую авеню и петь там в его магазинчике. На улицах царила майя и порок, а в храме мы по-настоящему расслаблялись. Мы так классно пели, и в нашей жизни все становилось на места. Мне нравилось сидеть со Свами и есть прасад, настоящую индийскую пищу, чапати, и беседовать с ним о том о сем, особенно когда в кармане почти ни гроша. Там всегда было хорошо.*

Когда Бартон пригласил Бхактиведанту Свами на свой концерт в театр «Таун-холл», Свами согласился.

Брахмананда: *Нас было человек семь или восемь; в кедах и джинсах, мы вместе со Свамиджи сели на метро и отправились в «Таун-холл». Мы вошли и заняли свои места. Концерт начался. На сцену вышел Бартон Грин, открыл верхнюю крышку рояля, достал молоток и изо всех сил начал колотить по струнам. Это продолжалось полтора часа. Мы сидели рядом со Свамиджи и на четках повторяли мантру. Зрителей было человек двадцать.*

Потом был антракт и Свамиджи захотел в туалет. Я отправился с ним и немного ему помог — включил воду в раковине, достал бумажное полотенце... И это простое служение показалось мне совершенством жизни! Свамиджи был так велик, что даже такие мелкие услуги, оказанные ему, были для меня пределом мечтаний. Я чувствовал себя кем-то вроде его защитника или личного телохранителя. Пока мы ехали в метро, я показывал ему, как оно устроено, и отвечал на его вопросы. Наше общение было очень близким и неформальным.

Итак, мы вернулись на свои места. К нам подошел Бартон Грин и спросил у Свамиджи:

— Свамиджи, вы довольны? Вам удобно? Вам понравилось? Свамиджи вежливо ответил:

— Да.

Тогда Бартон сказал:

— Сейчас будет вторая часть.

Я прервал его и попытался объяснить, что Свамиджи устал и ему уже пора спать — был одиннадцатый час. Но он настаивал, чтобы Свамиджи остался, и нам пришлось подчиниться.

Выходили поэты и читали свои стихи. Мы просидели там до полдвенадцатого, после чего нам пришлось еще и добираться до дому на метро. И только несколько недель спустя я узнал, что у Свамиджи были свои причины поехать в «Таун-холл» — он подумывал о том, чтобы арендовать его под храм, и хотел осмотреть здание.

* * *

На Второй авеню, в десяти кварталах к северу от магазинчика, располагался театр «Гейт» — небольшой зал со сценой.

Сатсварупа: Мы сняли его на один вечер. Мрачное место. Все покрашено в черный цвет.

Театр был почти пуст. На сцену мы поставили мольберт с картиной, изображавшей Панча-таттву. Речь Свамиджи была посвящена исключительно описанию этой картины. Указывая на нее, он рассказал про всю Панча-таттву. Сначала он объяснил, что Господь Чайтанья — Верховная Личность Бога, Сам Бог, явившийся в облике чистого преданного. По правую руку от Него — Господь Нитьянанда, непосредственно из Него изошедший, а справа от Господа Нитьянанда — Адвайта, воплощение Верховного Господа; по левую руку от Господа Чайтаньи стоит Гададхара, внутренняя энергия, и Шриваса — совершенный преданный.

Пока он рассказывал, я думал, что тема эта, быть может, слишком возвышенна для такой аудитории. Но я сидел с ним рядом, как и остальные преданные, и наслаждался возможностью быть так близко к Свамиджи.

После программы в театре «Гейт» Свамиджи и его ученики пришли к выводу, что аренда театральных залов — пустая трата времени. Лучше ходить в Томпкинс-сквер-парк. Лучшего места для привлечения людей не найти, да и платить за это не нужно.

* * *

Было одиннадцать часов вечера, и свет в квартире Свамиджи горел только на кухне. Свамиджи не спал: он учил Киртанананду и Брахмананду готовить, поскольку завтра, в воскресенье, они собирались устроить пир для гостей. Киртанананда предложил назвать его «пиром любви», и Свамиджи одобрил это название, хотя некоторым преданным поначалу было немного странно слышать — «пир любви». По всей округе преданные развесили афиши и одно объявление поместили в окне храма. Свамиджи пообещал приготовить *прасада* как минимум человек на пятьдесят. Он сказал, что «пиры любви» должны стать важной составляющей деятельности ИСККОН. Он много раз говорил, что пища, предложенная Кришне, становится духовной и всякий, кто ест ее, получает огромное духовное благо. *Прасада* значит «милость».

Помощники почтительно стояли возле Свамиджи, порой отступая, чтобы не мешать, а порой — заглядывая через плечо, когда он смешивал специи, ставил на огонь посуду или просил что-то подать. Деревянной ложкой он помешивал сладкий рис в большой кастрюле — тут важно было не останавливаться — и медленно вливал в него молоко.

— Если пригорит, то будет безнадежно испорчен, — сказал он и вручил ложку Киртанананде.

Потом он научил их, как делать *гу*, нагревая масло и отделяя твердые частицы молочного белка от жира. Одновременно с этим они готовили яблочное *чатни*.

Свамиджи был молчалив. Но когда Брахмананда спросил, где это он научился так хорошо готовить, Свами рассказал, что усвоил эту науку, наблюдая, как готовит его мать. Он засмеялся и добавил, что это было совсем не похоже на то, как готовят на Западе, где вы достаете из холодильника кусок мяса, бросаете в кастрюлю, варите, солите и подаете на стол. А в Корее, сказал он, едят собак. Но люди должны питаться зерновыми, фруктами, овощами и молоком. Самое главное — они не должны убивать коров.

Пока Брахмананда резал яблоки, укладывая их в кастрюлю, где они должны были тушиться, а Киртанананда мешал сладкий рис, Свамиджи приготовил *масалу* — смесь специй, которую хотел добавить в горячие яблоки. Когда *масала* затрещала и задымилась на маленькой сковородке, в горячем топленом масле, они почувствовали знакомый терпкий запах перца чили и семян кумина. Свамиджи наблюдал за тремя разными процессами одновременно — за приготовлением сладкого риса, яблочного *чатни* и поджариванием *масалы*. При этом он предупредил Киртанананду, что сладкий

рис нужно мешать не переставая, не забывая скрести дно кастрюли; он взял из рук Киртанананды ложку и показал, как правильно. Он объяснил, что сладкий рис, *чатни* и еще кое-что можно приготовить заранее, но утром предстоит сделать много чего еще.

Несмотря на то что лег Свамиджи очень поздно, на следующий день он поднялся чуть свет и после утренней лекции вернулся на кухню. Теперь в его комнате сидело с полдюжины учеников, занятых приготовлением теста для *пури* и *самос*. Свамиджи показал им, как это делается, и Умапати какое-то время месил, попросту колотя мягкое тесто кулаками. У Брахмананды получалось лучше — он бросался на большой комок теста всей тяжестью своего борцовского тела.

Когда Свамиджи вошел в комнату, чтобы посмотреть, как идут дела, ученики с уважением подняли на него глаза. В его присутствии они всегда были очень серьезны. Он взял одно *пури* и рассмотрел его.

— Не пойдет, — сказал он. — Но еще немного, и будет совсем как надо.

Он опустился на корточки посреди скомканных обрезков и бесформенных кусочков теста, возле своих незадачливых помощников, которые, хотя и старались изо всех сил, развели ужасный беспорядок. Он взял небольшой кусочек теста, размял его пальцами, а затем ловко раскатал деревянной скалкой — получилось абсолютно круглое *пури*. Он продемонстрировал ученикам полупрозрачную, тонкую (но не слишком) лепешку из теста.

— Делайте так, — сказал он. — Но побыстрее.

Увидев, что тесто слишком жесткое, Свамиджи добавил немного топленого масла, а потом — немного молока и довел его до более мягкой консистенции.

— Все должно быть как следует, — сказал он.

С удвоенным усердием ученики принялись за работу. Кто из них слышал раньше о *пури* или *самосах*? Все это было так ново и так значимо — ведь это было частью преданного служения!

Свамиджи готовил большую часть блюд, одновременно наблюдая за своими помощниками. Он всегда был где-то поблизости. Он босиком переходил из кухни в гостиную или же в свою комнату. Но даже когда он был у себя, ученики видели его через окошечко в стене.

Свамиджи лично следил за приготовлением каждого из дюжины блюд. Одно за другим ученики относили их прямо в кастрюлях в зал и ставили перед портретом Господа Чайтаньи. Там были *халава*, *дал*, два вида *сабджи*, разноцветный рис, *пури*, *самосы*, сладкий рис, яблочное *чатни* и *гулаб-джамуны*, или сладкие шары, — «пули ИСККОН». Эти сладкие шары Свамиджи сам долго обжаривал на медленном огне в топленом масле, пока они не становились золотисто-коричневыми и вздувались, а затем шумовкой доставал их один за другим и клал для пропитки в сахарный сироп. Он знал, что эти золотистые, обжаренные в масле молочные шары, пропитанные сахарным сиропом, были любимым лакомством его учеников. Он называл их

«пулями ИСККОН», потому что они были их оружием в войне против *майи*. Он даже распорядился, чтобы банка с «пулями ИСККОН», плавающими в сиропе, всегда стояла в гостиной, где ученики могли в любое время брать их, не спрашивая ни у кого разрешения. Каждый мог брать столько, сколько хотел.

Киртанананда внес в комнату начинку для самос — пасту из разваренного шпината и зеленого горошка, которую Свами обильно приправил специями. Свамиджи научил, как делать самосы, — это было целое искусство. Он взял полукруглую лепешку из теста, сделал из нее конус, положил внутрь ложку начинки, сомкнул края и защипнул — получилась самоса, готовая к жарке.

Ачьютананда относил неумело слепленные *пури* на кухню, где в компании с Киртананандой жарил по две штуки за раз. Если все условия — температура масла, консистенция теста, размер, форма и толщина лепешки — были соблюдены, *пури* прожаривались всего за несколько секунд. Они всплывали на поверхность масла, раздуваясь, как воздушные шарики, после чего повара вынимали их и ставили на ребро в картонную коробку, чтобы стек избыток масла.

Когда последние приготовления к празднику были завершены, ученики Свамиджи смыли с рук засохшее тесто и спустились в храм. Они разложили на полу соломенные маты и приготовились встречать гостей. А тем временем Свамиджи и двое его помощников предлагали все блюда Господу Чайтанье, вознося молитвы *парампаре*.

На первый «пир любви» народу пришло немного, но у преданных праздничный *прасад* вызвал такой восторг, что малочисленность гостей их нисколько не смутила. Они готовы были съесть все сами.

Сатсварупа: Свамиджи приготовил так называемые «брахманские спагетти». Это были спиральки из рисовой муки, обжаренные в масле и пропитанные сахарным сиропом. Еще там была халава, рис пушпанна с жареными сырными шариками, самосы, хрустящие жареные бобы мунг с солью и специями, *пури*, гулаб-джамуны. Все получилось очень «смачным», как выражался Хаягрива. «Да, — шутил он. — Все было очень вкусно».

Праздничная трапеза вызывала сильные ощущения. Целую неделю мы укрощали чувства, следуя строгим правилам и контролируя язык. А пир был своего рода наградой. Свамиджи и Кришна давали нам возможность почувствовать вкус глубокого духовного экстаза, хотя мы еще были новичками и по-прежнему находились в материальном мире. Прежде чем приступить к *прасаду*, я молился: «О Господь, пожалуйста, позволь мне все время оставаться в сознании Кришны, потому что здесь все так замечательно, а я так низко пал. Позволь мне служить Свамиджи, позволь насладиться этим пиром в духовном блаженстве». Затем я начинал есть, переходя от одного вкуса к другому — чудесный рис, мои любимые овощи, хлеб. Напоследок я всегда оставлял гулаб-джамуны, думая: «Захочу — возьму добавку, а то и не одну». Мы не спускали глаз с больших кастрюль, уверенные, что *прасада* хватит на всех. Воскресные пиры стали для нас как бы еще

одним доказательством того, что мы сделали правильный выбор. Мы наслаждались ими с нескрываемым удовольствием, ублажая наши чувства. *Прасад* играл очень важную роль в нашей жизни.

Постепенно народу стало приходить все больше. Угощение было бесплатное и пользовалось хорошей репутацией. Приходили в основном местные хиппи, но иногда являлись любопытствующие ньюйоркцы из более культурных слоев общества и даже родители преданных. Если места в храме для всех не хватало, гости располагались во дворе. Они брали бумажные тарелки с *прасадом*, шли в садик на заднем дворе и устраивались под пожарной лестницей, за садовым столиком или в каком-нибудь другом уголке, а поев, возвращались в храм за добавкой. Преданные стояли возле кастрюль с *прасадом*, и гости один за другим подходили к ним за очередной порцией. Соседям не очень нравилось, что во дворе собираются пирующие гости, и преданные старались как-то успокоить их, разнося по квартирам тарелки с *прасадом*. Хотя сам Свамиджи в храм не спускался, он тоже принимал *прасад* у себя в комнате и с удовольствием слушал сообщения об успехе своего нового начинания.

Однажды преданные так навалились на еду, что чуть было не съели все сами, забыв о гостях, и Киртанананде пришлось отчитать их за эгоизм. Постепенно все начали понимать, что воскресные пиры устраиваются не столько для их удовольствия, сколько для того, чтобы привлечь людей к сознанию Кришны.

* * *

Бхактиведанта Свами начал издавать журнал «Бэк ту Годхед», когда жил в Индии. Хотя статьи для него он начал писать еще в тридцатые годы, первый номер вышел только в 1944 году, в Калькутте. Бхактиведанта Свами издавал свой журнал в одиночку, выполняя наказ своего духовного учителя, который велел ему проповедовать сознание Кришны на английском языке. В то время он имел собственную фармацевтическую фирму, и ему кое-как удавалось откладывать по четыреста рупий в месяц на издание журнала. Кроме того, ему приходилось самому редактировать, печатать, финансировать и продавать каждый номер. В те далекие годы «Бэк ту Годхед» был основным литературным трудом Бхактиведанты Свами и главным орудием его проповеди. Он мечтал о массовых тиражах и думал о том, как распространить учение Господа Чайтаньи по всему миру. Он составил список крупнейших стран и напротив каждой из них указал количество экземпляров журнала, которое намеревался туда послать. Для финансирования этого проекта Бхактиведанта Свами собирал пожертвования, но то, что ему удавалось собрать, было каплей в море. Позднее, в 1959 году, он сосредоточил свои усилия на переводе и издании «Шримад-Бхагаватам». И вот теперь он решил

возродить «Бэк ту Годхед». Но на этот раз он мог поручить дело своим ученикам.

Грег Шарф, недавно получивший имя Гаргамуни, узнал, что какой-то загородный клуб в Квинсе продает мимеограф^[28] марки «А. Б. Дик». Эта новость заинтересовала Свамиджи, и вместе с Гаргамуни и Киртананандой он поехал в Квинс посмотреть станок, взяв напрокат автофургон. Станок был старый, но в хорошем состоянии. Управляющий клубом просил за него двести пятьдесят долларов. Свамиджи внимательно осмотрел станок и поговорил с управляющим, рассказав ему о своей духовной миссии. Управляющий сказал, что у него есть еще один станок и что ни тот ни другой ему, в сущности, не нужны. Свамиджи ответил, что даст двести пятьдесят долларов за оба станка, раз клубу они не нужны, а управляющий должен помочь им, поскольку Свамиджи нужно печатать и распространять важное духовное послание, которое принесет благо всему человечеству. Управляющий согласился. Свамиджи велел Гаргамуни и Киртанананде погрузить оба станка в фургон.

Так у ИСККОН появилась своя типография.

Редактирование журнала «Бэк ту Годхед» Бхактиведанта Свами поручил Хаягриве и Рая-Рама. В течение многих лет он считал «Бэк ту Годхед» своим личным служением духовному учителю, но теперь он даст возможность молодежи — Хаягриве, который преподавал английский язык в колледже, и Рая-Рама, профессиональному писателю, — заниматься изданием журнала. Это будет уже их служение духовному учителю. Довольно скоро Хаягрива и Рая-Рама подготовили к печати первый номер.

Выдался свободный вечер — без публичного киртана и лекции. Свамиджи сидел у себя в комнате и работал над переводом «Шримад-Бхагаватам». Внизу уже несколько часов печатался первый номер «Бэк ту Годхед». Рая-Рама набрал трафарет и сейчас стоял над работающим станком и, волнуясь, проверял качество печати на каждой странице. При этом он поглаживал бороду и время от времени хмыкал. Затем настало время разложить листы в нужном порядке и сброшюровать каждый экземпляр. Трафарета хватало на сто экземпляров, и вот все сто экземпляров, по двадцать восемь страниц в каждом, плюс передняя и задняя обложки, были разложены стопками на двух простых некрашенных скамейках, которые этим летом сколотил Рафаэль. Несколько преданных подбирали страницы и скрепляли их вместе, образовав конвейер. Они проходили вдоль стопок, брали из каждой по странице и передавали собранную стопку Гаргамуни. Он стоял, то и дело отбрасывая со лба длинные волосы, и сшивателем скреплял каждый номер журнала. Сшиватель и скрепки принес Брахмананда из своего офиса в Министерстве просвещения. Даже Хаягрива, который, как правило, избегал любой черной работы, тоже был здесь и ходил вдоль «конвейера», подбирая страницы.

Внезапно боковая дверь приоткрылась, и ребята, к своему удивлению, увидели Свамиджи. Он посмотрел на них и, распахнув двери настежь, вошел в

комнату. До этого он никогда не спускался в храм в свободные вечера. Они внезапно ощутили прилив любви к своему духовному учителю и, разом упав на колени, поклонились ему.

— Не надо, не надо, — сказал он, подняв руку и пытаясь остановить их. Некоторые еще были в поклоне, а другие уже вставали. — Продолжайте.

Когда ребята поднялись и увидели, что он стоит среди них, они растерялись и не знали, что делать. Но было ясно: Свамиджи спустился посмотреть, как они работают над журналом, поэтому они, не говоря ни слова, быстро взялись за работу. Свамиджи прошелся вдоль стопок страниц, поглаживая их рукой, прикрытой складками *надара*, пока не дошел до готового журнала.

— «ИСККОН пресс», — произнес он.

Обложку нарисовал Джаганнатха. Рисунок, сделанный пером, изображал Радху и Кришну и был похож на картину в храме его же работы. Это был незамысловатый рисунок, вписанный в концентрические круги. Первая страница открывалась девизом, который Свамиджи многие годы использовал в журнале «Бэк ту Годхед»: «Бог — свет, невежество — тьма. Там, где есть Бог, нет места невежеству». На той же странице — Хаягрива не смог удержаться — с разрешения Свамиджи разместили цитату из Уильяма Блейка, выражавшую суть философии сознания Кришны:

*Бог приходит ярким светом
В души к людям, тьмой одетым.
Кто же к свету дня привык,
Человечий видит лик.* ^[29]

В редакционном обращении говорилось о Блейке, Уитмене и об Иисусе Христе, однако подчеркивалось:

...именно для того, чтобы учить этой науке (преданности Богу), и приехал в Америку Свами Бхактиведанта. Он принес простое послание — пение святого имени Бога: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе...»

Следуя указанию своего духовного учителя, Его Божественной Милости Шри Шримад Бхакти Сиддханты Сарасвати Госвами Прабхупады, Свами Бхактиведанта начал издавать «Бэк ту Годхед» в 1944 году. Благодаря этому журналу, который выходил раз в два месяца и печатался с 1944 по 1956 год во Вриндаване, Индия... Свами Бхактиведанта снискал славу ведущего теолога-персоналиста Индии. Этот выпуск знаменует собой начало публикации «Бэк ту Годхед» на Западе.

Центральная статья номера — краткое изложение лекции Бхактиведанты Свами — была основана на заметках, сделанных Ума-пати.

Говорится, что, просыпаясь, мы должны тысячу раз ударить свой ум башмаком. То же самое нужно делать, когда мы отходим ко сну. И если ум задает вопросы вроде: «Зачем мне это „Харе Кришна“? Почему бы не принять ЛСД?» — мы должны поступить с ним точно так же. Однако, если мы постоянно помним Кришну, нам не нужно будет бить ум — он станет нашим лучшим другом.

Еще там была статья Хаягривы «Вечный кайф». Хаягрива обильно цитировал Харта Крейна^[30] и Уолта Уитмена.

Нет ничего удивительного в том, что многие студенты хотят постоянно ловить кайф, принимая какие-то супернаркотики... Возможно, тем самым они заявляют: «Мы не желаем иметь ничего общего с тем адом, который вы создали для себя». И галлюциногенные препараты становятся для них трамплином для полетов в иные миры... Но наркотические «полеты» не могут длиться вечно. Они неестественны, поэтому временны... И остается лишь гадать, куда ведут все эти «путешествия».

Хаягрива подводил читателя к выводу, что *кришна-киртан* — самый быстрый способ «улететь» и никогда не возвращаться.

Ваши друзья подумают, что вы сошли с ума. Это первый признак успеха. Пусть остальных сводят с ума старые эфемерные соблазны *майи* — женщины и золото... Вы же сойдите с ума по Реальности.

На задней обложке журнала разместили анонс новых статей Свамиджи: «Кришна — источник наслаждения» и «Кто сумасшедший?», а также примечание:

Скоро выйдет в свет
«Гитопанишад», или «Бхагавад-гита как она есть».
Перевод и комментарии Свами Бхактиведанты.

Первое и самое главное указание, которое Бхактиведанта Свами дал издателям, заключалось в том, чтобы выпускать журнал *регулярно* — *каждый месяц*. Даже если они не представляют, как продать тираж, или написали всего две страницы, они обязаны делать по одному номеру в месяц.

Свамиджи позвал Хаягриву к себе и вручил ему полное трехтомное издание своего «Шримад-Бхагаватам». На первой странице каждого тома он написал: «Шриману Хаягриве дасу Брахмачари с моими благословениями, А.Ч. Бхактиведанта Свами». Хаягрива был очень благодарен, но сказал, что у него нет денег, чтобы заплатить за книги.

— Не беспокойся, — ответил Свами. — Работайте над журналом. Работайте на совесть и сделайте его таким же читаемым, как «Тайм».

Бхактиведанта Свами хотел, чтобы в издании принимали участие все.

— Не ленитесь, — сказал он. — Напишите что-нибудь.

Он хотел сделать «Бэк ту Годхед» трибуной проповеди своих учеников. Брахмананда и Гаргамуни в тот же вечер отправились на велосипедах развозить первый выпуск. Они заезжали в каждый наркомагазин Нижнего Ист-Сайда и добрались даже до Четырнадцатой улицы и до Вест-Вилледж, пока не развезли все сто экземпляров. Это был настоящий прорыв в проповеди. Теперь все его ученики могли участвовать в работе: печатать, редактировать, писать, набирать, продавать. Конечно, это по-прежнему была его проповедь, но сейчас он был уже не одинок.

* * *

«Всего за четыре месяца Общество разрослось настолько, что теперь впору подыскивать помещение побольше, чем магазинчик на Второй авеню», — говорилось в редакционной статье второго выпуска «Бэк ту Годхед». Бхактиведанта Свами по-прежнему хотел купить большое здание в Нью-Йорке. В Гринвич-Вилледж недвижимость стоила слишком дорого, а о центре города вообще не могло быть и речи, но Свами постоянно твердил, что хочет купить здание. Его последователям трудно было представить, что сознание Кришны выйдет за пределы Нижнего Ист-Сайда. Ну кого, кроме жителей Нижнего Ист-Сайда, может заинтересовать сознание Кришны? И к тому же у кого, скажите на милость, найдутся деньги на покупку дома в Манхэттене?

Но однажды Равиндра-Сварупа познакомился с одним человеком — богатым наследником, евреем. Джентльмен этот симпатизировал молодежным движениям и согласился дать Свамиджи в долг пять тысяч долларов. Равиндра-Сварупа оформил получение ссуды, и Свамиджи отложил эти деньги в фонд покупки помещения, куда он со временем добавил еще пять тысяч, собранные им из разовых пожертвований. Но для подходящих зданий, цена на которые никогда не опускалась ниже ста тысяч долларов, даже эта сумма выглядела смехотворной.

Свамиджи, взяв с собой Брахмананду, отправился осмотреть здание на Шестой улице, которое когда-то принадлежало компании «Джуиш-провиденшл-банк». Там был огромный вестибюль с бельэтажем, мраморные полы, да и сама атмосфера напоминала атмосферу храма.

Подвал Брахмананда предложил переделать под общежитие, а в бельэтаже Свамиджи мог бы поселиться сам. Свамиджи добавил, что просторный вестибюль можно использовать для проведения *киртанов* и лекций. Однако, выйдя из здания, он заметил, что оно стоит на углу, возле автобусной остановки. Это было не слишком удачное место. Он рассказал, что

здание Гаудия-матха в Мадрасе тоже располагалось рядом с автобусной остановкой, и шум трогающихся с места автобусов очень мешал.

Затем Свами осмотрел храм Эману-Эль, на той же Шестой улице Нижнего Ист-Сайда. Он был еще больше, чем здание банка. Когда ученики Свамиджи прошли по его комнатам — пустым, похожим на пещеры, — они пришли в замешательство: трудно было представить, как можно использовать это здание, а уж тем более справиться с его поддержанием, даже если бы и удалось его купить.

Свамиджи побывал еще в двух местах. В одном из зданий царила такая разруха, что здесь, казалось, побывали варвары, а другое, в столь же плачевном состоянии, было почти до потолка забито старой мебелью. Он спросил сопровождавшего его Рупанугу:

— Что ты думаешь?

Рупануга сказал:

— Чтобы привести все это в порядок, потребуется слишком много времени и денег.

И они ушли. Вернувшись домой, Свамиджи отправился в ванную и помыл ноги. Он сказал, что, по индийскому обычаю, после прогулки надо мыть ноги.

Вскоре преданные познакомились с мистером Пэйном, элегантно одетым агентом по продаже недвижимости.

— Вам очень повезло, — сказал мистер Пэйн Брахмананде, — вы зарегистрированы как религиозная организация, свободная от уплаты налогов. Вы даже представить себе не можете, сколько денег вам это экономит! Стольким людям приходится отказываться от покупки недвижимости просто потому, что они не в состоянии заплатить налоги! Но о вас, ребята, заботится кто-то свыше, и у меня как раз есть на примете местечко для вас и вашего Свами.

Мистер Пэйн показал Брахмананде красивое трехэтажное здание неподалеку от площади Святого Марка. Оно находилось в центре, где обитала молодежь, но при этом в таком районе, где и респектабельные посетители чувствовали бы себя спокойно. Полы в доме были из полированной твердой древесины, а двери украшала резьба ручной работы. Кроме того, там был огромный зал, в котором можно было бы устроить алтарную. В 1824 году здесь останавливался маркиз де Лафайет, что делало здание еще более престижным и привлекательным.

Как-то вечером мистер Пэйн зашел к Бхактиведанте Свами. Свамиджи сидел на полу за рабочим столом, а мистер Пэйн — напротив, на складном металлическом стуле. На мистере Пэйне был элегантный костюм и белая рубашка с накрахмаленными манжетами и с запонками. Его дорогая одежда, покрытое ровным загаром лицо и белокурые волосы (многим преданным казалось, что это парик) странно контрастировали со скромным одеянием Свами. Мистер Пэйн называл Свамиджи не иначе как «Ваше превосходительство» и выражал бурное восхищение его деятельностью. Он с

оптимизмом говорил о том, что, используя свои связи, надеется помочь Свами сэкономить много денег, избавить его от больших хлопот и найти для него именно то, что нужно.

В сопровождении нескольких учеников Бхактиведанта Свами отправился с мистером Пэйном осмотреть дом. Пока мистер Пэйн, преданные и смотритель здания о чем-то разговаривали, Свамиджи, никем не замеченный, отошел в угол комнаты, где стояла старомодная швейная машинка. Он нажал на педаль машины, чтобы проверить ее исправность. Когда он вернулся к беседующим, мистер Пэйн сказал:

— Если вы обеспечите задаток в пять тысяч наличными, я смогу уговорить владельцев подписать контракт. Пять тысяч сейчас и еще пять в течение двух месяцев — по-моему, это не так трудно.

Свамиджи здание понравилось, и он сказал Брахмананде, что его нужно купить.

Брахмананда был готов отдать деньги сразу, но Бхактиведанта Свами сказал, что сначала нужно подписать контракт. В личной беседе с преданными мистер Пэйн выказал себя человеком, который представляет интересы Свами и его Движения, — казалось, он сулит им нечто большее, чем просто контракт. У преданных сложилось впечатление, что он хочет просто *подарить* им это здание. Такая перспектива казалась маловероятной, но из разговора следовало именно это. Мистер Пэйн хотел, чтобы преданные считали его своим другом, и однажды вечером пригласил их к себе домой.

Преданные пришли к нему и расселись в гостиной, обставленной книжными шкафами, но не с книгами, а с муляжами, изображавшими корешки расставленных рядами книг. Ребята чувствовали себя не в своей тарелке, но мистер Пэйн словно этого не замечал и возобновил свои славословия. Он похвалил статью Хаягривы, и тот был явно польщен и смущен. Он превозносил все, что было связано с преданными. Он даже рассказал им, как недавно умерла его собака:

— Без этого маленького, милого существа дом кажется совсем пустым...

Это был странный человек — чересчур эмоциональный, с неиссякаемым запасом лести и похвал. После первой же встречи с ним Свами насторожился, хотя и был заинтересован в покупке дома.

Брахмананда продолжал переговоры, и вскоре, по словам мистера Пэйна, владельцы здания должны были потребовать от преданных доказательства их платежеспособности. Свамиджи велел преданным нанять для заключения контракта юриста.

— Одни беспокойства от этого мистера Пэйна, — сказал он. — Почему не купить дом у самих владельцев? Зачем все эти агенты?

— Так уж тут принято, — ответил Брахмананда.

Алан Колмен был музыкальным продюсером. В «Другом Ист-Вилледж» он прочитал заметку о *свами* из Индии и о *мантре*, которую тот привез. Когда на первой странице он прочитал текст *мантры* Харе Кришна, она ему очень понравилась. Из статьи он понял, что от ее пения можно «словить настоящий кайф». В статье приводился адрес Свами, и однажды вечером Алан с женой пришли в магазинчик.

Алан: *За входной дверью стояло около тридцати пар обуви — люди сидели впереди, а обувь стояла сзади. Мы тоже разулись и сели. Все сидели, и было очень спокойно. Впереди, в центре, стояло кресло, и все взгляды были устремлены на него. Уже тогда мы почувствовали наличие в комнате какой-то энергии. Никто не разговаривал, все смотрели на это кресло. Потом мы увидели Свами. Впервые. Он вошел и сел в кресло, и по комнате разлилась мощная духовная сила. Свами начал петь — это было прекрасно. Он энергично бил в небольшой барабан, издававший высокие и чарующие звуки. Один из преданных держал плакат с текстом, чтобы все могли подпевать. Потом преданные поднялись и начали танцевать — это был особый танец, со своим, особым шагом. Свами оглядывал комнату и улыбался, глядя на каждого, как бы поощряя всех принять в этом участие.*

На следующий день Алан позвонил Бхактиведанте Свами с предложением записать его пение в студии. Но трубку взял Брахмананда и, поговорив с ним, назначил встречу на вечер. И Алану с женой вновь пришлось ехать в Ист-Вилледж, который считался местом не совсем спокойным: если вам нужны были приключения, идти следовало именно туда.

Когда они вошли к Свами в комнату, он работал, сидя за пишущей машинкой. Он тут же заинтересовался предложением Алана.

— Да, — сказал он, — мы должны сделать эту запись. Если это поможет распространить пение «Харе Кришна», то это наш долг.

Они условились о дне — через две недели, в декабре, — в студии звукозаписи «Адельфи», возле Таймс-сквер. На жену Алана произвело большое впечатление то, с каким энтузиазмом Свами принял их предложение: «В этом человеке было столько энергии, столько целеустремленности!»

Вечером, за день до записи, в магазинчик вошел юноша с большим двусторонним индийским барабаном. В этом, казалось, не было ничего необычного — гости часто приносили с собой барабаны, флейты и другие инструменты, но на этот раз Свамиджи вдруг оживился. Парнишка сел и приготовился играть, но Свамиджи знаком велел дать барабан ему. Парень не двинулся с места — он хотел играть сам, но Брахмананда подошел к нему и сказал:

— Свамиджи хочет поиграть на барабане.

Молодой человек уступил.

Брахмананда: *Свамиджи начал играть, и руки его буквально танцевали на мембранах. Всех так поразило, что Свамиджи умел на нем играть! До сих пор мы все видели только бонго, и я думал, что это и есть настоящий индийский*

ударный инструмент. Но когда откуда ни возьмись появился этот двусторонний барабан и Свамиджи начал играть на нем, как настоящий виртуоз, это вызвало экстаз в сотню раз больший, чем его игра на бонго.

После киртана Бхактиведанта Свами попросил молодого человека одолжить ему свой барабан на один вечер, для записи. Тот сначала заупрямился, но преданные пообещали на следующий же день вернуть инструмент. Он согласился принести его на следующий день, вечером. Когда он вышел из храма, преданные решили, что никогда больше не увидят ни барабана, ни его владельца, но на следующий день, за несколько часов до отъезда Свамиджи в студию, парень со своим инструментом вернулся.

Был холодный декабрьский вечер. Свами, одетый в свое обычное шафрановое *дхоти*, твидовое пальто и пару серых туфель (которые уже давно заменили его старые резиновые туфли с загнутыми носками) и пятнадцать его учеников с музыкальными инструментами в руках погрузились в «фольксваген-вэн» Рупануги, и вся эта компания поехала в студию.

Брахмананда: *Наша запись началась не сразу — до нас там была еще одна группа, и нам пришлось немного погулять по Таймс-сквер. Мы со Свамиджи просто стояли там и рассматривали уличную иллюминацию и рекламу индустрии наслаждений, как вдруг к нам подошла какая-то женщина и громко и размеренно спросила:*

— Здравствуйте. Откуда вы?

Свамиджи ответил:

— Я монах из Индии.

Тогда она сказала:

— О, чудесно! Рада познакомиться! — пожала руку Свамиджи и отошла.

В студии преданных восприняли как обычную рок-группу. Один из музыкантов спросил, как они называются. Хаягрива, смеясь, ответил: «Певцы „Харе Кришна“». Конечно, большинство преданных не были настоящими музыкантами, но что касается инструментов, которые они принесли с собой, — тамбуры, большой фисгармонии, подаренной Алленом Гинзбергом, ударных — за несколько последних месяцев ребята довольно неплохо набили руку. Не сомневаясь в своих способностях, они вошли в студию. Они просто следовали за своим Свамиджи. Он знал, как играть, а они знали, как ему подыгрывать. Преданные не были обычными музыкантами, каких немало на белом свете. Да, они тоже играли музыку, но это была не просто музыка — это была и медитация, и поклонение.

Бхактиведанта Свами уселся на коврик посреди студии и сидел там, пока инженеры настраивали микрофоны и рассаживали преданных по студии, с учетом их инструментов. Звукорежиссеры попросили, чтобы было только две пары *картал*, и предложили добавить несколько пар деревянных палочек для отбивания ритма, а некоторым преданным пришлось просто хлопать в ладоши. У Рупануги любимым инструментом была пара медных индийских колокольчиков без язычков. Когда звукооператор их увидел, он подошел и попросил:

— Дай-ка послушаю.

Рупануга извлек из них звук, и оператор сказал, что сойдет. Равиндра-Сварупа должен был создавать фон на фисгармонии, поэтому сел со своим микрофоном немного поодаль, а для тамбуры у Киртанананды был отдельный микрофон.

Когда все было готово, звукорежиссер подал преданным знак, и Свамиджи начал петь, подыгрывая себе на барабане. К ударам барабана присоединились звуки *каратал* и палочек для отбивания ритма и хлопки в ладоши. Пение продолжалось минут десять, пока из застекленной студии не вышел режиссер и не остановил их: Брахмананда хлопал слишком громко, нарушая гармонию. Режиссер вернулся в кабину, надел наушники, отрегулировал уровень записи и снова подал знак. На этот раз получилось лучше.

Вначале вступила тамбура с ее глуховатым и одновременно гулким звоном. Спустя секунду вступил с барабаном Свамиджи. Раздался его голос: *ванде 'хам шри-гурох...* Затем весь ансамбль — тамбура, фисгармония, деревянные палочки, *караталы*, колокольчики Рупануги, — отдав швартовы, вышел в спокойное море святого имени: *лалита-шри-вишакханвитамш ча...*

Голос Свамиджи звучал очень мелодично. Ребята не просто делали запись — они играли с любовью. Игре сопутствовало ощущение успеха и единства — это был вечер, венчающий все предыдущие месяцы совместного пения.

...шри-кршна-чаитанья прабху-нитйананда...

Несколько минут Свамиджи пел молитвы один, а потом, после короткой паузы (музыка ни на секунду не прекращалась), все вместе запели *мантру*: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе. В музыке Бхактиведанта Свами оказался столь же искусен, как в приготовлении *прасада* и в чтении лекций.

Звукооператорам понравилось: если и дальше пойдет в том же духе, будет здорово. Все звучало отменно — и барабаны, и голоса. Немного не хватало согласованности, но это была особая запись, не подготовленная заранее. «Певцы „Харе Кришна“» делали свое дело, и делали его отлично. Алан Колмен был в восторге — это был настоящий звук! Не исключено, что пластинка будет пользоваться спросом.

Пропев *мантру* несколько раз, преданные немного расслабились, как будто играли в храме, уже не боясь ошибиться. Они просто пели, ритм ускорялся и вскоре стал более устойчивым. Иногда слово «Харе» звучало как бы со вскриком, но это было непосредственной реакцией на мелодию Свами, а не искусственным нагнетанием эмоций. Прошло десять минут. Пение становилось быстрее, громче и еще быстрее — Свамиджи отбивал на барабане все более причудливые ритмы, и вдруг... все остановилось, только тихо продолжала гудеть фисгармония.

Алан вышел из студии:

— Это было здорово, Свами! Просто здорово! Прямо сейчас будете записывать обращение к слушателям? Или вы устали?

Бледный, веснушчатый Алан Колмен с вежливым участием всматривался в лицо Свами через толстые стекла своих очков. Свамиджи казался усталым, но ответил:

— Нет, я не устал.

Потом, сидя в студии, преданные наблюдали, как Бхактиведанта Свами читает заранее подготовленную речь:

— Как объясняется на обложке пластинки...

Преданные с облегчением отметили, что, несмотря на акцент, текст он читает совершенно отчетливо, как профессиональный диктор.

— ...повторение трансцендентных звуков — Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе, — это возвышенный метод духовной практики, который позволяет человеку возродить свое трансцендентное сознание.

Язык обращения был довольно сложен, и людям, которые привыкли вставать и уходить сразу после *киртана*, не дожидаясь, когда Свами начнет лекцию, его речь на пластинке вряд ли понравилась бы.

— Как духовные существа, души, — продолжал свою проповедь Свами, — мы изначально обладаем сознанием Кришны, но из-за того, что мы с незапамятных времен соприкасаемся с материей, наше сознание осквернилось материальной атмосферой.

Преданные смиренно слушали слова своего духовного учителя, одновременно пытаясь представить, какой эффект они могут оказать на слушателей. Нет сомнений: кто-то просто выключит пластинку при первом же упоминании о духовной природе. Свамиджи продолжал читать, объясняя, что это пение может перенести человека с уровня чувств, ума и разума в духовные сферы.

— Мы видели такое много раз, — говорил он. — даже ребенок может принять участие в этом пении и танце, даже собака... Но чтобы достичь наибольшего эффекта, надо слушать *мантру* из уст чистого преданного Господа.

И завершил свою речь словами:

— Сейчас, в эпоху вражды и лицемерия, нет более эффективного метода духовного самопознания, чем повторение и пение *маха-мантры*: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Алан снова выскочил из студии.

— Это было здорово! — воскликнул он.

Он добавил, что речь записали с небольшой реверберацией^[31], чтобы она необычно звучала.

— Так, — он поправил пальцем очки, — на той же стороне, где речь, у нас осталось еще минут десять свободных. Может быть, еще споете? Или уже слишком поздно, Свамиджи?

Бхактиведанта Свами улыбнулся. Нет, не поздно. Он споет молитву своему гуру.

Пока ученики бродили по студии, наблюдая за своим учителем и техническими манипуляциями звукорежиссеров, Свами начал петь. Снова протяжно зазвучала фисгармония, за ней вступили барабаны, но на этот раз количество ударных инструментов было значительно меньше. Он пел без поправок и закончил свое пение фортиссимо на барабанах, пока затихала фисгармония.

Алан вновь вышел и поблагодарил Свами за терпение и столь отменное пение в студии. Свамиджи не вставал.

— Теперь мы точно устали, — признался он.

Вдруг по всей студии разнеслось пение «Харе Кришна», записанное с реверберацией. Когда Бхактиведанта Свами услышал запись своего пения, он ощутил такое счастье, что встал и начал танцевать, раскачиваясь взад и вперед, слегка наклоняясь и поднимая руки — как Господь Чайтанья, когда был в экстазе. Запланированное выступление было закончено, но сейчас Свамиджи спонтанно показывал самое прекрасное представление этого вечера, вкладывая в него все свои чувства. Увидев его танец, полусонные ученики изумились. Они встали и присоединились к танцу, двигаясь в той же манере. Даже звукооператоры в своей кабинке за стеклом тоже подняли руки и начали петь и танцевать.

— Сегодня вы сделали лучшую запись в своей жизни, — сказал Свамиджи мистеру Колмену, выходя из студии в пронизывающий манхэттенский вечер. Свамиджи сел на переднее сиденье «фольксвагена», а «певцы „Харе Кришна“» со своими инструментами забрались в салон, и Рупануга повез их домой, назад в Нижний Ист-Сайд.

На следующее утро Бхактиведанта Свами не смог встать с постели — он совершенно обессилел. Киртанананда, его личный слуга, не на шутку встревожился: Свамиджи пожаловался, что у него сильно колотится сердце и что он не может двинуться с места.

Вот тут-то всем стало ясно, что он постоянно действует на пределе сил. Киртанананда вспомнил, как летом и осенью, в парке и на поздних вечерних программах, Свамиджи вел многочасовые *киртаны*; ученики же воспринимали это как само собой разумеющееся. Теперь же Киртанананда понял, что состояние здоровья Свамиджи было угрожающим. К обеду у него не было аппетита, хотя после полудня аппетит появился и Свами вернулся к своим обычным делам.

В тот же день пришло письмо от Мукунды из Сан-Франциско. Вскоре после свадьбы Мукунда и Джанаки уехали на Западное побережье. Мукунда писал, что хочет поехать в Индию изучать индийскую музыку, но, проведя несколько недель на юге Орегона, отправился в Сан-Франциско. У него появилась идея поинтереснее. Он хотел арендовать помещение и пригласить Свамиджи, чтобы тот приехал и начал движение «Харе Кришна» в сан-францисском округе Хайт-Эшбери, точно так же, как это было в Нижнем Ист-Сайде. Он говорил, что здесь есть замечательные возможности для

распространения сознания Кришны. Услышав об этом, Бхактиведанта Свами тут же начал делиться с учениками своими обширными планами. Он сказал, что преданные должны открывать храмы не только в Сан-Франциско, но и по всему миру, охватывая одну страну за другой — в том числе Россию и Китай, и на разных языках печатать «Бхагавад-гиту». А он тем временем переведет на английский язык все тома «Шримад-Бхагаватам» и нескольких преданных возьмет с собой в Индию.

Преданные, услышав это, были потрясены. Даже Киртанананда, свидетель тревожных признаков ухудшения здоровья Свамиджи, забыл, о чем беспокоился сегодня утром. Если на то будет воля Кришны, думал Киртанананда, Свамиджи сможет сотворить все что угодно.

* * *

19 ноября

Утром, когда Свамиджи спустился в храм, чтобы прочитать утреннюю лекцию, вместо коричневой книги, которой обычно пользовался, он нес с собой большую книгу красного цвета. Впрочем, перемены никто не заметил. Начал он, как обычно, с негромкого пения молитв духовному учителю, легонько аккомпанируя себе на бонго (соседи еще спали).

Погода стояла холодная, но благодаря паровому отоплению в храме было тепло. Сезон уличных *киртанов* закончился. С приходом зимы бурная летняя жизнь Манхэттена стихает, а значит, уличная ребятня не будет больше мешать вечерним лекциям. И хотя утренние лекции всегда проходили тихо, даже летом, теперь, с приближением холодов, посетителей поубавилось: послушать Свамиджи собирался лишь узкий круг самых искренних учеников.

С тех пор как на Второй авеню, 26, Бхактиведанта Свами основал ИСККОН, прошло уже четыре месяца. Он провел три церемонии посвящения, и теперь у него было девятнадцать учеников. Все они, за несколькими исключениями, стали серьезными его последователями. Теперь на утренних лекциях Свамиджи хотел научить их тому, как стать настоящими преданными.

В течение двадцати минут он вполголоса пел «Харе Кришна», напоминая ученикам, чтобы они не пели громко, а то соседи сверху снова их затопят, хотя в последнее время подобные случаи прекратились. Свамиджи всегда старался жить с соседями дружно, но все равно время от времени кто-нибудь посылал городским властям жалобу на преданных. Впрочем, до серьезных разбирательств дело не доходило. Иногда Бхактиведанта Свами разными способами помогал своему арендодателю, мистеру Чати, например выносил за соседей мусор. Мистер Чати — крепкий, с «пивным» животом, одинокий польский иммигрант — жил на первом этаже, в собственной квартире. Мистер Чати уважал Свамиджи за возраст и ученость, а Свамиджи относился к нему по-дружески. Приходя к Свамиджи, мистер Чати никогда не снимал обуви, но Свамиджи говорил:

— Ничего страшного, ничего страшного.

А однажды, когда у Свамиджи в квартире засорилась канализация, он ходил к мистеру Чати принимать душ.

При всем при том Свамиджи считал мистера Чати классическим примером глупого материалиста. Ведь для того, чтобы купить это здание, он потратил накопленные за всю жизнь личные сбережения, но при этом ему все равно приходилось тяжело работать. Свамиджи сказал, что глупо тратить деньги на такое ветхое здание, а потом работать как ослу, чтобы поддерживать его в сносном состоянии.

— Такова жизнь материалистов, — говорил он.

Мистер Чати относился к Свами с уважением, но преданных не любил. Свамиджи сказал ученикам:

— Относитесь к нему так, будто он ваш отец.

Преданные так и поступали. Всякий раз, когда им приходилось сталкиваться с мистером Чати, они говорили ему:

— Мы ваши сыновья.

Ученики, которые жили в храме, поднимались в шесть тридцать, принимали душ и собирались в алтарной. Потом понемногу подтягивались те, кто жил дома. Они снимали пальто и складывали их на подоконник. Женщины обычно бывали только на вечерних лекциях, но Джадурани приходила и по утрам и на утренних программах была, как правило, единственной девушкой. После завтрака она шла на квартиру Свами и в передней занималась рисованием. Пользуясь техникой для начинающих, она расчерчивала холст на квадраты и фрагмент за фрагментом переносила на него изображение с фотографии. Работа была трудоемкой, и иногда картина получалась непропорциональной. Но Джадурани искренне старалась, и Свамиджи это нравилось. Она нарисовала несколько картин с четырехруким Вишну, новую картину с Радхой и Кришной и картину с Господом Чайтаньей и Его спутниками. Когда картина с Господом Чайтаньей была закончена, Свамиджи велел повесить ее в храме.

— Теперь, — объявил он, — никаких глупостей... Сюда пришел Господь Чайтанья.

После утреннего *киртана* Свами обычно говорил:

— А теперь повторите один круг, — и ученики вместе с ним начинали читать *джапу*. Все они давали обет повторять каждый день шестнадцать кругов, но первый круг всегда прочитывался утром, в присутствии Свами, так, чтобы он мог видеть каждого. Повторяя *джапу*, Свамиджи смотрел на Вторую авеню, которая ранним утром была почти пустынна, или на картины на стене; иногда он бросал озабоченные взгляды на кого-нибудь из преданных. Порой, казалось, он был даже удивлен, когда видел, как искренне, как старательно его ученики повторяют *мантру*, — поистине, святое имя способно освободить даже тех, кто низко пал! Некоторые ученики, как и Свамиджи, носили четки в специальном мешочке, но когда по утрам они повторяли первый круг, то вслед

за ним вынимали их и, обеими руками держа перед собой, повторяли с ним в унисон: Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе — до тех пор, пока не прочитывали круг до конца.

Сегодня, закончив повторение *джапы*, он поднял вверх незнакомую красную книгу.

— Поскольку вы сделали некоторые успехи, — объявил он, — сегодня я буду читать «Чайтанья-чаритамриту».

«Чайтанья-...» — что? Никто не смог даже выговорить это слово. Они, конечно, слышали о Чайтанье, но книгу эту видели впервые. Правда, кто-то из преданных вспомнил: вчера вечером Свамиджи обмолвился, будто начнет читать какую-то новую книгу, как раз с таким названием. Свамиджи поведал, как однажды Господь Чайтанья сказал одному из Своих учеников, что Кришну понять невозможно, но Он, Чайтанья, может дать ему *каплю* сознания Кришны — и ученик сможет представить себе, что представляет собой целый океан.

— Наберитесь терпения, — говорил Свамиджи. — Это произведет революцию. Но вам нужно набраться терпения.

Когда Свамиджи начал читать стихи на бенгали, Брахмананда включил катушечный магнитофон, а Сатсварупа и Умапати раскрыли тетради, приготовившись конспектировать. Атмосфера напоминала школьный урок — Свамиджи прокашлялся, надел очки и склонился над фолиантом, переворачивая его страницы. Всякий раз, надевая очки, он превращался в мудрого ученого-вайшнава. Очки подчеркивали его преклонный возраст — вовсе не старческую немощь, но эрудицию, мудрость и глубокое понимание писаний. Трудно было поверить, что иногда этот пожилой человек энергично играет на барабане в Томпкинс-сквер-парк, а порой, совсем как деловой человек, занимается поиском нового здания.

Свамиджи начал читать и переводить историю о Санатане (Сатсварупа записал: «Сута», а Умапати — «Сонотан») и его брате Рупе и о том, как они стали близкими спутниками Господа Чайтаньи. Это было простое историческое предание. Рупа и Санатана родились в Индии, в семье *брахмана*, но служили в правительстве мусульман, которые тогда были у власти. Даже имена они поменяли на мусульманские. Но когда Господь Чайтанья, совершая паломничество, пришел в их края, они встретились с Ним и твердо решили бросить материальную карьеру и последовать за Господом по пути чистой любви к Богу. Рупа, который был настолько богат, что золотом его можно было наполнить две лодки, оставил свой пост, раздал богатство, стал нищим странником и примкнул к Господу Чайтанье. Но Санатана столкнулся на своем пути с куда большими трудностями.

Набоб Хуссейн-шах, мусульманский правитель Бенгалии, полностью полагался на Санатану, который был очень хорошим руководителем. Но Санатана, ссылаясь на болезнь, совсем забросил свою работу. На самом же деле каждый день он приглашал к себе *брахманов*, которые читали ему

«Шримад-Бхагаватам». Набоб послал своего врача провести, в каком состоянии здоровье Санатаны, и, узнав, что тот вовсе не болен, к удивлению Санатаны и брахманов, лично явился к нему домой. Набоб потребовал, чтобы Санатана немедленно приступал к работе. Тогда самому набобу можно будет спокойно ездить на охоту и собирать войска для похода в соседнюю провинцию. Санатана отказался, объяснив, что твердо решил посвятить себя изучению писаний и что теперь набоб может делать с ним все, что пожелает. За эту дерзость набоб посадил Санатану в тюрьму...

Свамиджи посмотрел на часы. Утренние лекции были короче вечерних — всего по полчаса, к тому же Рупануге, Сатсварупе и Брахмананде нужно было на работу. Поэтому Свамиджи прервал свой рассказ.

— Итак, мы продолжим завтра.

Свамиджи закрыл книгу и, сказав еще несколько слов ученикам, встал и вышел из храма. Киртанананда последовал за ним, неся его книгу и очки.

Каждое утро в храме раздавали завтрак. Аччютананда и Киртанананда по очереди готовили для преданных овсянку. В английском издании «Рамаяны» Сатсварупа прочитал о том, как какие-то мудрецы готовили мистическую овсянку под названием «небесная каша». Название пришлось по душе, и вскоре свою овсянку преданные тоже начали называть «небесной кашей». Завтрак все обожали; он состоял из горячей «небесной каши» (в которую по вкусу добавляли сахарный сироп от гулаб-джамунов), горячего молока и фруктов. Вдобавок каждый получал по «пуле ИСККОН».

Сегодня за завтраком все говорили о Рупе и Санатане. Умапати сказал, что «Чайтанья-чаритамрита» на английском языке продается в магазине, но Свамиджи вряд ли захочет, чтобы они ее читали.

— Мы услышим ее от самого Свамиджи, — сказал Киртанананда.

Хаягрива был заинтригован: ему не терпелось услышать продолжение.

— Подождем до завтра, — сквозь смех сказал он, — тогда и дослушаем, что там дальше случилось с... этим... как его?

— «Сантан...», «Сонотон...», «Санатана», — по-разному ответили преданные.

— Вот-вот. Подождем до завтра и послушаем. Выберется ли Санатана из тюрьмы?

Это была далеко не самая смирная компания. Собираясь вместе, ребята раскрепощались, особенно после сиропа. Аччютананда пролил сироп на ковер, и Киртанананда сделал ему замечание. Джадурани молча доела завтрак и поспешила в комнату Свамиджи, рисовать очередную картину. Сатсварупа поправил галстук, и втроем — он, Рупануга и Брахмананда — они отправились на работу.

На следующее утро лекция по «Чайтанья-чаритамрите» началась с того, как Санатана, оказавшись в тюрьме, замыслил сбежать и присоединиться к Господу Чайтанье. Его брат Рупа послал ему записку, где говорилось, что у

одного ростовщика он оставил для Санатаны крупную сумму денег золотом. Санатана предложил их надзирателю в качестве взятки. Он сказал:

— Господин, я знаю, вы очень умный человек, а в Коране говорится, что, если кто-то поможет своему ближнему встать на стезю духовной жизни, ему будет даровано очень высокое положение. Я иду к Господу Чайтанье, и если вы поможете мне убежать, то обретете духовное благо. Кроме того, вы получите денежное вознаграждение: я заплачу вам пять тысяч золотых монет.

Надзиратель сказал:

— Хорошо. Но я боюсь царя.

Тогда Санатана посоветовал ему:

— Скажите, что когда я справлял нужду у реки, то упал в воду прямо в цепях и меня унесло течение.

За семь тысяч золотых монет надсмотрщик согласился помочь Санатане и спилил цепи. Санатана, в сопровождении своего слуги, бежал окольными дорогами, пока к ночи не увидел постоялый двор.

Постоялый двор этот принадлежал ворам, и тамошний астролог, посмотрев на ладонь постояльца, определил, что у того есть деньги. Когда Санатана попросил помочь ему перебраться через горы, поросшие джунглями, владелец постоялого двора сказал, что глухой ночью поможет ему бежать. Несмотря на то что Санатана три дня не ел и одежда на нем истрепалась, хозяева были с ним настолько обходительны, что тот заподозрил недоброе. Он спросил у слуги, есть ли у него деньги. Слуга сказал «да» — у него было семь золотых монет. Санатана тут же забрал деньги и отдал хозяину гостиницы, который той же ночью готовился убить их...

Свамиджи посмотрел на часы. Лекция опять затянулась.

— Итак, завтра мы расскажем о том, — сказал он, закрывая книгу, — как Санатане удалось отделаться от разбойников.

Киртанананда, Брахмананда, Ачьютананда, Гаргамуни, Сатсварупа, Хаягрива, Умапати, Джадурани, Рупануга, Дамодара (Дэн Кларк) — жизнь их полностью изменилась. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как центром ее стал Свамиджи. Все их дела вращались вокруг храмовой жизни: ежедневных лекций, *киртана* и *прасада*.

Несколько месяцев тому назад съехали со своей квартиры и переселились в храм Брахмананда и Гаргамуни. В квартире Ачью-тананды обрушился потолок, буквально через несколько минут после того, как он вышел из комнаты, поэтому он тоже решил переехать. Хаягрива и Умапати привели в порядок свою квартиру на Мотт-стрит и использовали ее только для повторения *джапы*, сна и чтения «Шримад-Бхагаватам». В один из дней Сатсварупа объявил, что преданные могут ходить принимать душ к нему — его квартира находилась за углом, буквально в двух шагах от храма. На следующий же день туда переехал Рая-Рама, и квартира стала служить в качестве подсобного помещения. Джадурани по утрам продолжала приезжать из Бронкса. Свамиджи был, в принципе, не против, чтобы она жила во второй

комнате его квартиры, но что подумают люди? Даже Рупануга и Дамодара, вкусами и манерами отличавшиеся от общей массы, каждый день с удовольствием приезжали на утренние лекции и три раза в неделю — на вечерние. Они знали, что Свамиджи всегда у себя и к нему в любое время можно подойти.

Но положение самого Бхактиведанты Свами было довольно нестабильным. Иногда он говорил, что, если он не получит вида на жительство, ему придется покинуть страну. Он даже сходил к адвокату: там выяснилось, что тревога вроде бы оказалась ложной и он, вероятно, сможет остаться в Штатах на неопределенный срок. Еще преданные боялись, что он уедет в Сан-Франциско.

Иногда он говорил, что собирается туда отправиться, а потом передумывал. Свамиджи обещал, что, если переговоры с мистером Пэйном по поводу здания на Десятой улице пройдут успешно, он сделает своей штаб-квартирой Нью-Йорк и не поедет в Сан-Франциско.

Но на утренних лекциях, когда Бхактиведанта Свами рассказывал истории из «Чайтанья-чаритамриты», ученики забывали на время обо всех беспокойствах, и вечное, сокровенное знание полностью завладевало их вниманием. Для них сознание Кришны означало борьбу, ведь нужно было строго следовать правилам Свамиджи — «не вступать в незаконные половые отношения, не принимать одурманивающих средств, не играть в азартные игры и не есть мяса». И пока они слушали его пение и лекции по «Чайтанья-чаритамрите», им удавалось придерживаться этих принципов. В своем сознании Кришны они зависели от него. Он находился в центре их совсем еще недолгой духовной жизни. Они знали Свамиджи, и это было все, что они знали о сознании Кришны. До тех пор пока остается возможность приходить и видеть его, до тех пор пока он рядом, сознание Кришны для них — вполне реальная вещь.

Они сидели на потертом ковре и смотрели на него, ожидая продолжения истории. Свамиджи прокашлялся и посмотрел на Брахмананду, сидевшего рядом с бесшумно работающим магнитофоном. Сатсварупа поставил в блокноте сегодняшнее число. Свамиджи начал читать стихи на бенгальском и пересказывать их смысл...

— Санатана забрал у слуги семь золотых монет и отдал их владельцу гостиницы.

— У тебя восемь золотых монет, — сказал астролог.

Санатана вернулся к слуге и узнал, что тот припрятал у себя еще одну монету.

— Зачем ты взял этот погребальный колокол в дорогу? — спросил Санатана. — ты чересчур привязан к деньгам.

Он забрал у слуги золотой и велел ему отправляться восвояси. Затем он отнес золотой владельцу гостиницы, но хозяин, признавшись, что хотел убить Санатану, сказал:

— Ты хороший человек. Забирай свои деньги.

Санатана отказался. Тогда хозяин дал Санатане четверых проводников. Они помогли ему пробраться через джунгли, а сами вернулись.

Оставшись один, Санатана почувствовал, что наконец-то свободен. Он избавился от слуги, от которого одни неприятности, и от разбойников. Вскоре он встретил своего двоюродного брата, который шел той же дорогой. Его брат был человеком богатым и нес с собой много денег — он собирался покупать коней.

— Пожалуйста, хотя бы на несколько дней останься здесь, со мной, — сказал он Санатане. — Ты ужасно выглядишь.

Брат знал, что Санатана собирается встать на стезю духовной жизни, и, чтобы хоть как-то помочь своему родственнику, предложил ему дорогое одеяло. Санатана принял подарок и продолжил свой путь.

Наконец Санатана достиг Бенареса. Он сразу же направился в дом Чандрашекхары, где остановился Господь Чайтанья, и стал ждать у двери. Господь Чайтанья знал о приходе Санатаны, поэтому Он попросил Чандрашекхару открыть дверь и пригласить в дом преданного, который ждет на улице. Чандрашекхара вышел, но, увидев Санатану, одетого в лохмотья, принял его за безумного мусульманина-факира. Чандрашекхара вернулся к Господу Чайтанье и сказал, что никакого преданного на улице нет.

— Ну хоть кто-то там есть? — спросил Господь.

— Да, есть, — ответил Чандрашекхара, — какой-то несчастный факир.

Тогда Господь Чайтанья Сам вышел из дома и обнял Санатану. Слезы экстаза покатались по щекам Господа: Он знал, что наконец нашел того преданного, кому можно передать Свое учение. Санатана тоже плакал от радости — мечта его жизни сбылась. Но поскольку после длительных скитаний Санатана был грязен и, кроме того, чувствовал себя недостойным, он попросил Господа не прикасаться к нему.

Господь ответил:

— Что ты! Прикасаясь к тебе, Я очищаюсь; благословен тот, кто прикасается к истинному преданному.

На этом Свамиджи окончил очередное утреннее занятие и закрыл книгу.

Бхактиведанта Свами хотел как можно скорее завершить и опубликовать свой перевод и комментарии к «Бхагавад-гите» — это было одной из самых важных его задач. И однажды случилось нечто, что позволило ему ускорить работу над рукописью. Откуда ни возьмись в Нью-Йорк приехал парень по имени Нил. Он был студентом-практикантом Колледжа Антиок. Руководство колледжа разрешило ему отработать один семестр в *ашраме* Свами Бхактиведанты, о котором парень узнал из газет. Нил спросил, не может ли он чем-то помочь, упомянув, что хорошо печатает на машинке. Свамиджи решил, что Сам Кришна послал ему этого паренька. Он сразу же взял напрокат диктофон и начал надиктовывать «Бхагавад-гиту». Хаягрива пожертвовал свою электрическую пишущую машинку, и Нил, устроив себе рабочее место в передней Свамиджи, приступил к работе. Печатал он по восемь часов в день.

Это воодушевило Бхактиведанту Свами, и он почувствовал себя обязанным делать больше. Над «Бхагавад-гитой как она есть» он работал быстро, иногда дни и ночи напролет. Прошло уже пять месяцев с тех пор, как был основан ИСККОН, но на своих лекциях Свамиджи по-прежнему приходилось пользоваться переводом Радхакришнана. Но когда выйдет «Бхагавад-гита как она есть», говорил он ученикам, это будет очень ценным вкладом в Движение сознания Кришны. Ведь наконец-то появится авторитетное издание «Гиты».

Ученики хотели знать все, что говорил или делал Свамиджи. Их вера и преданность ему крепла день ото дня. Они считали его представителем Бога, а его слова и поступки — безупречными. Если кто-то из учеников беседовал с ним наедине, то сразу после разговора его окружали духовные братья и сестры и выспрашивали у него обо всех подробностях встречи. И это было сознание Кришны! Джадурани особенно простодушно пересказывала все, что говорил или делал Свамиджи. Однажды он наступил на кнопку, которую она уронила на пол. Конечно, Джадурани осознала, насколько серьезным было это оскорбление, но и ей, и другим ученикам важнее показалась реакция Свамиджи, отражающая его духовное сознание. Молча и совершенно бесстрастно он нагнулся и вытащил кнопку из стопы, не издав ни звука. Однажды, когда она пыталась повесить над его рабочим столом картину, то случайно наступила на его подушку для сидения.

— Я совершила оскорбление? — спросила она.

Свамиджи ответил:

— Нет. Ради служения ты можешь стать даже мне на голову.

Брахмананда иногда делился, что с глазу на глаз Свамиджи говорит ему об очень сокровенных истинах сознания Кришны. Но когда он пересказывал, что же именно говорил Свамиджи, кто-то другой вспоминал, как читал о том же самом в «Шримад-Бхагаватам». Свамиджи говорил, что гуру присутствует в своих наставлениях, и постарался вложить в эти три тома «Бхагаватам» все то, чему учил на лекциях и в беседах. Преданные убеждались в том, что это правда.

Последователи Свамиджи ничего друг от друга не скрывали. Все знали, что Умапати на несколько дней ушел из храма, потому что ему не понравилось, как Свамиджи критикует буддистов; но потом он вернулся и после тяжелой и откровенной беседы со Свамиджи снова решил принять сознание Кришны. Все знали, что Сатсварупа уволился с работы, а когда пришел к Свамиджи и поставил его в известность, Свамиджи совсем этого не одобрил и велел ему продолжать зарабатывать деньги для Кришны и жертвовать их Обществу. И это должно стать его лучшим служением. И еще все знали, что Сатсварупа просил Гаргамуни состричь волосы — Свамиджи в шутку называл их «шекспировские кудри Гаргамуни», — но Гаргамуни не соглашался.

Год подошел к концу. Свамиджи по-прежнему работал над рукописью «Бхагавад-гиты», по утрам читал «Чайтанья-чаритамриту», а по понедельникам, средам и пятницам проводил вечерние лекции по «Бхагавад-гите». И по-прежнему часто поговаривал о том, чтобы ехать в Сан-Франциско...

В канун Нового года преданным пришла в голову идея: раз уж скоро наступит праздник, и люди выйдут на улицы, чтобы его отметить, то почему бы и им не устроить торжество в честь сознания Кришны?

Рупануга: *И мы закатили огромный пир, на который пришло много народу, хотя и не так много, как по воскресеньям. Мы принимали прасад, а Свамиджи сидел на своем возвышении и тоже ел. Он велел, чтобы мы ели больше, и постоянно приговаривал: «Повторяйте „Харе Кришна“!» Мы слушали и то клали в рот прасад, то говорили «Харе Кришна», а он требовал, чтобы мы брали еще и еще. Я был изумлен. Он сидел и заставлял нас есть как можно больше! Он оставался с нами до одиннадцати вечера, но затем почувствовал усталость, и на этом вечеринка закончилась.*

Каждое утро на страницах большой книги разворачивалась новая глава истории о Санатане. Читать и комментировать ее мог только он, Свамиджи.

Господь Чайтанья сказал Санатане, что за такую милость тот должен быть очень благодарен Кришне, на что Санатана ответил:

— Ты говоришь, что Кришна очень милостив, но я не знаю, кто такой Кришна. Это Ты спас меня.

В Бенаресе у Господа Чайтаньи было много друзей, и Он послал Санатану в дом одного из них, чтобы тот мог поесть, помыться, побриться и переодеться в новую одежду. Но Санатана отказался от новой одежды и не хотел ни от кого зависеть в отношении пищи. Теперь, отрекшись от мира, он ходил просить милостыню, каждый день в новом месте. Увидев это, Господь Чайтанья был очень доволен, но Санатана почувствовал, что Господу не нравится его дорогое, новое одеяло, поэтому он обменял его на старое. Довольный им, Господь Чайтанья сказал:

— Теперь ты отрекся от всего. По милости Кришны ты избавился от своей последней привязанности.

Санатана припал к лотосоподобным стопам Господа Чайтаньи и произнес:

— Я потратил все свое время на наслаждения. Родившись в низкой семье, я общался с порочными людьми. Я не способен к духовной жизни. Я даже не знаю, что благо для меня, а что нет. Люди называют меня ученым, но я — последний глупец, ведь, несмотря на мою славу мудреца, для меня по-прежнему загадка, кто я такой.

Считая себя полным глупцом, Санатана спросил Господа:

— Кто я? Почему я попал в материальный мир и почему страдаю?

Свамиджи заострил внимание учеников на этом эпизоде. Он сказал, что именно в таком настроении должен обращаться к духовному учителю ученик.

Закончив историю о том, как Санатана присоединился к Господу Чайтанье, Свамиджи приступил к изложению наставлений, которые дал Господь Своему преданному. Сначала Господь Чайтанья объяснил, что живое существо не является материальным телом, оно — заключенная в него вечная душа. Затем в течение двух месяцев Господь Чайтанья наставлял Санатану в глубочайших и самых возвышенных истинах ведической мудрости. Он просветил Санатану в вопросах природы души и ее отношений с Кришной, рассказал о материальном и духовном мире. Он поведал ему о качествах полностью осознавшей себя личности и о запредельной этому миру сущности Господа Кришны и Его бесчисленных образов, проявлений, воплощений и божественных игр. Он рассказал о превосходстве метода *бхакти-йоги* над методами философских рассуждений и мистической *йоги*. Он открыл Санатане эзотерическое знание о духовных эмоциях душ, достигших чистой любви к Кришне. Ум Санатаны Госвами утонул в наставлениях Господа, которые были подобны океану сладости и великолепия. Закончив наставлять Санатану, Господь Чайтанья дал ему благословение, что все эти возвышенные наставления полностью проявятся в его сердце, и тогда он сможет писать духовные книги.

Два месяца Господь Чайтанья давал наставления Санатане, и два месяца, начиная с середины ноября 1966 года, Бхактиведанта Свами рассказывал о них, прочитав в общей сложности более пятидесяти лекций по «Чайтанья-чаритамрите». Хотя в своих лекциях Свамиджи опирался на конкретные стихи, он никогда не ограничивался темами исключительно этих текстов и никогда не готовился к лекции заранее.

* * *

Иногда у себя в комнате во время вечерних бесед Свамиджи спрашивал ребят, как дела у Мукунды, на Западном побережье. В течение нескольких месяцев ребята обсуждали поездку Свамиджи в Калифорнию как один из возможных вариантов развития событий. Наконец в начале января 1967 года от Мукунды пришло письмо — он снял магазинчик на первом этаже дома, в самом центре района Хайт-Эшбери, на Фредерик-стрит. «Сейчас мы оборудуем его под храм», — писал он. Свамиджи объявил: «Я еду немедленно».

Мукунда писал о «сходке племен» в Хайт-Эшбери. Тысячи хиппи со всей страны стекались туда, где Мукунда снял магазинчик. Эта волна молодежного ренессанса была гораздо мощнее той, что захлестнула Нью-Йорк. Чтобы собрать средства на новый храм, Мукунда задумал устроить концерт «Мантра-рок данс», в котором будут участвовать известные рок-группы. Гвоздем программы будет *мантра* Харе Кришна в исполнении Бхактиведанты Свами!

В письмо Мукунда вложил авиабилет, но некоторые из учеников Свамиджи были против того, чтобы Свамиджи воспользовался им. Те, кто не

мог уехать из Нью-Йорка, зная об этом, отговаривали Свамиджи от поездки в Сан-Франциско. Они сомневались, что преданные на Западном побережье сумеют как следует позаботиться о нем. Чтобы Свамиджи выступал с рок-музыкантами? Похоже, что Мукунда и его друзья принимают Свамиджи за кого-то другого. К тому же в Сан-Франциско даже не было подходящего храма. Не было там и типографии, и журнала «Бэк ту Годхед». Зачем Свамиджи уезжать из Нью-Йорка в какую-то там Калифорнию, да еще принимать участие в *такого рода* мероприятиях, неизвестно с кем? Как он может бросить их одних в Нью-Йорке? Что станет без него с их духовной жизнью?

Несколько недовольных робко, обиняками, высказали эти соображения Свамиджи, чуть ли не упрекая его за самую мысль оставить их и даже намекая, что в случае его отъезда ни в Сан-Франциско, ни в Нью-Йорке дела не пойдут. Но они обнаружили, что Свамиджи уже окончательно все решил. Он не принадлежал Нью-Йорку. Он принадлежал Кришне. И если Кришна хочет, чтобы он куда-то ехал, то он поедет. Он ни к чему не был привязан и горел желанием отправиться в путь, чтобы повсюду распространять *мантру* Харе Кришна.

Брахмананда: *Мы были в шоке, узнав, что он уезжает. Нам и в голову не приходило, что сознание Кришны когда-нибудь выйдет за пределы Нижнего Ист-Сайда, не говоря уже о Нью-Йорке.*

Я думал, что оно может существовать только здесь и останется здесь навсегда.

В середине января преданные забронировали ему место в самолете и начали паковать его рукописи в чемоданы. Раначора, новый преданный, пришедший после *киртана* на Томпкинс-сквер, собрал достаточно денег, чтобы купить билет на самолет, и преданные решили, что он должен поехать вместе со Свамиджи в качестве его личного слуги. Свамиджи объяснил, что едет всего на несколько недель и хочет, чтобы во время его отсутствия все шло своим чередом.

Пока ребята ловили такси, чтобы отвезти его в аэропорт, он ждал у себя в комнате. День был серый и холодный. В батареях шипел пар. Он возьмет с собой только небольшой чемодан — одежду и книги. Свамиджи открыл стенной шкаф и проверил, в порядке ли его рукописи. В его отсутствие за вещами в квартире присмотрит Киртанананда. Бхактиведанта Свами сел за рабочий стол. За минувшие шесть месяцев он провел за этим столом немало часов, печатая свои переводы «Бхагавад-гиты» и «Шримад-Бхагаватам». Здесь он сидел, беседуя с многочисленными гостями и последователями. Но сегодня он не будет разговаривать с друзьями или печатать рукопись, а просто посидит в одиночестве несколько минут, оставшихся до отъезда.

Это была его вторая зима в Нью-Йорке. Он начал Движение сознания Кришны. За ним пошли несколько искренних молодых людей. О них уже хорошо знали в Нижнем Ист-Сайде — по многочисленным заметкам в газетах. Но это было только начало.

Именно для этого он покинул Вриндаван. Сначала Свамиджи не был уверен, удастся ли ему пробыть в Америке больше двух месяцев. В Батлере он впервые рассказал американцам о своих книгах. Потом в Нью-Йорке увидел, как идут дела у доктора Мишры и какое огромное здание занимают *майявади*. Они брали деньги, но даже не собирались открывать людям истинный смысл «Гиты». Но американцы оказались ищущими людьми.

Этот год был трудным. Его духовные братья не хотели помогать ему, несмотря на то что он исполнял волю их Гуру Махараджи, Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура, и Господа Чайтаньи. Но поскольку Сам Господь Чайтанья хотел этого, он был уверен, что благословение Господа рано или поздно придет к нему и ему удастся осуществить задуманное.

Здесь, на Второй авеню, в доме номер 26, все шло довольно неплохо. Он начал Движение, и ребята продолжают его дело. Некоторые из них уже жертвовали свой заработок. И это только начало.

Бхактиведанта Свами посмотрел на часы, надел зимнее твидовое пальто, шапку и ботинки, опустил правую руку в мешочек с четками и снова стал читать *мантру*. Он вышел из квартиры, спустился по лестнице и прошел через двор. На дворе было морозно и тихо, деревья стояли совершенно голые, на ветвях не осталось ни одного листика. Он вышел на улицу.

Он уехал днем, когда Брахмананда, Рупануга и Сатсварупа были на работе. Они не смогли даже проводить его и попрощаться с ним...

Приложения

Предисловие к первому изданию «Прабхупада-лиламриты» — том первый (главы 1-11)

Мне выпала особая честь написать предисловие к этой яркой и содержательной биографии Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады. К моему глубокому сожалению, мне не довелось встретиться с ним во время его пребывания в Америке. И все-таки меня не покидает ощущение, что мы встречались. Великий учитель способен существовать во множестве проявлений, и не в последнюю очередь — в жизни тех, с кем он был знаком. Встретившись за последние несколько лет со многими учениками Шрилы Прабхупады, а также преданными, которые не видели его лично, однако испытали его влияние, я чувствую, что, несомненно, знаком с этим человеком. Так что будем считать, что в своем предисловии я представляю читателю друга.

Хотя неверным было бы говорить, что всякое религиозное движение есть «тень» великого учителя, доля истины в этом утверждении присутствует. И читатели этой книги гораздо лучше поймут, что представляет собой ИСККОН (Международное общество сознания Кришны), когда познакомятся с его основателем и с той традицией, из которой выросло это Движение. Благодаря упорству и скрупулезности, с которыми автор пытался воссоздать картину долгой жизни Шрилы Прабхупады, начиная с самого его детства, книга получилась интересной и вдохновляющей. Сам я, должен признаться, читал эту книгу не только из интереса к личности Шрилы Прабхупады, но и потому, что атмосфера того времени, которая оживает на страницах этой книги, способна поведать нам куда больше, чем простое жизнеописание. Книга напоминает нам о том, насколько прочной и глубокой была связь Шрилы Прабхупады с одной из древнейших религиозных традиций мира. В его жизни и учении сошлись, как в одной точке, многие последовательности исторических событий, разворачивавшиеся на протяжении поколений, веков и даже тысячелетий. В каком-то смысле Шрила Прабхупада вовсе не был оригинален в своей проповеди, но, знакомясь с его жизнеописанием, начинаешь задумываться: а так ли хорош традиционный для жителей Запада восторг перед «оригинальностью»? Из книги становится ясно, что Шрила Прабхупада был самым олицетворением древней традиции. В первых нескольких стихах четвертой главы «Бхагавад-гиты» — индийского священного писания, пользующегося в ИСККОН наибольшим авторитетом, — говорится о том, что вечная наука *бхакти-йоги* (то, что христиане иногда называют «путем преданности») передается через *парампару*, живую цепь ученической преемственности, существующую с древних времен и до наших дней. И воспринимать Шрилу Прабхупаду лучше всего именно так, как он представлен в этой книге: как одно из звеньев этой цепи.

Следует, однако, добавить, что при всем при этом Шрила Прабхупада был уникальной личностью. Когда мы говорим, что древняя наука дошла до нас,

передаваясь по цепи учителей, это вовсе не значит, что эти учителя полностью повторяют друг друга, что они безлики. Будь так, не было бы нужды писать биографию кого-то одного из них.

Жизнь Шрилы Прабхупады — лучшее доказательство того, что глашатай истины может оставаться самобытной личностью и даже в каком-то смысле — не побоюсь этого слова — оригиналом. Шрила Прабхупада жил в переломное время индийской истории — в годы британского владычества и событий, за ним последовавших. Он трудился и жил среди людей, из которых одни помогали ему и поддерживали, другие — не обращали внимания, третьи — вставляли палки в колеса. Шрила Прабхупада начал выпуск журнала «Бэк ту Годхед». В возрасте, который мы называем преклонным, когда большинство людей почивают на лаврах, он взялся исполнить наказ своего духовного учителя и отправился в трудное и опасное плавание к берегам Америки. Безусловно, Шрила Прабхупада — это один из многих тысяч духовных учителей, но вместе с тем он — единственный из тысяч, а может быть, и миллионов.

Как христианин, я был очень впечатлен и взволнован тем, что Шрила Прабхупада взял на себя эту задачу — принести учение, совершенным воплощением которого он был, в Америку. Стоит пояснить, что я имею в виду. Прежде всего, как христианин, я принадлежу к религиозной традиции, которая свято чтит Господа за то, что через Своих пророков Он посылает благую весть тем, кто в ней отчаянно нуждается. На протяжении всего Ветхого Завета Яхве посылает в мир пророков, чтобы напомнить людям, как далеко они отступили от Его божественной воли, а также чтобы положить конец притеснению бедных и защитить вдов и сирот. В Новом Завете, отправляя учеников проповедовать, Иисус разбивает их на пары, веля взять с собой только необходимое, и просит нести благую весть мира и спасения в самые отдаленные уголки земли. Сам Бог посылает на Землю Своего единственного сына ради исполнения миссии, которая в конце концов будет стоять ему жизни. Христиане, как правило, с уважением и восхищением относятся к тем, кто ради духовного спасения людей готов отказаться от земных удобств и пожертвовать собой.

Однако в наши дни многие христиане ведут жизнь расслабленную и комфортную. Они не только не хотят претерпевать какие бы то ни было лишения, но и зачастую не ценят и не понимают тех, кто на это идет. И это серьезная проблема. И хотя некоторые с одобрением говорят об отсутствии у современных христиан рвения нести благую весть в другие части света, отмечая, что христиане стали менее высокомерны и более смиренны, мне кажется, что дело тут далеко не в смирении. По-моему, причина — элементарная лень и сытая и спокойная жизнь, диктуемая обществом потребления. Я терпеть не могу рьяный прозелитизм — неважно, кто и по отношению к кому им занимается. Но я верю: любое религиозное учение, достойное того, чтобы ему следовать, заслуживает и того, чтобы делиться им с другими. Посетив Индию, я поселился в самом сердце той религиозной

традиции, которой следовал Шрила Прабхупада, — во Вриндаване. Я был доброжелательно принят всеми его жителями, в том числе мудрецами и святыми, которые просили меня рассказать о моей религии. Я рассказывал им об Иисусе Христе, о том, что он значит для меня и что его учение дало миру. Они слушали меня с почтением и вниманием, сожалея лишь о том, что мой рассказ был слишком краток! Индийцы, в отличие от американцев, не спешат поскорее заняться другими делами, когда заходит разговор на серьезные духовные темы. Вспоминая о радушии, с которым я был принят на родине Шрилы Прабхупады, я очень сожалею, что ему и его ученикам часто приходилось (да и до сих пор приходится) сталкиваться с непониманием и пренебрежительным отношением здесь, в Америке.

Я благодарен автору за эту книгу еще по двум причинам, о которых он может не догадываться. Во-первых, работая над биографией Шрилы Прабхупады, среди прочих источников информации он воспользовался одним, чрезвычайно важным, который на Западе принято именовать «изустным преданием». Автор включает в повествование рассказы людей, которые знали Прабхупаду или так или иначе встречались с ним и могли предоставить сведения, пусть незначительные и обрывочные, но тем не менее дополняющие общую картину. Со временем этих людей не станет, а значит, источник этой ценной информации будет навсегда утрачен — по крайней мере, для нас, смертных. А потому чрезвычайно важно, что автор прибегнул к названному методу и столь мастерски его использовал. Надеюсь, что и другие последуют его примеру.

Кроме того, автор, возможно и не задаваясь такой целью, дал нам правдивый портрет уходящего века, показав расцвет и упадок той эпохи, которую можно было бы назвать «господство Запада». Он показал нам разрушительные последствия так называемого «культурного империализма», демонстрируя, насколько прочно, даже теперь, спустя продолжительное время, в умах индийцев засели остатки дурных привычек, приобретенных под влиянием колонизаторов. (Впрочем, не только в умах; то же можно сказать, например, и об их кулинарных пристрастиях.) Этот том описывает период жизни Шрилы Прабхупады до отъезда в Америку, поэтому важно отметить еще и то, что Шрила Прабхупада был в то время одним из тех, благодаря кому возрождались традиционные духовные и культурные ценности в самой Индии. Поскольку аналогичные процессы наблюдаются сейчас повсюду, где в свое время ощущалось европейское влияние, эта книга может восприниматься и в контексте быстро набирающей популярность литературы, посвященной «культурному возрождению» стран третьего мира.

Очевидно, что эту книгу можно оценивать с разных точек зрения. Добавлю, что ее можно и просто читать как очень увлекательную историю о замечательном человеке. Как бы то ни было, я с радостью завершаю свое предисловие и предоставляю читателю возможность самому насладиться этой книгой.

Харви Кокс,
профессор богословия
Гарвардского университета

Предисловие к первому изданию «Прабхупада-лиламриты» — том второй (главы 12-21)

История, которую вам предстоит прочесть, кажется совершенно невероятной, подобно множеству других правдивых историй. В середине 60-х годов в Нью-Йорк с какой-то загадочной миссией прибывает пожилой индийский *свами*. Духовный учитель поручил ему нести на Запад духовное послание Индии, и теперь он оказался в Нью-Йорке, ничего не зная об Америке, не имея никакой поддержки, почти без денег и без четкого плана действий. Он как будто бесцельно бродит по городу, какое-то время живет в мансарде художника на Бауэри, но в конце концов с помощью нескольких последователей арендует помещение магазинчика в районе под названием «Ист-Вилледж», который в 60-е годы является самым сердцем контркультуры. Здесь он начинает проповедовать вещи совершенно невообразимые: сексуальное воздержание, отказ от наркотиков, чистоту ума и тела — и все это ради преданности индийскому Богу, Кришне.

Далее — удивительная история о решимости, вере и успехе, превзошедшем все ожидания. В этом томе рассказано лишь самое начало. С удивительными подробностями здесь повествуется о том, как в почву, казавшуюся бесплодной, были брошены первые семена успеха. Это очень человеческая история, и главный герой ее, А.Ч. Бхактиведанта, тоже по-настоящему человек.

Любая религия образована множеством составляющих, часть из которых является плодом коллективных усилий: сюда относятся общественная деятельность, организация, система верований и духовных практик и т. д. История религий часто рассматривается именно с точки зрения этих, относительно объективных, факторов, становясь, таким образом, частью общей истории того или иного места или эпохи. Но жизнеописание Бхактиведанты Свами настойчиво напоминает нам, что существуют и другие факторы, также влияющие на историю мировых религий, — более тонкие, более личностные. Неповторимый облик религии создается благодаря социальным и культурным факторам, но не в меньшей степени — благодаря людям: святым, духовным лидерам и их верным, хотя порой и несовершенным последователям. Чем ценна эта книга — это тем, что, повествуя о начале крупного религиозного движения, она сводит воедино два эти пласта — социальную историю и человеческую индивидуальность.

В связи с этим весьма уместным оказывается краткий экскурс в прошлое. Шестидесятые годы минувшего века — уникальный период в американской истории, время многих важных перемен в жизни общества. Важно и место действия: и весь Нью-Йорк в целом, и Ист-Вилледж в частности находились, что называется, на гребне этих перемен. Автор данной биографии также был частью того места и времени, являясь одним из первых учеников Бхактиведанты Свами в Нью-Йорке. На основе собственных воспоминаний,

магнитофонных записей, документов, подробных интервью с другими участниками событий он выстроил ряд поразительных эпизодов и сцен 60-х годов, представляющих самостоятельную историческую ценность. Но все эти эпизоды, равно как и отдельных персонажей книги, связывает между собой величественная фигура А.Ч. Бхактиведанты Свами. В той обстановке Бхактиведанта Свами выглядит поразительно чуждо. Родившийся в конце девятнадцатого века, он провел всю свою жизнь в Индии и многие годы вел монашеский образ жизни. Какое важное дело привело его в самое сердце американской молодежной культуры — туда, где руководством к действию были слова «делай что хочешь», а отношение к авторитету определялось формулой «не верь никому старше тридцати»? Ответ на это ищите в книге. Но, поскольку духовную силу невозможно точно измерить, исчерпывающего ответа вы все-таки не найдете — ни в самой книге, ни в тех многочисленных свидетельствах, на которых она основана. Заслуга Бхактиведанты в том, что он ничего не утаивал, а заслуга Сат-сварупы — в том, что он по возможности объективно осветил события этого переломного момента истории. Не так часто можно встретить столь глубокое и подробное жизнеописание духовного учителя, положившего начало новому религиозному движению, и, наверное, никогда до этого никто не располагал таким количеством свежего фактологического материала для написания подробной биографии. Те из нас, кто занимается историей религии, будут десятилетиями разрабатывать эту поистине золотиносную жилу.

Некоторые, читая эту книгу, просто наслаждаются захватывающей историей. Другие начнут серьезнее относиться к собственной религии либо станут более ответственны в своих духовных поисках. В любом случае первое издание этой прекрасной биографии религиозного лидера никого не оставит равнодушным.

Томас Д. Хопкинс,
декан факультета религиозных исследований Колледжа Франклина и
Маршалла,
Ланкастер, Пенсильвания

Основные события жизни Шрилы Прабхупады в период с 1896 по 1966 г.

1 сентября 1896 г.

Абхай Чаран Де родился в Толлигандже, пригороде Калькутты

около 1901 г.

Проводит свою первую Ратха-ятру.

около 1902 г.

Начал поклоняться собственным Божествам.

1904 г.

Поступает в бесплатную школу Матти Лала Сила.

около 1912 г.

Смерть матери, Раджани.

1916 г.

Поступает в Колледж Шотландских церквей.

1918 г.

Женится на Радхарани Датта.

1920 г.

Отказывается от диплома и начинает одеваться как последователь Ганди.

1921 г.

Устраивается на работу управляющим отдела в фармацевтической компании доктора Картика Чандры Боуза.

1922 г.

Впервые встречается со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати.

1923 г.

Переезжает с семьей в Аллахабад и открывает там фармацевтическое предприятие «Праяг фармаси».

1925 г.

Впервые посещает Вриндаван.

1928 г.

Встречает в Аллахабаде учеников Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати и помогает им основать отделение Гаудия-матха.

1930 г.

Смерть отца, Гоура Мохана.

28 октября 1932 г.

Едет в Коши, где второй раз встречается со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати.

Ноябрь 1932 г.

Получает посвящение у Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати в Аллахабаде.

1933-1934 гг.

Переезжает в Бомбей с целью открыть собственное фармацевтическое предприятие. Там встречает своих духовных братьев и помогает им открыть отделение Гаудия-матха в Бомбее.

25 февраля 1935 г.

В День явления Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати читает подношение на Вьяса-пуджу в присутствии членов и гостей бомбейского Гаудия-матха.

Ноябрь 1935 г.

Встреча со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати на Радха-кунде.

13 декабря 1936 г.

Шрила Бхактисиддхант Сарасвати пишет Абхаю письмо с просьбой проповедовать послание Господа Чайтаньи на английском языке.

1 января 1937 г.

Уход Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати в Пури.

1938 г.

С семьей переезжает назад в Калькутту, где поселяется в доме номер 6 на Сита-Канта-Банерджи-Лейн.

1939 г.

Духовные братья удостоивают Абхая Чарана Де титула «Бхактиведанта».

Февраль 1944 г.

Начинает издавать в Калькутте журнал «Бэк ту Годхед».

1945 г.

Открывает фармацевтическую фабрику «Абхай Чаран Де и сыновья» в Лакхнау.

7 декабря 1947 г.

Пишет письмо Махатме Ганди.

1948 г.

Рукопись «Гитопанишад» украдена. Потеря фабрики в Лакхнау.

1949 г.

Начинает писать статьи для журнала «Гаудия патрика».

Февраль 1952 г.

В Аллахабаде возобновляет издание «Бэк ту Годхед».

Октябрь 1952 г.

Начало проповеди в Джханси.

1953 г.

Дает посвящение своему первому ученику, Ачарье Прабхакару (в Джханси).

16 мая 1953 г.

День открытия Лиги преданных в Джханси.

1953 г.

Лаборатория в Аллахабаде разграблена.

1954 г.

Оставляет семью.

1955 г.

Уезжает из Джханси в Матхуру.

Июль 1955 г.

Становится редактором журнала «Саджана-тошани», издаваемого Гаудия-сангхой в Дели.

Октябрь 1955 г.

Освобожден от обязанностей в «Саджана-тошани». В одиночку пытается проповедовать в Дели.

Февраль 1956 г.

Вновь начинает издавать «Бэк ту Годхед» в Дели.

Сентябрь 1956 г.

Переезжает в храм Вамши-Гопаладжи во Вриндаване.

Январь 1957 г.

По приглашению Ачарьи Прабхакара посещает с проповедью Бомбей.

Весна 1957 г.

Пытается найти членов для Лиги преданных в Канпуре.

1958 г.

Возвращается в Бомбей, чтобы проповедовать.

Осень 1958 г.

В храме Вамши-Гопаладжи пишет стихотворение «Вриндавана-бхаджана».

20 октября 1958 г.

После двухлетнего перерыва вновь начинает издавать в Дели «Бэк ту Годхед».

Декабрь 1958 г.

Пишет «Вирах-аштаку», посвященную Дню ухода Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати.

17 сентября 1959 г.

В Матхуре принимает санньясу от Кешавы Махараджи.

Начало 1960 г.

Поселяется в храме в Чиппиваде (Дели).

Осень 1960 г.

Издает в Дели свою первую книгу — «Легкое путешествие на другие планеты».

Февраль 1961 г.

День явления Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати. Читает подношение, в котором подвергает резкой критике своих духовных братьев за то, что они не следуют наставлениям гуру.

Июль 1962 г.

Переезжает из храма Вамши-Гопаладжи в храм Радхи-Дамодары во Вриндаване, чтобы работать над «Шримад-Бхагаватам».

Конец 1962 г.

Печатает в Дели первый том Первой песни «Шримад-Бхагаватам».

Начало 1964 г.

Печатает второй том Первой песни «Шримад-Бхагаватам».

Июнь 1964 г.

Встречается с премьер-министром Шастри и дарит ему первый том «Шримад-Бхагаватам».

31 августа 1964 г.

Джанмаштами. Устраивает праздник в храме Радхи-Дамодары, чтобы рассказать гостям о своем издании «Бхагаватам» и о своей миссии проповеди за рубежом.

Январь 1965 г.

Печатает третий том Первой песни «Шримад-Бхагаватам».

Май 1965 г.

Получает от индийского правительства разрешение на поездку на Запад.

10 июня 1965 г.

Получает заграничный паспорт.

Лето 1965 г.

Сумати Морарджи дает Бхактиведанте Свами согласие отправить его в Америку.

28 июля 1965 г.

Получает визу.

13 августа 1965 г.

Отправляется в плавание из Калькутты в Соединенные Штаты.

17 сентября 1965 г.

Прибывает на пирс Содружества в Бостоне.

20 сентября 1965 г.

Приезжает в Батлер, Пенсильвания.

18 октября 1965 г.

Уезжает из Батлера в Нью-Йорк. Останавливается на Риверсайд-Драйв, у доктора Мишры, а затем переезжает в его студию *хатха-йоги* на 72-й Западной улице.

15 февраля 1966 г.

Уезжает от доктора Мишры и начинает давать лекции.

Апрель 1966 г.

Пишущая машинка и диктофон украдены. Переезжает на Бауэри. В этом ему помогает первый серьезный последователь Майкл Грант.

Конец июня 1966 г.

Переезжает в дом номер 26 на Второй авеню. Лекции в помещении магазина привлекают большое количество постоянных посетителей.

11 июля 1966 г.

Основание ИСККОН.

9 сентября 1966 г.

Дает посвящение первым ученикам в Америке.

13 сентября 1966 г.

Первая свадьба в ИСККОН.

Октябрь 1966 г.

Начало регулярных *киртанов* на Вашингтон-сквер. Вновь начинает выходить журнал «Бэк ту Годхед».

Литературные труды Шрилы Прабхупады до 1965 года

«Бэк ту Годхед»

Части I, II, III и IV (1944 г.) «Первый выпуск в день Вьяса-пуджи 1944 г.» (специальный 44-страничный буклет)

«Послание Его Божественной Милости» (перевод с бенгали) «Послание Тхакура Бхактивиноды» (перевод с бенгали) «Обратно к Богу» (редакционная статья)

«Бог и Его энергии»

«Вайшнавизм как вершина теософии»

«Совместное пение имени Бога»

Том I, часть II (октябрь 1944 г.)

«Спасибо правительству Индии»

«Переговоры Ганди и Джинны»

«„Гуманный мир“ г-на Черчилля»

«Сердечное пожелание г-на Бернарда Шоу»

«Спонтанная любовь к Богу»

Том I, часть VIII (февраль 1952 г.) «Издание возобновлено 16 февраля 1952 г.»

«Выход из текущих кризисов при помощи „Бхагавад-гиты“» «Духовный взгляд на алчность»

«Совершенство теософии»

Том I, часть IX (март 1952 г.)

«Парамахамса Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасвати Госвами Махараджа»

«Карма-йога в „Бхагавад-гите“»

«Совершенство теософии» (окончание)

Том III, часть I (1 марта 1956 г.)

«Катастрофа SRC^[32]»

«Украшение мертвого тела»

Том III, часть II (16 марта 1956 г.)

«Кто такой садху?»

«Махатма и махаджана»

«Украшение мертвого тела»

Том III, часть III (5 апреля 1956 г.)

«Низшие из людей»

«Господь Шри Чайтанья: Его деятельность на благо человечества»

Том III, часть IV (20 апреля 1956 г.)

«Философские проблемы в общественном сознании» «Творение без Бога: опасная атеистическая теория» «...Из фантазий созданы одних»
«Деятельность на благо человечества»

Том III, часть V (5 мая 1956 г.)

«Человеческие страдания: виновато ли Провидение?» «Идея всеобщего братства»
«Господь Будда: символ теизма»

Том III, часть VI (20 мая 1956 г.)

«Ягья, или жертвоприношение Всевышнему: идея бесклассового общества»
«Как распространить учение „Бхагавад-гиты“»
«Выращивайте больше пищи»

Том III, часть VII (5 июня 1956 г.)

«Религия истинная и ложная»
«Восемь строф Господа Чайтаньи Махапрабху» «Чистота в поведении: основной принцип цивилизации»
«Как распространить учение „Бхагавад-гиты“» (часть 2)

Том III, часть VIII (29 июня 1956 г.)

«Где же Бог? Можно ли Его увидеть?»
«Шри Мехер Баба»
«Национализм в чистом сознании»
«Обратно к Богу»
«Гитопанишад»
«„Чайтанья-чаритамрита“ на хинди»

Том III, часть IX (5 октября 1956 г.)

«В надежде на чудо»
«Растущие амбиции и неутоленное вождение»
«Автобиография успешного семьянина»

Том III, часть X (20 октября 1956 г.)

«Шри Кришна, верховный „ведантист“»
«Восемнадцать принципов вселенской философии, основанной на Ведах»
«Подписчикам и благожелателям журнала „Бэк ту Годхед“ в Индии и за рубежом»

Том III, часть XI (5 ноября 1956 г.)

«Важнейшее служение»

«Рациональный теизм»

Том III, часть XII (20 ноября 1956 г.)

«Что такое порок и какова его власть над людьми»

«Настоятельная потребность»

«Ошибки в изданиях „Гита-пресс“, Горакхпур»

«Потребность в молитве»

Том III, часть XIII (20 октября 1958 г.)

«Молитвы царя Кулашекхары»

«Препятствия на пути преданного служения»

«Обманутые ученые»

«Всемирный союз граждан»

Том III, часть XIV (20 ноября 1958 г.)

«Истина и красота»

«Критерий нравственности»

«Обманутые ученые» (продолжение)

Том III, часть XV (20 февраля 1960 г.)

«Антиматериальный мир, или царство Бога»

Том III, часть XVI (20 марта 1960 г.)

«Природа Господа Чайтаньи»

Том III, часть XVII (5 апреля 1960 г.)

«Разнообразие планетных систем»

«Виды преданного служения»

Том III, часть XVIII (20 апреля 1960 г.)

«Актуальные вопросы»

«Английские переложения некоторых вайшнавских песен»

«Безбожная цивилизация»

Том III, часть XIX (5 мая 1960 г.)

«„Чайтанья-чаритамрита“. Эссе и текст»

«Бхакти-расамрита-синдху»

Том III, часть XX (20 мая 1960 г.)

«Бхакти-расамрита-синдху» (продолжение)

«Лидеры общества со всего мира объединяются, чтобы противостоять угрозам безбожной цивилизации»

«„Чайтанья-чаритамрита“. Эссе и текст» (продолжение)

Том III, часть XXI (5 июня 1960 г.)
«Бхакти-расамрита-синдху» (продолжение)
«„Чайтанья-чаритамрита“. Эссе и текст» (продолжение)

Том III, часть XXII (5 июля 1960 г.)
«Бхакти-расамрита-синдху» (продолжение)
«„Чайтанья-чаритамрита“. Эссе и текст» (продолжение)

Том III, часть XXIII (20 июля 1960 г.)
«Санатана-дхарма — религия всех живых существ»
«Шри Ишопанишад»

Том III, часть XXIV (5 августа 1960 г.)
«Шри Ишопанишад» (продолжение)

Том IV, часть I (5 сентября 1960 г.)
«Шри Ишопанишад» (продолжение)

«Легкое путешествие на другие планеты»
Дели, Лига преданных (1960 г.)

«Гaudия патрика» (на бенгали)
Том I, № 2 (апрель 1949 г.)
«Благодарность Кешаве Махарадже за первый выпуск журнала „Гaudия“»

Том I, № 5 (июль 1949 г.)
«Ответы на вопросы Шриюкты Джитендры Нараяны Васу»

Том I, № 6 — том II, № 8 (август 1949 г. — октябрь 1950 г.)
«О Верховном Господе»

Том III, № 1 — том IV, № 8 (март 1951 г. — октябрь 1952 г.)
«О бхакти-йоге»

Том IV, № 9 и 10 (ноябрь и декабрь 1952 г.)
«О гьяна-йоге» (продолжение в томе VI, № 10)

Том V, № 1 (февраль 1953 г.)
«Игра в отречение»

Том V, № 2 (апрель 1953 г.)
«Обзор некоторых книг»
«Критика „лила-киртана“»

Том V, № 4 (июнь 1953 г.)

Статья об открытии Лиги преданных — 16 мая 1953 г.

Том V, № 7 (сентябрь 1953 г.)

«Великодушные Господа Чайтаны»

Том VI, № 10 — 12 (декабрь 1954 г. — февраль 1955 г.)

«О гьяна-йоге» (продолжение)

Том VII, № 6 и 7 (август и сентябрь 1955 г.)

«Жизнь бхагаваты»

Том VII, № 8 (октябрь 1955 г.)

«Материальная жизнь»

Том VII, № 11 (январь 1956 г.)

«Преданность Гопаннары (великого преданного Господа Рамачандры)»

Том IX, № 1 и 2 (март и апрель 1957 г.)

«Шри Кришна, знаток Вед»

Том IX, № 3 (май 1957 г.)

«Ошибка „Гита-пресс“»

Том IX, № 6 — 8 (август — октябрь 1957 г.)

«Сущность и мера греха»

Том IX, № 12 (февраль 1958 г.), а также том X, № 3, 4, 5, 8 и 12 (май 1958 г. — февраль 1959 г.)

«Ошибка мудрецов (критический обзор комментариев д-ра Радхакришнана к „Бхагавад-гите“)»

Том X, № 9 и 10 (ноябрь и декабрь 1958 г.)

«Вриндавана-бхаджана»

Том X, № II (февраль 1959 г.)

«Вирах-аштака (восемь строф о разлуке с Бхактисиддхантой Сарасвати)»

Том XI, № 1 и 2 (март и апрель 1959 г.)

«Падший брахман, или „Бедный Нараяна“; ответ на статью д-ра Шри Налиниранджаны Сена»

Том XI, № 3 (май 1959 г.)

«Крошечное живое существо и Верховный Господь»

Том XI, № 4 и 5 (июнь и июль 1959 г.)

«Духовное небо»

Том XI, № 8 (октябрь 1959 г.)

«Молитвы царя Кулашекхары»

Статья о принятии *санньясы*

Том XI, № 9 (ноябрь 1959 г.)

«Молитвы царя Кулашекхары» (продолжение)

Том XI, № 12 (февраль 1960 г.)

«Ученые обнаружили обитель Верховного Господа (*дхаму*)»

Том XIV, № 4,7 и 8 (июнь, сентябрь и октябрь 1962 г.)

«Шри Гита-гана»

«Шримад-Бхагаватам», том I

Дели, Лига преданных (1962 г.)

«Шримад-Бхагаватам», том II

Дели, Лига преданных (1964 г.)

«Шримад-Бхагаватам», том III

Дели, Лига преданных (1965 г.)

ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, НАБРОСКИ^[3]

Опубликованные

1936 г.

«Подношение на Шри Вьяса-пуджу» (стихотворение, опубликовано в журнале «Хармонист», том XXXII, № 12 — 13)

«Вьяса-пуджа» (там же)

«Цивилизация, сбившаяся с пути» («Хармонист», том XXXIII, № 3)

1953 г.

«Проповедники индуизма» («Амрита базар патрика», 7 июля 1953 г.)

«Лига преданных» (проспект, 16 мая 1953 г.)

1962 г.

«Как развивать человеческий дух», в 2 частях (конспект лекции, запланированной для международной конференции «За духовное развитие человека» в Токио, 1961 г.; опубликован в журнале «Мать», том V, № 2-3)

1964 г.

«Воссоздание человека» («Индийская философия и культура», том IX)

1965 г.

«„Шримад-Бхагаватам“ — послание мира и доброй воли из Индии»
(рекламный проспект)

Неопубликованные

1939 г.

«Введение в „Гитопанишад“»

1950 г.

«Выход из текущих кризисов при помощи „Бхагавад-гиты“» (набросок лекции)

1951 г.

«Человек — сам кузнец своего счастья ...»

1952 г.

«Духовный взгляд на алчность. Черный рынок с точки зрения „Бхагавад-гиты“» (частично опубликована в «Бэк ту Годхед», том I, часть VIII)

«Анализ „Бхагавад-гиты“» (набросок)

«Дар Господа Чайтаньи людям мира» (набросок)

Безымянный очерк, посвященный Бхактисиддханте Сарасвати

1953 г.

«Божественность Господа Чайтаньи»

«Лига преданных. Правила и предписания»

1955 г.

«Послание Бога»

1956 г.

«Концепция Гита-Нагари» (в двух вариантах; частично опубликована в «Бэк ту Годхед», том III, часть VI, под названием «Как распространить учение „Бхагавад-гиты“»)

1957 г.

«Борец за мир во всем мире и „Бхагавад-гита“. Встреча с губернатором Бихара»

«Что случилось с миром?» (рецензия на лекцию К.М. Мунши в «Бхаратия видья бхаване» 16 февраля 1957 г.)

«„Шри Чайтанья-чаритамрита“. Эссе и текст»^[34]. Части 1 и 2 (частично опубликована в «Бэк ту Годхед», том III, части XVI, XIX — XXII)

1958 г.

«Молитвы царя Кулашекхары („Мукунда-мала“» (частично опубликована в «Бэк ту Годхед», том III, часть XIII)

«Шактипуджа» (рецензия на брошюру Байдьянатха Сиркара)

«Истина и красота» (частично опубликована в «Бэк ту Годхед», том III, часть XIV)

«Култ Господа Чайтаньи»

«„Шри Чайтанья-чаритамрита“. Эссе и текст». Часть 3

1959 г.

«„Шри Чайтанья-чаритамрита“. Эссе и текст». Части 4 и 5

1960 г.

«Замечание относительно вишва-дхармы»

1961 г.

«Вайшиштьяштака» «Свет бхагаваты»

Недатированные

«„Бхагавад-гита“ — некоторые цифры и факты» «Бхакти-расамрита-синдху», перевод и комментарии первых 46 стихов (частично опубликована в «Бэк ту Годхед», том III, части XIX — XXII)

«В поисках высшей цели жизни»

«Господь Чайтанья. Его санньяса и движение санкиртаны»

«Молитвы духовному учителю» (комментарий к «Гурв-аштаке» Вишванатхи Чакраварти Тхакура)

«Освобождение на практике»

«Преданный и божественность»

Предисловие к «Бхагавад-гите» (фрагмент)

«Рациональный теизм» (план предполагаемой книги) «Религия значит праведная жизнь»

«Совершенство в домашних условиях. Новое предложение для падшего человечества»

«Толкования „Бхагавад-гиты“»

Молитва лотосным стопам Кришны

(припев)

*кршна таба пунйа хабе бхаи
э-пунйа корибе джабе радхарани кхуси хабе
дхрува ати боли тома таи*

О братья, истинно говорю вам: Верховный Господь Кришна пошлет вам удачу только тогда, когда вами будет довольна Шримати Радхарани.

*шри-сиддханта сарасвати, шачи-сута прийа ати,
кршна-себайа джара тула наи
сеи се моханта-гуру, джагатер мадхе уру,
кршна-бхакти дей тхаи тхаи*

Шри Шримад Бхактисиддханта Сарасватй Тхакур очень дорог Господу Гауранге, сыну Шачидеви. Нет никого, кто был бы равен ему в преданном служении Верховному Господу Шри Кришне. Он — тот великий и святой духовный учитель, который дарует людям всего мира глубокую преданность Кришне.

*тара иччха балаван, пашчатйете тхан тхан,
хой джате гаурангер нам
пртхивите нагаради, асамудра нада нади,
сакалеи лой кршна нам*

Силою его горячего желания святое имя Господа Гауранги станет известно всему западному миру. В деревнях, в больших и маленьких городах, на океанах и морях, на больших и малых реках — везде будут петь святое имя Кришны.

*тахале ананда хой, табе хой диг-виджай,
чаитанйер крпа атишай
майа душта джата духкхи, джагате сабаи сукхи,
ваишнавер иччха пурна хой*

Когда Шри Чайтанья Махапрабху покорит Своей безграничной милостью все стороны света, потоки трансцендентного экстаза зальют землю. Когда же все грешные и несчастные живые существа обретут счастье, сбудется мечта вайшнавов.

*се карджа дже корибаре, аджна джади дило море,
джогйа нахи ати дина хина
таи се томара крпа, магитечхи анурупа,*

аджи туми сабар правина

Хотя мой Гуру Махараджа возложил на меня эту миссию, я совершенно недостойн этого и не способен исполнить ее. Я падший и никчемный человек. Поэтому, о Господь, я молю Тебя о малости: даруй мне способность исполнить эту миссию. Только Ты можешь помочь мне, ибо нет никого мудрее и искуснее Тебя.

*томара се шакти пеле, гуру-себайа басту миле,
джибана сартхак джади хой
сеи се сева паиле, тахале сукхи хале,
таба санга бхагйате милой*

Тот, кого Ты наделишь Своей силой, добьется полного успеха в жизни, ибо, служа духовному учителю, он постигнет Абсолютную Истину. Тот же, кто получит доступ к этому служению, исполнится счастья и, если ему улыбнется удача, обретет возможность общаться с Тобой.

*эвам джанам нипатитам прабхавахи-купе
камабхи камам ану йах прапатам прасангат
кртватмасат сураршина бхагаван грхитах
со 'хам катхам ну висрдже тава бхртйа-севам*

«О мой Господь, о Верховная Личность Бога, лелея в сердце материальные желания, которые приходили одно за другим, я шел той же дорогой, что и все, с каждым шагом приближаясь к темному колодцу, кишашему змеями. Но Твой слуга Нарада Муни милостиво сделал меня своим учеником и объяснил, как достичь трансцендентного положения. Поэтому моя первейшая обязанность — служить ему. Могу ли я перестать служить ему?»^[35]

*туми мор чира сатхи, бхулийа майар латхи,
кхаййачхи джанма-джанмантаре
аджи пунах э суджога, джади хой джогаджога,
тубе пари тухе милибаре*

О Господь Кришна, Ты мой вечный спутник. Забыв Тебя, я жизнь за жизнью страдал под ударами майи. Но если сегодня мне доведется вновь встретиться с Тобой, я уже не покину Тебя.

*томара милане бхаи, абар се сукха паи,
гочаране гхури дин бхор
ката бане чхутачхути, бане кхаи лутапути,
сеи дин кабе бабе мор*

Дорогой друг, рядом с Тобой я буду вновь несказанно счастлив. Ранним утром я буду бродить по полям и пастбищам, бегать и резвиться в лесах Враджа и, впав в духовный экстаз, кататься по земле. О, когда же наступит этот день?

*аджи се субидхане, томара смарана бхела,
баро аша дакилам таи
ами томара нитйа-даса, таи кори эта аша,
туми бина анйа гати наи*

Такие мысли о Тебе посетили меня сегодня, и не было ничего чудесней этого. Охваченный глубокой тоской, я взываю к Тебе. Я Твой вечный слуга, и потому я так жажду Твоего общества. О Господь Кришна, Ты — единственный путь к успеху.

Маркине бхагавата-дхарма

(написано в порту Бостона 18 сентября 1965 года)

*баро-крпа каиле кришна адхамер прати
ки лагийаниле хетха коро эбе гати*

Мой дорогой Господь Кришна, Ты необыкновенно милостив к этой никчемной душе, но я не знаю, зачем Ты привел меня сюда. Теперь Ты можешь делать со мной все, что пожелаешь.

*ачхе кичху карджа таба эи анумане
нахе кено анибен эи угра-стхане*

Я догадываюсь, однако, что здесь у Тебя есть какое-то дело, иначе зачем бы Ты привел меня в это ужасное место?

*раджас тамо гуне эра сабаи аччханна
басудеб-катха ручи нахе се прасанна*

Большинство живущих здесь людей находится в плену материальных гун невежества и страсти. Поглощенные материальной деятельностью, они считают себя очень счастливыми. Они вполне довольны своей жизнью и потому равнодушны к трансцендентному посланию Васудевы. Я не уверен, смогут ли они понять его.

*табе джади таба крпа хой ахаитуки
сакал-и самбхава хой туми се каутуки*

Но я знаю, что по Твоей беспричинной милости и невозможное возможно, ибо Ты — самый искусный мистик.

*ки бхаве буджхале тара буджхе сеи раса
эта крпа коро прабху кори ниджа-баша*

Смогут ли они ощутить сладость преданного служения? О Господь, я уповаю только на Твою милость и молю Тебя помочь мне убедить этих людей в истинности Твоего учения.

*томара иччхайа саба хой майа-баша
томара иччхайа наша майар параша*

По Твоей воле все живые существа оказались во власти иллюзорной энергии, и по Твоей же воле, если Тебе будет угодно, они смогут освободиться от оков иллюзии.

*таба иччха хой джади тадера уддхар
буджхибе нишчаи табе катха се томар*

Прошу Тебя, спаси их. Они смогут понять Твое послание только в том случае, если Ты пожелаешь даровать им освобождение.

*бхагаватер катха се таба аватар
дхира хаийа шуне джади кане бар бар*

Слова «Шримад-Бхагаватам» — это Твое воплощение, и благодаря постоянному и смиренному слушанию «Бхагаватам» любой здравомыслящий человек сможет понять Твое послание.

*шрнватам сва-катхах кршнах
пунйа-шравана-киртанах
хрдй антах-стхо хй абхадрани
видхуноти сухрт сатам*

*нашта-прайешв абхадрешу
нитйам бхагавата-севайа
бхагаватй уттама-шлоке
бхактир бхавати нашитхики*

*тада раджас-тамо-бхавах
кама-лобхадайаш ча йе
чета этаир анавиддхам
стхитам саттве прасидати*

*эвам прасанна-манасо
бхагавад-бхакти-йогатах
бхагават-таттва-виджнанам
мукта-сангасйа джайате*

*бхидйате хрдайа-грантхиш
чхидйанте сарва-самшайах
кшийанте часйа кармани
дршта эватманишваре*

В «Шримад-Бхагаватам» (1.2.17-21) говорится: «Шри Кришна, Личность Бога, который как Параматма [Сверхдуша] пребывает в сердце каждого и

является благодетелем честных преданных, очищает сердце преданного от стремления к материальным наслаждениям, когда у того развивается потребность слушать Его послания. Послания Кришны добродетельны сами по себе, если их правильно слушают и повторяют. Благодаря регулярному посещению лекций по „Бхагаватам“ и служению чистому преданному все дурное в сердце почти полностью уничтожается, и тогда любовное служение Верховному Господу, воспеваемому в трансцендентных песнях, становится необратимым. Из сердца, в котором бесповоротно воцарилось любовное служение Господу, сразу уходят вожделение, жадность и прочие порождения гун страсти и невежества. Тогда преданный утверждает в благодати и обретает полное счастье. Утвердившись таким образом в гуне беспримесной благодати и освободившись от любого материального общения, человек, ум которого оживлен соприкосновением с преданным служением Господу, обретает позитивное научное знание о Личности Бога. Так разрубается узел в сердце и вдребезги разбиваются все сомнения. Цепь кармической деятельности обрывается, когда человек видит своего Повелителя».

*раджас тамо хате табе паибе нистар
хрдайер абхадра саб гхучибе тахар*

Он избавится от влияния гун невежества и страсти, и все неблагоприятное, таящееся в глубине его сердца, исчезнет безвозвратно.

*ки ко'ре буджхабо катха баро сеи чахи
кхудра ами дина хина коно шактеи нахи*

Как же мне донести до них учение сознания Кришны? Я неудачливый, никчемный и падший человек. Поэтому я прошу Твоего благословения: только с Твоего благословения я смогу убедить их, сам же я не в силах справиться с этой задачей.

*атхача энечхо прабху катха болибаре
дже томар иччха прабху коро эи баре*

Так или иначе, о Господь, Ты привел меня сюда, чтобы я рассказал о Тебе этим людям. И теперь, мой Господь, только от Тебя зависит, чем закончится эта попытка — успехом или неудачей. На все Твоя воля.

*акхила джагат-гуру! бачана се амар
аланкрта корибар кхамата томар*

О духовный учитель всех миров! Я могу только повторять Твое послание. Сделай же, если Ты того желаешь, так, чтобы они поняли меня.

таба крна ха'ле мор катха шуддха хабе
шунийа сабара шока духкха дже гхучибе

Только по Твоей беспричинной милости мои слова обретут чистоту. Я уверен, что, проникнув в сердца людей, это трансцендентное послание наполнит их радостью, и люди избавятся от всех своих бед и страданий.

анийачхо джади прабху амаре начате
начао начао прабху начао се-мате
каштхера путтали джатха начао се-мате

О Господь, я— марионетка в Твоих руках. И раз уж Ты привел меня сюда танцевать, так заставь, заставь меня танцевать, о Господь, заставь меня танцевать, как Ты этого хочешь!

бхакти наи беда наи наме кхуб даро
'бхактиведанта' нам эбе сартхак коро

У меня нет ни преданности, ни знаний, но я твердо верю в святое имя Кришны. Меня называли Бхактиведантой, и теперь, если пожелаешь, Ты поможешь мне оправдать истинный смысл этого имени.

Самый несчастный и ничтожный нищий
А.Ч. Бхактиведанта Свами.
Написано на борту корабля «Джаладута»,
пирс Содружества, Бостон, штат Массачусетс, США.
18 сентября 1965 года

Словарь имен и терминов

Аватара (*аватара*) — воплощение Бога в материальном мире.

Агьяни (*аджнани*) — человек, пребывающий в невежестве.

Адвайта Ачарья (*Адвайта Ачарья*) — один из ближайших спутников Шри Чайтаньи Махапрабху, молившийся о Его нисшествии на Землю.

Ади-Ганга (*Ади Ганга*) — изначальное русло Ганги, по которому она протекала через Калькутту.

Ананта-Шеша (*Ананта Шеша*) — воплощение Бога в виде тысячеголового змея.

Арати (*арати*) — церемония приветствия Господа, сопровождающаяся пением *мантр*, во время которой Ему предлагают светильник, веер, цветы и благовония.

Арджуна — близкий друг Кришны, которому Кришна поведал «Бхагавад-гиту».

Арья-самаджа (*Арья-самаджа*) — религиозно-реформаторское и просветительское общество в Индии, основанное в 1875 году Даянандой Сарасвати. Последователи этого общества провозглашают себя приверженцами четырех Вед, при этом отвергая все остальные ведические писания.

Ачарья (*ачарья*) — совершенный духовный учитель, который учит своим примером.

Ашрамы (в ед.ч. *ашрама*) — четыре этапа или уклада жизни, рекомендованные Ведами: ученичество (*брахмачарья*), семейная жизнь (*грихастха*), жизнь человека, удалившегося от дел (*ванапрастха*), и жизнь, связанная с отречением от мира (*санньяса*). Кроме того, *ашрамом* называется место, где живут люди, занимающиеся духовной практикой.

Аюрведический — относящийся к Аюрведе, традиционной индийской медицине, основанной на ведических писаниях.

Бабаджи (*бабаджи*) — преданный, отрекшийся от мира и живущий в уединении.

Бабу (*бабу*) — уважительное обращение к мужчине («господин»).

Баладева — первая экспансия Верховной Личности Бога; старший брат Господа Кришны.

Баларама (*Баларама*) — см. Баладева.

Басти (*басти*) — трущобы.

Бати-чарчари (*бати чарчари*) — блюдо из обжаренных в масле овощей.

Бетель — вечнозеленое многолетнее растение. Листья бетеля используются в качестве тонизирующего средства.

Биди (*биди*) — маленькие самодельные сигареты из листьев.

Божество — форма, которую принимает Господь, чтобы стать доступным взору поклоняющегося; изображение Бога, созданное из материальных

элементов.

Брахман — Высший Дух; как правило, под Брахманом подразумевается *брахмаджьоти*, безличное проявление Абсолюта.

Брахманы (в ед.ч. *брахмана*) — священнослужители и учителя; первое сословие в ведической системе общественного устройства.

«**Брахма-самхита**» (*Брахма-самхита*) — богооткровенное писание, в котором Брахма, творец этой вселенной, излагает суть учения Вед и воспекает Верховную Личность Бога.

Брахмачари (*брахмачари*) — ученик, постигающий духовную науку под руководством гуру и хранящий безбрачие (*брахмачарью*).

Будда (*Буддха*) — воплощение Бога. Господь Будда отверг авторитет Вед, чтобы сбить с толку атеистов и прекратить принесение в жертву животных.

«**Бхагавад-гита**» (*Бхагавад-гита*) — «Песнь Бога», одно из важнейших священных писаний, в котором Сам Кришна раскрыл все основные ведические истины.

Бхагавата-дхарма (*бхагавата-дхарма*) — наука преданного служения Верховному Господу (*Бхагавану*).

«**Бхагаватам**» (*Бхагаватам*) — см. «Шримад-Бхагаватам».

Бхагават-прасад (*бхагавата-прасадам*) — см. Прасад.

Бхаджан (*бхаджана*) — уединенное служение Господу.

Бхаджана-кутир (*бхаджана-кутир*) — небольшая хижина, в которой живет и поклоняется Господу вайшнав, отрекшийся от мира.

Бхаджаны (в ед.ч. *бхаджана*) — «песни преданности»; песни, в которых воспевается Господь.

Бхакта — см. Преданный.

Бхакти (*бхакти-йога*) — преданное служение Верховному Господу.

Бхактиведанта Свами — титул, полученный Шрилой Прабхупадой при посвящении в санньясу.

Бхактивинода Тхакур (*Бхактивинода Тхакура*) (1838-1914) — выдающийся ачарья Гаудия-вайшнавов, положивший начало проповеди учения Шри Чайтаньи Махапрабху за пределами Индии. Автор многочисленных духовных произведений на разных языках, отец и наставник Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура.

Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур (*Бхактисиддханта Сарасвати Тхакура*) (1874-1937) — могущественный проповедник учения Господа Чайтаньи, духовный учитель А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады.

Бханги — неприкасаемый.

Бхуванешвар (*Бхуванешвара*) — древний город в штате Орисса, неподалеку от Джаганнатха-Пури.

Вайкунтха (*Ваикунтха*) — духовный мир, буквально «место, где нет тревог». Так же называют и отдельные планеты духовного мира.

Вайшнав (*ваишнава*) — преданный слуга Всевышнего (Вишну, Кришны, Рамачандры или других форм Бога).

Вайшьи (в ед.ч. *ваишья*) — крестьяне и торговцы, третье сословие в ведической системе общественного устройства.

Ванапрастха (*ванапрастха*) — человек, отошедший от семейной жизни и всех мирских занятий и посвятивший себя духовному самосовершенствованию.

Веданги (в ед.ч. *веданга*) — священные писания ведического канона, представляющие собой дополнения к четырем основным Ведам.

«**Веданта-сутра**» (*Веданта-сутра*), или «Брахма-сутры», — произведение Шрилы Вьясадевы, в котором в сжатой форме изложено учение Вед.

Ведический — основанный на Ведах.

Веды — изначальные богооткровенные писания.

Век Кали — см. Кали-юга.

Вишварупа (*Вишварупа*) — старший брат Господа Чайтаньи.

Вишну (*Вишну*) — экспансия Кришны, которая создает и поддерживает материальные вселенные.

Враджа-васи (*враджа-васи*) — житель Враджа.

Враджа-мандала (*Враджа-мандала*) — святое место, область в Центральной Индии, где проходили ранние игры Кришны.

Врадж, Враджабхуми (*Враджа, Враджабхуми*) — см. Вриндаван.

Вриндаван (*Врндавана*) — вечная обитель Господа Кришны, деревня на Земле, в которой Он пять тысяч лет назад проводил Свои детские игры.

Вриндавана-Чандра (*Врндавана-Чандра*) — одно из имен Кришны, буквально означающее «Луна Вриндавана».

Вьясадева (*Вйасадева*) — воплощение Господа Кришны, великий мудрец. В начале Кали-юги записал Веды и составил большинство пуран, «Веданта-сутру» и «Махабхарату».

Вьяса-пуджа (*вйаса-пуджа*) — празднование дня явления духовного учителя, которому поклоняются как представителю Вьясадевы.

Ганга (*Ганга*) — священная река в Северной Индии.

Ганджа (*ганджа*) — марихуана.

Ганеша (*Ганеша*) — один из сыновей Господа Шивы; ему поклоняются, чтобы устранить материальные препятствия.

Гаудия-вайшнав (*Гаудийа ваишнава*) — последователь Чайтаньи Махапрабху.

Гаудия-матх (*Гаудийа матха*) — миссия, основанная Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати Тхакурom для распространения сознания Кришны.

Гауракишора дас Бабаджи (*Гауракишора даса Бабаджи*) (1838-1915) — духовный учитель Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура.

Гауранга (*Гауранга*) — одно из имен Господа Чайтаньи; буквально «тот, чье тело золотого цвета».

Гаури-Шанкара (*Гаури-Шанкара*) — храм Господа Шивы и его супруги в Старом Дели.

Гаятри (*гайатри*) — ведическая *мантра*, которую *брахманы* повторяют трижды в день.

Ги — очищенное топленое масло, используемое в приготовлении пищи, а также при проведении жертвоприношений.

«**Гита**» (*Гита*) — см. «Бхагавад-гита».

«**Гитопанишад**» (*гитопанишад*) — см. «Бхагавад-гита».

Говардхана — священный холм недалеко от Вриндавана, место, где проходили многие из ранних игр Кришны.

Говинда — одно из имен Верховного Господа, Кришны, которое означает «тот, кто приносит радость земле, коровам и чувствам».

Гокула — деревня, в которой Господь Кришна провел Свои ранние детские годы.

Голока Вриндавана (*Голока Врндавана*) — высшая из всех планет духовного мира, на которой живет Сам Кришна.

Гопи (*гопи*) — девушки и женщины из пастушеских семей Вриндавана. Все они принадлежат к числу самых возвышенных преданных Кришны.

Госвами (*госвами*) — «тот, кто владеет своими чувствами», титул *санньяси*.

Грихастха (*грхастха*) — семейная жизнь, которая строится в соответствии с предписаниями Вед; человек, ведущий такой образ жизни.

«**Гурв-аштака**» (*Гурв-аштака*) — молитва во славу духовного учителя, написанная Вишванатхой Чакраварти Тхакурором.

Гуру — духовный учитель.

Гурукула — школа духовного учителя.

Гуру Махараджа (*Гуру Махараджа*) — почтительное обращение к духовному учителю.

Гхат (*гхата*) — место для омовения на берегу реки или озера.

Дакка — столица Бангладеш; в прошлом — часть Бенгалии.

Дал (*дал*) — пряный суп из бобовых.

Дамодара (*Дамодара*) — одно из имен Господа Кришны.

Данда (*данда*) — посох, который носят *санньяси*.

Дандават (*дандават*) — поклон, которым преданный выражает свое почтение Божеству или духовному учителю, падая ниц перед ними.

Даршан (*даршана*) — лицезрение Божества или святого человека.

Дварака (*Дварака*) — одна из основных обителей Господа Кришны, существующих и в духовном мире, и на Земле; город на западе Индии, который был столицей царства Кришны.

Деванагари (*деванагари*) — графическая система, которой пользуются для записи санскрита и хинди.

Джаганнатха (*Джаганнатха*) — «Владыка Вселенной», имя Кришны и одна из наиболее известных Его форм. Самый большой и древний храм Джаганнатхи расположен в городе Пури (индийский штат Орисса).

Джанмаштами (*Джанмаштами*) — День явления Господа Кришны.

Джапа — негромкое повторение святых имен Кришны.

Джата-госани — представители псевдовайшнавской секты, по учению которой рождения в семье святого достаточно, чтобы самому считаться святым.

Джая Радхе! — возглас, означающий: «Слава Шримати Радхарани!»

Джива (*джива*) — живое существо, крошечная частица Верховного Господа, индивидуальная душа.

Дикша (*дикша*) — посвящение в ученики.

Духовные братья — ученики одного духовного учителя.

Дхама (*дхама*) — обитель Верховного Господа.

Дхарма — неотъемлемое качество чего-либо; вечное, естественное предназначение живого существа; долг, обязанности человека; мирская религиозность.

Дхармашала (*дхарма-шала*) — постоянный двор для паломников в Индии.

Дхоти (*дхоти*) — традиционная индийская мужская одежда, представляющая собой кусок ткани, особым образом обернутый вокруг бедер.

Индрапрастха — древняя столица Пандавов (находилась на месте нынешнего Дели).

Инициация — см. Дикша.

ИСККОН (от англ, аббревиатуры ISKCON — International Society for Krishna Consciousness) — Международное общество сознания Кришны.

Йог (*йоги*) — трансценденталист, стремящийся к воссоединению со Всевышним.

Йога — разные виды духовной практики, соединяющей сознание живого существа с Господом.

Кали-юга (*Кали-йуга*), век Кали, — текущая эпоха, эпоха вражды и лицемерия; последняя в цикле четырех юг, периодически сменяющих друг друга. Кали-юга длится 1 200 лет по летоисчислению полубогов, или 432 000 солнечных лет, и началась она около пяти тысяч лет назад.

Камса (*Камса*) — демонический царь, дядя Кришны по материнской линии. Камса с самого рождения Кришны пытался уничтожить Его, но в конце концов был убит Кришной.

Кантхи-мала (*кантхи-мала*) — бусы из дерева *туласи*, которые преданные Господа Кришны носят на шее.

Караталы (в ед.ч. *каратала*) — ударный музыкальный инструмент, представляющий собой две небольшие бронзовые тарелочки.

Карма — действия, совершаемые ради наслаждения их плодами, а также последствия такой деятельности.

Карма-йога — деятельность в преданном служении; деятельность в соответствии с правилами и предписаниями Вед.

Карттика (*карттика*) — месяц индийского календаря (октябрь-ноябрь), считается особенно благоприятным для духовной практики.

Касба (*касба*) — «мусульманская» часть города или деревни в Индии.

Качори (*качаури*) — круглый жареный пирожок с пряной начинкой.

Кешаваджи-гаудия-матх (*Кешаваджи гаудийа матх*) — матх, основанный Бхактипрагьяной Кешавой Махараджей в Матхуре, где Шрила Прабхупада получил посвящение в санньясу.

Кеши (*Кеши*) — демон в обличье коня, убитый Господом Кришной во Вриндаване.

Кеши-гхат (*Кеши гхата*) — место во Вриндаване на берегу Ямуны, где пять тысяч лет назад Господь Кришна убил демона Кеши.

Ки джая (*ки джайа*) — возглас, указывающий на прославление кого-либо.

Киртан (*киртана*) — один из основных методов преданного служения, заключающийся в пении святых имен Верховного Господа и прославлении Его.

Кичри (*кхичари*) — блюдо из риса и бобовых.

Кришна (*Кршна*) — Верховная Личность Бога в Своем изначальном духовном образе. Источник всех экспансий и *аватар*.

Кришна-бхакта (*кршна-бхакта*) — преданный Господа Кришны.

Кришна-бхакти (*кршна-бхакти*) — преданность Господу Кришне. См. Бхакти.

Кришна-катха (*кршна-катха*) — обсуждение тем, связанных с Верховным Господом.

Кришна-лила (*кршна-лила*) — деяния Господа Кришны.

См. Лилы.

Кришна-нама (*кршна-нама*) — святое имя Господа Кришны.

Кумбха-мела (*кумбха-мела*) — священный праздник, отмечаемый раз в двенадцать лет в Праяге (Индия).

Курта (*курта*) — свободная мужская рубашка на выпуск.

Куша (*куша*) — трава, разновидность осоки, из которой изготавливаются ритуальные подстилки для сидения.

Кхади (*кхади*) — домотканый хлопок.

Кшатрии (в ед.ч. *кшатрийа*) — воины и правители, второе сословие в ведической системе общественного устройства.

Лакх — сто тысяч.

Лакшми (*Лакшми*) — богиня процветания, вечная супруга Господа Нараяны.

Лилы (в ед.ч. *лила*) — приносящая блаженство трансцендентная деятельность Господа и Его преданных.

Лота (*лота*) — небольшой сосуд для воды.

Магха-мела (*магха-мела*) — праздник, иначе называемый «малая Кумбха-мела»; в отличие от последней, проводится каждый год.

Мадхавендра Пури (*Мадхавендра Пури*) — великий святой XIV-XV веков, гуру Ишвары Пури, духовного учителя Чайтаньи Махапрабху.

Мадхва — великий духовный учитель-вайшнав, проповедовавший теистическую философию дуализма в XIII веке.

Мадхва-гаудия-вайшнав (*Мадхва гаудийа ваишнава*) — см. Гаудия-вайшнав.

Майя (*майа*) — иллюзия; так называют, главным образом, низшую энергию Верховного Господа, во власти которой находится материальный мир.

Майявада (*майавада*) — философия имперсонализма.

См. Майявади.

Майявади (*майавади*) — философы, которые называют себя последователями той или иной религиозной традиции, однако не признают, что Абсолют является личностью и что существует вечный духовный мир, исполненный разнообразия.

Майяпур (*Майапур*) — город в Западной Бенгалии, место рождения Господа Чайтаньи.

Майя-самсара (*майа-самсара*) — см. Самсара.

Мангала-арати (*мангала-арати*) — ежедневная служба в ведических храмах, которую проводят до восхода солнца.

См. Арати.

Мандир (*мандира*) — храм.

Мантра — трансцендентный звук, который освобождает ум от влияния иллюзии.

Мантра-йога — метод самоосознания, заключающийся в слушании и повторении святого имени Бога.

Масала (*масала*) — смесь специй, используемая в индийской кухне.

Матх (*матха*) — миссия, миссионерская организация; небольшой монастырь.

Матхура (*Матхура*) — одна из основных обителей Господа Кришны, существующих и в духовном мире, и на Земле; название города и округа в индийском штате Уттар-Прадеш.

«**Махабхарата**» (*Махабхарата*) — эпическое произведение, написанное Шрилой Вьясадевой. 100 000 строф «Махабхараты» описывают историю вражды между Пандавами и Кауравами, которая завершилась битвой на Курукшетре. В состав «Махабхараты» входит «Бхагавад-гита».

Маха-мантра (*маха-мантра*) — великая песнь освобождения, *мантра*, которую ведические писания особо рекомендуют тем, кто живет в эту эпоху (Кали-югу): Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.

Махатма (*махатма*) — «великая душа», возвышенный преданный Господа.

Млеччхи (в ед.ч. *млеччха*) — нецивилизованные люди, которые обычно употребляют в пищу мясо. Не входят в ведическую систему общественного устройства.

Моунд — индийская мера веса, примерно тридцать семь килограммов.

Мриданга (*мрданга*) — глиняный барабан с двумя мембранами, используемый для аккомпанемента в *киртане*.

Мурти (*мурти*) — скульптурное изображение Господа, которому поклоняются в храме. См. Божество.

Навадвипа (*Навадвина*) — область в Западной Бенгалии, где родился Господь Чайтанья.

Наймишаранья (*Наимишаранья*) — священный лес в Центральной Индии; место, где Сута Госвами рассказал собравшимся мудрецам «Шримад-Бхагаватам».

Нама (*нама*) — имя.

Намаскар (*намаскара*) — индийское приветствие.

Нанда, Махараджа (*Махараджа Нанда*) — отец Кришны во Вриндаване, царь Враджа.

Нарада Муни (*Нарада Муни*) — великий преданный, один из сыновей Брахмы.

Нараяна (*Нарайана*) — экспансия Кришны, Господь на планетах Вайкунтхи в Своем четырехруком образе.

Нитьянанда (*Нитьянанда*) — воплощение Господа Баларамы, один из ближайших сподвижников Шри Чайтаньи Махапрабху.

Нрисимха (*Нрсимха*) — воплощение Верховного Господа в образе человекольва. Пришел на Землю, чтобы защитить Своего преданного Прахладу и убить великого демона Хираньякашипу.

Падаятра (*пада-йатра*) — пешее паломничество.

Пан (*пан*) — особая жевательная смесь с опьяняющим эффектом.

Пандавы — пять братьев, царей династии Куру: Юдхиштхира, Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева. Великие преданные и друзья Господа Кришны.

Пандит (*пандита*) — ученый, знаток Вед.

Панча-таттва (*панча-таттва*) — Господь Чайтанья и четверо Его ближайших спутников.

Парамахамса (*парамахамса*) — преданный Верховного Господа, достигший высочайшего духовного уровня; высшая ступень *санньясы*.

Парампара (*парампара*) — цепь духовных учителей.

Парсы — современные последователи зороастризма, древней религии, возникшей на территории Ирана в V веке до н.э.

Полубоги — правители вселенной и обитатели райских планет.

Прабхакар (буквально «светило, излучающий свет») — почетный титул, присуждаемый за большие познания в санскрите и философии.

Прабху — «господин», уважительное обращение к мужчине.

Прабхупада (*прабхупада*) — титул, означающий «духовный учитель, у лотосных стоп которого обрели прибежище все остальные».

Прасад (*прасада*) — милость Господа; освященная пища или какие-либо предметы, которые были поднесены Господу.

Преданный (*бхакта*) — преданный слуга Верховного Господа.

Пуджа (*пуджа*) — церемония поклонения Божеству в храме.

Пуджари (*пуджари*) — жрец, который служит Божествам и совершает обряды поклонения.

Пураны (в ед.ч. *пурана*) — священные писания, дополняющие Веды. В Пуранах описаны деяния Бога в разных Его воплощениях, а также деяния Его преданных и содержится множество духовных наставлений.

Пури (*Пури*) — священный город в штате Орисса, на восточном побережье Индии, обитель Господа Джаганнатхи.

Пури (*пури*) — лепешки из пшеничной муки, обжаренные в топленом масле.

Радха (*Радха*), **Радхарани** (*Радхарани*) — Верховная Богиня, женская ипостась Абсолюта, наивысшее олицетворение энергии Кришны и любви к Нему.

Радха-Дамодара (*Радха-Дамодара*) — Божества, которым поклонялся Джива Госвами; находятся во Вриндаване.

Радха-кунда (*Радха-кунда*) — священное озеро у холма Говардхана.

Радхаштами (*Радхаштами*) — День явления Шримати Радхарани.

Рамакришна — бенгальский религиозный деятель, учитель Вивекананды.

Рамачандра (*Рамачандра*) — воплощение Верховного Господа в образе идеального царя.

«**Рамаяна**» (*Рамайана*) — эпическая поэма Валмики Муни, в которой описаны деяния Господа Рамачандры.

Ратха-ятра (*Ратха-йатра*) — праздник, во время которого Господа везут в колеснице; наиболее известна Ратха-ятра Джаганнатхи, символизирующая возвращение Кришны во Вриндаван.

Рикша — средство передвижения, повозка, которую тянет человек.

Рудра — одно из имен Господа Шивы.

Рупа Госвами (*Рупа Госвами*) — один из шести Госвами Вриндавана, непосредственных преемников Шри Чайтаньи Махапрабху, систематизировавших Его учение.

Рупануга (*рупануга*) — последователь Рупы Госвами.

Сабджи (*сабджи*) — тушеные или жареные овощи.

Садху (*садху*) — святой человек.

Самадхи (*самадхи*) — состояние транса, когда йог полностью погружается в духовное бытие, разрывая все связи с материальным миром.

Самоса (*самоса*) — жареный пирожок с овощной или фруктовой начинкой.

Сампрадая (*сампрадаи*) — цепь духовных учителей, по которой передается ведическое знание. Существует четыре авторитетные вайшнавские *сампрадаи*: Брахма-сампрадая, Шри-сампрадая, Рудра-сампрадая, Кумара-

сампрадая, родоначальниками и покровителями которых являются, соответственно, Брахма, Лакшми, Господь Шива и Кумары.

Самсара (*самсара*) — цикл повторяющихся рождений и смертей, через которые проходит живое существо в материальном мире.

Санатана Госвами (*Санатана Госвами*) — один из шести Госвами Вриндавана, непосредственных преемников Шри Чайтаньи Махапрабху, систематизировавших Его учение.

Санатана-дхарма (*санатана-дхарма*) — предназначение всех живых существ, вечная религия, соответствующая их изначальному положению, преданное служение Верховному Господу.

Сандхи — (в санскрите) изменения звуков на стыке слов или частей слова.

Сандхья-арати (*сандхья-арати*) — вечерняя церемония поклонения Божествам. См. Арати.

Санкиртана (*санкиртана*) — совместное пение святых имен Бога.

Санньяса (*санньяса*) — отречение от мира; согласно Ведам, четвертый этап духовной жизни.

Санньяса-гуру (*санньяса-гуру*) — тот, кто дает посвящение в санньясу.

Санньяса-данда (*санньяса-данда*) — см. Данда.

Санньяси (*санньяси*) — человек, принявший санньясу, то есть давший обет до конца своих дней вести монашеский образ жизни.

Сари (*сари*) — традиционная одежда индийских женщин.

Свами (*свами*) — см. Госвами.

Свах! (*свах*) — возглас, сопровождающий подношение жертвенному огню.

Смарта (*смарта*) — строгий приверженец ведических ритуалов.

Субхадра (*Субхадра*) — сестра Господа Кришны, олицетворение Его внутренней энергии.

Суварна-ваник (*суварна-ваник*) — сословие торговцев золотом.

Танга (*танга*) — деревянная повозка, запряженная лошадью.

Тилак (*тилака*) — благоприятные знаки, которые преданные рисуют освященной глиной на лбу и других частях тела.

Томпкинс-сквер — парк в Нью-Йорке, в Нижнем Ист-Сайде.

Триданди-санньяса (*триданди-санньяса*) — санньяса, которую принимают вайшнавцы.

Туласи (*туласи*) — священное растение, которое чтят все приверженцы ведической культуры.

Туласи-мала (*туласи-мала*) — четки для повторения мантры, сделанные из священного дерева *туласи*.

Халава (*халава*) — сладкое блюдо, приготовленное из обжаренной в сливочном масле манной крупы.

Хануман (*Хануман*) — прославленный слуга Господа Рамачандры, один из предводителей войска обезьян, участвовавших в освобождении Ситы.

Харе Кришна мантра — см. Маха-мантра.

Харибол! — приветствие или восклицание, означающее: «Повторяйте имена Хари (Кришны)!»

«Хари-бхакти-виласа» (*Хари-бхакти-виласа*) — книга, написанная Санатаной Госвами и посвященная правилам жизни вайшнавов.

Харидас Тхакур (*Харидаса Тхакура*) — великий преданный и близкий сподвижник Господа Шри Чайтаньи Махапрабху, который ежедневно повторял триста тысяч имен Бога.

Хари-катха (*хари-катха*) — см. Кришна-катха.

Хари-киртан (*хари-киртана*) — прославление Верховного Господа Хари (Кришны) посредством пения Его имен.

См. также Киртан.

Хари-нама (*хари-нама*) — святое имя Господа.

Хатха-йога (*хатха-йога*) — физические и дыхательные упражнения для очищения и обуздания ума и чувств.

Химса (*химса*) — насилие.

Хинг — индийское название асафетиды, ароматной смолы, используемой в качестве специи.

Чадар (*чадар*) — шаль, накидка, плед.

«Чайтанья-бхагавата» (*Чаитанья-бхагавата*) — книга о детстве и юности Шри Чайтаньи Махапрабху, написанная Вриндаваном дасом Тхакуром.

Чайтанья-лила (*чаитанья-лила*) — деяния Господа Чайтаньи. См. Лилы.

Чайтанья Махапрабху (*Чаитанья Махапрабху*) — воплощение Кришны, цель которого — изведать высочайшую любовь к Богу и даровать ее всему миру.

«Чайтанья-чаритамрита» (*Чаитанья-чаритамрита*) — основное произведение о жизни и учении Шри Чайтаньи Махапрабху. Написано на бенгали Кришнадасом Кавираджей Госвами примерно четыреста лет назад.

Чакра — метательный диск, оружие Господа Вишну.

Чандни-Чоук — улица в Старом Дели.

Чapati (*чапати*) — тонкие лепешки из пшеничной муки грубого помола, которые пекут на открытом огне.

Чатни — острая подливка из овощей или фруктов.

Чаури-базар — торговая улица в Старом Дели.

Шалаграма (*Шалаграма*) — особая разновидность Божества Верховного Господа в виде небольшого округлого камня (как правило, черного).

Шанкарачарья (*Шанкарачарья*) — воплощение Господа Шивы, знаменитый ачарья, который после многих веков господства буддизма восстановил в Индии авторитет Вед. При этом он распространил философию

майявады, согласно которой всё, кроме безличного Абсолюта, является иллюзией.

Шастри (*шастри*) — знаток ведических писаний.

Шастры (в ед.ч. *шастра*) — священные писания.

«**Шат-сандарбха**» (*Шат-сандарбха*) — фундаментальный философский труд, в котором обосновывается учение Шри Чайтаньи Махапрабху; написан Дживой Госвами.

Шафрановые одежды — одежды оранжевого цвета, в которых обычно ходят мужчины, соблюдающие обет безбрачия (*брахмачари* и *санньяси*).

Шесть Госвами Вриндавана — непосредственные преемники Шри Чайтаньи Махапрабху, систематизировавшие Его учение: Санатана Госвами, Рупа Госвами, Рагхунатха дас Госвами, Рагхунатха Бхатта Госвами, Гопала Бхатта Госвами, Джива Госвами.

Шешашайи Вишну (*Шешашайи Вишну*) — Божество Господа Вишну, возлежащего на тысячеглавом змее Шеше.

Шива (*Шива*) — воплощение Бога. Одна из его функций в материальном мире — разрушение вселенной.

Шикха (*шикха*) — пучок волос, который мужчины-вайшнавцы оставляют на затылке.

Шлока (*шлока*) — санскритский стих.

Шраддха (*шраддха*) — ведический обряд в честь умерших родителей, призванный обеспечить им хорошую судьбу в следующей жизни.

Шри (*Шри*), **Шрила** (*Шрила*) формы почтительного обращения.

«**Шримад-Бхагаватам**» (*Шримад-Бхагаватам*) — самое полное изложение учения Вед, называемое «зрелым плодом дерева ведических писаний». Представляет собой комментарий Вьясадевы к его же «Веданта-сутре».

Шудры (в ед.ч. *шудра*) — рабочие; четвертое сословие в ведической системе общественного устройства.

Шукадева Госвами (*Шукадева Госвами*) — великий мудрец-преданный, сын Вьясадевы, рассказавший «Шримад-Бхагаватам» Махарадже Парикшиту.

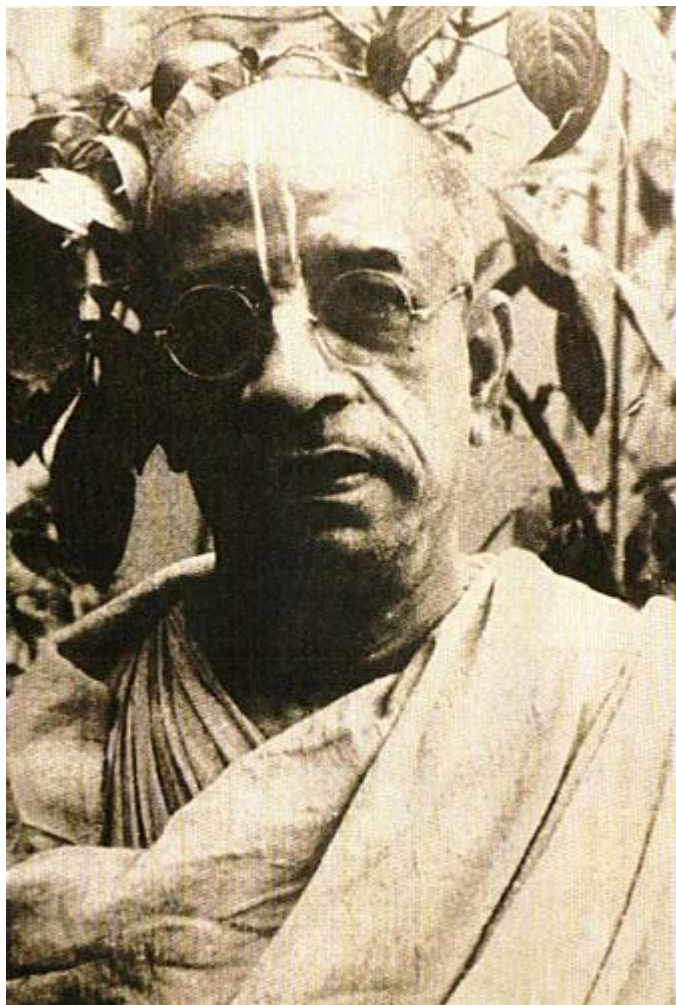
Шьяма-кунда (*Шьяма-кунда*) — священное озеро у холма Говардхана; находится рядом с Радха-кундой.

Яду (*Йаду*) — царский род, принадлежащий к Лунной династии, в котором явился Кришна.

Ямуна (*Йамуна*) — священная река, протекающая по Вриндавану.

Яшода (*Йашода*) — мать Кришны во Вриндаване, жена Махараджи Нанды.

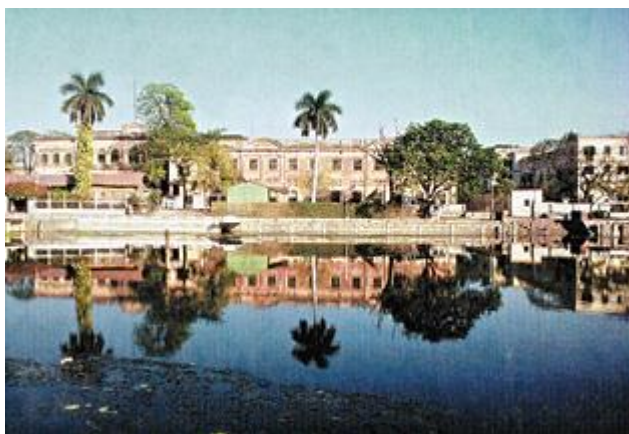
Иллюстрации

Его Божественная Милость
А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада
ачарья-основатель Международного общества сознания Кришны

С пяти лет Абхай организовывал детские Ратха-ятры. Спустя шестьдесят шесть лет он вынес этот праздник за пределы Индии, и Ратха-ятру стали с большим размахом проводить во многих странах Запада.

С 1916 по 1920 год Абхай учился в Колледже Шотландских церквей в Калькутте.

Божества Радхи-Говинды в Калькутте, которым Абхай поклонялся в детстве

Божества Радхи-Говинды в Калькутте, которым поклонялись многие поколения семьи Малликов

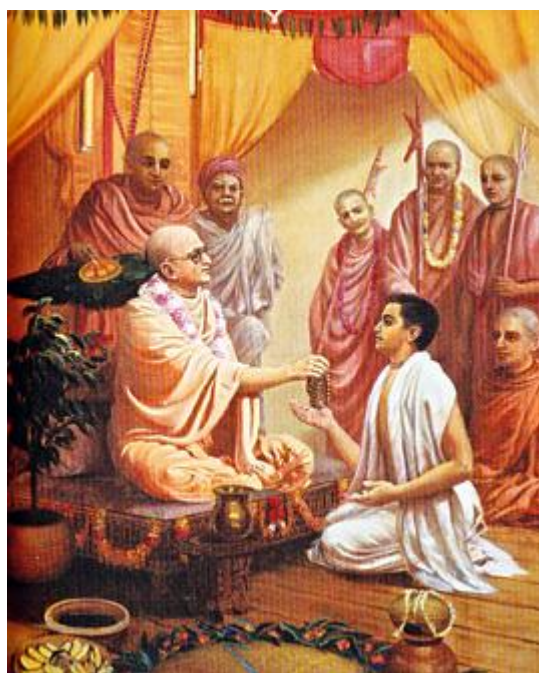

В 1922 году в Калькутте Абхай впервые встретился со своим духовным учителем, Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати.

Аллахабад, приблизительно 1924 год.

Сидят, слева направо: Абхай и его сын Праяг Радж, его отец Гоур Мохан, его старшая сестра Раджешвари со своей дочерью, Сулакшманой. *Стоят:* жена Абхая Радхарани, его племянник Туласи, его брат Кришна Чаран.

В 1932 году в Аллахабаде Его Божественная Милость Шрила Бхактисиддхант Сарасвати дал Абхаю духовное посвящение.

Аллахабад, 1930 год, после смерти Гоура Мохана Де (его портрет расположен в центре)

Слева направо: Абхай, Кришна Чаран.

На полу сидят: Праяг Радж, Бриндабан, Сулакшмана.

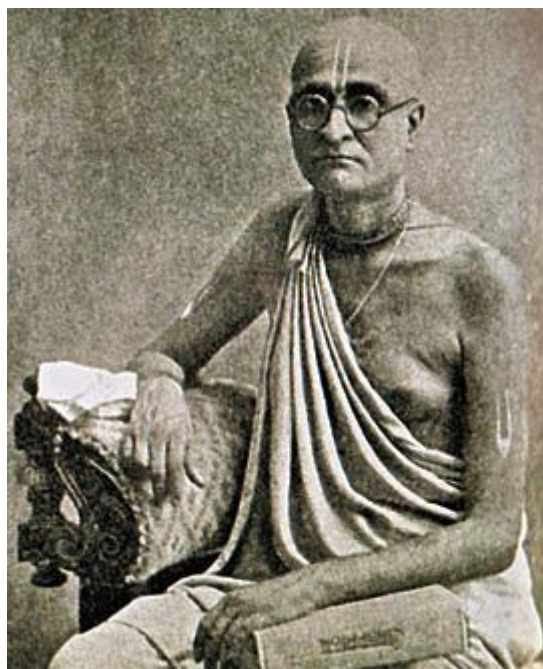
Реклама одного из лекарственных средств, выпускавшихся лабораторией Абхая

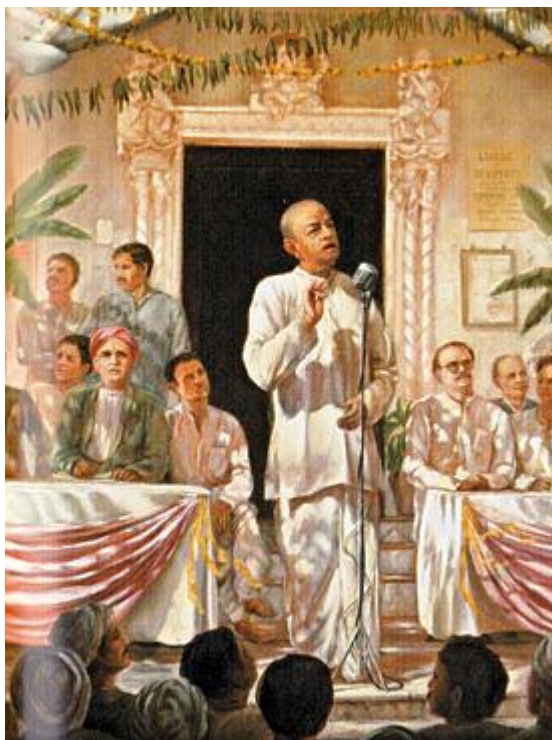
Эту фотографию Шрилы Бхактисиддханты Сарасвати Абхай использовал для оформления заголовка журнала «Бэк ту Годхед».

В ноябре 1935 года на Радха-Кунде Шрила Бхактисиддханта Сарасвати сказал Абхаю: «Если у тебя когда-нибудь будут деньги, печатай книги».

Его Божественная Милость
Шрила Бхактисиддханта Сарасвати Тхакур

В начале 1950-х годов в Джханси Абхай попытался создать Лигу преданных, международную вайшнавскую организацию.

Начиная с 1956 года Абхай распространял свой журнал «Бэк ту Годхед» в Нью-Дели

Здания в Джханси, принадлежавшие в 1953 году Лиге преданных

Алтарь в храме Кешаваджи Матхура. В 1955 году Абхай подарил этому храму Божество Господа Чайтаны (на фотографии — слева).

17 сентября 1959 года.

День принятия санньясы.

Слева направо: Муни Махараджа, Бхактипрагьяна Кешава Махараджа, А.Ч. Бхактиведанта Свами Махараджа

Комната Бхактиведанты Свами в храме Радхи-Кришны в Чиппиваде, Нью-Дели, которой он пользовался как офисом во время работы над изданием «Шримад-Бхагаватам»

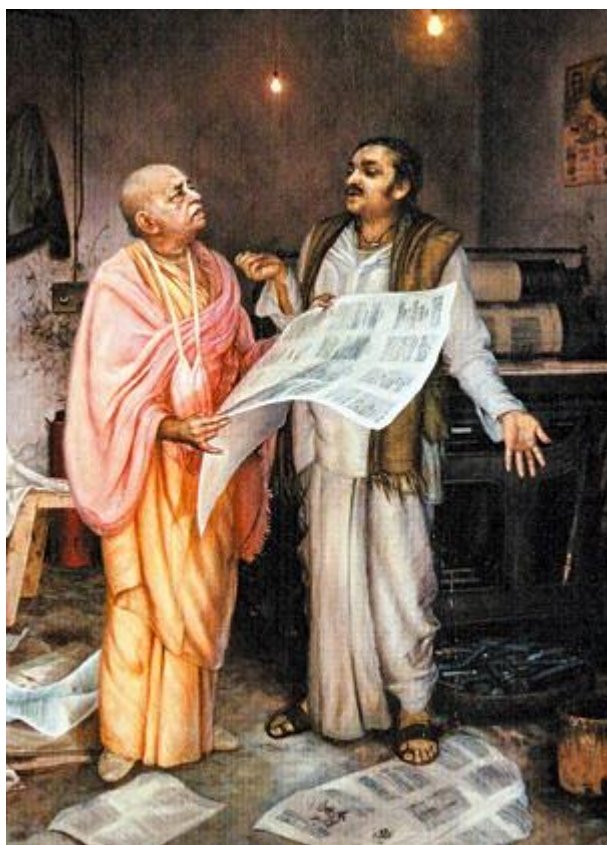
А.Ч. Бхактиведанта Свами и премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри у здания парламента в Нью-Дели в июне 1964 года

Станок, на котором в 1962 году печатался первый том «Шримад-Бхагаватам»

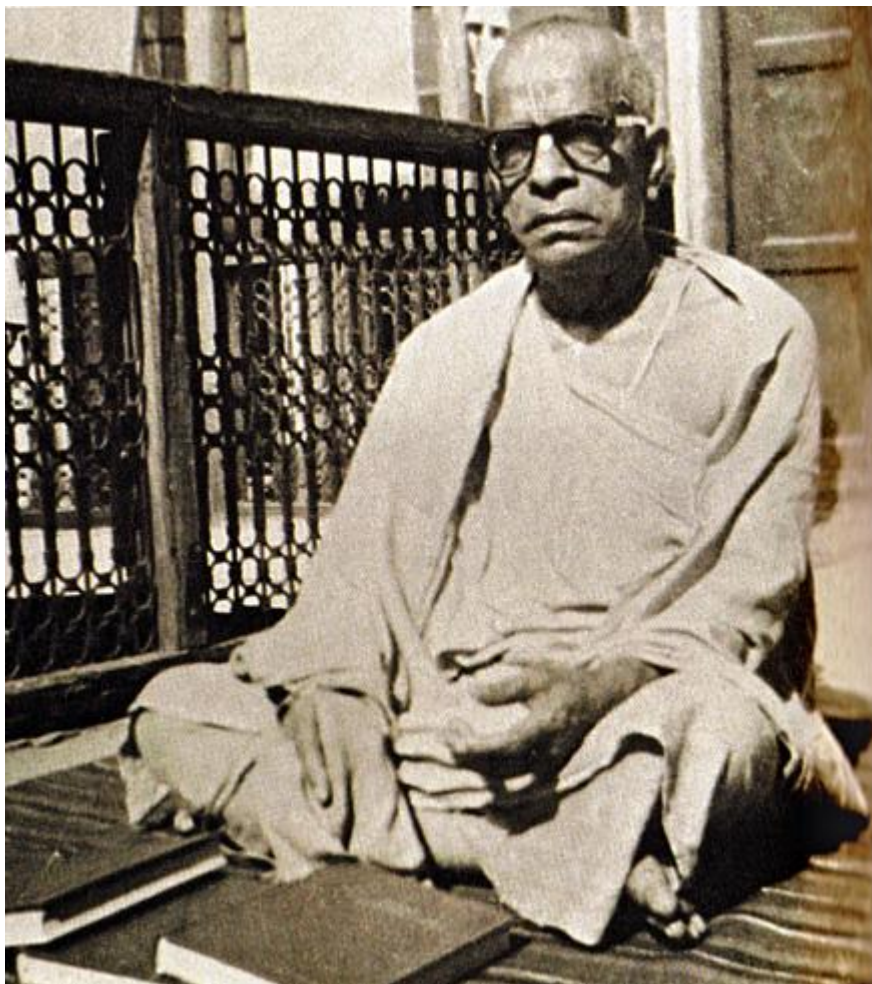
Кухня А.Ч. Бхактиведанты Свами в храме Радхи-Дамодары. Отсюда он мог видеть *самадхи* Рупы Госвами.

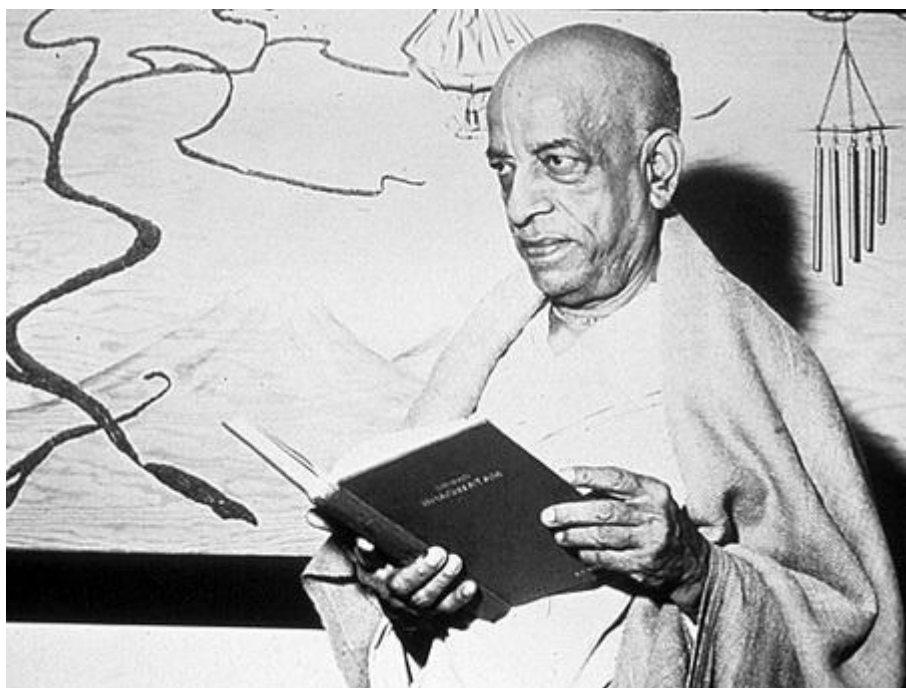
В период с 1962 по 1965 год А.Ч. Бхактиведанта Свами перевел с санскрита, снабдил подробным комментарием и напечатал в трех томах Первую песнь «Шримад-Бхагаватам».

Обложка первого тома Первой песни «Шримад-Бхагаватам», изданного в Индии в 1962 году

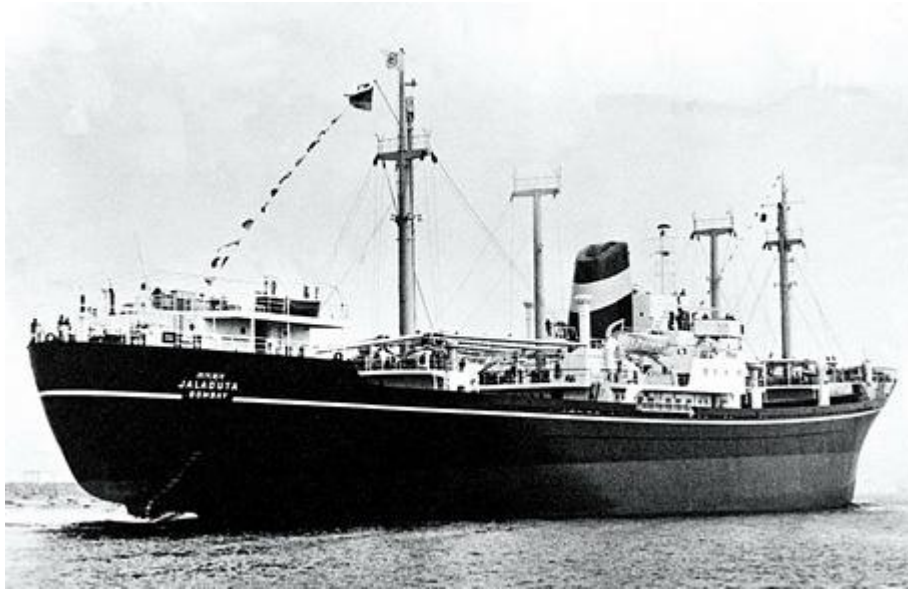
Начало 1965 года. А.Ч. Бхактиведанта Свами только что закончил работу над английским переводом Первой песни «Шримад-Бхагаватам» и комментарием к ней.

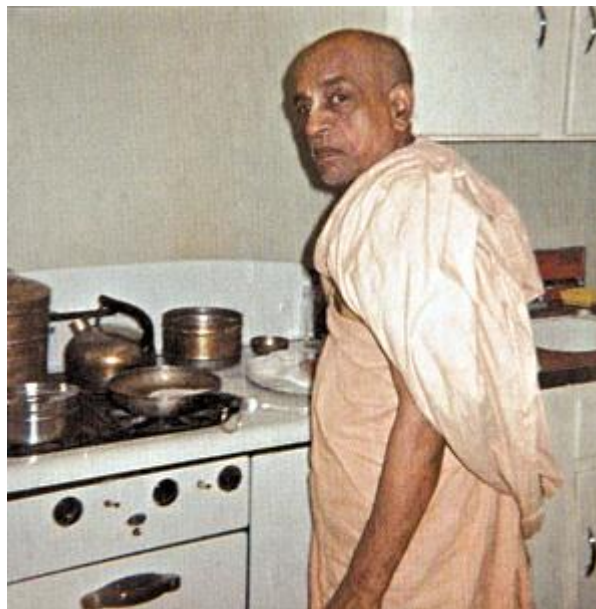
Снимок из газеты «Батлер игл» от 22 сентября 1965 года. Это было первое сообщение о Шриле Прабхупаде в западной прессе.

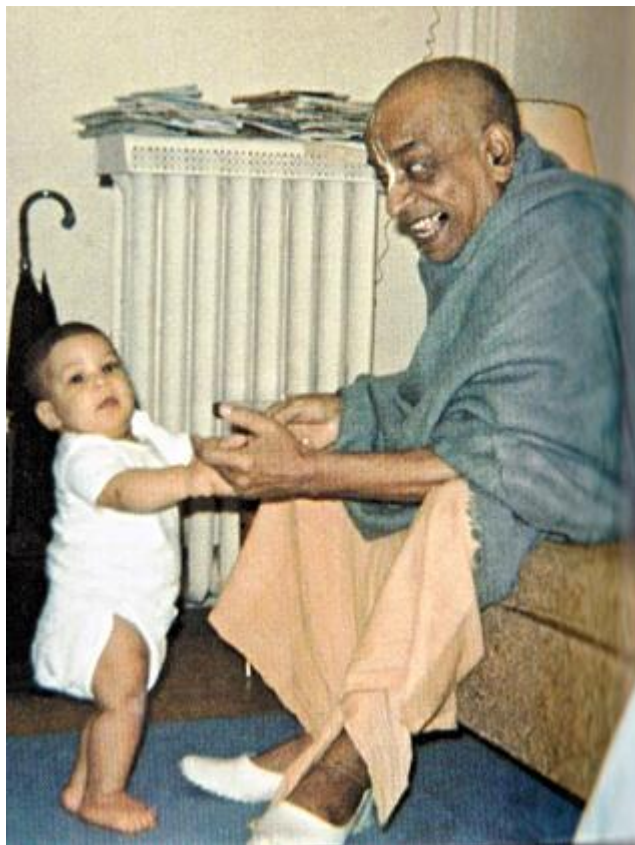
Паспорт Шрилы Прабхупады

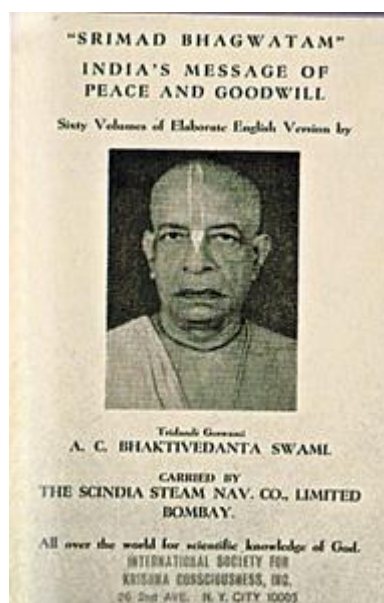
«Джаладута». «Если бы Атлантический океан показал свое обычное лицо, я бы, наверное, умер. Но Господь Кришна заботился о нашем корабле» (из дневниковых записей Шрилы Прабхупады на борту «Джаладуты»).

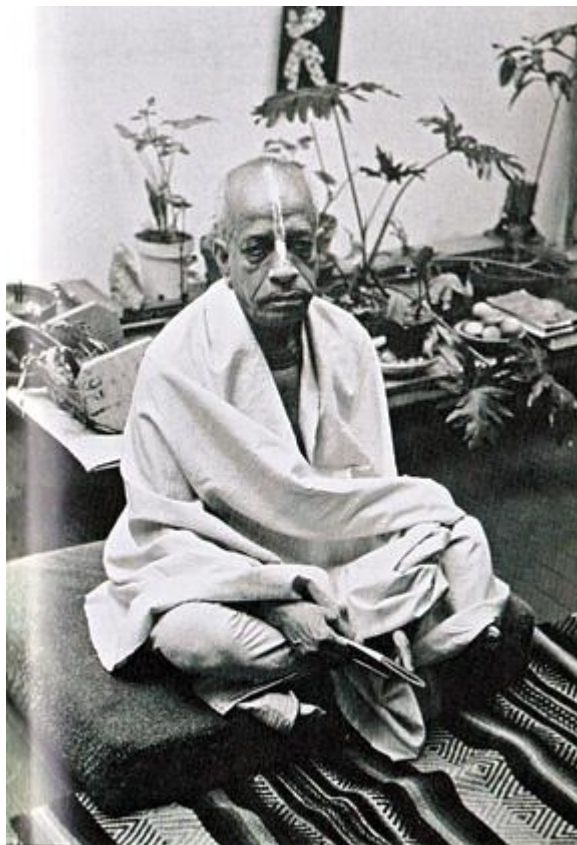
Шрила Прабхупада готовит обед на кухне Салли Агравал. «Он сам варит себе еду в медной кастрюле с отдельными секциями для одновременного приготовления на пару риса, овощей и „хлеба“».

«Он видел, как Бридж впервые встал на ножки... Это был праздник!»

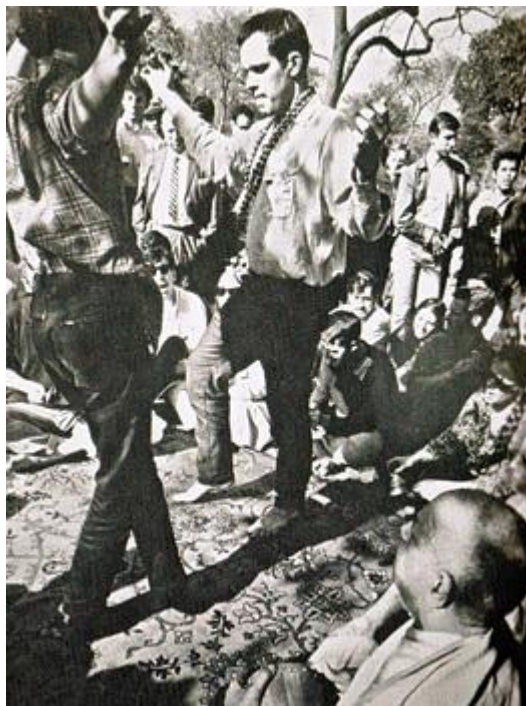
Листовка, которую А.Ч. Бхактиведанта Свами привез с собой в Америку на борту «Джаладуты»

Шрила Прабхупада на Бауэри, 1966 год. Снимок для июньского выпуска газеты «Вилледж войс», сделанный Фредом Макдарра

Вход в дом номер 94 на Бауэри

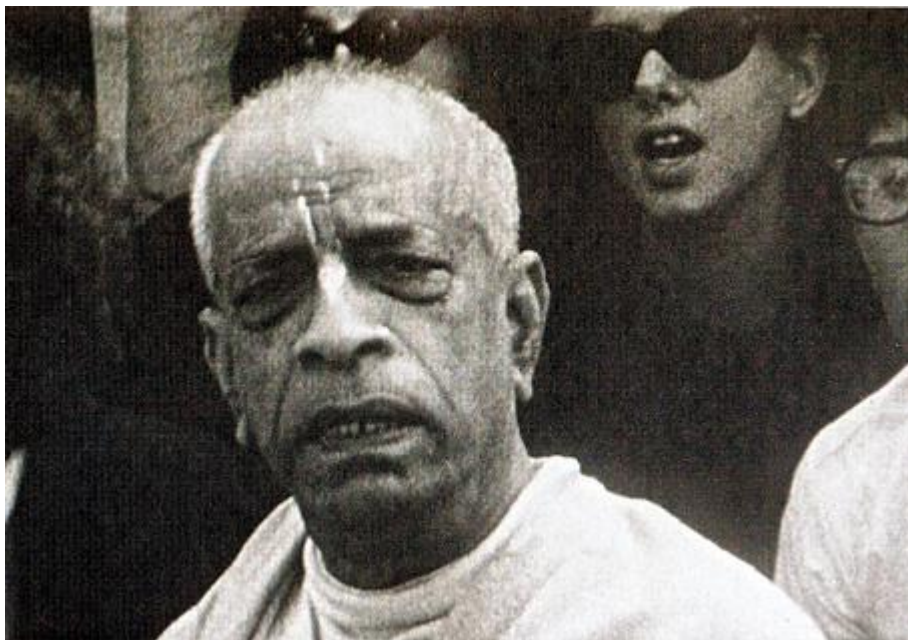
Снимок из «Нью-Йорк таймс» от 10 октября 1966 года. «Последователи Свами танцуют в парке, чтобы ощутить экстаз».

В магазинчике «Бесценные дары». Слева направо: Джадурани, Гаргамуни и Брахмананда

Шрила Прабхупада преподает своим последователям азы сознания Кришны, читая лекции по «Бхагавад-гите» и проводя *киртаны*.

На Бхактиведанту Свами стоило посмотреть! Он старался петь громко, его брови были сдвинуты, лицо напряжено, вены на висках вздулись, а нижняя челюсть выступала вперед, когда он пел: „Харе Кришна! Харе Кришна!“ — так, чтобы слышали все. В его облике было нечто необыкновенно притягательное, внушавшее симпатию. При этом он вкладывал в пение все силы, так что иногда оно становилось напряженным, и весь вид его говорил о предельной сосредоточенности».

Октябрь 1966 года. *Киртан* на Томпкинс-сквер. «Выбрать Нижний Ист-Сайд — какая доброта, и смирение, и разум!»

Шрила Прабхупада во дворе дома номер 26 по Второй авеню

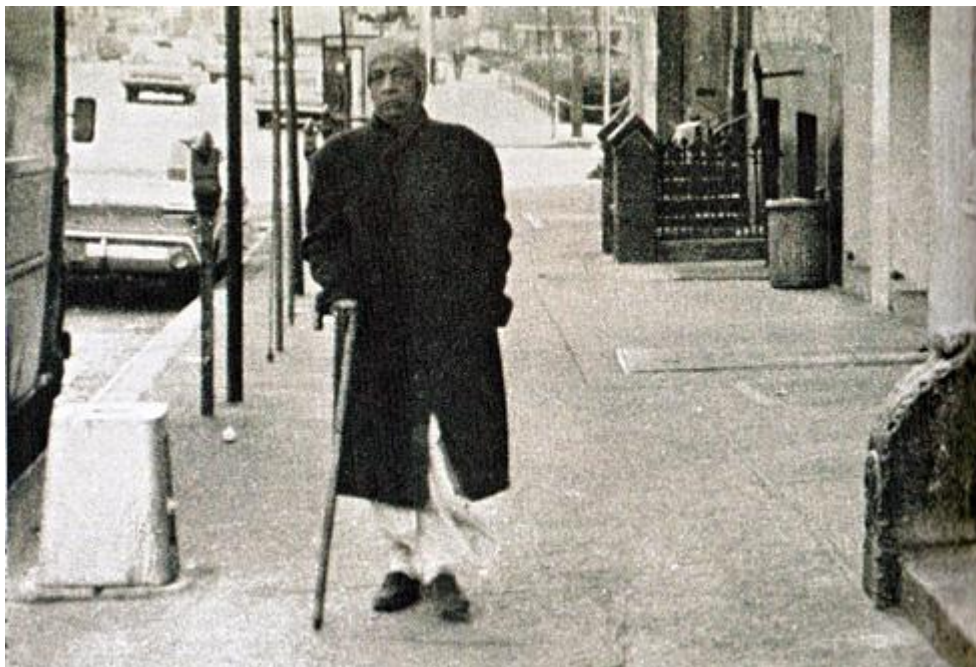
Двор дома номер 26 по Второй авеню. Три окна слева на втором этаже — окна комнаты Шрилы Прабхупады.

Гости сходятся на вечерний *киртан* в дом номер 26 по Второй авеню. «Раньше это была антикварная лавка. Над витриной красовалась вывеска „Бесценные дары“».

«Никто не понимал, что он делает, хотя происходило это каждый вечер... Между собой ребята прозвали эту церемонию „колокольчики“».

Зима 1966 года. Шрила Прабхупада в Нижнем Ист-Сайде

Статья в газете «Другой Ист-Вилледж», посвященная первому киртану Шрилы Трабхупады на Томпкинс-сквер

notes

Примечания

Мусульманские кварталы. — *Примеч. ред.*

«Акт Роулетта» — британский закон, призванный установить на вечные времена законы военного времени, закрепленные в «Акте о защите Индии» 1915 года. Он предполагал вынесение приговоров без суда и следствия и носил явно репрессивный характер. «Акт» вызвал сильнейшее возмущение в народе Индии и привел к возникновению движения гражданского неповиновения во главе с Ганди. Акт Роулетта так и не вступил в силу. — *Примеч. ред.*

Хармонист — композитор, аранжировщик, знаток музыкальной гармонии (*англ.*). По замыслу издателей, это название должно было привлечь внимание интеллектуалов, беспокоящихся о судьбах мира и мечтающих о «всеобщей гармонии». — *Примеч. ред.*

Мухаммед Гхори (Гури) (?-1206) — завоеватель, объединивший под своей властью большую часть Афганистана и Северной Индии. — *Примеч. ред.*

Тиффин — плотно закрытая посуда для переноски и хранения готовой еды (*англ. жарг.*). — *Примеч. ред.*

Чайтанья Махапрабху предсказывал: «Мое имя будет звучать по всему миру, в каждом городе и каждой деревне». — *Примеч. автора.*

Полный текст молитвы см. в [Приложениях](#).

Полный текст молитвы см. в [Приложениях](#).

Ньюарк — пригород Нью-Йорка. — *Примеч. пер.*

J. K. Organization — группа промышленных компаний с главным управлением в Дели, основанная в 1918 году семьей Сингхания. Название образовано инициалами имен Камлапатджи, борца за независимость Индии, и его отца Джаггилала. — *Примеч. ред.*

Via media — средний путь (*лат.*).

Туманный горн — звуковой сигнал, подаваемый с берега, чтобы не позволить кораблю заблудиться в тумане. — *Примеч. ред.*

Женщина хочет уточнить, поскольку английское слово *secret*, «скрытые», звучит похоже на *sacred*, «святые». — *Примеч. пер.*

Кламы — любые съедобные моллюски, за исключением устриц, мидий и гребешка. — *Примеч. ред.*

Эвфемизм — слово или выражение, служащее для обозначения понятия, которое считается неприличным или неуместным. — *Примеч. ред.*

Бонго (*исп.* bongo) — кубинский ударный инструмент: небольшой сдвоенный барабан африканского происхождения. Играют на бонго обычно сидя, удерживая его зажатым между икрами. — *Примеч. ред.*

Конга — латиноамериканский ударный инструмент, представляет собой вытянутую по высоте бочку, с одного торца которой натянута кожаная мембрана. Обычно играющий на конгах использует установку из двух или трех барабанов разного размера. — *Примеч. ред.*

Стробоскоп — прибор, позволяющий видеть движущийся объект неподвижным; содержит импульсный источник света с регулируемой частотой вспышек и оптический затвор. — *Примеч. ред.*

Табла — индийский ударный музыкальный инструмент, небольшой парный барабан. — *Примеч. ред.*

Фирменное блюдо (*франц.*). — *Примеч. ред.*

Воен. «День начала операций». — примеч. ред.

Конга — здесь афро-кубинский танец в быстром темпе; получил свое название по музыкальному инструменту, барабану конга. — *Примеч. ред.*

Хеппенинг — вид искусства, в котором произведением искусства является происходящее «здесь и сейчас» событие. — *Примеч. ред.*

Делалось это так: на вещи завязывали несколько узлов, затем варили вещь в красителе, полоскали и сушили. Когда узлы развязывали, на их месте получались неровные круги. — *Примеч. автора.*

Соул — джазовый стиль, близкий к блюзу, отличающийся настроением печали. — *Примеч. ред.*

«Студенты за демократическое общество» — американская студенческая организация, достигшая своего расцвета в середине и конце шестидесятых годов XX века, известная своим активным протестом против вьетнамской войны. — *Примеч. пер.*

Роши — учитель (яп.). — *Примеч. ред.*

Мимеограф (ротатор) — аппарат для размножения машинописного или рукописного текста небольшими тиражами с помощью трафарета, натянутого на цилиндр. — *Примеч. ред.*

Перевод С. Маршака.

Крейн Харт (1899-1932) — американский поэт, стихи которого пользовались большой популярностью среди молодежи 60-70-х годов. Был близок футуристам, в стихах воспевал город, тяготел к архаической лексике и усложненному синтаксису. — *Примеч. ред.*

Реверберация (от *ср.-век. лат.* reverberatio, «отражение») —
послезвучание, сохраняющееся после выключения источника звука. —
Примеч. ред.

SRC — «Комиссия по реорганизации штатов» (States Reorganisation Commission), комиссия, созданная правительством Индии для разработки проекта по изменению границ индийских штатов. — *Примеч. ред.*

Список может быть неполон. Даты в ряде случаев приблизительны. —
Примеч. ред.

Работа представляет собой перевод на английский язык нескольких глав «Чайтанья-чаритамриты» и ряд эссе, тематически соответствующих этим главам. — *Примеч. ред.*

Эти слова произнес Махараджа Прахлада, обращаясь к Господу Нрисимхадеве (Бхаг., 7.9.28).